В. В. Сиповскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть II.

(Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина).

Изданіе четвертое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. БАШМАКОВА и К°.
[illegible]

Гессинъ

Гисинъ

1918 г.

Изданія Я. БАШМАКОВА и К°.

РУКОВОДСТВА И ПОСОБІЯ

Профессора В. В. Сиповскаго.

СОКРАЩЕННЫЙ КУРСЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Для женскихъ учебныхъ заведеній, реальныхъ и коммерческихъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ. Въ 2-хъ частяхъ. Часть 1-ая ц. въ переплетѣ 1 р.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть I. Выпускъ 1-й: НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Изданіе 5, стереотипное. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Часть I. Выпускъ 2-й: ИСТОРІЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ОТЪ НАЧАЛА ДО XVIII ВѢКА. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО ПУШКИНА. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 1-й: ИСТОРІЯ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изданіе 3. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-ой: ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТ. 40—60-хъ ГОДОВЪ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ *руководства* въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр.; вслѣдствіе такого постановленія допущено въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Примѣнительно къ „Исторіи русской словесности“.

Томъ 1, вв. 1—2, т. 2, вв. 1—5 и т. 3, вв. 1, 2 и 3 *допущены* Ученымъ Комит. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ *учебнаго пособія* въ средне-учебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. Императрицы Маріи и учебн. зав. Мин. Торгов. и Промышлен.

Томъ I. Выпускъ 1-ый: НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Изд. 5. Ц. въ перепл. 90 к.

Томъ I. Вып. 2-ой: РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ СЪ XI ДО XVIII В. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII-го В. Изданіе 4. Ц. въ перепл. 80 к.

Томъ II. Вып. 1-ый: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII—XIX В. Изданіе 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Выпускъ 2-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XIX В. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Выпускъ 3-ій: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XIX В. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Вып. 4-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 20—30-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Пушкинъ и Гоголь. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-ый: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 30—40-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. 1-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—60-хъ ГОДОВЪ XIX В. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2 Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—60-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. 2 Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60—70-хъ ГОДОВЪ XIX В. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и А. Фетъ. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Томъ III. Вып. 4-ый: РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX В. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Цѣна въ папкѣ 50 к. **Содержаніе: ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ В. В. СИПОВСКАГО. ПУШКИНЪ:** Народность, гуманность и художественность—отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. **ГОГОЛЬ:** Повѣсти. Ревизоръ. **ЛЕРМОНТОВЪ:** Стихотворенія. **КОЛЬЦОВЪ:** Стихотворенія. **МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРѢ.** Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РОМАНА. Томъ I. Вып. 1-й и 2-й. Цѣна 7 руб.

Готовится къ печати и печатаются:

М. В. Ломоносовъ. Сборникъ статей.
Избранныя сочиненія, съ біографіей о Ломоносовѣ.

Труды В. Д. Сиповскаго.

1) **ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ.** Географическій обзоръ древней Греціи. Сказаніе о богахъ. Сказаніе о герояхъ. Сказаніе о Троянской войнѣ. Разсказы изъ Иліады. Разсказы изъ Одиссеи. Нравы и бытъ героическаго времени. Съ 50 политипаж. въ текстѣ и однимъ на отдѣльн. листѣ. Изданіе 4-е. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія для мужск. гимназ. и прогимн., а также въ учен. библ. средн. учебн. зав. Ц. 75 к.

2) **СОКРАТЪ И ЕГО ВРЕМЯ.** Съ рис. Изд. 3. Цѣна на лучшей бумагѣ въ папкѣ, для подарковъ 1 р., на простой бумагѣ 40 к.

3) **О ШКОЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНѢ.** Изданіе 2. Ц. въ папкѣ 20 к.

4) **ИЗБРАННЫЯ ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СТАТЬИ**—печатаются.

КАРИНСКІЙ, Н. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Часть 1. Древнѣйшіе памятники. Изданіе 2, исправленное. 1911 г. ц. 1 р. 50 к.

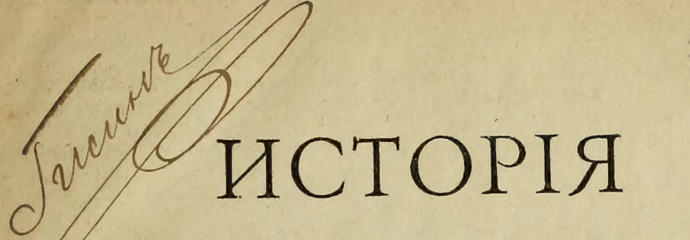
МАРТЫНОВСКІЙ, В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Жуковскій. Крыловъ. Аксаковъ. Кольцовъ. Григоровичъ. Достоевскій. Пушкинъ. Лермонтовъ. Тургеневъ. Майковъ. Л. Толстой. Никитинъ. Соловьевъ. Плещеевъ. Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительномъ, 1 и 2 классахъ средне-учебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Приложенія: Произведенія народной словесности. Указатель объясненныхъ въ книгѣ словъ и оборотовъ. Церковно-славянскій текстъ. Томъ 1-й съ удареніями. Изд. 24, стереотипн., съ приложеніемъ 14 портретовъ писателей и автографовъ ихъ. Ц. 1 р. 25 к, *Доп. Мин. Нар. Пр.*

— То же. Пушкинъ. Гоголь. Лермонтовъ. Тургеневъ. Л. Толстой. Майковъ. Гончаровъ. Ломоносовъ. Дмитріевъ. Державинъ. Фонвизинъ. Карамзинъ. Жуковскій. Книга для занятій въ 3 и 4 классахъ средне-учебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Съ приложеніями. Томъ 2-й съ удареніями. Изд. 20, съ приложеніемъ 13 портретовъ писателей и автографовъ ихъ. Ц. 1 р. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.*

— То же. Безъ удареній. Ц. каждому тому по 1 р. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.*

— То же. Томъ 3. Книга для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ средн.-уч. зав. Изд. 7. Ц. 1 р. 85 к. *Доп. М. Н. Пр.*

МИЛОВИДОВЪ, А. Изъ родной поэзіи. Литературная хрестоматія. Образцы классной разработки произведеній на урокахъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія. Изданіе 3, заново переработанное, дополненное. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 1 р. 25 к. Изд. 1-е. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.—Доп. Св. Сѵн.*



ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ II.

(Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина).

Примѣнительно къ Исторической Хрестоматіи т. II, вып. 1, 2, 3.

СОСТАВИЛЪ
В. В. Сиповскій.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изданіе 1-ое **допущено** Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго **руководства** въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія оно допускается въ качествѣ руководства въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи Θеодоровны.

Цѣна 1 руб. 20 к. въ переплетѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1911.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская, 40.

Предисловіе къ 1-ому изданію.

Въ предисловіяхъ къ 1-му и 2-му выпускамъ I-й части моей „Исторіи русской словесности“ я выяснилъ тѣ принципы, которые положены въ основу составленнаго мною учебника,—тѣ же принципы сохранены мною и при составленіи II-й части. Различіе заключается въ томъ, что если оба выпуска I-й части, главнымъ образомъ, компилятивнаго характера, то нынѣ выпускаемая въ свѣтъ II-я часть, во многихъ своихъ отдѣлахъ, есть результатъ моихъ собственныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ, или находящихся еще въ рукописномъ видѣ; оригинальнымъ въ ней надо признать и распредѣленіе литературнаго матеріала по „направленіямъ“ и по „жанрамъ“. Въ этой II-ой части уже намѣчается все построеніе моего курса: въ центрѣ его стоитъ Пушкинъ,—что̀ до него, то его подготовляетъ; что̀ послѣ него—его развиваетъ. Слѣдующая III-я часть должна еще яснѣе доказать это центральное положеніе нашего великаго писателя въ исторіи родной литературы: вліянія народной поэзіи, древней письменности и новой литературы XVIII в. создали Пушкина и Гоголя,—эти же вліянія сохранили свою силу на всѣхъ тѣхъ писателяхъ XIX в., которые продолжили великое дѣло Пушкина. Такое построеніе всего курса кажется мнѣ строго-„историко-литературнымъ“: въ немъ все будетъ объединено, каждый отдѣлъ вытекаетъ одинъ изъ другого... Только такія „построенія“ и создаютъ въ школѣ „интересъ“ къ предмету, а безъ „интереса“ учащихся не будетъ пользы отъ ученія. Мнѣ приходилось не разъ слышать, какъ учащіеся и даже сами учащіе жалуются, что

древняя литература и литература XVIII в. „неинтересны". мнѣ кажется, что это объясняется только тѣмъ, что наши оффиціальныя программы донынѣ не только не давали руководящей идеи для „построенія" историческаго курса, но даже дѣлали все, чтобъ помѣшать существованію такой идеи. Конечно, гг. преподаватели, которые, за свой страхъ, выходили изъ рамокъ оффиціальныхъ программъ, вѣроятно, не скучали, проходя съ учениками „скучные" отдѣлы,—вѣроятно, и ученики находили „интересъ" въ ихъ урокахъ, когда каждое, повидимому, случайное, оторванное явленіе, пріобрѣтало, въ объясненіяхъ такого учителя, *историческій смыслъ*, но, надо сознаться, что такія самостоятельныя „расширенія" программы часто бывали очень затруднительными. Одно изъ первыхъ и главныхъ—отсутствіе подходящихъ пособій. Хотѣлось бы думать, что, выпуская составленный по новой программѣ учебникъ, я этимъ слабымъ опытомъ иду навстрѣчу назрѣвшей потребности нашей школы сдѣлать болѣе „интереснымъ" изученіе историческихъ судебъ родного слова.

Предисловіе ко 2-ому изданію.

Выпуская нынѣ въ свѣтъ **второе**, исправленное и дополненное изданіе II-ой части моей „Исторіи русской словесности", считаю своимъ долгомъ выразить свою благодарность всѣмъ тѣмъ, кто сдѣлалъ мнѣ письменныя или устныя указанія на промахи перваго изданія.

Къ существеннымъ измѣненіямъ, введеннымъ мною во второе изданіе этой части, относится, главнымъ образомъ, устраненіе **дробности** въ содержаніи книги. Благодаря существенной перестройкѣ схемы моей книги, характеристика крупныхъ писателей XVIII-го и начала XIX-го вѣка является теперь болѣе цѣльной и не разбрасывается на нѣсколько отдѣловъ, какъ это было въ первомъ изданіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

*) Въ текстѣ по ошибкѣ поставленъ § 139 и всѣ дальнѣйшіе §§ обозначены цифрами, на *десять* превышающими настоящую.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

V. Петровскій періодъ русской литературы [1]).

Закономѣрное и случайное въ жизни и исторіи.

§ 1. *Закономѣрное и случайное въ жизни и исторіи.* Въ жизни всего общества и въ дѣятельности всякаго отдѣльнаго человѣка надо различать элементъ «закономѣрности» и элементъ «случайности». Изъ совокупности этихъ двухъ силъ слагается дѣятельность отдѣльнаго лица и цѣлаго общества; этой совокупностью опредѣляется смыслъ всякаго историческаго явленія, выясняется сущность всего историческаго прогресса,— этого органическаго соединенія безсознательныхъ и сознательныхъ усилій отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, «закономѣрное» и «случайное» входитъ во всякое крупное и мелкое событіе. Въ жизни обыкновенныхъ, мелкихъ людей трудно замѣтить въ ясномъ сочетаніи оба эти элемента прогресса: здѣсь «закономѣрность» не поддается опредѣленію,—для современника почти невозможно ее уловить,—для историка же жизнь всякой мелкой единицы тонетъ въ сумракѣ прошлаго, для его наблюденій остается *масса* и болѣе *крупные дѣятели.* Вотъ почему въ жизни массъ, и особенно въ жизни крупныхъ дѣятелей, выражающихъ собою эпохи, собирающихъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, долголѣтнія усилія массъ,— «закономѣрность» и замѣтнѣе, и рельефнѣе.

a) Закономѣрное.

«Случайностью» во всякой человѣческой дѣятельности будетъ ея форма, будутъ ея частности,—однимъ словомъ, все то, что носитъ характеръ «индивидуальности» [2]).

b) Случайное.

Итакъ, личности въ исторіи предоставленъ широкій просторъ: не измѣняя сущности міровыхъ законовъ развитія, тяготѣющихъ надъ всѣмъ

---

[1]) Въ предыдущихъ выпускахъ моей „Исторіи" охарактеризованы *четыре* періода древнерусской письменности,—Петровскій будетъ *пятый.*

[2]) Творецъ эволюціонной теоріи Дарвинъ и въ мірѣ естественномъ указалъ на явленіе „идіосинкразіи",—наличность той случайности, которая, не мѣняя общихъ законовъ развитія, придаетъ отдѣльнымъ случаямъ своеобразный, имъ лично присущій, характеръ. Страстный поклонникъ эволюціонизма Брюнетьеръ на этомъ явленіи строитъ свою теорію о значеніи личности въ исторіи. „Индивидуальность, говоритъ онъ, это—совокупность такихъ достоинствъ и недостатковъ, которые дѣлаютъ индивидуума единственнымъ въ своемъ родѣ; индивидуальность, вносимая какимъ-нибудь человѣкомъ въ исторію, есть то, чего не существовало до него, не существовало бы безъ него, но будетъ существовать послѣ него" (F. Brunetière, „L'évolution des genres dans l'hist. de la lit.", 22).

человѣчествомъ, не будучи въ состояніи убивать, или творить жизнь общества,—она, эта личность, можетъ задерживать, или ускорять вѣчное поступательное движеніе исторіи, можетъ накладывать свои индивидуальныя черты на современность. Къ этому только и сводится ея активная историческая роль.

Закономѣрное и случайное въ реформѣ Петра.

Развивая мысль, скрытую въ словахъ акад. Пыпина: «Петръ Великій былъ только завершеніемъ давнихъ стремленій; по существу, поставленныя имъ задачи и самые пути ихъ исполненія не были новы; новой была только та энергія, которую онъ вложилъ въ свое дѣло»—мы безъ труда отдѣлимъ въ его великой дѣятельности «старое», давно намѣченное исторіей, *закономѣрное*,—и «новое», лично ему присущее—*случайное*. Ясно изъ этого, что «случайностью» въ реформѣ Петра было все, связанное съ нимъ, какъ съ личностью. Напримѣръ, то обстоятельство, что стремленіе къ новшествамъ въ его лицѣ соединилось съ царской властью,—съ его личными качествами: яснымъ сознаніемъ, желѣзною волею, съ его талантами административными и военными. Конечно, и до Петра были люди, не менѣе его сочувствовавшіе реформамъ, но многіе изъ нихъ не были вооружены могуществомъ царской власти, и потому потонули безслѣдно въ толпѣ,—другіе и стояли у власти (напр. В. Голицынъ), но не имѣли талантовъ Петра,—и они исчезли, оставивъ о себѣ лишь неясную память. Счастливая *случайность* соединила въ лицѣ Петра все, что было нужно для проведенія реформы въ жизнь.

Всѣ эти обстоятельства обезпечили за его великимъ дѣломъ реформы энергичное существованіе, но въ то же время наложили на нее печать порывистой, рѣзкой личности Преобразователя, безпощаднаго къ старинѣ, не робѣющаго предъ будущимъ.

Историческое значеніе эпохи Петра В.

§ 2. Христіанство и Возрожденіе были двумя основными моментами, своеобразно опредѣлившими главныя особенности цивилизаціи Европы. Въ Россіи этимъ моментамъ соотвѣтствуютъ эпохи Св. Владимира и Петра Великаго.

Современники и сотрудники Петра В.

Это возрожденіе подготовлялось у насъ съ конца XVI в., прояснилось въ XVII в. и въ концѣ этого вѣка выдвинуло немало видныхъ дѣятелей. Одни изъ нихъ тяготѣютъ къ старому (напр., Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій),—другіе стоятъ на самомъ переломѣ къ новому (царевна Наталья),—наконецъ, найдутся и такіе (напр., Ѳеофанъ Прокоповичъ), которые станутъ рѣшительно за жизнь новую. Всѣ названные дѣятели сложились, болѣе или менѣе, самостоятельно,—эпоха Петра нашла ихъ уже вполнѣ готовыми, такъ какъ они сложились подъ тѣми же вліяніями, что и онъ самъ; они — отчасти его предшественники, затѣмъ союзники и, наконецъ, ученики...

Вліяніе Петра В. на

„Учениками"—они, старшіе предшественники Преобразователя, сдѣлались потому, что были покорены его могучей „лич-

ностью“: онъ самовластно забралъ въ свои руки историческое дѣло реформы,—и закономѣрное теченіе исторіи, величественно-медленное, направилъ по искусственному руслу, ускорилъ это теченіе, придалъ ему тревожный, нервный ходъ... Въ этомъ была историческая заслуга Петра передъ русской исторіей,—въ этомъ была отчасти и его вина передъ отечествомъ. своихъ современниковъ.

Непосредственныя вліянія запада на Россію при Петрѣ В.

Прорубивъ „окно“ въ Европу, онъ установилъ непосредственныя сношенія съ западомъ [1]), отнынѣ посредничество юго-западной Руси сдѣлалось излишнимъ. Такое непосредственное прикосновеніе русской жизни къ западно-европейской должно было отнять и, дѣйствительно, отняло у нашего сближенія съ чужой культурой характеръ той постепенности, которая является лучшей гарантіей прочности прогресса, съ равноправнымъ развитіемъ своего родного и чужого-заимствованнаго, съ равномѣрнымъ ростомъ всего общества сверху донизу. Вслѣдствіе этого, между „новымъ“ обществомъ и народомъ на первыхъ порахъ только усилился разрывъ, который былъ еще незначителенъ въ XVII в., когда посредниками между Россіей и западомъ были южно-руссы, постепенно сближавшіе всѣ слои русскаго общества съ чужой культурой. Рванувшись впередъ, интеллигенція русская потеряла совершенно опору въ народѣ; такое культурное одиночество сдѣлало ее въ будущемъ необезпеченной отъ историческихъ случайностей всякаго рода.

Усиленіе „раскола“ въ русскомъ обществѣ.

Петръ В. и его преемники.

Петръ смотрѣлъ на себя, какъ на „слугу“ отечества. Петръ заявилъ открыто, что западъ былъ нуженъ Россіи на нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы затѣмъ повернуться къ нему спиною. Петръ зналъ цѣну русскому народу и зналъ его отъ дворца до рыбачьей хаты... Ни этого сознанія своихъ отношеній къ отечеству, ни умѣнія пользоваться западомъ, ни пониманія народа не было у его наслѣдниковъ. Вотъ почему весь XVIII вѣкъ представитъ намъ картину какого-то грустнаго разлада между „верхами“ и „низами“ русскаго общества—картину какого-то недоразумѣнія, которое лишь къ концу вѣка стало разсѣиваться...

---

[1]) Этому способствовало, прежде всего, сближеніе съ иностранцами „Нѣмецкой слободы“, а затѣмъ путешествія заграницу (1697—1698 гг. и 1716—1717 гг.), гдѣ онъ воочію убѣдился въ превосходствѣ западной жизни и имѣлъ возможность свести знакомство со многими выдающимися людьми. Особенное значеніе для русскаго просвѣщенія имѣли сношенія Петра съ Лейбницомъ и Вольфомъ. По совѣту перваго, Петръ рѣшилъ открыть въ Петербургѣ академію; по совѣту второго—университетъ и гимназію.

Составъ русскаго общества при Петрѣ В.

Русское общество, подъ вліяніемъ реформы Петра, довольно рѣзко мѣняетъ свой составъ. Если „новые“ люди,—мелкое служилое дворянство, и даже совсѣмъ „подлые“ люди стали еще при Грозномъ играть историческую роль, то Смутное время было той эпохой, когда ихъ дѣятельность нашла себѣ просторъ и свободу. Петръ Великій помогъ имъ одержать полную побѣду—съ его времени первое мѣсто занимаетъ у насъ служилое дворянство и чиновничество, укрѣпленною табелью о рангахъ. Это новое общество сложилось около двора, въ Петербургѣ, который и сдѣлался средоточіемъ всей тогдашней культурной жизни Россіи. На судьбѣ его повторилась, въ сущности, исторія всей петровской реформы. Созданный въ отвѣтъ на вѣковыя стремленія Россіи пробиться къ морю, городъ Петра былъ „закономѣрнымъ явленіемъ“, сдѣлавшись „окномъ“, откуда свободно лилась на всю Россію новая жизнь... Конечно, въ этой жизни много было поучительнаго и для человѣка съ серьезными запросами, и для деревенскаго Митрофана,—но въ ней слишкомъ много свободы дано было „случайнымъ вліяніямъ“,—иноземнымъ воздѣйствіямъ и произволу личности, что особенно замѣтно сказалось вскорѣ послѣ Петра, когда наскоро-сложенная имъ „машина“ государства попала въ руки неумѣлыхъ „машинистовъ“. Эта „случайность“ положила густыя тѣни на все великое дѣло реформы... Но, конечно, каковы бы ни были эти „случайные“ результаты его дѣла, самъ царь, несомнѣнно, неповиненъ во многомъ, что прилипло къ его реформѣ впослѣдствіи, что исказило ее даже въ существенныхъ чертахъ.

Петербургъ—средоточіе русской жизни.

Закономѣрное и случайное въ созданіи Петербурга.

Заботы Петра В. о просвѣщеніи.

§ 3. Петръ, прежде всего, позаботился о просвѣщеніи своихъ подданныхъ,—въ этомъ дѣлѣ главными помощниками его были кіевскіе и московскіе ученые. Изъ учениковъ Кіевской и Московской духовныхъ академій выбирали они наиболѣе талантливыхъ людей для посылки заграницу, или, позднѣе, въ гимназію и университетъ при Петербургской Академіи наукъ. Это были первые учители въ петровскихъ школахъ, первые переводчики книгъ съ иностраннаго, защитники и усердные истолкователи его реформъ...

Отношеніе Петра В. къ изящной литературѣ.

Императоръ не былъ охотникомъ до поэзіи, до изящной литературы, — его практическій умъ, особенно подъ давленіемъ обстоятельствъ, искалъ лишь прикладныхъ знаній. По его признанію, онъ не терпѣлъ „лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъемлютъ“. Этимъ объясняется, что при немъ появилось въ печати лишь нѣсколько

беллетристическихъ сочиненій („Война мышей и лягушекъ“, „Метаморфозы“ Овидія, „Притчи“ Эзопа, „Библіотека о богахъ“ Аполлодора, „Апофегматы“). Между тѣмъ, потребность къ чтенію была въ русской публикѣ сильная.

Количество изданій печатной беллетристики петровской эпохи.

Это видно изъ того, что, даже при Петрѣ, эти «литературныя» произведенія сомнительнаго интереса выдержали нѣсколько изданій: «Притчи Эзопа» (5 изд.), Аполлодора «Библіотека о богахъ» (5 изд.), «Исторія о разореніи града Трои» (3 изд.), «Книга Квинта Курція о дѣлахъ, содѣланныхъ Александромъ Великимъ» (4 изд.). Кромѣ того, литературное значеніе имѣютъ слѣдующія изданія: «Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ» и «Приклады, како пишутся комплименты».

Изъ учебныхъ руководствъ при Петрѣ были напечатаны «Введеніе краткое въ исторію», «Славянская и латинская грамматики», «Руковеденіе въ ариѳметику», «Географія, или краткое земнаго круга описаніе», «Ариѳметика Магнитскаго», «Синопсисъ» Гизеля и др.

При Петрѣ начала издаваться и первая русская газета: «Русскія Вѣдомости» (о ней ниже).

Народное образованіе при Петрѣ В

Особое вниманіе обратилъ императоръ на устройство школъ. Въ 1791 г. въ Москвѣ учреждена была „Школа математическихъ и навигацкихъ наукъ“ (въ 1715 г. она была перенесена въ Петербургъ и преобразована въ Морскую академію). Въ томъ же 1701 году была преобразована Московская академія; съ 1700 года начали открываться „епархіальныя школы. Въ 1703 г. въ Москвѣ открыта была школа пастора Глюка съ самой широкой программой, охватившей чуть не всѣ науки,—впрочемъ, съ преобладаніемъ наукъ гуманитарнаго характера. Она существовала недолго, до 1706 г. Въ Новгородѣ въ 1706 г. была устроена „Славяногреческая школа“, которая давала не только духовное, но и свѣтское образованіе; изъ этой школы возникло до 15 такихъ же; въ 1714 г. постановлено было учреждать въ городахъ школы „цыфирныя“, чисто-свѣтскія, которыя въ 1723 г. слились съ епархіальными „архіерейскими“. „Славяно-греко-латинская академія“ и „Школа математическихъ наукъ“ сдѣлались исходными пунктами цѣлой сѣти низшихъ школъ. Созданіе этой первой въ Россіи сѣти духовныхъ и свѣтскихъ школъ и было тѣмъ огромнымъ шагомъ впередъ, который дѣлаетъ изъ Петровскаго царствованія эпоху въ исторіи русскаго образованія. Обѣ академіи поставляли въ провинцію учителей. Къ концу царствованія Петра въ провинціи свѣтскихъ „цыфирныхъ“ школъ было до 50, а „духовныхъ“ архіерейскихъ—до 46. Посѣщеніе свѣтскихъ школъ

было для русскихъ людей тяжелой повинностью, такъ какъ характеръ новаго просвѣщенія былъ слишкомъ чуждъ для русской провинціи, пріученной къ образованію церковному. Вотъ почему всѣ заботы Петра о насильно-вводимомъ просвѣщеніи, надо сознаться, принесли на первыхъ порахъ больше смуты, чѣмъ пользы. Гораздо плодотворнѣе была массовая посылка заграницу русскихъ людей: изъ нихъ многіе вышли людьми съ яснымъ сознаніемъ, съ опредѣленными идеалами,—они-то и были настоящими воспитателями и учителями русской молодежи XVIII вѣка.

Музеи, типографіи при Петрѣ В.

Страсть къ „раритетамъ" (рѣдкостямъ) привела Петра къ устройству въ Россіи естественно-историческаго и анатомическаго музея; интересъ къ книгамъ привелъ къ учрежденію первой публичной библіотеки. Кромѣ того, Петръ много усилій приложилъ къ развитію переводческаго и типографскаго дѣла. Первыя русскія типографіи были открыты за границей (въ 1700 г. Тессинга и Копіевскаго въ Амстердамѣ). Затѣмъ число ихъ стало быстро расти и въ Россіи. Благодаря этимъ типографіямъ, появились на русскомъ языкѣ напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ политическія и историческія сочиненія Пуфендорфа, Гуго Гроція, Боронія, Липсія и др.

Заботы Петра В. о насажденіи искусствъ въ Россіи.

Художественныя богатства западной Европы нравились Петру не менѣе фабрикъ и верфей,—онъ охотно посѣщалъ картинныя галлереи, покупалъ за границей произведенія искусствъ. Въ выборѣ картинъ особенно сказались его „голландскіе" вкусы,—благодаря этому въ картинной галлереѣ Эрмитажа такъ хорошо представлена „фламандская школа" живописи. Не щадилъ денегъ Петръ и на художественныя архитектурныя постройки. „Оградя отечество безопасностью отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусства и науки"—вотъ, о чемъ мечталъ Петръ.

Заботы Петра В. объ общественныхъ развлеченіяхъ (театры, ассамблеи).

Заботы Петра о русскомъ театрѣ совершенно отвѣчали этой программѣ, такъ какъ театръ облагораживаетъ общество, возвышая его эстетическія потребности. При Петрѣ былъ выстроенъ первый общественный театръ, въ Москвѣ въ 1702 г.,—при царѣ Алексѣѣ это была исключительно царская и придворная потѣха, недоступная народу. Нѣмецкая труппа Кунста, а съ 1703 г. Фирста, составленная отчасти изъ нѣмцевъ, отчасти изъ ихъ русскихъ учениковъ, съ успѣхомъ давала пьесы въ этой „комедійной хороминѣ... Репертуаръ Кунста и Фирста былъ очень разнообразенъ — они играли нѣмецкія комедіи, драмы и оперы, оригинальныя и пере-

водныя, представляли и пьесы, сочиненныя на „случай“ (на побѣду, на пріѣздъ царя и т. д.). Въ 1707 г. театръ этотъ пересталъ существовать, и все „убранство“ его перешло въ Преображенскій театръ царевны Натальи, а затѣмъ въ театръ царицы Прасковьи, — тоже любительницы театральныхъ зрѣлищъ. Въ Москвѣ послѣ Фирста театральное дѣло перешло въ руки учениковъ хирургической школы и студентовъ Московской академіи. Въ Петербургѣ театръ былъ устроенъ царевной Натальей; посѣщеніе его было общедоступно и безплатно; въ 1723 г. существовалъ нѣмецкій театръ Манна и простонародный театръ, на которомъ, во время Масляной, служители царскихъ конюшенъ разыгрывали балаганные фарсы.

Кромѣ театра позаботился Петръ и о другихъ публичныхъ развлеченіяхъ. Какъ ни грубы были его „ассамблеи“, маскарады, шутовскія свадьбы, — всетаки они значительно приблизили насъ къ Европѣ, тогда въ забавахъ своихъ тоже не особенно разборчивой.

Таковы, вкратцѣ, результаты заботъ Петра о просвѣщеніи и развитіи ума и чувства своихъ подданныхъ.

§ 4. Самъ Преобразователь, по словамъ Пушкина,— Личность Петра В.; ея всесторонность

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ—

обладалъ такой „всеобъемлющей душой“, что въ немъ умѣщался интересъ къ бесѣдѣ съ умнѣйшими людьми Европы,—и къ работѣ съ топоромъ въ рукахъ; наслажденіе произведеніями живописи легко смѣнялось у него дружеской болтовней съ матросами, или легкими танцами и ухаживаньемъ за иностранными красавицами... Все это перебивалось постоянными заботами о мощи своей родины, объ ея процвѣтаніи... Такое странное противорѣчіе, интересовъ, въ сущности, было результатомъ ихъ *ширины.*

Такою же необъятною шириною отличалось и то просвѣщеніе, которое онъ къ намъ внесъ: отъ утонченнаго вкуса къ послѣднему слову европейской мысли—до увлеченія новомодной пряжкой, сдѣланной въ Парижѣ. Отраженіе личности Петра В. на характерѣ новаго русскаго просвѣщенія.

Вотъ почему результаты петровской реформы на русскомъ обществѣ сказались очень широко: съ одной стороны, она выдвинула людей высокой культуры мысли и чувства,—съ другой стороны, — на массѣ, — она отразилась въ перемѣнѣ житейскаго

обихода, въ утонченіи нравовъ, въ привычкахъ „хорошаго тона", въ нарядахъ и щегольствѣ. Отъ европейски-образованныхъ людей до „щеголей" и „щеголихъ", жестоко осмѣянныхъ русской сатирой XVIII в., конечно, было много переходныхъ ступеней...

§ 5. Стоитъ остановиться на трехъ именахъ, чтобы охарактеризовать людей *первой категоріи*—Ѳеофанъ Прокоповичъ, Посошковъ и Татищевъ — люди изъ духовенства, крестьянства и дворянства.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Ѳеофанъ былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей этой эпохи. Онъ, быть можетъ, навсегда заглохъ бы въ провинціи, если бы великій царь не оцѣнилъ его даровитой головы и не приблизилъ его къ себѣ. Вѣроятно, ихъ обоихъ соединила страстная жажда знанія,—до глубокой старости Ѳеофанъ сохранилъ ее: «прямо просвѣщенный человѣкъ, говорилъ онъ, никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, хотя бы Мафусаиловъ вѣкъ прожилъ»... Поклонникъ Декарта и Бэкона, въ Петербургѣ Ѳеофанъ развернулся,—здѣсь онъ заводитъ знакомства съ интересными иноземцами, онъ—другъ нѣмцевъ-академиковъ, онъ заводитъ переписку съ иностранными-учеными-философами, его знаютъ въ западной Европѣ...

Отзывъ современниковъ о Ѳеофанѣ.

Татищевъ отзывается о немъ такъ: «былъ въ наукѣ новой философіи и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было». Извѣстный академикъ Байеръ въ посвященіи ему своего труда говоритъ: «Я часто смотрѣлъ на васъ, какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ, или нелѣпѣйшія мнѣнія философовъ; вы, какъ будто, вводили меня въ своихъ бесѣдахъ въ Римъ, или въ какой-нибудь другой городъ Италіи, славный священными, или историческими памятниками, а когда вы припоминали событія всѣхъ вѣковъ, то мнѣ казалось, что я внимаю образованнѣйшему человѣку, какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ. Съ какимъ удовольствіемъ слушалъ я васъ, когда вы описывали мнѣ памятники древняго времени, видѣнные вами въ Римѣ и прочей Италіи, говорили о состояніи просвѣщенія, о вашихъ путешествіяхъ и занятіяхъ науками. Какое разнообразіе, какая память, какая сила мысли и наблюдательности, какое изящество латинской и итальянской рѣчи, какая, наконецъ, живость и изящность во всемъ!..» Датскій путешественникъ фонъ-Говенъ и доминиканецъ Рибейра, личный врагъ Ѳеофана, отзываются о немъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

Характеристика Ѳеофана.

Всѣ эти отзывы о Ѳеофанѣ рисуютъ во весь ростъ «новаго» русскаго человѣка, типичнаго представителя реформированной Руси. Передъ нами въ лицѣ Ѳеофана—европеецъ, и въ то же время чисто-русскій человѣкъ, не желающій въ предѣлахъ своего отечества говорить иначе, какъ порусски. Передъ нами—русскій епископъ, врагъ клерикальнаго обскурантизма, одинъ изъ первыхъ, увѣровавшихъ у насъ въ «естественное право»,—а вѣдь его отъ Аввакума, этого послѣдняго представителя «послѣдней Руси», отдѣляютъ какіе-нибудь десятки лѣтъ!

Иванъ Посошковъ;

Не менѣе любопытенъ и Иванъ Посошковъ, крестьянинъ новгородской губерніи. Его сочиненіе: «Книга о скудости и богатствѣ», по сло-

вамъ проф. Брикнера, удивительное явленіе, занимающее почетное мѣсто въ европейской исторіи политической экономіи. Отношеніе его къ Петру и реформѣ—яркое доказательство того, что многіе изъ простого народа всей душой инстинктивно тянулись къ реформѣ, къ свѣту, не отрываясь въ то же время отъ родной почвы. Поклонникъ запада, онъ—врагъ Лютера и «легкостнаго» свѣтскаго житія, отошедшаго отъ Евангелія. Онъ требуетъ «жизни душеполезной», но громитъ расколъ, считая его извращеніемъ православія. Ему была ненавистна старина—остатки ея онъ бичуетъ безпощадно, но будущее ему еще неясно. Повидимому, компромиссъ между очищеннымъ «старымъ» и очищеннымъ «новымъ»—въ его глазахъ, единственно-мудрое разрѣшеніе этого будущаго. „старое" и „новое" въ его міросозерцаніи.

Съ болѣе ясной программой выступилъ другой нашъ публицистъ— Татищевъ, ближайшій другъ Θеофана, поклонникъ Декарта и Вольфа, знакомый съ трудами Локка и Макіавелли. Онъ побывалъ и въ Германіи, и въ Швеціи, и много вынесъ изъ своихъ поѣздокъ. Татищевъ.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Татищевъ первый въ Россіи выступилъ съ принципіальной защитою «мірского» житія. Не отвергая «житія духовнаго», онъ защищалъ право мірского» на одинаковое съ нимъ существованіе. Желаніе «земного счастья» было въ глазахъ Татищева, не менѣе разумно, чѣмъ заботы о спасеніи души. Если для старыхъ приверженцевъ духовнаго житія удовлетвореніе природныхъ склонностей казалось грѣхомъ, то для Татищева и другихъ сторонниковъ новаго «мірского»—это было только выполненіемъ «естественнаго закона». Удовлетвореніе этихъ потребностей должно быть «порядочно и умѣренно». Такая философія, по его мнѣнію, должна была дать «счастье»—равновѣсіе души. Наука, знаніе—лучшіе спутники этой философіи. Право свободнаго изслѣдованія—необходимость новой «мірской» науки; свобода совѣсти, вѣротерпимость,—лучшія ея украшенія,—вотъ, что значилось на знамени этого ученика Петра. Поклонникъ гуманизма, онъ проклялъ католическій Римъ, возславилъ Виклефа и Гуса, Лютера и Кальвина, Гуго Гроція, Декарта, Коперника и Галилея... Онъ требовалъ широкаго просвѣщенія для всѣхъ, не исключая и крестьянъ, обличая зло крѣпостничества. «Воля, по естеству, говоритъ онъ, человѣку толико нужна и полезна, что не едино благополучіе съ ней сравниться не можетъ, и ничто ей достойно есть;—ибо, кто воли лишается, тотъ крупно всѣхъ благополучій лишается».

Въ дѣятельности этихъ трехъ учениковъ-союзниковъ Петра мощно проявился его разносторонній духъ. Петръ собою наполнилъ всю Россію,—онъ перебывалъ во всѣхъ ея концахъ и встряхнулъ всѣ ея углы, потрясъ всѣ сословія,—и все даровитое, все живое отозвалось на его призывъ. Такихъ крупныхъ людей, какъ перечисленные (прибавлю еще Кантемира и Ломоносова), мы не встрѣтимъ въ теченіе всей второй половины XVIII в. Не только этой грандіозностью,—они сходны и той единодушною любовью, съ которой относились они къ родинѣ. Вліяніе Петра на русское общество.

И въ этомъ сказалось вліяніе царя-„слуги отечества"... Мы отмѣчаемъ обѣ эти черты, характерныя для эпохи и, къ сожалѣнію, исчезающія понемногу послѣ Петра...

Русское общество при Петрѣ В.

§ 6. Обратимся теперь къ массѣ русскаго общества. Если отдѣльныя личности глубоко проникались европейскимъ духомъ, то масса, конечно, могла на первыхъ порахъ воспринимать лишь внѣшнія стороны чужой культуры. Но и это было важно — это было тоже побѣдой „свѣтскаго", „мірского" житія, внѣшнимъ показателемъ внутренней реформы духа. Конечно, это понималось Петромъ, — оттого придавалъ онъ такое значеніе *внѣшности* своихъ подданныхъ. Заботы объ ихъ костюмѣ, о манерахъ, объ ихъ увеселеніяхъ на европейскій ладъ привели его, въ концѣ концовъ, къ реформѣ всей внутренней жизни русскаго дворянства. Впрочемъ, къ этой реформѣ русское общество было уже подготовлено царствованіемъ Алексѣя, а затѣмъ правленіемъ Софьи, когда, по словамъ Куракина, „политесъ" (politesse— „обхожденіе въ свѣтѣ") возстановлена была въ великомъ шляхетствѣ съ манеру польскаго и въ экинажахъ, и въ домовномъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ". Петръ положилъ конецъ вліяніямъ польскимъ и открылъ доступъ вліяніямъ западнымъ. Ближайшимъ результатомъ этого было воспитаніе общества во французскомъ духѣ,—тогда модномъ на западѣ и обязательномъ для всей Европы. Какъ извѣстно, въ 1717—18 г. отпечатанъ былъ у насъ кодексъ правилъ приличія въ книгѣ: „Юности честныя зерцало". Задачей этого руководства было приблизить молодого русскаго дворянина къ идеалу „придворнаго человѣка", научить его хорошимъ манерамъ для обхожденія въ свѣтѣ. Конечно, въ такомъ воспитаніи было немало и зла,—такъ, напр., это „обхожденіе" неизбѣжно учило русскихъ дикарей свѣтской лжи: юноша, вытвердивъ правила „Зерцала", старался, „говоря о печальныхъ вещахъ, имѣть видъ печальный и имѣть сожалѣніе"; старался изъ вѣжливости не противорѣчить, правду говорить не всегда и пр.

„Свѣтскость" русскаго общества при Петрѣ В.

Отрицательныя стороны новой жизни.

Такъ, въ окно, прорубленное Петромъ, лились потоки, съ которыми справиться не могъ онъ самъ: врагъ всякой неправды въ дѣлахъ, царь вынужденъ былъ, считаясь съ требованіями европейскихъ приличій, поощрять ложь въ свѣтѣ. Человѣкъ дѣла, чернорабочій на тронѣ, царь уступилъ этому потоку чужой жизни и во многомъ другомъ,—„хорошій тонъ" потребовалъ введенія въ русскую жизнь новыхъ знаній и искусствъ, въ сущности, съ его

точки зрѣнія, безполезныхъ, но необходимыхъ для „прямого придворнаго человѣка“. Впрочемъ, эта сторона реформы Петра не встрѣтила у насъ сопротивленія — свобода свѣтской жизни была радостно встрѣчена молодежью, особенно, женскою. Для русской женщины, болѣе чѣмъ для мужчины, тяжелъ былъ гнетъ „Домостроя“,—теперь предъ нею открылась новая жизнь, въ которой ея индивидуальное чувство больше не знало тяжелыхъ оковъ старины. И вотъ, изъ рабыни, запертой въ теремъ, она теперь преобразилась въ „богиню“, передъ которой недавній ея повелитель, обратившись теперь въ „галантнаго кавалера“, долженъ былъ курить ѳиміамъ и пѣть гимны ея красотѣ и власти... Мы видимъ проблески этого новаго отношенія къ женщинѣ въ нѣкоторыхъ любовныхъ пѣсняхъ XVII в., сложенныхъ въ ея честь—теперь, съ Петра, „любовь“, дѣлается главнымъ содержаніемъ свѣтской жизни XVIII в., а слѣдовательно и литературы. Иностранцы, бывшіе въ Россіи при Петрѣ, обращали неразъ вниманіе на эту перемѣну въ жизни русской женщины. Бергхольцъ, камеръ-юнкеръ иностраннаго двора, въ своемъ дневникѣ сдѣлалъ большой комплиментъ манерамъ и внѣшности русскихъ дамъ: за два года онѣ сдѣлались неузнаваемы,— въ 1718 г. учреждены были ассамблеи, а въ 1720-мъ многія дамы уже не уступали нѣмкамъ и француженкамъ въ привѣтливости и тонкости обращенія и свѣтскости. Щербатовъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, говоритъ слѣдующее: „пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольщиками въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; страсть любовная, до того почти незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло“.

Женщина русская при Петрѣ В.

Все сказанное объ отдѣльныхъ передовыхъ людяхъ реформы и о той массѣ, которая поддалась новой жизни — рисуетъ намъ русское общество петровской эпохи цѣликомъ: политическія, религіозные и философскіе идеалы лучшихъ людей—и „мірскую“ жизнь рядового общества съ ея новымъ содержаніемъ, новыми интересами...

Литература петровскаго періода.

Составъ и характеръ церковной литературы.

§ 7. *А) Церковная литература* выразилась въ сочиненіи проповѣдей и богословскихъ трактатовъ,—и тѣ, и другія произведенія теперь носили, главнымъ образомъ, боевой характеръ: слишкомъ бурна была общественная и политическая жизнь Россіи,—и потому даже церкви, реформированной Петромъ, пришлось высказываться по многимъ жгучимъ вопросамъ современности.

Проповѣдь при Петрѣ В.

Проповѣдь. Изъ извѣстныхъ проповѣдниковъ петровской эпохи особенно выдавались Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, затѣмъ Гавріилъ Бужинскій и Симонъ Кохановскій.

Стефанъ Яворскій.

Стефанъ Яворскій получилъ образованіе въ Кіевской академіи, затѣмъ заграницей въ Познани. Въ 1700 г. за его проповѣдь (при погребеніи фельдмаршала Шеина) Петръ—приблизилъ его къ себѣ, велѣлъ посвятить въ митрополиты, поручилъ въ управленіе Московскую академію; въ 1702 г. онъ былъ сдѣланъ «мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола», а въ 1721 г. президентомъ Св. Синода. Яворскій былъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, но довольно узкимъ церковникомъ. Проповѣди его носили схоластическій характеръ, отличались искусственностью въ духѣ Барановича и Голятовскаго.

Проповѣди Стефана.

Особенно цѣнны его проповѣди, посвященныя Петру и его дѣяніямъ; онъ охотно и искренне восхвалялъ геній Петра, его труды на пользу родины, но онъ рѣзко расходился съ Великимъ Преобразователемъ во взглядахъ на церковныя реформы; осуждалъ онъ и отношеніе царя къ церкви, къ нѣкоторымъ церковныхъ обычаямъ и обрядамъ, осуждалъ и за покровительство, оказываемое имъ протестантамъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Всецѣло стоялъ на сторонѣ Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ: и военныя, и гражданскія, и церковныя реформы Петра онъ поддерживалъ своимъ словомъ и дѣломъ.

Его жизнь.

Прокоповичъ происходилъ изъ торговаго сословія, родился въ 1681 г., окончилъ прекрасно Кіевскую академію. Чтобы пополнить свои знанія, онъ сдѣлался уніатомъ, постригся въ монахи и уѣхалъ въ Римъ, гдѣ три года былъ въ миссіонерской коллегіи. Изъ Рима онъ вернулся ярымъ врагомъ католичества; онъ опять принялъ православіе, постригся въ монахи и сдѣлался преподавателемъ въ Кіевской духовной академіи: былъ учителемъ піитики и реторики, философіи и богословія; наконецъ, былъ ректоромъ. Къ этому періоду его жизни относятся главные литературные труды: въ 1705 г. онъ написалъ трагикомедію: «Владиміръ» и составилъ руководство по реторикѣ. Его теоретическіе труды и особенно про-

повѣди, имъ сочиняемыя, произвели переворотъ въ исторіи русской проповѣди; онъ нападалъ на католическую манеру проповѣдывать,—манеру, принятую и русскими проповѣдниками; проповѣдниковъ этого типа онъ называлъ «казнодѣишками легкомысленными» и за образецъ предлагалъ всѣмъ брать Іоанна Златоуста. Какъ богословъ, онъ былъ, до нѣкоторой степени, подъ вліяніемъ протестантовъ, и самый методъ изложенія богословія заимствовалъ у нихъ. Петръ Великій встрѣтилъ своего будущаго помощника въ 1709 г., когда въ Кіевѣ послѣ полтавскаго сраженія Прокоповичъ привѣтствовалъ его блестящей рѣчью. Въ 1716 г. Прокоповичъ былъ вызванъ въ Петербургъ; въ 1718 г., по желанію императора, онъ былъ посвященъ въ санъ епископа; въ 1724 г. онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ новгородскимъ.

Политическая проповѣдь Ѳеофана.

Живя въ Петербургѣ, онъ произносилъ проповѣди, чаще всего политическаго содержанія; въ нихъ онъ объяснялъ значеніе разныхъ реформъ Петра, кромѣ того, сочинялъ разные проекты [1]). Своимъ широкимъ образованіемъ и свѣтлымъ умомъ Прокоповичъ выдѣлялся среди своихъ современниковъ,—оттого онъ пользовался среди однихъ уваженіемъ и любовью,—среди другихъ—ненавистью. Кантемиръ и Татищевъ были его друзьями; нѣмцы-академики относились къ нему съ уваженіемъ.

см. часть I выпуск II стр 130

Содержаніе проповѣдей его.

Въ своихъ проповѣдяхъ онъ энергично отстаивалъ пользу отправленія русскихъ юношей заграницу, доказывалъ необходимость флота для Россіи, выяснялъ значеніе Синода, оправдывалъ Петра, осудившаго сына на казнь, обличалъ суесвятство и ханжество; въ проповѣди на день рожденія царевича Петра Петровича онъ сдѣлалъ блестящую характеристику Россіи дореформенной и петровской; потрясающей силой отличается то напутственное слово его, которымъ онъ проводилъ въ могилу тѣло любимаго монарха [2]).

Его теоретическіе взгляды на проповѣдь изложены въ „Наставленіяхъ проповѣднику“.

Богословскія сочиненія.

§ 8. *Богословскія сочиненія.* Стефанъ Яворскій, обличая ересь Тверитинова, зараженнаго кальвинизмомъ, а также вообще опровергая протестантизмъ, составилъ обширный богословскій трактатъ: „Камень вѣры православно-каѳолическія восточныя церкви“. Не желая обижать религію иноземцевъ, Петръ не разрѣшилъ печатать это произведеніе, и оно появилось въ печати

---

[1]) Въ 1821 году, слѣдуя указаніямъ Петра, онъ составилъ „Духовный Регламентъ, положеніе, которымъ утверждались права и обязанности Св. Синода, замѣнившаго у насъ власть патріарха.

[2]) Истор. Хрест. I, 338—340.

только въ 1728 году. Уже ранѣе между Яворскимъ и Прокоповичемъ были крупныя богословскія недоразумѣнія: одинъ изъ нихъ тяготѣлъ къ католичеству—другой къ протестантизму. Появленіе въ печати „Камня вѣры" вызвало богословскую полемику, въ которой приняли участіе даже заграничные ученые. Прокоповичу приписываютъ остроумный анонимный разборъ этой книги, подъ названіемъ: „Молотокъ на камень вѣры". На это сочиненіе было опять возраженіе.

Кромѣ того, Прокоповичу принадлежитъ большое сочиненіе: „Догматическое богословіе", а также богословскія сочиненія, направленныя противъ католичества и раскола.

Отраженія новаго времени на этихъ сочиненіяхъ.

Это обиліе богословскихъ сочиненій, участіе въ полемикѣ многихъ видныхъ дѣятелей, задорный ея тонъ, наконецъ, значеніе этой полемики, заинтересовавшей даже западную Европу, все говоритъ о томъ, что въ петровской Россіи интересы къ вопросамъ религіознымъ были еще живы, но отличались характеромъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ въ Московской Руси. Очевидно, эпоха великихъ Петровскихъ реформъ даже по отношенію къ религіи расширила умственный горизонтъ русскихъ людей.

Лирика.

§ 9. *В) Литература свѣтская, московскаго типа (XVII в.) при Петрѣ. Лирика.* Поэтическіе опыты Симеона Полоцкаго въ его время не были одиночными: въ Кіевской академіи долго не переводились поэты. Эти версификаторы, творцы кантовъ и виршей, въ началѣ XVIII вѣка еще являются единственными „піитами" на россійскомъ Парнасѣ. Но ихъ господство продолжалось только до той эпохи, когда появились европейски-образованные поэты, въ родѣ Кантемира, Ломоносова, Тредіаковскаго. Тогда эти „піиты", уступивъ свое исключительное положеніе юнымъ соперникамъ, вооруженнымъ новыми знаніями и талантомъ, продолжали свои упражненія въ провинціи, сгруппировавшись около провинціальныхъ семинарій и духовныхъ академій.

Св. Димитрій Ростовскій.

Изъ наиболѣе извѣстныхъ піитовъ начала вѣка можно назвать, хотя бы, св. Димитрія Ростовскаго, въ своихъ виршахъ воспѣвавшаго исключительно Бога и святыхъ, или перелагавшаго стихами философско-религіозныя размышленія о смыслѣ жизни, объ обязанностяхъ людей. Его современникъ Стефанъ Яворскій

Стефанъ Яворскій.

тоже оставилъ намъ рядъ произведеній, по содержанію своему близко примыкающихъ къ лирикѣ Кіевской академіи XVII в.

Въ ихъ же духѣ былъ піитъ Өедоръ Поликарповъ, ученикъ Лихудовъ. Всѣ эти поэты вдохновлялись исключительно духовной поэзіей: перекладывали на стихи молитвы, церковныя пѣснопѣнія. Образцами для этихъ священныхъ гимновъ служили, попрежнему, гимны Мурета, составленные въ подражаніе Горацію. Стихи на церковные праздники, особенно на Рождество и Пасху, составляли содержаніе этой поэзіи. Впрочемъ, царствованіе Петра, его первые воинскіе и государственные опыты оживили содержаніе этой схоластической поэзіи притокомъ реальной жизни: дѣла Петра воспѣты были многочисленными поэтами въ длинномъ рядѣ „панегириковъ". Все это—предвѣстники тѣхъ громкихъ одъ, которыми изобиловала впослѣдствіи вся наше литература XVIII в. Преувеличеніе и рабство чувства въ нихъ то же, что и въ произведеніяхъ XVII в. Выгодно отличается между этими піитами „стараго закала" Өеофанъ Прокоповичъ.

Өедоръ Поликарповъ

Связь этихъ панегириковъ съ хвалебной одой XVIII вѣка.

Въ Италіи онъ, кромѣ спеціально-богословскихъ сочиненій, изучалъ Демосөена, Цицерона, Квинтиліана, Виргилія, Овидія, Ювенала, Горація, Катулла, Марціала, Ливія, Тацита и мн. др. Такимъ образомъ, богатства античнаго міра предстали передъ нимъ не въ искаженной іезуитско-польской окраскѣ, а во всей своей первоначальной чистотѣ... Правда, онъ весь еще привязанъ къ старымъ формамъ поэзіи,—къ старому силлабическому стиху и старымъ образцамъ, но онъ наполняетъ ихъ новой жизнью, живымъ чувствомъ, освѣщаетъ сознаніемъ своей личности... Онъ рѣшительно возсталъ противъ разныхъ стихотворныхъ фокусовъ,—для него, какъ краснорѣчіе, такъ и поэзія сдѣлались средствомъ выражать свои душевныя настроенія,—правдивость общаго тона. Өеофанъ цѣненъ для насъ и какъ теоретикъ словеснаго искусства: воспитанный на старой схоластической поэтикѣ Кіевской академіи, онъ ее оживилъ поэтикой Скалигера,—онъ, такимъ образомъ, расширилъ старыя знанія, очистилъ отъ многаго отжившаго, хотя и не разорвалъ окончательно связей съ старымъ. Оттого дѣятельность Өеофана, какъ теоретика, есть связущее звено между поэзіей кіевской и поэзіей петербургской.

Өеофанъ Прокоповичъ, какъ лирикъ.

Особенности его лирики.

Одинъ изъ первыхъ нашихъ писателей, онъ придавалъ поэзіи болѣе серьезное значеніе, чѣмъ его учители по академіи. Поэзія, понимаемая исключительно, какъ средство восхваленія, ему претила. Къ сожалѣнію, какъ лирикъ, Өеофанъ оцѣненъ очень мало,—даже произведенія его лишь отчасти попали въ печать. Однимъ изъ первыхъ его поэтическихъ произведеній была «Ода на побѣду Петра надъ шведами», написанная на латинскомъ и польскомъ языкахъ. На нее можно смотрѣть, какъ на переходную ступень отъ схоластическаго панегирика къ одамъ свѣтскаго направленія. По достоинству содержанія она мало уступаетъ одамъ Ломоносова (напр. «На взятіе Хотина»), и, тѣмъ болѣе, одѣ Тредіаковскаго: «На сдачу Гданска». Интересны также его стихи, въ которыхъ онъ далъ описаніе сраженія при р. Прутѣ. Произведеніе это колоритно и, для

Его лирическія произведенія.

своего времени, очень выразительно. Любопытно, между прочимъ, одно его латинское стихотвореніе, написанное по поводу суда надъ Галилеемъ. Ясный свободный духъ Θеофана возмущался всякимъ мракобѣсіемъ. Самъ будучи епископомъ, онъ открыто заявлялъ себя врагомъ обскурантизма своихъ высокопоставленныхъ товарищей. Съ такими свѣтлыми убѣжденіями онъ выступилъ на общественное поприще, какъ сотрудникъ Петра. Немудрено, что его идеи, его рѣчи, его занятія были встрѣчены враждебно массой духовенства. Немудрено, что въ теченіе многолѣтней борьбы съ жизнью Θеофанъ, какъ личность сознательно дѣйствующая, зналъ часто минуты тоски и горя. Въ одну изъ минутъ такого настроенія написана имъ элегія: «Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастьи» [1]).

Элегія его и ея автобіографическое и историческое значеніе.

Это—отрывокъ посланія сѣдого архипастыря своему юному другу—Кантемиру. Несомнѣнно, въ этомъ поэтическомъ «воплѣ» звучитъ искреннее чувство. Это—не льстивый панегирикъ XVII вѣка, произносимый на торжественномъ праздникѣ спеціалистомъ-піитой—это искренняя лирика, стыдливая, доступная лишь взору друга, понимающаго ее... Даже въ духовныхъ элегіяхъ Прокоповича замѣтна страсть, которая кажется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ крѣпче авторъ хочетъ заковать ее въ строгія моральныя правила. Это сказалось, хотя бы, въ стихахъ, гдѣ Прокоповичъ предостерегаетъ юношу беречься женскихъ чаръ. Нравоучительныя вирши его тоже проникнуты живымъ индивидуализмомъ... Такъ, сквозь старыя мертвыя формы пробивается новая жизнь. До XVIII-го вѣка «элегія» имѣла исключительно духовный характеръ. Прокоповичъ, одинъ изъ первыхъ, сталъ сочинять элегіи «свѣтскія». Совершенно справедливо мнѣніе, что это произошло вслѣдствіе знакомства его съ образцами классическихъ элегій.

Свободный отъ предразсудковъ, далекій отъ «московскаго благочестія», Θеофанъ былъ, въ то же время, человѣкомъ вполнѣ вѣрующимъ и даже религіознымъ. Оттого Муза его откликнулась на поэзію псалмовъ—онъ съ охотой занимался ихъ переложеніемъ на стихи.

Θеофанъ, какъ авторъ сатиръ.

Особенно интересенъ намъ, впрочемъ, Θеофанъ, какъ авторъ сатиръ, эпиграммъ и другихъ подобныхъ произведеній, въ которыхъ онъ сумѣлъ выразить свой критическій умъ, свое міросозерцаніе... Многіе изъ современниковъ Θеофана удостоились рѣзкихъ портретовъ подъ его живымъ перомъ. Въ этомъ отношеніи онъ является непосредственнымъ и прямымъ учителемъ Кантемира. Первую сатиру его: «На хулящихъ ученіе» Θеофанъ благословилъ извѣстнымъ посланіемъ:

„Посланіе къ Кантемиру“.

„Не знаю, кто ты, пророче рогатый,—
Знаю, коликой достоинъ ты славы!
Да почтожъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы!—Ты блаженъ трикраты,
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый,
Пусть весь міръ будетъ на тебя голосливый.
Ты и безъ счастья довольно счастливый.
Объемлетъ тебя Аполлонъ великій!
... Сіе за верхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди“.

[1]) „Пастушками“ называли себя въ стихахъ многіе тогдашніе поэты духовнаго званія (напр. Яворскій).

Это—сильныя слова, сказанныя личностью, которой уже не страшны тѣ силы, что давили нашихъ героевъ XVII в.: тамъ слабыя попытки борьбы съ жизнью кончались, въ лучшемъ случаѣ, разочарованіемъ и монастыремъ,—здѣсь—смѣлый вызовъ жизни, вызовъ, сдѣланный гражданиномъ, человѣкомъ, знающимъ, во имя чего идти впередъ!.. Не прочь былъ Ѳеофанъ въ кругу своихъ друзей за бокаломъ вина обмолвиться и шутливымъ веселымъ экспромтомъ. Такимъ образомъ, клочки его лирики, дошедшія до насъ, даютъ намъ ясное представленіе о широкомъ діапазонѣ его чувствъ и настроеній: отъ гнѣвнаго вызова негодующаго гражданина—до веселой полупьяной шутки,—отъ яркой злой сатиры до вопля изстрадавшейся души, или высокой священной поэзіи,—вотъ, тѣ предѣлы, въ которыхъ умѣстилась лирика Ѳеофана... Замѣтимъ также, что это творчество не выносилось на шумную площадь, не оплачивалось перстнями—оно было «для себя» и «для друзей»—въ этомъ святость его Музы. Ѳеофанъ какъ личность.

§ 10. *Драма*. Какъ въ XVII в., такъ и въ началѣ XVIII-го исторія драмы развивается у насъ по двумъ направленіямъ: съ одной стороны, очевидно, вполнѣ прививается *драма духовная*, занесенная въ Москву изъ Кіева и разошедшаяся отсюда по провинціальнымъ семинаріямъ,—съ другой стороны при Петрѣ появляется вновь *иностранный театръ*, исчезнувшій у насъ со смертью царя Алексѣя. Драма.

Исторія „духовной драмы“ особенно интересна. Всѣ эти пьесы, съ ихъ аллегоріями и олицетвореніями, построеніемъ своимъ мало отличаются отъ пьесъ XVIII в.—онѣ интересны только увеличеніемъ числа сюжетовъ, сближеніемъ съ дѣйствительной жизнью [1]), большей свободой обращенія съ темами св. Писанія. Такой же характеръ, какъ и въ XVII в., носили и интермедіи, хотя и въ нихъ отразились интересы новой жизни (дѣйствуетъ, напр., раскольникъ, обличается московскій подъячій...).

Наиболѣе крупными драматургами начала вѣка были царевна Наталья Алексѣевна и Ѳеофанъ Прокоповичъ; еще недавно считали сочинителемъ драмъ св. Димитрія Ростовскаго [2]).

Царевна Наталья, талантливая ученица Симеона Полоцкаго, особенно любопытна тѣмъ, что она, человѣкъ «свѣтскій», взялась за сочиненіе «духовныхъ» драмъ,—такимъ образомъ, въ лицѣ ея повторился тотъ Царевна Наталья, ея пьесы.

---

[1]) Въ этихъ пьесахъ стали теперь появляться аллегорическія прославленія русскихъ побѣдъ надъ шведами, затрагивались русско-польскія отношенія, часто встрѣчались прямыя, или иносказательныя восхваленія Петра—его сравнивали и съ Марсомъ, и съ Геркулесомъ, и съ Моисеемъ, и съ Іисусомъ Навиномъ. Такимъ образомъ, во многихъ драмахъ петровскаго времени воскресли ludi caesarei—видъ іезуитской драмы, посвященной прославленію великихъ людей, побѣдъ, торжественныхъ дней и пр.

[2]) Проф. Шляпкинъ доказалъ въ своемъ изслѣдованіи („Св. Димитрій Ростовскій“), что „Рождественская комедія“ ему не принадлежитъ.

моментъ, который пережила духовная драма на Западѣ, перейдя изъ рукъ духовныхъ въ руки свѣтскихъ. Царевна уже не довольствуется темами св. Писанія,—она въ драмы перелагаетъ житія святыхъ, а затѣмъ и популярные романы. Такъ, ею сочинены слѣдующія пьесы: «Комедія о св. Екатеринѣ», «Дѣйство о св. мученицѣ Евдокіи», «Комедія Хризанфа и Даріи», «Комедія Петра златыхъ ключей», «Комедія Олофернова», «Комедія пророка Даніила», «Комедія о прекрасной Мелюзинѣ», «Комедія Варлаама и Іосафа» и нѣкоторыя другія.

Въ этомъ стремленіи отъ схоластики школьной драмы, отъ холодной искусственности аллегоріи и олицетворенія,—къ изображенію душевной борьбы героевъ изъ житія и романа, ясно сказалось то тяготѣніе къ «дѣйствительности», которое всегда и вездѣ направляло развитіе всемірной литературы во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, его трагикомедія „Владимиръ“.

Дѣятельность Ѳеофана, какъ драматурга, еще болѣе поучительна. Онъ выступилъ на этомъ поприщѣ во всеоружіи знанія теоріи Аристотеля, Горація, Скалигера, и хорошаго знакомства съ произведеніями Сенеки, Теренція и Плавта. Его первая пьеса, трагикомедія «Владимиръ», написанная имъ еще въ Кіевѣ въ 1705 г., представляетъ собою, несомнѣнно, большой шагъ впередъ, сравнительно съ русской драмой до него. Прежде всего, онъ вышелъ на перепутье между драмой духовной и драмой классической, болѣе склоняясь ко второй... Въ пьесахъ іезуитовъ и ихъ русскихъ подражателей онъ порицалъ отсутствіе выдержанности типовъ («цари на сценѣ мелютъ вздоръ, плачутъ, какъ женщины, бесѣду ведутъ, какъ мастеровые», и т. д.),—въ этомъ онъ видѣлъ отсутствіе приличія и правдоподобія. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ, конечно, осудилъ бы Шекспира и превознесъ бы Корнеля и Расина! Затѣмъ онъ требовалъ подражанія классикамъ, не изуродованнымъ іезуитами, а въ ихъ чистомъ, подлинномъ видѣ. И въ этомъ пунктѣ сходится онъ со взглядами позднѣйшихъ псевдо-классиковъ.

Особенности этой пьесы.

Въ пьесѣ своей Ѳеофанъ обошелся совершенно безъ помощи героевъ и божествъ классическаго міра, но ввелъ нѣчто новое для русской драмы—«духъ» Ярополка (подраженіе Сенекѣ—тѣнь Тантала въ трагедіи «Thyestes»). Построена драма по рецепту Горація (5 актовъ, 10 дѣйствій, не болѣе 3 лицъ на сценѣ); изъ пьесы видно, что Ѳеофанъ придерживался *единства дѣйствія*. Къ *единству времени* онъ отнесся свободно (въ пьесѣ могли быть изображены дѣйствія «двухъ, много трехъ дней»).

Типъ пьесы.

Типъ пьесы—соединеніе «трагедіи» и «комедіи», находитъ себѣ прототипъ и у классиковъ,—такова же пьеса Плавта: «Амфитріонъ». Комическій элементъ въ пьесѣ Прокоповича не выдѣленъ въ интермедію, а разлитъ по всей пьесѣ, оттѣняетъ серьезное и не мѣшаетъ единству дѣйствія.

Психологическій интересъ.

Другая интересная особенность пьесы заключается въ томъ, что въ ней борьба героя сведена къ борьбѣ внутренней, къ «брани духовной»,—въ этомъ отношеніи пьеса приближается къ новой драмѣ. Выше неразъ указывалось, что и въ житіяхъ, и въ старой драмѣ писатели эту борьбу сводили къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ,—къ вмѣшательству святыхъ, или бѣса, или тѣхъ голосовъ, которые являлись въ видѣ олицетвореній «Порока», «Зависти», «Богатства» и др.,—въ пьесѣ Ѳеофана колебанія

Владимира наканунѣ принятія христіанства представлены въ видѣ длиннаго монолога, открывающаго внутреннюю борьбу его души.

Содержаніе пьесы.

Содержаніе трагикомедіи и заключается, собственно, въ изображеніи столкновеній князя со своими чувствами—и съ тѣми людьми, которые мѣшали принятію христіанства... Таковыми являются три жреца—Жериволъ, Куроядъ, Піаръ—обманщики, ханжи, обжоры и развратники, морочащіе простой народъ. Извѣстно, какъ зло относился Ѳеофанъ къ католическимъ духовнымъ лицамъ, но не менѣе строгъ былъ онъ и къ православному духовенству. Поэтому возможно, что нѣкоторыя черты жрецовъ списаны съ натуры, выхвачены изъ быта современнаго Прокоповичу православнаго духовенства.

Въ прологѣ жрецъ Жериволъ жалуется, что князь Владимиръ, а за нимъ и его подданные ослабѣваютъ въ вѣрѣ,—это отразилось на качествѣ и на количествѣ приносимыхъ жертвъ,—онъ восклицаетъ:

„...о, студа (стыдъ)!
Даде вчера единa козла,—тако худа,
Тако престарѣла, тако безтѣлесна,
Тако изнуренна, изсохша, безчестна,
Тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна,—
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотно
Постиже его...

Адъ, обезпокоившись происходящимъ на землѣ, присылаетъ къ Жериволу «духъ» Ярополка для предупрежденія его о затѣяхъ князя и для воодушевленія жреца къ борьбѣ. Во 2-мъ дѣйствіи Жериволъ возмущаетъ къ борьбѣ своихъ помощниковъ, вызываетъ бѣсовъ («бѣсъ міра», «бѣсъ плоти» и «бѣсъ хулы»). Въ 3-мъ дѣйствіи Владимиръ ведетъ бесѣду съ греческимъ философомъ, и въ его душѣ зарождается новая жизнь. Здѣсь же происходитъ диспутъ философа съ Жериволомъ, кончающійся посрамленіемъ послѣдняго. Въ 4-мъ дѣйствіи—изображена въ длинномъ монологѣ душевная борьба Владимира съ невидимыми для зрителя бѣсами. Побѣда Христа воспѣвается хоромъ, кончающимъ 4-ое дѣйствіе.

Въ 5-мъ дѣйствіи изображено полное крушеніе язычества, посрамленіе жрецовъ. Оканчивается пьеса пѣніемъ апостола Андрея съ ангелами. Они восхваляютъ торжество христіанства на Руси, воспѣваютъ многія событія русской исторіи. Славословіе въ честь современныхъ дѣятелей заключаетъ пьесу. Для пониманія Ѳеофана, конечно, очень цѣнны рѣчи греческаго философа, прославляющаго Христа,—въ эти рѣчи вложены, очевидно, убѣжденія самого Ѳеофана.

Отношеніе Ѳеофана къ „жрецамъ".

Но особенно неистощимъ Ѳеофанъ въ обличеніи жрецовъ. Обжора-Жериволъ жалуется на потерю аппетита,—онъ теперь не можетъ съѣсть больше одного быка въ день. Товарищъ его, Куроядъ, разсказываетъ, какъ безпокойно спитъ старшій жрецъ:

„Движе уста и гортань,—
И во снѣ жретъ Жериволъ".

Куроядъ тоже жалуется на оскудѣнье жертвоприношеній, сожалѣетъ боговъ, которые, вѣдь, сами безпомощны и не могутъ пойти за мясомъ на базаръ—

„...Меня не жалѣю,
Жалѣю боговъ; ибо, если оскудѣетъ
Жертва—азъ куплю мяса...".

Впрочемъ, онъ ужасается, что приходится ему, жрецу, покупать куръ—этого раньше не бывало. Очень характерно зазываніе народа въ храмъ:

„Спѣшно на праздникъ идѣте,
Волы, кравы избирайте,
Толстіи жертвы давайте!
Онъ есть богъ молній и лучній,
Любитъ мяса зѣло тучній..."

Судьбы народной поэзіи въ эту эпоху.

§ 11. *Народная поэзія петровскаго періода.* Безличная поэзія народа менѣе всего воспріимчива къ „вѣяніямъ времени". Она долго живетъ старыми формами и содержаніемъ. Даже новое лицо, новое событіе часто въ народномъ творчествѣ подчиняются этой „традиціи". Вотъ почему въ области народнаго творчества трудно усмотрѣть грань между XVII и XVIII вв. Народъ попрежнему поетъ свои „старины", унося ихъ, впрочемъ, все далѣе отъ шума новой цивилизаціи въ глухіе углы Россіи. Попрежнему поются въ народѣ духовные стихи, особенно полюбившіеся раскольникамъ и принявшіе въ ихъ средѣ теперь характеръ сектантской страстности. „Творчество" сказывается въ эту эпоху лишь въ созданіи „историческихъ" пѣсенъ, по характеру своему тѣсно примыкающихъ къ пѣснямъ XVII-го вѣка. Почти всѣ событія частной и государственной жизни Петра: его рожденіе, путешествія заграницу, возстаніе стрѣльцовъ, азовскіе походы, подвиги и проказы донскихъ казаковъ, заточеніе царицы, сѣверная война, мелкіе случаи изъ его жизни и жизни ближайшихъ сподвижниковъ царя—нашли отраженіе въ этихъ великорусскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ.

Петръ В. въ народной пѣснѣ.

Но едва ли будетъ справедливымъ утверждать, что въ этихъ пѣсняхъ, часто очень сочувственныхъ Петру, народъ понялъ душу царя-преобразователя,—Грозный народомъ понятъ былъ лучше. Передъ нами въ пѣсняхъ сохранились лишь клочки внѣшней жизни Петра, какъ-то блѣднѣющіе въ эпическомъ складѣ исторической пѣсни. Опредѣлившаяся „личность" уже нуждается въ „личномъ пѣвцѣ",—для Петра нужна была эпопея, поэма,—не былина.

Въ исторіи сказки мы видѣли уже стремленіе къ старымъ формамъ и то же тяготѣніе къ реализму, то же расширеніе содержанія—чисто-количественное: т. е. увеличивается число сказочныхъ сюжетовъ, но разработка ихъ остается почти та же. Рядъ бродячихъ сюжетовъ примыкаетъ теперь къ Петру, какъ ранѣе къ Грозному. Попрежнему, какъ въ XVII в., наша сказка обогащается сближеніемъ съ письменными источниками—въ родѣ „Римскихъ дѣяній" и „фацецій". Вѣроятно, къ этому же времени относится появленіе въ ней „солдата", бывалаго пройдохи, свободнаго отъ деревенскихъ страховъ передъ „нечистой силой", готоваго и надуть, кого угодно, а, при случаѣ, помочь бѣдняку. Петръ В. въ народной сказкѣ.

§ 12. Нельзя не остановиться и на исторіи народной *карикатуры* (лубочная картина) этого времени. Занесенная къ намъ въ XVII в. съ Запада, она пришлась по вкусу русскому народу, давъ исходъ его сатирическимъ наклонностямъ. Народная карикатура.

Въ петровскій періодъ она особенно расцвѣла: то, что было въ XVII-омъ вѣкѣ только заимствованіемъ, то теперь обрусѣло, найдя себѣ богатую почву и матеріалъ въ простонародномъ юморѣ, грубоватомъ, но живомъ и яркомъ.

Въ остротахъ нашихъ балаганныхъ дѣдовъ сохраняются и до сихъ поръ осколки этого лубочнаго риѳмованнаго остроумія.

Напр. «Роспись приданаго». Картинка изображаетъ жениха, котораго угощаютъ. Тутъ же невѣста, сваха и родственники. Текстъ: «... изъ посуды липовые два котла,—да и тѣ сгорѣли до тла... Изъ платья два полотенца—изъ дубоваго полѣнца; праздничный уборъ, въ которомъ лазятъ красть куръ черезъ заборъ; юбка съ рукавами, опушена блохами» т. п. Статья о красотѣ невѣсты: «невѣста въ полосьма аршина, поперекъ ея половина; во рту калина, а въ носу выросла рябина, бѣла и румяна, какъ обезьяна» и т. п. „Роспись приданаго".

Многія изъ такихъ риѳмованныхъ виршей полны живого юмора и яркости красокъ,—вотъ почему эта мелкая мозаика русскаго творчества цѣнна для историка, слѣдящаго за постепеннымъ проявленіемъ реализма въ литературѣ. Нельзя не отмѣтить, что своими виршами и лубками народъ отозвался и на нѣкоторыя событія политическія—такъ, рядомъ съ осужденіемъ иноземнаго склада жизни XVIII-го вѣка, встрѣчаемъ мы здѣсь нападки и на Петра.

§ 13. *Русская повѣсть петровскаго времени.* Выше было указано, что въ концѣ XVII-го вѣка романическая литература осложнилась новыми типами героевъ: рыцари-богатыри Русская повѣсть петровской эпохи.

пустили въ свой кругъ рыцаря-любовника, а въ XVIII в. и просто любовника-„кавалера“ [1]). Составъ читателей этой пестрой рукописной литературы опредѣляется, до нѣкоторой степени, тѣми записями, которыя сдѣланы владѣльцами и читателями на многихъ рукописяхъ. Изъ этихъ записей видно, что романами интересовались и молодые офицеры, и рядовые изъ дворянъ, и чиновники, и купцы, и посадскіе, и крестьяне. Письменность

Значеніе этихъ повѣстей.

эта любопытна для исторія русскихъ нравовъ и образованія,— многимъ читателямъ романа она давала идеалы жизни, подсказывала имъ въ жизни поведеніе и настроеніе. Съ другой стороны, это чтеніе, очень распространенное и любимое, было подготовленіемъ къ той, болѣе серьезной, литературѣ, которая была результатомъ уже самостоятельнаго развитія русской культуры.

Изъ такихъ повѣстей петровскаго времени особенно интересны двѣ, сочиненныя у насъ въ Россіи, но представляющія собой подражаніе повѣстямъ заноснымъ.

„Повѣсть о матросѣ Василіи“.

Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи и прекрасной флорентійской королевнѣ Иракліи. «Въ россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ»—такъ начинается повѣсть. Его сынъ проситъ благословенія и идетъ на службу. Юноша сдѣлался матросомъ и въ Петербургѣ обратилъ на себя вниманіе: «отъ своихъ знаній и остроты ума» онъ «въ великой славѣ прославился»... Посланъ онъ былъ въ Голландію для дальнѣйшихъ занятій. Голландія пришлась по душѣ Василію—онъ увлекся торговымъ дѣломъ, и остался заграницей. Когда, спустя нѣкоторое время, онъ захотѣлъ съѣздить на родину, за родительскимъ благословеніемъ для дальнѣйшаго пребыванія заграницей, то буря разбила его корабль, и герой нашъ на доскѣ былъ выброшенъ на какой-то островъ. Здѣсь онъ попадаетъ въ общество разбойниковъ, дѣлается притворно ихъ товарищемъ и даже атаманомъ. Когда его выбрали въ атаманы, онъ сначала горько плакалъ, упирался и лишь боязнь быть изрублену «въ пирожныя части» (т. е. мелко) заставила его согласиться. У разбойниковъ на острову былъ заповѣдный чуланъ, куда Василій не долженъ былъ входить. Въ отсутствіе товарищей онъ зашелъ туда, увидалъ тамъ красавицу-королевну. Отъ красоты ея нашъ герой не удержался на ногахъ,—«паде на землю» и, разумѣется, влюбился. Она разсказала ему свою исторію, какъ была похищена разбойниками въ то время, какъ «гуляла съ дѣвицами въ шлупкахъ», какъ долго томится здѣсь «въ чуланѣ». Прошло нѣкоторое время и, дождавшись случая, герой

---

[1]) Напр., Евдонъ, Альфонсъ Рамиръ, король Ефродитъ, рыцарь Максіонъ, Францель Венеціанъ, египетскій царевичъ Палиціонъ, гишпанскій шляхтичъ Долторнъ и др. Затѣмъ попадаютъ къ намъ герои псевдоклассическаго романа: Калеандръ, Алкменесъ, Телемакъ, герои повѣстей сентиментальныхъ — въ родѣ героини „Гисторіи Жанетты“ и „Добродѣтельной Сициліанки“, „Ипполита и Жуліи“, „Карла Орлеанскаго“ и др.

нашъ увезъ королевну и богатства разбойниковъ. Затѣмъ онъ поселился съ нею въ Цесаріи, зажилъ широко и пышно, обѣдалъ запросто у самого цесаря. Цесарь, выслушавъ исторію Василія, очень удивлялся. Оказывается, спасенная россійскимъ матросомъ королевна была когда-то невѣстой его самого! Благодушіе цесаря дошло до того, что онъ заявилъ: «я васъ, мой государь Василій Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата родного!»— и велѣлъ его во всей Цесаріи за родного брата почитать. Подъ конецъ, «россійскій матросъ» перебрался во дворецъ, подаренный ему цесаремъ, и сталъ у него въ великой славѣ пребывать. Счастіе Василія скоро омрачилось. Изъ Флоренціи явился въ Цесарію адмиралъ, высланный на розыски королевны. Онъ коварно овладѣлъ Василіемъ и Иракліей. Офицеръ этого адмирала не исполнилъ приказанія утопить Василія, а бросилъ его въ лодку и пустилъ въ море. Узнавъ о происшедшемъ, цесарь былъ возмущенъ и послалъ во Флоренцію письмо, въ которомъ разсказалъ случившееся и требовалъ казни адмирала, грозя, въ противномъ случаѣ, войною. Между тѣмъ, адмиралъ заставилъ Ираклію подтвердить ея отцу его разсказъ о томъ, какъ онъ ее спасъ изъ рукъ разбойниковъ. Въ награду за этотъ вымышленный подвигъ Ираклія отдана адмиралу въ жены. Назначено было уже вѣнчаніе; печальная королевна ѣхала уже къ «киркѣ», какъ появился Василій, спасенный старымъ рыболовомъ. Увидя невѣсту, герой нашъ взялъ арфу, «нача играть и пѣть жалостную арію». Ираклія признаетъ Василія. Вѣнчается въ «киркѣ» онъ съ Иракліей, а съ коварнаго адмирала—съ «живого кожу сняли». Василій Ивановичъ впослѣдствіи сдѣлался королемъ флорентійскимъ и «поживе въ великой славѣ».

Историческое значеніе романа.

Таковъ этотъ романъ, весь пропитанный новой атмосферой петровской эпохи,—передъ нами уже не Москва, а «россійская Европія»—Петербургъ, Кронштадтъ... Герой—практическій дѣлецъ, оцѣненный за свои знанія и таланты и на родинѣ, и въ Голландіи. Передъ нами—широкіе географическіе горизонты, впрочемъ, не тонущіе въ туманѣ сказочныхъ тридевятыхъ царствъ, тридесятыхъ государствъ. Передъ нами, наконецъ, русскій человѣкъ, превознесенный не самомнѣніемъ Москвы, а самолюбіемъ Петербурга: онъ—европеецъ, названный братъ императора, въ будущемъ самъ король цвѣтущей Флоренціи [1]). Любопытно также то обстоятельство, что герой повѣсти еще дорожитъ родительскимъ благословеніемъ и, ради него, готовъ изъ Голландіи съѣздить въ Россію (ср. Еруслана Лазаревича).

Литературная исторія повѣсти.

Что касается до происхожденія повѣсти, то, принадлежа, несомнѣнно, къ оригинальнымъ произведеніямъ русскаго творчества, она примыкаетъ нѣкоторыми деталями къ переводнымъ повѣстямъ, въ родѣ «Гисторіи о Долторнѣ, Гишпанскомъ шляхтичѣ и королевнѣ Элеонорѣ». Такимъ образомъ канва романа была взята со стороны, и на ней самостоятельно разшиты узоры, свидѣтельствующіе о настроеніи новой, реформированной Петромъ Россіи.

---

[1]) Впрочемъ, знаніе географіи у автора очень слабое (Флоренція и столица цесаря оказываются у моря); описывается какой-то разбойничій островъ между Франціей, Флоренціей и Цесарской землей и т. д.

„Исторія объ Александрѣ“.

Другая повѣсть, заслуживающая вниманія: «*Исторія объ Александрѣ, россійскомъ дворянинѣ*». У московскаго дворянина Димитрія родился сынъ. И «лѣпотою» образа, и «остротою» разума выдавался онъ среди сверстниковъ. 12 лѣтъ онъ рѣшился ѣхать заграницу учиться и «красоту маловременной жизни сего свѣта зрѣть» и т. д. Просьбы родителей ничего не могли съ нимъ подѣлать,—и онъ, получивъ, наконецъ, благословеніе, отправился въ путь и «чрезъ нѣсколько дней» явился въ Парижъ. Здѣсь ему почему-то очень расхвалили городъ Лилль, и онъ отправился туда. Красотою и изяществомъ онъ затмилъ всѣхъ лилльскихъ кавалеровъ. Однажды, сидя на квартирѣ, онъ впалъ въ уныніе и сталъ играть на флейтѣ. Пасторская дочь Элеонора услышала его пріятную игру и заинтересовалась имъ. Узнавъ объ этомъ, Александръ пошелъ подъ окно смотрѣть Элеонору. Увидя красавицу-пасторскую дочь, онъ сразу влюбился и сталъ ее преслѣдовать письмами, любовными «аріями». Сначала все было напрасно. Послѣ одного насмѣшливаго отвѣта красавицы онъ даже сдѣлался «изумленъ» (т. е. потерялъ умъ, сознаніе—упалъ въ обморокъ). Отъ несчастной любви онъ, «наконецъ, въ сущую жалость пришелъ, того ради, ища себѣ увеселенія, пошелъ за городъ и нашелъ мѣсто прохладное и воздухъ пріятный». Здѣсь, обливаясь слезами, онъ, глядя на городъ, сталъ пѣть жалобныя «аріи».

Любовь привела нашего героя къ горячкѣ, и лишь тогда пасторская дочь сжалилась надъ нимъ. Увидя его умирающимъ, она, придя домой, плакала и пѣла арію:

„Счастье, Элеонора, сама ты погубила,—
Нанесла печаль своей младости,
Гордымъ отвѣтомъ болѣзнь возбудила,
Коя помѣшала нынѣ сладости!“ и т. д.

Между тѣмъ, поправившись, Александръ сталъ каяться, что безплодно для отечества проводитъ время на чужбинѣ, и хотѣлъ, было, уже отказаться отъ любовныхъ мечтаній, какъ Элеонора, на его арію, шопотомъ спѣтую ей на балу, призналась ему въ любви такою же аріей.

Долго оба они любили другъ друга, но однажды герой встрѣтился «съ генеральской дочерью» Гедвигой-Доротеею, которая была въ него влюблена. Послѣ недолгой борьбы Александръ начинаетъ сдаваться ей, такъ какъ, въ случаѣ его отказа, она грозилась заколоться. Элеонора узнала объ измѣнѣ Александра и захворала горячкой. Александръ въ стихахъ старается увѣрить Элеонору въ своей вѣрности,—она также въ стихахъ отвѣчаетъ ему и умираетъ съ просьбой, чтобы Александръ самъ ее похоронилъ, и хотя бы одну слезу уронилъ на ея прахъ. Похоронивъ трогательно Элеонору и выругавъ заочно «генеральскую дочь»—виновницу всѣхъ несчастій («о, корень злости, о адская пропасть и ненасытная утроба, о смертоносный ядъ, о свирѣпѣйшій левъ!»), Александръ покидаетъ городъ Лилль и ѣдетъ въ Парижъ. Здѣсь, въ Парижѣ, онъ встрѣтился и подружился съ другимъ россійскимъ дворяниномъ Владиміромъ, который также посвятилъ себя заграницей не наукамъ, а любви. Владиміръ, впрочемъ, къ любви относится не такъ требовательно,—оттого его похожденія сортомъ ниже, чѣмъ у сентиментальнаго, романтическаго

Александра. Разсказы Владимира, большею частью, сводятся къ пересказу комическихъ приключеній, изъ которыхъ онъ выходитъ и битый, и осмѣянный.

Такъ, заграницей предпріимчивый Владимиръ и въ театрахъ, и на гуляньяхъ всегда дѣлалъ даже незнакомымъ дѣвицамъ «пріятныя мины», и «многіе знаки, что желаніе его искати знакомство»... Такъ какъ почти всѣ его смѣлыя попытки кончались неудачей, то онъ затосковалъ и рѣшилъ воздерживаться на будущее время отъ такихъ ухаживаній за незнакомыми. Въ Парижѣ Александръ полюбилъ дочь гофмаршала Тирру и съ нею бѣжалъ. Далѣе въ романѣ сентиментальная любовь и бытовыя подробности блѣднѣютъ; на первое мѣсто выступаютъ приключенія, битвы съ разбойниками, разлука съ Тиррой, рыцарскіе подвиги Александра, подъ девизомъ «рыцаря гнѣва и побѣды», его странствія по всему свѣту отъ Англіи до Египта, Индіи и Китая, кораблекрушенія, рабство героя и, наконецъ, свиданіе съ Тиррой въ Китаѣ и поѣздка съ ней въ Россію. Теперь онъ—странствующій рыцарь, ищущій поединковъ, блестящій на турнирахъ, гордость европейскаго рыцарства, страхъ всѣмъ притѣснителямъ слабыхъ и беззащитныхъ. Конецъ повѣсти опять круто измѣняетъ свой характеръ. Возвращаясь на родину, Александръ утонулъ, купаясь въ рѣкѣ. Тирра умираетъ отъ горя на его трупѣ, пропѣвъ передъ тѣмъ длинную «арію»:

„Ахъ, что я, бѣдна, вижу предъ собою?—
Александра любезна, опоенна водою!.. и т. д.
Гдѣ твоя храбрость нынѣ обитаетъ?
Европія о несчастіи твоемъ еще не знаетъ.
Всѣ твои пріятели неутѣшно заплачутъ,
А непріятели, веселяся, скачутъ!“

Послѣ такихъ причитаній она заколола себя мечомъ; Владимиръ похоронилъ ихъ обоихъ въ одной могилѣ. Вдругъ подъѣхала къ нему Гедвига-Доротея, искавшая во всей Европѣ Александра. Узнавъ о его судьбѣ, она, въ свою очередь, стала надъ могилою держать стихотворную рѣчь. Затѣмъ вытащила изъ могилы тѣло Тирры, съ великою злобою ея «главу, руки и ноги переломала и въ той злости жизнь свою скончала». Владимиръ похоронилъ ихъ троихъ вмѣстѣ и вернулся на родину.

Историческое значеніе обѣихъ повѣстей.

Оба разобранныя произведенія любопытны во многихъ отношеніяхъ: они являются дальнѣйшею степенью развитія русской повѣсти, сравнительно съ повѣстью о „Фролѣ Скобѣевѣ“. Вмѣсто маленькаго случая въ глухомъ углу Россіи, здѣсь фабула разсказа выносилась на широкіе горизонты европейской, даже міровой жизни. Оба героя—всемірныя знаменитости, оба они далеки отъ старой Москвы, оба живутъ интересами культурнаго общества, интересами, понятыми очень односторонне, но, тѣмъ не менѣе, характерно для эпохи. Любовь къ женщинѣ, заполняющая всѣ интересы этихъ новыхъ героевъ русской жизни, была ре-

зультатомъ перелома въ русскомъ міросозерцаніи. Женщина, освобожденная отъ рабскаго состоянія теремной жизни, теперь становилась рядомъ съ мужчиной, требовала для себя равныхъ правъ и чистыхъ отношеній. Оба героя, предки нашихъ сентиментальныхъ романическихъ любовниковъ середины XVIII в., ничѣмъ не послужили родинѣ,—обоихъ увлекъ блескъ чужой культуры, тѣмъ не менѣе они для насъ — оба яркіе показатели новыхъ потребностей, явившихся къ намъ съ реформой общества.

Любовная лирика петровскаго періода.

§ 14. *Лирика.* Уже въ XVII в. встрѣчали мы первыя попытки выразить въ стихахъ страданія сердца, измученнаго любовью. Теперь, въ XVIII в., эти опыты встрѣчаются все чаще и чаще. Въ рукописныхъ собраніяхъ, рядомъ съ виршами стараго склада, теперь въ большомъ числѣ попадаются намъ эти стихотворныя изліянія, чаще всего безъ обозначенія именъ ихъ творца. Зарождавшаяся галантность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами высшаго, болѣе образованнаго, сословія особенно способствовала этой лирикѣ. „Самая нѣжная любовь, только подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками",—говоритъ Болотовъ, „тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку и, буде, гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка не была спускаема".

Оттого-то и россійскій матросъ Василій, и дворянинъ Александръ, и его другъ Владиміръ такъ любили щеголять „аріями". Въ началѣ XVIII в. такимъ кавалеромъ, прибѣгавшимъ къ чарамъ поэзіи, былъ извѣстный побѣдитель женскихъ сердецъ камергеръ Монсъ, за свои любовныя похожденія заплатившій жизнью. За незнаніемъ русской грамоты онъ писалъ русскіе стихи нѣмецкими буквами. Вотъ одно изъ его произведеній:

Монсъ, его любовныя пѣсни.

„Ахъ, что есть свѣтъ и въ свѣтѣ! ахъ, все противное!
Не могу жить, ни умерти. Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Нѣтъ упокоя сердцу!
Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется,—
Пробилъ стрѣлою сердце; лежу безъ памяти..." и т. д. [1]).

Какъ видно изъ настроенія этихъ стиховъ, любовныя страданія Александра вполнѣ умѣщались въ предѣлахъ этого чув-

[1]) Ср. еще „стихотворный романъ-автобіографію", относящійся къ этой эпохѣ (моя „Исторія Русской Слов.". ч. I, вып. 2, стр. 240).

конечно, можно смѣло утверждать, что вообще припод-
...троеніе героевъ петровской повѣсти вполнѣ отвѣчало ...вительнымъ чувствамъ того времени. Иностранцы, описавшіе нашу жизнь начала вѣка, придворную и городскую, говорятъ намъ о той любовной атмосферѣ, которою наслаждалось русское общество, освобожденное отъ оковъ Домостроя.

Столѣтовъ.

Секретарь Монса, Столѣтовъ, тоже былъ чувствительный стихотворецъ,—отъ него осталось немало стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

„О, коль тягостно голубю безъ перья летати—
Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати!
И теперь я, младенка, въ слезахъ унываю,
Что я друга сердечна давно не видаю.

Императрица Елизавета Петровна, какъ сочинительница пѣсенъ.

Подобные же стихи писала еще Елизавета Петровна, когда, далекая отъ трона, она жила сердечными привязанностями:

... Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно
И безъ тебя скучно!
Легче-бъ тя не знати,
Нежель такъ страдати
Всегда по тебѣ!.. и т. д.

Въ сборникахъ XVIII в., рядомъ съ народными пѣснями и кантами, много анонимныхъ любовныхъ пѣсенъ такого рода.

Содержаніе этихъ пѣсенъ.

Кромѣ такихъ восторженныхъ стиховъ, встрѣтимъ мы и грустные, полные жалобъ на „фортуну-разлучницу", на людей, на невѣрность милой. Всѣ эти нескладныя произведенія—и разобранныя повѣсти, и приведенные стихи безъ размѣра, смѣсь виршей, народной пѣсни и монолога изъ любовнаго романа — цѣннѣе для насъ, чѣмъ тѣ книжныя искусственныя произведенія, которыя написаны „по правиламъ" поэтики и которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ нашихъ исторіяхъ литературы совершенно закрываютъ собою то оригинальное творчество, которое росло и пробуждалось именно въ этихъ дѣтскихъ попыткахъ выразить словами музыку своей души, взволнованной новыми ощущеніями!

Ложноклассицизмъ въ русской литературѣ.

§ 15. *В) Псевдоклассическая литература.* На русской литературѣ эпоха Петра отразилась такъ же рѣзко и энергично, какъ и на всѣхъ другихъ проявленіяхъ умственной и общественной жизни русскаго народа. Кантемиръ, Тредіаковскій, Ломоносовъ и, наконецъ, Сумароковъ — вотъ, крупныя имена,

связанныя съ жизнью реформированнаго русскаго общества. Отъ нихъ ведетъ свое начало русская изящная литература,—съ ихъ именами связанъ расцвѣтъ того направленія, которое носитъ у насъ странное названіе *ложно-* или *псевдоклассическаго.* Я говорилъ уже, что первыхъ проблесковъ этого направленія приходится искать еще въ схоластической литературѣ XVII в., что первыя попытки дать „теорію" поэзіи, уже въ духѣ этого классицизма, относятся у насъ къ концу того же XVII в. и, особенно, къ началу XVIII в. — но, теперь, когда литература освобождается совершенно отъ опеки духовенства, она, въ лицѣ названныхъ писателей, выдвигаетъ крупныхъ дѣятелей, литературно-образованныхъ, которые сознательно придерживались поэтическихъ теорій, господствовавшихъ на западѣ.

Теорія поэзіи въ классической древности.

Классическія и ложноклассическія теоріи поэзіи. Всякая теорія есть итогъ пережитыхъ впечатлѣній, а потому сложеніе, напр., первой теоріи словесности, возможно только тогда, когда развитіе поэзіи достигло высшей степени ея возможности. Оттого въ Греціи, болѣе или менѣе, систематическія теоріи оставили намъ лишь Платонъ и Аристотель, явившіеся на закатѣ греческой поэзіи. Платонъ не заботился о «правилахъ»,

a) Платонъ.

о кодексѣ. Его заслуга заключается въ томъ, что онъ первый заговорилъ объ «идеѣ прекраснаго»—онъ первый призналъ, что прекрасное не заключается въ полезномъ, но «сущности прекраснаго онъ не опредѣлилъ, сказавъ, что «это трудно». Платонъ доказывалъ, что совершенно-прекрасное существуетъ только въ идеѣ, что земное прекрасно не само-по-себѣ, а относительно-прекрасно, т. е. поскольку напоминаетъ о красотѣ небесной. Поэтому зрѣлище прекраснаго на землѣ окрыляетъ душу къ небесному, возвращаетъ ее къ божественному источнику всякой красоты. Творчество, по представленію Платона, есть результатъ «наитія». «Поэтъ—существо легкое, крылатое, святое, на которое Музы и Аполлонъ насылаютъ божественную силу»,—говоритъ онъ.

Позднѣе, въ своей «Республикѣ», Платонъ освѣщаетъ искусство со стороны его содержанія. По его мнѣнію, оно занимаетъ третье мѣсто въ отношеніи къ истинѣ. Первый художникъ—Богъ, который создалъ «идею» всякаго предмета; второй—природа, въ которой осуществлена первая копія идеи; третій—искусство, подражающее предмету истинному въ природѣ посредствомъ ложнаго «призрака». Поэтому поэзія, какъ «призракъ истины», какъ «ложь», изгонялась имъ изъ того идеальнаго государства, которое создано было его фантазіей [1]).

b) Аристотель.

Совершенно другимъ характеромъ отличалась «поэтика» Аристотеля. Она не касается характера поэзіи и имѣетъ исключительное значеніе, какъ догматическій кодексъ. Платонъ говорилъ, что прекрасное существуетъ въ идеѣ, что оно есть часть божественнаго и на землѣ—воспоминаніе о

---

[1]) Ср. ниже, взглядъ на поэзію Карамзина и Жуковскаго.

небѣ. Аристотель увидѣлъ «прекрасное» въ «формѣ»—въ симметріи, въ единствѣ, въ полнотѣ соразмѣрности, относя это равно къ явленіямъ природы и къ произведеніямъ искусства. Платонъ объясняетъ происхожденіе поэзіи изъ божественнаго вдохновенія; наслажденіе поэзіей видитъ онъ въ воспріятіи ея душою. Аристотель выводитъ происхожденіе поэзіи изъ стремленія «подражать», врожденнаго человѣку. Аристотель обратилъ вниманіе на внѣшнюю сторону искусства; величина и порядокъ для него первыя условія красоты. «Трагедія» для Аристотеля—вѣнецъ поэзіи и идеалъ поэтическаго произведенія.

Совершенство трагедіи, по его мнѣнію, зависитъ отъ стройности ея частей. «Прекрасное, говоритъ Аристотель, наблюдаемъ ли мы его въ прекрасномъ животномъ, или въ другомъ какомъ предметѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, въ которыхъ должно быть не только правильное расположеніе, но и опредѣленная величина, ибо прекрасное состоитъ въ *величинѣ и порядкѣ*. Очень мелкое животное и животное въ 1000 стадій прекраснымъ быть не можетъ, такъ какъ глазъ—или не различаетъ его частей, или не можетъ цѣликомъ схватить». Такъ и въ трагедіи необходимы единство, цѣлостность и соразмѣрность частей. «Поэтому дѣйствіе для трагедіи лучшее есть то, которое велико, сколько можно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко обозримо». Изъ этихъ словъ вытекало требованіе *единства дѣйствія*. Этого единства, не формулируя его точно, требовалъ Аристотель и отъ эпопеи. Такимъ образомъ, Аристотель говорилъ только объ единствѣ дѣйствія. Объ *единствѣ времени* у него встрѣчаемъ лишь слѣдующее указаніе: «трагедія, по бо̀льшей части, старается заключить свое дѣйствіе въ одинъ круговоротъ солнца, или немного болѣе. О нравственной цѣли поэзіи въ пiитикѣ Аристотеля нѣтъ и намека.

Совершенство поэтическаго произведенія.

„Единство" у Аристотеля.

Горацій соединилъ въ своей «Ars poetica» греческія аристотелевскія начала съ національнымъ, чисто-римскимъ утилитарнымъ направленіемъ, ему первому принадлежитъ требованіе, чтобы поэтъ «соединялъ полезное съ сладкимъ, увеселяя и вмѣстѣ назидая читателя». Человѣкъ, жившій и писавшій въ такую эпоху, когда старая вѣра умирала, онъ, тѣмъ не менѣе, въ своихъ произведеніяхъ неразъ поминаетъ боговъ. Въ его поэзіи боги и богини Олимпа являются, какъ прекрасные поэтическіе образы, лишенные религіознаго содержанія, какъ общія мѣста, какъ художественные пріемы. Уже въ этомъ было начало *псевдо*-классицизма.

c) Горацій.

Италія, «колыбель Возрожденія», первая заговорила о правилахъ поэтическаго искусства. Но лишь во Франціи Шапеленъ въ 1630 г. въ засѣданіи Французской академіи изложилъ сочленамъ теорію *«трехъ единствъ»*, присущихъ древней трагедіи. Академики признали это «открытіе» и объявили его «закономъ» драматургіи. Благодаря осужденію Корнелевскаго «Сида», законъ обратился въ догматъ. Буало послѣ 1670 г. выразилъ его въ стихахъ:

Теоріи въ эпоху Возрожденія въ Италіи и во Франціи.

Буало.

Qu'en un lieu, qu'en un jour, un seul fait accompli
Tienne jusqu'à la fin le théâtre rempli.

Затѣмъ поэзія пріобрѣла «придворный» характеръ, такъ какъ стала ютиться въ королевскихъ чертогахъ,—отсюда ея манерность, высокопарность, изысканность. Une douce terreur, une pitié charmante часто замѣ-

Придворный характеръ псевдоклассической поэзіи.

няли теперь тѣ грандіозныя драматическія страсти, съ которыми жили герои истиннаго классицизма. Придворный характеръ поэзіи привелъ не только къ изысканности содержанія, но и стиля, къ разбору словъ и выраженій «благородныхъ» и «низкихъ». Буало, напр., долго радовался, что неприличное, по его мнѣнію, выраженіе «подъ моимъ парикомъ», онъ сумѣлъ замѣнить слѣдующимъ: Sous mes faux cheveux blondes». Обиліе условностей и общихъ мѣстъ привели къ тому, что поэзія сдѣлалась синонимомъ версификаціи, стала называться «art des vers». Конечно, античные боги, ихъ жизнь и похожденія не сходили съ языка тогдашнихъ поэтовъ, но напрасно стали бы въ нихъ искать намека на боговъ Гомера. Это все были «ложные» боги, оттого и новые классики, имъ поклонявшіеся, названы были «ложными» классиками, или псевдоклассиками.

Жизненность французскаго псевдоклассицизма.

Впрочемъ, французскій псевдоклассицизмъ былъ всетаки жизненнымъ явленіемъ: онъ характерно отражалъ жизнь Франціи. Это было время расцвѣта монархіи, время славныхъ войнъ, блестящихъ подвиговъ—время, которое нельзя было иначе рисовать, какъ на широкомъ полотнѣ. Мы знаемъ, что и этотъ блескъ, и эта широта картины прикрывала собою отнюдь не блестящую дѣйствительность. Какъ бы то ни было, герои древности, сохраненные въ памяти историковъ, воспѣтые поэтами, увѣковѣченные художниками, своею грандіозностью вѣрно отвѣчали тѣмъ приподнятымъ искусственно-вздутымъ чувствамъ, которыми жила Франція XVII вѣка. Вотъ почему «высокіе идеалы древности» безъ труда сдѣлались паѳосомъ и новаго классицизма. Съ другой стороны, древняя миѳологія, похожденія боговъ и богинь—все это находило откликъ въ развлеченіяхъ знати и двора: пастушки Лонга и Виргилія манили своей очаровательной простотою изнѣженныхъ маркизовъ и маркизъ въ деревню изъ шумнаго Парижа. Сатира Горація и Ювенала находила себѣ жертвы и въ Парижѣ. Легкія шалости пера, остроумныя надписи, колкія эпиграммы и античныя шутки вполнѣ отвѣчали духу французскаго народа... Такъ содержаніе старой литературы пришлось по вкусу французамъ и лишь перекраивалось на новый ладъ въ Парижѣ. Эта литература сумѣла даже изъ античной поэзіи извлечь «правила», но оставила непонятымъ античный духъ, античное міросозерцаніе.

§ 16. *Ода.* Сатира можетъ быть названа «псевдо-классической лишь въ томъ смыслѣ, что у древнихъ сатириковъ она заимствовала форму, заимствовала характеръ, иногда ея темы,—но самое существенное—*содержаніе* было свободно отъ всякихъ стѣсненій и правилъ—всегда было живымъ и подвижнымъ, такъ какъ, по существу своему, обречено было всегда соприкасаться съ дѣйствительностью. Буало, переведенный на латинскій языкъ, лишь очень слабо задѣвалъ бы жизнь Рима. Не то было съ «одой»,—она, въ силу своей оторванности отъ жизни, легче поддавалась чужимъ воздѣйствіямъ. Эти воздѣйствія покорили не только ея формы, но и содержаніе сдѣлали «общимъ мѣстомъ». Оттого большинство одъ совершенно интернаціональны и шаблонны, одинаково примѣнимы и къ Франціи XVI—XVII в., и къ Германіи, и къ Россіи.

Ода эта получила всѣ свои специфическія черты при дворѣ Людо-

вика XIV. Дворъ поработилъ не только аристократію, окончательно обративъ ее въ придворныхъ, но притянулъ къ себѣ въ Парижъ поэтовъ, художниковъ, ученыхъ. Ранѣе пѣвцы проживали въ замкахъ вельможъ и славили ихъ подвиги, доблести и гостепріимство,—теперь, послѣ централизаціи умственной жизни—они столпились въ столицѣ. «Король-солнце», копировавшій императора Августа, сдѣлался для нихъ державнымъ Меценатомъ, раздавалъ награды и пенсіи. И вотъ, изъ желанныхъ гостей рыцарскаго замка поэты сдѣлались пансіонерами короля; «просвѣщенный абсолютизмъ» [1]) пріютилъ ихъ, они окрѣпли подъ его обороной и сдѣлались хозяевами и законодателями тогдашняго всеевропейскаго Парнаса; и они прославляли короля и своихъ покровителей, разносили ихъ славу на всю Европу. Эти литераторы составили первую корпорацію Французской академіи. Она была поставлена на ряду съ высшими государственными учрежденіями Франціи и получила высокое право подносить королю поздравленія въ торжественныхъ случахъ наравнѣ съ парламентомъ. Съ тѣхъ поръ попасть въ эту Академію сдѣлалось завѣтной мечтой всякаго французскаго писателя. «Обязанность» поэтовъ-академиковъ восхвалять державнаго Мецената и создала типичныя черты французской оды. Образцами для нея сдѣлались оды Пиндара и Горація. Изъ нихъ, конечно, самымъ искреннимъ творцомъ одъ былъ Пиндаръ, извѣстный своими хвалебными пѣснями въ честь современныхъ ему событій и героевъ. Эти пѣсни пѣлись подъ аккомпаниментъ лиры. Живое, искреннее отношеніе пѣвца къ событію, сочувствіе слушателей—вотъ непремѣнные спутники этой первобытной оды [2]). Болѣе искусственной была ода Горація,—это была уже льстивая поэзія въ честь благодѣтеля, безъ участія народа, безъ пѣнія и лиры, безъ вѣры и боговъ, хотя и съ традиціоннымъ обращеніемъ къ богамъ и лирѣ, и упоминаніемъ слова: «пою»...

Пиндаръ.

Горацій.

Ложно-классики позаимствовались формой и пріемами у Пиндара и Горація—и скоро теорія ложно-классической оды сложилась. Буало удачно, въ нѣсколькихъ словахъ, опредѣлилъ теорію этой оды—и она сдѣлалась закономъ для всѣхъ послѣдующихъ одописцевъ. Главная особенность этой оды—«паѳосъ», подымающій поэта до небесъ, до высоты языческаго Олимпа, гдѣ, въ порывѣ восторга, поэтъ зритъ самихъ боговъ; въ такихъ пѣснопѣньяхъ въ честь побѣдителя, въ восхваленіяхъ побѣдъ, стремительность стиля, увлекая поэта отъ спокойной плавной рѣчи къ воззваніямъ, отступленіямъ, повышеніямъ, вытекавшимъ изъ его возбужденія,—создавала тотъ «beau désordre», «прекрасный безпорядокъ», который присущъ искренне-вдохновенному чувству, но въ теоріи Буало обращался въ «effet de l'art» (красивый литературный пріемъ). У многихъ ложно-

Буало и ода во Франціи.

[1]) „Просвѣщеннымъ абсолютизмомъ" называется такая правительственная система, которая покровительствуетъ просвѣщенію общества, но сознательно лишаетъ это просвѣщеніе характера самостоятельности; только тѣ знанія давались *„сверху"*, которыя считались необходимыми, и общество должно было ходить только „на помочахъ".

[2]) Повидимому, таковы же были и пѣсни нашего Баяна, котораго, въ минуты вдохновенія, инстинктивно влекло къ золотымъ струнамъ, и стоило ему возложить на нихъ свои вѣщіе персты,—эти струны, безъ всякаго усилія со стороны пѣвца, „сами князьямъ славу рокотали"...

классиковъ, сочинителей одъ, этотъ «*прiемъ*» прикрывалъ недостатокъ, или неискренность чувства.

Ода въ Германiи.

Ложно-классическiя оды имѣли успѣхъ въ Германiи, гдѣ онѣ сочинялись, обыкновенно, въ честь разныхъ нѣмецкихъ принцевъ, сидѣвшихъ въ своихъ зáмкахъ и городишкахъ и корчившихъ изъ себя «маленькихъ Людовиковъ XIV-хъ». Немудрено, что грандiозно-льстивая французская ода приняла здѣсь характеръ грубой лжи. Что въ обстановкѣ Версаля было приподнятымъ, вздутымъ, но что имѣло всетаки основанiе въ феерически-театральномъ величiи эпохи и культуры, то въ глуши добродѣтельной Германiи, въ атмосферѣ пива и юнкерства, было прямой неправдой: тѣ же воззванiя къ богамъ древности, тѣ же уподобленiя героямъ древности, тотъ же паѳосъ,—только вмѣсто грандiозной личности Людовика—воспѣвался въ громкихъ словахъ какой-нибудь ничѣмъ не замѣчательный мелкiй нѣмецкiй князекъ, «просвѣщенный французскимъ свѣтомъ»!

Впрочемъ, и у нѣмцевъ были поэты, искреннее чувство которыхъ порою пробивалось сквозь условности готовыхъ, избитыхъ формъ. Такимъ былъ, напр., Гюнтеръ, умершiй молодымъ. Для насъ онъ цѣненъ, какъ писатель, высоко-уважаемый Ломоносовымъ.

„Легкая поэзiя".

§ 17. *Легкая поэзiя.* Кромѣ «высшаго» рода лирики, «оды», пышно расцвѣла въ XVIII в. лирика «низшая»,—та «легкая поэзiя», которая культивировалась въ салонахъ Парижа; остроумная, грацiозная, слегка сентиментальная, эта поэзiя, повторяя шутки древности, въ пастушескихъ эклогахъ, эпиграммахъ, насмѣшливыхъ эпитафiяхъ, красиво и грацiозно воплотила забавы утонченнаго французскаго ума; подъ прикрытiемъ шалостей классическихъ пастуховъ и пастушекъ,—Хлой и Дафнисовъ, или олимпiйцевъ, часто изображались дѣйствительныя похожденiя маркизовъ и маркизъ, красивое иносказанiе навѣвало поэзiю на модныя развлеченiя знати. Эта поэзiя сонетовъ, рондо, мадригаловъ, посланiй, эпиграммъ, трiолетовъ, элегiй,—стансовъ и пр.—всетаки ближе «оды» стояла къ настроенiямъ общества,—отсюда ея бóльшая живучесть.

Трагедiя.

§ 18. *Трагедiя.* И для Аристотеля, и для Горацiя, и для Буало «трагедiя» была «высшимъ» литературнымъ родомъ,—оттого и теорiя ея оказалась у нихъ особенно разработанной. Историческiй смыслъ этой теорiи, окончательно сложившейся въ XVII в., заключался въ желанiи внести порядокъ въ процвѣтавшую въ средніе вѣка «духовную» драму [1]). Какъ извѣстно, это были мистерiи, представленiе которыхъ продолжалось цѣлыми днями; въ содержанiи ихъ, безъ разбора, мѣшалось серьезное съ комическимъ и вульгарнымъ, даже неприличнымъ; ничто не сдерживало фантазiи автора... Требованiе соблюдать правила «трехъ единствъ» было внушено желанiемъ бороться съ этой распущенностью,—«правила» всетаки подчиняли драму извѣстному контролю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вносили «правдоподобiе» на сцену театра. Такимъ образомъ, въ свое время, и ложноклассики были «новаторами-реформаторами» и они дѣйствовали во имя «реализма», «художественной правды», вызывая противъ себя тѣ же нападки, которыми позднѣе сами встрѣтили романтиковъ.

---

[1]) Быть можетъ, въ этой заботѣ о сочиненiи „правилъ" сказалась нацiональная черта французовъ—страсть къ систематизацiи, сказался присущiй имъ рацiонализмъ.

Корнель далъ нѣсколько пьесъ, въ которыхъ онъ еще не зналъ никакихъ стѣсняющихъ «правилъ»: его свобода кончилась «Сидомъ». Послѣ осужденія этой пьесы, Корнель подчинился «теоріи единствъ», отказался отъ національныхъ сюжетовъ и ушелъ въ классическій міръ. Начавъ съ «комедій» и прославившись сначала именно какъ создатель этихъ произведеній,—Корнель перешелъ къ грандіознымъ, величавымъ образамъ трагедіи. Возвышенныя настроенія этой поэзіи совпали съ историческомъ моментомъ,—Франція сама переживала блестящую эпоху... Недаромъ наиболѣе выдающіяся пьесы Корнеля: «Цинна», «Поліевктъ», посвящены прославленію могущества короля и церкви. Герои его—не греки и не римляне: скорѣе это—живыя олицетворенія высокихъ доблестей и пороковъ, поставленныхъ въ столкновеніе между собой на почвѣ борьбы любви съ долгомъ,—это—апоѳеозъ высокихъ идеаловъ человѣчества [1]). Корнель.

Расинъ продолжилъ дѣло Корнеля: онъ ближе къ дѣйствительности, его герои менѣе отвлеченны, они ближе къ людямъ; любовь нѣжная и трогательная—главная пружина дѣйствія въ его пьесахъ, драма женскаго сердца—главный его интересъ; его психологія отличается тонкими оттѣнками. Гордость, нравственное величіе, возвышенное настроеніе героевъ Корнеля смѣняются у Расина мягкостью, граціей души, чувствительностью сердца... Корнель искалъ «великіе сюжеты»—Расинъ ищетъ, главнымъ образомъ, «интересные характеры»; у него драма обращается къ естественнымъ чувствамъ и истиннымъ нравамъ. Вмѣсто крупныхъ политическихъ событій, Расинъ взялся за изображеніе сердечныхъ дѣлъ. Расинъ.

Въ лицѣ своихъ двухъ великихъ драматурговъ французскій классицизмъ доказалъ, что для генія оковы «правилъ» не имѣютъ большого значенія,—Корнель и Расинъ должны быть поставлены рядомъ съ литературными геніями другихъ странъ.

Тэнъ дѣлаетъ очень удачное сравненіе между образами истиннаго и ложнаго классицизма: «Ахиллъ, наступая у Гомера ногою на тѣло умирающаго Гектора, чувствуетъ себя далеко еще недовольнымъ и, подобно льву или волку, готовъ бы пожрать кровавое мясо побѣжденнаго,—этотъ самый Ахиллъ у Расина является въ лицѣ какого-нибудь принца Конде, обворожительно-блестящимъ придворнымъ, страстно дорожащимъ своею честью, поклонникомъ дамъ, горячимъ, конечно, и пылкимъ, но все это въ соединеніи съ размѣренной живостью молодого офицера, умѣющаго, и при самомъ сильномъ гнѣвѣ, удержаться въ предѣлахъ приличія и никогда не позволить себѣ грубости». Всѣ говорятъ въ этихъ трагедіяхъ съ необыкновенной вѣжливостью и знаніемъ свѣта. И ораторская ловкость, и умѣнье во-время сложить мадригалъ, и расшаркаться по всѣмъ правиламъ салона—вотъ черты героевъ придворной ложно-классической трагедіи. «Этотъ театръ, говоритъ Тэнъ, можно бы назвать превосходнымъ изображеніемъ тогдашняго великосвѣтскаго общества». Тэнъ объ истинномъ и ложномъ классицизмѣ.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи, пьесы ложноклассиковъ являются прямымъ продолженіемъ средневѣковыхъ moralités,—пьесъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются олицетворенія добродѣтелей и пороковъ,—теперь эти олицетворенія нашли себѣ классическую обстановку, человѣческія дѣла, интригу, близкую къ жизни, нашли живой сюжетъ, заимствованный изъ исторіи, или изъ миѳологіи.

Не могли новые драматурги помириться и съ той силой *рока*, которая тяготѣетъ даже надъ добродѣтельными героями языческой драмы. Христіанинъ-писатель, постигшій величіе личности, замѣнилъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ безнадежную и жестокую борьбу героя съ «судьбой»—конфликтомъ душевныхъ страстей; онъ отбросилъ участіе языческихъ боговъ и богинь въ дѣлахъ людей и призналъ наличность добра и зла въ самой душѣ человѣка.

Наполеонъ о псевдоклассической драмѣ.

Наполеонъ, бесѣдуя съ Гёте, совершенно вѣрно опредѣлилъ сущность французской трагедіи: «это—*кризисъ*, моментъ разрѣшенія человѣческихъ столкновеній: тогда какъ драма англійская и нѣмецкая часто—*исторія*» человѣческой страсти. Во французской драмѣ мало эпизодовъ,—все устремлено къ психологическому опредѣленію общечеловѣческихъ характеровъ, страстей и чувствъ. Эта *общечеловѣчность* героевъ—главное условіе популярности этой драмы. Но, кромѣ того, глубокій и тонкій психологическій анализъ—не менѣе великое достоинство ея. Вотъ почему справедливы слова одного критика, замѣтившаго, что, если XVII-ый вѣкъ сдѣлалъ для прогресса человѣчества менѣе, чѣмъ XVI-ый и особенно XVIII-ый вѣкъ, то можно сказать, что, благодаря анализу нравственности, изученію души человѣческой, ея движеній, самыхъ глубокихъ, самыхъ сокровенныхъ, самыхъ тонкихъ—богатство и разнообразіе литературныхъ богатствъ этого вѣка, несравнимо ни съ XVI-мъ, ни съ XVIII-ымъ вѣкомъ.

Вольтеръ.

Въ XVIII-омъ вѣкѣ первымъ драматургомъ считался Вольтеръ, но онъ, какъ писатель, не внесъ ничего новаго въ исторію французской драмы,—зато, какъ политическій мыслитель и философъ, онъ подчинилъ свои пьесы «злобѣ дня», театральную сцену сдѣлалъ ареной проповѣди своихъ излюбленныхъ идей. Главнымъ образомъ, съ него и начинается политическая роль французскаго театра.

Комедія.

§ 19. Вмѣстѣ съ классической трагедіей занесена была во Францію и комедія. Греческая комедія (Аристофанъ), по существу, «политическая», не могла быть образцомъ для французскихъ классиковъ, такъ какъ главный предметъ ея—«государство», а интересы новой французской комедіи направлены были исключительно на «общество». Вотъ почему, какъ въ сатирѣ, такъ и въ комедіи, французы примкнули къ римлянамъ, у которыхъ нашли они комедію «общественную».

Римская комедія.

Комедіи Плавта, Теренція послужили образцомъ для псевдоклассиковъ-драматурговъ. «Единства» легли въ основу новой комедіи, что, впрочемъ, не было для нея гнетомъ, такъ какъ для комическаго кризиса (развязки) не требовалось столькихъ усилій, какъ для трагическаго, когда развертывались великія событія и раскрывались великія страсти. Римскіе комики строили свои пьесы на столкновеніи однихъ и тѣхъ же шаблонныхъ типовъ: «матрона», «дѣвушка», «воинъ», «скупой», «хвастунъ», «старикъ», «юноша», «паразитъ». Поэтому различіе между пьесами сводилось къ различію интриги. Такое настроеніе было усвоено и ложноклассической комедіей. Лучшимъ представителемъ этой комедіи былъ Мольеръ. У него эти «типы» римской комедіи смѣнились пестрыми и разнообразными образами, выхваченными изъ французской жизни: франтъ-маркизъ, педантъ-ученый, шарлатанъ, лицемѣръ, скупецъ и мн. др.—всѣ

„Типы“ комедіи.

Мольеръ.

представленные на фонѣ живой дѣйствительности—вотъ, главные герои лучшихъ его комедій. Живой талантъ Мольера спасъ его комедіи отъ разсудочной сухости и отвлеченности, которыя тяготѣли надъ ложноклассической комедіей, вслѣдствіе ея искусственнаго построенія. Онъ внесъ въ свои «типы» черты индивидуальныя,—умѣло сочеталъ въ характерахъ своихъ героевъ общее и частное. Богатый художественнымъ чутьемъ, онъ сумѣлъ удержаться и отъ излишней рѣзкости контрастовъ.

Искусственность псевдоклассической комедіи.

Не то мы видимъ у многихъ его бездарныхъ преемниковъ. Искусственность построенія ложноклассической комедіи дѣлается у нихъ болѣе замѣтной,—типы часто обращаются въ олицетворенія пороковъ; «теорія контрастовъ» постоянно заставляетъ авторовъ противопоставлять въ одной пьесѣ скупца и мота, добродѣтельнаго и порочнаго, скромнаго и хвастливаго... Такое построеніе только увеличиваетъ искусственность пьесъ.

Сатира.

§ 20. Быть можетъ, самымъ живымъ литературнымъ жанромъ, изъ всѣхъ ложноклассическихъ, была *сатира.* Ложноклассической она можетъ быть названа лишь въ томъ смыслѣ, что авторы ея у древнихъ сатириковъ заимствовали «формы», часто даже «темы», но самое существенное—*содержаніе* этихъ произведеній было свободно отъ всякихъ стѣсненій и правилъ—всегда было живымъ и подвижнымъ, такъ какъ, по существу своему, обречено было соприкасаться съ самой живой дѣйствительностью. Оттого нѣкоторые образы, выработанные въ древности, перенесенные цѣликомъ, безъ измѣненія, въ литературу французскую, были бы здѣсь непонятны. Буало, переведенный на русскій языкъ безъ всякой руссификаціи, тоже очень слабо задѣвалъ бы русскую жизнь. Такая отзывчивость ко всѣмъ оттѣнкамъ жизни соединяется въ «сатирѣ» съ большой чуткостью къ индивидуальности авторовъ,—оттого тонъ сатиры у Ювенала, Горація, Персія, Буало совершенно различенъ: жолчно-негодующій у однихъ онъ принимаетъ или весело-насмѣшливый, или грустно-элегическій характеръ у другихъ.

Эпосъ.

§ 21. *Эпосъ.* Что касается до ложноклассическаго эпоса, то изъ разныхъ видовъ его особенно популярны были у псевдоклассиковъ «басни», и «эклоги»,—небольшія поэмки, содержаніемъ которымъ служили разсказы изъ мирной жизни пастуховъ и пастушекъ. Совершенно не удался псевдоклассикамъ высшій родъ классическаго эпоса—*эпопея.* Ронсаръ, съ его «Франсіадой», Жанъ-Де-Маре, съ его «Кловисомъ», Шапеленъ, съ «Орлеанской Дѣвой», Скюдери, съ «Аларикомъ»—и Пьеръ де-Муань, съ «Святымъ Людовикомъ» не дали ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Единственно «Генріада» Вольтера, пользовалась большой славой, но и то, скорѣе, вслѣдствіе животрепещущихъ политическихъ настроеній, которыми она была проникнута, чѣмъ благодаря литературнымъ достоинствамъ.

Басня.

Гораздо болѣе посчастливилось баснѣ. Ея иносказательная форма очень была удобной нетолько для нравоученій, но и для нападенія на личныхъ враговъ, для осмѣиванья событій текущей жизни.

Эклоги.

«Эклоги», или пастушескія идиліи, въ которыхъ описывается мирная жизнь пастуховъ, ихъ невинная сентиментальная любовь на лонѣ природы, вдали отъ городовъ, на берегу кристальнаго ручья, тоже имѣли большой успѣхъ у псевдоклассиковъ, и почти всѣ они отдали дань этому жанру, заимствованному у Ѳеокрита, Лонга и Виргилія.

А. Д. Кантемиръ (1708—1744).

Біографія Кантемира.

§ 22. Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ былъ сынъ молдавскаго господаря Дмитрія Кантемира, который, послѣ неудачнаго прутскаго сраженія въ 1711 г., оставивъ родину и «престолъ», переселился въ Россію. Онъ далъ своимъ сыновьямъ прекрасное образованіе, особенно Антіоху: будущій писатель обучался русскому языку у извѣстнаго въ свое время Ильинскаго, академическаго переводчика и стихотворца; послѣ домашняго образованія онъ учился въ Московской академіи, а потомъ при Академіи Наукъ въ гимназіи, гдѣ слушалъ лекціи академиковъ. Онъ прекрасно изучилъ произведенія греческихъ и римскихъ писателей, особенно Горація; увлекался онъ и нравственной философіей. Служить началъ Кантемиръ при Петрѣ II, въ эпоху реакціи, когда «старорусская» партія начала борьбу съ реформами Петра.—Кантемиръ примкнулъ къ партіи «западниковъ»—Остерману, Ѳеофану Прокоповичу, Татищеву. Первыя анонимныя сатиры его вызваны были тѣмъ боевымъ положеніемъ, которое онъ принялъ въ возникшей тогда у насъ общественной борьбѣ. При восшествіи на престолъ Анны Іоанновны Кантемиръ и Татищевъ, вмѣстѣ съ группой русскаго дворянства, возстали противъ Верховнаго Совѣта, который хотѣлъ ограничить самодержавіе въ свою пользу. Горячее участіе въ возстановленіи самодержавія выдвинуло Кантемира, и онъ, 22 лѣтъ, былъ назначенъ резидентомъ при посольствѣ въ Лондонѣ, потомъ, въ 1738 г., былъ посланникомъ въ Парижѣ. Здѣсь, какъ и въ Лондонѣ, онъ продолжалъ заниматься литературными занятіями, познакомился и подружился со многими знаменитостями Парижа—Монтескье, Мопертюи, Фонтенелемъ. Умеръ Кантемиръ 36 лѣтъ отъ роду въ 1744 г.

Интересъ личности Кантемира съ исторической точки зрѣнія.

§ 23. Кантемиръ любопытенъ для насъ и какъ созданіе Петра, и какъ человѣкъ, воспитавшій свое міровоззрѣніе на идеалахъ древняго Рима, и, наконецъ, какъ человѣкъ, сумѣвшій соединить въ себѣ религіозные интересы съ языческой философіей. Такимъ образомъ, въ его лицѣ скрещиваются вліянія запада, древней Руси и античнаго міра. Иностранецъ по происхожденію, получившій подъ руководствомъ отца хорошее образованіе на иностранный ладъ, посѣщавшій лекціи нѣмцевъ-академиковъ въ Петербургѣ, Антіохъ Кантемиръ оказался русскимъ съ головы до пятъ. Съ нимъ повторилось то, чтò и съ Ѳеофаномъ, съ Татищевымъ, съ самимъ Петромъ: чужое облагородило и возвысило ихъ духъ, но не оторвало отъ русской земли. Европеецъ по вкусамъ, другъ Мопертюи и Монтескье, поклонникъ Локка, Кантемиръ, подобно многимъ русскимъ людямъ петровскаго закала, былъ энергичнымъ работникомъ на русской нивѣ, какъ общественный дѣятель и писатель-лирикъ.

Первыми опытами его въ стихотворствѣ были переложенія псалмовъ въ вирши (1727). Вѣроятно, это—его школьныя упражненія, написанныя подъ вліяніемъ его учителя — Ильинскаго. Болѣе самостоятеленъ былъ Кантемиръ, когда мотивы религіозные смѣнилъ эротическими. По его собственному признанію, его любовныя пѣсенки, въ свое время, были очень популярны. — Переложеніе псалмовъ.

Но отъ нихъ онъ скоро отсталъ, будучи неудовлетворенъ такимъ творчествомъ.

Всецѣло преданный, какъ и Татищевъ, интересамъ новаго времени и дѣлу великаго преобразователя, человѣкъ просвѣщенный, молодой, Кантемиръ долженъ былъ начать свое поприще съ обманутыми надеждами: Петръ В. былъ уже во гробѣ, его дѣло останавливалось, частные интересы сильныхъ людей были на первомъ планѣ. Среди борьбы честолюбій молодой Кантемиръ оказался одинокъ,— онъ былъ затертъ со своими личными достоинствами и своей наукой. Корыстолюбіе одного изъ временщиковъ лишило его даже наслѣдства. Преисполненный благоговѣнія къ Петру, онъ видѣлъ, какъ преемники царя портили блестяще начатое Петромъ: „славное время Петрово“ миновало— до него не— — Историческія причины первыхъ разочарованій Кантемира.

„... дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла“.

„Указы Петра“, „коими стали мы вдругъ народъ уже новый“,—были забыты.

Сильное раздраженіе Кантемира противъ русской дѣйствительности, оскорбившей его на первыхъ же шагахъ его жизни, и привело его къ *сатирѣ*: — Сатиры, какъ выраженіе этихъ разочарованій.

„Въ сатирахъ хочу состарѣти,
А не писать мнѣ нельзя—не могу стерпѣти!“

Не до любовныхъ было пѣсенъ... „Ни хвалить, ни молчать“ онъ, по его словамъ, тоже не могъ!.

Это пристрастіе къ обличенію вполнѣ совпадало съ разрушительной стороной реформы Петра,—приходилось ломать старое, и бороться съ „новымъ“, враждебнымъ истинному просвѣщенію.

Невѣжество, словно задавленное при Петрѣ, теперь опять подняло голову: „златой вѣкъ“ Петра „не дотянулся до нашего роду“,—жаловался сатирикъ.—„Реакція“ взяла верхъ: — Борьба Кантемира съ невѣжествомъ.

„Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло!

Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Сидитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ,—
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы..."

Къ этимъ словамъ историкъ Соловьевъ дѣлаетъ слѣдующее поясненіе: „Дѣйствительно, многихъ во время качки преобразовательной эпохи сильно тошнило отъ науки, требуемой преобразователемъ; пріятно имъ было теперь отдохнуть, и, разумѣется, враждебно смотрѣли они на тѣхъ, которые приглашали ихъ опять въ море".

Выше говорилось уже о тѣхъ элегическихъ нотахъ, которыя въ это время реакціи зазвучали въ поэзіи Ѳеофана,—это тяжелое время сблизило его съ Кантемиромъ.

Элегическій характеръ его сатиры.

Чтд же должно было выработаться изъ юнаго поэта? Хвалить было нечего,—оставалось негодовать—или сокрушаться. И вотъ, *элегическая сатира* дѣлается его любимымъ жанромъ: Горацій, Ювеналъ, Персій, Буало—его учителя: они опредѣлили форму его творчества, намѣтили идеи; недостатки русской жизни—дали его поэзіи содержаніе. Любопытно, что глубоко-скорбное настроеніе его музы совершенно уничтожило въ немъ способность хвалить. Когда онъ пожелалъ какъ-то возславить въ лирической поэмѣ Петра, то оказался не въ силахъ это выполнить. Его „ода императрицѣ Елизаветѣ" есть, въ сущности, просьба извинить его за неспособность „хвалить".

„Смѣхъ" и „слезы" въ сатирахъ Кантемира.

Не чувствовалъ онъ себя способнымъ и къ чистой „элегіи". Хотя духъ его „унывалъ часто", хотя на многихъ его произведеніяхъ лежитъ легкимъ туманомъ грусть, но она не воплотилась ни въ одномъ произведеніи въ видѣ исключительнаго настроенія: эта „элегія" всегда сопутствуется смѣхомъ, негодованіемъ, раздраженіемъ: „смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу",—говоритъ онъ. Оттого его „смѣхъ беззлобный". Оттого въ лицѣ его передъ нами—первый русскій сатирикъ-элегикъ, предшественникъ Гоголя.

Сатира „Къ уму своему".

§ 24. Первая сатира Кантемира называется: «Къ уму своему», или: «На хулящихъ ученіе» (подражаніе сатирѣ Буало). Обращаясь къ «уму» своему, Кантемиръ проситъ его не горевать и не оскорбляться при видѣ россійскаго невѣжества. Онъ говоритъ, что въ Россіи лучше не заниматься литературой,—здѣсь прославиться можно чѣмъ угодно, только не писательствомъ: путь къ славѣ писателя («что босы проклали девять сестеръ»),

труденъ самъ-по-себѣ, кромѣ того, непріятенъ тѣми отношеніями, которыя къ писателю выказываютъ всѣ; наконецъ, этотъ путь не принесетъ богатствъ. Слѣдовательно, иронизируетъ авторъ,—лучше не заниматься писательствомъ. Затѣмъ онъ выводитъ различные типы невѣждъ, враждебно относящихся къ образованію.

Прежде всего, передъ нами Критонъ, ханжа-изувѣръ, который во всѣхъ наукахъ видитъ источникъ безбожій и вольнодумства. На дѣтяхъ своихъ онъ видитъ плоды умственнаго развращенія— Критонъ.

„Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотеческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, со страхомъ слушая, что сами не знали,—
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали!
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину!“

Другой врагъ просвѣщенія—Сильванъ стоитъ на грубо-утилитарной точкѣ зрѣнія. Онъ признаетъ лишь ту науку, которая учитъ множить доходы и уменьшать расходы. Поэтому, не понимая значенія наукъ, онъ отвергаетъ всѣ тѣ, которыя немедленно ему не приносятъ дохода— Сильванъ.

„Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину, глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну!—
Приростетъ-ли мнѣ съ того годъ въ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу-ль чрезъ то узнать, что̀ приказчикъ,
Что̀ дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ виннаго заводу?“

Онъ нападаетъ на докторовъ, которые «причину» всѣхъ болѣзней видятъ въ біеніи пульса:

„Глава-ль болитъ?—тому врачъ ищетъ въ рукѣ знака,
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь!“

И въ то же время, обманывая такими «баснями» паціента, докторъ выманиваетъ у него деньги.

Третій невѣжда, гуляка и кутила Лука, недоволенъ науками потому, что онѣ мѣшаютъ веселію, разрушаютъ компанію: Лука.

„Въ весельяхъ, въ пирахъ мы жизнь должны провождати—
И такъ она недолга, на что коротати?“

Наконецъ, четвертый невѣжда-щеголь Медоръ, отъ новаго просвѣщенія взялъ только модное платье, прическу и манеры обращенія. Ко всякой другой наукѣ онъ относится съ презрѣніемъ: Медоръ.

„Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры,
Предъ Егоромъ (модный тогда сапожникъ) двухъ денегъ
Виргилій не стоитъ,
Рексу (модный портной), не Цицерону, похвала достоитъ!“

Ограничивая свой перечень этими четырьмя представителями невѣжества, Кантемиръ съ горестью восклицаетъ, что «златой вѣкъ» славнаго петров- Положеніе науки.

скаго царствованія «до нашего не дотянулъ роду», указываетъ на то, что гордость, лѣность, богатство—одерживаетъ верхъ надъ «мудростью».

„Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита“.

Епископъ, злобный лицемѣръ, невѣжественный судья и полководецъ,—вотъ, чье царство наступило на Руси въ эти дни реакціи.

Сатира „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ.

Вторая сатира «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» направлена противъ дворянъ, которые гордились своимъ знатнымъ происхожденіемъ и въ этомъ одномъ видѣли достаточное основаніе для того, чтобы занимать отвѣтственныя мѣста въ государствѣ. Въ лицѣ такого дворянина, обиженнаго петровской «табелью о рангахъ», выведенъ Евгеній,—ему отвѣчаетъ Филаретъ, который доказываетъ, что право на возвышеніе и награду имѣютъ только трудъ, заслуга, добродѣтель, а не знатность происхожденія. Кичиться заслугами предковъ никто не имѣетъ права. Филаретъ въ яркихъ чертахъ рисуетъ безполезную, лѣнивую жизнь Евгенія и противопоставляетъ ему энергичные образы его достойныхъ предковъ.

Въ концѣ сатиры авторъ говоритъ, что вообще, знатность есть нѣчто условное,—всѣ люди произошли отъ простыхъ земледѣльцевъ. По его мнѣнію, отъ нихъ «мы всѣ сплошь пошли,—одинъ поранѣе оставя дудку, соху, другой—попозднѣе».

Знаніе Кантемиромъ русской жизни.

Въ чемъ сила Кантемира? Главнымъ образомъ, въ изумительномъ знаніи русской жизни: отъ дворца до монастыря, отъ купеческой лавки до глухой деревни... Епископы, царедворцы, ханжи, моты, раскольники—всѣ живой чередой проходятъ передъ нами... Вѣстовщики, честолюбцы, строгіе критики, люди злоязычные, сладкорѣчивые, скупцы, завистники,—все это портреты, идеи которыхъ, быть можетъ, взяты имъ у Лабрюйера, Ѳеофраста, но заполнены такимъ русскимъ содержаніемъ, что мы въ нихъ узнаемъ будущихъ Загорѣцкихъ, и Репетиловыхъ, и Ноздревыхъ, и Собакевичей, Маниловыхъ и Молчалиныхъ...

Типъ сплетника.

Вотъ, напр., Менандръ, предшественникъ Загорѣцкаго:

„Съ зарею возставши, вездѣ побываетъ,
Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Чтò въ домахъ, чтò въ улицѣ, въ дворѣ и приказѣ
Говорятъ и дѣлаютъ...

Онъ знаетъ наизусть всѣ указы, которые должны еще появиться; онъ знаетъ,—

„...гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
Сватаетъ кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ волочится, кто выѣхалъ, кто въѣхалъ,
У кого родился сынъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ“.

А потомъ, объѣздивъ знакомыхъ, онъ наберетъ столько «новизнъ», что не въ силахъ удержать ихъ: новости въ немъ, какъ молодое вино, въ бочкѣ—

„Кипитъ, шипитъ, обручъ рветъ, доски надуваетъ,
Выбьетъ втулку, свирѣпо устьми вытекаетъ.
Встрѣтитъ-ли тебя, тотчасъ въ уши вѣстей съ двѣсти
Насвищетъ,—и слышалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти
И тебѣ съ любви своей оны сообщаетъ,
Прося держать про себя...“

Хорошъ также портретъ епископа: Епископъ.

„Епископомъ хочешь быть—уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо—бородою,
Клюку пышно повели нести передъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву.
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцомъ называти...“

Удачно обрисовалъ Кантемиръ ханжу-лицемѣра: Ханжа.

„Смотри: украшенъ по поясъ бородой,
Въ святомъ платьѣ ходитъ,—только не съ клюкою;
Во всемъ правдивъ, набоженъ: придетъ до иконы—
Полъ весь заставитъ дрожать, какъ кладетъ поклоны.
И чаялъ бы ты, что онъ весь въ правости важенъ—
Погляди же завтра: ажъ гдѣ?—въ тюрьмѣ ужъ посаженъ!
Спросить: „за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?“—
Воровствомъ безъ пошлины провозилъ товары!“

Вотъ, напр., деревенскіе хозяева, которые рады, что къ нимъ завернулъ гость; они разскажутъ ему все, не разбирая, интересно ли для него это, или нѣтъ,—они сообщаютъ гостю, что у ихъ маленькой дочери— Словоохотливый провинціалъ.

„Четвертый ужъ зубокъ въ деснахъ показался,
Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся...
Другую замужъ даетъ,—женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ, красивъ и жены старѣе лишь годомъ!
Приданое дочерне опишетъ подробно,—
Прочтетъ рядную всю сплошь и всяку особно
Истолкуетъ въ ней статью. Сынъ меньшой, недавно
Начавъ азбуку, теперь чтетъ склады исправно...
Въ деревнѣ своей копать онъ началъ прудъ новый...“

Словоохотливый помѣщикъ вытаскиваетъ свои планы, на ножахъ и вилкахъ старается объяснить расположеніе пруда, заводитъ рѣчи о посѣвѣ, о сосѣдяхъ и т. д.

Въ результатѣ, передъ нами получается живой и тонко-нарисованный образъ, выхваченный изъ жизни, до сихъ поръ намъ всѣмъ знакомый. Умѣнье рисовать русскихъ современныхъ людей соединялось у Кантемира съ даромъ рисовать ярко и выпукло «фонъ» для нихъ. Оттого картины дѣйствительности выходятъ изъ-подъ его пера сжаты и типичны. Вотъ, напр., «россійская семья», гдѣ вѣчно всѣ ссорятся:

Семейство, гдѣ вѣчно ссорятся.

„... И жена, и дѣти,
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму не сильны,
И столь яры у себя, сколь въ людяхъ умильны.
Мала вещь, мало словцо—имъ причина ссоры,
И крикъ межъ собой ввнесутъ, что дрожатъ подпоры
И стѣны дома...
Однажды, въ избу я вшедъ, нашелъ всю въ соборѣ семью...
Горитъ куча свѣчъ, попъ въ святомъ уборѣ.
Сказалъ въ себѣ: „Господа собрались молиться,—
Посмотрю, страха тутъ нѣтъ, чтобъ могли браниться!"
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей,—не знаю,
Зачѣмъ пошедъ,—матерній платокъ, что при краю
Лежалъ стола, уронилъ... Буря тотчасъ встала:
Отецъ сперва, потомъ мать волноваться стала...
И молитвы, и кресты, и земны поклоны
Различно сына ругать не даютъ препоны.
Винный извиняется, братья заступаются,
Ворча, слово за слово, ссору подымаютъ.
Шумъ и громъ: ужъ не слыхать ни чтенья, ни пѣву,
Попъ, видя, что ужъ пришло дѣло не къ издѣву,
Спѣшитъ утолять огонь..."

Разсказчикъ тоже принимается мирить.

„Но вдругъ, вижу (разсказываетъ онъ), что свѣчи и книги летаютъ—
На попѣ ужъ борода и кудри пылаютъ;
И, туша, кричитъ, бѣжитъ въ ризахъ изъ палаты.
Хозяинъ за мой совѣтъ мнѣ, вмѣсто уплаты,
Налоемъ въ спину стрѣльнулъ; я съ лѣстницы скатился,
Не знаю, какъ только цѣлъ внизу ухитрился".

Подобныхъ картинокъ можно найти у Кантемира большое число,—видно, что онъ, изучая русскій бытъ, вездѣ умѣлъ находитъ яркое. Таково, напр., описаніе Николина дня,—глухая городская улица покрыта тѣлами пьяныхъ. Реализмъ этой пестрой живописной картины поразителенъ по силѣ.

Реализмъ Кантемира.

§ 26. Итакъ, умѣніе въ жизни схватывать типичное и изображать его реально и художественно,—вотъ, тѣ особенности Кантемира, которыя дѣлаютъ его первымъ нашимъ юмористомъ, знающимъ и понимающимъ дѣйствительную русскую жизнь. Кромѣ того, онъ первый нашъ сознательный реалистъ-художникъ. До него имѣли мы у себя реалистическую повѣсть (напр. повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ), но въ ней этотъ реализмъ еще не былъ „принципомъ" художественнаго творчества, сознательно-проведеннымъ въ литературу—былъ лишь фономъ, безсознательно выхваченнымъ изъ дѣйствительной жизни вмѣстѣ съ фактомъ. Этотъ *сознательный* реализмъ — особенность Кантемира, которая позволила ему остаться оригинальнымъ даже при разработкѣ темъ, взятыхъ у другихъ писателей,—классическихъ (Горацій, Ювеналъ)—и французскихъ (Буало).

Заимствуя форму, идею, Кантемиръ остается часто совершенно самобытнымъ и оригинальнымъ въ выборѣ содержанія и особенно красокъ,—понятно поэтому, что одно заимствованіе, такъ сказать, внѣшняго характера—не есть еще доказательство его неоригинальности,—самобытность сказывается не только въ изобрѣтеніи сюжетовъ и идей, но и въ самостоятельной *разработкѣ* старыхъ идей и сюжетовъ. Иностранные писатели пріучили его всматриваться въ русскую жизнь, они подсказали ему мысли и темы— и только: далѣе начинается его работа, уже самостоятельная. Самобытность Кантемира.

Что касается до философскихъ и политическихъ идеаловъ Кантемира, то они также представляютъ для насъ большой интересъ. Ученикъ Ѳеофана и Татищева, онъ въ своихъ сатирахъ убѣжденно исповѣдывалъ „естественный законъ и народныя права", „естественны права"... Онъ, самъ будучи высокаго, почти царскаго рода, былъ врагомъ генеалогическихъ предразсудковъ. Одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей возсталъ онъ противъ дурного обращенія съ крѣпостными. Другъ просвѣщенія, сатирикъ бичевалъ, насколько могъ, невѣжество тупое, россійское, вѣковѣчное, съ которымъ боролся Петръ. Вотъ почему ханжи, суевѣры, суесвяты, тупые раскольники—противники Петра и всѣхъ его учениковъ, вызываютъ осужденіе и со стороны Кантемира. Но, борясь съ этими старинными уродами, петровская реформа создала и новыхъ—„щеголей", которые если не съ враждой, то съ презрѣніемъ относились къ знанію. Такіе противники науки были опаснѣе первыхъ. Это прекрасно понялъ Кантемиръ и отъ этого не пощадилъ ихъ. Философскіе и политическіе идеалы Кантемира. Борьба съ невѣжествомъ.

Такимъ образомъ, идеалы Кантемира, какъ общественнаго дѣятеля, выработались подъ вліяніемъ той свѣжей струи воздуха, что ворвалась къ намъ съ Петромъ,—она увлекла за собой лучшихъ людей того времени, покорила она и Кантемира.

Идеалы его частной жизни, однако, далеко отошли отъ петровскихъ, да это и понятно: если традиціи Петра жили еще въ сознаніи лучшихъ людей, то проводить ихъ въ жизнь было теперь мудрено,—время реакціи, время общаго паденія и застоя, частая смѣна временщиковъ, иногда даже личная небезопасность заставляли искать спасенія въ какомъ-нибудь осторожномъ, „мудромъ" устройствѣ своей жизни, и Кантемиръ нашелъ себѣ такой modus vivendi. Проповѣдь Горація о тихой жизни „для себя", въ тиши своего дома, въ кругу друзей, въ бесѣдѣ съ любимыми поэтами,—проповѣдь осторожности въ жизни, изобилующей под- Идеалы его частной жизни.

водными камнями, проповѣдь умѣренности желаній, „золотой середины“—во всемъ такое горацiанское мiровоззрѣнiе вполнѣ удовлетворило нашего поэта. Жизнь загнала его „въ тихiй уголъ“, заставила „при другихъ быть молчаливу“. Наука „въ счастiи быть умѣрену, терпѣливо сносить нужду“, „въ бѣдѣ быть твердну“ — облегчила ему существованiе; приходилось „мысль осторожно таить“, сохранять свою честность, хотя бы тѣмъ, что иногда и помолчать о правдѣ, но никогда не укрывать ее ложью и всячески изворачиваться, чтобы — въ одно время сохранить чистоту и честность убѣжденiй—и спасти себя.

Разладъ у Кантемира идеаловъ общественныхъ и личныхъ

Проповѣдь самонаслажденiя собственною добродѣтелью, утонченное наслажденiе „про себя“ — все это говоритъ намъ, что, даже въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, знавшихъ, что спасенiе русской жизни—въ борьбѣ съ мракомъ невѣжества,— русское общество безъ Петра не въ силахъ было сочетать своей работы съ его идеалами. Жизнь и идеалы не только не слились въ одно гармоническое цѣлое, но остались далекими другъ другу. Если щеголи и щеголихи оказались чужды народу, то и гуманный, высокообразованный Кантемиръ, брезгливо проходящiй чрезъ „пьяную улицу“, или, съ любопытствомъ естествоиспытателя всматривающiйся въ курьезный образчикъ стараго русскаго начетчика—слишкомъ далекъ отъ простонародной массовой Россiи.

Переложенiе псалмовъ.

Кромѣ сатиръ, оставилъ онъ послѣ себя переложенiе псалмовъ и нѣсколько религiозныхъ философскихъ гимновъ. Интересно примѣчанiе къ одному изъ нихъ: „основанiе сей пѣсни взято изъ Евангелiя и изъ Горацiя. Чудно, сколько между собою Спаситель и римскiй стихотворецъ согласуются въ совѣтѣ объ отложенiи лишнихъ попеченiй!“. Переводы нѣкоторыхъ произведенiй Анакреона и „писемъ“ Горацiя, басни переводныя и подражательныя классикамъ—вотъ, дань уваженiя поэта, принесенная имъ представителямъ древней поэзiи.

Дидактизмъ сочиненiй Кантемира.

§ 27. Цѣли поэзiи Кантемира были исключительно дидактическiя. Такимъ образомъ, въ лицѣ перваго русскаго сатирика дѣло воспитанiя русскихъ сердецъ впервые перешло отъ „церковниковъ“ въ руки свѣтскихъ людей-литераторовъ. Въ одномъ произведенiи онъ прямо говоритъ, что, собственно, воспитанiе сердецъ— „дѣло пастырей душъ“, да они „молчатъ“. На себя онъ смотрѣлъ, главнымъ образомъ, какъ на моралиста, исправителя нравовъ. „Пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ“,—говоритъ онъ. Этотъ

сознательный дидактизмъ придалъ Кантемиру, какъ сатирику, своеобразную окраску.

Характеръ сатиръ Кантемира.

У сатирика нашего вовсе нѣтъ того желчнаго негодованія и сильной страсти, которыя дышатъ въ сатирахъ Ювенала, — его настроеніе тихо и ровно. Онъ не грозно обличаетъ недостатки современнаго общества, а только указываетъ на нихъ съ грустной усмѣшкой. Не похожъ онъ и на Буало, иронія и смѣхъ котораго язвительны и злы, несмотря на все внѣшнее изящное благоприличіе. Кантемиръ, по тону и образу мыслей, ближе всего къ Горацію, котораго особенно любилъ, вѣроятно, сознавая сходство между его міросозерцаніемъ и своимъ. Главная же особенность сатиры Кантемира—ея элегическій колоритъ, особенно замѣтный въ болѣе позднихъ произведеніяхъ сатиры Кантемира и сближающій его съ Гоголемъ. Оттого у обоихъ писателей силенъ лиризмъ юмора, позволяющій намъ видѣть слезы сквозь ихъ смѣхъ.

Значеніе Кантемира въ исторіи русскаго языка.

Важны заслуги Кантемира и въ исторіи русскаго языка, — онъ много усилій приложилъ къ подысканію и даже изобрѣтенію словъ для выраженія новыхъ понятій. Такъ, онъ первый пустилъ въ обиходъ слова: *начало* — въ значеніи „элемента", *средоточіе*—въ значеніи „центръ", *понятіе*—„идеи". Любопытны его примѣчанія къ сатирамъ, касающіяся исторіи и исторіи литературы и разъясняющія русскимъ читателямъ факты, имъ непонятные. Встрѣчаются очень цѣнныя, съ исторической точки зрѣнія, опредѣленія эпической поэзіи, элегіи, комедіи, оперы...

Стихосложеніе въ произведеніяхъ Кантемира.

§ 28. Слѣдуетъ нѣсколько словъ сказать о стихосложеніи въ произведеніяхъ Кантемира. Выше было сказано, что тайна тоническаго стиха, время отъ времени, словно нечаянно, прояснялась еще у кіевскихъ виршеплетовъ; Симеонъ же Полоцкій писалъ прямо хорошіе стихи. Но это выходило у него безсознательно, благодаря музыкальности его слуха. Ученики опять возвращаются къ топорнымъ виршамъ безъ правильнаго ударенія. Таковы же были стихи Ѳеофана, таковы были и первые опыты Кантемира. Теорія Тредіаковскаго о тоническомъ сложеніи стиховъ заставила и Кантемира всмотрѣться въ этотъ вопросъ. Но онъ не примкнулъ къ новому ученію,—остался при силлабическомъ стихосложеніи, лишь введя строгое соблюденіе цезуры и двойное удареніе на строкѣ. Въ каждой строкѣ было у него теперь 13 слоговъ, цезура послѣ 7-го. Удареніе падало на 5-мъ, или 7-мъ слогѣ и, непремѣнно, на предпослѣднемъ. Свою теорію Кантемиръ изложилъ въ особой статьѣ: „Письмо Харитона къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ".

М. В. Ломоносовъ (1711—1765).

Біографія Ломоносова.

§ 29. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ сынъ крестьянина Архангельской губ., деревни Денисовки (около г. Холмогоръ). Съ дѣтства онъ пристрастился къ книгѣ. До 16 лѣтъ помогалъ онъ отцу заниматься рыболовствомъ. Суровая природа сѣвера, трудныя занятія рыбака и опасныя плаванія по морю развили въ немъ ту необыкновенную смѣлость и желѣзную силу воли, которыя впослѣдствіи были отличительной чертой его характера. Отецъ и мачеха мѣшали ему учиться,—хотѣли его уже женить, но онъ бѣжалъ изъ отцовскаго дома и добрался до Москвы въ 1731 г. Онъ поступилъ сначала въ навигацкую школу въ Сухаревой башнѣ, потомъ въ Московскую академію; здѣсь онъ бѣдствовалъ страшно, но это не убило въ немъ страстной жажды къ свѣту и знанію. Счастье улыбнулось ему, когда онъ, въ числѣ 12 талантливѣйшихъ студентовъ, былъ выбранъ для помѣщенія въ Петербургскую академическую гимназію.

Ломоносовъ заграницей.

Изъ Петербурга онъ былъ посланъ за границу въ Марбургъ къ извѣстному проф. Вольфу; въ теченіе трехъ лѣтъ (1736—9) оставался онъ въ Марбургѣ, занимаясь философіей, физикой и логикой: съ Вольфомъ онъ очень сблизился и на всю жизнь остался его почитателемъ и другомъ. Отъ Вольфа Ломоносовъ переѣхалъ въ Фрейбургъ къ проф. Генкелю, для изученія металлургіи. Послѣ цѣлаго ряда приключеній Ломоносовъ вернулся на родину, сдѣлался хранителемъ минералогическаго кабинета при Академіи. Лишь послѣ усиленныхъ и настойчивыхъ ходатайствъ, въ 1742 г., Ломоносовъ былъ сдѣланъ адъюнктомъ по физикѣ, при Академіи; въ 1745 г. онъ былъ сдѣланъ профессоромъ химіи; въ 1757 г. онъ сдѣлался членомъ академической канцеляріи; въ 1759 г. онъ былъ назначенъ завѣдывать гимназіей и университетомъ. Вся служебная карьера его протекала въ безпрерывной борьбѣ съ сильной «нѣмецкой» партіей при Академіи. Приглашенные изъ-за границы иностранные (главнымъ образомъ, нѣмецкіе) ученые мало заботились о насажденіи наукъ въ Россіи—даже Ломоносову мѣшали они проникнуть въ Академію. Въ борьбѣ съ ними Ломоносовъ, страстный и увлекающійся, не всегда зналъ границы приличія и свою вражду вносилъ даже въ область науки. Только впослѣдствіи, въ покровительствѣ гр. Шувалова и императрицы Елизаветы, нашелъ Ломоносовъ поддержку своей пламенной любви къ знанію и родинѣ. Какъ ученый естествоиспытатель, онъ занимаетъ почетное мѣсто среди извѣстнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ своего времени.

Вліяніе личности Петра В. на Ломоносова.

§ 30. Этотъ русскій геній удивительно полно отразилъ на себѣ вліяніе личности Петра,—та же свѣтлая голова, та же энергія, та же жажда знанія и разносторонность интересовъ—та же любовь къ родинѣ. Ломоносовъ великъ во всемъ, за что онъ ни брался,—это была сила, ни въ чемъ не знавшая предѣловъ.

Дѣятельность Ломоносова въ Академіи.

Вернувшись изъ Германіи, онъ, какъ извѣстно, сосредоточилъ свою дѣятельность въ Академіи. Основанная Петромъ для на-

сажденія знаній въ русскомъ обществѣ, она, при его преемникахъ, утратила свой первоначальный смыслъ, обратившись въ гнѣздо нѣмецкихъ ученыхъ, замкнувшихся въ своемъ тѣсномъ кругу, работавшихъ для Европы и, вмѣсто распространенія знанія въ Россіи, умѣвшихъ только искренне ее презирать. Передъ русскимъ обществомъ академики выступали рѣдко, и то не всѣ, а только тѣ, которые приглашены были на амплуа „поэтовъ“: когда при дворѣ устраивался какой-нибудь праздникъ, или чествовалось какое-нибудь важное событіе; тогда нѣмецкій педантъ-поэтъ долженъ былъ сочинить на нѣмецкомъ діалектѣ нѣчто подходящее къ случаю, т. е. или оду, или стихи къ живой картинѣ, или къ иллюминаціи. Появленіе при Академіи Тредіаковскаго, а вскорѣ затѣмъ Ломоносова, облегчило имъ этотъ трудъ,— обязанности „придворныхъ піитъ“ легли на Тредіаковскаго, особенно на Ломоносова, который, кромѣ собственныхъ „сочиненій“, обязанъ былъ также произведенія нѣмецкихъ поэтовъ-академиковъ переводить на русскій языкъ стихами.

Два періода въ творчествѣ Ломоносова.

Обязанность восхвалять дворцовыя событія [1]) надолго заковала оду Ломоносова въ форму ложно-классичеcкой оды. Вслѣдствіе этого первый періодъ его творчества,—періодъ рабства формы и содержанія,—продолжался до самаго вступленія на престолъ Елизаветы. Съ воцареніемъ дочери Петра, съ побѣдой націонализма, паѳосъ Ломоносова сразу дѣлается болѣе искреннимъ и, въ зависимости отъ этого, находитъ для своего выраженія болѣе простыя формы и, въ значительной степени, отрѣшается отъ искусственности и общихъ мѣстъ.

§ 31. Первымъ опытомъ Ломоносова былъ переводъ „оды“ Фенелона (1738), сдѣланный имъ заграницей, въ бытность его тамъ студентомъ. Болѣе извѣстно второе его произведеніе: „Ода на взятіе Хотина“; эта ода (1739) интересна тѣмъ, что она представляетъ собою первую удачную попытку примѣнить тоническое стихосложеніе въ русскихъ стихахъ. Впрочемъ, теорія этого стихосложенія была предложена нѣсколько ранѣе Тредіаковскимъ.

„Ода на взятіе Хотина“.

[1]) Оды писались Ломоносовымъ, напримѣръ, на рожденіе Іоанна VI Антоновича“, на его „первые трофеи“, на „прибытіе въ Петербургъ герцога Голштинскаго“, на коронованіе императрицы Елизаветы“, „на бракосочетаніе вел. кн. Петра Ѳеодоровича и вел. княгини Екатерины Алексѣевны“, „на восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы“ (нѣсколько одъ), на „спуски военныхъ кораблей“, „на рожденіе вел. князя Павла Петровича“ и т. д. Послѣдняя ода (1762 г.) его „на восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II“.

Особенности одъ Ломоносова перваго періода: а) Риторизмъ.

§ 32. Въ одахъ перваго періода особенно ярко сказались всѣ достоинства и недостатки лирики Ломоносова. Прежде всего, въ нихъ уже выразились всѣ главныя условности псевдоклассической оды: ея *реторизмъ*, выражающійся часто въ длинной цѣпи вопросовъ и восклицаній, вродѣ слѣдующихъ:

„Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку!..“

— Или вопросовъ, обращенныхъ къ побѣжденной Турціи:

„Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?..“ и т. д.

Иногда эти вопросы сплетаются въ длинную цѣпь, захватывающую нѣсколько строфъ. Кромѣ реторизма яркую особенность разбираемыхъ одъ составляетъ частое употребленіе *аллегорій* и *олицетвореній*. Войны Россіи съ Швеціей представляются, обыкновенно, въ видѣ борьбы орлицы (гербъ Россіи) со львомъ (гербъ Швеціи). Пораженіе Турціи изображено въ слѣдующихъ словахъ:

b) Обиліе аллегорій и олицетвореній.

„Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна (гербъ Турціи) стыдилась сраму ихъ
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла“.

с) Восторгъ.

Отличаются оды и необходимымъ *восторгомъ*, о наличности котораго всегда заявлялъ самъ поэтъ:

„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой!“

d) Гиперболизмъ.

Такая восторженность приводила поэта порою къ *гиперболизму* образовъ. Чтобы изобразить, напр., воинственное настроеніе враговъ Россіи, Ломоносовъ прибѣгаетъ къ помощи такихъ картинъ:

„Не мѣдь ли въ чревѣ Етны ржетъ
И, съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжко узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?“

Эта грандіозность совершенно не соразмѣрялась съ дѣйствительностью,—она уносила поэта отъ петербургскихъ болотъ къ горамъ Греціи,—Бирона обращала въ разъяреннаго «Гиганта». Съ другой стороны, малолѣтній императоръ Іоаннъ VI обрисованъ героемъ, при одномъ имени котораго—

„Боязнь трясетъ Хинейски стѣны,
Геонъ и Тигръ теряютъ путь“—

и даже—

„Индійскихъ трубятъ водъ Тритоны!“

е) Раболѣпство чувства.

Подобное преувеличеніе поэта вело къ раболѣпству чувствъ и мыслей. Напр., Россія представлена въ видѣ прекрасной женщины, которая склонилась передъ малолѣтнимъ Іоанномъ VI съ такимъ привѣтомъ:

„Породы царской вѣтвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свѣтъ!
Счастливыхъ дней Аврора ясна,
Монархъ-младенецъ, райской цвѣтъ!“

Дальше слѣдуетъ просьба о разрѣшеніи поцѣловать царскіе глазки, ручки—

„Лишь только Перстикъ Вашъ погнется,—
Народъ безчисленъ вдругъ сберется,
Готовъ идти, куда велитъ“.

Раболѣпство чувства принуждало поэта восхвалять каждое новое правленіе, называть его «золотымъ вѣкомъ»—а правленіе предшествовавшее, еще недавно имъ же восхваляемое, называть «мракомъ», «тьмой». Въ порывѣ дѣланнаго восторга поэтъ не останавливается даже передъ такими курьезами, какъ, напр., «воззваніе къ Невѣ», чтобы она ломала ледъ:

„Повсюду вѣйте, вѣтры, радость,
Въ Невѣ пролейся меда сладость,—
Іоанновъ нектаръ пьетъ мой умъ!“

Перечитывая всѣ эти оды, писанныя «на заказъ» ученымъ естествоиспытателемъ, невольно жалѣешь этотъ великій умъ, сдавленный тисками историческихъ обстоятельствъ.

Душевныя настроенія Ломоносова въ первый періодъ его творчества.

§ 33. Если мы заглянемъ въ закулисную сторону жизни Ломоносова, мы увидимъ, какъ долго онъ нищенствовалъ около Академіи, не допускаемый туда нѣмцами. Такимъ образомъ, онъ долго не имѣлъ возможности отдаться всей душой тѣмъ научнымъ занятіямъ, къ которымъ влекло его,—а, съ другой стороны, его гордость возмущалась, когда онъ видѣлъ себя вынужденнымъ славить ничтожныхъ людей,—„мрачная ночь“, по его словамъ, грозила тѣмъ, кто заупрямится „хвалить и славить“. Впрочемъ, и въ этомъ первомъ періодѣ творчества Ломоносовъ рисовалъ порою картины, поражающія насъ красотой и выразительностью.

Ломоносовъ во второй періодъ.

Совсѣмъ инымъ предстаетъ предъ нами Ломоносовъ во второй періодъ своей дѣятельности. Теперь онъ совершенно искренно возгласилъ, что „Императрица Елизавета—свѣтъ“, что до нея на Руси была „тьма“, „мракъ“, „скорбь“, „зло“... Мы знаемъ, какъ радостно встрѣчена была Елизавета русскимъ обществомъ, утомившимся отъ гнета временщиковъ и нѣмецкихъ выходцевъ, отъ частой смѣны правленій, отъ постоянной тревоги передъ разными „калификами на часъ“. И вотъ поэтъ во всѣхъ своихъ многочисленныхъ одахъ отъ всего сердца восхваляетъ „дщерь Петрову“, какъ „весну“, превозноситъ ея доброту, кротость, щедрость и, главное, миролюбіе. Отъ всѣхъ этихъ пѣснопѣній въ честь любимой монархини вѣетъ въ его пѣсняхъ настроеніемъ бодрымъ, жизнерадостнымъ,—реторика, мало-по-малу, теряетъ свою угловатость и рѣзкость, уступая мѣсто искреннему чувству спокойной радости. Оттого и оды его теперь дѣлаются короче, проще,—очевидно, настроеніе поэта постепенно приходило въ со-

Характеръ его творчества въ этотъ періодъ.

отвѣтствіе съ ихъ словесной формой. Теперь поэтъ имѣлъ полное право сказать, что его слогъ „сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ". Не разъ теперь Ломоносовъ съ восторгомъ воспѣвалъ въ своихъ одахъ побѣду національныхъ началъ, не разъ съ горечью онъ воспоминаетъ о „скорбной темнотѣ", въ которой спало русское общество до Елизаветы. Но Богъ узрѣлъ „кроткимъ окомъ" тьму, спустившуюся надъ Россіей, и сказалъ: „да будетъ свѣтъ"—и на престолѣ оказалась „Елизаветъ". Она принесла съ собою ту „тишину", которая была необходима для внутренняго процвѣтанія Россіи. Вмѣстѣ съ этой „тишиной" явился для Ломоносова новый предметъ пѣснопѣній—„науки".

Ода „На день восшествія на престолъ И-цы Елизаветы Петровны.

§ 34. Одна изъ лучшихъ его одъ: «На день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны» (1747). Начинается она съ восхваленія мира, который приноситъ селамъ блаженство, защищаетъ города, даетъ возможность процвѣтать наукамъ, торговлѣ и промысламъ. Поэтъ восхваляетъ Елизавету за то, что она, взойдя на престолъ, водворила миръ. Велика слава побѣдоноснаго вождя, но, по мнѣнію поэта, еще выше слава «миротворца». Далѣе онъ воспѣваетъ величіе и мощь Россіи, говоритъ о будущемъ ея благоденствіи, когда искусства и науки, расцвѣтшія подъ покровомъ мудрой императрицы, сдѣлаютъ русскій народъ богатымъ и счастливымъ. Оканчивается ода воззваніемъ къ россійскому юношеству, которое должно своимъ усердіемъ помогать дѣлу образованія въ Россіи.

„О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!..
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ (Ньютоновъ)
Россійская земля рождать!
Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,—
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и трудѣ...".

Приведенные стихи свидѣтельствуютъ, съ какой благородной простотой стала теперь говорить муза Ломоносова. Перемѣнился ея тонъ:

„Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ!"—

восклицаетъ поэтъ.

Наступили «прекрасныя времена», и вселенная «въ безмолвіи» внимаетъ новымъ звукамъ «восхищенной Музы» поэта. Образъ величественной, безпредѣльной Россіи, спокойно возлежащей отъ края міра до другого, опирающейся локтемъ на Кавказъ, а подъ ея охраной—тишина, миръ, благоденствіе въ градахъ и селахъ, свобода научнаго и художественнаго творчества—вотъ, картина, которая стала упорно преслѣдовать вдохновеніе Ломоносова.

§ 35. Конечно, онъ долго не могъ отдѣлаться отъ ложно-классическихъ пріемовъ, хотя и шелъ постепенно къ освобожденію отъ нихъ. Боги греческіе и римскіе часто и теперь упоминаются въ его произведеніяхъ, особенно, въ началѣ этого второго періода. Петръ Великій является то Нептуномъ, то Ахиллесомъ подъ Троей. «Аллегоризмъ» и реторизмъ» еще тяготѣютъ порой надъ его вдохновеніемъ. Традиціонный «восторгъ» попрежнему начинаетъ многія оды; «воззванія къ Музѣ» попадаются также довольно часто.

Остатки псевдоклассицизма въ одахъ этого періода.

Оттого въ минуты подъема настроенія поэтъ увѣряетъ, что не только чувствуетъ, какъ «священный ужасъ мысль объемлетъ»—онъ видитъ, какъ «отверзъ Олимпъ всесильный дверь», онъ даже замѣчаетъ, какъ «брега Невы руками плещутъ», какъ ликуетъ «нимфа Финскаго залива» и пр. Но такія увлеченія поэта теперь сравнительно рѣдки,—зато восхваленіе природы, ея красотъ, ея творческихъ силъ, ея власти дѣлается теперь любимымъ мотивомъ его поэзіи.

Для него «природа» теперь очень часто замѣняетъ античный Олимпъ: дѣла людей сопровождаются не участіемъ боговъ, а сочувствіемъ природы: «горы рыдали и мрачное море стонало, когда погасалъ Петръ». Изъ русскихъ поэтовъ онъ первый постигъ красоту сѣверной природы, воплотивъ ее въ могучемъ образѣ «Борея съ мерзлыми крылами». Другая особенность оды Ломоносова—это сильная примѣсь историческихъ воспоминаній: герои русской древности теперь вытѣсняютъ, мало-по-малу, героевъ Рима и Эллады. Поэтъ съ любовью повѣствуетъ теперь о подвигахъ русскихъ князей и царей.

„Природа" въ одахъ Ломоносова.

Грандіозность образовъ и картинъ навсегда осталась особенностью одъ Ломоносова: его воображеніе любитъ рисовать титановъ, раздирающихъ облака,—онъ вдохновляется величественными картинами созданія міра, претвореніемъ мрака въ свѣтъ, великими явленіями, когда сотрясаются горы, рѣки текутъ вспять... Недаромъ онъ весь былъ проникнутъ образомъ Петра, недаромъ онъ воскликнулъ: «Онъ—Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!»—у Ломоносова была душа, которая, по преимуществу чувствовала «грандіозное».

Титанизмъ ломоносовскаго воображенія.

§ 36. Въ его поэзіи этого періода много прекрасныхъ картинъ,—можно привести, хотя бы, слѣдующіе отрывки—картина мирной природы:

Прекрасныя картины въ одахъ второго періода.

„Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь,—
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь".

Описаніе жаркаго лѣта:

„Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день,
Отъ знойной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
Отводитъ жаркіе лучи.
Но коль великая отрада
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!“

Описаніе коня императрицы:

„Крутитъ главой, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь“. (Ср. у Пушкина описаніе коня Петра В. въ „Полтавѣ“).

Заря:

„И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,—
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяный,
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря“. (Ср. у Гоголя описаніе Днѣпра ночью).

Заря:

„Заря багряною рукой
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собой
Твоей державы новый годъ“. (Ср. у Пушкина описаніе утра въ день именинъ Татьяны).

«Ликующій Петрополь» и «колѣнопреклоненная Москва съ сѣдыми волосами»—это образъ, также найденный впервые Ломоносовымъ. Величіе Петра, послѣ побѣдъ чествующаго побѣжденныхъ враговъ, впервые оцѣнено имъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ выросталъ геній Ломоносова изъ узкихъ рамокъ псевдоклассической оды. Чужой, занесенный къ намъ, жанръ онъ приспособилъ къ величественнымъ настроеніямъ реформированной петровской Россіи. Благородная простота настроенія и сжатость формы дѣлаются теперь отличительными качествами его поэзіи. Поэтъ возвысился до того, что могъ спокойно сказать:

„Ни злости не страшусь, не требую добра,
Не ради васъ пою,—для правды, для Петра!“

Новая форма его оды.

Что касается до новой формы его оды, то, для образца, можно привести одно произведеніе его пера цѣликомъ:

„Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,—
Скрываются поля, брега и понтъ.
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ.
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ,
Открывшись въ теплотѣ, сіяетъ каждый цвѣтъ...
Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ
И свой пріятный духъ, какъ жертву, изливаетъ.
Подобенъ солнцу твой, Монархиня, восходъ,
Который освѣтилъ во тьмѣ россійскій родъ;
Усердны предъ тобой сердца мы отверзаемъ
И жертву вѣрности нелестной изливаемъ“...

Такимъ образомъ, Ломоносова можно считать творцомъ русскаго поэтическаго языка.

„Духовныя оды“ Ломоносова.

§ 37. Не менѣе интересенъ для насъ Ломоносовъ, какъ творецъ „духовныхъ одъ“. Мы видѣли уже, что поэзія св. Писанія, оцѣненная русской юго-западной литературой, разрабатывалась у насъ въ Москвѣ еще Симеономъ Полоцкимъ,—съ тѣхъ поръ—этотъ видъ творчества не умиралъ у насъ въ теченіе всего XVIII-го вѣка; духовной поэзіей интересовался даже XIX-ый в.: Пушкинъ и нѣкоторые его преемники оцѣнили ея красоту и содержательность. Это обстоятельство для насъ цѣнно, такъ какъ эти религіозно-поэтическія настроенія представляютъ собой тѣ немногія нити, которыя связываютъ новую литературу съ древней Русью,—съ поэзіей Иларіона, Кирилла Туровскаго и др.

Воспріимчивую душу Ломоносова эта поэзія покорила съ дѣтства,—она сопутствовала ему до смерти, удивительно-гармонически слившись съ его философскимъ міросозерцаніемъ [1]).

Религія и наука въ пониманіи Ломоносова.

Въ этомъ особенно помогъ Ломоносову Вольфъ, его заграничный учитель. Этотъ философъ, систематикъ и популяризаторъ Лейбница, предложилъ ученіе о «предустановленной гармоніи въ жизни міра». По его ученію, Творецъ предопредѣлилъ взаимную связь и гармонію явленій. Оттого воля Божія для Вольфа была источникомъ всего существующаго. Изъ ничего ничего и не могло бы произойти,—все, что есть въ природѣ, должно имѣть достаточную причину, почему оно есть. Всѣ явленія жизни въ тѣсной связи; эти связи устанавливаетъ наука, но высшая причина существованія всего есть Богъ. Вѣрнѣйшій путь къ примиренію науки съ вѣрою Вольфъ видитъ въ изученіи природы. Ломоносовъ усвоилъ на всю жизнь міровоззрѣніе своего любимаго учителя: онъ свято уважалъ основы религіи, но признавалъ и права разума.

Отношеніе къ наукѣ дореформенной Россіи.

До Ломоносова смѣлость мысли у насъ считалась «порокомъ»: въ отважномъ полетѣ ея видѣли «грѣхъ»: «Смиреніе»—вотъ, съ чѣмъ шли наши предки навстрѣчу вопросамъ міровой жизни. «Воля Бога», «случай», «судьба»—со всѣмъ этимъ бороться было имъ не подъ силу,—лишь смѣльчаки рѣшались изрѣдка поднимать покровъ, закрывающій будущее, прибѣгая къ «гаданьямъ», къ «колдовству», къ собиранію «примѣтъ», къ исканію таинственнаго смысла во всемъ случайномъ, къ сближенію явленій, не имѣющихъ между собою общаго... Но все это считалось преступнымъ; все это осуждалось, какъ пагубное для души общеніе

---

[1]) Любопытно, что у представителей дворянства, реформированнаго Петромъ (Татищевъ и др.), идеалы старые и новые оказались въ разладѣ,—люди простого происхожденія, какъ Посошковъ и Ломоносовъ, пытались найти и находили между ними примиреніе. Мы видѣли уже, что необразованный Посошковъ, въ результатѣ, пришелъ къ компромиссамъ и противорѣчіямъ, но Ломоносовъ сумѣлъ основы своей вѣковой вѣры гармонически слить съ наукой; отъ этого союза, въ его сознаніи, и то и другое окрѣпло и выросло.

съ дьяволомъ. Вотъ почему даже послѣ Петра на занятія естественными науками, наблюденія надъ электричествомъ, устройство громоотвода многіе смотрѣли, какъ на «продерзостное сопротивленіе гнѣву Божію» [1]). Ломоносову приходилось доказывать, что защищаться отъ молніи столь же позволительно, какъ и прятаться отъ дождя въ домъ. Не отрицая воли Божьей, правящей міромъ, Ломоносовъ считалъ необходимымъ объяснить естественныя явленія дѣйствіемъ силъ природы—онъ доказывалъ это при помощи вольфовскаго «закона достаточнаго основанія». Въ своемъ «Посланіи о пользѣ стекла» Ломоносовъ выражаетъ это, новое для Россіи, отношеніе человѣка къ природѣ. Онъ нападаетъ на «слабый умъ», который считаетъ грѣхомъ всякую попытку научно истолковать, что такое молнія и громъ, и объясняетъ эти явленія проявленіемъ Божьяго гнѣва.

„Посланіе о пользѣ стекла".

„Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?"

— спрашиваетъ поэтъ, предлагая и неурожаи объяснять естественно, не смотрѣть на нихъ, какъ на кару, посланную Богомъ.

Подобно Вольфу, благоговѣя передъ природой, восхищаясь ею съ научной точки зрѣнія, Ломоносовъ, кромѣ того, преклонялся передъ нею, какъ поэтъ: Вольфъ былъ холоднымъ систематикомъ, права природы *доказывалъ* математическими теоремами,—Ломоносовъ же *прочувствовалъ* природу всѣмъ существомъ своимъ. Его душа понимала «поэзію міровой жизни»; эта поэзія давала художническому чувству его высокое наслажденіе и служила для разума неисчерпаемымъ источникомъ познанія. Ломоносовъ говорилъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, а въ другой—свою волю; первая—видимый сей міръ, вторая—св. Писаніе». Хорошо знакомый съ твореніями отцовъ церкви, Ломоносовъ цѣнилъ ихъ сочувствіе къ природѣ и желаніе помирить пониманіе ея съ вѣрой. «О, если бы въ ихъ время, сказалъ онъ, извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ!—съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца!» «Природа, говоритъ онъ, есть «евангеліе, благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію». Такое воззрѣніе вполнѣ объясняетъ намъ величіе тѣхъ настроеній, которыми проникнуты его «переложенія псалмовъ», книги Іова и самостоятельныя произведенія духовнаго содержанія. Позднѣе, въ XIX в., Гумбольдтъ съ тѣми же чувствами, что и нашъ Ломоносовъ, читалъ священныя книги. Вотъ, что онъ говоритъ о псалмѣ 103: «Должно дивиться, какъ въ такомъ незначительномъ, по своему объему, лирическомъ произведеніи немногими великими чертами изображена вселенная,—и небо, и земля. Подвижной стихійной жизни природы противопоставлена тихая, тяжкая работа человѣка отъ восхода солнечнаго до окончанія деннаго труда вечеромъ. Эта противоположность, этотъ всеобъемлющій взглядъ на взаимное отношеніе между явленіями, это обращеніе къ вездѣ-присутствующей невидимой

Отношеніе Ломоносова къ природѣ.

Гумбольдтъ о псалмѣ 103.

---

[1]) Ср. слова Дикого въ „Грозѣ" Островскаго.

силѣ, которая можетъ обновить землю, или разбить ее въ прахъ, придаютъ торжественность этой, не столько кипящей жизни, сколько возвышенной поэзіи».

§ 38. Лучшими образцами духовной лирики Ломоносова, конечно, надо признать его «Вечернее» и «Утреннее размышленіе о Божьемъ величіи»—прекрасно вступленіе къ первому гимну: „Вечернее размышленіе о Божьемъ величіи“.

„Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ погнала прочь!
Открылась бездна звѣздъ полна—
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна!..“

Рядъ вопросовъ, мучительныхъ для любознательнаго взора, тонущаго въ сверкающемъ, звѣздномъ небѣ, разрѣшается восклицаніемъ: «Коль великъ Творецъ!»

Въ другомъ произведеніи солнце, появляющееся на небѣ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе пытливое поэта. И вотъ, воображеніе уноситъ его къ самому свѣтилу міра. Какой просторъ для его кисти, любящей сильные эффекты!— „Утреннее размышленіе“.

„Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ.
Тамъ вихри пламенны крутятся!
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ!“

И опять изъ этого хаоса, огня и грохота бѣшеныхъ стихій поэтъ выходитъ съ восклицаніемъ: «великъ Зиждитель нашъ Господь!»

До нашихъ дней его переложенія псалмовъ не утратили свѣжести и силы. Для примѣра, можно привести лишь нѣсколько строкъ, въ которыхъ изображенъ апоѳеозъ Бога-Творца: Переложенія псалмовъ Ломоносовымъ.

„Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета,
Шатру подобно предъ тобой!“

§ 39. Во второй половинѣ своей дѣятельности, когда Ломоносовъ все болѣе и болѣе сталъ подчиняться красотамъ священной поэзіи, онъ и въ свои свѣтскія хвалебныя оды сталъ вводить образы и мотивы поэзіи священной. Такъ, Петра Великаго онъ сравниваетъ иногда съ „кедромъ ливанскимъ“; Іисусъ Навинъ, Самсонъ теперь часто замѣняютъ у него героевъ греческихъ и римскихъ. Въ его стихахъ передъ нами рисуются иногда „ливанскіе холмы“, мелькаютъ поэтическія картины земли обѣтованной... Вліяніе священной поэзіи на творчество Ломоносова во второй періодъ.

Нельзя не признать величія поэтической дѣятельности Ломоносова, но, въ то же время, и нѣкотораго ея однообразія,—

лишь въ послѣдній періодъ его дѣятельности онъ нѣсколько расширилъ предѣлы творчества, сочинивъ сатиру: „Гимнъ бородѣ“, обличавшую приверженцевъ старины, враговъ петровской реформы. Начинается она такъ:

Сатира Ломоносова. „Гимнъ бородѣ“.

„Не роскошной я Венерѣ,
Не уродливой Химерѣ
Въ гимнахъ жертву воздаю,
Я похвальну пѣснь пою
Волосамъ, у всѣхъ почтеннымъ,
Что подъ старость нашихъ лѣтъ
Уважаютъ нашъ совѣтъ“.

Далѣе идутъ довольно злыя указанія, что борода у насъ въ Россіи замѣняетъ у многихъ умъ; потѣшается онъ надъ раскольниками, изувѣрами и самосжигателями-фанатиками, иронически превозноситъ „бороду“,—„мать дородства и умовъ“, „мать достатковъ и чиновъ“. Очевидно, насмѣшка направлена была мѣтко на какое-нибудь извѣстное лицо, такъ какъ Св. Синодъ, по поводу этой сатиры, выпустилъ цѣлое посланіе, въ которомъ требовалъ „публичнаго наказанія для сочинителя“. Кромѣ этой сатиры, отъ него осталась еще довольно злая стихотворная шутка надъ Тредіаковскимъ и Сумароковымъ—и этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія объ его сатирической дѣятельности. Въ противоположность Кантемиру, онъ не чувствовалъ себя созданнымъ для сатиры,—онъ самъ признаетъ это:

„Мнѣ струны поневолѣ
Звучатъ геройскій шумъ
. . . .
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищенъ“.

Другія произведенія Ломоносова.

Кромѣ одъ и сатиръ, написано имъ нѣсколько басенъ, много короткихъ надписей на „иллюминаціи“. Быть можетъ, конечно, много его твореній и не дошло до насъ, но, какъ бы то ни было, надо признать, что въ дошедшихъ произведеніяхъ Ломоносовъ показалъ намъ лишь свой „паѳосъ“, но не ввелъ насъ въ интимную жизнь своей души. Лишь восклицаніе:

„Для пользы общества коль радостно трудиться!“

Или мечты о свободѣ жизни, выразившіяся въ переводномъ привѣтствіи кузнечику:

„Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь, все твое,—вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому!“

—представляютъ собою единственно интересныя строчки для пониманія Ломоносова, какъ „человѣка“,—въ этомъ отношеніи Кантемиръ былъ несравненно откровеннѣе его.

Трагедіи Ломоносова.

§ 40. Въ 1750 году Ломоносовъ написалъ «трагедію»: «Темира и Селимъ», въ 1752—«Демофонтъ». Эти драматическія произведенія не отвѣчали свойству ломоносовскаго таланта, а потому никакого значенія въ исторіи русской драмы не имѣли. Впрочемъ, прекрасный стихъ и высокій лиризмъ нѣкоторыхъ мѣстъ выдвигаютъ и эти произведенія Ломоносова на видное мѣсто. То обстоятельство, что они скоро оказались забыты, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что Сумароковъ, какъ директоръ петербургскаго театра, въ свое время не давалъ хода пьесамъ Ломоносова, своего литературнаго противника.

Сочиненія Ломоносова по теоріи словесности.

§ 41. Отъ Ломоносова остались, кромѣ того, слѣдующія сочиненія по исторіи словесности: „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“, „Руководство по Риторикѣ“, „О внѣшнемъ состояніи словесныхъ наукъ въ Россіи“. Слѣдуя теоріи Аристотеля и Квинтиліана, Ломоносовъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ указалъ на различіе трехъ стилей въ литературѣ: „высокаго, средняго и низкаго“. Къ первому роду относилъ онъ тѣ слова которыя равно употребительны въ русскомъ и старославянскомъ языкѣ; ко второму—слова русскія, но не вульгарныя; къ третьему—слова разговорныя, даже простонародныя. „Высокимъ“ стилемъ онъ рекомендовалъ пользоваться при сочиненіи одъ, поэмъ, эпопей; „среднимъ“ стилемъ—при сочиненіи драматическихъ произведеній, сатиръ, элегій; „низкимъ“—для комедіи, шутливыхъ произведеній и пр. Какъ ни странно, но въ пониманіи „поэзіи“ Ломоносовъ отсталъ отъ Тредіаковскаго: съ его точки зрѣнія, поэзія отличается отъ прозы только „отмѣннымъ сложеніемъ и штилемъ“,—„въ разсужденіе же матеріи“, они, въ его глазахъ, мало разнились: „ибо, какъ онъ говорилъ, объ одной вещи можно писать прозой и стихами“. Въ своей „Реторикѣ“ Ломоносовъ далъ дѣленіе поэзіи на роды и виды.

В. К. Тредіаковскій (1703—1769).

Біографія Тредіаковскаго.

§ 42. Василій Кирилловичъ Тредіаковскій, сынъ священника, родился въ 1703 г. въ Астрахани; первоначальное образованіе получилъ онъ у жившихъ тамъ католиковъ-миссіонеровъ. Въ 1723 г. онъ, въ поискахъ знанія, добрался до Москвы, гдѣ и поступилъ въ Славянско-латинскую

академію; здѣсь онъ съ особымъ усердіемъ занимался словесностью, но, не окончивъ образованія, послѣ одной провинности, бѣжалъ заграницу. Русскій посланникъ въ Голландіи помогъ ему пробраться въ Парижъ, гдѣ Тредіаковскій поступилъ въ университетъ и съ увлеченіемъ занялся словесностью и исторіей. Въ 1730 г. онъ вернулся на родину и занялъ мѣсто переводчика при Академіи наукъ. Въ 1733 г. онъ былъ сдѣланъ академическимъ секретаремъ, въ 1745 г. — профессоромъ элоквенціи (краснорѣчія) при академическомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, онъ горячо отстаивалъ интересы русской науки и русскаго образованія. Въ 1759 г. онъ оставилъ службу при Академіи наукъ. Умеръ онъ въ 1769 г.

Оды Тредіаковскаго

Онъ, по времени, первый нашъ одописецъ въ классическомъ родѣ; онъ же — и первый теоретикъ „тоническаго" стихосложенія. Его ранняя ода написана въ 1734 г. „О сдачѣ города Гданска". Начинается эта ода словами:

„Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ?
Вы, Парнасское убранство,
Музы, умъ не васъ ли зритъ"?..

И въ этой одѣ, и во всѣхъ остальныхъ (ихъ нѣсколько), соблюдены всѣ требованія теоріи Буало, но въ нихъ мало, необходимаго для оды, „настроенія". Если въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Ломоносовъ и „взвинчивалъ" себя порою на высокій ладъ, то это ему и удавалось, — запасъ „паѳоса" у него былъ отъ природы великъ, отчего даже въ неискреннихъ его произведеніяхъ порою пробивались искры правдиваго чувства, — Тредіаковскій неспособенъ даже на это; въ его одахъ нѣтъ „настроенія", — этотъ одописецъ не парилъ къ небесамъ, а, можно сказать лишь безпомощно бѣгалъ по землѣ, махая слишкомъ короткими крыльями... Впрочемъ, онъ самъ, повидимому, не считалъ себя хорошимъ „одописцемъ", — оттого такъ мало оставилъ произведеній этого рода. Лучшее изъ нихъ — привѣтствіе въ день коронаціи Елизаветы Петровны (1742). Тонъ этой оды смиренный, льстивый; жизнь и люди слишкомъ оскорбляли несчастнаго Тредіаковскаго, да и отъ природы не было величія въ душѣ этого „чернорабочаго" на россійскомъ Парнасѣ.

Увлеченіе священной поэзіей и переложеніе псалмовъ.

Тредіаковскій былъ, подобно Ломоносову, поклонникомъ псалмовъ и усердно перелагалъ ихъ русскими стихами. И онъ постигъ ихъ красоту, и даже рекомендовалъ имъ подражать: „всякъ россійскій охотникъ (любитель) одъ, говоритъ онъ, можетъ примѣтить высоту слога, какова приличествуетъ одамъ въ Псалмахъ Святого Пѣснопѣвца Псалтирическаго, ибо псалмы не что иное,

какъ токмо оды,—увидитъ онъ тутъ и благородство матеріи, и богатство украшенія, и великолѣпіе изображеній; увидитъ мудрое порываніе разума, удивительное вознесеніе слога". Далѣе онъ перечисляетъ красоты священной поэзіи, отвѣчающія высокому настроенію оды; „рѣки возвращаются вспять къ своимъ источникамъ, моря разступаются и убѣгаютъ, горы таютъ, какъ воскъ, и исчезаютъ! Такова должна быть совершенная ода, а особливо благородную матерію воспѣвающая". Въ другой разъ моисеевы пѣсни ставитъ онъ рядомъ съ пиндаровыми одами, называя Моисея „высочайшимъ изъ піитовъ".

§ 43. Если слабъ былъ Тредіаковскій въ творчествѣ, то въ области теоріи словесности его труды имѣли серьезное значеніе—онъ былъ очень начитанъ и, къ тому же, будучи спеціалистомъ, больше Ломоносова могъ отдаваться изученію словесности. Отъ него остались переводы: „De arte poetica" Горація и L'art poétique" Буало,—этихъ двухъ кодексовъ ложнаго классицизма [1]). Онъ, какъ извѣстно, первый предложилъ теорію тоническаго стиха въ разсужденіи: „Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ". Выше было указано, что у многихъ виршеплетовъ XVII-го вѣка попадаются цѣлыя строфы тоническаго сложенія, но это были случайныя откровенія, неосвѣщенныя сознаніемъ. Честь открытія всегда принадлежитъ тому, кто первый выяснилъ смыслъ своего открытія,—Тредіаковскій сдѣлалъ это въ своемъ „Мнѣніи о началѣ поэзіи и стиховъ вообще"; въ „Письмѣ къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи" онъ выяснилъ значеніе поэзіи для общества. Ему принадлежатъ еще слѣдующія произведенія: „Рѣчь о чистотѣ россійскаго языка", „Слово о витійствѣ", „Разсужденіе о комедіи вообще", „Предизъясненіе объ Ироической поэмѣ", „Разсужденіе объ одѣ", любопытное изслѣдованіе по исторіи русской поэзіи: „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ" и нѣсколько изслѣдованій чисто-филологическихъ. Значеніе этой дѣятельности Тредіаковскаго до сихъ поръ не нашло себѣ настоящей оцѣнки, хотя всетаки замѣчено, что нашъ теоретикъ довольно самостоятельно отнесся ко многимъ вопросамъ, рѣшеннымъ на французскомъ Парнасѣ. Такъ, напримѣръ, даже въ „поэзіи" онъ разошелся съ Буало. Тотъ видѣлъ

Труды его въ области „теоріи словесности".

Открытіе имъ тоническаго стихосложенія.

[1]) Изъ переводовъ его по изящной литературѣ интересны: „Телемахида, или странствованіе Телемака, сына Улиссова" (Fénelon „Les aventures de Télémaque"), „Ѣзда въ островъ любви" (P. Tillemon, „Voyage à l'île d'Amour"), „Аргенида" Барклая.

въ ней лишь l'art des vers — искусство ткать стихи, — Тредіаковскій, прекрасно знакомый съ ученіемъ Аристотеля и даже Платона, различилъ „піита“ и „стихотворца“: въ поэзіи онъ видѣлъ „творчество“; слѣдуя за Платономъ, призналъ необходимость вдохновенія поэта — этого „наитія“ откуда-то свыше. Прекрасное знаніе литературы позволило Тредіаковскому быть хозяиномъ громаднаго литературнаго матеріала, что заставляетъ насъ невольно прислушиваться къ тѣмъ оцѣнкамъ, которыя онъ дѣлалъ произведеніямъ древней и новой европейской литературы.

Судьба зло подшутила надъ дѣятельностью нашихъ первыхъ „классиковъ“: Ломоносова, Тредіаковскаго и Сумарокова, — они были въ вѣчной ссорѣ между собой, вѣчно были другъ другомъ недовольны, жаловались властямъ, донося и на частную жизнь, и на общественную дѣятельность, и даже на историко-литературные и научные взгляды другъ друга. Любопытно, что эта вражда побудила и Ломоносова, и Сумарокова сочинять критическія и теоретическія статьи.

А. П. Сумароковъ (1718—1777).

Біографія Сумарокова. § 44. Александръ Петровичъ Сумароковъ родился въ 1718 г.; происхожденія онъ былъ дворянскаго; образованіе получилъ въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ. Здѣсь онъ пристрастился къ литературѣ, началъ писать стихи и пѣсни, многимъ пришедшіеся по вкусу. Театральныя представленія при дворѣ Анны Іоанновны увлекли его—и онъ самъ написалъ трагедію «Хоревъ», которая и была разыграна кадетами. Въ 1740 г. онъ окончилъ корпусъ, поступилъ въ военную службу и отдался литературной дѣятельности.

Когда въ 1756 г. былъ открытъ въ Петербургѣ театръ, Сумароковъ былъ назначенъ его директоромъ. Придирчивый и самолюбивый, не признававшій ничьихъ авторитетовъ, Сумароковъ не могъ ужиться съ начальствомъ и подчиненными и въ 1761 году вышелъ въ отставку, переселился въ Москву, гдѣ и умеръ въ бѣдности, перессорившись со всѣми.

Этотъ талантливый писатель не былъ скроменъ—онъ считалъ себя „геніальнымъ“. Такое странное самомнѣніе заставило его всѣ усилія прилагать къ тому, чтобы превзойти своихъ современниковъ-соперниковъ обиліемъ и разнообразіемъ своихъ произведеній. „Оды“ Сумарокова. Отъ природы сатирикъ, онъ брался за оды, можно думать, почти исключительно съ цѣлью доказать, что могъ писать ихъ лучше, чѣмъ Ломоносовъ. Въ полномъ собраніи его сочиненій „торжественныхъ“ одъ—33; „одъ разныхъ“—31; одъ „вздор-

ныхъ"—5; переложеній псалмовъ—153; духовныхъ пѣснопѣній—28. Такое изумительное обиліе произведеній, въ количественномъ отношеніи, далеко оставляетъ за собой творчество Ломоносова, но внутренними достоинствами своими эта лирика значительно уступаетъ ломоносовской: нѣтъ въ произведеніяхъ Сумаракова того „пиндаризма", которымъ богатъ Ломоносовъ, — самый языкъ и стихъ его, могучій и яркій, смѣняется у Сумаракова тусклой версификаціей, слабо выражающей настроенія поэта. Изъ торжественныхъ одъ *одна*—„На побѣды Петра Великаго", *пять*—посвященныхъ Елизаветѣ Петровнѣ, остальныя—Екатеринѣ II. Писались онѣ на разные случаи—на „восшествіе на престолъ", на „коронацію", на „день рожденія", на день „тезоименитства", на „побѣды". Во всѣхъ этихъ одахъ описательный и повѣствовательный элементъ сильнѣе лиризма; поэтъ болѣе разсказываетъ, чѣмъ „восторгается". Это обстоятельство приблизило къ землѣ его оду, связавъ ее съ дѣятельностью воспѣваемаго лица и съ настроеніемъ общества.

§ 45. Интересны, въ этомъ же смыслѣ, оды Сумаракова, названныя имъ „разными". Въ этихъ любопытныхъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ лирику „интимную", исповѣдь настроеній самого автора, — здѣсь нашли себѣ выраженіе и любовь поэта, и радости, и сѣтованья въ тяжелую минуту, и мечты о возможномъ счастьи... Понятно, что для выраженій этихъ „дѣйствительныхъ" чувствъ поэта и обстановка дѣлается болѣе реальной: мелькаютъ упоминанія о красотахъ Невы, о берегахъ Волги, о жизни поэта въ Москвѣ и въ русской деревнѣ... Такимъ образомъ, ложноклассическія настроенія стали связываться у него, мало-по-малу, съ „поэзіей дѣйствительности".

„Вздорныя" оды.

Оды „вздорныя" —это пародіи на „паѳосъ" Ломоносова. Въ этихъ произведеніяхъ Сумароковъ высмѣялъ своего современника, представивъ намѣренно-неудачныя сочетанія „ломоносовскихъ" грандіозныхъ образовъ. Напр.: „съ волнами волны тамъ воюютъ, тамъ вихри съ вихрями дерутся и пѣну плещутъ въ облака", „Борей замерзлыми руками изъ бездны китовъ извлекаетъ и злобно ими въ твердь разитъ", „Нептунъ изъ пропастей выходитъ,—со власъ его валы текутъ, главою небесамъ касаясь, пучины топчетъ пирамидъ" и т. д. Значеніе этихъ малоостроумныхъ пародій, тѣмъ не менѣе, было велико: онѣ вѣрно подчеркивали „ложь" высокопарныхъ, не всегда искрен-

нихъ настроеній псевдоклассицизма, оторванность его отъ дѣйствительной жизни—

„Среди зимы, въ часы мороза,
Когда во мнѣ вся стынетъ кровь,
Хочу твою воспѣти, Роза,
Съ Зефиромъ сладкую любовь!"

Такое обвиненіе въ поэтической „неправдѣ" тяготѣетъ надъ всей русской одой XVIII вѣка; оно теряетъ свою силу лишь по мѣрѣ того, какъ въ концѣ вѣка „поэзія дѣйствительности" вступаетъ въ свои права.

Духовная поэзія Сумарокова.

Интересны также „духовныя стихотворенія" Сумарокова, особенно тѣ, гдѣ онъ является, болѣе или менѣе, самостоятельнымъ. Таковы оды „о величествѣ Божіемъ", „на суету міра", „о добродѣтели", переложенія молитвъ, стихиръ и отдѣльныхъ мѣстъ изъ Библіи.

„Пѣсни" Сумарокова.

§ 46. Любопытны также „пѣсни" Сумарокова. О популярности этого жанра у насъ, начиная съ XVII в., приходилось говорить выше. Мы видѣли, что и Кантемиръ занимался сочиненіемъ такихъ „любовныхъ" пѣсенъ. Сумароковъ писалъ ихъ въ изобиліи (129 пѣсенъ). Содержаніемъ и настроеніемъ эти произведенія примыкаютъ и къ анонимнымъ любовнымъ пѣснямъ начала вѣка, и къ „аріямъ" „Александра, кавалера россійскаго",— отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что, подъ перомъ Сумарокова, они облагородились и обратились въ настоящія литературныя произведенія, написанныя правильнымъ размѣромъ, украшенныя всѣми красотами тогдашней поэтики. Названія этихъ пѣсенъ даютъ представленіе объ ихъ содержаніи: „Ахъ, за что тобой, жестокой, я обманута была?", „Не плачь такъ много, дорогая", „Не спрашивай меня, что сердце ощущаетъ", „Прошли тѣ дни, какъ былъ я воленъ", „Не терзай ты себя", „Больше нѣтъ ужъ надежды, чтобъ я могъ тебя забыть", „Вамъ, лѣса, вамъ однимъ, тайну свою объявляю", „Только ты не премѣняйся, я не премѣнюся" и др. Любопытно, что для нѣкоторыхъ пѣсенъ Сумароковъ воспользовался пріемами народной лирики (напримѣръ, отрицательное сравненіе: „Не пастухъ въ свирѣль играетъ") и даже дѣлалъ прямыя заимствованія изъ народной пѣсни, напр.—

Вліяніе народной поэзіи на пѣсни Сумарокова.

Въ рощѣ дѣвки гуляли—
Калина ли моя, малина ли моя! и т. д.

Пѣсни Сумарокова нравились его современникамъ и вызывали подражанія въ теченіе всего XVIII-го и даже XIX-го вѣка.

Онѣ въ большомъ количествѣ дожили до насъ въ разныхъ лубочныхъ пѣсенникахъ, отчасти примкнувъ въ конечномъ своемъ развитіи даже къ репертуару цыганскихъ романсовъ. Пѣсни Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова, Цыганова, Дельвига—все это произведенія, находящіяся въ связи съ этой пѣснью, постепенно развивающей со временемъ свою форму, углубляющей свое настроеніе...

§ 47. Сумароковъ сочинялъ и сатиры. Такъ какъ по времени его дѣятельность близка къ екатерининскому періоду, то въ своихъ сатирахъ онъ уже выразилъ главную особенность ея эпохи—стремленіе ближе подойти къ дѣйствительности русской жизни. Кантемиръ шелъ къ этому же, но всетаки его сатира брала цѣль выше—она охотнѣе всего бичевала общечеловѣческіе пороки. Сумароковъ нападалъ уже не на „типы", а на „явленія". Въ его обличеніяхъ много страстности, желчи, и порой они сбиваются на памфлетъ. Его безпокойная, неуживчивая натура ясно сказывается въ задорныхъ насмѣшкахъ надъ отрицательными явленіями окружающей жизни. Лихоимство судейское, крючкотворство подъячихъ, французоманія русскихъ людей—вотъ, что преслѣдовалъ онъ въ своихъ сатирахъ и комедіяхъ.

Сатиры Сумарокова.

Сравненіе его сатиръ съ кантемировскими.

Выдается своими достоинствами сатира его: „Наставленіе сыну". Старый плутъ, умирая, даетъ сыну уроки жизни и попутно развертываетъ передъ нимъ длинный свитокъ своихъ грязныхъ дѣлишекъ.

„Наставленіе сыну".

Сумароковъ началъ у насъ прозаическую сатиру: онъ же сталъ издавать первый сатирическій журналъ: „Трудолюбивая пчела". Кромѣ того, въ цѣляхъ обличенія, воспользовался онъ прикрытіемъ „басни", или, какъ онъ ее называетъ,—„притчи"; оттого эти „притчи" у него потеряли значеніе „морализующихъ" произведеній, а пріобрѣли значеніе „обличительныхъ".

Журналъ Сумарокова.

„Притчи" Сумарокова.

§ 48. Особенно прославился Сумароковъ, какъ драматургъ. Онъ чуждъ былъ античной драматической литературы и потому примкнулъ исключительно къ французскому классицизму: Корнель, Расинъ и Вольтеръ—его главные учителя въ области драматургіи.

Сумароковъ, какъ драматургъ.

Особенно близокъ онъ къ Расину, за что̀ и прозванъ былъ у насъ „сѣвернымъ Расинымъ". Современники высоко цѣнили его драматическую дѣятельность. Особенно важенъ отзывъ о немъ, принадлежащій извѣстному артисту Дмитревскому. Это—

Отзывъ Дмитревскаго о пьесахъ Сумарокова.

отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной имъ въ Академіи въ 1807 г.,— слѣдовательно, тогда, когда Дмитревскій уже не могъ быть связанъ съ Сумароковымъ личными интересами. Подобные отзывы очень цѣнны, такъ какъ помогаютъ историку останавливать свое вниманіе на такихъ сторонахъ прошлаго, которыя нелегко поддаются оцѣнкѣ людей позднѣйшаго времени,—нѣтъ ничего труднѣе, какъ найти „новое“ въ „старомъ“, давноотжившемъ. Намъ, напримѣръ, людямъ, избалованнымъ современнымъ стихомъ, трудно было бы оцѣнить благозвучіе стиховъ Сумарокова, и „новизну“ его пріемовъ психическаго анализа, если бы намъ на выручку не явился современникъ Сумарокова—артистъ, понимавшій его лучше насъ и умѣвшій въ свое время удачно истолковывать художественные замыслы писателя, даже вызывать своей игрой обильныя слезы у зрителей.

„Хоревъ“.

Первая трагедія Сумарокова «Хоревъ» явилась въ свѣтъ въ 1747 г. Дѣйствіе ея происходитъ въ Кіевѣ во время княженія баснословнаго князя Кія. Такое обращеніе къ древности требовалось псевдоклассической теоріей драматическаго искусства. Особенностью Сумарокова было предпочтеніе, которое онъ оказывалъ славянской исторіи; такимъ образомъ, «псевдоклассицизмъ» у него обратился, собственно говоря, въ «псевдославянизмъ». Конечно, всѣ дѣйствующія лица его пьесъ только своими дѣланными славянскими именами напоминаютъ русскихъ; какъ истые потомки французскаго классицизма, всѣ они—космополиты, ничѣмъ не привязанные къ славянству и Россіи. Все вниманіе автора обращалось на изображеніе столкновеній общечеловѣческихъ чувствъ и страстей.

Содержаніе пьесы.

Содержаніе трагедіи слѣдующее. Оснельда, дочь прежняго властителя кіевскаго, Завлоха, въ плѣну у Кія. Завлохъ приступаетъ къ городу съ войскомъ. Кій хочетъ вернуть ему его дочь. Оснельда въ діалогѣ раскрываетъ мамкѣ свою душу: она хочетъ идти къ отцу, но не въ силахъ разстаться съ любезнымъ ея сердцу Хоревомъ, братомъ Кія. Борьба между долгомъ дочери и патріотки—и любовью женщины наполняетъ ея душу смятеніемъ. Приходитъ Хоревъ; они объясняются; онъ тоже ее любитъ, но, тѣмъ не менѣе, обязанъ исполнить долгъ защитника отечества — идти съ войскомъ противъ ея отца. Во второмъ актѣ подозрительный бояринъ Сталверхъ внушаетъ Кію недовѣріе къ Хореву. Совѣтъ Хорева помириться съ Завлохомъ усиливаетъ подозрительность Кія. Въ третьемъ актѣ Оснельда получаетъ отъ родителя письмо, съ запрещеніемъ любить врага родины, Хорева. Героиня хочетъ лишить себя жизни. Мамка удерживаетъ ее. Является Хоревъ и узнаетъ содержаніе письма; отчаяніе его, тѣмъ не менѣе, побѣждено чувствомъ долга передъ братомъ и отечествомъ — онъ идетъ въ бой. Въ 4-мъ актѣ Кій, видя героизмъ брата, начинаетъ вѣрить въ его честность, но Сталверхъ продолжаетъ поддерживать подозрительность Кія и приводитъ одного свидѣтеля, который своимъ разсказомъ губитъ Оснельду: взбѣшенный Кій не вѣритъ рѣчамъ княжны, отсы-

лаетъ ее въ тюрьму и приказываетъ отравить. Въ 5-мъ актѣ Хоревъ, послѣ побѣды, приводитъ Завлоха плѣннымъ. Кій убѣждается въ его невинности, спѣшитъ вручить ему Оснельду, но та уже умерла въ тюрьмѣ. Сталверхъ бросается въ рѣку и тонетъ, а затѣмъ закалывается и Хоревъ.

Построеніе трагедіи совершенно шаблонно: она составлена изъ длинныхъ тирадъ и монологовъ, въ которыхъ разсказывается подробно внутреннее состояніе души героевъ. Построеніе пьесы.

Для характеристики стиля монологовъ, приведу изъ этой трагедіи нѣсколько тирадъ. Мамка-наперсница сообщаетъ Оснельдѣ о томъ, что ея отецъ пришелъ съ войскомъ подъ Кіевъ: Стиль монологовъ.

„Княжна, сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Въ послѣднія тебя здѣсь солнце освѣщаетъ!—
Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь
И вооружаются ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу“.

Кій посылаетъ брата въ походъ съ слѣдующей рѣчью:

„Примай оружіе,—се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала!
Вели въ трубы гласить и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань,
Ступай—и побѣди! и возвратися славно,
Какъ въ скиѳскія войны подъ лаврами недавно!“

Монологъ Хорева при вѣсти о смерти Оснельды:

„Не сонъ ли мя страшитъ, нечаемый судьбою!..
Оснельда!.. въ истину разстался я съ тобою!..
Гдѣ я?.. и что я сталъ?.. день злобный, лютый часъ!
О, боги праведны, Хоревъ прогнѣвалъ васъ!
... Влеките изъ меня мою вы душу страстну!
Бѣгите! бросьтеся спасти княжну несчастну!
Прости, любезная... но, ахъ, ея ужъ нѣтъ!
Прости... Увы, совсѣмъ померкъ уже мой свѣтъ!..
О, нестерпима казнь! О, рокъ ожесточенный!..

Изъ монологовъ трагедіи можно, до нѣкоторой степени, возстановить образы героевъ. Кій — слабый, легковѣрный владыка, Хоревъ — юноша гуманный, честный, увлекающійся, въ пылу военныхъ приготовленій забывающій даже о своей любви. Сталверхъ—клеветникъ не по злобѣ, а отъ излишняго скептицизма: сознаніе своей ошибки приводитъ его къ самоубійству. Характеры дѣйствующихъ лицъ.

Любопытна вторая трагедія Сумарокова — передѣлка шекспировскаго «Гамлета». Это обращеніе къ Шекспиру дѣлаетъ честь русскому писателю, который, подобно немногимъ людямъ XVIII вѣка, находилъ у Шекспира не только «много безобразнаго, но много и прекраснаго». Пере- „Гамлетъ“.

дѣлка, сдѣланная Сумароковымъ, свелась къ устраненію этого «безобразнаго», — и, въ результатѣ, получилось его самодовольное заявленіе: «Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва-едва походитъ». Въ первомъ актѣ Гамлетъ разсказываетъ, что видѣлъ во снѣ покойнаго отца, узналъ отъ него тайну его смерти и рѣшается мстить. Убѣждается онъ также въ томъ, что Полоній, отецъ его возлюбленной, Офеліи,— участникъ убійства. Это заставляетъ Гамлета отказаться отъ любви къ Офеліи. О намѣреніяхъ своихъ мстить убійцѣ отца онъ разсказываетъ наперснику своему Армансу; тотъ поддерживаетъ принца, но проситъ Гамлета пощадить свою мать, вышедшую замужъ за убійцу мужа. Является мать принца—королева Гертруда. Происходитъ бурное объясненіе сына съ матерью, въ концѣ котораго королева совершенно уничтожена, теряетъ мужество и мучается. Во 2-мъ актѣ король Клавдій, убійца отца Гамлета и узурпаторъ, терзается раскаяньемъ. Его злой геній, Полоній, ободряетъ его; борьба совѣсти съ честолюбіемъ кончается въ пользу послѣдняго: Клавдій рѣшается убить свою жену и соучастницу въ преступленіи Гертруду и жениться на Офеліи. Полоній въ восторгѣ. Гертруда является и публично кается въ своихъ преступленіяхъ, убѣждая Клавдія отказаться отъ престола и идти въ пустыню спасаться. Полоній мѣшаетъ ей увлечь короля. Въ 3-мъ актѣ Полоній настаиваетъ, чтобы Офелія согласилась на бракъ съ королемъ. Она, изъ любви къ Гамлету, отказывается. Вбѣгаетъ разъяренный Гамлетъ со шпагою—онъ хочетъ убить Клавдія. Офелія говоритъ Гамлету о своей любви къ нему... Онъ ей уступаетъ, теряетъ мужество. Слезы Офеліи его размягчаютъ; онъ хочетъ лишить себя жизни, такъ какъ не въ силахъ вынести борьбу любви съ долгомъ мести. Слѣдуетъ заимствованный у Шекспира монологъ: «быть, или не быть»:

„Что дѣлать мнѣ теперь? не знаю, что зачать?
Легко-ль Офелію навѣки потерять?
Отецъ! любовница! о, имена драгія!
Не зрюсь способенъ быть я къ долгу своему-
И нѣтъ пристанища блудящему уму!
... Когда умру—засну... засну, и буду спать,
Но что за сны сія ночь будетъ представлять?
Умреть и внити въ гробъ... спокойствіе прелестно,
Но что послѣдуетъ сну сладку?.. неизвѣстно!“

Въ 4-мъ актѣ Офелія, узнавъ о преступленіяхъ своего отца, тоскуетъ, боясь, что Гамлетъ убьетъ его; королю она отказываетъ въ рукѣ. За это П лоній обрекаетъ дочь на казнь. Въ 5-мъ актѣ Полоній разсказываетъ королю, что наемные убійцы скоро кончатъ дни Гамлета. Но является вѣстникъ и сообщаетъ, что убійство не удалось и, подъ предводительствомъ принца, начался народный мятежъ.

Клавдій идетъ къ народу и погибаетъ. Полоній пытается убить дочь, но ее спасаетъ Гамлетъ, который хочетъ заколоть злодѣя и бросается на него со словами:

„Сей варваръ моего родителя убилъ!“

Но Офелія останавливаетъ его словами:

„Но, Гамлетъ, онъ твою возлюбленну родилъ!“

Гамлетъ опять уступаетъ любви Офеліи... Полоній отведенъ въ тюрьму. Тамъ онъ самъ лишаетъ себя жизни. Кончается трагедія словами Офеліи. Она преклоняется предъ волею судьбы и говоритъ Гамлету:

„Ступай, мой князь, во храмъ, яви себя въ народѣ,
А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ“ (т. е. плакать надъ тѣломъ отца).

Характеры дѣйствующихъ лицъ.

Въ этой передѣлкѣ пьесы Шекспира всѣ дѣйствующія лица получаютъ болѣе яркую окраску, чѣмъ въ первой пьесѣ Сумарокова. Клавдій—тиранъ, теряющійся ненадолго; онъ хитеръ и честолюбивъ, связанъ съ Полоніемъ длинной цѣпью преступленій. Гертруда — безличное и безвольное существо. Гамлетъ—пылкій, но слабовольный юноша. Полоній—закоренѣлый преступникъ, злобный, умирающій съ проклятіями и не любящій своей дочери. Офелія—дѣвушка стойкая, непреклонная, хотя нѣжная, полная любви.

„Синавъ и Труворъ“.

Въ третьей трагедіи Сумарокова: «Синавъ и Труворъ» Синавъ—слабый человѣкъ, весь охваченный страстью къ Ильменѣ, ради этого готовый на изгнаніе изъ государства родного брата, на захватъ героини противъ ея воли...

Четвертой трагедіей Сумарокова была «Артистона», затѣмъ «Семира», «Ярополкъ и Димиза», «Вышеславъ», «Дмитрій Самозванецъ», «Мстиславъ».

Общая характеристика трагедій Сумарокова.

Всѣ эти трагедіи, въ общемъ, похожи на двѣ разобранныя. Свѣтлый образъ нѣжной дѣвушки, стойкой въ борьбѣ долга и любви, нѣсколько разъ пройдетъ передъ нами въ этихъ пьесахъ Сумарокова. Нѣсколько разъ мы увидимъ слабовольныхъ тирановъ, приносящихъ въ жертву своему эгоизму чужое счастье. Мелькаютъ образы пылкихъ любовниковъ, стоящихъ, однако, ниже избранныхъ ими героинь по силѣ и чистотѣ духа. Такимъ образомъ, Сумароковъ, какъ и Расинъ, главнымъ образомъ, художники женскихъ образовъ.

Съ каждой новой пьесой Сумароковъ задается все болѣе серьезными задачами—усложняетъ дѣйствіе и углубляетъ характеры героевъ. Сцены любовныхъ объясненій у него лучшія; менѣе интересны тѣ мѣста, въ которыхъ изображаетъ онъ злобу героевъ. Всего холоднѣе монологи, въ которыхъ трактуется о чувствѣ долга, о любви къ родителямъ и пр....

Конечно, больше всего обязанъ Сумароковъ Расину, герои котораго, бо́льшею частію, такіе же «рабы страсти», губящіе себя, или другихъ; кромѣ вліянія французскихъ писателей, нельзя не отмѣтить на пьесахъ Сумарокова также и несомнѣннаго вліянія Шекспира: онъ повторяетъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ монологъ Лира въ степи.

Для насъ очень цѣнно, что только разъ онъ взялъ сюжетъ изъ античной исторіи—во всѣхъ другихъ пьесахъ онъ связанъ съ русской исторіей (хотя и фантастической), при чемъ любопытно, что онъ не боялся даже сюжетовъ изъ исторіи XVII-го вѣка. Это—большая смѣлость для псевдоклассика.

Отношеніе Сумарокова къ исторіи въ трагедіи „Дмитрій Самозванецъ".

Какъ просто и легко относился Сумароковъ къ исторіи, видно изъ его пьесы: «Дмитрій Самозванецъ». Передъ нами — совершенный злодѣй. Во всеуслышаніе заявляетъ онъ:

„Блаженная душа идетъ въ объятья Бога,
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога!
Сія послѣдня ночь—ночь вѣчна будетъ мнѣ,—
Увижу наяву, что страшно и во снѣ!"

Предчувствуя гибель, онъ восклицаетъ:

„Во преисподнюю ступай, душа моя,
Правитель естества! И тамъ рука Твоя
Исторгнетъ мя на судъ изъ адскія утробы.
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы.
И человѣчества я врагъ, и Божества!.."

Отзывъ кн. Шаховского объ этой трагедіи.

Эта трагедія имѣла у насъ большой успѣхъ: кн. Шаховской впослѣдствіи вспоминалъ, какъ билось его сердце всякій разъ, когда онъ смотрѣлъ «Дмитрія Самозванца»—«сію народную любимицу»,—ни Корнель, ни Расинъ не подымали такъ его чувства. «Воображеніе мое, воспламененное любовью къ нашей церкви и отечеству, разсказываетъ онъ, то уносилось на Красную площадь, сострадая стону Москвы, заглушаемому буйнымъ самохвальствомъ иновѣрцевъ, то радовалось крику святой Руси на бодрыя воззванія Шуйскаго. Наконецъ, набатъ, ударившій по волѣ Божьей въ казнь хищничества и святотатства, потрясъ мою душу,—огонь пробѣжалъ изъ сердца по всѣмъ моимъ жиламъ; взрывъ рукоплесканія огромилъ театръ,—и трагедія исполнила свое дѣло».

Такимъ образомъ, Сумароковъ въ послѣдней своей трагедіи отъ псевдорусской исторіи перешелъ къ настоящей исторіи, хотя и плохо имъ понятой. Вотъ почему его трагедія: «Дмитрій Самозванецъ» держалась на сценѣ дольше другихъ его пьесъ.

Отношеніе русской публики къ трагедіямъ Сумарокова.

Русская публика не могла еще сознавать всѣхъ этихъ недостатковъ въ трагедіяхъ Сумарокова,—она видѣла въ нихъ тѣ же пріемы и формы, какъ и въ популярныхъ французскихъ трагедіяхъ Расина и Вольтера: Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Оснельда и Ксенія напоминали Британика, Эдипа, Заиру и Роксану,—героевъ Расина и Вольтера. Ильмена походила на Альзиру Вольтера; разсказъ вѣстника о смерти Трувора представляетъ собою подражаніе разсказу Терамена о смерти Ипполита въ расиновской „Федрѣ". Неудивительно, что русскіе люди подумали, будто Сумароковъ далъ ей такую же трагедію, какая была у французовъ, а въ немъ самомъ увидѣла „русскаго Расина" и „Вольтера".

Литературныя достоинства трагедій Сумарокова.

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ трагедій Сумарокова надо отнести обиліе живыхъ и горячихъ сценъ; монологи и разсказы дѣйствующихъ лицъ въ его пьесахъ часто проникнуты возвышен-

ными чувствами; устами своихъ героевъ онъ высказывалъ нерѣдко тѣ же гуманныя идеи о свободѣ, о вѣротерпимости, воспитаніи и образованіи, о власти и управленіи государствомъ, какія тогда проводились въ идейныхъ западно-европейскихъ произведеніяхъ.

Сумароковъ, какъ сочинитель комедій.

§ 49. Кромѣ „трагедій" Сумароковъ сочинилъ много „комедій"—еще въ 1750-омъ году написалъ онъ комедію: „Опекунъ". По указанію изслѣдователей, эта пьеса и другія, за ней слѣдовавшія, представляютъ собою первыя русскія комедіи, изображающія *общество*. Впрочемъ, подобно ложноклассической трагедіи, изображавшей „общечеловѣческія" страсти, и комедія псевдоклассическая больше всего бичевала „общечеловѣческіе" недостатки. Поэтому и у Сумарокова, даже при изображеніи русскаго общества, особое вниманіе направлено на общечеловѣческія стороны человѣческой души.

Предметъ осмѣиванія въ комедіяхъ Сумарокова.

Впрочемъ, нѣкоторыя черты дѣйствительной жизни уже мелькаютъ въ этихъ первыхъ опытахъ русской комедіи. Сумароковъ попутно нападаетъ на французоманію тогдашняго общества, на непониманіе истиннаго образованія; потѣшается онъ надъ подъячими, плохими стихотворцами, петиметрами [1]).

Возставая противъ суевѣрія и лицемѣрія, онъ обличалъ эти пороки въ своихъ комедіяхъ [2]): напр., въ «Чужехватѣ» (герой ком. «Опекунъ»). Величаніе знатностью рода тоже высмѣивалось имъ во многихъ пьесахъ. Ростовщичество и скупость рѣзко осмѣяны въ лицѣ Кащея (ком. «Лихоимецъ»). Въ петиметрахъ Сумароковъ обличалъ легкое отношеніе къ нравственности и французоманію: въ Дюлюжѣ («Чудовищи»), и Минодорѣ («Мать-совмѣстница») онъ осмѣялъ эти уродливые типы—порожденіе реформированной Россіи. Требованіе естественности отъ поэтовъ, изложенное имъ въ разсужденіи «о неестественности», высказано и въ ком. «Трес-

„Трессотиніусъ".

сотиніусъ»: въ главномъ героѣ высмѣялъ онъ высокопарность и надутость педанта. Герой комедіи, въ которомъ, говорятъ, онъ хотѣлъ представить Тредіаковскаго, такъ объясняется въ любви:

„Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажегъ,
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ!"

Въ этой же комедіи приведенъ споръ этого героя съ другимъ педантомъ—Бомбембіусомъ (Ломоносовъ) о буквѣ «твердо» (т):

Тр. Я содержу, что *твердо* объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у гре-

---

[1]) Надо сказать, что всѣ эти общественные недостатки обличались и западно-европейской комедіей.

[2]) Обличая человѣческіе пороки, Сумароковъ, слѣдуя образцу псевдо-классиковъ, выводилъ въ комедіяхъ также лицъ добродѣтельныхъ (теорія контрастовъ),—такъ въ лицѣ Тиманта (ком. „Мать-совмѣстница") превознесъ онъ человѣка съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ и природѣ. Истинное благородство представлено имъ также въ лицѣ Валерія (ком. „Опекунъ") и Октавія (ком. „Нарциссъ").

ковъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакій уродъ.

Бомб. Мое *твердо* о трехъ ногахъ — и для того стоитъ твердо. ergo—оно *твердо*; а твое *твердо* нетвердо, ergo—оно не твердо. Твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, скаредное!..

Достоинства и недостатки комедій Сумарокова. Главное достоинство комедій Сумарокова — ихъ разговорный языкъ, бойкій и живой, далекій отъ того дѣланнаго стиля, который мы видѣли въ его трагедіяхъ. Но образы въ комедіи набросаны рѣзко, даже грубо, краски положены слишкомъ густо. Эти недостатки искупались, до нѣкоторой степени, ѣдкимъ остроуміемъ отдѣльныхъ сценъ, яркостью раздраженія, свойственнаго автору, какъ сатирику.

По отзывамъ современниковъ, его комедіи особеннымъ успѣхомъ не пользовались: содержаніемъ онѣ не богаты, да къ тому же въ большинствѣ изъ нихъ осмѣивались нерусскіе нравы.

Фарсы Сумарокова. Многія изъ его комедій — собственно скорѣе фарсы, построенные на лукавствѣ слугъ и разныхъ пройдохъ. Мольеръ далъ много образцовъ такихъ пьесъ: въ этомъ отношеніи онъ былъ ученикомъ веселаго итальянскаго фарса (арлекинада), въ которомъ вся интрига строилась на продѣлкахъ шутовъ. У насъ въ Петербургѣ съ 30-хъ годовъ XVIII-го ст. тоже былъ итальянскій театръ, на которомъ разыгрывались веселыя продѣлки неугомоннаго арлекина, изображались разныя веселыя и грубоватыя шашни плутовъ и плутовокъ, дурачившихъ простодушныхъ людей. Такимъ образомъ, Сумароковъ могъ въ своихъ фарсахъ («Три брата-совмѣстники», «Ядовитый», «Приданое обманомъ», «Мать-совмѣстница дочери», «Вздорщица») примкнуть къ Мольеру и его подражателямъ, но могъ и у себя, въ Петербургѣ, непосредственно брать уроки сочинительства въ этомъ родѣ у «итальянцевъ».

§ 50. Со временемъ дѣятельности Сумарокова совпадаетъ начало постояннаго театра. Его основателемъ былъ талантливый

Волковъ, его жизнь и дѣятельность. ярославскій купецъ Фед. Григ. *Волковъ* (1729—1763). Съ дѣтства мастеръ на всѣ руки—и пѣвецъ, и живописецъ, и музыкантъ, и токарь, и скульпторъ—онъ получилъ образованіе въ Московской академіи, гдѣ и принималъ дѣятельное участіе въ драматическихъ развлеченіяхъ студентовъ. Въ Петербургѣ ему пришлось побывать въ кадетскомъ театрѣ. Въ первый разъ, когда онъ увидалъ „Синава и Трувора", въ исполненіи кадетъ сухопутнаго корпуса, онъ пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ онъ—„на небесахъ, или на землѣ". Въ Ярославлѣ онъ устроилъ маленькій театръ, гдѣ съ подобранной труппой разыгрывалъ разныя пьесы: отчасти старыя мистеріи, отчасти новыя произведенія, переведенныя имъ съ нѣмецкаго и итальянскаго языковъ. Слава объ его театрѣ дошла до Петербурга, и съ 1751 года его труппа была переведена въ столицу. Импе-

ратрица очень интересовалась новой потѣхой,—сама убирала волосы будущему знаменитому артисту Дмитревскому, который на первомъ представленіи ярославцевъ игралъ „Оснельду“ Артистамъ этой труппы императрица Елисавета постаралась дать хорошее образованіе—и впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались знаменитыми артистами (Дмитріевскій),—другіе—писателями (Чулковъ, Поповъ). Съ 1756 года театръ былъ оффиціально признанъ государственнымъ учрежденіемъ. Дирекція поручена была Сумарокову. Волковъ былъ премьеромъ этой первой труппы русскаго казеннаго театра.

Отзывъ современниковъ о Волковѣ, какъ артистѣ.

По словамъ современниковъ, своимъ звучнымъ и гармоническимъ голосомъ и игрою, полной страсти, увлекалъ онъ и соотечественниковъ, и иностранцевъ. Иностранцы, видѣвшіе его игру, отзывались о немъ, какъ о великомъ актерѣ,—равно и въ комическихъ, и въ трагическихъ роляхъ. Репертуаръ его былъ самый разнообразный: ставились пьесы, конечно, Сумарокова, Хераскова, Дмитревскаго, также Корнеля, Расина, Мольера (особенно нравились «Амфитріонъ», «Скапеновы обманы», «Лѣкарь противъ воли»). Не отказывался Волковъ и отъ старой драмы—и разъ, съ успѣхомъ, поставилъ moralité св. Дмитрія Ростовскаго: «Кающійся грѣшникъ».

Волковъ—переводчикъ, поэтъ и композиторъ.

Волковъ интересенъ для насъ и какъ переводчикъ съ нѣмецкаго (пастораль: «Евдонъ и Берфа»), съ итальянскаго (опера Метастазіо: «Титово милосердіе»), съ французскаго (комедія Мольера: «Любовь доктора», «Жоржъ Данденъ», «Жеманницы», «Сициліецъ»; Руссо: «Волшебный поясъ», Данкура: «Обманутый, прибитый и довольный опекунъ» и др.).

Онъ сочинилъ также нѣсколько пѣсенъ и былъ композиторомъ нѣсколькихъ оперъ. До конца своей молодой жизни Волковъ работалъ надъ самообразованіемъ и надъ улучшеніемъ въ Россіи любимаго имъ театральнаго дѣла.

Ломоносовъ, Тредіаковскій и Сумароковъ, какъ сочинители теоретическихъ сочиненій.

§ 51. Судьба зло подшутила надъ дѣятельностью нашихъ первыхъ „псевдоклассиковъ“: Ломоносова, Тредіаковскаго и Сумарокова,—они были въ вѣчной ссорѣ между собой, постоянно жаловались другъ на друга властямъ, донося и на частную жизнь другъ друга, и на общественную дѣятельность, и даже на историко-литературные и научные взгляды. Любопытно, что эта вражда побуждала ихъ иногда, въ пылу полемики, сочинять статьи по теоріи словесности.

Общая характеристика ихъ теоретическихъ взглядовъ на поэзію.

Изъ большихъ работъ Тредіаковскаго, Ломоносова и Сумарокова, изъ отдѣльныхъ отрывочныхъ замѣчаній, а главное, изъ поэтической практики, петровскій періодъ русской литературы вывелъ цѣлый рядъ теоретическихъ положеній, которыя для послѣдующихъ русскихъ писателей надолго сдѣлались руководствомъ

въ ихъ дѣятельности. Такъ признаны были два начала поэзіи: „природный даръ“ и „наука“, для поэта нужно было соединеніе того и другого. Эта необходимость „науки“, т. е. знанія правилъ піитики и риторики, обусловливала презрѣніе ко всему тому, чтò было чуждо этой „науки“: къ народной поэзіи, къ Шекспиру, ко всѣмъ „самородкамъ“-талантамъ и къ тѣмъ литературнымъ жанрамъ, о которыхъ не было упоминанія въ псевдоклассической „поэтикѣ“ (отсюда, напримѣръ, отрицаніе Ломоносовымъ и Сумароковымъ всякаго значенія за „романами“). „Разумъ“, „здравый смыслъ“, „разсудокъ“—оказались, съ точки зрѣнія этой поэтики, очень важными элементами творчества. Здѣсь мы сталкиваемся съ вліяніями французскаго раціонализма, который создалъ схематизмъ, догматизмъ ложноклассической поэзіи, подчинивъ ее строгимъ „правиламъ“. Понятно, что эта „надуманность“ въ искусствѣ легко допускала въ поэзію „дидактизмъ“ (нравоучительность). Такимъ образомъ, освободившись отъ служенія церкви и религіи, поэзія осталась еще „прислужницей“, но теперь уже *морали*: самый классицизмъ, въ лицѣ боговъ древности, склонился передъ этимъ стремленіемъ „поучать добродѣтели“,—прекрасные миѳы Эллады потеряли свою живую плоть и, ради служенія морали, часто обращались теперь въ *аллегорію*. Отношеніе поэта къ дѣйствительности, къ природѣ и жизни мѣрилось тѣмъ, насколько удачно „украшалъ“ онъ природу. Оттого главнымъ признакомъ „поэзіи“ считались „вымыслы“, а воспроизведеніе дѣйствительной жизни, живой природы, даже лишало сочиненіе права называться „поэтическимъ“ [1]).

Рукописный романъ въ XVIII в.

§ 52. *Романъ переводный*. Въ печать романъ сталъ у насъ проникать лишь въ 40-хъ годахъ XVIII ст. До того времени онъ расходился въ рукописныхъ переводахъ и спискахъ. Надо думать, что огромное число дошедшихъ до насъ рукописей относится, какъ разъ, къ первой четверти вѣка [2]). Выше было отмѣчено, какое значеніе имѣла петровская лирика и повѣсть для реформированнаго русскаго общества,—они удовлетворяли новымъ, проснувшимся въ обществѣ, стремленіямъ къ радостной земной жизни, къ любви... Такое значеніе осталось и за тѣми повѣ-

---

[1]) Ср. I-ую ч., 2-ой вып., 191—193 стр., § 59 моей „Исторіи русск. слов.“ о теоретическихъ взглядахъ юго-западныхъ русскихъ ученыхъ.

[2]) Списываніе романа сдѣлалось выгодной профессіей, такъ какъ наиболѣе популярные романы покупались нарасхватъ. Въ результатѣ, до нашихъ дней дошло больше сотни такихъ произведеній, сохранившихся въ многочисленныхъ спискахъ.

стями, что́ переводились и списывались русскими людьми послѣ петровскаго періода. Романы были почти исключительно „любовные“; изъ нихъ наши предки почерпали свои познанія въ заморской „наукѣ страсти нѣжной“—романы учили ихъ „чувствовать“ на заморскую стать, учили находить чувствамъ „выраженіе“.

Эти романы, по большей части, принадлежатъ, по своему типу, къ скрещенію „псевдо-классическаго“ романа съ „рыцарскимъ“. Отъ перваго взята была канва, сплетенная изъ „авантюръ“, разлучающихъ героя и героиню (бури, кораблекрушенія, пираты, рабство, бѣгство, мнимая смерть и пр.), вѣра въ судьбу (Τύχη), устроительницу человѣческой жизни... Отъ стараго рыцарскаго романа сохранились осколки рыцарскаго идеализма, служеніе дамѣ, турниры, военные подвиги, рыцарскіе „девизы“ и пр. Въ результатѣ такого скрещенія получился новый типъ романа, обыкновенно носящій названіе „героически-галантнаго“, „придворнаго“.

Характеристика этого романа.

Герои этихъ произведеній вполнѣ тожественны съ героями ложно-классическихъ трагедій,—они, въ такой же степени, надѣленные высокими добродѣтелями, собой доказываютъ, что, несмотря на всѣ преслѣдованія „злой судьбы“, добро всегда торжествуетъ. Говорятъ герои этихъ романовъ тѣмъ же напыщеннымъ языкомъ, что и герои „трагедіи“: весь внѣшній интересъ въ нихъ построенъ на различныхъ сочетаніяхъ общихъ мѣстъ—авантюръ; интересъ внутренній—на бѣдно и однообразно разработанной психикѣ двухъ вѣрныхъ любящихъ сердецъ. Идеею эти романы бѣдны: дальше проповѣди идеализма сердца и вѣры въ торжество добра они не пошли. Для пониманія интересовъ нашего молодого общества тѣмъ интереснѣе фактъ ихъ популярности [1]).

Герои этихъ романовъ.

„Романы для того читаютъ, говоритъ Сумароковъ, чтобы искуснѣе любиться, и часто отмѣчаютъ красными знаками нѣжныя самыя рѣчи“. „Не было такого любовнаго романтическаго сочинителя, или нѣжнаго стихотворца, говоритъ Эминъ, изъ котораго бы Ливій (имя героя), насбиравъ нѣжныхъ стишковъ, не включилъ въ свое письмо и не переслалъ къ Калистѣ... Каждое въ авторахъ нѣжно-выраженное „ахъ“ было у него карандашомъ замѣчено и назначено для будущихъ писемъ. Обоихъ ихъ карманы были наполнены любовными записками“... Въ результатѣ,

Отношеніе современной критики къ чтенію романовъ.

---

[1]) См. выше, въ примѣчаніи на стр. 22, перечень наиболѣе популярныхъ рукописныхъ романовъ этого типа.

XVIII-й вѣкъ создалъ у насъ людей, бредившихъ романами. Вотъ одинъ такой типъ, нарисованный Новиковымъ: „это—Простъ; кажется, что онъ печаленъ: идетъ, потупя голову и нахмуря глаза въ превеликой задумчивости. Бѣднякъ сей въ нашемъ вѣкѣ ищетъ Лукрецію,—нигдѣ не находитъ и о томъ сходитъ съ ума. Онъ чрезвычайно влюбленъ въ постоянство романическихъ героинь“.

Въ теченіе всего вѣка въ журнальныхъ статьяхъ, въ мемуарахъ и даже письмахъ встрѣчаются указанія на то, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній XVIII в. романъ былъ любимымъ литературнымъ жанромъ, а потому и самымъ вліятельнымъ въ культурномъ отношеніи.

Наиболѣе популярные печатные романы.

Романы, появившіеся въ печати, содержательнѣе. Такъ, еще въ Петровскій періодъ русское общество ознакомилось съ нѣсколькими выдающимися европейскими романами: „Похожденія Телемака“ (1747 г.), „Аргенида“ (1751 г.), „Похожденія Жилблаза“ (1754 г.), „Приключенія маркиза Г.“ (1756 г.), „Философъ Англинской“ (1760 г.) и др.

„Похожденія Телемака“.

«Похожденія Телемака», извѣстное твореніе Фенелона, много разъ издавалось у насъ въ XVIII в. въ разныхъ переводахъ; по типу своему, этотъ псевдоклассическій романъ примыкаетъ къ великимъ греческимъ эпопеямъ, особенно Одиссеѣ. Фенелонъ, для своихъ педагогическихъ цѣлей, взялъ не любовную тему, а нравоучительную: сынъ Одиссея Телемакъ странствуетъ съ Менторомъ по свѣту и учится житейской и политической мудрости. Какъ псевдо-классическая драма прикрыла древними именами и сюжетами идеалы новаго времени, такъ и этотъ романъ въ обстановку древней Эллады перенесъ тѣ уроки, которые авторъ его давалъ своему воспитаннику-дофину. За смѣлость политическихъ «идеаловъ», за смѣлыя рѣчи противъ недостатковъ тогдашняго правленія, авторъ «Телемака» лишился милости двора. Понятно, что и романъ, воплотившій его идеалы, заключалъ въ себѣ немало либеральныхъ идей и взглядовъ. «Аргенида» (Барклая)—политическій аллегорическій романъ, въ которомъ подъ Аргенидой, царицей Сициліи, надо подразумѣвать Францію въ эпоху лиги. Цѣль автора была преподать правителямъ «совершенныя наставленія, какъ править государствомъ». Въ романѣ, по словамъ переводчика Тредіаковскаго: «нѣтъ ничего подлаго, нѣтъ низкаго и народнаго,—все вездѣ преславное, знатное, отмѣнное и царскія верховности достойное». Главная цѣль романа посрамить «подлость возмутителей противъ государственной власти». Содержаніе составлено изъ длинной цѣпи разныхъ приключеній, — политическихъ, военныхъ и любовныхъ; время отъ времени, оно прерывается стихотворными рѣчами и описаніями, для перевода которыхъ Тредіаковскій воспользовался цѣлымъ рядомъ новыхъ тогда въ Россіи стихотворныхъ размѣровъ,—между прочимъ, анапестомъ и гекзаметромъ.

Очень популяренъ былъ у насъ романъ Лесажа: «Похожденія Жилблаза де-Сантилланы» (8 изданій въ теченіе XVIII ст.). Романъ, по типу, принадлежитъ къ «плутовскимъ»: герой его—ловкій юноша, который пробивается черезъ длинную цѣпь разнобразнѣйшихъ приключеній; невысокіе идеалы не затрудняютъ ему жизни, а смѣтливость, изворотливость, готовность иногда покривить душой, легко ведутъ его къ благополучію. Кончается романъ счастливо: герой добивается тихой, счастливой жизни. „Похожденія Жилблаза".

Два другіе романа: «Приключенія маркиза Г.» и «Философъ Англинской» принадлежатъ къ совершенно иному типу романовъ. Это—первенцы реалистическаго, психологическаго, такъ называемаго «англійскаго» романа. Передъ нами въ романѣ изображается современное намъ общество, правда, «великосвѣтское». Герой близокъ къ обыкновеннымъ людямъ: онъ добродѣтеленъ, но далекъ отъ совершенства. Его жизнь, хотя съ ошибками, но и съ исправленіемъ, должна служить примѣромъ для читателей. Въ предисловіи къ первому роману указано, что «терпѣніе и великодушіе»—добродѣтели особенно почтенныя. «Есть такіе люди, говоритъ авторъ, которые столько тверды, что могутъ волненію разгнѣваннаго счастья довольно сопротивляться»,—«такой великодушный человѣкъ, въ лицѣ маркиза Г. представляется тебѣ, благосклонный читатель. Маркизъ испыталъ много страданій, много паденій—и бодро возсталъ и побѣдилъ судьбу» — «и для того, увидишь ты въ сей книгѣ столько смѣшаннаго съ разными приключеніями въ жизни сего маркиза нравоученія, сколько можетъ, такъ много въ свѣтѣ искусившійся, разумный и ученый человѣкъ, каковъ оный маркизъ, для наставленія другихъ дать». «Похожденія маркиза Г.» сдѣлались у насъ одной изъ самыхъ распространенныхъ книгъ XVIII вѣка; романъ этотъ перешелъ въ XIX вѣкъ, въ свое время возмущалъ своею популярностью Бѣлинскаго, однако, въ лубочной литературѣ дожилъ и до нашихъ дней. Въ предисловіи къ «Философу Англинскому» объяснено значеніе такого нравоученія, скрытаго въ романѣ: прежде мораль проповѣдывалась въ видѣ голыхъ правилъ,—это оказалось труднымъ для усвоенія — потому стали заботиться объ «украшеніи» этой «морали». «Къ сему роду (произведеній, вымысломъ украшающихъ мораль) принадлежатъ извѣстныя, подъ именемъ «романовъ», сочиненія, того ради изобрѣтенныя, дабы, описывая въ нихъ похожденія, сообщать къ добродѣтельному житію правила». Жизнь «Философа Англинскаго», въ общемъ, похожа на жизнь маркиза Г. „Приключенія маркиза Г." и „Философъ Англинской".

§ 53. *Журналистика Петровскаго періода*. Начало нашей пьесы связано еще съ XVII в.,—съ той эпохой, когда Россія стала, мало-по-малу, втягиваться въ интересы міровой политики. Какъ „театръ", какъ „искусственная лирика",—и пресса начала свое существованіе при дворѣ. Съ 1621 г. въ посольскомъ приказѣ стали выпускаться рукописные *куранты* для царя и придворныхъ; въ этихъ „курантахъ", выходившихъ въ разные сроки, сообщались всевозможныя случайныя свѣдѣнія о дѣлахъ западной Европы. Начало русской журналистики. „Куранты" XVII в.

„Вѣдомости Петра В.“ Петръ Великій придалъ этимъ курантамъ видъ газеты: „Вѣдомости о военныхъ подвигахъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ вниманія“. Первый № вышелъ 2-го января 1703 года. Эта первая газета печаталась сперва церковно-славянскимъ шрифтомъ, потомъ гражданскимъ. Выходила она въ неопредѣленные сроки; сообщались въ ней различныя свѣдѣнія о западной Европѣ и Россіи.

Но, конечно, эта петровская газета не имѣла никакого литературнаго значенія,—она была справочнымъ листомъ,—не болѣе. Для „журнала“, въ нашемъ смыслѣ слова, нужны были читатели изъ широкихъ круговъ „общества“. Такое „общество“ начало складываться у насъ только при Елизаветѣ Петровнѣ, когда въ столицѣ начали образовываться „кружки“ русской интеллигенціи изъ первыхъ воспитанниковъ академическаго университета и сухопутнаго шляхетнаго корпуса, а въ Москвѣ—изъ воспитанниковъ Московскаго университета. Эта русская молодежь, воспитанная на западно-европейскій ладъ, стремилась къ самопознанію, выработкѣ новыхъ идеаловъ и горѣла желаніемъ послужить просвѣщенію русскаго общества. Она выдвинула изъ своихъ рядовъ Сумарокова, Елагина, Хераскова, Богдановича,—первыхъ русскихъ дѣятелей на журнальномъ поприщѣ.

Эпоха формаціи русскаго общества.

Первый журналъ „для публики“: „Ежемѣсячныя Сочиненія“. Начало литературной журналистикѣ положено было тогда, когда, по приказанію графа Разумовскаго, историкъ-академикъ Миллеръ сталъ въ Петербургѣ выпускать „Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ (1755—1764 г.). Сотрудниками его были академическіе студенты. И редакторство, и сотрудничество были, въ глазахъ правительства, службой и оплачивались жалованьемъ.

Характеръ этого журнала. На журналѣ Миллера лежитъ печать вкусовъ его редактора. Передъ нами—сухой нѣмецъ-академикъ, снизошедшій до простой публики и старающійся добросовѣстно поддѣлаться подъ ея интересы, что, впрочемъ, удается ему очень рѣдко. Главной особенностью журнала должно признать полную невыясненность понятія „литература“—оттого статьи спеціально-научнаго содержанія, повѣсти, медицинскіе рецепты,—все смѣшивалось въ этомъ журналѣ безъ разбора. Такая пестрота содержанія, повидимому, обезпечивала, въ глазахъ редактора, интересъ журнала для „всѣхъ сословій“ (Предисловіе).

Содержаніе журнала. Для примѣра, можно привести перечень нѣкоторыхъ статей первыхъ №№ журнала: «Историческая статья о городѣ Пальмирѣ», «Объ оспѣ»,

«О мануфактурѣ», «Объ открытіи Московскаго университета», «О коммерціи», «О гиперборейцахъ», «О внѣшней политикѣ», «Разговоръ о должностяхъ человѣка», «Объ ипохондрической болѣзни», «Описаніе фейерверка», «Аллегорическій сонъ», «О Несторѣ», «Истина ненависть рождаетъ», «Объ угрызеніи собакъ бѣшеныхъ», «Мысли нравоучительныя», разсужденія о *пользѣ* добродѣтели, о томъ, какъ держать себя въ обществѣ, переводныя повѣстушки, ученыя статьи по самымъ разнообразнымъ, иногда очень спеціальнымъ вопросамъ, «сны» [1]), въ которыхъ «Добродѣтель» посрамляетъ «Порокъ» и «Благоразуміе» побѣждаетъ «Страсти»,—вотъ, содеражніе журнала. Рядъ теоретическихъ статей Тредіаковскаго, стихи Сумарокова, переводная беллетристика (главнымъ образомъ, изъ соч. Вольтера), басни, идилліи—теряются въ массѣ статей, ничего литературнаго въ себѣ не имѣющихъ.

Дидактизмъ журнала и сущность его морали.

Цѣль изданія строго-нравоучительная. Но мораль этого перваго русскаго журнала основывалась не на Св. Писаніи, а, главнымъ образомъ, на изреченіяхъ разныхъ классическихъ мудрецовъ, часто сомнительнаго качества. Общій характеръ этой морали сводился къ проповѣди истинъ, въ родѣ слѣдующихъ: «добродѣтель выгодна», «истинная дружба выше всего на свѣтѣ», «надо больше молчать, чѣмъ говорить» и пр. Будь добродѣтеленъ и мудръ, какъ Сократъ,—храбръ, какъ Александръ Македонскій, или Юлій Цезарь,—правдивъ, какъ Аристидъ,—люби отечество, какъ Леонидъ, и т. д.—вотъ, какія наставленія должны были вывести русскихъ дикарей къ свѣту. Всегда указывался образецъ, взятый изъ античнаго міра — особенность всей ложноклассической педагогики XVIII вѣка [2]).

Вліяніе англійскихъ моральныхъ изданій.

Журналъ Миллера своею моралью отчасти примыкалъ и къ англійскимъ изданіямъ Аддисона, Стиля («Болтунъ», «Зритель», «Опекунъ» и др.), а также и къ тѣмъ безчисленнымъ подражаніямъ, которыя вызваны были этими журналами въ Германіи и во Франціи. Возникшіе, какъ протестъ противъ распущенности двора Стюартовъ и лондонской аристократіи, англійскіе журналы провозглашали торжество той морали, которая была душой англійскаго протестантскаго мѣщанства,—мораль эта выразилась въ литературѣ, выдвинувъ не только моральную «журналистику», но и особую «слезную мѣщанскую драму», и «нравоучительный семейный «романъ» (объ этомъ см. ниже).

---

[1]) Въ литературѣ XVIII в. очень любили такіе „сны“. Содержаніе „сна“ было всегда аллегорическое и нравоучительное, иногда сатирическое; дѣйствующими лицами являлись „олицетворенія“ пороковъ, добродѣтелей, иногда даже „понятій“.

[2]) Все это очень важно для пониманія русской мысли XVIII (даже начала XIX) в. Псевдоклассицизмъ и на западѣ, и у насъ не былъ только литературнымъ теченіемъ,—онъ захватывалъ основы всего тогдашняго міросозерцанія. Многіе выдающіеся дѣятели XVIII-го, даже начала XIX-го в. воспитали свои идеалы на образцахъ классической исторіи.—Плутархъ былъ учителемъ Суворова, слава Александра Македонскаго и Юлія Цезаря вдохновила Наполеона... Въ 1812 году на Бородинское поле генералъ Раевскій вывелъ съ собою „умирать за отчизну“ своихъ малолѣтнихъ сыновей, и современники увидѣли въ этомъ героизмъ, достойный римлянина. Самъ А. С. Пушкинъ вспоминалъ съ восторгомъ объ этомъ эффектномъ, но, съ нашей точки зрѣнія, неразумномъ поступкѣ генерала,—несомнѣннаго „псевдоклассика“ по своимъ идеаламъ!

Читатели журнала.

Журналъ Миллера создалъ кругъ читателей, которые даже стали писать письма въ редакцію, требуя отъ нея различныхъ разъясненій по всевозможнымъ вопросамъ. Но особенно важная заслуга этого перваго журнала заключается въ томъ, что онъ былъ „школой“ для русской литературной молодежи, доставивъ ей возможность учиться литературному дѣлу на переводахъ, подражаніяхъ и, наконецъ, на опытахъ оригинальнаго творчества.

Возникновеніе новыхъ журналовъ.

Сотрудники журнала скоро являются сами въ роли редакторовъ,— такъ, въ 1759 году сталъ выходить, уже безъ поддержки правительства, журналъ: «Праздное время, въ пользу употребленное» (до 1760 г.); въ 1759 году Сумароковъ сталъ издавать «Трудолюбивую пчелу», Херасковъ въ Москвѣ, при помощи студентовъ университета, издавалъ «Полезное увеселеніе» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763 г.). Созданные подъ вліяніемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», всѣ эти журналы, однако, значительно отходятъ отъ своего прототипа: исходя изъ сферы общихъ моральныхъ разсужденій, редакторы замѣтно обращаются теперь къ темамъ болѣе реальнаго характера, соприкасающимся съ русской дѣйствительностью. Нравоученіе начинаетъ смѣняться сатирой, — сначала переводной, а затѣмъ передѣланной на русскіе нравы и, наконецъ, вполнѣ самостоятельной. Особенно далеко отошелъ отъ миллеровскаго журналъ Сумарокова: «Трудолюбивая пчела». Близость Сумарокова къ французской литературѣ позволяетъ намъ искать образцовъ этому журналу не въ англійской и нѣмецкой, а во французской литературѣ. Переводы изъ Овидія, Горація, Тита Ливія, Лукіана, Эсхила и др. древнихъ писателей,— вотъ, дань, принесенная Сумароковымъ классицизму; обличеніе русскихъ нравовъ—взяточничества, крючкотворства приказныхъ, щегольства петиметровъ,—все это говоритъ намъ о близости его къ русской дѣйствительности. Журналъ Сумарокова изъ всѣхъ предшествовавшихъ отличается наиболѣе литературнымъ характеромъ: элегіи, идилліи, эклоги, проникнутыя эротическимъ настроеніемъ, сатиры и переводы—составляютъ его главное содержаніе.

Измѣненіе характера русской журналистики.

„Трудолюбивая пчела“ Сумарокова.

Журналы Хераскова; ихъ идейное содержаніе.

Другимъ характеромъ отличаются журналы Хераскова,—легковѣсная рецептная мораль «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» въ нихъ смѣняется стремленіемъ освѣтить жизнь съ философско-этической точки зрѣнія. Торжество «естественнаго» права—лозунгъ юныхъ сотрудниковъ Хераскова, только-что сошедшихъ со студенческихъ скамей: они оправдываютъ человѣческія страсти и эгоизмъ, какъ чувства, вложенныя въ человѣка высшей божественной властью, считаютъ «игру страстей» залогомъ земного счастья и находятъ справедливымъ и законнымъ пользоваться этимъ счастьемъ на землѣ [1]); съ ихъ точки зрѣнія, пессимизмъ—грѣхъ противъ Божества. Цѣль жизни—спокойствіе совѣсти на смертномъ одрѣ; господство разума надъ страстями, умѣренное пользованіе радостями жизни, самопознаніе— вотъ, пути къ этому счастью. И, рядомъ съ такой проповѣдью «философіи земли», ясно слышится въ журналѣ Херсакова призывъ къ «фило-

[1]) Ср. выше, на стр. 9, изложеніе взглядовъ Татищева.

софіи Неба»: міръ земной—тлѣнъ и суета, вѣчна лишь добродѣтель,— она сводится лишь къ любви къ ближнему, къ борьбѣ съ порокомъ, къ истребленію зла посредствомъ подвиговъ любви. Съ такими противорѣчивыми идеями выступили на журнальное поприще питомцы Московскаго университета, воспитанные нѣмецкими профессорами. Быть можетъ, впрочемъ, противорѣчіе его объясняется и тѣмъ, что взгляды редактора разошлись со взглядами юныхъ сотрудниковъ.

Для историка русской литературы очень цѣнна эта начальная исторія русской журналистики: по самой природѣ своей, этотъ жанръ особенно чутко отражаетъ всякое трепетаніе жизни общества, ближе другихъ стоитъ къ жизни, ея интересамъ. Вотъ почему тотъ фактъ, что въ какія-нибудь пять лѣтъ сложилась у насъ литературная и свободная отъ опеки „просвѣщеннаго абсолютизма“ *идейная* русская пресса, ясно доказываетъ, какъ быстро шло развитіе русскаго общества: на нашихъ глазахъ, изъ чуждой русскому обществу „моральной „литературы“ развернулось три типа журналовъ: „сатирическій“, „литературный“ и „философскій“. Такимъ образомъ, странные для человѣка XX-го вѣка рецепты англо-нѣмецкой морали перваго русскаго журнала всетаки сдѣлали въ Россіи великое дѣло, облегчивъ русскому человѣку развитіе самосознанія и болѣе вдумчивое отношеніе къ міру дѣйствительности.

Журналистика — показатель развитія общества.

§ 54. *Критика.* Критика, по самому существу своему, является тѣсно-связанной съ журналистикой. Вотъ почему съ расцвѣтомъ общественнаго сознанія, съ развитіемъ журналистики, совпадаетъ и періодъ расцвѣта критики.

Возникновеніе русской критики.

По словамъ Брюнетьера, „писатель, побѣжденный талантомъ другого, мучимый жаждой славы, дѣлается соперникомъ счастливца, его завистникомъ—и *критикомъ*“. Такимъ образомъ, пробужденіе личности, жажда славы, стремленіе къ порицанію соперника—таковы были, по его мнѣнію, личныя и случайныя причины появленія новой европейской критики. Вѣрность этихъ словъ особенно подтверждается исторіей возникновенія русской критики.

Дѣятельность трехъ нашихъ первыхъ литераторовъ—Ломоносова, Тредіаковскаго, Сумарокова—совпала съ тѣмъ періодомъ литературнаго развитія, когда проснувшаяся личность особенно чутка была къ славѣ, къ возвеличенію себя, къ униженію соперника. Въ результатѣ, всѣ эти писатели явились и „критиками“ другъ друга.

Первые русскіе критики.

Характеръ этой критики.

Поэтому критика ихъ носила исключительно-личный характеръ, порой сбивалась даже на перебранку соперниковъ, порой переходила и въ доносъ... XVIII-й вѣкъ не понималъ сущности критики, смѣшивалъ ее съ „сатирой“, иногда даже не отличалъ ея отъ ругани. „Критиковать родню“, „критика на лица“, „сатира на стихи“, „сатира на произведеніе“—выраженія, въ теченіе всего XVIII-го вѣка употреблявшіяся безразлично. О сочинителяхъ критическихъ статей даже въ журналахъ говорилось, что у нихъ не можетъ быть „добраго сердца“. Однажды встрѣчаемъ мы даже разсказъ о томъ, „какъ одинъ пріятель *покритиковалъ* другого доброю великороссійскою пощечиной, и сія *критика* весь балъ кончила“. Почти вплоть до Карамзина общій голосъ считалъ „критику“ синонимомъ „язвительности“, признакомъ личной непріязни...

Полемика Ломоносова и Тредіаковскаго.

Такой характеръ молодой русской критики виденъ, хотя бы, изъ полемики Ломоносова и Тредіаковскаго объ окончаніяхъ множественнаго числа именъ прилагательныхъ; ученый споръ закончился такими взаимными любезностями:

„Языка нашего небесна красота
Не будетъ никогда попрана отъ скота“

—заявилъ въ стихахъ Ломоносовъ по адресу Тредіаковскаго, на что тотъ отвѣчалъ:

„Когда, по твоему, сова и скотъ ужъ я,—
То самъ ты нетопырь и подлинно свинья!“

Любопытно, что Академія наукъ, время отъ времени, поручала всѣмъ тремъ писать критики другъ на друга. Если такія „академическія“ критики и болѣе обстоятельны, и серьезны, чѣмъ обычные ихъ разборы, то и здѣсь не обходилось дѣло безъ курьезовъ. Въ одну изъ горькихъ минутъ обиды Тредіаковскій, прижатый къ стѣнѣ критикой Сумарокова, писалъ своему „побѣдителю“ слезное посланіе, съ просьбой оставить его въ покоѣ,—онъ соглашался признать Сумарокова, даже, „Вольтеромъ“: „позабудьте, прошу, меня! оставьте человѣка, возлюбившаго уединеніе, тишину и спокойствіе своего духа. Попустите меня несмущенно размышлять иногда о совѣсти моей: настанетъ время и мнѣ туда явиться, куда должно всѣмъ человѣкамъ!.. Тамъ не спросятъ меня, зналъ ли я хорошую силу въ саффической и горацiевской строфахъ,—но былъ ли добродѣтельный христіанинъ!“

Со своей стороны, обиженный Сумароковъ требовалъ отъ Академіи, чтобы она запретила Тредіаковскому писать разборы его одъ.

Тредіаковскому ничего не стоило подбрасывать анонимныя письма, или даже формально доносить на Ломоносова за то, что онъ въ своихъ переложеніяхъ „псалмовъ“ отошелъ отъ текста Св. Писанія; онъ же открыто возмущался тѣмъ мѣстомъ одной оды Сумарокова, гдѣ тритоны воспѣваютъ хвалу Петру; по этому поводу онъ патетически восклицаетъ: „Боже преблагій! благочестивѣйшему императору, истиннѣйшему христолюбцу и правовѣрнѣйшему христіанину, въ вѣрѣ скончавшемуся, богомерзкіе тритоны пѣснь поютъ!“ Еще въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ встрѣчаются статьи о значеніи критики, какъ руководительницы вкуса общества, но практика показывала иное,—критика у насъ сдѣлалась, на первыхъ порахъ, орудіемъ мести въ рукахъ раздраженныхъ соперниковъ, — или средствомъ показать ѣдкость своего остроумія—на счетъ другого выдвинуть себя. Немудрено, что Ломоносовъ требовалъ отъ критиковъ болѣе бережнаго отношенія къ молодой русской поэзіи, изъ опасенія, что многіе начинающіе литераторы перестанутъ писать, устрашась безпощаднаго суда критики. Эта боязнь, что придирчивое осужденіе отобьетъ у начинающихъ охоту писать, пережила у насъ и Новикова, и Каразина. Лишь въ XIX ст. критика, наконецъ, перестаетъ пугать поэзію. Критическіе пріемы Тредіаковскаго.

Какъ на образецъ «тогдашней» критики, можно указать на большой разборъ трагедіи «Хоревъ»,—разборъ, принадлежащій перу Тредіаковскаго. Начало разбора очень строго: «что́ же до изображеній его почитай всѣхъ образовъ,—говоритъ критикъ,—то все оное толь неисправно, что не было еще и понынѣ на свѣтѣ піита, который бы толь мало зналъ первыя самыя начала, безъ которыхъ всякое сочиненіе не можетъ не быть крайне порочно». Далѣе идетъ разборъ отдѣльныхъ стиховъ и выраженій. Критикъ останавливается, напримѣръ, на слѣдующихъ строчкахъ: Критическій разборъ „Хорева“.

„Какъ вѣтеръ пыль въ ничто приводитъ,—
Такъ наша гибнетъ красота“.

«Въ сей строфѣ, государь мой, не противъ грамматики уже погрѣшено,—здѣсь соврано противъ общія философскія правды. Кто господина автора научилъ, что вѣтеръ пыль въ «ничто» приводитъ? Симъ бы способомъ по седьми тысячахъ лѣтъ отъ сотворенія міра, по нашему счисленію, давно уже вся земля была въ «ничто» превращена!» Не найдя въ одномъ мѣстѣ сказуемаго, критикъ ликуетъ и изощряется въ глумленіи. Таковъ общій характеръ всей критики.

Сумароковъ какъ критикъ.

Сумароковъ первый приступилъ къ суду литературному съ пріемами французской критики,—началъ разбирать съ точки зрѣнія псевдоклассическихъ правилъ. Благодаря этому, личный характеръ критики у него ослабѣваетъ. Впрочемъ, отдѣлаться отъ субъективизма и Сумароковъ не сумѣлъ; это видно изъ его приговоровъ, вродѣ слѣдующихъ: „прекрасно“, „мнѣ нравится“, или дѣленія строфъ разбираемаго стихотворенія на—„изрядныя“, „хорошія“, „прекрасныя“, „прекраснѣйшія“. Большинство критическихъ статей Сумарокова касается стиля разбираемыхъ произведеній, но изрѣдка встрѣчается оцѣнка и ихъ существа, характера, содержанія и пр.

Русское „общество“ Елизаветинской эпохи.

§ 55. *Русское общество Елизаветинской эпохи.* Русскіе люди с вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы, имѣли возможность отдохнуть отъ тѣхъ придворныхъ передрягъ, которыя начались послѣ смерти Петра. Русская національность, въ лицѣ дочери Петра, восторжествовала надъ интригами разныхъ придворныхъ лифляндскихъ и курляндскихъ нѣмцевъ-временщиковъ. Съ паденіемъ ихъ, восторжествовало у насъ вліяніе французское. Веселая, общительная, любимая знатью и народомъ, императрица сумѣла украсить свой дворъ праздничной обстановкой, сумѣла привлечь къ себѣ русскую аристократію и интеллигенцію. Русскому обществу теперь жилось легко и радостно,—оно не испытывало гнета, развиваясь свободно... Вотъ почему въ ту эпоху мы видимъ, какъ образовываются у насъ «оазисы» культурной жизни: около Московскаго университета изъ бывшихъ студентовъ складывается кружокъ начинающихъ литераторовъ,—изъ сухопутнаго корпуса выходятъ тоже будущіе литераторы и любители артисты: все это первые представители зарождающейся русской интеллигенціи. Раньше,—особенно при Петрѣ, русскую культуру двигали отдѣльныя *личности*,—теперь развитіе культурной жизни переходитъ въ руки этой молодой интеллигенціи.

Сумароковъ, какъ выразитель Елизаветинской эпохи.

Сумароковъ былъ лучшимъ выразителемъ Елизаветинскаго общества. Самое разнообразіе его дѣятельности, охватившей и лирику, и драму, и сатиру, и журналистику, вполнѣ отвѣчало широкимъ запросамъ времени. Съ развитіемъ вкуса къ чтенію и театральнымъ зрѣлищамъ, русское молодое общество стало нуждаться въ живомъ, впечатлительномъ талантѣ, который любитъ являться передъ всѣми, чтобы людей посмотрѣть и, еще болѣе, чтобы себя показать, — который ищетъ сближенія съ публикой, умѣетъ угадывать ея наклонности и доставлять ей популярный матеріалъ для «пріятнаго» и «полезнаго» чтенія. Такимъ талантомъ общественности и былъ щедро надѣленъ Сумароковъ. Онъ, по словамъ Карамзина, сильнѣе дѣйствовалъ на читателей, чѣмъ, напримѣръ, Ломоносовъ, потому что избралъ «обширнѣйшую сферу» творчества, потому что масса любитъ больше того, кто ей по плечу, кого она легко понимаетъ.. Этимъ объясняется слава Сумарокова и всѣ лестныя наименованія его («русскій Расинъ», «русскій Лафонтенъ» и др.), которыми почтили его современники. Кромѣ того, его называли поэтомъ, открывшимъ «таинства любовной

лиры», «защитникомъ истины, гонителемъ пороковъ»... Ломоносовъ смѣялся надъ его дешевой славой, говоря, что «онъ сочинялъ любовныя пѣсни и тѣмъ весьма счастливъ, для того, что вся молодежь, т. е. пажи, юнкера, кадеты и гвардіи капралы, такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ на ученика походитъ». Но эта насмѣшка едва ли основательна: Сумароковъ удовлетворялъ своей поэзіей вкусамъ читателей,—и это вполнѣ оправдываетъ его.

Духовное воздѣйствіе Франціи, такое могучее при императрицѣ Екатеринѣ, начинается еще при Елизаветѣ. Вольтеръ называлъ Елизавету «своей императрицей». Извѣстно, что еще она энергично принялась за пересмотръ законовъ и для этого привлекла, въ лицѣ выборныхъ, все русское общество. И цѣль этой комиссіи (кодификація), и средства (участіе выборныхъ), и характеръ работы (въ гуманномъ духѣ)—все то, что̀ рѣзко подчеркнула Екатерина въ своемъ «Наказѣ», было уже намѣчено Елизаветой. Все это, конечно, сильно подняло самосознаніе русскаго общества. Императрица Елизавета—предшественница Екатерины.

§ 56. Прежде, чѣмъ перейти къ Екатерининскому періоду русской литературы, остается подвести итоги культурной и литературной жизни Петровскаго періода. Итоги культурной жизни петровскаго періода.

1) Петръ расчистилъ просторъ для *личности*, сдавленной до него старымъ укладомъ жизни московской Руси. При немъ и послѣ него эта личность развертывается широко и свободно. Сначала замкнутая въ своемъ внутреннемъ мірѣ, она теперь, мало-по-малу, выходитъ на просторъ общественнаго служенія. Развитіе личности въ русскомъ обществѣ.

2) Въ результатѣ, передъ нами прошло нѣсколько крупныхъ лицъ, съ опредѣленными европейскими идеалами и выработаннымъ новымъ міросозерцаніемъ. Затѣмъ, на нашихъ глазахъ, эти идеалы сживаются съ русской дѣйствительностью, съ русскимъ обществомъ, облагораживаютъ русскую жизнь и намѣчаютъ ей культурныя цѣли. „Личность“ въ исторіи русской литературы.

3) Въ зависимости отъ этого, литература «про себя» (Кантемиръ) обращается въ литературу «для всѣхъ»,—Сумароковъ дѣлается выраженіемъ общественной жизни.

4) Отдѣльныя «личности» смѣняются затѣмъ «кружками» интеллигенціи; кружкѝ эти все расширяются, освобождаясь постепенно отъ покровительства «просвѣщеннаго абсолютизма». Къ сожалѣнію, долго они остаются одинокими «оазисами въ пустынѣ». Конечно, въ этомъ была вина преемниковъ Петра, не сумѣвшихъ упорядочить образованіе въ Россіи, не сумѣвшихъ свѣтъ знанія равномѣрно разлить по всѣмъ частямъ русскаго общества. Вотъ почему, рядомъ съ деревенскими дикарями—Скотининымъ, Митрофаномъ — стояли теперь Стародумъ и Софья. Они такъ далеки были отъ взаимнаго пониманія, что примиренія между ними не могло быть. О такой пестротѣ русскаго общества едва ли имѣла Екатерина сколько-нибудь ясное понятіе, когда возвѣстила ему идеи своего «Наказа». Отсюда ея первое разочарованіе. „Кружки“ въ исторіи русской литературы.

5) Литературные виды, слабо намѣченные у насъ еще въ XVII вѣкѣ, въ этотъ періодъ времени быстро развиваются и выдвигаютъ теперь цѣлый рядъ образцовыхъ произведеній. Волна общественности, все растущая Судьбы литературы въ этотъ періодъ.

къ концу этого періода, создаетъ теперь новые литературные виды: бытовой романъ, журналистику и бытовую комедію—такія произведенія, которыя, по самой своей сущности, легче всего могутъ воплотить живыя теченія просыпающейся общественой жизни.

Судьба церковной литературы.

6) Въ то же время замираетъ, мало-по-малу, церковная литература: интересы «мірской» жизни окончательно вытѣсняютъ въ передовомъ русскомъ обществѣ религіозные интересы и идеалы древней Руси. Они сохраняются только въ простомъ народѣ, въ купечествѣ, да въ захолустныхъ «дворянскихъ гнѣздахъ», которыхъ не коснулась волна новаго просвѣщенія.

VI. Екатерининскій періодъ русской литературы XVIII в.

Умственная жизнь русскаго общества въ Екатерининскій періодъ.

§ 57. *Русское общество и императрица Екатерина.* Этотъ періодъ для насъ цѣненъ особенно въ томъ отношеніи, что умственная жизнь, сначала сосредоточенная только около двора, затѣмъ около малочисленныхъ «очаговъ знанія», какъ-то: Сухопутнаго шляхетнаго корпуса въ Петербургѣ, университета въ Москвѣ,—теперь, въ эпоху императрицы Екатерины, начинаетъ захватывать всѣ слои русскаго общества, даже провинціальнаго.

Значеніе Семилѣтней войны.

Особенное значеніе въ развитіи русскаго общества имѣла Семилѣтняя война—она потревожила мирное теченіе русской провинціальной жизни,—нѣсколько лѣтъ прожили за границей русскіе дворяне, служившіе въ полкахъ Елизаветы. Они увидѣли тамъ совершенно новую жизнь; они присматривались къ этой жизни и многое принесли на родину изъ чужихъ краевъ. Вотъ почему, возвращаясь на родину, Болотовъ (авторъ очень любопытныхъ мемуаровъ XVIII в.) въ такихъ трогательныхъ словахъ прощался съ Кенигсбергомъ: «Прости, милый и любезный градъ,—восклицаетъ онъ—и прости навѣки! Ты былъ мнѣ полезенъ въ моей жизни,—ты подарилъ меня сокровищами безцѣнными: въ стѣнахъ твоихъ *сдѣлался я человѣкомъ и спозналъ самого себя!*».

Манифестъ о вольности дворянства.

«Манифестъ о вольности дворянства», опубликованный послѣ Семилѣтней войны и освобождавшій дворянъ отъ обязательной службы, по всѣмъ угламъ Россіи разбросалъ массу служилыхъ дворянъ, изъ которыхъ многіе находились еще подъ живымъ впечатлѣніемъ заграничной жизни. Благодаря этому, въ провинцію полились теперь широкіе потоки «новыхъ людей», часто молодыхъ, со свѣжими запасами знаній и силъ.

Культурная жизнь русскаго общества въ эту эпоху.

Теперь русскіе люди возвращались въ родныя помѣстья уже не съ тѣмъ, чтобы умирать тамъ на покоѣ, а для того, чтобы жить въ свое удовольствіе. Въ глухую русскую деревню заносили они новыя культурныя потребности,—и вотъ, приблизительно съ этого времени, начинаютъ образовываться въ дворянскихъ помѣстьяхъ библіотеки, въ деревню выписываются журналы и газеты, часто даже заграничныя; въ русскомъ обществѣ, даже провинціальномъ, начинаетъ развиваться любовь къ домашнему

театру, являются у насъ любители домашнихъ оркестровъ, въ деревняхъ оказываются собиратели картинъ и рѣдкостей...

Все это ведетъ къ тому, что въ русскомъ обществѣ замѣтно пробуждается теперь и развивается эстетическое чувство: не только произведенія искусства, но и сама природа, во всей ея нетронутой простотѣ, теперь находитъ у насъ поклонниковъ,—возбуждаетъ у нихъ «изящнѣйшія чувства», «кроткія наслажденія»... «Искусству наслаждаться природой» тотъ же Болотовъ научился, по его словамъ, «въ бытность свою еще въ Пруссіи».

Эстетизмъ въ русскомъ обществѣ.

Подъ вліяніемъ такого пробужденія эстетическаго сознанія въ русскомъ обществѣ зародилась у многихъ любовь къ изящной литературѣ. Вотъ почему Сумароковъ, Херасковъ и другіе современные имъ писатели, трудившіеся на литературномъ поприщѣ какъ разъ въ это время, сдѣлались любимцами передового русскаго общества: произведенія ихъ заучивались наизусть, надъ ними «проливались сладкія слезы»...

Пробужденіе моральныхъ стремленій.

Кромѣ «эстетическаго» движенія въ русскомъ обществѣ этой эпохи нетрудно также замѣтить и возникновеніе «нравственнаго самосознанія». Особенное значеніе, въ этомъ отношеніи, имѣли театральныя пьесы и романы. Отъ людей XVIII-го вѣка мы знаемъ, какое сильное впечатлѣніе производила на многихъ драма того времени, съ ея опредѣленными идеалами: торжествомъ добродѣтели, патріотизмомъ, возвышенною чистою любовью... Все это сильно волновало русскую молодежь, будило въ ея душѣ идеальные порывы... Романы, благодаря своей завлекательности, еще сильнѣе дѣйствовали въ этомъ направленіи,—они были настоящей культурной силой въ жизни русскихъ людей XVIII вѣка. Многіе авторы «записокъ» того времени, говоря о своемъ дѣтствѣ, признаютъ огромное воспитательное значеніе этихъ произведеній въ исторіи ихъ самосознанія.

Значеніе драмы.

Значеніе романа.

Идеализмъ этихъ романовъ.

Выше было уже указано, что въ большинствѣ переводныхъ и оригинальныхъ романовъ XVIII-го вѣка русскіе люди встрѣчали рѣшительное восхваленіе добродѣтели, неизбѣжное наказаніе порока; въ этихъ произведеніяхъ они знакомились съ героями, которые страдали, но оставались вѣрными своимъ нехитрымъ идеаламъ: чистая любовь, благородство души, чувствительность сердца—вотъ, черты любимыхъ героевъ этихъ произведеній; ихъ страданія вызывали слезы и будили отзывчивость въ юныхъ сердцахъ; ихъ завидныя добродѣтели восхищали читателей и безъ труда увлекали ихъ на дорогу къ идеализму...

Значеніе романовъ на русскую женщину XVIII в.

Особенное значеніе имѣла эта нахлынувшая романическая литература на русскую женщину. И вотъ, уже со второй половины XVIII вѣка, намѣчается въ русской жизни типъ «дѣвушки-мечтательницы», воспитавшейся на романахъ,—типъ, который позднѣе у Пушкина облечется въ художественный образъ поэтической Татьяны.

Возникновеніе философскихъ и политическихъ интересовъ.

Подъ вліяніемъ императрицы Екатерины, къ этимъ прояснившимся уже у насъ стремленіямъ «эстетическимъ» и «идеалистическимъ» прибавились въ русскомъ обществѣ интересы «философскіе» и «политическіе».

Увлеченіе французскою раціоналистическою философіей было такъ сильно въ Европѣ XVIII-го вѣка, что самый вѣкъ носитъ, какъ извѣстно названіе «философскаго»,—«вѣка разума», по преимуществу...

Французская философія XVIII в.

§ 58. *Французская философія XVIII в.* Родиной ея была Англія. Великія открытія Ньютона, расцвѣтъ математическихъ и естественныхъ наукъ, а также философія Локка, построенная на опытѣ (эмпирическая), привели европейскую мысль къ полному перевороту. «Естественная религія» [1]) (деизмъ), «естественное право», «сенсуализмъ» и «матеріализмъ» были результатами этого переворота. Эти новыя направленія мысли возбуждали критическое отношеніе ко всѣмъ остаткамъ старины,—къ старой религіи, старой морали, старому политическому міросозерцанію... Занесенныя на материкъ, всѣ эти идеи, прежде всего, выразились въ «скептицизмѣ»,—въ желаніи все провѣрить разумомъ, освобожденнымъ отъ старыхъ предразсудковъ.

Вольтеръ.

Вольтеръ былъ самымъ блестящимъ популяризаторомъ этого философскаго скептицизма,—его остроуміе и литературный талантъ помогла ему найти блестящее воплощеніе этимъ идеямъ: въ своихъ трагедіяхъ, комедіяхъ, романахъ, поэмахъ, въ публицистическихъ статьяхъ и трактатахъ онъ безпощадно нападалъ на всѣ остатки средневѣковыя, сохранившіяся въ жизни Франціи XVIII-го вѣка: на фанатизмъ, тяготѣвшій надъ религіей, на всевозможныя суевѣрія и предразсудки, державшіе въ рабствѣ свободную мысль.

Монтескье.

Монтескье въ своемъ трактатѣ: «Духъ законовъ», съ точки зрѣнія новыхъ идей, нарисовалъ идеалы новой общественной и политико-государственной жизни; онъ былъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ англійскаго конституціоннаго строя.

Дидро и Даламберъ.

Дидро и Даламберъ пошли дальше ихъ обоихъ. Они издали «Encyclopédie ou Dictionaire raisonné des sciences des Arts et des Métiers» — огромный энциклопедическій словарь, который вносилъ въ общее сознаніе массу новыхъ идей, разрушающихъ старыя понятія о религіи, о государствѣ, о нравственности... Дидро былъ не только скептикомъ, но даже атеистомъ; свои идеи онъ проводилъ смѣло и увлекательно. Гольбахъ («Systême de la Nature»), Гельвецій («Sur l'Esprit»), Ламетри («L'homme machine») были крайними матеріалистами, отрицавшими существованіе души: въ основу жизни полагали они «эгоизмъ» и счастіе человѣка видѣли въ полномъ освобожденіи отъ узъ старой морали и религіи.

Руссо.

Крайности такого «просвѣщенія» естественно вызывали реакцію,—и вотъ съ протестомъ противъ раціонализма и его проповѣдниковъ рѣшительно выступилъ Руссо: но онъ впалъ въ другую крайность и сталъ доказывать, что цивилизація вообще не дѣлаетъ человѣка счастливѣе, что она даже портитъ его въ нравственномъ отношеніи; Руссо утверждалъ, что для счастія человѣческаго надо возвратиться къ природѣ, къ естественной жизни первобытныхъ людей, когда не было наукъ, искусствъ, богатствъ, роскоши—когда нравы отличались дѣвственной чистотой... Исходя изъ такого недовольства дѣйствительностью, Руссо создалъ въ своемъ сочиненіи «Contract social» планъ демократическаго государства, построеннаго на началахъ простоты и естественности и абсолютной свободы, братства и равенства. Сочиненіе это имѣло большое значеніе: вожди французской революціи были воодушевлены его основными идеями. Критикуя, подобно

---

[1]) Религія, не признававшая догматовъ и обрядовъ, съ одинаковымъ уваженіемъ относившаяся ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, признающимъ существованіе единаго Бога; она называется иначе „религіей разума".

Вольтеру и энциклопедистамъ, недостатки современной культурной жизни, Руссо разошелся съ ними въ способахъ лѣченія: они провозглашали торжество *разума*, онъ — торжество *сердца*. Противъ матеріалистовъ и атеистовъ выступилъ онъ съ защитой религіи, вѣры въ Бога и безсмертія души. Въ двухъ своихъ романахъ: «Юлія, или Новая Элоиза» и «Эмиль, или о воспитаніи»— онъ требовалъ воспитанія «сердца», какъ главнаго двигателя жизни.

Вліяніе французской философіи.

Значеніе французской философіи было громадно, особенно во Франціи: здѣсь въ народѣ въ полной силѣ сохранялись еще грубыя религіозныя суевѣрія—а въ средѣ католическаго духовенства царилъ безпросвѣтный фанатизмъ, выразившійся въ ожесточенныхъ религіозныхъ спорахъ, въ преслѣдованіяхъ протестантовъ и янсенистовъ; въ области государственной жизни наблюдались разные недостатки; въ общественной и частной жизни—испорченность нравовъ. Всѣ эти недостатки жизни замѣчались людьми наиболѣе сознательными. Очень понятно, что философское ученіе, которое отличалось критическимъ характеромъ и, въ то же время, обѣщало вывести человѣчество на новый, лучшій путь, принято было многими съ восторгомъ. Вмѣсто религіознаго фанатизма, эта «освободительная», «разумная» философія проповѣдывала вѣротерпимость, свободу совѣсти и критическое отношеніе къ основамъ старой вѣры; въ области государственной, она устанавливала новыя «разумныя» начала власти, новыя гуманныя отношенія между правителями и управляемыми. Она предлагала новые законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ; во всѣ проявленія жизни общественной и частной она стремилась внести принципы свободы, братства и равенства. Мы видѣли уже, что Руссо возсталъ противъ роскоши, изнѣженности, испорченности современныхъ нравовъ. Непосредственно подъ его вліяніемъ явилась новая наука о воспитаніи, основанная на началахъ свободы, простоты и естественности. Эта педагогика обѣщала перевоспитать человѣчество и создать «новую породу» людей, свободную отъ прежнихъ суевѣрій, предразсудковъ и пороковъ...

Вліяніе французской философіи въ Европѣ.

Такова была *лучшая*, показная сторона тѣхъ идей, которыя, подъ вліяніемъ англійской философіи, зародились и развились во Франціи, а отсюда широкимъ, могучимъ потокомъ полились въ другія европейскія государства. Эти идеи несли съ собой свѣтлыя иллюзіи, создавали мечтателей-утопистовъ среди простыхъ смертныхъ и среди сильныхъ міра сего: Фридрихъ Великій, Іосифъ II, Густавъ III, императрица Екатерина,— увлекались этими прекрасными утопіями. Крайности французской философіи (матеріализмъ, атеизмъ) умѣренно-мыслившими людьми игнорировались: изъ этихъ идей они оставляли за собой лишь «лучшее».

Философія и революція.

Франція, колыбель всѣхъ этихъ идей, въ которыхъ такъ было много добра и зла, въ концѣ вѣка сама испробовала приложимость ихъ на дѣлѣ: въ результатѣ разыгралась великая французская революція, со всѣми ея ужасами, междуусобіями, кровопролитіемъ, императоромъ Наполеономъ, въ результатѣ—и тѣмъ общимъ, не только французскимъ, но и общеевропейскимъ разочарованіемъ и апатіей, которыя въ началѣ вѣка создали во всей Европѣ настроеніе «міровой тоски»... Между идеями философіи и дѣйствительной жизнью оказалось безмѣрное разстояніе и вс-

проходимая бездна. Великія и красивыя слова оказались безсильными одни защитить человѣчество отъ насилія и неправды,—люди, выступившіе во время революціи на борьбу съ «деспотизмомъ» и «фанатизмомъ», сами показали себя и «деспотами», и «фанатиками»... Въ результатѣ, многіе «философы», дожившіе до революціи и своими глазами ее увидѣвшіе, съ ужасомъ отвернулись отъ дѣла словъ своихъ, а недавніе мечтатели-вѣнценосцы, ихъ восторженные ученики, изъ поклонниковъ «французскаго просвѣщенія» обратились въ его гонителей.

„Наказъ императрицы Екатерины".

Вліяніе французской философіи особенно сильно сказалось у въ „Наказѣ" Екатерины. Въ этомъ сочиненіи была намѣчена широкая программа тѣхъ внутреннихъ реформъ, о которыхъ мечтала императрица, просвѣщенная идеями „философовъ". Если до реформъ Екатерины въ русскомъ обществѣ выдѣлялись, время отъ времени, люди и развитые, и съ извѣстными убѣжденіями, то это были лишь отдѣльныя *личности*: само общество еще мало проявляло себя—въ немъ до Екатерининской эпохи незамѣтно было „общественное сознаніе". Созвавъ со всей Россіи „выборныхъ людей" для обсужденія составленнаго ею „Наказа", Екатерина этимъ самымъ обратилась къ *суду всего русскаго общества*, и, если отвѣтъ на первыхъ порахъ получился довольно безтолковый, то историческое значеніе его всетаки громадно; съ этого времени общественное сознаніе въ Россіи быстро развивается, складываются общественные интересы, которые ведутъ къ живому обмѣну мыслей,—теперь на историческую сцену являются въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ уже не отдѣльныя личности, а вся русская интеллигенція, столичная и провинціальная.

„Закономѣрность" и „случайность" въ дѣятельности и-цы Екатерины.

§ 59. Мы видѣли уже, что элементы этой энергичной жизни были подготовлены предшествующей жизнью,—нуженъ былъ толчокъ. Онъ и былъ данъ Екатериной. Эта умная женщина, къ сожалѣнію, не оказалась на высотѣ своего призванія,—оттого всѣ ея реформы и обѣщанія кончились недоразумѣніемъ и реакціей. Петръ Великій любилъ больше всего Россію. Екатерина—больше всего себя и свою славу за границей. Эта „личная" окраска ея государственной дѣятельности сдѣлала то, что „закономѣрность" ея великаго дѣла была, подъ конецъ, совершенно прикрыта той „случайностью", которая шла отъ ея своеобразной и ярко-выраженной „личности".

„Личность" и-цы Екатерины.

Она вся—созданіе XVIII вѣка,—этого вѣка смѣлыхъ теорій, литературнаго тщеславія, культурнаго авантюризма... Въ

своей Германіи Екатерина никогда не была бы тѣмъ „свѣтиломъ“, какимъ она сдѣлалась, попавъ въ Россію, къ „сѣвернымъ дикарямъ“... Здѣсь, вступивъ на престолъ, она поднялась недосягаемо-высоко и ослѣпила всѣхъ своимъ свѣтомъ. Въ Россіи онъ показался и новымъ, и оригинальнымъ,—между тѣмъ, это былъ свѣтъ только „отраженный“. Для запада онъ, пожалуй, не былъ очень ярокъ,—тамъ на него многіе могли глядѣть не мигая, но у насъ всѣ были имъ ослѣплены, окружили императрицу восторгомъ, и вознесли ее до Петра... Избалованная первой удачей, она впослѣдствіи оскорблялась, когда въ русскомъ обществѣ стали появляться люди, относившіеся къ ея дѣятельности критически.

И-ца Екатерина и русское общество.

Между тѣмъ, зарожденіе этого критицизма вполнѣ объяснимо съ исторической точки зрѣнія. Императрица сама толкнула русское общество на путь самосознанія, не разсчитавъ силы своего „толчка“ съ той „потенціональной“ энергіей, которая копилась въ русскомъ передовомъ обществѣ, начиная съ Петровской эпохи,—въ результатѣ оказалось, что она упустила руководительство критикой существующихъ порядковъ; начавъ съ обличенія русской жизни, она скоро попала, неожиданно для себя, въ положеніе „обличаемой“. Какъ разъ въ это время разгорѣлось пламя французской революціи. Подобно многимъ теоретикамъ-„утопистамъ“ XVIII в., Екатерина, подъ впечатлѣніемъ революціи, растеряла своихъ „боговъ“, а безъ нихъ она сама сдѣлалась безсильной... Въ результатѣ—полное отступленіе ея отъ всѣхъ тѣхъ идей, которыми она питала свой духъ въ юности,—отъ всѣхъ обѣщаній, которыя были торжественно возвѣщены ею въ „Наказѣ“.

Книга — показатель жизни эпохи.

Любопытно, что книга оказывается чуткимъ барометромъ настроеній Екатерины и всѣхъ колебаній ея „просвѣщеннаго абсолютизма“. Достигнувъ въ 1788 [1]) году самой высокой цифры 440,—число книгъ, подъ вліяніемъ реакціи, падаетъ—и въ 1797 году достигаетъ только 170.

Періодъ дѣятельности и-цы Екатерины.

Поэтому въ дѣятельности Екатерины нетрудно намѣтить три періода: 1) когда она начала съ критики русской жизни,—2) когда она сдѣлалась равнодушной къ этой критикѣ, и—3) когда выступила на борьбу съ критикой, возникшей независимо

---

[1]) За годы: 1698-1724—561 т.; 1725-1750—375; 1751-1775 г.—2010; 1776-1800—6585.

отъ ея воли и принявшей оппозиціонный характеръ. *Первый періодъ* совпалъ съ ея первыми шагами по пути реформъ. Когда она убѣдилась, что русское общество не отвѣтило ея разсчетамъ, что оно въ массѣ еще не „подготовлено" къ великимъ реформамъ,—императрица пошла другимъ путемъ: рѣшивъ, что прежде реформъ надо было приготовить для нихъ почву—создать „новыхъ" людей,—отсюда ея журнальная дѣятельность, ея комедіи, ея педагогическія утопіи... *Второй періодъ*, когда она вообще разочаровалась въ успѣхахъ своей внутренней политики, совпадаетъ съ развитіемъ внѣшней политики,—теперь она ведетъ войны, мечтаетъ о блескѣ завоеваній... *Третій періодъ* наступилъ тогда, когда она увидѣла, какую рѣзкую форму приняли въ русскомъ обществѣ результаты ея первыхъ либеральныхъ начинаній и вліяній французской философіи. Къ тому же она была испугана французскими событіями—вотъ почему она энергично принялась разрушать въ Россіи то дѣло, которое сначала сама насаждала: вмѣсто политическихъ либеральныхъ утопій, она стала поддерживать теперь русскую старину, преслѣдовать „западничество"...

Политическая растерянность русскихъ людей въ концѣ вѣка.

Конечно, дѣйствуя такъ, Екатерина опиралась на значительную часть общества.

Въ результатѣ, и въ ней самой, и въ русскомъ обществѣ къ концу вѣка замѣчается душевный разладъ, неумѣніе разобраться, гдѣ истина, гдѣ ложь. Еще недавно, во время вѣры въ авторитеты французскихъ мыслителей, и Екатеринѣ, и многимъ ея русскимъ единомышленникамъ все казалось рѣшеннымъ и яснымъ. Теперь наступилъ крахъ всѣхъ прежнихъ вѣрованій,—въ результатѣ—потеря руководящихъ идей, исканіе новыхъ, противорѣчія между словомъ и дѣломъ... Въ міросозерцаніи людей петровскаго времени такого трагическаго противорѣчія не существовало. Тогда еще твердо вѣрили въ возможность согласовать русскую жизнь съ духомъ западнаго просвѣщенія Этимъ объясняется та своеобразная цѣльность, спокойная увѣренность и ясность души, которыя отличали выдающихся русскихъ людей первой половины XVIII вѣка (Посошковъ, Татищевъ, Кантемиръ, Ломоносовъ и др.). Совсѣмъ другое положеніе заняло поколѣніе 80—90 годовъ. Вопросы, куда идти: „впередъ", или „назадъ",—къ западу, или къ старой Москвѣ—стояли теперь ребромъ, обостренные къ тому же французскимъ движеніемъ. Въ борьбѣ этихъ настроеній тогдашнее русское общество впервые „очутилось на распутьи

между старой и новой вѣрой". Приходилось мѣнять старыя вѣрованія, или чинить въ нихъ тѣ бреши, которыя сдѣланы были разочарованіемъ,—и вотъ, отъ „вольтерьянства" многіе возвращались теперь къ вѣрѣ отцовъ и идеализаціи старины (Фонвизинъ),—другіе уходили въ туманъ мистицизма, примыкая къ масонству (Лопухинъ и др.),—третьи старались лавировать между критицизмомъ и вѣрою, разумомъ и чувствомъ (Новиковъ),—четвертые, наконецъ, шли напроломъ, не отрекаясь отъ тѣхъ крайностей, къ которымъ привели Францію ея просвѣтители (Радищевъ).

„Либерализмъ" и „консерватизмъ"—созданіе Екатерининской эпохи.

Въ этой сутолокѣ политическихъ понятій и вожделѣній складывается новый типъ юноши, одинаково далекаго и отъ родной старины, и отъ вольтерьянства, и отъ масонства... Это—юноша отзывчивый, чувствительный, развитой эстетически и морально... Онъ жаждетъ свѣта, онъ воодушевленъ „богатырскими" помыслами, хочетъ „небезполезно жить для людей"—но *не знаетъ цѣли и смысла жизни*... Это—молодой человѣкъ, у котораго, по его словамъ, въ груди бьется горячее сердце, который ищетъ *чего-то*, къ чему онъ могъ бы привязаться всей душой, но о *чемъ* онъ самъ не имѣетъ опредѣленнаго понятія, что должно наполнить пустоту его души и оживить его жизнь (автохарактеристика Карамзина)—первый прообразъ *романтика-скорбника* XIX вѣка,—образъ, пока еще смягченный мягкими тонами „прекраснодушія и чувствомъ „сладкой сентиментальной меланхоліи".

Сентиментальный идеализмъ молодого поколѣнія.

§ 60. «*Вольтерьянствомъ*» принято было у насъ въ XVIII в. называть увлеченіе не только однимъ Вольтеромъ, но вообще всей французскою философіей; оно у насъ начало распространяться еще въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны и особенно усилилось при Екатеринѣ. Русское «вольтерьянство» не было чѣмъ-нибудь ужаснымъ—у большинства тогдашнихъ русскихъ людей оно было легкимъ, свободнымъ обращеніемъ съ Богомъ, съ обрядами церкви, съ предразсудками старины... Это считалось «модой» и признакомъ «хорошаго тона». Русскіе аристократы, какъ напримѣръ, гр. И. И. Шуваловъ, кн. Дашкова, кн. Д. Н. Голицынъ, гр. Гр. и Вл. Орловы, гр. К. Разумовскій, кн. Бѣлосельскій—считали для себя честью ѣздить на поклоненіе къ Вольтеру и къ другимъ французскимъ философамъ, находиться съ ними въ перепискѣ: нѣкоторые, подражая императрицѣ, приглашали философовъ къ себѣ въ Россію. Но это преклоненіе передъ свободой мысли не мѣшало русскимъ дворянамъ-философамъ оставаться крѣпостниками. Глубже было увлеченіе французской философіей у лицъ средняго круга,—для многихъ изъ нихъ сознаніе несоотвѣтствія идеаловъ и русской дѣйствительности внесло въ душу драму. Такъ, помѣщикъ Рахманиновъ, переводчикъ и

„Вольтерьянство" русскаго общества.

поклонникъ Вольтера, въ своей деревнѣ открывшій типографію, исключительно съ цѣлью печатать тамъ переводы сочиненій Вольтера, кончилъ жизнь свою самоубійствомъ. Трагически кончилъ свои дни и Радищевъ. Такія лица, какъ Ив. Лопухинъ, Н. Новиковъ, Д. Фонвизинъ, сумѣли справиться со своимъ душевнымъ разладомъ, найдя утѣшеніе въ своевременномъ обращеніи къ идеаламъ христіанства. Особенно глубоко было вліяніе французской философіи на молодежь,—отправленные въ 1766 г. въ лейпцигскій университетъ Ушаковъ и Радищевъ сдѣлались фанатиками матеріализма и скептицизма.

Вліяніе французской философіи на литературу.

Лишь немногіе русскіе люди сумѣли остановиться только на положительныхъ, гуманныхъ сторонахъ французской философіи. Въ изящной русской литературѣ такими разумными носителями идей вѣротерпимости, свободы совѣсти, человѣколюбивыхъ началъ въ воспитаніи были, кромѣ императрицы Екатерины, Фонвизинъ, Державинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Новиковъ... Но, конечно, что было доступно пониманію этихъ избранниковъ, то не имѣло значенія для массы читателей: она увлекалась только остроуміемъ, свободоязычіемъ, иногда даже цинизмомъ тѣхъ выводовъ и заключеній, которымъ грѣшили подчасъ «философы». Поэтому особенно популярна была у насъ въ XVIII в., философская «литература самая» легкая (въ смыслѣ помиманія),—напр., повѣсти и сказки Вольтера; въ меньшей мѣрѣ извѣстны были сочиненія Дидро, Даламбера, Руссо, Гельвеція, Рейналя и др.

„Масонство"; его сущность и исторія.

§ 61. Для многихъ русскихъ мыслящихъ людей XVIII в. «*масонство*» было исходомъ, въ которомъ нашли они разрѣшеніе тревогамъ и сомнѣніямъ, овладѣвшимъ ихъ умомъ и сердцемъ подъ вліяніемъ отрицательныхъ сторонъ французской философіи. «Масоны», или, какъ они себя называли у насъ, свободные каменщики» (переводъ слова «franc maçon», «Freimauer») въ началѣ (въ Англіи въ 1717 г., во Франціи въ 1725 г., въ Германіи въ 1740 г.) представляли собой тайныя общества, которыя связывали себя съ цѣховыми строительными «братствами», существовавшими еще въ средніе вѣка и занимавшимися постройкой храмовъ и разныхъ общественныхъ зданій въ Европѣ; эти братства представляли собой тѣсно сплоченные союзы, со своей своеобразною организаціей, со своими профессіональными тайнами [1]), своими законами и обрядами. «Масоны» XVIII вѣка заимствовали у этихъ профессіональныхъ братствъ ихъ внутреннюю организацію, но занялись постройкой «духовнаго храма», т. е. улучшеніемъ души человѣческой, созданіемъ новаго добродѣтельнаго человѣчества. Отъ настоящихъ средневѣковыхъ каменщиковъ масоны взяли ихъ орудія (молотокъ, передникъ, циркуль, наугольникъ и др.), и употребляли ихъ для символическихъ обрядовъ,—взяли и три степени: «ученикъ», «товарищъ» и «мастеръ». Такъ *ремесленный* союзъ средневѣковыхъ архитекторовъ, плотниковъ и каменщиковъ превратился въ *духовный* союзъ образованныхъ людей разныхъ сословій.

Масоны требовали отъ своихъ сочленовъ праведной жизни, широкой филантропической дѣятельности. Таинственность, которою они окружали

---

[1]) Преданіе связывало эти тайны съ легендами о чудесномъ построеніи храма Соломонова.

себя, свои собранія, свои занятія, различные обряды, клятвы при поступленіи, строгая дисциплина и сложная организація въ управленіи членами—все это, по ихъ мнѣнію, должно было гарантировать успѣшность ихъ дѣятельности, такъ какъ защищало ихъ братства, составленныя изъ «избранниковъ», отъ вторженія «толпы».

Идеалы масонства.

Религіозные и философскіе идеалы масонства сложились подъ вліяніемъ деистическихъ и филантропическихъ идей XVIII в. Масонство выставило идею самой широкой вѣротерпимости и, на началахъ этой вѣротерпимости, хотѣло создать одну «всеобщую» религію,—одно религіозное братство между людьми, основанное на ученіе о свободѣ совѣсти, любви и равенствѣ между людьми. Масоны принимали въ свои братства одинаково и евреевъ, и магометанъ—отъ поступающихъ требовалась только вѣра въ Бога, въ безсмертіе души, въ воздаяніе за гробомъ. Особенно привлекала всѣхъ къ масонамъ нравственная основа ихъ ученія,—мораль ихъ была «естественной», выводилась ими изъ естественныхъ свойствъ человѣка; къ догматамъ и обрядамъ христіанскихъ религій одни масоны относились безразлично, другіе даже отрицательно.

Извращеніе масонства въ XVIII в.

Уже съ середины XVIII в. такое пониманіе масонства затемнилось. Это произошло потому, что въ члены масонскихъ ложъ [1]) стали вступать люди самые различные—сюда шли люди, утомленные излишествами жизни, шли идеалисты-аскеты, недовольные суетой житейской, и люди, искавшіе нравственнаго свѣта, и юноши съ чистой душой, и выдохшіеся вольтерьянцы, и карьеристы, желавшіе устроить свою судьбу благодаря «братанію» съ людими вліятельными, и просто люди скучающіе, желающіе чѣмъ-нибудь наполнить свой досугъ... Въ результатѣ масонство стало распадаться на различные «ордена», или «толки»; одни (розенкрейцеры) увлеклись тайными науками: алхиміей и магіей—старались найти секретъ дѣланія золота, изобрѣсти «панацею» (лекарство противъ всѣхъ болѣзней); другіе ушли въ мистицизмъ и оккультизмъ (мартинисты), увлекались различными сверхъестественными явленіями,—вѣрили въ возможность сношеній съ міромъ невидимыхъ силъ и духовъ; у нихъ деистическій раціонализмъ смѣнился экстазомъ, вдохновеніемъ чисто-мистическаго характера. Наконецъ, нѣкоторые масоны (иллюминаты) занялись политикой и, благодаря умѣлой организаціи, имѣли большое значеніе въ дѣлѣ распространенія политическихъ предреволюціонныхъ идей.

Масонство въ Россіи.

У насъ, въ Россіи, увлеклись масонствомъ въ періодъ его разложенія, въ періодъ раскола и междуусобицъ и окончательнаго распаденія на «толки»,—оттого у насъ масонство понималось каждымъ по-своему. Тѣмъ не менѣе, даже затуманенные идеалы масонскаго ученія имѣли великое воспитательное значеніе для нѣкоторыхъ русскихъ людей.

Масонская литература.

Отъ масоновъ осталась литература переводная и оригинальная. Она отличается, главнымъ образомъ, религіознымъ и моральнымъ характеромъ.

---

[1]) Когда масонское ученіе заносилось въ какой-нибудь городъ, или мѣстечко, и тамъ собиралось достаточное количество „вѣрующихъ“, то учреждалась *ложа*, т. е. образовывался мѣстный кружокъ со своимъ предсѣдателемъ и своими „чиновниками“. Пропаганда велась дальше, и основная ложа иногда выдѣляла изъ себя новыя молодыя „ложи“.

Мистицизмъ является главной особенностью этой литературы. Сочиненія Якова Бема, Сведенборга, Сенъ-Мартена, Эккартсгаузена, Юнга-Штиллинга—вотъ, имена самыхъ извѣстныхъ писателей-мистиковъ, творенія которыхъ переводились и читались нашими масонами съ особеннымъ увлеченіемъ. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ авторы касались и вопросовъ жизни общественной. Такъ, въ сочиненіи С. Мартена: «О заблужденіяхъ и истинѣ» указывается путь, по которому должно идти къ пріобрѣтенію знаній о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ («о двухъ природахъ» его существа), объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Книга эта была запрещена русскимъ правительствомъ при Екатеринѣ. Нельзя не отмѣтить, что масоны интересовались также твореніями отцовъ церкви, греческой и католической,—такъ, сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго: «О подражаніи Іисусу Христу» было у нихъ очень популярно. У масоновъ процвѣтала духовная поэзія,—ими сочинены многіе духовные гимны, иногда поражающіе красотою содержанія и музыки (напр., извѣстная молитва: «Коль славенъ»).

Общественные дѣятели Екатерининской эпохи. а) Новиковъ.

§ 62. *Общественные дѣятели Екатерининской эпохи.* Изъ нихъ особенно любопытны Новиковъ, Радищевъ, Фонвизинъ, кн. Щербатовъ и Болтинъ. Н. И. Новиковъ болѣе ихъ всѣхъ является показателемъ того культурнаго уровня, на который поднялось русское общество Екатерининской эпохи,—изъ всѣхъ названныхъ дѣятелей онъ по преимуществу былъ «общественнымъ», такъ какъ никто изъ другихъ его современниковъ такъ широко не захватилъ русской жизни, ни у кого не было такой глубины замысловъ и талантовъ для проведенія ихъ въ жизнь.

Біографія Новикова.

Онъ родился въ имѣніи отца въ 1744 г.; образованіе получилъ онъ въ московской университетской гимназіи. Здѣсь онъ занимался плохо, но пробѣлы своего образованія восполнялъ усерднымъ чтеніемъ. Особенно привязался онъ къ русской исторіи и литературѣ. Во время службы въ Измайловскомъ полку онъ исполнялъ обязанности секретаря въ одной изъ комиссій народныхъ депутатовъ, собранныхъ императрицей для составленія проекта новаго уложенія. Благодаря секретарской должности, Новиковъ увидѣлъ много интересныхъ лицъ, услышалъ много характерныхъ рѣчей, столкнулся съ самыми различными русскими міросозерцаніями и выработалъ свое собственное пониманіе нуждъ русской жизни. Съ 1768 года онъ, подъ вліяніемъ журнала Екатерины, сталъ издавать сатирическіе журналы («Трутень» 1769—70, «Живописецъ» 1772—73), въ которыхъ русская дѣйствительность нашла въ его лицѣ строгаго судью. Это не понравилось императрицѣ, но она вполнѣ оцѣнила его умъ и талантъ, и потому, желая отдалить его отъ журнальной дѣятельности, привлекла его къ болѣе мирнымъ занятіямъ русской исторіей («Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ»; «Древняя россійская Вивліоѳика»—изданіе старыхъ документовъ и произведеній). Съ 1779 г. Новиковъ дѣлается масономъ и отдается дѣлу просвѣщенія русскаго народа путемъ изданія полезныхъ сочиненій; онъ организовалъ въ Москвѣ на широкихъ началахъ типографское дѣло и книгопродавческое; для перевода полезныхъ книгъ онъ пользовался услугами кружка учениковъ проф.

Шварца—своего друга и руководителя. Здѣсь, въ Москвѣ, кромѣ многочисленныхъ отдѣльныхъ сочиненій, онъ издавалъ журналы: «Вечерняя Заря» (1782 г.), «Покоющійся Трудолюбецъ» (1784 г.), «Дѣтское чтеніе» (1783—89).

„Дружеское общество" „Типографическая компанія".

Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Херасковъ и нѣкоторые другіе масоны образовали въ Москвѣ «Дружеское общество» и «Типографическую компанію». Общество занималось не только распространеніемъ масонскаго ученія, но и широкою просвѣтительною и филантропическою дѣятельностью: безплатныя школы, больницы и аптеки, даровая раздача хлѣба бѣднымъ и книгъ людямъ, ищущимъ свѣта, воспитаніе молодежи въ религіозномъ духѣ,—все это сдѣлало Новикова и его друзей людьми очень популярными въ среднихъ и низшихъ кругахъ Москвы и русской провинціи. Въ эти дни особаго расцвѣта и популярности Новикова и его друзей, тревожныя свѣдѣнія, шедшія изъ Франціи, объятой революціей, заставили императрицу Екатерину особенно подозрительно отнестись къ дѣятельности русскихъ масоновъ; впрочемъ, кажется, она имѣла основанія видѣть у нѣкоторыхъ изъ нихъ затаенные политическіе планы. Въ результатѣ, въ 1792 году гоненія на масонство, начавшіяся давно, разразились грозой, и все дѣло Новикова и его друзей было разрушено, а самъ онъ очутился въ шлиссельбургской крѣпости. Въ 1796 году императоръ Павелъ освободилъ Новикова, и остатокъ дней своихъ онъ мирно провелъ въ деревнѣ. Скончался Новиковъ въ 1818 г.

Новиковъ—показатель жизни русскаго общества этой эпохи.

§ 63. Новиковъ потому является краснорѣчивымъ показателемъ русскаго общества этой эпохи, что онъ на себѣ пережилъ всѣ характерныя настроенія этого общества: жизнь его есть, въ сущности,—жизнь всего русскаго общества второй половины XVIII в.: въ юности испыталъ онъ на себѣ вліяніе «вольтерьянства», но не остановился на немъ,—такъ какъ не могъ удовольствоваться однимъ сомнѣніемъ, однимъ отрицаніемъ,—и потому отъ французской философіи перешелъ онъ къ масонскому идеализму.

Исторія общественной дѣятельности Новикова: а) въ Петербургѣ.

Въ первый періодъ его дѣятельности мы видимъ въ немъ вѣрноподданнаго Екатерины, замѣченнаго и обласканнаго ею. Тогда онъ былъ усерднымъ служителемъ того просвѣщенія, которое проводилось въ русскую жизнь императрицею: и журнальная дѣятельность его, и печатаніе историческихъ документовъ,—все это были несомнѣнные результаты литературнаго и личнаго вліянія просвѣщенной императрицы, «воспитательницы» русскаго общества. Но время шло, и Новиковъ все сознательнѣе сталъ всматриваться въ окружающую его жизнь: и вотъ въ его сатирѣ зазвучали черезчуръ серьезныя нотки; во взглядахъ на образованіе народное разошелся онъ съ императрицею... Въ это время въ жизни Новикова наступаетъ періодъ охлажденія къ Екатеринѣ и къ французскимъ философамъ. Въ нерѣшимости остановился онъ на перепутьи, колебался, сомнѣвался... Въ такомъ состояніи онъ сдѣлался масономъ. Масонство давало ему положительный отвѣтъ на многіе его вопросы, и душа его откликнулась на масонскій идеализмъ.

б) Новиковъ въ Москвѣ.

Въ это именно время Петербургъ, жившій почти подъ исключительнымъ вліяніемъ императрицы, пересталъ привлекать Новикова,—вотъ

почему онъ охотно переѣхалъ въ Москву, гдѣ представилась ему возможность жить въ кругу единомышленниковъ и, благодаря типографіи, проводить свои идеалы въ общество. Сатирическая дѣятельность была оставлена навсегда. Новиковъ сознательно пришелъ къ выводу, что русское молодое общество надо было *учить*, а *не бичевать*. Здѣсь, въ Москвѣ, Новиковъ очутился въ самомъ центрѣ самостоятельнаго просвѣтительнаго движенія. Московскій университетъ, съ его нѣмцами профессорами-идеалистами, масоны, съ ихъ возвышенными стремленіями, молодежь, чуткая, отзывчивая,—все это было такой средой, въ которой талантамъ и энергіи Новикову нашлось много простору.

Профессоръ Шварцъ.

Но если въ самомъ Новиковѣ много было силы и желанія распространять просвѣщеніе, то еще болѣе данныхъ для роли «просвѣтителя» было у профессора Шварца, съ которымъ сошелся въ Москвѣ Новиковъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ такъ мало данныхъ о Шварцѣ, что онъ остался для насъ загадкой. Одно ясно для насъ изъ его дѣятельности въ Москвѣ,—тотъ своеобразный характеръ, которымъ она отличается: передъ нами не просто просвѣщенный человѣкъ, заботившійся объ образованіи молодежи,—передъ нами «фанатикъ просвѣщенія», «неугомонный энтузіастъ, вѣчно горѣвшій, какъ неугасимый очагъ, и успѣвшій сжечь себя до тла въ 33 года жизни».

Человѣкъ живой, всегда склонный къ практической дѣятельности, Новиковъ не могъ остановится на отвлеченномъ идеализмѣ,—тѣмъ менѣе могъ онъ уйти цѣликомъ въ мистицизмъ,—онъ былъ дѣятельнымъ идеалистомъ, который не боялся жизни, которому нужны были и больницы, и раздача хлѣба голоднымъ, и борьба съ невѣжествомъ... Убѣжденный въ томъ что свобода мысли необходима для образованія, даже до глубокой старости сохранившій убѣжденіе, что «все то мертво, что не имѣетъ движенія, понеже жизнь есть движеніе», — Новиковъ легко поддался вліянію болѣе образованнаго Шварца. Просвѣщенный «нѣмчикъ» (слова Новикова) сблизился съ нимъ, сдѣлался «неразлучнымъ» его другомъ, энергично поддержалъ его просвѣтительную работу и, быть можетъ, набросилъ на его дѣятельность ту легкую политическую окраску, слѣды которой можно уловить въ немногочисленныхъ данныхъ, дошедшихъ до нашихъ дней. Это время совмѣстной работы со Шварцемъ въ дѣятельности Новикова было самымъ блестящимъ.

„Воспитаніе русскаго общества“.

Впрочемъ, на русское общество и Новиковъ, и Щварцъ смотрѣли, повидимому, какъ на молодежь, которую еще надо духовно «воспитать», морально «переродить»,—которой пока недоступно политическое воспитаніе, а потому либерализмъ только проскальзываетъ въ ихъ дѣятельности, не переходя въ рѣшительную пропаганду и не поддаваясь точному опредѣленію изслѣдователя.

Почти исключительное вниманіе Новикова и Шварца было обращено на нравственное совершенствованіе русскаго общества, на подготовленіе этимъ путемъ его къ новой политической жизни,—и, въ этомъ отношеніи, оба они, дѣйствительно, повліяли на русское общество; дѣятельность ихъ внесла освѣжающую струю въ жизнь Россіи: даже въ провинцію хлынули изданныя Новиковымъ книги, съ яркой и энергичной проповѣдью идеа-

лизма,—съ ними сразу поднялся духовный уровень Россіи: въ нѣкоторыхъ мемуарахъ XVIII вѣка замѣчаемъ мы появленіе новыхъ людей, всецѣло созданныхъ новиковскимъ движеніемъ. Особенно осязательные слѣды оставило масонство на тѣхъ юношахъ, которые были ими воспитаны. Въ этомъ отношеніи, конечно, особенно важна дѣятельность Шварца: «день и ночь» работалъ этотъ неутомимый труженикъ въ пользу русскаго юношества; ради него онъ отказался отъ своихъ книгъ, которыя всѣ были подѣлены между слушателями, отказывался отъ отдыха и покоя... Немудренно, что отзывчивые юноши полюбили его,—немудрено, что самоотверженный педагогъ былъ замѣченъ въ Москвѣ многими. «Райскія минуты», по собственному признанію, позналъ онъ, видя въ окружающемъ его обществѣ жажду просвѣщенія.

§ 64. *А. Н. Радищевъ* (1741—1802). Реакція во взглядахъ императрицы привела ее къ отрицанію правъ русскаго общества на самостоятельное просвѣщеніе и самостоятельную общественную жизнь. Въ результатѣ—гоненія на масоновъ и на того Новикова, который выросъ подъ ея же непосредственнымъ вліяніемъ. Радищевъ.

То же произошло и съ тѣми русскими мыслителями, которые остались вѣрными французской освободительной философія,—но ушли въ этомъ направленіи дальше императрицы. Въ рѣчахъ этихъ русскихъ «философовъ» скоро зазвучало негодованіе, озлобленіе на русскую дѣйствительность,—они обратили свой негодующій взоръ на современную Россію, которую Екатерина тщательно старалась прикрыть показнымъ блескомъ своего царствованія.

Главнымъ представителемъ такихъ настроеній надо считать Радищева. Если для Новикова хорошей практической школой было участіе въ екатерининской комиссіи, то Радищевъ получилъ прекрасную теоретическую подготовку за границей, въ лейпцигскомъ университетѣ. Посланный туда съ нѣсколькими молодыми дворянами для изученія юридическихъ наукъ, Радищевъ пять лѣтъ провелъ тамъ за самымъ серьезнымъ изученіемъ философіи и права. Самостоятельное чтеніе дало раціоналистическое направленіе умамъ и чувствамъ этого молодого кружка русской молодежи,—они увлеклись системами матеріалистическими и сенсуалистическими. Біографія Радищева.

Если Вольтеръ и его сподвижники, Монтескье, даже Дидро,—ученики англійской философіи, стояли еще на почвѣ *теоріи* и не выходили за предѣлы земныхъ отношеній, то ихъ ученики-продолжатели,—съ одной стороны, попытались на *практикѣ* приложить *теорію* учителей,—а съ другой стороны, распространили ихъ освободительное ученіе на міръ «потусторонній»,—на вѣру въ Бога, на область вопросовъ нравственности и пр. Въ результатѣ, получилось своеобразное «предреволюціонное» настроеніе не только французской, но и вообще европейской мысли. Выраженіемъ этого настроенія была литература, богатая и числомъ произведеній, и разнохарактерностью авторовъ, ее представившихъ. Насколько широко и сильно было ея воздѣйствіе на тогдашнюю Европу, видно, хотя бы, изъ того, что любимыя идеи этой литературы проникли не только въ журналистику, но даже въ дѣтскія книги, въ романы; они завладѣли поэзіей, философіей, богословіемъ, наводнили собой книжные рынки Европы... Эта «предреволюціонная» литература брала количествомъ, не Предреволюціонная литература.

качествомъ,—въ ней мало было оригинальнаго, самобытнаго, —все ея идейное содержаніе было лишь повтореніемъ, дополненіемъ, расширеніемъ тѣхъ идей, которыя неразрывно были связаны съ именами великихъ вожаковъ французской мысли XVIII вѣка. Многіе изъ авторовъ этой литературы довели до нелѣпыхъ крайностей идеи своихъ великихъ учителей; эта литературная «чернь», подобно всякой толпѣ, увлеклась уже инстинктомъ разрушенія, не зная ничего святого... Волна этой литературы, нахлынувшая изъ Франціи на всю Европу, несомнѣнно, докатилась и до Россіи. Если въ нашемъ отечествѣ она еще не могла найти сочувственной *массы*, если она не могла создать здѣсь общественнаго движенія, то все же, несомнѣнно, она овладѣла умами отдѣльныхъ личностей, даже кружковъ.

Ушаковъ.

Въ такую приблизительно «предреволюціонную» атмосферу попали наши юноши заграницей. Извѣстно, что они увлеклись Гельвеціемъ, убѣжденнымъ проповѣдникомъ сенсуализма. Ушаковъ, другъ Радищева, бывшій съ нимъ вмѣстѣ съ Лейпцигѣ, четыре раза прочиталъ его сочиненіе: «De l'Esprit»; хотя онъ и отнесся ко многимъ идеямъ Гельвеція критически, тѣмъ не менѣе, слѣдуя за нимъ, и онъ отрицалъ свободу воли, отвергалъ безсмертіе души, существованіе Бога. Для него жизнь человѣка обратилась въ животное существованіе, не сдерживаемое никакими принципами, никакими страхами...

Философскіе взгляды Радищева.

Философскіе взгляды Радищева изложены имъ въ разсужденіи: «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи» (1792). Авторъ, подобно Ушакову, ученикъ матеріалистовъ,—Гельвеція, Гольбаха, не рѣшается, однако, вполнѣ отказаться отъ старой вѣры. Признавая дуализмъ души и тѣла, онъ отрицаетъ только то, что по смерти душа сохраняетъ свою сознательность и индивидуальность. Взаимодѣйствіе души и тѣла его тоже интересуетъ; психическія явленія онъ ведетъ изъ физіологическихъ причинъ; въ жизни матеріи онъ видитъ большое участіе «огня», «электричества» и «магнетизма»; процессъ міровой жизни представляется ему въ видѣ картины непрерывнаго развитія цѣпи существъ,—отъ минераловъ, кончая человѣкомъ,—высшимъ моментомъ этого развитія. Такимъ образомъ, Радищевъ въ 1792 году нашелъ какой-то средній путь между «вѣрой» и «разумомъ», но едва ли въ 1767, 1771 гг., когда онъ былъ подъ вліяніемъ Ушакова, довольствовался онъ такимъ «срединнымъ» рѣшеніемъ вопросовъ: его другъ Ушаковъ умиралъ на его глазахъ невѣрующимъ философомъ...

Политическіе взгляды Радищева.

«Политическіе интересы захватили русскихъ юношей особенно сильно. Изъ словъ Радищева мы видимъ, что онъ, напримѣръ, восхищался англійскою революціей. Для такого настроенія, конечно, старые теоретики—Вольтеръ, Монтескье, Руссо казались уже «отсталыми». Радищевъ съ друзьями преклонился передъ Мабли и другими подобными политиками, требовавшими демократическаго представительства и политической свободы. Впрочемъ, къ нѣкоторымъ крайностямъ Мабли они не рѣшились примкнуть и отнеслись критически.

Моральные взгляды Радищева.

Вопросы нравственности рѣшались Радищевымъ и друзьями съ точки зрѣнія матеріалистическаго сенсуализма. Законъ самосохраненія и физической потребности человѣка,—однимъ словомъ, «эгоизмъ» въ философскомъ смыслѣ—былъ поставленъ въ центрѣ этой моральной системы.

Съ такимъ міросозерцаніемъ ѣхали на родину лейпцигскіе студенты; они пріѣхали какъ разъ въ періодъ равнодушія императрицы къ реформамъ. Такимъ образомъ, родина сразу встрѣтила ихъ сильнымъ разочарованіемъ—приходилось свои завѣтные идеалы затаить про себя. И вотъ, Радищевъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ не проявлялъ своего міровоззрѣнія. Начало французской революціи, очевидно, поднявшее духъ Радищева, и чтеніе горячо-написанной книги Рейналя о тяжеломъ положеніи негровъ въ Индіи заставили его присмотрѣться къ положенію русскихъ крѣпостныхъ и принудили его взяться за перо. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» появилось въ свѣтъ въ 1790 году. Въ этомъ сочиненіи онъ отмѣтилъ страшное противорѣчіе между идеалами освободительной философіи и русской дѣйствительностью. Несомнѣнно, что въ рѣшеніи обнародовать эту боевую книгу сыграло немалую роль и тщеславіе автора,—XVIII вѣкъ былъ эпохой, когда одно остроумно-сказанное слово облетало иногда весь культурный міръ, оригинально-поставленный вопросъ и удачный отвѣтъ сразу выдвигали новыя знаменитости... Слава вожаковъ европейской мысли, слава Екатерины зиждились, главнымъ образомъ, на такихъ смѣлыхъ и красивыхъ словесныхъ «сальто-мортале» на удивленіе всего просвѣщеннаго міра...

Отношеніе и-цы Екатерины къ книгѣ Радищева.

Для Екатерины книга Радищева была жестокимъ ударомъ: она про себя признала уже неудачу всѣхъ своихъ первоначальныхъ намѣреній реформировать Россію: объ этомъ даже свидѣтельствуетъ ея переписка; но признать передъ русской публикой эту неудачу она не хотѣла. Между тѣмъ, для многихъ русскихъ людей, ослѣпленныхъ «Фелицей» (такъ, слѣдуя Державину, многіе называли императрицу), вина за всѣ несовершенства новаго строя не ложилась еще на Екатерину, а только на ея помощниковъ. Радищевъ прикрылся этимъ «общимъ мнѣніемъ» для изобличенія незаконныхъ дѣяній тогдашней администраціи,—этого «средостѣнія», отдѣлявшаго власть отъ народа. Въ своей книгѣ онъ нападаетъ на чиновниковъ, крупныхъ и мелкихъ, на маленькаго начальника береговой команды, небрежность котораго чуть было не вызвала смерти 20 человѣкъ; нападаетъ на крупнаго вельможу-намѣстника, злоупотребляющаго казенными суммами и властью; рѣзко обвиняетъ онъ судей, взяточниковъ, помѣщиковъ, угнетающихъ народъ. Особенно ужасы крѣпостного права обращаютъ на себя его вниманіе,—картины, имъ нарисованныя, дѣйствительно, потрясаютъ читателя. Понятно, что мрачный колоритъ такихъ картинъ русской дѣйствительности, обратившій «ликующую Россію» въ «чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй» (эпиграфъ въ книгѣ Радищева: слова взяты изъ «Талемахиды» Тредіаковскаго),—былъ непріятенъ императрицѣ, убаюканной общими восхваленіями и потому нежелавшей знать ничего для себя непріятнаго. Оттого на книгу Радищева императрица посмотрѣла, какъ на личное оскорбленіе, какъ на оскорбленіе Величества...

Отношеніе Радищева къ крѣпостному праву.

Радищевъ стоялъ за гласность суда, за свободу печати. Для устраненія зла крѣпостничества онъ рекомендовалъ «постепенное введеніе нарушеннаго въ обществѣ естественнаго и гражданскаго равенства»—путемъ «освобожденія крестьянъ». Онъ пытался убѣдить и правительство, и самихъ помѣщиковъ, что крѣпостное состояніе не только отвратительно въ

нравственномъ отношеніи, но всѣмъ невыгодно и въ матеріальномъ. Пестро и разнообразно содержаніе его любопытнаго произведенія: отъ сентиментальныхъ восклицаній оно переходитъ къ рѣзкимъ угрозамъ, отъ циничной картинки къ свѣтлымъ образамъ и мечтамъ, въ которыхъ выразился идеализмъ гражданина, трезваго и преданнаго родинѣ. Произведеніе, очевидно, отразило всю душу автора, душу неуравновѣшенную, полную противорѣчій...

Въ книгѣ Радищева Екатерина увидѣла боевой кличъ, сигналъ къ возстанію. Вѣроятно, она имѣла данныя думать, что за Радищевымъ было въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ немало единомышленниковъ. И вотъ Радищевъ былъ сосланъ на десять лѣтъ въ Сибирь.

Чтобы окончательно задавить «французскія вліянія въ русскомъ обществѣ», въ 1796 году она ввела цензуру для русскихъ и особенно для иностранныхъ книгъ.

„Примиреніе съ дѣйствительностью", какъ одинъ изъ выводовъ, къ которымъ пришла русская мысль.

§ 65. Послѣ неудачи съ критикой дѣйствительности (Радищевъ), съ настроеніями идеализма (масоны), оставался для русской мысли еще одинъ путь — «примиреніе съ дѣйствительностью». Къ этому третьему пути русскихъ людей привело разочарованіе въ Вольтерѣ и другихъ философахъ, сомнѣніе въ правильности и приложимости ихъ взглядовъ. Къ этому пришла и Екатерина. Послѣ интенсивности прогресса, съ эпохи Петра и русское общество словно утомилось и обратило свои очи назадъ, къ московской Руси... Въ разгаръ французскихъ волненій императрица стала заниматься русской исторіей, бросила, по ея словамъ, чтеніе всѣхъ книгъ, кромѣ лѣтописей. Очевидно, тѣ устои, на которыхъ хотѣла она построить русское государство, когда вступала на престолъ, теперь ей показались шаткими,—приходилось искать новые, болѣе прочные,— въ прошломъ.

Міросозерцаніе императрицы, вынесенное ею изъ знакомства съ русской исторіей.

Результатомъ знакомства ея съ русской исторіей была увѣренность, что русская земля до смерти Ѳедора Іоанновича ничѣмъ не уступала западу. Отъ московскихъ царей императрица восприняла идею, что Россія—наслѣдница Византіи, и что поэтому Царьградъ долженъ быть русскимъ городомъ; такое заключеніе ей навязывала и ея восточная политика. Такъ складывался новый, «націоналистическій» курсъ ея внутренней и внѣшней политики. Этому пониманію русской жизни она находила поддержку у многихъ русскихъ людей той эпохи, самостоятельно приходившихъ къ выводу, что «у насъ все лучше», и «мы больше люди, нежели нѣмцы» (Фонвизинъ), что заграничная жизнь «генерально хуже нашего» (онъ же). Екатерина теперь начала печатно доказывать, что «люди вездѣ люди». «Въ Россіи люди такіе же, какъ и повсюду: ни вполнѣ хороши, ни вполнѣ дурны». Затѣмъ она, недавно еще хотѣвшая прельстить русскихъ дикарей свѣтлыми сторонами западноевропейской культурной жизни, теперь стала тщательно выискивать темныя пятна въ этой жизни и однажды закончила перечисленіе выгодъ русской жизни словами: «русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и обезпеченнѣе, чѣмъ французскій; русскіе чиновники на сотую долю не такіе тираны, какъ чиновники французскаго короля; нѣтъ страны, въ которой жизнь и имущество подданныхъ были бы ограждены большими формальностями, чѣмъ въ Россіи; граждане наименѣе стѣснены, наименѣе подвержены мелочнымъ придиркамъ». Инте-

ресъ императрицы къ прошлому привелъ ее также къ покровительству историческимъ работамъ. Она сама написала исторію Россіи и поощряла другихъ.

Кн. Щербатовъ.

Другимъ публицистомъ въ этомъ направленіи былъ *кн. Щербатовъ*. Его также выдвинула императрица, но въ немъ она скоро разочаровалась: это былъ слишкомъ критическій умъ, который одинаково строго относился ко всѣмъ системамъ правленія,—вездѣ умѣлъ находить недостатки и кончилъ тѣмъ, что, исходя изъ стараго, сталъ не оправдывать, а изобличать свое время, чего Екатеринѣ вовсе не требовалось. Ни защиты православія, ни самодержавія отъ него Екатерина не дождалась, зато натолкнулась на такія дворянскія тенденціи, которыя шли дальше даже ея реакціонныхъ взглядовъ. Во всякомъ случаѣ, личность Щербатова интересна для характеристики эпохи. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ онъ касался общихъ началъ государственнаго права и примѣненія ихъ къ Россіи, положенія церкви въ государствѣ, взаимныхъ отношеній сословныхъ группъ и ихъ правъ передъ властью, вопросовъ суда и управленія, внѣшней политики правительства, практики рекрутскихъ наборовъ, народнаго образованія, мѣръ противъ эпидемій... Эта ширина интересовъ русскаго интеллигента даетъ намъ понятіе о томъ, какъ въ Екатерининскую эпоху углубилось самосознаніе русскаго общества. Почти на всякую крупную мѣру правительства Екатерины, почти на всѣ стороны общественной жизни обрушивалась его рѣзкая, нерѣдко даже желчная и придирчивая критика. Будучи масономъ, онъ началъ съ религіи деизма и борьбы съ атеизмомъ; сторонникъ ученія естественнаго права, онъ въ отношеніяхъ между властью и подданными стоялъ на точкѣ зрѣнія Монтескье. Въ своемъ романѣ «Путешествіе въ Офирскую землю», онъ нарисовалъ намъ идеальное государство, въ которомъ власть монарха ограничена законами и именитымъ дворянствомъ. Поклонникъ политики Курбскаго, онъ не могъ, конечно, восторгаться самовластіемъ Петра, но онъ былъ покоренъ величіемъ его личности. Петръ, въ его глазахъ,—не идеалъ государя, но великій монархъ, передъ которымъ очень маленькой казалась ему Екатерина. Онъ зло иронизировалъ надъ современниками, которые равняли эти два имени.

Отношеніе его къ Екатеринѣ.

Въ Екатеринѣ онъ не пощадилъ ни правительницы, ни частнаго человѣка: неуваженіе къ законамъ, произволъ власти—вотъ, по его мнѣнію, въ чемъ ея главная вина. Сотрудниковъ царицы называлъ онъ «чудовищами», созданными на несчастіе и на погибель ихъ согражданъ. Отсутствіе гласности, придворные происки, продажность суда и администраціи, разореніе народа, угнетеннаго податями и неправдами правленія, упадокъ вѣры и нравовъ, безвѣріе и развратъ семейной и личной жизни,—вотъ, частности той мрачной картины, которую, въ его глазахъ, представляла екатерининская Россія, когда онъ ее сравниваетъ съ допетровскою Русью. Но онъ требовалъ сохраненія крѣпостного права, стоялъ за смертную казнь. Такъ пестро—изъ политическаго свободомыслія, узкосословнаго эгоизма и рѣзко выраженнаго критицизма и консерватизма слагались его политическіе идеалы. Начавъ съ солидарности въ религіозныхъ и политическихъ взглядахъ съ императрицей, онъ впослѣдствіи перешелъ къ боевому

православію, обличающему слишкомъ разсудочную вѣру Екатерины,—отъ монархіи въ духѣ Монтескье онъ вернулся къ старой боярской Москвѣ; отъ вѣры въ «просвѣщенный абсолютизмъ» и въ реформу свыше, онъ обратился къ обличенію этого порядка, видя результаты его въ одномъ «поврежденіи нравовъ».

Необходимо прибавить, что многія сочиненія Щербатова въ печати при Екатеринѣ не появлялись и увидѣли свѣтъ позднѣе,—нѣкоторыя даже лишь въ наши дни. Во всякомъ случаѣ, не зная сочиненій Щербатова, Екатерина, очевидно, знала его самого, его взгляды...

Болтинъ. Другимъ публицистомъ-націоналистомъ былъ *Болтинъ*. Онъ вполнѣ отвѣтилъ желаніямъ Екатерины, выступивъ въ роли защитника русскихъ порядковъ «противъ заграничныхъ клеветниковъ» и противъ кн. Щербатова.

Возражая на нападенія западныхъ обличителей, онъ первый у насъ указалъ на то, что къ суду надъ жизнью страны надо примѣнять всякій разъ свою особую мѣрку,—нельзя судить Россію, стоя только на точкѣ зрѣнія западноевропейской цивилизаціи,—надо считаться съ національными отличіями русскихъ отъ западноевропейцевъ... Причины этихъ отличій, съ его точки зрѣнія: дѣйствіе почвы и климата. Съ такой точки зрѣнія «недостатки» русскихъ, въ его глазахъ, не только объяснялись и оправдывались, но многіе изъ этихъ «недостатковъ» даже оказывались «достоинствами». Отсюда вытекаетъ требованіе Болтина уважать существующіе порядки: по его мнѣнію, они разумны, такъ какъ сложились подъ вліяніемъ причинъ историческихъ и физическихъ. Поэтому—ломка «нравовъ», политика «просвѣщеннаго абсолютизма» представлялись ему большимъ историческимъ грѣхомъ. Такое признаніе правъ русскаго народа на самостоятельное и своеобразное существованіе было большимъ завоеваніемъ русской мысли,—это было новымъ доказательствомъ того, какъ энергично работало національное русское сознаніе.

Фонвизинъ. § 66. Интересны также націоналистическіе взгляды *Фонвизина* на западъ, такъ долго служившіе намъ образцомъ. Эти взгляды сложились у него подъ конецъ жизни, послѣ тѣхъ страстныхъ обличеній русской дѣйствительности, съ которыхъ онъ началъ свое поприще. Такимъ образомъ, начавъ съ преклоненія передъ Франціей и Вольтеромъ, онъ кончилъ рѣзкимъ приговоромъ своимъ юношескимъ увлеченіямъ. «Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи», сказалъ онъ однажды. Во Франціи онъ увидалъ «болѣе худого, чѣмъ хорошаго»,—и въ письмахъ изъ Франціи онъ разразился горячими нападками на невѣжество, легкомысліе, безнравственность французовъ, на дикое соединеніе въ ихъ міросозерцаніи суевѣрія съ вольнодумствомъ. По его словамъ, легкомысліе привело французовъ къ тому, что «вѣжливость замѣнила имъ добродѣтель». «Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастіемъ своей жизни,—ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ веселится»,—говоритъ онъ. Не менѣе злы его обличенія распущенности французовъ, указанія на отсутствіе у нихъ нравственныхъ идеаловъ. По его словамъ, «point d'honneur замѣнилъ у нихъ дружбу, родство, честь, благодарность». Въ такомъ духѣ и другія его обличенія

жизни и учрежденій Франціи. Если во всѣхъ этихъ отзывахъ и сказалось сильное литературное вліяніе Руссо и другихъ публицистовъ, то много, очевидно, было сдѣлано и самостоятельныхъ наблюденій. Къ «философамъ» французскимъ отнесся онъ тоже безъ всякаго уваженія. Къ нѣмцамъ Фонвизинъ отнесся сочувственнѣе: «нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ нѣмцами, нежели съ ними»,—говоритъ онъ. «Тѣмъ не менѣе,—заканчивалъ онъ—у насъ въ Россіи все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы».—Таковъ былъ конечный результатъ его сравненій Россіи съ западомъ.

Отзывъ Фонвизина о жизни запада для насъ очень цѣненъ: въ его лицѣ русская народность судила Европу съ высоты собственнаго самосознанія, даже съ высоты нѣкотораго національнаго самомнѣнія.

Въ лицѣ этихъ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей мы видимъ наиболѣе яркихъ представителей различныхъ теченій тогдашней русской мысли; за ними, конечно, стояли сотни, быть можетъ, даже тысячи тогдашнихъ менѣе крупныхъ интеллигентовъ.

Общественный характеръ русской мысли въ эту эпоху.

Главная особенность всѣхъ этихъ настроеній—*общественный* ихъ характеръ: отъ критики русской дѣйствительности, бодрой у однихъ, легкомысленной у другихъ, мы въ екатерининскую эпоху перешли къ разочарованію, провозгласили даже возвращеніе къ идеаламъ московской Руси. Борьба «западниковъ» и «славянофиловъ» начала складываться въ эту тяжелую минуту первыхъ сомнѣній и колебаній молодой русской интеллигенціи.

Какъ бы тамъ ни было, но эпоха екатерининская цѣнна въ томъ отношеніи, что съ нею кончается *петербургскій* періодъ въ исторіи русской культуры,—Москва, а съ нею и вся русская провинція противопоставляютъ теперь свои оппозиціонные взгляды Петербургу и его политикѣ. Послѣ Екатерины начинается *общерусскій* періодъ нашей исторіи.

М. М. Херасковъ (1733—1807).

Біографія Хераскова.

§ 67. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ родился въ 1733 году; воспитывался онъ въ Шляхетномъ сухопутномъ корпусѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ Сумарокова, пристрастился къ литературнымъ занятіямъ. Недолго побылъ онъ въ военной службѣ, затѣмъ поступилъ ассесоромъ въ Московскій университетъ. Съ университетомъ связана была и вся его дальнѣйшая служба, и его общественно-литературная дѣятельность. Онъ управлялъ и университетской типографіей. Потомъ, съ 1763 г., былъ директоромъ университета, а съ 1778 по 1801 г.—его кураторомъ. Здѣсь, въ Москвѣ, написаны всѣ его лучшія произведенія, которыя принесли ему славу первокласснаго русскаго писателя. Подобно многимъ своимъ современникамъ, Херасковъ увлекался въ юности французской философіей, взявъ у нея все лучшее—гуманные взгляды на человѣка, терпимость въ религіозныхъ вопросахъ и широкій либерализмъ... Херасковъ писалъ много различныхъ произведеній,—сочинялъ оды, трагедіи, комедіи, эпопеи, романы политическіе... Мягкій по натурѣ и общительный, благожелательный

ко всѣмъ, особенно къ молодежи, онъ сумѣлъ сблизиться съ нѣкоторыми даровитыми студентами, поддержалъ ихъ первые литературные опыты и, съ ихъ помощью, издавалъ нѣсколько журналовъ («Полезное Увеселеніе», «Свободные Часы»). Изъ его юныхъ сотрудниковъ выработалось впослѣдствіе немало полезныхъ тружениковъ-писателей (Богдановичъ, Фонвизинъ и др.). Въ 1775 г. Херасковъ сдѣлался масономъ, другомъ и покровителемъ Новикова и Шварца, и, въ качествѣ куратора университета, много помогалъ распространенію ихъ дѣятельности. Масонство наложило на его міросозерцаніе мистико-религіозный оттѣнокъ,—отъ увлеченія французской философіей онъ рѣшительно отказался.

„Оды“ Хераскова.

Его „оды“ дѣлятся на „торжественныя“, „анакреонтическія“, „нравоучительныя“, и къ нимъ же относятся его „духовные гимны“ („разныя сочиненія“). Въ одахъ перваго типа онъ восхвалялъ Екатерину и Павла со дня ихъ восшествія на престолъ (дни коронаціи, празднованіе побѣдъ и т. д.). Оды эти чужды паѳоса Ломоносова. Херасковъ самъ признавалъ это:

„Не такъ мой строенъ гласъ и пышенъ,
Не будетъ онъ вселенной слышенъ!

Характеръ этихъ одъ.

За то всѣ его оды написаны тепло и прочувствованно; онъ воспѣваетъ Екатерину не отъ своего имени, а отъ имени „общества“; воспѣваетъ ее безъ паѳоса, скорѣе съ умиленіемъ, видя въ ней не „полубога“, а „мать отечества“. Заботы объ исправленіи законовъ, о правдѣ и безпристрастіи въ судахъ, заботы о народномъ образованіи (учрежденіе Смольнаго института, Коммерческаго училища и др.), о сиротахъ (учрежденіе Воспитательнаго дома)—вотъ, въ чемъ, по его мнѣнію, величіе Россіи при Екатеринѣ,—вотъ, въ чемъ выразился „златой вѣкъ“, который „принесенъ былъ къ намъ Минервой“.

Оды его иногда переходятъ въ молитву за Екатерину, часто сбиваются на „описаніе“ и „повѣствованіе“. Изъ описаній любимый образъ его—появленіе весны—аллегорія, подъ которой надо подразумѣвать, очевидно, воцареніе Екатерины.

Религіозное и философское ихъ содержаніе.

Болѣе содержательны другія его лирическія произведенія. Будучи масономъ, онъ выразилъ въ нихъ религіозныя и философскія вѣрованія свои и своихъ друзей. Такъ, онъ призналъ вмѣстѣ съ ними суетность земной жизни, ничтожество разума; съ ними онъ пережилъ разочарованіе въ радостяхъ бытія,—вся земная жизнь предстала передъ нимъ, какъ не имѣющая никакой цѣны. Одно спасеніе для него—мысль о Богѣ и жизнь въ Богѣ. „Правда“ и „взысканіе Бога“—вотъ пути къ возможному счастію.

Отсюда въ его поэзіи—вѣра въ безсмертіе души, отвращеніе къ скептицизму и матеріализму, отсюда—идея о торжествѣ праведныхъ, апоѳеозъ „чистыхъ сердцемъ“...

Природа воспѣта имъ, какъ „зеркало Божіе“:

„Природа“ въ одахъ Хераскова.

Отверзлась мнѣ завѣса міра!
Въ восторгѣ духъ, трепещетъ лира,—
Молчу, дивлюся и пою!
Средь тысящи міровъ стою,
На небо обращаю взгляды,
Висятъ горящія лампады,
Струями разливаютъ свѣтъ:
О, коль видѣнія любезны!
Звѣздами полны вижу бездны.
Се—градъ, гдѣ Царь Царей живетъ!

Въ природѣ увидѣлъ онъ—„жизнь“.

И въ мірѣ міръ другой живетъ!

Онъ почувствовалъ трепетаніе этой „міровой жизни“ въ „древахъ, въ лугахъ, въ поляхъ“, въ источникахъ... Своими глазами онъ увидѣлъ Природу на престолѣ, замѣтилъ присутствіе въ мірѣ „души“, вѣчное кипѣніе жизненныхъ силъ, узрѣлъ Бога въ Его твореніи... Онъ не остановился даже передъ признаніемъ, что душа Бога разлита въ „натурѣ“.

Такое пониманіе системы мірозданія вело его къ убѣжденію, что —

„Богъ“ въ одахъ Хераскова.

„Богъ свое творенье любитъ:
Храня порядокъ въ мірѣ семъ,
Безъ нужды праха не погубитъ—
Ни капли водъ, ни травки въ немъ!
Все къ лучшему концу стремится;
Чтò кажется нестройствомъ намъ,
То къ пользѣ служитъ всей вселенной!

Непостижимость Бога, Его величіе, Его милосердіе всепрощающее— любимый мотивъ гимновъ Хераскова, въ которыхъ звучитъ высокое примиреніе души и ея очищеніе близостью къ Богу. Такое содержаніе пѣсней Хераскова естественно приблизило его къ поэзіи св. Писанія; и, дѣйствительно, онъ широко пользуется образами и идеями, почерпнутыми оттуда. Но можно съ увѣренностью сказать, что его искреннее религіозное вдохновеніе порою и само находило себѣ образы, картины и языкъ, подходящіе къ высотѣ его настроеній. Конечно, онъ находился, кромѣ того, подъ вліяніемъ масонскихъ пѣсенъ, привезенныхъ къ намъ изъ-за границы. Повидимому, и самъ онъ сочинялъ такіе гимны, которые пѣлись потомъ въ собраніяхъ русскихъ масоновъ.

Вліяніе поэзіи св. Писанія на его оды.

„Правоучительныя“ оды; опредѣленіе имъ его поэзіи.

Въ своихъ „нравоучительныхъ“ одахъ онъ проповѣдывалъ „воспитаніе души“, „величіе добродѣтели“, „преодолѣваніе страстей“, „разумъ, умѣрённый вѣрой“. Въ этихъ же одахъ вполнѣ высказалъ онъ пониманіе своей поэзіи. Его лира „проста“, но, по его признанію, „своею простотою и искренностью она можетъ утѣшить болѣе, чѣмъ громкія струны и пышныя слова“. Его пѣніе безхитростно,—онъ не льстилъ себя надеждой сравняться съ Гомеромъ, Овидіемъ, даже Анакреономъ: цѣль его—„съ забавой мѣшать общую пользу и пѣть простымъ слогомъ“. Скромный въ оцѣнкѣ своихъ достоинствъ, онъ вѣрно понялъ величіе истинной поэзіи.

Интимная лирика Хераскова.

Въ интимной лирикѣ Херасковъ не прочь былъ порою посентиментальничать,—отъ него осталось нѣсколько трогательныхъ любовныхъ стихотвореній; такимъ образомъ, иногда и онъ могъ быть „эхомъ свирѣлокъ“ Анакреона. „Гремящей лиры пѣсни“ ему нравились менѣе, чѣмъ тихія пѣсни нѣжнаго сердца.

„Мнѣ тихое вздыханье
Стенящихъ горлицъ мило,
Мнѣ тихіе потоки,
Мнѣ рощи, мнѣ долины
Пріятнѣй лирна гласа!

Чувствительность этой лирики

Эти мирныя, сентиментальныя настроенія вызывали у него нерѣдко „слезы“,—и тогда онъ переживалъ въ „нѣжномъ сердцѣ“ своемъ тѣ чувства, „которыя природны на свѣтѣ человѣкамъ“. Восхвалялъ онъ и природу, и жизнь на лонѣ ея, вдали отъ суетнаго города. Его идеалъ:

„Люби, люби науки,
А паче добродѣтель.
Люби ты общу пользу,
Безумнымъ людямъ смѣйся,
Порочныхъ удаляйся,
А злыхъ не опасайся!

Элементы ложноклассицизма въ одахъ Хераскова.

„Ложноклассицизмъ“ Хераскова сказался въ одахъ „торжественныхъ“—въ воззваніяхъ поэта къ „музамъ“, къ „Фебу“, въ употребленіи именъ античныхъ боговъ, сказался онъ и въ подражаніяхъ Анакреону, но примѣсь классицизма въ произведеніяхъ Хераскова очень незначительна: идеализмъ мистическаго христіанства господствовалъ въ его поэзіи.

Ложноклассическая эпопея. а) на западѣ.

§ 68. Кромѣ лирики, псевдоклассицизмъ отразился у насъ въ эту эпоху и въ попыткахъ создать *эпопею*.

«Илліада», «Одиссея» и, особенно, «Энеида» сдѣлались образцами, съ которыхъ ложноклассики копировали свои «героическія поэмы». То,

что̀ давно умерло (міросозерцаніе древняго грека, его вѣра), того возсоздать было невозможно,—и, вотъ, осталось копировать *форму* старой поэмы (литературные пріемы, построеніе) и *содержаніе* (великое событіе, охватившее цѣлую эпоху, вмѣшательство боговъ, участіе исключительно героевъ и царей). Такое подражаніе сдѣлалось обязательнымъ для этой новой «ложно-классической поэмы».

Наиболѣе удачной изъ «ложно-классическихъ поэмъ былъ «Освобожденный Іерусалимъ» Тассо. Въ своемъ предисловіи авторъ такъ опредѣлилъ обязательное содержаніе всякой эпопеи: «тамъ должны быть вмѣстѣ и морскія сраженія, и взятія городовъ, и поединки, картины жажды и голода, бури, пожары и чудеса, собранія небесныхъ и адскихъ духовъ для совѣщанія, мятежи, раздоры, всякаго рода приключенія, волшебства, жестокости, смѣлыя дѣла, примѣры счастливой и несчастной любви, ея скорбей и радостей и, несмотря на все это разнообразіе, поэма должна быть едина въ своемъ складѣ, въ своей фабулѣ и такъ связана во всѣхъ своихъ частяхъ, чтобы одна часть соотносилась съ другой, одна другой соотвѣтствовала».

Время Вольтера не могло удовольствоваться только «приключеніями» героевъ—нужна была также «идея», отвѣчавшая боевымъ интересамъ эпохи. «Генріада» Вольтера и была такой «политической» поэмой, хотя и широко охватившей интересы эпохи, выросшей на канвѣ ложно-классическихъ поэмъ. Охлажденіе къ героическимъ эпопеямъ выразилось въ XVIII в.—1) въ процвѣтаніи «герое-комической» поэмы (burlesque), образцы которой встрѣчаются еще у древнихъ грековъ («Ватрахоміомахія»— «Война мышей и лягушекъ»),—2) въ увлеченіи «пародіями» на старыя героическія поэмы («травестированіе»).

б) въ Россіи.

Ломоносовъ и Тредіаковскій пытались воспѣть въ поэмѣ Петра Великаго, но изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Счастливѣе былъ Херасковъ, выбравшій другіе сюжеты для своихъ поэмъ— взятіе Казани („Россіада“, 1779) и крещеніе Руси („Владиміръ“, 1785).

Поэмы Хераскова.

„Россіада“.

Свою „Россіаду“ [1]) Херасковъ самъ сближаетъ съ „Генріадой“ Вольтера,— ему хотѣлось воспѣть Іоанна IV, какъ образцоваго государя“, одинаково славнаго во время мира и войны. Историческое значеніе взятія Казани писателемъ преувеличено— въ этомъ событіи онъ увидѣлъ освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига. Образъ Грознаго идеализированъ до неузнаваемости; даже нѣкоторые опричники его, участвующіе въ походѣ подъ Казань (анахронизмъ), представлены поэтомъ, какъ „цвѣтъ Іоаннова войска“.

Тенденціозность этихъ поэмъ.

Обѣ поэмы Хераскова отразили на себѣ характерныя черты XVIII вѣка, съ его утилитарнымъ взглядомъ на поэзію: онѣ

---

[1]) Ист. Хрест. I, 429.

должны были служить проведенію извѣстныхъ идей въ среду читателей. Вотъ почему Херасковъ, подражавшій Тассо, въ то же время, очень близокъ къ тенденціозному творчеству Вольтера.

Нравоучительныя тенденціи въ „Россіадѣ“.

Нравоучительныя идеи пронизываютъ всю «Россіаду»: главная мысль поэмы—торжество добродѣтели надъ зломъ и—правой вѣры надъ магометанствомъ. Примѣры нравственно-доблестныхъ дѣлъ особенно долго останавливаютъ на себѣ вниманіе автора.

Политическіе взгляды Хераскова.

Слѣдуя за Вольтеромъ, не можетъ авторъ удержаться и отъ критики существующихъ порядковъ. Эта критика разсѣяна въ разныхъ мѣстахъ поэмы,—сказывается она и въ отзывахъ Адашева о придворныхъ льстецахъ, и въ томъ наставленіи, которое преподается Іоанну тѣнью князя Александра Тверского:

„Ты властенъ все творить!“—тебѣ вѣщаетъ лесть:
„Ты—рабъ отечества!“—вѣщаютъ долгъ и честь.

Энергично возстаетъ Херасковъ противъ войны, съ ея кровопролитіемъ, стоитъ за духовное равенство людей, говоритъ о тщетѣ земного величія и о суетѣ земной жизни. Въ этихъ рѣчахъ мы узнаемъ Хераскова-масона, автора «философскихъ одъ».

Мистицизмъ и фантастика въ поэмѣ Хераскова.

Слѣдуя примѣру своихъ литературныхъ образцовъ, онъ свободно вводитъ въ свою поэму мистику и фантастику. Царю являются видѣнія: св. Александръ Тверской, св. Софія. Таинственный старецъ даетъ ему чудесный щитъ. Свв. Борисъ и Глѣбъ помогаютъ русскимъ во время боя. Казанская царица Сумбека представлена чародѣйкой. Ввелъ въ свою поэму авторъ дѣйствующими лицами и «олицетворенія»: «Безбожіе», «Корыстолюбіе», «Стыдъ», «Зиму»...

Въ сраженіи подъ Казанью участіе принимаютъ Богъ, ангелы, Магометъ, языческіе боги, «олицетворенія», волшебники... Эта странная смѣсь разнообразныхъ литературныхъ элементовъ есть результатъ поздняго происхожденія нашей поэмы: она явилась результатомъ интересовъ автора и къ классицизму, и къ волшебнымъ сказкамъ XVIII в., и къ рыцарскимъ романамъ.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Дѣйствующія лица въ поэмѣ очерчены бѣгло и неясно. Особенно неудачно обрисованы лица вымышленныя, живѣе—историческія (Адашевъ, Курбскій, самъ Іоаннъ), хотя иногда далеко несоотвѣтственно истинѣ. Вліяніе готовыхъ литературныхъ образовъ сказалось на обрисовкѣ героевъ: самъ Іоаннъ похожъ на Энея (герой «Энеиды») и Годфрида («Освобожденный Іерусалимъ»), кн. Курбскій—на Ринальда, Сумбека—на Дидону и Армиду. Искренній патріотизмъ Хераскова скрашиваетъ холодность его поэмы, происшедшую отъ искусственности замысла.

Поэма „Владиміръ“, ея тенденціи.

Другая поэма его «Владиміръ» уже далеко отошла отъ героической поэмы и ложнаго классицизма. Это—«символическое» произведеніе писателя-масона. Въ предисловіи самъ авторъ предлагаетъ не смотрѣть на его произведеніе, какъ на поэму, «гдѣ, по большей части, битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются, но читать, какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во

мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ, преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается». Словомъ, это—исторія «грѣшной души», нашедшей путь къ спасенію. Содержаніе поэмы слѣдующее:

Варягъ-христіанинъ приводитъ Владиміра къ христіанству. Жрецы возмущаютъ народъ, который и убиваетъ варяга съ сыномъ. Чародѣй Зломіръ, по совѣту боговъ Перуна и Лады, рѣшается вернуть Владиміра къ вѣрѣ предковъ, запутавъ его въ любовныя сѣти. Владиміръ влюбяется въ христіанку—Версону, у которой уже есть женихъ Законестъ. Но послѣ борьбы надъ собой князь побѣждаетъ соблазнъ. Счастливая чета живетъ въ уединеніи; Владиміръ рѣшается ихъ провѣдать. Старецъ Идолемъ вручаетъ ему чудесный свѣтильникъ, спасающій отъ соблазновъ. Послѣ многихъ испытаній и искушеній, Владиміръ, при помощи апостола Андрея, кончаетъ свой трудный путь и возвращается въ Кіевъ. Здѣсь его ждетъ проповѣдь Кира, пастыря вѣрныхъ душъ. Слѣдуетъ разсказъ о походѣ на Корсунь, рядъ новыхъ испытаній, наконецъ, крещеніе и бракъ съ царевной Анной. Содержаніе поэмы.

Владиміръ обрисованъ, какъ грѣшникъ, довольно сдержанно; какъ правитель, онъ идеализированъ въ духѣ XVIII-го вѣка. Придя къ сознанію, что все на землѣ преходяще и тлѣнно, побѣдивъ свою плоть, князь просвѣтляется. Характеристика героя.

Въ этой поэмѣ «аллегорія» тоже выразилась очень сильно. «Ненависть», «Фанатизмъ», «Скептицизмъ», «Умственность»—введены въ число лицъ дѣйствующихъ. Вмѣстѣ съ масонами, Херасковъ возставалъ противъ «безвѣрія» Вольтера,—поэтому возсталъ онъ и противъ «скептицизма». Аллегорія въ поэмѣ.

„О! кто чудовище такое породилъ?
Кто ввелъ его въ сердца и въ мысляхъ расплодилъ?“

Еще рѣзче очерчена «Умственность» здѣшняго міра,—та неумѣренная пытливость ума, которая нѣкогда погубила Адама.

Увлеченіе масонствомъ заставило Хераскова ввести въ поэму алхимію, астрологію и магію. Философскія и нравственныя идеи масонства о тщетѣ и суетности земныхъ временныхъ благъ и земной славы, о непорочности и чистотѣ сердца, также усиленно проводятся въ поэмѣ. Вліяніе масонства на поэму.

Въ области *драмы* Херасковъ былъ ученикомъ Сумарокова, впрочемъ, самостоятельнымъ и вскорѣ далеко отошедшимъ отъ учителя. Въ 1759 году онъ перевелъ корнелевскаго „Сида“ (подъ названіемъ: „Цидъ“). Въ 1758 году сочинена была имъ трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ: „Венеціанская монахиня“; въ 1765 году—трагедія „Пламена“, въ 1767—„Мартирія и Фалестра“, въ 1777—„Бориславъ“, въ 1782—„Идолопоклонники, или Горислава“. Останавливаться на разборѣ этихъ трагедій не стоитъ, хотя нельзя не отмѣтить того факта, что Херасковъ, отходя Херасковъ, какъ драматургъ.

постепенно въ своихъ трагедіяхъ отъ типа псевдоклассическихъ, сталъ подходить къ новому роду пьесъ—„слезнымъ драмамъ“ [1]).

Херасковъ—сочинитель „слезныхъ драмъ“.

Къ произведеніямъ этого рода относятся его драмы: „Другъ несчастныхъ“, „Гонимые“, „Милана“, „Школа добродѣтели“, „Извинительная ревность“. Для образца, можно привести содержаніе драмы: „Другъ несчастныхъ“.

Содержаніе драмы: „Другъ несчастныхъ“.

Дѣйствіе первое. Явл. 1-е (Театръ представляетъ горницу, гдѣ видна сущая бѣдность: вдали за ветхимъ завѣсомъ колыбель и пукъ соломы, на которой лежатъ два мальчика; посреди горницы—прялки).

Милана: Заря уже началась; скоро солнце, къ большему нашему огорченію, всю нашу бѣдность освѣтитъ—оно отгонитъ сонъ отъ гладомъ утомленныхъ моихъ несчастныхъ братьевъ!.. Ахъ! спите, бѣдные младенцы, и лучше спите вѣчно, чѣмъ для слезъ и страданья пробуждаться! Мы сей день будемъ безъ пищи» и т. д., слѣдуетъ рядъ обращеній къ умершей матери, къ братьямъ, которые сквозь сонъ стонутъ отъ голода, патетическія восклицанія о тѣхъ униженіяхъ, что приноситъ бѣдность. Потомъ является Зелитъ, неумолимый заимодавецъ, и требуетъ денегъ, въ противномъ случаѣ грозя увести въ тюрьму Милану. Ея мольбы не приводятъ ни къ чему.

Зелитъ. Ступай-ка съ благородными мыслями въ каторжную работу! (Тащитъ ее).

Милана (обороняясь). Постой! постой, беззаконный человѣкъ! дай мнѣ свободу... Я заплачу твой долгъ! Она освобождается отъ тюрьмы, отдавъ ему заповѣдный медальонъ).

Потомъ Милана произноситъ монологъ. Является отецъ ея, Памфилъ, добродѣтельный старецъ, который, чтобы добыть хлѣбъ, только что ограбилъ прохожаго. Онъ удрученъ стыдомъ; Милана тоже, — она убѣждаетъ отца вернутъ добытое преступленіемъ. Появляется Пречестъ, судья города, ограбленный Памфиломъ, въ сопровожденіи полиціи. Онъ пораженъ бѣдностью обстановки.

Милана (безъ памяти упавъ на скамью). Увы! мы погибли!

Памфилъ (на колѣни бросаясь). Исполняй строгость закона надо мною: я на смерть готовъ! Всѣ несчастія со мною совершились!

Пречестъ. Старикъ рыдаетъ, дѣвица въ безпамятствѣ!.. вездѣ бѣдность видна: какое плачевное позорище! (Памфилъ арестованъ и уведенъ. Голодныя дѣти прибѣгаютъ къ Миланѣ и просятъ ѣсть. Пречестъ тронутъ и красотою Миланы и жалостью къ ихъ положенію).

Кончается пьеса благополучно: Милана оказывается не дочь Памфила, а его воспитанница. Ея отецъ, богачъ, отыскался. — Пречестъ, въ нее влюбленный, встрѣчаетъ съ ея стороны взаимность. Памфилъ освобожденъ.

---

[1]) О „слезной драмѣ“ см. ниже въ отдѣлѣ „*Сентиментально-реалистическое направленіе*“. Первое появленіе у насъ слезной драмы вызвало негодованіе Сумарокова, строгаго классика по вкусамъ, а затѣмъ полемику между петербургскими и московскими журналами, причемъ послѣдніе отстаивали новшество.

Интересно это произведеніе въ идейномъ отношеніи—оно затрагиваетъ тотъ вопросъ, что разрѣшенъ былъ позднѣе Достоевскимъ въ «Преступленіи и наказаніи» (преступленіе отъ бѣдности).

Того же типа и всѣ другія «драмы»,—вездѣ изображены трогательныя страданія добродѣтельныхъ людей, или людей не дурныхъ, но слабыхъ. Духомъ всепрощенія и милосердія, духомъ *гуманности* проникнуты эти произведенія,—въ этомъ ихъ значеніе, то «новое слово», которое ими внесено было на русскую сцену, до того оглушавшую слушателя только трескучими тирадами о героическихъ добродѣтеляхъ.

§ 70. Псевдоклассическій романъ есть подражаніе роману греческому и находится къ нему въ такомъ отношеніи, въ какомъ псевдоклассическая трагедія—къ трагедіи античной. Псевдоклассическій романъ.

«Ложь» этого романа сказалась въ томъ, что, сохраняя «форму» классическаго романа, имена героевъ и географическія названія, авантюрную схему построенія (цѣпь приключеній героя и героини, разлученныхъ «судьбой»—«злой фортуной»), тѣ же пріемы творчества (монологи, патетическія воззванія), тѣ же «общія мѣста» (буря, кораблекрушеніе, разбойники, рабство героя, или героини, разлука, узнаніе героевъ и счастіе ихъ въ концѣ),—онъ отразилъ на себѣ чуждыя греческому роману придворно-рыцарскія черты (герой романа сдѣлался «кавалеромъ», героиня—«дамой»); отношенія между ними приняли характеръ рыцарской и придворной «courtoisie», жеманности (préciosité) и сентиментальности. а) на западѣ. Этотъ романъ имѣлъ громадное вліяніе на всю европейскую литературу,—вездѣ переводился и вызывалъ подражанія. Онъ дѣлился на слѣдующіе виды: 1) галантный-придворный романъ, героемъ котораго является «кавалеръ», и главнымъ содержаніемъ—«любовь» художественное развитіе извѣстнаго политическаго міросозерцанія.

Въ Россіи этотъ типъ романа имѣлъ въ XVIII в. громадный успѣхъ. б) въ Россіи. Съ нимъ предки наши познакомились еще въ Петровскую эпоху, и особенно въ Елизаветинскую, когда онъ сталъ распространяться сперва въ рукописныхъ переводахъ, а потомъ въ печатныхъ; къ Екатерининской эпохѣ относятся первыя попытки создать у насъ оригинальный романъ этого типа.

Первый такой романъ сочиненъ у насъ Ѳ. Эминомъ: „Непостоянная фортуна, или похожденіе Мирамонда“ (1-ое изд. въ 1763 г.). „Дабы подвигнуть нѣжныя сердца къ соболѣзнованію о нашихъ несчастіяхъ“, авторъ подробно описалъ „несносные непостоянной фортуны удары“, обрушившіеся на героя. Романы Ѳ. Эмина: 1) „Непостоянная фортуна“.

Герой—добродѣтельный, идеальный человѣкъ, по волѣ «рока», изъ Турціи попадаетъ на Мальту, потомъ въ Морокко, въ Португалію, въ Англію, въ Египетъ, въ Италію, въ Австрію, въ Польшу, во Францію, наконецъ опять въ Египетъ; изъ богатаго турка онъ дѣлается рабомъ, лакеемъ, муллою, полководцемъ, потомъ попадаетъ въ тюрьму, опять дѣлается полководцемъ и женихомъ дочери султана, изгоняется изъ города,

пустынникомъ живетъ вдали отъ житейскаго шума, дѣлается православнымъ и, наконецъ, женится на своей возлюбленной. Такимъ образомъ, герой пробивается черезъ длинный рядъ всевозможныхъ опасностей и приключеній. «Какія гоненія онъ, проходя сею землею, претерпѣвалъ, восклицаетъ въ ужасѣ авторъ, того описать никакое перо обстоятельно не можетъ!»... Тюрьма, рабство, кораблекрушенія, битвы, возвышенная чистая любовь, страданія отъ клеветы, все это знакомо несчастному герою!..

Вставныя повѣсти, письма, «философскія» размышленія, сентиментальныя мечты и восклицанія вошли въ это произведеніе Эмина. Герой, вынесшій изъ борьбы съ искушеніями свое добродѣтельное сердце цѣлымъ и чистымъ, конечно, оказывается, въ концѣ концовъ, счастливымъ: «постоянная терпѣливость побѣждаетъ всѣ сего свѣта гоненія». Въ заключеніе, авторъ обращается съ наставленіемъ къ читателю: «Прошу и увѣщеваю тебя, имѣй сожалѣніе о бѣдныхъ, ибо предвидѣть того не можешь, что̀ завтра съ тобою статься можетъ: всѣ мы у судьбины равны».

2) „Приключенія Θемистокла“.

Второй романъ Эмина: „Приключенія Θемистокла“ (1763 г.) относится къ типу „политическихъ“ романовъ. Изгнанный изъ отечества, Θемистоклъ скитается съ сыномъ по разнымъ странамъ и попутно критикуетъ разныя формы правленія и злоупотребленія государственной жизни разныхъ странъ.

Романы Хераскова: 1) „Нума“.

Романы Хераскова совершенно другого характера. Въ первомъ его произведеніи: „Нума, или процвѣтающій Римъ“ (1-ое изд. 1768 г.)—псевдоклассическій романъ соединяется съ политическимъ и, пожалуй даже, аллегорическимъ: это—краснорѣчивая проповѣдь по адресу Екатерины о томъ, какъ должно управлять государствомъ.

Содержаніе повѣсти.

Сюжетъ взятъ изъ первыхъ временъ римской исторіи, но, повидимому, все произведеніе есть прикрытая исторія Россіи послѣ Петра (безпорядки въ управленіи страной, ослабленіе царской власти, вельможи-олигархи, Нума въ философскомъ уединеніи—Екатерина при Петрѣ III, вдали отъ правленія). Романъ представляетъ широкую и красивую политическую утопію. Во главѣ государства стоитъ идеальный государь-философъ; его самодержавіе разумно и добродѣтельно; просвѣщеніе ума и сердца подданныхъ—его главная забота. Такъ какъ романъ написанъ Херасковымъ въ эпоху увлеченія его свободной мыслью, то и «просвѣщеніе» это въ духѣ деизма и французской философіи (отсюда выходки противъ жрецовъ, фанатизма, суевѣрія и пр.).

Характеръ другихъ романовъ Хераскова.

Другіе романы Хераскова: „Кадмъ и Гармонія“ (1-ое изд. 1786 г.). „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“ (1-ое изд. 1794 г.), по содержанію и формѣ, примыкаютъ къ псевдо-классическимъ романамъ, но, въ идейномъ отношеніи,—они относятся къ „философскимъ“, „политическимъ“ и „нравоучительнымъ“;

сравнительно съ первымъ романомъ Хераскова особенною яркостью убѣжденій эти два послѣднія его произведенія не отличаются, но значительно превышаютъ его въ художественномъ отношеніи. Такъ какъ мистицизмъ овладѣвалъ Херасковымъ все сильнѣе и сильнѣе съ того времени, какъ онъ сдѣлался масономъ, то на послѣднемъ романѣ его („Полидоръ") это вліяніе мистицизма сказалось особенно сильно.

Содержаніе «Кадма и Гармоніи» вкратцѣ слѣдующее: Кадмъ, царь добродѣтельный и мудрый, впадаетъ въ заблужденіе, измѣняетъ женѣ, теряетъ престолъ и спасается бѣгствомъ изъ страны. Его вѣрная жена Гармонія сопутствуетъ ему. Послѣ различныхъ приключеній, послѣ ряда проступковъ, раскаяній, новыхъ искушеній и паденій, онъ, разлученный съ Гармоніей, находитъ ее и оканчиваетъ свои мятежные дни счастливо въ обществѣ вѣрной и любящей Гармоніи. Вѣроятно, Херасковъ хотѣлъ въ скитаньяхъ и тревогахъ Кадма изобразить исторію своей души, которая, наконецъ, нашла «гармонію» и успокоеніе въ мистицизмѣ масонства. 2) „Кадмъ", содержаніе романа.

Г. Р. Державинъ (1743—1816).

§ 71. Гавріилъ Романовичъ Державинъ былъ потомокъ татарскаго мурзы Багрима, въ XV в. поселившагося въ Россіи. Державинъ родился въ 1743 г. въ имѣніи отца около Казани. Домашнее воспитаніе его отличалось русскимъ складомъ; затѣмъ онъ воспитывался въ Оренбургѣ въ школѣ ссыльнаго нѣмца Розе. Рано лишившись отца, Державинъ въ дѣтствѣ испыталъ много горя, такъ какъ его матери приходилось немало выносить несправедливостей и притѣсненій. Въ 1759 г. Державинъ былъ отданъ въ казанскую гимназію, гдѣ онъ познакомился съ литературой нѣмецкой и русской; здѣсь онъ сталъ писать стихи. Въ 1762 г. онъ принужденъ былъ ѣхать въ Петербургъ на службу. Двѣнадцать лѣтъ служилъ въ солдатахъ будущій поэтъ; ограниченность средствъ не позволила ему пользоваться тѣми льготами и облегченіями, которыя предоставлялись на службѣ богатымъ дворянскимъ сынкамъ. Усмиреніе пугачевскаго бунта случайно выдвинуло Державина: Бибиковъ, усмиритель бунта, обратилъ вниманіе на литературность слога Державина и приблизилъ его къ себѣ. Въ 1777 году Державинъ поступилъ на службу въ Сенатъ; здѣсь онъ выдѣлился удачнымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ. Въ это время онъ сблизился съ тогдашней русской интеллигенціей, сошелся съ литераторами: А. Львовымъ, Капнистомъ, Хемницеромъ, и самъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ одъ (напр., «На смерть кн. Мещерскаго»). Въ 1781 г. онъ написалъ свою извѣстную оду: «Фелица», что сразу обратило на него вниманіе императрицы. Послѣ этого произведенія служебная карьера Державина сразу пошла быстро впередъ: въ 1784 году поэтъ былъ уже губернаторомъ въ Пе- Біографія Державина.

трозаводскѣ, въ 1785—въ Тамбовѣ. Административная дѣятельность его не была удачной,—по его словамъ, онъ былъ «горячъ и въ правдѣ чортъ»—почему ссорился со своимъ начальствомъ и съ подчиненными. Въ результатѣ, онъ попалъ даже подъ судъ. Екатерина отстранила его отъ службы, но приблизила къ себѣ: въ 1791 году онъ былъ сдѣланъ ея кабинетъ-секретаремъ. Горячность его, «вѣчная вражда съ людьми», иногда угодными императрицѣ,—охладили отношенія ея къ нему. Близость къ императрицѣ открыла глаза Державину на истинную цѣнность ея личности,—и онъ разочаровался въ своей «Фелицѣ». Онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ при императорѣ Павлѣ въ 1796 г., потомъ правителемъ канцеляріи Государственнаго Совѣта, но за «необузданность языка» вскорѣ возвращенъ былъ въ Сенатъ. При императорѣ Александрѣ въ 1802 г. онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи; но и съ либерализмомъ юнаго царя онъ тоже не ужился,—горячность его натуры не позволила ему быть придворнымъ, и въ 1803 году онъ снова былъ уволенъ въ отставку. Государь сказалъ ему, что онъ «слишкомъ ревностно служитъ». Въ 1811 г. Державинъ, вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ, образовалъ литературное общество: «Бесѣда любителей русскаго слова» и сотрудничалъ въ органѣ этого общества: «Чтенія въ Бесѣдѣ». Подъ конецъ своей литературной дѣятельности онъ увлекся драматургіей: писалъ трагедіи, драмы и оперы. Послѣдніе годы своей жизни угасающій поэтъ прожилъ на покоѣ въ своемъ имѣніи Званкѣ (Новг. губ.).

Державинъ и Херасковъ.

Какъ писатель, онъ представляетъ собою полную противоположность Хераскову. Если въ поэзіи Хераскова очень немного мѣста отведено радостямъ земной жизни, то Державинъ, наоборотъ, является, главнымъ образомъ, „пѣвцомъ земли“, ея утѣхъ и радостей; загробная жизнь для него загадка. „Смерть“, являющаяся на „веселый жизни пиръ“—лишь „незваный гость“. Величіе Бога онъ постигъ *умомъ*, тогда какъ Херасковъ *сердцемъ* чувствовалъ не столько величіе, сколько любовь Бога, Его близость ко всему живому...

Характеръ лирики Державина.

Лирика Державина не поддается классификаціи по „видамъ,“—его „ода“ то переходитъ въ „сатиру“, то сливается съ „элегіей“; въ шуткѣ звучатъ иногда серьезныя настроенія; классическіе образы стоятъ нерѣдко рядомъ съ простонародными прибаутками. Въ поэзію онъ первый изъ русскихъ лириковъ ввелъ въ изобиліи картины изъ своей жизни.

Особенности стиха Державина.

Стихъ его разнообразенъ, отличается живостью и гибкостью, образы, которыми онъ позаимствовался у Ломоносова, прекрасны, хотя у него и потеряли характеръ тяжелой ломоносовской грандіозности. Напр.:

...„Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая облаками,
Облака сжималъ рукой...

Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ...

...Ступитъ на горы—горы трещатъ!
Ляжетъ на воды—воды кипятъ!
Граду коснется—градъ упадаетъ!
Башни за облакъ рукою кидаетъ!"

Отношеніе Державина къ и цѣ Екатеринѣ.

Державинъ, подобно Хераскову, не рѣшался лично отъ себя воспѣвать Екатерину: онъ смотритъ на себя, какъ на „голосъ народа", онъ—лишь поэтическое отраженіе народныхъ чувствъ: „любовь народная для него—царей любви равна". „Другъ общества", „другъ общаго добра", „другъ человѣчества"—для него самыя почетныя названія. „Отечество" и „Россы"—вотъ, кому хочетъ онъ служить своею лирой. Фелица воспѣта имъ за то, что—

„Пользуетъ больныхъ она,
Бѣдныхъ пищей насыщаетъ,
Брошенныхъ беретъ сиротъ,
Просвѣщаетъ свой народъ".

Екатерина для него, прежде всего,—„человѣкъ"; Державинъ, держится такого взгляда, что „въ комъ нѣтъ добраго сердца", нѣтъ гуманности, кротости души, тотъ—„жалкій полубогъ", тотъ „носитъ тщетно санъ", тотъ—„на тронѣ истуканъ". Императрица Екатерина казалась ему не такой. Самъ онъ тоже, прежде всего, мечтаетъ быть „человѣкомъ". Это почетное званіе, въ его глазахъ, выше титула „царя".

По примѣру многихъ литераторовъ своего времени, онъ не прочь давать наставленія Фелицѣ. Такъ какъ, по его мнѣнію, назначеніе поэта говорить владыкамъ не лесть, но одну истину, то „мглистый фиміамъ" воскуривать—не его дѣло: „забавнымъ русскимъ слогомъ" онъ старался въ „шуткахъ" возвѣщать царицѣ только правду.

Пониманіе поэзіи Державинымъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ цитатъ видно, какъ высоко было пониманіе поэзіи Державинымъ. Для насъ поэзія—„даръ боговъ", вдохновеніе—„небесный жаръ", признакъ высокой души: сами боги съ любовью взираютъ на любимца музъ [1]).

Державинъ—пѣвецъ земли.

Въ отличіе отъ Хераскова, Державинъ—„пѣвецъ земли". Онъ не прочь отъ воспѣванія самой „земной" любви, однако считаетъ, что и она равняетъ человѣка съ божествомъ. Онъ находитъ на своей лирѣ струны и для воспѣванія высокаго идеализма женской всепрощающей любви и чувствъ при разлукѣ съ любимой жен-

---

[1]) Обыкновенно, говоря о пониманіи Державинымъ «поэзіи», говорятъ, что онъ къ ней относился слишкомъ легко—сравнивалъ ее съ „лимонадомъ", который „вкусенъ лѣтомъ". Стоитъ вчитаться въ тѣ стихи его, гдѣ выставлены эти слова, — и понятнымъ сдѣлается, что Державинъ приводитъ эти слова, какъ характеризующія *не его личное пониманіе поэзіи*, а Фелицы-Екатерины, для которой литературныя занятія были забавой.

щиной. Много стиховъ посвящено имъ дружбѣ,—той утонченной, горацiанской дружбѣ, которая роднила сердца эстетическимъ пониманiемъ жизни. Семейныя радости и печали, подъ конецъ, дѣлаются любимымъ предметомъ его пѣснопѣнiй. Всѣ эти чувства и образы воспѣты имъ въ стихахъ ясныхъ, спокойныхъ, безпорывныхъ: античная умѣренность страстей была въ высшей степени присуща Державину. Его идеалъ—„просто жить" и жить „весело",—

„Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,—
Устрой ее себѣ къ покою...
„...Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ!"

Идеалы жизни.

Счастливъ тотъ, у кого „сердце чисто", „совѣсть права", кто гордится только тѣмъ, что онъ „добрый человѣкъ", что онъ—обыкновенный человѣкъ, „умѣетъ честь любить и умѣренно въ довольствѣ жить", способенъ во время пира выпить за здоровье своего врага, кто счастливъ своею супругою, друзьями и покровительствомъ царевны Фелицы. Его муза „младая, лицемѣрная, простая",—съ нею онъ иногда не прочь и пошутить. „Живи и жить давай другимъ"—вотъ, сущность его житейской философiи.

„Человѣкъ" въ поэзiи Державина.

И, рядомъ съ этимъ безоблачнымъ, свѣтлымъ пониманiемъ смысла жизни, мирно уживается спокойное признанiе, что все на землѣ преходяще: „человѣкъ", котораго воспѣлъ Державинъ— „сегодня—богъ, а завтра прахъ". Поэтъ сознавалъ, что „вся людская жизнь—игра, мечта и сонъ", но онъ всетаки не отвернулся отъ жизни, а, въ ожиданiи грознаго появленiя смерти, торопился жить.—

„И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ!
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?
... Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,—
Мы поспѣшимъ ихъ обонять!
Такъ, будемъ жизнью наслаждаться
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться!"

„Смерть" въ поэзiи Державина.

О томъ, что ждетъ человѣка за гробомъ, Державинъ не рѣшается сказать ничего опредѣленнаго; его очи, постигшiя красоту и радость жизни Екатерининской эпохи, не заглядывали за рубежъ земной юдоли (позднѣе, въ Александровскую эпоху, его

міросозерцаніе нѣсколько мѣняется въ сторону мистицизма). Прощаясь съ тѣломъ князя Мещерскаго, поэтъ тревожно спрашивалъ себя:

„Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ!
Гдѣ жъ онъ? Онъ—тамъ. Гдѣ тамъ?
Не знаемъ...“

„Богъ“ въ поэзіи Державина.

То же чувство недоумѣнія овладѣвало имъ, когда образъ Бога рисовался передъ нимъ: поэтомъ не овладѣвалъ религіозный экстазъ, или умиленіе Хераскова—онъ ощущалъ только ужасъ отъ сознанія своего ничтожества передъ лицомъ Непостижимаго,—ужасъ сознанія того, какое неизмѣримое разстояніе отдѣляетъ человѣка отъ Бога.

„О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!

Ода „Богъ“.

— такъ начинается его знаменитая ода «Богъ». Это произведеніе пріобрѣло поэту европейскую извѣстность и было переведено на многіе языки. По признанію даже иностранныхъ критиковъ, подобнаго, по силѣ, стихотворенія въ честь Бога нѣтъ и въ западно-европейской поэзіи.

Картина мірозданья написана здѣсь широкою, свободною кистью:

„Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ!
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты—свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ!
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь ввѣкъ!

„Богъ“ и человѣкъ въ этой одѣ.

Величіе Творца среди его мірозданья приводитъ поэта къ заключенію, что человѣкъ — «ничто» передъ Богомъ... Но пѣвецъ «человѣка» не можетъ остановиться на такомъ обидномъ сознаніи. И вотъ въ себѣ, въ «человѣкѣ», онъ видитъ отраженіе Бога.

Ты есть—и я ужъ не ничто!
Я—связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я—крайня степень вещества,
Я—средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества!
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю!
Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—Богъ.

„Богъ“ Державина—не христіанскій по внѣшности, это скорѣе Іегова,—образъ, навѣянный чтеніемъ книгъ Ветхаго Завѣта Но, кромѣ того, этотъ образъ Бога, по пониманію Державина, осложненъ разными философскими пониманіями его сущности,—оттого богословы находятъ противорѣчія въ державинской характеристикѣ Бога. Поэзія Библіи выразилась въ его творчествѣ еще въ сочи-

ненія многочисленныхъ „переложеній", вѣрнѣе „передѣлокъ", псалмовъ—но эти произведенія не сохранили у него присущаго имъ высокаго религіознаго настроенія, и потому они стоятъ ниже ломоносовскихъ опытовъ въ этомъ направленіи.

Державинъ—пѣвецъ „Фелицы".

Державина называютъ „пѣвцомъ Фелицы". Онъ самъ признавалъ, что „безсмертенъ Фелицею", что она—„богиня его музы", что ей въ удѣлъ дана была „слава", а онъ лишь—„эхо" этой славы. И, дѣйствительно, онъ изумительно полно и вѣрно воплотилъ въ своей блестящей поэзіи ту философію жизни, которою жила просвѣщенная императрица въ первую половину своего царствованія. Изъ признанія Державина мы знаемъ, что онъ, желая воспѣть ее, началъ съ подражанія пріемамъ Ломоносова, но скоро почувствовалъ свое „безсиліе": художественное чутье подсказало ему невозможность воплотить личность Екатерины въ титаническихъ образахъ Ломоносова. И онъ нашелъ для нея болѣе подходящій—веселый, полный жизни и радости, образъ „Фелицы", окруженной ореоломъ длинной вереницы друзей и сотрудниковъ. Для каждаго изъ нихъ Державинъ подобралъ особыя краски, особыя черты...

Ода „Фелица".

Въ извѣстной одѣ «Фелица» онъ восхваляетъ простоту жизни императрицы, ея любовь къ труду, ея мудрость, гуманность и терпимость къ подданнымъ; онъ превозноситъ ее за то, что она признала въ подданномъ «человѣка», явила покровительство торговлѣ, земледѣлію, заботилась о бѣдныхъ. «Фелицѣ» Державинъ противопоставилъ ея приближенныхъ и сподвижниковъ: и вотъ, въ живыхъ, остроумныхъ очеркахъ современники узнали скучающаго, пресытившагося роскошной жизнью фантазера-Потемкина, — узнали Гр. Орлова, любителя шумныхъ потѣхъ, охоты, кулачныхъ боевъ и пр.,—гр. Нарышкина, кн. Вяземскаго... Всѣ эти образы, выхваченные изъ жизни, внесли съ собою въ его оду струю живой, остроумной и безобидной сатиры.

Ода „Видѣніе мурзы".

Ода „Вельможа".

Въ одѣ: «Видѣніе мурзы» Державинъ старался оправдать себя отъ обвиненій въ неискренности своихъ похвалъ «Фелицѣ». Въ одѣ «Вельможа» мы встрѣчаемъ сатиру,—уже не шутливую, а энергичную, негодующую... Вельможа, «второй Сарданапалъ» — роскошный эгоистъ. Онъ спитъ до позднаго часа, заставляя ждать и просителей своихъ, и заимодавцевъ; въ толпѣ просителей поэтъ видитъ бывшаго начальника вельможи, жену его друга, героя-ветерана... Всѣ они ждутъ его милости, а онъ покоится «въ сладкой нѣгѣ», думая «въ развращенномъ сердцѣ» только о своемъ благополучіи.

Ода „На смерть кн. Мещерскаго".

Извѣстная «философская» ода: «На смерть князя Мещерскаго» прекрасно выражаетъ мысли и чувства тогдашней русской интеллигенціи, для которой земное счастье было *все*, смерть—была *концомъ всего*; для этой интеллигенціи загробная жизнь представлялась безпросвѣтной за-

гадкой, одна мысль о которой вызывала отчаяніе и ужасъ. Такимъ образомъ, ода эта любопытна тѣмъ, что рисуетъ міросозерцаніе, совершенно отличное отъ того, которымъ жила древняя Русь, а во время Екатерины—простой народъ, еще не разорвавшій связи съ стариной: земная жизнь—мракъ и страданіе; загробное существованіе—свѣтъ и тихое счастье!

Ода «Водопадъ» замѣчательна художественнымъ описаніемъ водопада «Кивачъ», а также картиной смерти Потемкина, блестящаго князя Тавриды, среди степей Новороссіи. Въ одѣ «Памятникъ» Державинъ самъ сдѣлалъ оцѣнку своего творчества, опредѣливъ его содержаніе такъ:

Ода „Водопадъ“,

Ода „Памятникъ“.

„Первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить!“

Поэзія Державина—зеркало эпохи.

Такимъ образомъ, Державинъ удивительно полно выразилъ въ поэзіи все содержаніе и характерныя настроенія своей эпохи. Широкая, радостная жизнь, полная надеждъ на будущее, вѣра въ всесильное просвѣщеніе, въ полезный трудъ, свѣтлый эпикуреизмъ,—вотъ атмосфера, въ которой жили лучшіе русскіе люди того времени. Міровая политика, мечты о завоеваніи Цареграда, успѣхъ русскаго оружія,—все это тоже полно и чудно выразилось въ поэзіи Державина,—ему принадлежитъ извѣстный гимнъ:

„Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ,
Звучной славой украшайся—
Магомета ты потрёсъ!
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!“

Политическія тенденціи въ его поэзіи.

У Державина нѣтъ рѣзкости Радищева, нѣтъ глубокаго, затаеннаго протеста Новикова, но политическія вѣянія эпохи сказались и на немъ,—и онъ не прочь былъ иногда обличить самовластіе, доказать равенство всѣхъ передъ судомъ. На революцію, впрочемъ, онъ обрушился очень энергично. Съ благородной простотой чувства онъ воспѣвалъ только то, что считалъ достойнымъ, не стѣсняясь тѣмъ, что воспѣваемый имъ человѣкъ былъ въ опалѣ, что новый временщикъ можетъ оскорбиться похвалами своему предшественнику. Онъ любилъ писать оды въ честь умершихъ, напутствовать ихъ послѣднимъ привѣтомъ „земли“...

Не прочь былъ онъ, особенно во вторую эпоху своей дѣятельности, давать уроки императрицѣ; иногда уроки эти, по смѣлости, приближались къ радищевскимъ. Напримѣръ, въ одномъ произведеніи его: „Истина“,—развѣнчиваетъ онъ мишурную ложь лести, которою окруженъ властитель:

„Завѣса лести раздерется—
Изъ бога вскроется злодѣй!
Хотя дѣла твои днесь громки,
Но если поздніе потомки
Путей въ нихъ правыхъ не найдутъ,—
Не будешь помѣщенъ ты въ боги,—
Несправедливыя дороги
Въ храмъ вѣчной славы не ведутъ!—

Не военная слава —

Не тронъ, но духа благородство
Даетъ велики имена,—
Прямое духа превосходство—
Лишь къ истинѣ любовь одна!

Эти стихи напечатаны въ 1790-мъ году, — ихъ сочинилъ сановникъ Державинъ,—губернаторъ, наканунѣ назначенія въ Сенатъ. Едва ли такія наставленія были особенно пріятны Екатеринѣ.

Позднѣйшія отношенія Державина къ и-цѣ. Екатеринѣ.

Вообще, въ позднѣйшихъ отношеніяхъ поэта къ ней можно замѣтить большую перемѣну. Онъ самъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что пѣть „Фелицу“ онъ могъ только тогда, когда не зналъ ея вблизи. Его сдѣлали придворнымъ, чтобы онъ продолжалъ ее „воспѣвать“, но,—когда онъ ближе разсмотрѣлъ свое „божество“, онъ вдругъ почувствовалъ, что прежній его восторгъ испарился. Ему неразъ намекали, что онъ плохо исполняетъ свои обязанности придворнаго поэта,—но упреки эти не приносили ему „вдохновенія“, и однажды онъ, съ стихахъ къ Храповицкому, секретарю императрицы, прямо заявилъ, что быть „чернорабочимъ“ на Парнассѣ не желаетъ, а тѣмъ паче писать „ложь“:

„Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ!“

Въ другой разъ онъ жаловался на свое положеніе при дворѣ:

„Поймали птичку голосисту,—
И ну сжимать ее рукой!
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: „пой, птичка, пой!“

Психологическій элементъ въ поэзіи Державина.

§ 73. Въ свои оды онъ часто вводитъ характеристику, основанную на психологическомъ анализѣ героевъ, вводитъ описаніе ихъ внѣшности; постоянно онъ вноситъ разсказъ объ ихъ дѣяніяхъ—словомъ, онъ всегда старается окружить своихъ героевъ обстановкою дѣйствительности и сохранить индивидуальныя черты ихъ жизни.

„Природа“ въ поэзіи Державина.

Онъ первый у насъ далъ въ поэзіи прекрасныя живыя картины природы, отъ которыхъ вѣетъ иногда уже чисто-„пушкинской“ манерой письма, напр.—

„Уже румяна осень носитъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино.

Уже стада толпятся птичьи;
Ковыль сребрится на степи,
Шумящи, красно-желты листья
Разстлались всюду по тропамъ:

Въ опушкѣ заяцъ быстроногій
Какъ колпикъ (птица—лунь), посѣдѣвъ, лежитъ.
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай, и гулъ гремитъ.
Борей на осень хмуритъ брови
И зиму съ Сѣвера зоветъ.
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды,
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.
На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ.
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ.
Пустыни сѣтуютъ и долы.
Голодны волки воютъ въ нихъ,
Древа стоятъ и холмы голы
И не пасется стадъ на нихъ.

Въ этомъ отрывкѣ удачно переплетены описанія природы въ классическомъ духѣ (олицетворенія) съ чертами, удачно выхваченными изъ чисто-русскаго пейзажа.

Стихотворный языкъ Державина.

Интересенъ Державинъ и въ томъ отношеніи, что первый началъ свободно обращаться съ русскимъ поэтическимъ языкомъ, нисколько не считая себя связаннымъ теоріею о „высокомъ“ и „низкомъ“ стиляхъ: чисто-народныя прибаутки, сказочныя выраженія, провинціализмы встрѣчаются у него даже въ серьезныхъ одахъ. Въ этомъ тяготѣніи къ сокровищницѣ простонароднаго языка сказался духъ времени: сближеніе съ народомъ, его языкомъ, бытомъ и творчествомъ было типичнымъ явленіемъ Екатерининской эпохи.

Содержаніе его поэзіи.

Такъ же свободенъ былъ поэтъ и въ выборѣ предметовъ воспѣванія: отъ сюжетовъ высокихъ онъ спускался до воспѣванія кружки съ пивомъ. Его стихотворенія въ честь ласточки, соловья, его легкія шутки и различныя стихотворныя остроты до сихъ поръ не утратили своей граціозной прелести. Ввелъ онъ въ поэзію отраженія своей интимной жизни,—свои личныя радости и горести... Любовная лирика, вошедшая въ литературу чрезъ посредство Сумарокова, у него еще болѣе облагородилась его личнымъ міросозерцаніемъ, тонкимъ философскимъ пониманіемъ жизни, чего у Сумарокова еще не было.

Псевдоклассицизмъ Державина.

Всѣ указанныя особенности поэзіи Державина, въ сущности, почти освобождаютъ его отъ званія „псевдоклассика“,—только осколки ложнаго классицизма еще попадаются въ его лирикѣ, въ видѣ воззваній къ античнымъ богамъ, въ видѣ шаблонныхъ употребленій словъ: „пою“, „лира“. Кромѣ мелочей, онъ свободенъ отъ гнета теоріи Буало.

Державинъ, какъ сатирикъ.

Необходимо, въ заключеніе, указать, что Державинъ можетъ быть названъ отчасти и „сатирикомъ“: подъ покровомъ живого, безобиднаго смѣха надъ порядками современной русской жизни, особенно надъ современниками—„сатира“ проникла и въ его оды.

Сатира эта какъ разъ въ томъ „улыбательномъ родѣ“, который такъ нравился Екатеринѣ.

Ширина поэтическаго захвата у Державина.

§ 74. Такимъ образомъ, великій лирикъ Екатерининской эпохи сумѣлъ воплотить въ себѣ всѣ настроенія, всѣ идеи своего времени: отъ поэзіи вина и любви—до благоговѣйнаго ужаса передъ Непостижимымъ, отъ увлеченія Екатериной—до ея обличенія; отъ паѳоса оды—до усмѣшки сатирика; отъ эпикуреизма Горація и Анакреона—до беззаботнаго, торжественнаго веселья русскихъ вельможъ того времени.

Реализмъ Державина.

Кромѣ всего этого, онъ въ своей поэзіи иногда выступаетъ въ роли художника-реалиста, сумѣвшаго сохранить нѣсколько яркихъ образовъ эпохи: иногда, въ нѣсколькихъ стихахъ, дѣлая характеристики современниковъ, онъ бережно сохранялъ ихъ индивидуальныя черты,—внѣшнія и внутреннія.

Западныя и русскія вліянія на его творчество.

Ученикъ Ломоносова, Сумарокова, онъ изъ иностранныхъ писателей выбралъ для образца преимущественно нѣмецкихъ поэтовъ—Галлера, Клейста, Клопштока, позднѣе даже Шиллера (онъ зналъ только нѣмецкій языкъ). У нихъ онъ заимствовалъ умозрительное содержаніе своей поэзіи, легкую анакреонтическую манеру пѣсенъ. Любимыя моральныя темы въ его сатирическихъ одахъ—нравственное достоинство человѣка, истинное благородство души, основанное на служеніи человѣчеству—давно уже разрабатывались нѣмецкой школой поэтовъ, протестовавшихъ противъ французскаго псевдоклассицизма.

Расходясь во многомъ съ Херасковымъ, онъ, во многихъ отношеніяхъ, сходился съ нимъ: оба они—отраженіе двухъ теченій русской мысли екатерининскаго времени, своей литературной дѣятельностью доказали, что псевдоклассицизмъ у насъ терялъ всякій смыслъ существованія, вывѣтривался, замѣтно уступая мѣсто нарождавшейся „поэзіи дѣйствительности“...

Судьбы ложноклассицизма въ этотъ періодъ.

§ 75. *Судьбы ложноклассицизма въ Екатерининскій періодъ.* Такимъ образомъ, характеръ общественнаго настроенія этой эпохи опредѣлилъ содержаніе поэзіи. Для „торжественныхъ“ одъ въ старомъ, ложноклассическомъ духѣ теперь для воспѣванія не было объекта.

Простая въ обращеніи, веселая и общительная, Екатерина своею личностью невольно подчеркивала фальшь искусственно-величавыхъ, холодныхъ образовъ ложнаго классицизма... И вотъ, мы видимъ, что „*полубогъ*-титанъ“ старой ломоносовской оды смѣнился теперь въ лирикѣ „монархомъ-*человѣкомъ*“.

Публицистическая дѣятельность императрицы тоже отразилась на этой лирикѣ: раньше поэтъ *отъ себя* воспѣвалъ героя, теперь онъ *отъ лица общества* благодаритъ, возславляетъ, или наставляетъ монарха. Философскія, моральныя и политическія настроенія русскаго общества также внесли въ эту поэзію немало либеральныхъ идей.

Послѣдніе псевдоклассики въ Россіи. Конечно, ни одинъ литературный жанръ не обрываетъ своей исторіи сразу, такъ и ложноклассическая ода, со всѣми ея характерными особенностями, пережила свое время. Въ то время, какъ писатели крупные (Державинъ, Херасковъ) пролагали русской лирикѣ новые пути, — мелкіе писатели перепѣвали еще старые ломоносовскіе мотивы и дотянули эту оду до Пушкинской эпохи (гр. Хвостовъ). Но судьба ея была плачевна: уже елизаветинское время осудило ихъ пародіями Сумарокова („вздорныя" оды). Со времени Екатерины все усиливаются нападки на ихъ ложный, безсодержательный паѳосъ, на ходульность и шаблонность образовъ. Такъ, напримѣръ сатирическіе журналы и сатирики-реалисты (Княжнинъ, Крыловъ) зло высмѣивали эти литературныя „переживанія"; особенно остроумно посмѣялся надъ ними И. И. Дмитріевъ въ своей сатирѣ: „Чужой толкъ" (1795 г.). **Нападки русскихъ литераторовъ на нихъ.**

„Чужой Толкъ" И. Дмитріева. § 76. Устами простодушнаго старичка-читателя онъ разобралъ нѣсколько типичныхъ «общихъ мѣстъ» такой отжившей «оды». Одна изъ русскихъ «одъ» поразила этого «наивнаго» старичка своимъ объемомъ и планомѣрностью—

„Прямо самая торжественная ода!"
Я не могу сказать, какого это рода,—
Но очень полная,—иная въ двѣсти строфъ
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ.
Къ тому жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ—предложенье, а тамъ и заключенье!—
Точь-въ-точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты,—вижу самъ".

Затѣмъ онъ обратился къ одѣ «высокопарной»:

„Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: „зари багряной персты"
И „райскій кринъ", и „Фебъ", и „небеса отверсты"!
Такъ громко, высоко!—а нѣтъ, не веселитъ!
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!"

Далѣе Дмитріевъ съ большимъ юморомъ описываетъ, какъ «пиндарилъ» одинъ изъ знакомыхъ ему поэтовъ, падкій на награды «перстенькомъ», «ста рублями», а то мечтающій, хотя бы, и о простомъ «зна-

комствѣ съ князькомъ»... Лишь только по городу распространится вѣсть о какомъ-нибудь важномъ событіи,—

„Онъ тотчасъ за перо и разомъ вывелъ: „ода“.
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: „такого дня и года“.
„Тутъ какъ?.. „пою!“... иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше ль: „даждь мнѣ, Фебъ!“ Иль такъ: „не ты одна
Попала подъ пяту, о, чалмоносна Порта!“
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ „чорта“?

Послѣ недолгихъ колебаній этотъ „россійскій Пиндаръ“ оканчивалъ свое произведеніе; оно печаталось,—и на другой день, послѣ появленія въ свѣтъ, уже служило оберточной бумагой въ лавкѣ.

Отношеніе русской критики къ одамъ Хераскова и Державина.

Впрочемъ, писатели, осуждавшіе оду съ точки зрѣнія Дмитріева, не касались въ своихъ нападкахъ произведеній Хераскова и Державина, въ творчествѣ которыхъ всѣ единодушно признавали наличность искренняго чувства и глубокаго содержанія.

Второстепенные русскіе одописцы XVIII в.

Кромѣ этихъ двухъ указанныхъ писателей, можно назвать В. Майкова, Кострова, Княжнина, Богдановича, Хемницера, Капниста, какъ наиболѣе извѣстныхъ одописцевъ того времени. Конечно, каждый изъ нихъ вносилъ долю индивидуальности въ свои оды, но, во всякомъ случаѣ, ихъ произведенія особаго литературнаго интереса собой не представляютъ.

Петровъ—одописецъ.

Къ этому списку второстепенныхъ одописцевъ можно смѣло причислить и Петрова, оды котораго, написанныя въ подражаніе ломоносовскимъ, напыщенны и холодны, риторичность и злоупотребленіе высокимъ стилемъ не замѣнили въ нихъ отсутствующаго ломоносовскаго паѳоса. Петровъ воспѣвалъ различныя событія изъ жизни Екатерины II и ближайшихъ ея сподвижниковъ.

„Легкая поэзія“ псевдоклассицизма а) на западѣ.

§ 76. *Легкая поэзія.* Если «серьезная» лирика (ода), уступая натиску времени, постепенно теряла свой возвышенный, строго-величавый характеръ и, наполняясь новымъ содержаніемъ, приближалась къ «поэзіи дѣйствительности», то еще большую свободу, въ этомъ направленіи, имѣлъ другой видъ лирики, возникшій подъ вліяніемъ того же французскаго и итальянскаго классицизма—это, такъ называемая, «легкая» поэзія (poésies légères, poésies fugitives, vers de société), стихотворныя шалости, любовнаго или шутливаго характера (пѣсни Анакреона, Овидія, мадригалы, стансы, сонеты, тріолеты, рондо, эпиграммы и пр.). Онѣ были въ большомъ ходу у французовъ, такъ какъ вполнѣ отвѣчали своимъ характеромъ настроеніямъ парижскихъ салоновъ XVII—XVIII вв. Хлои и Дафнисы, Психеи и Амуры, Нимфы и Сатиры—любимые образы этой поэзіи. Во Франціи произведеніями въ такомъ родѣ особенно прославились Лафонтенъ, Лафаръ, Шолье, Ж.-Батистъ-Руссо, Вольтеръ и Парни.

Начало этой поэзіи у насъ связывается съ Сумароковымъ; лучшимъ представителемъ этого шаловливаго творчества въ XVIII в. былъ Державинъ, но, кромѣ него, на этомъ поприщѣ, при немъ и послѣ него, съ успѣхомъ состязались у насъ десятки мелкихъ писателей и писательницъ. Время Екатерины, время беззаботнаго, изысканнаго прожиганія жизни, вѣроятно, особенно поспособствовало популярности у насъ этихъ стихотворныхъ бездѣлушекъ, переводныхъ, подражательныхъ и оригинальныхъ. Впрочемъ, въ художественномъ отношеніи, эта «легкая» поэзія россійскаго производства далеко уступала французскимъ образцамъ,—въ ней исчезла французская грація формы и настроеній, вывѣтрился легкій ароматъ тонкаго цинизма—и содержаніе, и формы сдѣлались тяжелѣе, грубѣе. b) въ Россіи.

§ 77. Наиболѣе удачнымъ представителемъ «легкой поэзіи» у насъ въ этотъ періодъ считается *Богдановичъ* (1743—1802). Его главное произведеніе «Душенька». Это—поэма шутливая, «легкая»,—жанръ, узаконенный еще древнимъ міромъ (Напр., поэма: «Война мышей и лягушекъ»). Въ противоположность «серьезной» поэмѣ, эта «шутливая» отличалась и легкостью содержанія, и вольностью стиха. „Душенька“ Богдановича.

На поэзію Богдановичъ смотритъ такъ: Взглядъ автора на поэзію.

„Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою,
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
Пріятно разсмѣялась Хлоя!“

Къ Гомеру обращается поэтъ съ слѣдующей рѣчью:

„О ты, пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ
Двойчатыхъ, ровныхъ, стройныхъ,
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсенъ здѣсь порядочно не строю!“

Содержаніе «Душеньки» взято изъ прозаическаго произведенія Лафонтена: «Les amours de Psyché et de Cupidon»; содержаніе этого произведенія, въ свою очередь, заимствовано было авторомъ изъ романа Апулея: «Золотой оселъ» [1]). Источникъ поэмы.

Оракулъ предсказываетъ царю, отцу Душеньки, что его дочь выйдетъ замужъ за чудовище; для исполненія воли боговъ она должна быть отвезена на гору и тамъ оставлена. Приказаніе оракула было исполнено, и покинутая героиня дѣлается женою чудовища. Она живетъ въ богатомъ Содержаніе „Душеньки“.

---

[1]) Въ произведеніи Апулея главная идея заключается въ томъ, что душа, погрязшая въ чувственности, матеріи, потомъ, благодаря посвященію въ таинства, очищается и преображается. Душа женщины (Психея), утративъ свою первоначальную чистоту, долженствовала, какъ невольница любви (Венеры), пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы подняться до божественнаго жениха—Эрота (Купидона). Уже Лафонтенъ взялъ для своего романа изъ повѣсти Апулея только эротическую фабулу, отбросивъ „идею“; то же, слѣдуя за Лафонтеномъ, сдѣлалъ и Богдановичъ.

дворцѣ; окружена богатствомъ, но супруга своего не видитъ. Узнать, кто онъ, она не смѣетъ, такъ какъ предупреждена, что тогда лишится всѣхъ благъ.

Любопытство, однако, побѣждаетъ все. Она зажигаетъ свѣтильникъ, когда супругъ ея является къ ней. Оказывается, онъ—самъ Амуръ. За ослушаніе, Душенька лишается всѣхъ богатствъ и бродитъ одна въ пустынѣ. Отчаянье заставляетъ ее искать средствъ къ самоубійству, но Амуръ ее спасаетъ всякій разъ—и, наконецъ, она, раскаявшись, возвращаетъ себѣ и богатства, и любовь мужа. Мораль произведенія, выраженная въ заключительныхъ словахъ Зевеса:—

„Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ!
Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ,
Но красоту души ничто не измѣняетъ—
Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ!"

—осталась еще отъ греческаго оригинала. Тѣмъ менѣе она вяжется съ тѣмъ легкимъ цинизмомъ, который, наслоившись на этотъ сюжетъ еще во Франціи, дѣлается подчасъ грубоватымъ подъ перомъ Богдановича. Самое остроуміе, тонкое у Лафонтена, сдѣлалось у русскаго поэта тяжелымъ. Горе отца при разлукѣ съ дочерью изображено, напримѣръ, такъ:

„И напослѣдокъ царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ".

Блуждая въ пустынѣ, Душенька встрѣчаетъ рыбака. Тотъ ее спрашиваетъ, кто она; она отвѣчаетъ:

„Я—Душенька... Люблю Амура!"
Потомъ расплакалась какъ дура..."

Олимпійцы представлены въ карикатурномъ видѣ:

„А тамъ, предъ ней, Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ—давнишній дѣдъ:
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ свои клочки
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки".

Характеръ героини.

Сама героиня у Богдановича потеряла всю поэзію апулеевской Психеи и обратилась въ пустую, капризную «щеголиху», любящую наряды и поклонниковъ, ради богатствъ легко примиряющуюся съ мыслью, что ея супругъ—чудовище. Любопытно, что въ поэму Богдановича, кромѣ нѣсколькихъ игривыхъ народныхъ сценокъ его собственнаго изобрѣтенія, вошли нѣкоторые мотивы русскихъ сказокъ («Кощей-безсмертный», «Царьдѣвица», «кисельные берега», «мертвая и живая вода»). Впрочемъ, какъ къ классицизму, такъ и къ народной поэзіи авторъ относится съ насмѣшкой. Для насъ, конечно, особенно важно, что и форма, и содержаніе этого произведенія подрываютъ основы псевдоклассицизма, и героиня получаетъ реальныя черты живого существа.

Значенiе поэмы Богдановича признано было даже Бѣлинскимъ, увидѣвшимъ въ ней «переходную ступень отъ громкихъ, напыщенныхъ одъ и тяжелыхъ поэмъ, которыя всѣхъ оглушали и удивляли, но никого не услаждали,—къ болѣе легкой поэзiи, куда вводится комичный элементъ, гдѣ высокое смѣшивается съ смѣшнымъ, какъ это есть въ самой дѣйствительности, и сама поэзiя становится ближе къ жизни».

Значенiе этой поэмы (Бѣлинскiй).

Карамзинъ съ восторгомъ отозвался объ этой поэмѣ: «Въ 1775 году, говоритъ онъ, Богдановичъ положилъ на алтарь Грацiй свою «Душеньку». «Душенька» есть легкая игра воображенiя, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса, а для нихъ нѣтъ Аристотеля». «Въ такомъ сочиненiи все правильно, что̀ забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано. Это кажется очень легко—и въ самомъ дѣлѣ нетрудно, но только для людей съ талантомъ». Такой судъ Карамзина, уже все порвавшаго съ ложнымъ классицизмомъ, ясно указуетъ, что произведенiе Богдановича принадлежитъ скорѣе новой школѣ поэтовъ «свободнаго» чувства, чѣмъ школѣ старовѣровъ-классиковъ. Пушкинъ отдалъ дань Богдановичу, взявъ нѣкоторыя черты у его «Душеньки»—для своей Людмилы; съ писателемъ XVIII в. великiй поэтъ впослѣдствiи честно расплатился, признавшись (въ «Евгенiи Онѣгинѣ»), что въ юности ему были «милы Богдановича стихи».

Отзывъ Карамзина.

Отношенiе къ поэмѣ Пушкина.

Эпопеи-пародiи на героическую «псевдоклассическую поэму», появившiяся въ эту эпоху на русскомъ языкѣ, тоже доказываютъ, что классицизмъ не былъ у насъ особенно популяренъ. Уже въ «Душенькѣ» Богдановича встрѣтились мы съ насмѣшками надъ богами древности; поэмы В. Майкова «Игрокъ Ломбера» (1763) и «Елисей, или раздраженный Вакхъ» (1769), поэмы Осипова, Котельницкаго «Энеида, вывороченная на изнанку» (travesti), «Похищенiе Прозерпины»—представляютъ собою наиболѣе извѣстныя русскiя произведенiя этого типа. Содержанiе самой остроумной изъ этихъ поэмъ: «Елисей»—слѣдующее:

Эпопеи-пародiи (травестированныя поэмы).

Поэмы В. Майкова, Осипова, Котельницкаго.

Вакхъ, разсерженный на то, что откупщики подняли цѣны на вино, миститъ имъ при помощи пьянаго Елисея, ямщика изъ Зимогорья, который разноситъ ихъ погреба. Зевсъ гнѣвается на безчиннаго ямщика,—и, согласно его рѣшенью, Елисей отданъ въ солдаты. Валдайцы и зимогорцы изображаютъ собою грековъ и троянъ; кулачные бои и поединки за сѣнокосъ, гнѣвъ Елисея, напоминающiй гнѣвъ Ахилла, соблюденiе ложноклассическихъ правилъ и прiемовъ («пою», обращенiе къ «лирѣ»),—все это дѣлаетъ произведенiе Майкова удачной пародiей на серьезныя поэмы.

Содержанiе поэмы „Елисей".

Олимпiйцы, представлены въ грубовато-карикатурномъ видѣ. Юпитеръ, напримѣръ, жалуется, что всѣ на землѣ спились до того, что «винный дымъ»—

„Восходитъ даже къ симъ селенiямъ моимъ
И выкурилъ собой глаза мои до крошки,
Которы, самъ ты знаешь, будто плошки!
А нынѣ, видишь ты, ужъ стали, какъ сморчки,
И для того то я ношу теперь очки!"

Гермесъ, «какъ гончій песъ», летитъ собирать олимпійцевъ на совѣтъ; между тѣмъ, боги разбрелисѣ и занялись каждый своимъ дѣломъ:

„Плутонъ по мертвецѣ съ жрецами пировалъ,
Вулканъ на Устюжнѣ пивной котелъ ковалъ".

Геркулесъ увлекся съ деревенскими мальчишками игрой въ «сўки». Нептунъ утѣшался тѣмъ, что своимъ трезубцемъ —

„Мутилъ отъ солнышка растаявшую лужу
И преужасныя въ ней волны воздымалъ".

Цѣнна поэма Майкова сильною примѣсью народно-поэтическаго элемента. Сказки, былины и пѣсни были, очевидно, хорошо знакомы автору, такъ какъ оттуда онъ заимствуетъ цѣлыя картины.

Як. Б. Княжнинъ (*1742—1791*).

Біографія Княжнина.

§ 79. Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ, родился въ 1742 году; до 15 лѣтъ воспитывался дома, подъ наблюденіемъ отца, особенно заботившагося о нравственномъ его развитіи. Потомъ онъ учился въ Петербургѣ у одного профессора Академіи наукъ. Здѣсь, кромѣ различныхъ общеобразовательныхъ предметовъ, онъ изучилъ языки французскій, итальянскій и нѣмецкій. Сперва занялъ онъ мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи, затѣмъ поступилъ въ военную службу, былъ преподавателемъ словесности въ корпусѣ и секретаремъ Бецкаго. Первая трагедія, имъ написанная, «Дидона», имѣла успѣхъ, обратила на автора вниманіе императрицы и Сумарокова. Княжнинъ впослѣдствіи женился на его дочери. Скромный и застѣнчивый, онъ былъ полною противоположностью тестю. Домъ его охотно посѣщался всѣми тогдашними русскими литераторами, которые всегда въ хозяинѣ и хозяйкѣ встрѣчали ласковый и теплый пріемъ [1]). Умеръ Княжнинъ въ 1791 г. Пьесы Княжнина менѣе самостоятельны, чѣмъ Сумарокова,—въ немъ даже современники усматривали много заимствованій у западно-европейскихъ писателей. Но эти же современники, тѣмъ не менѣе, съ бо̀льшимъ интересомъ смотрѣли на сценѣ произведенія Княжнина, чѣмъ Сумарокова, такъ какъ въ произведеніяхъ перваго было больше отзвуковъ на событія современной жизни.

Характеръ трагедій Княжнина.

Для трагедій своихъ онъ черпаетъ содержаніе, по большей части, изъ исторіи грековъ и римлянъ,—и, въ этомъ отношеніи, онъ больше классикъ, чѣмъ Сумароковъ, который упорно держался сюжетовъ изъ псевдо-русской исторіи.

Западныя и русскія вліянія на Княжнина.

Талантъ его, по преимуществу, подражательный [2]): Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Метастазіо—вотъ, источники и образцы его

[1]) И. А. Крыловъ въ комедіи „Проказники" выставилъ семейную жизнь Княжниныхъ съ самой несимпатичной стороны. Такая оцѣнка этой семьи не совпадаетъ съ нѣкоторыми отзывами о ней современниковъ.

[2]) Его „Дидона"—осколокъ съ „Оставленной Дидоны" Метастазіо, „Ярополкъ"—подражаніе „Андромахѣ" Расина; на „Владисанѣ" сильно вліяніе „Меропы" Вольтера.

творчества. Конечно, сильное вліяніе имѣлъ на него и Сумароковъ. Чистотою языка и плавностью стиха Княжнинъ превосходилъ своего предшественника, но пьесы его менѣе сценичны— въ нихъ болѣе риторики, чѣмъ дѣйствія. Наиболѣе характерная черта Княжнина—стремленіе подражать Корнелю, рисовать героевъ „высокой души", въ жизни которыхъ нѣжная „любовь" играетъ менѣе значенія, чѣмъ „долгъ",—въ этомъ его существенное отличіе отъ „нѣжнаго" Сумарокова. Одинъ изъ героевъ Княжнина заявляетъ:

Вліяніе героевъ Корнеля на героевъ Княжнина.

„Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда порочен тотъ, кто хочетъ счастливъ быть!"

Герои изъ чувства долга всегда жертвуютъ любовью. „Исчезнетъ человѣкъ—останется герой",—вотъ, основной мотивъ многихъ его трагедій.

Трагедія „Росславъ" считается лучшею изъ всѣхъ его произведеній. Содержаніе его слѣдующее:

Трагедія „Росславъ".

Росславъ, русскій полководецъ, въ плѣну у шведовъ. Гордый, полный любви къ отечеству, онъ остается героемъ и въ оковахъ; онъ не хочетъ бѣжать даже съ любимой дѣвушкой, шведской княжной, такъ какъ считаетъ это унизительнымъ для себя. Лишь когда его освобождаютъ русскіе, онъ возвращается на родину и женится на возлюбленной княжнѣ.

По признанію современниковъ, особенный успѣхъ „Росслава" основывается на томъ же чувствѣ удовлетворенной національной гордости, что и успѣхъ сумароковскаго „Дмитрія Самозванца" (см. выше).

Для насъ любопытенъ Княжнинъ еще тѣмъ, что онъ въ своихъ пьесахъ свободно проводилъ современныя понятія о человѣколюбіи, истинной чести, долгѣ; откликнулся онъ и на политическія идеи XVIII-го вѣка. Въ этомъ отношеніи онъ отчасти слѣдовалъ Вольтеру, который сумѣлъ сцену обратить въ трибуну [1]).

Отзывчивость Княжнина на современность.

Особенно, въ этомъ отношеніи, любопытна его трагедія: „Вадимъ" (1789). Содержаніе ея слѣдующее:

Трагедія „Вадимъ".

Вадимъ, ярый республиканецъ, возвратившись въ родной Новгородъ, застаетъ тамъ монархію: въ его отсутствіе Рюрикъ выбранъ народомъ въ князья. Дочь Вадима Рамида любитъ Рюрика, но любитъ и отца, который затѣваетъ его сверженіе; она, уступая чувству долга гражданки

Содержаніе.

---

1) У насъ предшественникомъ Княжнина въ этомъ отношеніи былъ Николаевъ, съ его трагедіей „Сорена и Замиръ".

и дочери, скрываетъ планы отца отъ любимаго человѣка. Мятежъ Вадима оканчивается неудачею: онъ попадаетъ въ плѣнъ, гдѣ Вадимъ и закалывается вмѣстѣ съ Рамидой. Въ страстные монологи Вадима вложилъ авторъ ходячія тогда республиканскія идеи. Когда друзья Вадима жалобятся на то, что новгородская республика лишилась вольности, но не рѣшаются приступить къ борьбѣ съ Рюрикомъ, не видя ниоткуда помощи,—Вадимъ восклицаетъ, что помощь въ нихъ самихъ—

„...Какой еще хотите?!,
Ступайте, ползайте, ихъ (боговъ) грома тщетно ждите,—
А я, одинъ за васъ, во гнѣвѣ здѣсь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
Скажите, какъ вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить,
Какъ можно свѣтъ терпѣть? и какъ желать всѣмъ жить?"

Когда Вадимъ былъ побѣжденъ, Рюрикъ въ его присутствіи, предъ всѣмъ народомъ, отказался отъ вѣнца, но народъ просилъ его вернуться на престолъ. Вадимъ, возмущенный этимъ, восклицаетъ:

„Все пало предъ тобой! міръ любитъ пресмыкаться,—
Но міромъ таковымъ могу ли я прельщаться?
Нѣтъ болѣ у меня отечества, гражданъ!"

Интересенъ монологъ Рюрика (въ IV д.), напоминающій своимъ содержаніемъ монологъ «Бориса Годунова» Пушкина:

„Надъ пропастями здѣсь мой тронъ постановленъ,
За благости мои я злобой окруженъ
И сердце горестью мое всечасно сжато!
Се участи владыкъ, свой домъ хранящихъ свято:
Всечасно мучася, отрады не видать!
Не стоятъ смертные, чтобъ ими обладать
Благотворителямъ! Содѣтели мученья
Не стоятъ никогда они благотворенья" и т. д.

Образъ самодержца-Рюрика обрисованъ съ самой свѣтлой стороны,—и потому произведенье это вполнѣ объективно.

Русская комедія послѣ Сумарокова.

Если въ большинствѣ „трагедій" живыя струи современности всетаки лишь рѣдко оживляли то или другое произведеніе, масса же пьесъ была шаблонными, мертворожденными созданіями, холодными и вычурными, далекими отъ жизни,—то комедія въ Екатерининскую эпоху имѣла полную возможность развиться блестяще.

Три вида комедіи у насъ въ XVIII в.

Этотъ жанръ опредѣлился у насъ въ XVIII в. въ трехъ разновидностяхъ: 1) комедія характеровъ, 2) комедія нравовъ и 3) комедія интриги (фарсъ). Первый видъ и былъ ближайшимъ наслѣдіемъ псевдоклассицизма и продолжалъ его традиціи: на сценѣ казнились и осмѣивались отвлеченные пороки, едва прикрытые человѣческою плотью и одѣяніемъ.

Комедія этого вида имѣла дѣло съ готовыми, общечеловѣческими типами-страстями,—ей не было дѣла до вопроса о томъ, какъ эти типы должны видоизмѣняться въ зависимости отъ эпохи, народа и другихъ условій. Эту задачу пыталась разрѣшить «комедія нравовъ»,—жанръ, особенно близкій къ дѣйствительности. Третій видъ комедіи—«фарсъ», также унаслѣдованный нами отъ французовъ, менѣе любопытенъ: въ произведеніяхъ этого типа передъ нами слабо вырисовываются блѣдно-очерченныя лица и нравы,—все вниманіе автора устремлено на комическія положенія дѣйствующихъ лицъ, на разрѣшеніе запутанной интриги; единственная цѣль этихъ пьесъ—вызвать смѣхъ у зрителя.

§ 80. Комедіи Княжнина „Хвастунъ", „Чудаки" и др. въ свое время пользовались большимъ успѣхомъ: сюжеты ихъ заимствованы („Хвастунъ" изъ комедіи де-Брюне: „L'important de cour", „Чудаки" изъ комедіи Детуша: „L'homme singulier").

Въ первой пьесѣ выведенъ хвастунъ-Верхолетъ, «плутоватый дворянчикъ», не простой мошенникъ, а виртуозъ-искусникъ, который «собираетъ оброкъ» съ плохихъ головъ, старается всѣхъ увѣрить въ своей знатности и значеніи при дворѣ, чтобы жениться на дочери богатой г-жи Чванкиной,—дамы, какъ видно изъ ея фамиліи, тщеславной. Герой всѣхъ убѣждаетъ, что близокъ къ вліятельнымъ лицамъ, переписывается съ королями, и потому, пуская пыль въ глаза, обѣщаетъ всѣмъ, направо и налѣво, сенаторскія мѣста... Неподдѣльно-комична сцена, въ которой герой, войдя въ роль вліятельнаго человѣка, разсматриваетъ прошенія и произноситъ приговоры. Полиція прекращаетъ его шарлатанство, и герой попадаетъ въ смирительный домъ. Рядомъ съ этимъ предшественникомъ Хлестакова выведено въ пьесѣ нѣсколько другихъ характеровъ, очерченныхъ такъ же ярко и живо. Комедія „Хвастунъ". Содержаніе комедіи.

Такъ комиченъ провинціальный «дядюшка», который мечтаетъ о сенаторствѣ для того, чтобы прижимать своихъ деревенскихъ сосѣдей:

„Я сердцемъ (говоритъ онъ) лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которы вкругъ меня по деревнямъ живутъ,
Которые меня, равно какъ скотъ мой, жмутъ!
Я такъ же ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства:
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ
И, какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ!"

Въ другой комедіи «Чудаки» представленъ длинный рядъ людей, отличающихся странностями: Лентягинъ, сынъ кузнеца, получилъ большое богатство и, пріѣхавъ въ столицу, чудитъ здѣсь на каждомъ шагу, нарушая всѣ этикеты свѣтской жизни. Дочь его тоже любитъ самодурствовать. Женихи ея—Вѣтромахъ и Пріятъ. Комедія „Чудаки". Содержаніе комедіи.

Первый, хвастунъ и щеголь, является приверженцемъ всего французскаго. Онъ самъ признается, что, «не знавъ французскаго языка, былъ бы дуракомъ». Къ русскому языку относится онъ съ пренебреженіемъ:

„Считаю нашъ языкъ за подлинный jargon.
Ч экспримировать на немъ всего неможно,—
Итобъ мысль мою сыскать, замучишься безбожно!
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ—
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ!.. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знавъ французскаго, я былъ бы дуракомъ!
Вы не повѣрите, я сколько съ русскимъ бѣденъ!
По-русски разумъ мой какъ узокъ, невеликъ!
А по-французски: o! que le diable m'emporte!
Выходитъ разумъ мой—par une grande-porte!"

Второй ухаживатель—мечтательный, сентиментальный юноша. Героиня увлекается Вѣтромахомъ, который ей нравится за то, что онъ каждый день совсѣмъ «другой», чѣмъ былъ наканунѣ,—она потѣшается надъ Пріятомъ и такъ его описываетъ:

„Во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ одинъ, задумчивъ и смущенъ,
Такъ томенъ и унылъ, какъ будто селадонъ,
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ!"

Слуги въ комедіяхъ Княжнина

Въ обѣихъ комедіяхъ Княжнина большое участіе отведено плутоватымъ слугамъ: въ первой—Полисту и Маринѣ, во второй—Пролазу. Аналогичныя роли въ трагедіи поручались «наперсникамъ» и «наперсницамъ», но лакеи и субретки въ комедіи играютъ бо́льшее значеніе,—часто они одни ведутъ всю интригу, своимъ умомъ и пронырливостью оттѣняя глупость господъ; нерѣдко ихъ устами авторъ высказываетъ свои сентенціи. Такъ «Хвастунъ» заканчивается восклицаніемъ Марины:

„Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться!"

Достоинства и недостатки комедій Княжнина.

Достоинства и недостатки обѣихъ комедій одинаковы. Княжнинъ, несомнѣнно, обладалъ даромъ комизма, но не обладалъ способностью глубоко заглядывать въ жизнь, не умѣлъ рѣзко изображать нравственное и умственное безобразіе, какъ, напримѣръ, дѣлалъ это Фонвизинъ, который въ „комическомъ" умѣлъ различить и явленія глупости, и безнравственности. Поэтому судъ Княжнина надъ „Хвастуномъ" очень снисходителенъ: авторъ осмѣялъ его довольно поверхностно. Карикатурность нѣкоторыхъ типовъ—тоже слѣдствіе излишней погони за однимъ комическимъ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что „комедія характеровъ" у Княжнина стала приближаться къ „комедіи нравовъ". Пристрастіе къ иностранному, сентиментализмъ, невѣжество провинціи,—всѣ эти черты, имъ неразъ изображаемые, соприкасаются и съ русской дѣйствительностью.

Идеалы Княжнина.

Житейскіе идеалы самого Княжнина выражены устами Честона и Милены („Хвастунъ"). Честонъ честно служитъ, „не ловитъ

достоинствъ чрезъ подлости". Онъ протестуетъ и противъ родовой гордости. Устами Милены авторъ высказалъ свой взглядъ на истинную любовь: героиня идеалистически смотритъ на жизнь, вѣритъ въ сродство душъ. Воля родителей въ выборѣ мужа для героини не имѣетъ значенія,—она повинуется болѣе своему сердцу.

Итакъ, въ псевдо-классической лирикѣ (Херасковъ и Державинъ), эпопеѣ (Херасковъ, Богдановичъ и др.), драмѣ (трагедіи и комедіи), наконецъ, въ романѣ мы видѣли одно и то же повторяющееся явленіе: сохраняются до нѣкоторой степени лишь *формы* псевдоклассицизма, еще удерживаются нѣкоторые пріемы, но отъ стараго содержанія не остается почти ничего: запросы дѣйствительности, идеи политическія, философскія, моральныя завладѣли твореніями даже этихъ писателей, которые сами причисляли себя къ псевдоклассикамъ. Сближеніе съ народностью, оригинальность творчества изломала у Державина даже эти формы. Такимъ образомъ, на нашихъ глазахъ въ Екатерининскую эпоху замѣтнѣе дѣлается крушеніе псевдоклассицизма.

Ложноклассицизмъ въ литературѣ Екатерининской эпохи.

§ 81. *В. Реалистическое направленіе въ русской литературѣ этой эпохи.* Чѣмъ глубже и шире распространялись у насъ интересы къ общественнымъ вопросамъ, тѣмъ отзывчивѣе дѣлалась литература къ явленіямъ дѣйствительности. Императрица Екатерина, привлекшая къ сознательной жизни массу русскаго общества, способствовала развитію въ этой массѣ стремленія къ „самокритикѣ". И, какъ результатъ этого, явились „реалистическая сатира", „реалистическая комедія". Изображеніе дѣйствительности, *какъ она есть*, сдѣлалось излюбленнымъ содержаніемъ этой народившейся у насъ реалистической литературы.

Реалистическое направленіе въ русской литературѣ этой эпохи.

Потерпѣвъ неудачу со своимъ „Наказомъ", императрица задалась идеей создать въ Россіи „новыхъ" людей, чтобы при ихъ помощи построить въ будущемъ реформированное государство. Такъ объясняютъ нѣкоторые историки смыслъ ея публицистической и педагогической дѣятельности. Эта дѣятельность выразилась въ изданіи журналовъ, въ сочиненіи педагогическихъ статей, въ учрежденіи закрытыхъ учебныхъ заведеній. Подъ просвѣтительнымъ вліяніемъ этой сознательной литературы, подъ руководствомъ „идеальныхъ" воспитателей и должна была, по ея мнѣнію, создаться на Руси новая, „улучшенная порода людей".

Заботы и-цы о „новой породѣ" русскихъ людей.

Къ педагогическимъ сочиненіямъ императрицы относится между прочимъ «дѣтская библіотека», предназначенная ею для внуковъ—Александра Павловича и Константина Павловича. Въ эту библіотеку вошли раз-

Педагогическія сочиненія и-цы.

личные нравоучительные разсказы, наставленія и назидательныя пословицы. Къ разряду такихъ же беллетристическихъ сочиненій, преслѣдующихъ педагогическія цѣли, относятся и сказки: «О царевичѣ Хлорѣ» и «О царевичѣ Февеѣ».

„Сказка о царевичѣ Хлорѣ".

Въ первомъ произведеніи подъ покровомъ аллегоріи доказывается, что истинное счастье пріобрѣтается только добродѣтелью при помощи руководства разума. Содержаніе сказки слѣдующее: Хлоръ, сынъ кіевскаго царя, былъ похищенъ киргизскимъ ханомъ. Испытывая способности царевича, ханъ приказалъ ему найти «розу безъ шиповъ». Дочь хана Фелица дала Хлору въ спутники — «Разсудокъ», и, съ помощью его, царевичъ успѣшно побѣдилъ всѣ трудности и испытанія; взобравшись на крутую каменистую гору, сорвалъ «розу безъ шиповъ», которую и принесъ хану; тотъ, вмѣстѣ съ цвѣткомъ, отослалъ его къ отцу.

„Сказка о царевичѣ Февеѣ".

Въ другомъ произведеніи, въ «Сказкѣ о царевичѣ Февеѣ», разсказывается о томъ идеальномъ воспитаніи, которое получилъ дома царевичъ Февей, о добрыхъ качествахъ его юной души, объ его «умопаклоненіи къ добру» и благонравіи. Затѣмъ повѣствуется о томъ, какъ выросъ царевичъ, женился и сдѣлался хорошимъ человѣкомъ и прекраснымъ государемъ. Реалестическій элементъ въ обоихъ этихъ произведеніяхъ выразился въ живой картинѣ отрицательныхъ сторонъ такой жизни, которая не знала хорошаго воспитанія.

Вліяніе и-цы Екатерины на русскую журналистику.

§ 82. *Журналистика.* Русская журналистика расцвѣла подъ вліяніемъ Екатерины, но скоро завяла, лишь только императрица стала относиться къ ней недоброжелательно. Исторія ея процвѣтанія въ Екатерининскую эпоху распадается на два періода: 1) когда Екатерина стояла во главѣ этой исторіи и 2) когда во главѣ ея сталъ Новиковъ.

Вступивъ на престолъ, Екатерина застала у насъ продолженіе елизаветинской журналистики въ изданіяхъ Хераскова и его учениковъ,—студентовъ Московскаго университета („Полезное увеселеніе", „Свободные Часы", „Невинное Упражненіе", „Доброе Намѣреніе"). Въ духѣ стараго миллеровскаго журнала издавалось „Собраніе лучшихъ сочиненій". Всѣ эти журналы, главнымъ образомъ, по характеру, нравоучительные. По сравненію съ ними, журналъ Екатерины „Всякая Всячина" производитъ совсѣмъ особое впечатлѣніе.

„Всякая Всячина" и-цы Екатерины.

Прежде всего, это изданіе еженедѣльное, а не ежемѣсячное; затѣмъ, въ немъ мораль не бьетъ въ глаза. Это—живая болтовня, остроумная и содержательная; картины изъ русской дѣйствительности проходятъ одна за другой, освѣщенныя, главнымъ образомъ, съ ихъ комической стороны: смѣшное и серьезное перебивается здѣсь, не утомляя читателя. Судя по предисловію къ журналу, «издатель» видѣлъ въ будущемъ большую пользу отъ этого изданія: «вижу сквозь облака добрый вкусъ и здравое раз-

сужденіе, кои одною рукою прогоняютъ дурачества и вздоры, а другою доброе поколѣніе всякая всячина за руку ведетъ». Цѣль журнала — пробудить общественное самосознаніе, вырвать журнальное дѣло изъ рукъ ученыхъ педантовъ и создать новый живой общественный органъ — чтобы путемъ литературнаго воспитанія образовать изъ читателей «доброе поколѣніе».

Характеръ обличенія въ этомъ журналѣ.

Тонъ «Всякой Всячины» былъ покровительственный къ русской публикѣ,—редакторъ постоянно рекомендуетъ себя умнымъ, добрымъ и даже богатымъ. Обличенія журнала не шли глубоко, къ источникамъ зла, — они касались лишь внѣшнихъ и смѣшныхъ проявленій русской жизни. Такимъ образомъ, сатира журнала была въ «улыбательномъ» родѣ и сводилась къ насмѣшкамъ надъ частными явленіями русской жизни, — надъ скупостью, суевѣріями, неумѣніемъ воспитывать дѣтей, неумѣніемъ держать себя въ обществѣ, жадностью, завистливостью,— надъ всѣми тѣми недостатками, которые были связаны, главнымъ образомъ, съ необразованностью; нападки журнала никогда не касались недостатковъ русскаго административнаго строя. Журналъ составлялся изъ писемъ въ редакцію, отвѣтовъ редакціи, разныхъ замѣтокъ, бѣглыхъ очерковъ и другихъ подобныхъ литературныхъ мелочей [1]).

Екатерина была увѣрена въ плодотворности своей сатиры,— это видно изъ того, что въ журналѣ встрѣчается самоувѣренное заявленіе: „мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи нравовъ и ожидаемъ немедленнаго искорененія всѣхъ пороковъ,— ибо уже начали твердить наизусть „Всякую Всячину“.

Литературное потомство „Всякой Всячины“.

Въ томъ же году, вслѣдъ за „Всякой Всячиной“, появились журналы Чулкова: „И то и сіо“, Рубана: „Ни то ни сіо“, Новикова: „Трутень“, Эмина: „Адская почта“ и др. Всѣ эти журналы вскорѣ стали высмѣивать „Всякую Всячину“ за ея поверхностное отношеніе къ русской жизни и слишкомъ легковѣсное нравоученіе.

„Трутень“ Новикова.

§ 83. Изъ журналовъ этихъ самымъ серьезнымъ былъ журналъ Новикова; въ этомъ органѣ Новиковъ сталъ бичевать пороки современнаго общества, обличая ихъ въ живыхъ лицахъ современниковъ, вѣроятно, хорошо всѣмъ извѣстныхъ и потому легко всѣми узнаваемыхъ. Екатерина рѣшительно возстала противъ этого,—ея сатира была „въ улыбательномъ родѣ“ и не допускала обличенія опредѣленныхъ *лицъ*,—она не вторгалась въ область государственной, даже общественной жизни, и носила *общій* характеръ, вслѣдствіе чего и отличалась расплывчивостью.

---

[1]) Содержаніемъ своимъ „Всякая Всячина“ тѣсно примыкала къ англійскимъ моральнымъ изданіямъ, особенно „Спектатору“.

Новиковъ же въ своемъ „Трутнѣ“ считалъ необходимымъ сообщать изъ современной столичной и провинціальной русской жизни тѣ, даже единичные, но характерные вопіющіе случаи, въ которыхъ онъ видѣлъ торжество неправды, злости и невѣжества.

Содержаніе „Трутня“.

Въ своемъ журналѣ онъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ связи помогли необразованному дворянину занять то мѣсто, на которое имѣли всѣ права — дворянинъ, хорошій и честный, но безъ денегъ и покровительства, —и мѣщанинъ, человѣкъ широко-образованный, испытанный общественный дѣятель. Новиковъ разсказывалъ о томъ, какъ одна знатная барыня совершила крупную покражу въ Гостиномъ дворѣ, а купецъ, ее обличившій, былъ высѣченъ плетьми.

Отношеніе „Всякой Всячины“ къ „Трутню“.

«Всякой Всячинѣ» такія сообщенія показались «дурными шутками», и она, по адресу «Трутня», обронила угрожающій намекъ, что впередъ можетъ оказаться непозволеннымъ «разсуждать, о чемъ кто не смыслитъ». Но, тѣмъ не менѣе, понимая, откуда идетъ угроза, Новиковъ продолжалъ держаться прежняго направленія: въ живыхъ, яркихъ картинахъ онъ указывалъ на безправіе русскихъ гражданъ, бичевалъ самоуправство властей, злоупотребленія сильныхъ и знатныхъ; кромѣ того, онъ нападалъ на французоманію русскаго общества. Рисуя портреты русскихъ щеголей и щеголихъ, возмущался онъ тяжелымъ положеніемъ крѣпостныхъ и произволомъ помѣщиковъ. Говоря о французахъ-гувернерахъ, касался онъ и русскаго воспитанія. Статья «Извѣстіе изъ Кронштадта» даетъ намъ живую характеристику модныхъ воспитателей тогдашняго русскаго юношества: оказывается, по словамъ журнала, «пришелъ корабль съ 24 французами, которые всѣ выдаютъ себя за маркизовъ, графовъ и шевалье», а на самомъ дѣлѣ—всѣ они ремесленники, бѣжавшіе изъ Франціи вслѣдствіе «превеликой ссоры съ полиціею». «Любезные сограждане!» восклицаетъ издатель, «спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій!» Не менѣе страстны выходки его противъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ. Такъ, одинъ изъ его героевъ, Безразсудъ, страдаетъ мнѣніемъ, что крестьяне «не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ онъ знаетъ только потому, что крѣпостные его рабы». Для исцѣленія отъ этой болѣзни журналъ рекомендовалъ Безразсуду «всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда онъ найдетъ различіе между ними. Отъ критики современности Новиковъ переходилъ къ восхваленію старины, простой, близкой къ природѣ, честной и трудолюбивой, не знавшей французоманіи, и извращенной культуры столичной жизни. Но и въ старой русской жизни «Трутень» находилъ тоже недостатки — въ ней изобличалъ онъ проявленія тупого невѣжества, ханжества и лицемѣрія.

Вліяніе журналовъ Новикова на Екатерину.

По желанію императрицы, вскорѣ сатирическіе журналы стали умирать одинъ за другимъ.

Тѣмъ не менѣе, сатирическая дѣятельность Новикова не

прошла безслѣдно даже для Екатерины: она съ 1772 года увлеклась писаніемъ комедій, въ которыхъ изобличала русскую жизнь гораздо рѣзче и серьезнѣе, чѣмъ это она дѣлала раньше въ своемъ журналѣ. Французоманія и тяжелое положеніе крѣпостныхъ, любимыя темы „Трутня", положены въ основу этихъ комедій. Замѣтивъ это, Новиковъ взялся за изданіе другого журнала: „Живописецъ", посвятивъ его сочинителю комедіи: „О время!" (т. е. Екатеринѣ). „Живописецъ" Новикова.

Въ этотъ журналъ Новиковъ включилъ любезную для Екатерины сатиру «въ улыбательномъ родѣ» «на нравы», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказался и отъ прежняго обличенія крѣпостничества, злоупотребленій русской администраціи и французоманіи. Особенно рѣзко онъ нападалъ на русскихъ «петиметровъ». Передъ нами длинная галлерея этихъ изломанныхъ, манерныхъ враговъ истиннаго просвѣщенія. Вся наука такого «щеголя»—«одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣнящую походку, быть со всѣми развязну». Щеголиха—подстать щеголю: она—противъ женскаго образованія: «ужасть какъ смѣшны ученые мужчины, а наши сестры—о! онѣ-то совершенныя дуры! Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны!» «Ученая женщина, ученая женщина! Фуй, какъ это неловко!»—говоритъ одна. Другая тамъ осмѣиваетъ вѣрность своего мужа: «ха, ха, ха! монкьеръ, ты уморилъ меня! Онъ живетъ три года съ женою и по сію пору ее любитъ! Перестань, душенька, это никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ вздоръ!»

Невѣжество глухой русской деревни изображено въ поразительно-яркихъ картинахъ. Такъ напримѣръ, «письма къ Ѳалалею» его отца, матери и дяди рисуютъ намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ провинціальную русскую жизнь того времени; всевозможныя суевѣрія, казнокрадство, жестокое обращеніе съ крестьянами, неумѣніе воспитывать дѣтей—вотъ, отрицательныя черты тогдашней русской дѣйствительности. Поразителенъ, по силѣ рисунка и рѣзкости негодованія, «Отрывокъ путешествія въ *** И. Т.» [1]). Этотъ очеркъ—прообразъ радищевскаго «Путешествія». Разсказчикъ проѣзжаетъ нѣсколько деревень и вездѣ видитъ бѣдность и рабство: «непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали» ему, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи полагали раченіе». Крестьяне, «бѣдныя твари», со стороны помѣщиковъ менѣе вызываютъ заботъ, чѣмъ лошади. Въѣхавъ въ деревню «Разоренную», и никого не найдя въ деревнѣ, авторъ вошелъ въ одну избу, дверь которой была растворена настежь: «заразительный духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайный жаръ и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ, оттуда меня выгоняли, а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ въ оной». Вода въ деревенскомъ колодцѣ оказалась гнилой; ребятишки, увидѣвъ проѣзжаго, въ ужасѣ разбѣгаются, принявъ его за своего барина. «Онъ насъ засѣчетъ!» кричали они...

[1]) Въ инициалахъ И. Т. принято видѣть сокращеніе: И (здатель) Т (рутня).

Причины успѣха журналовъ Новикова.

Успѣхъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ, особенно новиковскихъ, зависѣлъ отъ того, что въ нихъ предметомъ изображенія послужила обыкновенная закулисная русская жизнь, которая не смѣла раньше являться въ поэзіи „при шумѣ торжественныхъ одъ“ и „блескѣ героическихъ сюжетовъ на сценѣ“,—теперь писатели русскіе отрѣшились отъ ложноклассическихъ условій и вывели нашу литературу изъ тѣсной сферы высшаго общества въ просторную область средняго класса. Самъ Новиковъ, въ предисловіи къ 5-му изданію „Живописца“, говоритъ, что его журналъ „пришелъ на вкусъ мѣщанъ“ [1]). Съ другими сатирическими журналами этой эпохи произошло то же самое: Чулковъ, напримѣръ, это „мѣщанское“ направленіе выразилъ въ своемъ журналѣ еще сильнѣе, придавъ журналу характеръ „простонародности“, введя въ текстъ народныя пословицы, прибаутки, разсказы о повѣрьяхъ и обычахъ русскаго народа.

Реалистическая комедія.

§ 84. *Реалистическая комедія.* Начинателемъ ея у насъ былъ Лукинъ (1737—1794). Онъ выступилъ на литературное поприще ранѣе Княжнина, однако, по своимъ взглядамъ на сущность комедіи, ушелъ дальше его: онъ требовалъ внесенія въ комедію національнаго элемента,—поэтому онъ предлагалъ русскимъ писателямъ даже неоригинальныя пьесы „передѣлывать“ на русскій ладъ, чтобы онѣ были понятны зрителямъ и, благодаря этому, могли бы легче воздѣйствовать на ихъ нравственность. Стоя за „народность“ комедіи, онъ первый изъ русскихъ драматурговъ не постѣснялся вывести на русскую сцену простыхъ работниковъ изъ Галича, говорящихъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Эта погоня за реализмомъ помогла ему отдѣлаться отъ тяжелаго стиха псевдоклассическихъ комедій и замѣнить этотъ стихъ „прозой“. Тѣмъ не менѣе, въ художественномъ отношеніи, пьесы Лукина еще мало интересны, и, несмотря на его старанія руссифицировать чужіе сюжеты, всетаки онѣ еще ненародны. Лучшая его комедія: „Мотъ, любовью исправленный“, осмѣиваетъ французоманію, превозноситъ идеалы семейной жизни.

Русскую „народную“ реалистическую и, въ то же время, художественную комедію создалъ у насъ лишь Фонвизинъ.

---

[1]) Скоро, подъ вліяніемъ императрицы, Новиковъ отошелъ отъ сатирической дѣятельности, увлекся историческими сочиненіями, а потомъ, сдѣлавшись масономъ, уже принципіально отказался отъ сатиры и, какъ позднѣе Гоголь въ періодъ мистицизма, сталъ „поучать“ людей; журналы его: „Утренній Свѣтъ“ и „Вечерняя Заря“ проникнуты масонскимъ идеализмомъ и мистицизмомъ.

Д. Ив. Фонвизинъ (1744—1792).

§ 85. Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ происходилъ изъ нѣмецкаго рода рыцарей-меченосцевъ. Предокъ писателя, взятый въ плѣнъ при Грозномъ, навсегда остался жить въ Россіи. Родители писатели были уже, по своимъ взглядамъ и образу жизни, чисто-русскіе люди,— они дали сыну строго-религіозное воспитаніе въ православномъ духѣ. Учиться началъ Фонвизинъ еще дома, закончилъ свое образованіе въ Московскомъ университетѣ; уже здѣсь обнаружились его способности будущаго сатирическаго писателя: принимая участіе въ журналахъ Хераскова, — онъ началъ заниматься литературными переводами; къ тому же времени относится его увлеченіе «вольтерьянствомъ». Еще будучи студентомъ университета, Фонвизинъ съ нѣкоторыми товарищами былъ привезенъ въ Петербургъ и представленъ императрицѣ. Въ Петербургѣ онъ впервые имѣлъ возможность наслаждаться театральными представленіями. Недолго пробывъ въ военной службѣ, онъ перешелъ затѣмъ въ гражданскую. «Вольтерьянецъ» по взглядамъ, вращался онъ, бо́льшею частью, въ кругу вольнодумныхъ юношей, о чемъ подъ старость воспоминалъ съ болью въ сердцѣ. «Лучшее препровожденіе времени этого общества, говоритъ онъ въ своихъ «запискахъ», состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ кощунствѣ я и самъ игралъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтенно!» Впослѣдствіи Фонвизинъ рѣшительно осудилъ атеизмъ и вернулся къ тѣмъ идеаламъ, которые вложены были въ его сердце еще въ дѣтствѣ родителями. Насколько поверхностно у многихъ было тогда обращеніе съ религіей, свидѣтельствуетъ одинъ случай, разсказанный Фонвизинымъ: однажды въ Гостиномъ дворѣ онъ встрѣтилъ знакомаго своего, — юнаго дворянина, гвардейскаго унтеръ-офицера. «А знаешь ли», обратился юноша къ Фонвизину: «вѣдь Бога-то нѣтъ!»—«Кто тебѣ это сказалъ?» спросилъ тотъ. «Чебышовъ»,—отвѣтилъ юноша. Чебышовъ былъ тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Біографія Фонвизина.

Въ 1766 году появилась въ свѣтъ комедія Фонвизина: «Бригадиръ». Ея успѣхъ на всю жизнь опредѣлилъ литературное поприще Фонвизина. Впрочемъ, не отказался онъ и отъ чиновничества, и съ 1779 г. Фонвизинъ былъ ближайшимъ помощникомъ гр. Н. И. Панина, принимая участіе въ политическихъ дѣлахъ и сношеніяхъ. Для поправленія своего здоровья и здоровья жены онъ четыре раза ѣздилъ заграницу. Его письма, присланныя оттуда на родину—цѣнный памятникъ, рисующій идеалы Фонвизина и взгляды его на отношенія Россіи къ западу (о нихъ выше). Въ 1772 году онъ выпустилъ въ свѣтъ свою знаменитую комедію: «Недоросль». Впослѣдствіи онъ принималъ горячее участіе въ сатирической журналистикѣ той эпохи, при чемъ сталъ въ ярко-оппозиціонное отношеніе къ Екатеринѣ (См. его «Вопросы» къ сочинителю «Былей и Небылицъ»—императрицѣ). Болѣзненное состояніе его здоровья не убивало въ немъ бодрости духа и ума. Умеръ Фонвизинъ въ 1792 г., примиренный съ небомъ и землею, до послѣдняго часа сохраняя ясность

разсудка, до старости не утративъ любви къ литературѣ. Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Дмитревскій и др. лучшіе тогдашніе дѣятели пера и сцены были его друзьями и почитателями.

Обѣ пьесы Фонвизина „Бригадиръ" (1766) и „Недоросль" (1782) до сихъ поръ считаются образцовыми. Хотя въ нихъ можно найти рядъ литературныхъ заимствованій, но отъ этого онѣ не перестаютъ быть русскими по характеру и содержанію.

„Бригадиръ" и вліяніе на эту комедію пьесы Гольберга.

§ 86. Вся комедія «Бригадиръ» своимъ построеніемъ и деталями напоминаетъ комедію Гольберга: «Jean de France»; въ этой пьесѣ также представлены два старика, которые порѣшили женить своихъ дѣтей; дочь одного, идеальная дѣвица—не хочетъ выйти замужъ за легкомысленнаго щеголя, только что пріѣхавшаго изъ Парижа,—юношу, пятнадцать недѣль прожившаго въ «столицѣ міра», старающагося говорить постоянно по-французски (любимое его выраженіе: «je men moque» постоянно повторяетъ и фонвизинскій Иванушка). Мать въ восхищеніи отъ сына, котораго она не понимаетъ; отцу онъ не повинуется, съ будущимъ тестемъ дерется, старшихъ принципіально не уважаетъ. Ловкая горничная выдаетъ себя за барышню дворянку, и Jean усердно ухаживаетъ за нею.

Типъ „щеголя" и „щеголихи" въ русской литературѣ.

Такимъ образомъ, приходится признать, что въ первой комедіи Фонвизина главные герои, щеголь Иванушка и щеголиха-совѣтница — типы заимствованные, но, очевидно, знакомые и русской дѣйствительности: начиная съ Кантемира, набросавшаго типъ щеголя Медора, почти всѣ наши сатирики XVIII в., рисуя русскую жизнь, наталкивались на этотъ назойливый образъ, — выродокъ нашей юной цивилизаціи. Сатирическіе журналы Екатерининской эпохи много возились съ нимъ, вышучивая внѣшность щеголей, ихъ изломанныя манеры, языкъ и, главное, міросозерцаніе, проникнутое легкимъ, поверхностнымъ скептицизмомъ: свободные отъ нравственныхъ обязательствъ передъ женщиной, родителями, отечествомъ и друзьями, эти петиметры (petits-maîtres), легкомысленные воспитанники парижскихъ бульваровъ, нахватавшись самыхъ верхушекъ освободительной философіи, опошленной въ толпѣ, привозили на родину чужестранный костюмъ, странныя, непонятныя рѣчи и манеры, презрѣніе къ родинѣ... По всѣмъ европейскимъ литературамъ прошлись они — и вездѣ своими уродствами будили смѣхъ, будили національное самосознаніе, желаніе сбросить съ себя «шелуху» чужой цивилизаціи...

Иванушка.

Какъ всѣ они, нашъ Иванушка отъ Франціи въ восхищеніи: «тѣло мое (говоритъ онъ) родилось въ Россіи, это правда, — однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской!» Узнавъ, что отецъ влюбленъ въ совѣтницу, онъ, согласно модному этикету, вызываетъ отца на поединокъ: «я—такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur!»—говоритъ онъ и объясняетъ далѣе, что, «когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отцомъ», то и онъ не считаетъ себя связаннымъ съ родителемъ ни малѣйшимъ «респектомъ» Отца «менажировать» онъ не желаетъ и вообще «индеферанъ во всемъ, что касается родителей». Слова

Совѣтника относительно брака: «Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ»,—Иванушка высмѣиваетъ ироническимъ замѣчаніемъ: «развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе — любить, измѣнять, жениться и разводиться».

Совѣтница—подстать Иванушкѣ: легкомысленная женщина, свободно измѣняющая мужу, она тоже имѣетъ «французскую» душу — для нея простой русскій народъ, слуги — «скотина»; подобно Иванушкѣ, она говоритъ на особомъ жаргонѣ «щеголихъ»; напримѣръ: «я капабельна съ тобой развестись» и пр. Совѣтница.

Бригадиръ, отставной военный, и Совѣтникъ, отставной судейскій чиновникъ, очерчены блѣднѣе: они были необходимы автору только для интриги. Зато живо и рельефно представлена мать Иванушки — Бригадирша Акулина Тимофеевна. Авторъ хотѣлъ высмѣять ее за скупость, глупость и болтливость, — но она у него вышла симпатичнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ: она — добрая, любящая жена, хорошій человѣкъ, чуждый эгоизма... Много претерпѣвъ горя сама, она сочувствуетъ всѣмъ людямъ страдающимъ. У нея часто оказывается больше смысла въ головѣ, чѣмъ у ея мужа, и больше доброты, чѣмъ у идеальной Софіи. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе жизненно нарисованъ ея образъ, очевидно, выхваченный изъ русской дѣйствительности, со всѣми его смѣшными и симпатичными чертами. Достоевскій ставилъ «Бригадиршу», въ нравственномъ отношеніи, даже выше Софіи; современники Фонвизина видѣли въ Бригадиршѣ типъ истинно-русской женщины: Н. И. Панинъ сказалъ писателю: «Бригадирша ваша—всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую Акулину Тимофеевну не имѣетъ—или бабушку, или тетушку!» Бригадиръ и Совѣтникъ. Бригадирша.

Положительныя лица комедіи, Софья и Добролюбовъ, обрисованы бѣгло,—они были нужны для оттѣненія отрицательныхъ чертъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Положительныя лица комедіи.

Цѣнно также и то, что для каждаго дѣйствующаго лица Фонвизинъ сумѣлъ найти особый характерный языкъ: Бригадиръ говорилъ грубо, какъ подобаетъ старому военному служакѣ; отъ рѣчей Совѣтника отзываетъ реторикой семинаріи и казенной палаты. Бригадирша говоритъ прекрасной русскою рѣчью «московскихъ просвиренъ». О другой комедіи Фонвизина «Недоросль» сказано будетъ ниже, такъ какъ для объясненія ея нужно прежде сказать о комедіяхъ Екатерины, повліявшихъ на нее.

§ 87. Изъ комедій императрицы Екатерины наиболѣе интересны: „О время!“ и „Именины г-жи Ворчалкиной“. Оба произведенія написаны подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сатиры Новикова. Какъ драматическія произведенія, эти произведенія представляютъ мало интереса,—въ нихъ нѣтъ „дѣйствія“, это—просто „сцены“ изъ русской жизни. Содержаніе первой комедіи заключается въ слѣдующемъ: Комедіи Екатерины.

Содержаніе комедіи „О, время!“ Къ старухѣ Ханжахиной пріѣзжаетъ Непустовъ сватать своего молодого пріятеля за ея молодую внучку Христину. Свадьба чуть не разстраивается вслѣдствіе вмѣшательства двухъ сестеръ хозяйки — Вѣстниковой и Чудихиной. Благодаря хитрости служанки Мавры свадьба улажена.

Ханжахина. Ханжахина очень богомольна, но, въ то же время, жестока, груба и невѣжественна. Такъ, когда пріѣзжаетъ Непустовъ, онъ застаетъ барыню на молитвѣ; это его удивляетъ: сколько разъ онъ ни пріѣзжалъ— всегда заставалъ барыню усердно молящеюся передъ иконой.— Мавра объясняетъ ему причину этого явленія: она разсказываетъ ему о лицемѣріи своей барыни, объ ея ханжествѣ, скупости... Является хозяйка и начинаетъ сама разсказывать о себѣ. Она противъ свадьбы внучки, такъ какъ ей жаль разстаться съ приданымъ; она жалуется на тягостное положеніе свое въ домѣ: «до того ли нынче! говоритъ она, люди не даютъ покоя! Вотъ какой нынче былъ случай: я обѣщалась, чтобы до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ покойная моя бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ Господи! И лишь только начала,—анъ, гляжу, вошелъ мамкинъ (нянькинъ) сынъ и стоитъ, какъ демонъ, въ горницѣ. Я ему говорю: «поди вонъ! не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться»,— а онъ мнѣ въ ноги; я въ другой разъ ему молвила: «поди ты, сатана, вонъ!»—а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ!» Оказывается, это приходилъ лакей проситъ у барыни разрѣшенія жениться. «Мнѣ, дескать, тридцать уже лѣтъ; мать, де, моя умерла, обшить, обмыть некому, — и для того жениться! Нечего дѣлать, заключаетъ разсказъ барыня, велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ!»

Вѣстникова. Сестрица ея Вѣстникова—сплетница: съ самаго своего появленія она трещитъ безъ умолку: «здравствуй, сестрица-матушка! Я безъ души къ тебѣ скакала! Знаешь ли ты, какую чудную сложили сказку? По всему городу сказываютъ (да ужъ и къ знатнымъ боярамъ пошло!), что, будто, ты за Молокососова внучку выдаешь! Статочно ли это было? Выдаешь дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку! Я его вотъ этакаго (указываетъ) знала: онъ и тогда и глупъ, и спесивъ былъ. Однажды пріѣхала я... *я*... къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать!.. Онъ тогда былъ лѣтъ десяти; вошла въ горницу... вѣдь мы таки не подлыя... поклонилась всѣмъ, а онъ сталъ въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ... подумай, матка... *во весь вечеръ* ко мнѣ и не подошелъ!.. Съ того времени я терпѣть его не могу... Какая же нянюшка у него была! Да и матушка изрядная! Не у кого, правду сказать, и поучиться-то было!... Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная!..» Далѣе потокъ ея рѣчей перебивается одной сплетней за другой,—она всякому пустяку готова придать особое значеніе: «пишутъ, говоритъ она, изъ Петербурга: если бы вы знали, какія у насъ къ масляницѣ готовятъ крутыя горы, то вы бы удивились и испужались — и замѣчаете, какой обинякъ? Я разумѣю, что оно значитъ: *крутенька-то гора затѣвается*!»

Чудихина. Чудихина—суевѣрная старуха, которая не хочетъ войти въ комнату, гдѣ трещитъ сверчокъ, боится сидѣть на мѣстѣ, гдѣ 30 лѣтъ назадъ

умеръ человѣкъ. Она убѣждена, что ей надо беречься, такъ какъ она «испорчена»: «у меня, свѣтъ мой, въ животѣ щука—разсказываетъ она, съ молоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачеха моя; она была колдунья и меня не любила; а въ спину мнѣ засадила собаку, и когда онѣ тамъ ссорятся, такъ я чувствую!.. таки точнешонько слышу, какъ щука хвостомъ хлестнетъ по собакѣ, а собака огрызается и ворчитъ».

Христина.

Героиня, дѣвица Христина, ничему не учена,—она «до двадцати лѣтъ и платья-то не знала, а бѣгала, для легкости, въ одной сорочкѣ; когда же пріѣзжали посторонніе, то прятали ее въ спальнѣ за печкой»: «съ мужчинами, кромѣ Фалалея, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говорила». Встрѣчаемъ мы въ этой комедіи заступничество за крѣпостныхъ. Слуга Антипъ говоритъ: «будто можно побоями перемѣнить человѣческій нравъ!» Посмотри-ка ты, у Невѣждова всякій день то и дѣло, что людей порютъ батожьемъ и за всякую бездѣлицу, равно какъ и за большую вину кожу съ нихъ спускаютъ, а люди—всѣ воры и пьяницы. Этимъ не передѣлаешь нашего брата! Напротивъ того, мой баринъ не таковъ: лихъ и рѣдко дерется, однако, глянь, какіе мы у него молодцы, человѣкъ человѣка лучше, красивѣе, веселѣе и порядочнѣе!»

Отношеніе и-цы къ крѣпостничеству.

Комедія „Именины г-жи Ворчалкиной“.

Въ комедіи: «Именины г-жи Ворчалкиной» осмѣяны, въ лицѣ Спесова, аристократическіе предразсудки. Идеальный герой Дремовъ говоритъ ему: «какая глупая гордость хвалиться родомъ! Это называется хвалиться чужимъ: ворона всегда будетъ ворона, хотя бы она и павлиньими украсилась перьями!» Особенно удались Екатеринѣ въ этой комедіи два типа: щеголя Фирлифюшкова и щеголихи Олимпіады.

Олимпіада.

Олимпіаду смѣшитъ самая мысль идти замужъ «за одного». По ея мнѣнію, «это—impoli» по отношенію къ другимъ «adorateur'амъ»—«а я не хочу весь свѣтъ обидѣть!» восклицаетъ она. Фирлифюшковъ говоритъ ломанымъ языкомъ: «Ah, ma princesse, bonjour!» Я ѣздилъ гулять,—взять немного воздуха. Вы знаете, что я умру, если дома въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю, что «uniforme». Когда служанка спрашиваетъ, почему онъ пріѣхалъ поздно, онъ восклицаетъ: «Belle demande! Гдѣ я пробылъ! А ma toilette, голубка... Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ à me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая мигрена! и такъ въ носу грустно, что сказать не можно! Нѣтъ ли eau-de-luce понюхать?»...

Фарсы Екатерины и комедіи противъ масоновъ.

Отъ Екатерины, кромѣ бытовыхъ комедій, осталось нѣсколько «фарсовъ» и комедій, направленныхъ противъ масоновъ. «Фарсы», конечно, особаго интереса не имѣютъ, но пьесы второго рода любопытны. «Обманщикъ» (1785), «Обольщенный» (1785), «Шаманъ Сибирскій (1786). Въ первой пьесѣ подъ именемъ Калифалкжерстона осмѣянъ извѣстный гр. Каліостро, масонъ и фокусникъ. Онъ обманываетъ простака, выдаетъ себя за человѣка, жившаго много столѣтій и лично знавшаго Александра Македонскаго. Въ другихъ пьесахъ она выводитъ шарлатановъ, которые приписываютъ себѣ знанія и занятія масоновъ. Только суевѣрные и невѣжественные люди попадаютъ въ ихъ ловушки.

Значеніе пьесъ и-цы Екатерины.

Пьесы Екатерины любопытны, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ дѣйствительная жизнь втор-

галась на русскую сцену,—передъ нами настоящія русскія лица, русскіе интересы... Языкъ пьесъ, свободный отъ тяжелыхъ узъ стиха псевдоклассическихъ комедій, блещетъ яркостью красокъ, прозраченъ до того, что легко вводитъ читателя въ настроенія, мысли и чувства дѣйствующихъ лицъ.

Языкъ этихъ пьесъ.

Комедіи Екатерины, написанныя въ подражаніе шекспировскимъ.

Сторонница освобожденія театральныхъ пьесъ отъ контроля „правилъ", Екатерина была противницей французской псевдоклассической школы. Она первая, у насъ, написала: „Вольное, но слабое переложеніе изъ Шекспира—комедію": „Вотъ, каково имѣть корзину и бѣлье" (1786)—подражаніе „Виндзорскимъ проказницамъ". Тогда же написала она комедію „Расточитель" и „Чуланъ"—подражаніе Кальдерону. Очевидно, 1786-ой годъ былъ въ исторіи ея творчества годомъ увлеченія реалистической драмой.

Комедіи Веревкина.

§ 88. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Лукина, Фонвизина, быть можетъ, Екатерины и русской сатиры, были написаны комедіи Веревкина, изъ которыхъ лучшая: «Такъ и должно» (1773) отличается яркой народностью. Въ ней осмѣянъ русскій судъ, со всѣми его злоупотребленіями. Судья изъ отставныхъ военныхъ ничего въ дѣлахъ не понимаетъ и не любитъ слушать длинные доклады: «Полно, братъ, барабанить-то, говоритъ онъ секретарю Урываю Алтынникову, подавай-ка сюда, я подмахну! Вѣдь ты подпишешь же,—такъ чтò тебѣ, то и мнѣ! по нашей бы драгунской совѣсти, сѣчь, рубить, жечь, потрошить—такъ то наше дѣло, а грамотку-то мы по середнему знаемъ,—ты, чай, и крещенъ въ чернилахъ-то, такъ тебя не объѣдутъ!» Секретарь—взяточникъ, но очень благочестивый. Получивъ взятку, онъ цѣлуетъ кошелекъ съ червонцами и приговариваетъ: «Кабы этакая рыбка да почаще на удку, такъ бы велико имя Господне!»—и при этомъ онъ благоговѣйно крестится. Старуха-помѣщица въ этой комедіи осмѣяна авторомъ за невѣжество, грубость и скупость, но, какъ фонвизинская Бригадирша, она обладаетъ многими хорошими качествами простого русскаго человѣка: у нея сердце доброе, молодежи она сочувствуетъ, она религіозна,—словомъ, въ этомъ образѣ сказалось инстинктивное сочувствіе автора къ стариннымъ русскимъ людямъ.

„Недоросль".

§ 89. Комедія „Недоросль", написанная спустя 16 лѣтъ послѣ „Бригадира", должна разсматриваться, какъ итогъ цѣлаго ряда скрещивающихся чисто-русскихъ литературныхъ вліяній, которыхъ еще не знала первая комедія Фонвизина. Талантъ автора теперь вполнѣ развернулся, и міросозерцаніе его сдѣлалось серьезнѣе и глубже. Въ зависимости отъ этого, и обрисовка дѣйствующихъ лицъ теперь дѣлается ярче, и все построеніе комедіи живѣе и естественнѣе, да и самое отношеніе къ русской жизни

теперь у автора болѣе сознательно, болѣе серьезно; воздѣйствіе сатиры Новикова, захватившее даже императрицу, покоряетъ теперь и Фонвизина; наконецъ, что̀ особенно важно, новая комедія свидѣтельствуетъ, что авторъ, начавшій свою литературную дѣятельность еще подъ покровительствомъ „просвѣщеннаго абсолютизма, за 16 лѣтъ созрѣлъ до критическаго къ нему отношенія.

Какъ и въ «Бригадирѣ», такъ и въ «Недорослѣ» проведена симметричность добродѣтели и порока: рядомъ съ порочными людьми выводятся добродѣтельные—особенность псевдоклассическихъ произведеній («теорія контрастовъ»), свидѣтельствующая, быть можетъ, о неувѣренности авторовъ въ достаточной понятливости зрителя: требовалась еще указка автора, нужно было объяснить зрителю идейную сторону пьесы, помочь ему отвлечь идеалы автора отъ изображаемыхъ явленій. Зритель, или читатель нашихъ дней, самъ можетъ это сдѣлать, поэтому теперь авторамъ не приходится въ своихъ произведеніяхъ такъ старательно «черное» оттѣнять «бѣлымъ». Псевдоклассическая теорія контрастовъ.

Главное дѣйствующее лицо пьесы—Простакова, образъ живой, до нашего времени не потерявшій яркихъ красокъ. Если, при созданіи типа Бригадирши, Фонвизинъ *безсознательно* нарисовалъ глубокоправдивый образъ, то при созданіи типа Простаковой и творчество, и сознаніе автора оказались въ согласіи. Онъ заглянулъ въ глубины русской современной ему жизни,—и оттуда, навстрѣчу его пытливому взору, поднялся этотъ типъ, живущій въ ней до нашихъ дней. Правда, понявъ душу своей героини, Фонвизинъ не вполнѣ уяснилъ себѣ причины появленія у насъ этого, нарисованнаго имъ, образа,—онъ увидѣлъ въ Простаковой и Митрофанѣ только «плоды злонравія» своихъ дней,—между тѣмъ, смыслъ этого типа гораздо глубже,—это «вѣковой» русскій типъ. Вся русская жизнь виновна въ созданіи этого образа, въ которомъ такъ чудно сочеталось безобразное съ трогательнымъ, давъ въ результатѣ одно «злонравіе». Простакова—жертва невѣжества, крѣпостничества, жертва великаго чувства любви матери къ ребенку, чувства, не поднявшагося на высоту *не по ея винѣ*. Въ этомъ—страшный трагизмъ ея судьбы; на ней, какъ на герояхъ греческихъ трагедій, тяготѣетъ проклятіе, извращающее даже хорошія ихъ побужденія: за вину своихъ предковъ отвѣчаетъ она. Русскіе критики давно уже замѣтили, что, «какъ Тартюфъ стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и Простакова» (Вяземскій). Вотъ почему ея возгласъ: «одинъ ты остался у меня, сердечный другъ, Митрофанушка!»,—ужасный отвѣтъ сына: «да отвяжись, матушка, какъ навязалась!»—и, наконецъ, трагичное восклицаніе ея: «нѣтъ у меня сына!»—представляютъ сцену, по своей простотѣ и силѣ потрясающую... Глядя на нее, «какъ при казни преступника, говоритъ Вяземскій, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго!»... И въ самомъ дѣлѣ, Простакова оказывается «безъ вины виновата», такъ какъ она, прежде всего, *мать:* она обожаетъ своего Митрофанушку: онъ—ея единственная забота, ради него она жестока съ крѣпостными (отношеніе къ нянькѣ),

Простакова.

Вяземскій о трагизмѣ въ образѣ Простаковой.

ради него она готова на преступленья, обманъ и насиліе... «Видано ли гдѣ, чтобы сука своихъ щенятъ выдавала?»—вотъ та животная мораль, съ которою *до нея* въ теченіе многихъ вѣковъ жили *лучшія* русскія матери! Виновата ли Простакова, что ея вѣковѣчная мораль вдругъ столкнулась съ какими-то новыми сентенціями Стародума и Правдина, съ педагогическими идеалами самой Екатерины, съ міросозерцаніемъ Фонвизина? Вѣдь она и то сдѣлала уступку просвѣщенному вѣку Екатерины,— наняла учителей своему Митрофанушкѣ!

Главныя черты ея характера—сила воли и несомнѣнный умъ. Но отсутствіе любви къ кому бы то ни было, кромѣ Митрофана (и то эта любовь къ сыну отличается самымъ низменнымъ, животнымъ характеромъ), и образованія совершенно не контролируютъ ея сильной натуры: сила воли у нея ушла на зло; умъ выразился въ хитрости, въ умѣніи ловко обдѣлывать свои дѣла. Въ результатѣ одно: злонравіе.

Митрофанушка.

Образъ Митрофанушки обрисованъ одностороннѣе: нѣтъ въ немъ той психической сложности, какою отличается его мать. Если бы къ этому образу авторъ прибавилъ одну только черту—любовь къ матери,—послѣдняя сцена комедіи могла бы вызывать слезы.

Основной чертой его характера является эгоизмъ,—результатъ безобразнаго воспитанія. Онъ хитеръ и потому ловко представляется любящимъ сыномъ, пока это ему выгодно,—въ сущности, онъ не любитъ никого,—ни матери, ни отца. Его лѣность и неразвитость, какъ и эгоизмъ,— результатъ условій жизни (крѣпостное право, ср. Илью Обломова) и воспитанія.

Еремѣевна.

Высокой художественностью отличается образъ няни Еремѣевны. Это— уже не «субретка» псевдоклассической комедіи,—а живой, типичный сколокъ съ жизни: русская раба, полная собачьей привязанности къ своему воспитаннику, къ конурѣ, гдѣ она спитъ и ѣстъ,—образъ, много разъ повторявшійся позднѣе въ русской литературѣ.

Остальныя комическія лица.

Остальныя «комическія» лица обрисованы съ меньшею художественностью: порою авторъ, ихъ рисуя, впадаетъ въ шаржъ и карикатурность. Тѣмъ не менѣе, всѣ они свѣжи и новы въ исторіи русской комедіи: и Кутейкинъ, и Цифиркинъ, и портной Тришка, и безвольный папаша Простаковъ, предстали впервые на русской сценѣ,—каждый со своей особою рѣчью, со своими манерами и характерами...

Стародумъ.

Изъ добродѣтельныхъ лицъ комедіи особенно любопытенъ Стародумъ. «Резонерство» вообще было въ ходу въ XVIII в.,—вотъ почему и Стародумъ казался тогдашнимъ посѣтителямъ русскаго театра и читателямъ комедіи не отвлеченнымъ образомъ, а живымъ и очень интереснымъ. И, дѣйствительно, черты излишней горячности, заставившей Стародума подать въ отставку, юморъ, временами оживляющій его старческое лицо добродушной улыбкой, способность возмущаться придворными порядками,—все это черты «случайныя», для добродѣтельнаго героя необязательныя, но вносящіе въ его тусклый образъ нѣкоторую жизнь и правду.

Построеніе комедіи.

Построеніе этой комедіи проще: нѣтъ сложной интриги «Бригадира»,— все дѣйствіе построено на любви Простаковой къ Митрофану,—остальныя всѣ отношенія искусно сведены къ этой главной интригѣ.

Отношеніе Фонвизина къ жизни вообще, и русской въ частности, выражено рѣчами Стародума и Правдина. Въ педагогическихъ взглядахъ Фонвизинъ сходился съ Екатериной и Бецкимъ, которые оба примыкали къ Локку, Фенелону и Жанъ-Жаку Руссо. Особое вниманіе обращалось этими высокопоставленными русскими «педагогами» на *нравственность* юношества, на воспитаніе «сердца». Стародумъ говоритъ, что умомъ не стоитъ величаться: «умъ, коль онъ только-что умъ—самая бездѣлица». «Прямую цѣну уму даетъ благонравіе»; безъ души «просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь. Невѣжда безъ души—звѣрь!» «Имѣй сердце, имѣй душу—и будешь человѣкъ во всякое время! На все прочее моды—на умы мода, на знанія мода». Его житейскія убѣжденія выражаются въ подобныхъ же афоризмахъ; напр.: «въ первомъ движеніи ничего не начинать», «гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану», «оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ,—умны будутъ, безъ него обойдутся, а глупому сыну не въ помощь богатство», «знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ, а, обыкновенно, желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать», «всякій найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну», «не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила бы; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила». «Житейская мудрость» Стародума помогла ему разобраться и въ сложной жизни двора: интриги придворной жизни, себялюбіе, искательство,—вотъ, на что въ остроумныхъ афоризмахъ указывалъ Стародумъ, «другъ честныхъ людей»; отъ рѣзкой критики современной придворной жизни Фонвизинъ устами Стародума отваживался и на большее,—онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе петровскому времени; его Стародумъ говоритъ: «отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, и я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные!» Всѣ эти изреченія были вызовомъ двору,—доказательствомъ того, что писатель совершенно отдѣлался отъ ослѣпляющаго блеска «просвѣщеннаго абсолютизма».

Отношеніе Фонвизина къ русской жизни въ комедіи: a) педагогическіе взгляды Стародума-Фонвизина. b) житейскія убѣжденія. c) отношеніе къ двору. d) отношеніе къ Екатерининской эпохѣ.

Вложивъ въ уста своего героя много идей, ходячихъ, «модныхъ», обрисовавъ, къ тому же, его нѣсколькими живыми чертами, Фонвизинъ сдѣлалъ, въ глазахъ своихъ современниковъ, изъ Стародума первое лицо въ комедіи. Интересъ тогдашнихъ зрителей къ этому герою, къ его «проповѣдямъ», былъ великъ настолько, что затмилъ у нихъ интересъ къ другимъ лицамъ комедіи. Впослѣдствіи Фонвизинъ сталъ выпускать періодическое изданіе, подъ названіемъ: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ» (1788), въ которомъ продолжалъ проповѣди отъ лица этого, полюбившагося всѣмъ, героя.

Отношеніе къ Стародуму русскихъ людей XVIII в.

Митрофанушка, несомнѣнно, тоже живое лицо. Прообразовъ ему можно много найти и въ мемуарахъ того времени, и въ сатирическихъ журналахъ (Ѳалалей у Новикова), и въ комедіяхъ [1]). Напр., въ комедіи Екатерины «О время» разсказывается о 18-лѣтнемъ Николашкѣ, который всю зиму не сходилъ съ лежанки, и, во время болѣзни, ѣлъ только блины и сладости; азбуку онъ только-что кончилъ, но къ часослову еще

Прообразы Митрофана въ жизни и литературѣ.

[1]) Такимъ образомъ, для своего героя Фонвизинъ могъ имѣть натурщиковъ и въ русской жизни, и въ русской сатирической литературѣ.

не приступалъ. Подобно Митрофану, онъ записанъ въ полкъ, но на службу не является. Самое ученіе Митрофана точно также списано съ дѣйствительности: дьячки и отставные солдаты до XIX в. были въ русской деревнѣ единственными педагогами, носителями тогдашняго скуднаго просвѣщенія. Иностранцы, въ родѣ Вральмана, тоже были не рѣдкость въ русскомъ захолустьѣ. Въ запискахъ Порошина разсказывается о томъ, какъ одинъ такой гувернеръ, нанятый въ дворянскую русскую семью для обученія сына французскому языку, выучилъ молодого русскаго дворянина чухонскому, такъ какъ самъ оказался не французомъ, а чухонцемъ, чего родители юноши не могли самостоятельно разобрать, не зная языковъ. Въ одной комедіи Екатерины выведенъ типъ, близкій къ Вральману.

Отношеніе Фонвизина къ крѣпостному праву.

Насколько сознательно относился теперь Фонвизинъ къ русской жизни, видно, хотя бы, изъ того, что вопросъ о крѣпостничествѣ, въ «Бригадирѣ» слегка намѣченный въ презрительномъ отзывѣ совѣтницы о дворовыхъ слугахъ,—поставленъ въ «Недорослѣ» ребромъ: грубость обращенія съ крѣпостными и помѣщичій произволъ обнажены въ цѣломъ рядѣ сценъ (отношеніе къ портному Тришкѣ, къ старой нянькѣ, къ больной Палашкѣ, толкованіе Простаковой «манифеста о вольности» дворянства). Устами Стародума и Правдина, Фонвизинъ высказалъ свои свѣтлые взгляды на отношеніе къ крестьянамъ: «угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно»—говоритъ онъ. Его же устами преподалъ Фонвизинъ нѣсколько смѣлыхъ наставленій Екатеринѣ относительно «придворныхъ льстецовъ» и величія той души, которая умѣетъ стать выше лести и не уклоняется со стези истины. Всѣ эти уроки были уже не ко времени, такъ какъ тогда она уже отказалась отъ лучшихъ надеждъ юности своей—отъ идеаловъ «Наказа», отъ освобожденія крестьянъ...

Комедія „Ябеда".

§ 90. Очень интересна также комедія Капниста: „Ябеда". Напечатанная значительно позднѣе, въ 1796 г., она, однако, вся принадлежитъ къ этимъ живымъ народнымъ комедіямъ, которыя стали появляться послѣ бытовыхъ комедій Екатерины и Фонвизина. Комедія Капниста осмѣиваетъ взяточничество судебное.

Содержаніе.

Праволомовъ хочетъ оттягать имѣніе у Прямикова: подкупленные судьи устраиваютъ ему это дѣло, но сенатъ возстановляетъ правосудіе и отдаетъ подъ судъ чиновниковъ. «Ябеда» пользовалась въ свое время громаднымъ успѣхомъ и, несомнѣнно, отразилась на произведеніяхъ Гоголя, Грибоѣдова и Островскаго. Многія выраженія ея обратились въ пословицы,—напр., «законы святы, да исполнители лихіе супостаты». Капнистъ, обличая судейскую «ябеду», самъ чувствовалъ безсиліе своихъ «обличеній»—онъ самъ говоритъ:

„...Окрещенъ кто уже въ чернилахъ разъ
Тотъ черенъ останется, хоть мой во Іорданѣ!"

Характеры дѣйствующихъ лицъ раскрыты въ словахъ Доброва:

„...Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій Іуда и предатель,
Онъ и ошибкою дѣлъ прямо не вершилъ,
Онъ съ кривды пошлиной карманы начинилъ,
Онъ и законами лишь беззаконье удитъ!“

Изъ «членовъ» суда—одинъ вѣчно пьянъ, другой—страстный охотникъ. Секретарь оказывается совсѣмъ «лихой».—

„Хоть голъ будь, какъ ладонь,—онъ что-нибудь да схватитъ!
Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ смѣло,
Иль стибритъ документъ—его все это дѣло!“

Въ этихъ герояхъ русскаго суда мы узнаемъ уже будущихъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго. Очень живо изображена пирушка судейскихъ чиновниковъ. Они цинично острятъ по поводу своихъ «грѣшковъ». Прокуроръ Хватайко поетъ куплеты:

„Бери!—большой тутъ нѣтъ науки!
Бери, что можно только взять!
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?!“

Всѣ подхватываютъ: «брать!» Эта сцена пирушки и пѣніе куплетовъ заимствовано Островскимъ: его Жадовъ тоже поетъ, очевидно, даже въ XIX в. популярную пѣснь «прокурора».

§ 91. *Реалистическая трагедія.* На трагедіяхъ Княжнина мы видимъ, въ какомъ направленіи шло у насъ разложеніе *псевдоклассической драмы:* сохраняются ея формы, построеніе—мѣняется содержаніе,—отвлеченный моральный идеализмъ старой типичной трагедіи оживотворяется могучимъ притокомъ интересовъ современности. Итакъ, реализмъ проникаетъ въ содержаніе, пока еще не касаясь ея формы.

Ходъ постепеннаго разложенія псевдоклассической драмы.

Трагедія *реалистическая* должна была измѣнить и самыя формы. Первыми попытками въ этомъ направленіи были пьесы Екатерины: 1) „Историческое представленіе безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ въ жизни Рюрика. Подражаніе Шекспиру“ (1786); 2) „Начальное управленіе Олега“; 3) „Игорь“. Въ самомъ заглавіи этихъ трехъ пьесъ указано, что всѣ онѣ—„подражаніе Шекспиру“ и сочинены „*безъ соблюденія правилъ*“,—любопытный фактъ, доказывающій, что простота и правдивость генія Шекспира уже оцѣнена была у насъ—трилогія императрицы является подражаніемъ его историческимъ хроникамъ. Пьесы эти, впрочемъ, никакого вліянія на

Возникновеніе у насъ новой реалистической трагедіи.

русскую литературу не имѣли—публикѣ онѣ остались мало извѣстны, къ тому же въ нихъ нѣтъ драматическаго интереса,—это сцены къ той русской исторіи, которую сочинила сама императрица.

Содержаніе пьесы изъ жизни Рюрика.

Содержаніе первой пьесы—бунтъ Вадима. Рюрикъ, внукъ Гостомысла и сынъ его дочери, супруги финскаго короля; Вадимъ—сынъ младшей дочери Гостомысла, любимецъ дѣда. Тѣмъ не менѣе, Гостомыслъ дѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ старшаго внука Рюрика. Вадимъ, оскорбленный своимъ подначальнымъ положеніемъ, возмущается противъ Рюрика, но оказывается побѣжденнымъ. Рюрикъ его прощаетъ.

Содержаніе пьесы изъ жизни Олега.

Вторая пьеса открывается сценой основанія Москвы. Въ присутствіи толпы народа, жрецовъ, свиты кладется первый камень при самыхъ благопріятныхъ знаменіяхъ (орелъ носится надъ толпой). Являются люди кіевскіе съ жалобой на Оскольда, который принялъ христіанство въ Кіевѣ. Олегъ захватываетъ Оскольда. Въ это время пріѣзжаетъ Прекраса, невѣста Игоря. Совершается бракосочетаніе. Олегъ идетъ походомъ на Царьградъ. Онъ—побѣдитель, съ почетомъ сидитъ во дворцѣ императора и глядитъ на представленіе трагедіи Еврипида: «Алкиста».

Особенности этихъ пьесъ.

Въ обѣихъ пьесахъ не соблюдено «единствъ», написаны онѣ прозой, монологовъ во вкусѣ псевдоклассицизма нѣтъ, длинныхъ повѣствованій тоже. Въ пьесу введено большое число дѣйствующихъ лицъ, представлена толпа; голоса «изъ толпы» даютъ понятіе объ ея впечатлѣніяхъ. При изображеніи свадебныхъ обрядовъ введены народныя пѣсни. Но если внѣшнія особенности пьесъ Шекспира соблюдены, то нѣтъ въ нихъ шекспировскаго пониманія души человѣческой, нѣтъ типичныхъ, яркихъ образовъ, нѣтъ свободнаго, живого дѣйствія...

Шекспиръ въ русской литературѣ XVIII в.

Это своеобразное увлеченіе императрицы Шекспиромъ въ то время, можно сказать, было единичнымъ въ русской литературѣ. Правда, еще въ 1787 году, Карамзинъ *перевелъ* на русскій языкъ „Юлія Цезаря“ и въ томъ же 1787 г. какой-то неизвѣстный переводчикъ — *перевелъ* „Жизнь и смерть Ричарда III“—но этимъ дѣло и кончилось. Попытокъ *написать* самостоятельную пьесу въ духѣ Шекспира никто у насъ въ XVIII вѣкѣ не дѣлалъ, кромѣ Екатерины.

Русская басня до Хемницера.

§ 92. Кантемиръ первый сочинялъ у насъ „басни“; Тредіаковскій перевелъ на русскій языкъ нѣсколько басенъ Эзопа, Сумароковъ писалъ басенъ и „притчъ“ очень много, но изъ этихъ раннихъ баснописцевъ только Хемницеръ оставилъ послѣ себя произведенія, до нашихъ дней не потерявшія литературнаго значенія.

Біографія Хемницера.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ родился въ 1745 г. и былъ сыномъ саксонца-врача, пріѣхавшаго въ Россію изъ города Хемницъ (отсюда и

фамилія писателя). Подобно А. Кантемиру, Хемницеръ совершенно обрусѣлъ, прекрасно овладѣлъ русской рѣчью и привязался всей душой къ новой родинѣ. Въ юности писатель былъ 12 лѣтъ въ военной службѣ, потомъ сталъ заниматься минералогіей; скончался онъ въ Смирнѣ въ 1784 г., въ должности русскаго консула. Литературной дѣятельностью онъ занялся подъ вліяніемъ своихъ друзей—Львова и Капниста. Кромѣ басенъ, сочинялъ онъ и оды, и сатиры. Первое изданіе его басенъ вышло въ 1779 г.

Басни Хемницера отличаются простотою и безыскусственностью, какъ въ содержаніи, такъ и въ изложеніи, и языкѣ; но, при этой простотѣ, онѣ въ то же время проникнуты тонкой ироніей, легкой, веселой насмѣшкой и заключаютъ въ себѣ столько ума, здраваго смысла и знанія жизни, что невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателя даже нашего времени. Человѣкъ скромный и честный, Хемницеръ такимъ рисуется и въ своихъ произведеніяхъ: его обличенія мягки и проникнуты скорѣе элегическою грустью, чѣмъ рѣзкостью сатиры. Во многихъ его басняхъ совсѣмъ нѣтъ обличенія,—такъ, напримѣръ, онъ охотно восхваляетъ умъ, знаніе, трудъ, честность и правду. Добродушно высмѣивалъ онъ самомнѣніе и педантизмъ, умничанье и резонерство (напр., въ баснѣ „Метафизикъ"). Умѣренность и осторожность рекомендуетъ онъ, какъ лучшія средства „жить мудро" и въ частной, и въ общественной жизни. Не уклонялся Хемницеръ и отъ вопросовъ государственныхъ,—во многихъ его басняхъ можно было найти намеки на современныя ему событія. Онъ былъ ближайшимъ учителемъ Крылова,—самъ же учился, главнымъ образомъ, у Лафонтена и Геллерта.

Особенности басенъ Хемницера.

§ 93. *Реалистическій романъ.* Выше было указано, какъ, подъ вліяніемъ „классическаго", греческаго романа, возникъ „псевдоклассическій", который относится къ своему прообразу такъ, какъ французская трагедія къ античной.

Реалистическій романъ.

Рядомъ съ этимъ «идеалистическимъ» романомъ, отчасти, какъ противовѣсъ ему, возникаетъ романъ «реалистическій»; онъ былъ двухъ видовъ: a) «*плутовской*», «авантюрный» (испанскій), построенный, какъ и ложноклассическій, на сцѣпленіи различныхъ приключеній и случайныхъ капризахъ «судьбы». Но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ романѣ былъ уже не идеальный герой, а плутъ и пройдоха; оттого и романъ этотъ, возникшій въ Испаніи, назывался «плутовскимъ»—и b) *новелла*, возникшая въ Италіи, какъ результатъ литературнаго развитія отдѣльныхъ повѣстушекъ-анекдотовъ, въ родѣ «фацецій», повѣстей «Римскихъ дѣяній» и пр. Возможно, что сборники этихъ повѣстушекъ дали матеріалъ и плутовскому роману; только тамъ этотъ

Виды реалистическаго романа на Западѣ.

матеріалъ распредѣлился въ схемѣ авантюрнаго романа, построеннаго на длинной цѣпи, «приключеній» — въ итальянской новеллѣ отдѣльные разсказы не объединились въ одно произведеніе, съ однимъ героемъ,—они искусственно соединились въ сборники «новеллъ», — причемъ каждая изъ нихъ является художественнымъ развитіемъ заимствованныхъ сюжетовъ простыхъ и нехитрыхъ.

Подъ перомъ Боккачіо («Декамеронъ») эти новеллы облагородились психологическимъ анализомъ, отчего Боккачіо и считается однимъ изъ выдающихся родоначальниковъ художественнаго реалистическаго романа.

Реалистическій романъ въ Россіи въ XVIII в.

Оба типа реалистическаго романа были у насъ извѣстны въ Россіи XVIII-го вѣка. Особенно популяренъ былъ французскій „плутовской“ романъ Лесажа „Приключенія Жилблаза“ (выдержалъ съ 1754 по 1800 г. 8 изд.). Менѣе извѣстна была „новелла“ (изъ Боккачіо на русскій языкъ переведены были 2—3 новеллы). Подражаній заимствованному „плутовскому“ роману и „новеллѣ“ у насъ очень мало; объясняется это тѣмъ, что наши писатели находились подъ сильнымъ вліяніемъ русскихъ сатирическихъ журналовъ и русской бытовой комедіи; главнымъ образомъ, подъ такими мѣстными вліяніями сложилась и русская реалистическая повѣсть конца XVIII-го вѣка.

„Путешествіе“ Радищева.

§ 94. Наиболѣе яркимъ произведеніемъ этого рода надо признать извѣстное произведеніе Радищева: „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву“. Сцены изъ жизни народа, угнетеннаго крѣпостничествомъ, многія отрицательныя стороны въ управленіи страной,—всѣ съ безпощаднымъ реализмомъ, даже натурализмомъ, изображены въ этомъ произведеніи Радищева. Конечно, это произведеніе нельзя назвать ни романомъ, ни повѣстью, но оно родственно съ ними своимъ повѣствовательнымъ характеромъ и можетъ быть разсматриваемо, какъ „собраніе повѣстей“. Кромѣ тенденціознаго, обличительнаго реализма здѣсь введено много картинъ и лицъ, въ обрисовкѣ которыхъ Радищевъ показалъ себя не только знатокомъ и судьею русской жизни, но и замѣчательнымъ художникомъ-жанристомъ.

„Кривоносъ-домосѣдъ“.

Къ этому же виду относится маленькая анонимная повѣсть-автобіографія, проникнутая глубокимъ и безотраднымъ пессимизмомъ: „Кривоносъ, домосѣдъ, страдалецъ модный“. Это—сатира на пошлость и пустоту русской жизни XVIII-го вѣка, на увлеченіе модами, на расшатанность тогдашней русской семьи и полное пренебреженіе къ воспитанію дѣтей. Авторъ—изломанное и

жалкое существо, созданное ужасными условіями тогдашней русской жизни.

„Неонила".

Лучшими русскими романами реалистическаго типа надо въ эту эпоху признать соч. А. Л.: „Неонила", справедливая повѣсть (1794 г.), и соч. А. Измайлова: „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества" (Спб. 1799—1801). Оба произведенія глубоко и широко захватываютъ жизнь русскихъ дворянъ и въ деревнѣ, и въ городѣ.

Содержаніе романа „Неонила".

Неонила, дочь богатыхъ помѣщиковъ, отъ отца унаслѣдовала много отрицательныхъ чертъ, а потому, несмотря на тщательное воспитаніе и доброе вліяніе матери, ведетъ себя еще дѣвушкой очень предосудительно. Выйдя замужъ, она пользуется еще бо́льшей свободой. Въ домѣ ея—вѣчный разгулъ. Въ романѣ выведены различные характерные типы тогдашнихъ русскихъ людей—отъ щеголей-вольтерьянцевъ до различныхъ приживалокъ, мелкихъ деревенскихъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Тяжелая жизнь крѣпостныхъ ярко изображена въ романѣ. Неонила умираетъ калѣкой и несчастной нищей. Въ ея лицѣ легко найти нѣкоторое сходство съ щеголихами XVIII в.

Содержаніе романа „Евгеній"

Жизнь Евгенія, героя романа А. Измайлова, разсказана очень подробно, съ самыхъ пеленокъ. Отецъ его дворянинъ, выслужившійся изъ приказныхъ, нечестно разбогатѣвшій и женившійся на дворянкѣ, хочетъ сына своего вывести въ «большой свѣтъ». Ребенокъ съ дѣтства записанъ въ гвардейскій полкъ, воспитывается безобразно и рано обнаруживаетъ дурныя наклонности, которыя только радуютъ родителей. Любовныя похожденія Евгенія въ пансіонѣ, «занятія» въ университетѣ, гдѣ онъ дружится со студентомъ-вольтерьянцемъ—описаны мастерски. Послѣ университета Евгеній ѣдетъ въ Петербургъ, поступаетъ въ гвардейскій полкъ сперва сержантомъ, потомъ дѣлается офицеромъ. Цѣлый рядъ различныхъ приключеній (во время картежныхъ игръ, кутежей, ухаживаній) встрѣчаетъ его въ столицѣ. Ни въ одномъ русскомъ произведеніи XVIII вѣка не изображалась такъ полно и живо русская дѣйствительность: деревня и столица, жизнь помѣщика, студента и гвардейскаго офицера, мужика, дворянъ разныхъ видовъ. Богатство и разнообразіе всевозможныхъ типовъ тогдашней Руси, живое талантливое изложеніе—дѣлаютъ романъ Измайлова замѣчательнымъ произведеніемъ.

Литературныя достоинства русскаго реалистическаго романа.

Для насъ очень цѣнно, что русскій реалистическій романъ, яркій и художественный, съ самаго возникновенія у насъ, пошелъ, болѣе или менѣе, самостоятельной дорогой: тѣсно связанный съ сатирой XVIII-го вѣка, подъ ея вліяніемъ подчеркивающій многія отрицательныя черты тогдашней русской жизни (напр., французоманію, дурное отношеніе къ крѣпостнымъ, щегольство и пр.), онъ сталъ гораздо выше русской сатирической литера-

туры, выгодно отличаясь отъ нея своимъ болѣе широкимъ и спокойнымъ отношеніемъ къ русской дѣйствительности.

Сентиментально-реалистическое направленіе.

§ 95. *С. Сентиментально-реалистическое направленіе.* Мы видѣли уже, что псевдоклассицизмъ сковалъ творчество писателя цѣлымъ рядомъ условій и правилъ. Вся Европа, находившаяся въ XVII - XVIII вв. подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ Франціи, подчинялась ей и въ литературномъ отношеніи: англичане забыли своего Шекспира, нѣмцы—свою народную поэзію и средневѣковую литературу. Но псевдоклассическая литература была, по преимуществу, „придворной", служила интересамъ и вкусамъ только той аристократической среды, которая находилась подъ сильнымъ французскимъ вліяніемъ: поэтому она была чужда и непонятна среднимъ и низшимъ слоямъ общества,—въ этихъ слояхъ и начался протестъ противъ псевдоклассицизма.

Протестъ псевдоклассицизму въ Англіи.

Прежде всего сказался этотъ протестъ въ Англіи, странѣ съ богатой національной литературой, выдвинувшей уже такого генія, какъ Шекспиръ. Среда, въ которой началось это возрожденіе англійскихъ литературныхъ вкусовъ, была «мѣщанская».

Жизнь англійскаго мѣщанства.

Въ то время, какъ англійскій дворъ и знать, оторванныя отъ народа, жили своей особой веселой жизнью на «французскій манеръ», мѣщанство англійское жило еще традиціями пуританизма: идеалы семейной жизни, религіозность, міросозерцаніе, построенное на морали,—вотъ основы его жизни. Литература, созданная этой средой, полно отразила ея идеализмъ и правдивое, простое отношеніе къ дѣйствительности; правдивость привела къ освобожденію литературнаго творчества отъ условности псевдоклассицизма; простота въ пониманіи и изображеніи жизни привела къ реализму. Вмѣсто непонятныхъ и неинтересныхъ сюжетовъ изъ псевдоантичной жизни—эта литература стала разрабатывать сюжеты изъ современной обыденной жизни. Радости и печали дѣйствительной жизни дали богатое содержаніе и лирикѣ, и роману, и драмѣ. Вмѣсто ложноклассическаго *героя* писателей сталъ занимать теперь *обыкновенный человѣкъ* —радости и печали его сердца, смѣна его настроеній... Вмѣсто громкихъ военныхъ подвиговъ и придворныхъ интригъ содержаніемъ литературы сдѣлалась драма частной жизни—борьба человѣка съ обществомъ, съ самимъ собою... Писатель, освобожденный отъ оковъ псевдоклассицизма, теперь усмотрѣлъ красоту въ природѣ,—дикой, не украшенной искусствомъ; народная поэзія, свободная отъ всякихъ правилъ, впервые предстала передъ его освобожденными очами во всей своей величественной чистотѣ... Такъ сложилась въ Англіи поэзія «свободнаго чувства». Для людей, особенно дорожившихъ этимъ освобожденіемъ чувства, французская псевдоклассическая литература казалась сухой, безжизненной, манерной, «безчувственной»—и вотъ, въ противоположность ей, они

Поэзія „свободнаго чувства" въ Англіи.

свое творчество назвали *чувствительнымъ*, «сентиментальнымъ» [1] (sentiment—чувство). Такъ какъ это творчество никогда не отрывалось отъ «дѣйствительности» (какъ это было съ псевдоклассицизмомъ), всегда питалось впечатлѣніями дѣйствительной жизни, то это литературное направленіе можетъ быть также названо *сентиментально-реалистическимъ* [2]). Характерныя черты его—пристрастіе писателя къ психологическимъ анализамъ человѣческаго сердца, своего и чужого, иногда чрезмѣрная, болѣзненная чувствительность, наконецъ, христіанскій идеализмъ въ основѣ котораго положена была любовь ко всему міру,—природѣ и людямъ.

„Сентиментализмъ".

Содержаніе этой сентиментальной поэзіи было такъ ново, что оно не могло умѣститься въ тѣхъ литературныхъ видахъ, которые были любезны псевдоклассицизму. И вотъ «ода», воспѣвающая «героевъ»,—смѣнилась теперь интимной лирикой сердца: «элегія» сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ видовъ этого новаго творчества; трагедія и комедія—смѣнились «драмой» («слезная», «мѣщанская»)—литературнымъ видомъ, который долженъ былъ выразить собой всю правду жизни—соединить слезы и смѣхъ въ сферѣ дѣйствительной, обыденной жизни; эпопея—смѣнилась *романомъ* («семейный», «психологическій»), который тоже, вмѣсто великихъ міровыхъ событій, изображалъ теперь лишь семейныя печали и радости, предоставляя этимъ автору и читателю возможность глубже заглянуть въ сердце обыкновеннаго человѣка.

Литературные жанры, излюбленные сентиментализмомъ.

Изъ Англіи сентиментализмъ перешелъ въ Европу и вскорѣ сталъ здѣсь вытѣснять псевдоклассицизмъ; особенно увлеклись имъ нѣмцы; отъ нихъ увлеченіе новымъ направленіемъ перешло и къ намъ. Вся наша литература XIX-го столѣтія отразила на себѣ вліяніе этого направленія—проповѣдь любви къ униженнымъ и оскорбленнымъ, глубокое и живое пониманіе красотъ природы, психологическій анализъ,—словомъ, всѣ характерныя особенности литературы XIX-го столѣтія намѣчены были этимъ направленіемъ еще въ XVIII в.

Сентиментализмъ на континентѣ.

Лирика. Изъ англійскихъ лириковъ популярны были Юнгъ («Плачъ, или Ночныя думы»), Томсонъ, написавшій лиро-эпическую поэму: «Времена года», Макферсонъ, сумѣвшій сдѣлать *субъективными* сентиментальными,—*объктивныя* эпическія старинныя шотландскія народныя пѣсни-баллады, передѣлавъ ихъ на сентиментальный ладъ и выпустившій ихъ подъ названіемъ: «Пѣсни Оссіана». Среди нѣмецкихъ лириковъ-сентименталистовъ первое мѣсто занялъ Клопштокъ и его ученики,—поэты «молодой Германіи». Восхваленіе Бога, природы, идеальныхъ чувствъ любви и дружбы,—вотъ главные мотивы этой поэзіи. Подъ ея вліяніемъ

Лирика сентиментальная.

---

[1]) Какъ говорятъ, это слово введено Стерномъ.

[2]) *Реалистическое* направленіе изображало дѣйствительность, *какъ она есть*, иногда даже сгущая краски, увлекаясь излишнимъ натурализмомъ (напримѣръ, „плутовской романъ"); иногда казнило эту дѣйствительность въ силу извѣстныхъ идеальныхъ убѣжденій автора (сатира),—*сентиментально-реалистическое направленіе* изъ дѣйствительности брало только то, что затрагивало область чувства, то волновало *сердце* (печальные и радостные факты изъ жизни, смѣна душевныхъ настроеній).

выработался въ Германіи типъ идеальнаго, поэтическаго юноши, у котораго «прекрасная душа» (die schöne Seele), который такой душой гордится и любитъ ее больше всего [1]).

Драма сентиментальная.

Драма. Первымъ произведеніемъ этого рода была англійская драма Лилло: «Джоржъ Барнвель, или Лондонскій купецъ». Пьеса, простая по завязкѣ, неглубокая по идеѣ, имѣла большой успѣхъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ, благодаря тому, что въ ней изображалась жизнь обыкновенныхъ людей. Во Франціи мѣщанская драма сочинялась Мариво, Детушемъ, Бомарше («Евгенія», «Мать-преступница»), Дидро («Побочный сынъ», «Отецъ семейства»); въ Германіи особенно популярны были Коцебу и Лессингъ («Минна фонъ Барнгельмъ», «Эмилія Галотти»).

Повѣсть сентиментальная.

Повѣсть. Наиболѣе яркимъ представителемъ этого направленія въ повѣствовательной литературѣ былъ Стернъ, съ его «Сентиментальнымъ путешествіемъ по Франціи». Въ этомъ произведеніи нѣтъ описаній, нѣтъ разсказовъ о приключеніяхъ,—передъ нами рядъ психологическихъ наблюденій надъ различными настроеніями чувствительнаго сердца: видъ птички въ клѣткѣ, мертваго осла на дорогѣ, сумасшедшей дѣвушки,—все это вызываетъ въ отзывчивой душѣ автора рядъ волненій, иногда выражающихся даже въ слезахъ. Стерна не интересуетъ обыденная жизнь людей,—онъ проходитъ мимо всѣхъ памятниковъ историческихъ, мимо произведеній искусства,—онъ интересуется только своимъ сердцемъ. Такимъ образомъ, сентименталисты первые сумѣли обратить *эпическое, объективное* произведеніе,—повѣствованіе—въ произведеніе *субъективное*, почти лирическое.

Романъ сентиментальный.

Нѣсколько въ другомъ родѣ романисты въ родѣ Ричардсона, Гольдсмита; тогда, какъ Стернъ говорилъ почти *только о своихъ* чувствахъ и выбиралъ изъ жизни только впечатлѣнія, трогающія его сердце,—они изображали чувства не свои, а чувства своихъ сентиментальныхъ героевъ; понятно, что сюжетами для своихъ романовъ выбирали они только трогательные случаи. Незаслуженныя страданія людей добродѣтельныхъ, душевныя волненія чистаго сердца, оскорбленнаго неправдой жизни,—и, рядомъ съ этимъ, психологія тѣхъ злыхъ людей, которые несправедливо преслѣдовали добродѣтельныхъ героевъ,—вотъ, излюбленныя темы этихъ сентиментальныхъ романовъ. Такимъ образомъ, и въ нихъ весь интересъ переносился отъ фабулы, отъ приключеній—на душевную борьбу; оттого

„Психологическій“ романъ.

этотъ англійскій чувствительный романъ носитъ также названіе «*психологическаго*»; теперь автору ненужны стали тѣ широкія рамки, въ которыхъ прежде только и могло умѣститься содержаніе романа псевдоклассическаго, авантюрнаго (герой странствовалъ по разнымъ государствамъ, иногда даже странамъ свѣта, испытывая всевозможныя приключенія), теперь романъ сузился въ рамки одной, двухъ семей,—и здѣсь, часто не выходя изъ стѣнъ одного дома, оказалось возможнымъ найти много интереснаго для писателя-психолога, трогательнаго—для человѣка

„Семейный“ романъ.

чувствительнаго. Оттого этотъ романъ носитъ также названіе «*семейнаго*». Для такого романа не нужны были короли, графы, рыцари и

[1]) Отсюда и слово: „прекраснодушный“, которое въ наши дни обыкновенно звучитъ иронически.

благородныя придворныя дамы. Этотъ романъ созданъ былъ мѣщанствомъ,— а потому и герои его—люди средняго сословія: мѣщане, купцы; оттого этотъ романъ называется также *мѣщанскимъ*,—въ немъ «аристократизмъ прежняго романа смѣняется теперь яркимъ демократизмомъ. „Мѣщанскій" романъ.

Въ первомъ романѣ Ричардсона, «Памела», разсказано о томъ, какъ одинъ богатый человѣкъ своею любовью назойливо преслѣдовалъ сироту, воспитанницу своей матери, кроткую, религіозную Памелу. Ея смиреніе и христіанское беззлобіе, подъ конецъ, смягчаютъ его, и онъ на ней женится. „Памела", романъ Ричардсона.

Въ другомъ романѣ Ричардсона, «Кларисса», разсказано о томъ, какъ добродѣтельная Кларисса, нелюбимая въ семьѣ, подвергается настойчивымъ ухаживаніямъ Ловласа [1]), котораго она любитъ, но не желаетъ отдаться его беззаконной любви. Кларисса борется и и съ родными, и съ Ловласомъ, и, подъ конецъ, умираетъ, не побѣжденная, но оскорбленная и поруганная. „Кларисса".

Въ третьемъ романѣ, «Исторія кавалера Грандиссона», выведенъ чувствительный, идеальный герой, съ прекрасной душой, который много дѣлаетъ людямъ добра; въ него влюбляются дѣвицы, но онъ своими наставленіями удерживаетъ ихъ отъ увлеченія; враги дѣлаются его друзьями, такъ какъ его добродѣтель ихъ обезоруживаетъ. „Грандисонъ".

Въ романѣ Гольдсмита («Вэкфильдскій священникъ») выведенъ идеальный сельскій священникъ, на котораго обрушиваются одна бѣда за другой. Онъ, безвинный, кончаетъ свои дни въ тюрьмѣ, среди воровъ и разбойниковъ. „Вэкфильдскій священникъ".

Всѣ эти трогательныя исторіи производили большое впечатлѣніе на читателей XVIII-го вѣка: въ нихъ впервые была раскрыта «драма обыденной жизни», указано обиліе зла на землѣ, отмѣчены страданія людей «униженныхъ и оскорбленныхъ». Въ нихъ же было предложено и средство борьбы со зломъ—религія и стойкость нравственныхъ идеаловъ. Въ романахъ старыхъ (псевдоклассическихъ и рыцарскихъ) добро всегда торжествовало,—романъ англійскій первый указалъ, что здѣсь, на землѣ, не всегда такъ бываетъ, и чаще добродѣтельный и вѣрующій человѣкъ долженъ утѣшаться надеждой на полученіе награды лишь послѣ смерти, изъ рукъ справедливаго Бога. Значеніе этихъ романовъ, ихъ идеализмъ.

Англійскій романъ, со всѣми его характерными особенностями (сентиментализмъ, христіанскій идеализмъ, психологическій анализъ, демократизмъ, художественный реализмъ), имѣлъ большой успѣхъ въ западной Европѣ. Увлеченіе этимъ романомъ въ Европѣ. Такъ, подъ сильнымъ вліяніемъ романовъ Ричардсона, написалъ Руссо свой романъ: «Новая Элоиза». Въ этомъ произведеніи изображена любовь знатной дѣвицы Юліи къ ея учителю С. Пре, который имѣлъ несчастье быть мѣщанскаго происхожденія. Гордый своей родовитостью, отецъ Юліи былъ противъ такого неравнаго брака,—дочь рѣшила настоять на своемъ и полюбила С. Пре. Исторія этой любви, то нѣжной и сентиментальной, то страстной и бурной, надежды на счастье и—разочарованіе, радости и печали двухъ влюбленныхъ,—все это удивительно художественно изображено Руссо. Дѣйствіе романа происходитъ въ Швей- Руссо и его романъ: „Новая Элоиза".

---

[1]) Отъ этого героя произошло имя нарицательное: „ловеласъ" и глаголъ „ловеласничать".

царіи; это даетъ возможность автору ввести въ свой романъ чудныя описанія горныхъ пейзажей. Вторая часть романа посвящена разсказу о семейной жизни Юліи: она вышла замужъ за того, за кого ее выдать хотѣлъ отецъ; изъ увлекающейся дѣвушки она сдѣлалась идеальной женой, матерью и хозяйкой. Такимъ образомъ, Руссо обогатилъ новыми мотивами «англійскій», «психологическій», «семейный», «мѣщанскій» романъ, введя «психологію любви», «поэзію природы», изобразивъ въ лицѣ Юліи героиню, которая, хотя не идеальна, но, послѣ ряда крупныхъ ошибокъ, сумѣла, однако, перевоспитать себя, сумѣла перестроить заново всю свою жизнь. Чувствительный читатель проливалъ слезы, глядя на тѣ сердечныя страданія, которыя пережиты были героями этого романа. Кромѣ того, Руссо первый въ этомъ романѣ поставилъ вопросъ о столкновеніи «отцовъ» и «дѣтей» и провелъ идею о независимости любви отъ соціальнаго положенія.

Гёте и „Страданія Вертера".

Романъ Руссо произвелъ, въ свою очередь, большое впечатлѣніе на европейскую литературу и вызвалъ произведеніе Гёте: «Страданія Вертера». Содержаніе романа, до нѣкоторой степени, напоминаетъ «Новую Элоизу»: несчастная любовь и здѣсь—главная тема, съ тѣмъ только отличіемъ, что первую роль играетъ здѣсь не героиня, а герой, юноша-Вертеръ, сердце котораго заражено пессимизмомъ,—той «міровой скорбью», которая позднѣе, въ началѣ XIX ст., сдѣлалась моднымъ литературнымъ направленіемъ въ Европѣ (Шатобріанъ, Байронъ, Пушкинъ, Лермонтовъ). Уже въ началѣ произведенія Вертеръ изображенъ, какъ человѣкъ, съ болѣзненной тревогой относящійся къ жизни,—мы застаемъ его наканунѣ разлуки съ этой жизнью. Любовь къ Шарлоттѣ, добродѣтельной мѣщаночкѣ, не надолго задерживаетъ на землѣ Вертера, но Шарлотта оказывается невѣстой другого и выходитъ замужъ, оборвавъ послѣднюю нить, привязывающую героя къ жизни. Онъ кончаетъ свои дни самоубійствомъ. Этотъ трагичный исходъ, пессимистическое міровоззрѣніе, не пронизывающее богатыя описанія различныхъ «настроеній» души «героя» и природы,—все это было тѣмъ «новшествомъ», которое внесено Гёте въ новый европейскій романъ.

Романы Фильдинга.

Не похожи на романы Ричардсона произведенія его младшаго современника—Фильдинга: Фильдингъ боролся съ морализующей повѣстью Ричардсона, съ его желаніемъ пользоваться литературой въ цѣляхъ «проповѣди»; Фильдингъ въ нѣкоторыхъ своихъ романахъ даже пародировалъ Ричардсона. Герои его не отличаются исключительными добродѣтелями и исключительными пороками, какъ герои Ричардсона,—они—просто добрые малые,—обыкновенные люди, въ сердцахъ которыхъ есть мѣсто и для дурныхъ чувствъ, и для добрыхъ, возвышенныхъ. Передъ читателемъ, при чтеніи романа, раскрываются картины дѣйствительной жизни, безъ морализаціи Ричардсона, безъ тенденцій Руссо, безъ идейности Гёте... Фильдингъ любитъ жизнь, какъ она есть,—легко прощаетъ ее-за то доброе, которое въ ней умѣетъ находить. Поэтому реализмъ его романовъ здоровый, высоконравственный и совершенно не тенденціозный. Изъ его произведеній читатели узнали, что героями романа могутъ быть люди обыкновенные, въ которыхъ добро сливается со зломъ,—и, главное, что люди эти могутъ быть иногда очень симпатичными...

Сентиментальная литература занесена была въ Россію въ XVIII ст. и здѣсь выдвинула нѣсколько замѣчательныхъ писателей; среди нихъ главное мѣсто занимаютъ Карамзинъ и Жуковскій. За ними идутъ позднѣйшіе литераторы—Пушкинъ и Гоголь, Тургеневъ и Достоевскій,—всѣ они вышли изъ этой сентиментальной литературы; между ними и ихъ учителями разница сводится, главнымъ образомъ, къ различію литературной формы, къ различію стиля, къ бо́льшей художественности, и большей тонкости психологическаго анализа—но настроенія романиста,—сочувствіе къ людямъ униженнымъ и оскорбленнымъ, даже темы ихъ произведеній, иногда даже сюжеты, часто остаются тѣ же. Сентиментальная литература въ Россіи

§ 96. *Романъ и повѣсть.* Еще до Карамзина среди русскихъ писателей нашлись сентиментальные романисты, которые выступили на литературномъ поприщѣ съ проповѣдью сочувствія къ людямъ страдающимъ,—мы видѣли выше, что къ такому сочувствію вело русскихъ людей XVIII ст. внимательное изученіе дѣйствительности. Обличая жестокости помѣщиковъ, произволъ чиновниковъ, русскіе писатели, даже сатирики, въ родѣ Новикова, заставляли сожалѣть о жертвахъ произвола и суроваго обращенія. Такимъ образомъ, до Карамзина, безъ вліянія запада,—въ русской литературѣ самостоятельно уже стало складываться „сентиментальное“ отношеніе къ жизни. Сентиментализмъ до Карамзина.

Къ такимъ раннимъ сентиментальнымъ произведеніямъ относится, напримѣръ, романъ Комарова: „Несчастный Никаноръ, или приключенія жизни россійскаго дворянина Н*“ (1775). „Несчастный Никаноръ“.

Это—автобіографія, которую разсказываетъ, «не мудрствуя лукаво», маленькій человѣкъ,—тихій, искательный, довѣрчивый, готовый на услуги и, къ сожалѣнію, въ молодости очень влюбчивый. Мы застаемъ его уже въ незавидной роли старичка-нахлѣбника, который счастливъ тѣмъ, что имѣетъ теплый уголокъ и кусокъ хлѣба; онъ разсказываетъ свою жизнь и свое пребываніе за границей еще въ роли юнаго военнаго юнкера-инженера. Тамъ начинаются его амурныя приключенія, свидѣтельствующія о чистотѣ и нѣжности его сердца и—неудачливости его жизни. Заграницей влюблялся онъ въ нѣмокъ,—въ Россіи и въ дворянокъ, и въ крѣпостныхъ... Наконецъ, онъ женится, но въ семейной жизни не находитъ счастья. Подъ конецъ жизни, брошенный всѣми, онъ пріютился въ одномъ захолустномъ городкѣ, сумѣлъ угодливостью и добродушіемъ снискать себѣ здѣсь общее расположеніе. Особенно его любили дамы за то, что онъ ихъ развлекалъ: «игралъ съ ними въ маленькую игру для препровожденія времени—въ кадриль и ломберъ; употреблялъ всякія пристойныя шутки,—пѣлъ и сочинялъ пѣсни и всякіе увеселительные стишки; Содержаніе романа.

смотрѣлъ имъ въ руки, будто бы ученъ онъ былъ хиромантіи и, въ издѣвкахъ (т. е. въ шутку), обнадеживалъ каждую изъ нихъ особливымъ благополучіемъ; сказывалъ имъ сказки и исторіи, на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія; въ маскарадахъ, чтобы насмѣшить благодѣтелей, одѣвался въ женское платье,—словомъ сказать, все то дѣлалъ, что̀ въ угодность имъ служило». Исторія этого несчастнаго, забитаго судьбой старичка вводитъ насъ въ самую глубь добродушной, тяжелой на шутки, но хлѣбосольной русской провинціи XVIII в. Герой очерченъ просто и правдиво—черты гоголевскихъ героевъ—Аѳанасія Ивановича и Акакія Акакіевича уже мелькаютъ въ обликѣ этого Никанора.

Повѣсти Чулкова.

§ 97. Любопытны также двѣ повѣстушки Чулкова. Въ одной, носящей названіе: „Досадное пробужденіе“, изображенъ бѣдный пьяненькій чиновникъ, котораго судьба обдѣлила счастьемъ.

„Досадное пробужденіе“.

«Природа не всѣхъ равно награждаетъ своими дарами, говоритъ авторъ: одинъ получаетъ отъ нея великій разумъ, другой—красоту, третій—способность къ предпріятіямъ и такъ далѣе; но бѣдный Брагинъ забытъ былъ равно отъ природы, какъ и отъ счастья. Онъ произошелъ на свѣтъ человѣкомъ безъ всякихъ прикрасъ; видъ его не плѣнялъ, разуму его не дивились, до сорока лѣтъ онъ не нажилъ даже кафтана безъ заплатъ—всю жизнь только переписывалъ бумаги: въ старину подъячихъ пьяницъ въ чины не производили, жалованья онымъ не давали,—они писали за договорную плату». Такъ безотрадно влачилъ свое несчастное существованіе этотъ герой. Только однажды, въ пьяномъ видѣ, увидѣлъ онъ чудный сонъ, будто онъ счастливъ—красивъ и любимъ... Тѣмъ печальнѣе было его пробужденіе, когда угнетающая проза жизни вступила въ свои права.

„Горькая участь“.

Другой разсказъ Чулкова, „Горькая участь“, рисуетъ тоже героя изъ разряда „униженныхъ и оскорбленныхъ“.

Это—крестьянскій парень, «Сысой Фофановъ, сынъ Дурносоповъ», тихій, безотвѣтный парень; онъ «родился въ деревнѣ, отдаленной отъ города, воспитанъ хлѣбомъ и водой», «пеленки его были не легче цыновки, лежалъ на локтѣ вмѣсто колыбели, въ избѣ, лѣтомъ жаркой, а зимой дымной. До двадцати пяти лѣтъ, въ лучшемъ уже убранствѣ противъ прежняго, т. е. въ лаптяхъ и въ сѣромъ кафтанѣ, ворочалъ онъ на поляхъ землю глыбами въ потѣ лица своего и употреблялъ первобытную-жъ свою пищу, т. е. хлѣбъ и воду, съ удовольствіемъ». Деревенскіе «богатѣи», кулаки-«съѣдуги», противъ правилъ, отдали его въ солдаты. На осмотрѣ онъ оказался «малъ ростомъ» и «ноги тонки», но взятка сдѣлала свое: при новомъ осмотрѣ положили ему на темя «нѣсколько угомонной монеты» (т. е. дали взятку),—и Сысой оказался годнымъ для службы. Реально и живо описанъ походъ, въ которомъ герою пришлось принимать участіе. Хищенія военныхъ властей, тяжелое положеніе солдатъ,—все обрисовано съ поразительнымъ реализмомъ. Калѣко возвращается Сысой въ родное село и застаетъ здѣсь всю свою семью зарѣзанной.

Число приведенныхъ здѣсь примѣровъ можетъ быть увеличено,—но и приведенныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ на русской почвѣ, изъ наблюденій надъ самой дѣйствительностью, стала возникать у насъ та сентиментально-реалистическая повѣсть, которой суждено было позднѣе найти блестящее развитіе у Гоголя, Тургенева и другихъ русскихъ писателей-гуманистовъ.

Карамзинъ.

Повѣсти Карамзина тоже принадлежатъ къ разряду „сентиментально-реалистическихъ“ произведеній, съ тѣмъ только различіемъ отъ разсказовъ Комарова и Чулкова, что карамзинскія повѣсти сложились подъ сильнымъ литературнымъ вліяніемъ Ричардсона, Руссо и Гёте,—этимъ объясняется ненародность его героевъ и героинь.

Н. М. Карамзинъ (1766—1826).

Біографія Карамзина.

§ 98. Карамзинъ, Николай Михайловичъ, родился 1-го декабря 1766 г. Отецъ его былъ помѣщикомъ Симбирской губерніи, рано овдовѣлъ и женился вторично. Будущій писатель, лишившись матери, рано замкнулся въ себѣ; природная чувствительность и наклонность къ мечтательности обострились у него благодаря неумѣренному чтенію романовъ. На 12-омъ году онъ былъ привезенъ въ Москву и отданъ въ пансіонъ проф. Шадена. На воспитаніе Шаденъ смотрѣлъ съ идеалистической, сентиментальной точки зрѣнія: онъ воспитывалъ въ дѣтяхъ, прежде всего, «сердце», старался развивать «чувствительность» (педагогика Руссо и Геллерта). Въ пансіонѣ началъ знакомиться Карамзинъ съ новѣйшей нѣмецкой идеалистической поэзіей. По окончаніи образованія Карамзинъ отслужилъ въ военной службѣ положенные годы и уѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ и повелъ разсѣянную жизнь. Сблизившись съ масономъ-Тургеневымъ, онъ вернулся въ Москву, увлекся здѣсь дѣятельностью Новикова и, въ качествѣ переводчика, помогалъ ему вмѣстѣ съ другими юношами издавать разныя полезныя для народнаго просвѣщенія книги. Можно думать, что въ это время онъ самъ сдѣлался масономъ. Дружба съ однимъ очень начитаннымъ юношей изъ этого кружка новиковской молодежи, Петровымъ, помогла Карамзину хорошо ознакомиться съ лучшими произведеніями всемірной литературы,—и онъ сталъ увлекаться Шекспиромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Макферсономъ, Стерномъ, Ричардсономъ, Руссо, Галлеромъ, Гесснеромъ, Клопштокомъ и Клейстомъ.

Отношеніе Карамзина къ освободительному движенію во Франціи.

Подъ вліяніемъ масонскаго міросозерцанія, Карамзинъ увлекся и философіей и политикой: онъ сдѣлался деистомъ и поклонникомъ освободительныхъ настроеній конца вѣка: начинавшаяся тогда революція во Франціи радовала его юное сердце, идеалистически-настроенное, полное возвышенной любви ко всему человѣчеству,—отъ французскаго освободи-

тельнаго движенія онъ ждалъ счастья для всего міра. Впослѣдствіи онъ вспоминалъ, какъ въ ранней юности—

„... мечтами обольщался,
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братій и друзей“.

„...Готовъ былъ кровію своею
Пожертвовать для блага ихъ!“

Путешествіе его за границу.

«Конецъ нашего вѣка, говоритъ онъ въ одномъ позднѣйшемъ произведеніи, почитали мы концомъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностью». Другими словами, юный утопистъ вѣрилъ, что стóитъ во Франціи утвердиться республикѣ, чтобы тамъ люди сдѣлались счастливы, и тогда такое же счастье начнется во всѣхъ другихъ государствахъ Европы. Но эти идеи, любезныя очень многимъ людямъ XVIII вѣка, не сложились у Карамзина въ «убѣжденія»,— они остались для него «прекрасной мечтой», тревожившей его, манившей, но не опредѣлившей его жизни... Въ это время онъ такъ характеризовалъ себя: онъ—«молодой человѣкъ, у котораго въ груди бьется горячее сердце, который ищетъ *чего-то*, къ чему онъ могъ бы привязаться всей душой, и о чемъ онъ самъ не имѣетъ опредѣленнаго понятія». Такимъ образомъ, передъ нами—«прекраснодушный» юноша, романтически-настроенный, сентиментальный мечтатель-утопистъ, идеалистъ-либералъ, далекій отъ жизни дѣйствительной (ср. типъ Ленскаго).

Карамзинъ въ Александровскій періодъ.

Въ 1789 г. Карамзинъ отправился путешествовать, побывалъ въ Германіи, въ Швейцаріи, Франціи, Англіи и вернулся на родину съ большимъ запасомъ новыхъ свѣдѣній, но сильно разочарованный въ освободительномъ французскомъ движеніи, потерявъ половину того обожанія, съ которымъ онъ раньше заглазно относился къ западной Европѣ. Особенно «отрезвляюще» подѣйствовали на Карамзина личныя наблюденія, сдѣланныя имъ надъ революціей въ Парижѣ, и разсказы о крайностяхъ и увлеченіяхъ дѣятелей революціонной борьбы. Во имя «свободы», «равенства» и «братства» совершались во Франціи насилія, убійства.—Этого не могло перенести чувствительное сердце юноши—и онъ отступился отъ своего мечтательнаго либерализма—

„Когда-жъ людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,—
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла.
. . . .
Время, опытъ разрушаетъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ,
Красы волшебства исчезаютъ:
Теперь иной я вижу свѣтъ!
И вижу ясно, что съ Платономъ
Республикъ намъ не учредить...“.

По возвращеніи на родину Карамзинъ сталъ издавать «Московскій Журналъ», въ которомъ и были напечатаны его сентиментальныя повѣсти и стихи. Потомъ, подъ вліяніемъ суроваго павловскаго режима, онъ ушелъ отъ литературы въ изученіе русской исторіи.

При восшествіи на престолъ Александра I, Карамзинъ опять выступилъ въ печати, на этотъ разъ въ роли публициста, издавая журналъ «Вѣстникъ Европы». Потомъ занятія русской исторіей окончательно отвлекли его отъ поэтической дѣятельности. Онъ сталъ выпускать, томъ за томомъ, свою знаменитую «Исторію Государства Россійскаго». Знаком-

ство съ устоями русской исторіи, разочарованіе во французской революціи, годы—все сдѣлало подъ конецъ жизни изъ Карамзина-космополита и либерала—Карамзина-патріота и консерватора, правда, вообще не отрицавшаго красоты и возвышенности республиканскихъ идеаловъ, но рѣшительно признавшаго невозможность осуществленія этихъ идеаловъ полностью на землѣ вообще, а въ особенности ихъ полную непригодность для Россіи.

§ 99. *Лирика.* Первые лирическіе опыты Карамзина относятся еще ко времени пребыванія его въ кружкѣ новиковской молодежи. Воспѣваніе Творца, красотъ природы, жалобы на тревогу и тоску своего чувствительнаго сердца,—вотъ, главные мотивы этого ранняго юношескаго творчества. Отъ псевдоклассиковъ Карамзинъ отвернулся рѣшительно: „священныя тѣни Корнелей, Расиновъ, Вольтеровъ“ уступили, по его словамъ, преимущество англичанамъ и нѣмцамъ:

Карамзинъ какъ лирикъ.

Отношеніе его къ псевдоклассицизму.

„Британія есть мать поэтовъ величайшихъ!“

—восклицаетъ онъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, посвященномъ восхваленію всѣхъ сентиментальныхъ писателей, его учителей. Эта „англо-нѣмецкая“ поэзія должна была, по его мнѣнію, создать современемъ и русскую поэзію: еще молодымъ человѣкомъ, двадцати одного года отъ роду, онъ оказался пророкомъ, сказавъ слѣдующее:

„О Россы! вѣкъ грядетъ, въ который и у васъ
Поэзія начнетъ сіять, какъ солнце въ полдень!
Исчезла нощи мгла... уже Авроры свѣтъ
Въ (Москвѣ) блеститъ, и скоро всѣ народы
На сѣверъ притекутъ свѣтильникъ возжигать!“

Расцвѣтъ творчества Карамзина совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ издавалъ „Московскій Журналъ“, — въ это время имъ написаны почти всѣ его повѣсти и большая часть стихотвореній.

Лирика Карамзина отличается большимъ разнообразіемъ,—тутъ и оды, и экспромты, и мадригалы, и элегіи, и стихотворныя посланія, и басни, и даже, первыя у насъ на русскомъ языкѣ, романтическія баллады.

Характеръ его лирики.

„Оды“ его ничего общаго съ псевдоклассическими не имѣютъ,—это не столько восхваленіе владыкъ, сколько нравоученія по ихъ адресу; причемъ интересно, что въ честь императрицы Екатерины Карамзинъ не написалъ ни одной хвалебной строчки. Это и понятно,—онъ получилъ литературное воспитаніе въ та-

„Оды“ Карамзина.

Содержаніе его лирики. комъ кругу (Новиковъ и друзья), гдѣ къ императрицѣ относились критически. Типичными для Карамзина, какъ стихотворца, являются тѣ произведенія, въ которыхъ разсказывается его интимная жизнь: любовь, дружба и „сладкая меланхолія", — порой вспышки радости, или тоски. Въ его искреннихъ стихотворныхъ „исповѣдяхъ" чуется близость появленія Жуковскаго и Пушкина, для которымъ жизнь и поэзія сливались въ одно.

„На разлуку съ Петровымъ". Привожу отрывокъ изъ стихотворенія: „На разлуку съ П(етровымъ)".

„Прости! Твой другъ умретъ тебя достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей спокойнымъ!
Не скажутъ ввѣкъ о немъ, чтобъ онъ чиновъ искалъ,
Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда-нибудь ласкалъ;
Предъ Богомъ только онъ колѣна преклоняетъ,
Страшится одного себя,
Достоинства одни сердечно уважаетъ
И любитъ всей душой тебя!"

Эти простыя, задушевныя, мѣстами энергичныя рѣчи впервые въ Россіи зазвучали въ лирикѣ Карамзина: конечно, съ „серьезной" и „легкой" лирикой псевдоклассиковъ они не имѣютъ ничего общаго. Даже стихотворныя шутки его (мадригалы, сонеты), по формѣ принадлежащія еще къ лирикѣ псевдоклассической, по настроенію далеки отъ нея. Изъ „псевдоклассиковъ" къ одному только Хераскову довольно близко подходитъ онъ въ своей лирикѣ.

„Природа" въ лирикѣ Карамзина.

Ученикъ Томсона, Оссіана, Клейста, Руссо, Гёте („Вертеръ")—Карамзинъ первый внесъ въ нашу поэзію „картины природы", проникнутыя „настроеніемъ". Привожу, какъ примѣръ, стихотвореніе „Осень" —

„Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.
Поле и садъ опустѣли,
Сѣтуютъ холмы...
Пѣніе въ рощахъ умолкло,
Скрылися птички.

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.
Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ,
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ".

Взглядъ Карамзина на „поэзію". § 100. Карамзинъ нѣсколько разъ обращался къ опредѣленію, что такое «поэзія». Для насъ это важно, такъ какъ даетъ возможность сравнить его пониманіе со взглядами на поэзію Жуковскаго, Пушкина и другихъ поэтовъ, такъ же серьезно относившихся къ своей литературной дѣятельности.

Въ толкованіи, каково содержаніе поэзіи, Карамзинъ очень близко подходилъ къ Платону (см. выше, стр. 28—29): «міръ» кажется ему «зеркаломъ Творца»; поэтъ же, изображающій этотъ «міръ», на самомъ дѣлѣ, изображалъ лишь «призракъ истины». Поэтому Карамзинъ даже готовъ назвать содержаніе поэзіи—«ложью», «неправдою». Поэзія—ложь.

„Что есть поэтъ?—искусный лжецъ—
Ему и слава и вѣнецъ!"

Оттого въ свободномъ полетѣ фантазіи увидѣлъ онъ главный источникъ поэзіи: Свобода фантазіи.

„Существенность бѣдна,—
Играй въ душѣ своей мечтами,
Иначе будетъ жизнь скучна!
. . . .
„Поэтъ есть хитрый чародѣй:
Его живая мысль, какъ фея,
Творитъ красавицъ изъ цвѣтка,
На соснѣ розы производитъ,
Въ крапивѣ нѣжный миртъ находитъ
И строитъ замки изъ песка".

Но онъ считалъ, что въ вопросахъ нравственности поэтъ долженъ быть учителемъ, и потому здѣсь онъ могъ быть только правдивъ. Оттого Карамзинъ хотѣлъ «служить» людямъ, мечталъ о томъ, чтобы— Дидактизмъ.

„Плѣнить ихъ истиной святою,
Ея нетлѣнной красотою,
Орудіемъ Небеснымъ быть!"

Правда, въ этомъ онъ скоро разочаровался,—по его словамъ, люди остались глухи къ его рѣчамъ. Но и позднѣе онъ не отказывался отъ такого взгляда на значеніе служителей всякаго искусства.

„Они безъ власти, безъ короны
Даютъ умомъ своимъ законы;
Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
Играютъ нѣжными душами,
Улыбкой, вздохами, слезами,
И чувство возвышаютъ въ насъ;
Любовь къ изящному вливая,
Добро искусствомъ украшая,
Велятъ его любить сердцамъ!"

Онъ откровенно признавался, что «описанія» въ поэзіи иногда больше нравятся ему, чѣмъ міръ дѣйствительный— Міръ въ дѣйствительности и въ поэтическомъ отраженіи.

„... часто прелесть въ подражаньи
Милѣе, чѣмъ въ природѣ намъ:
Лѣсокъ, цвѣточекъ въ описаньи
Еще пріятнѣе очамъ...".

Признавая, что—

„Картина нравственнаго свѣта
Еще важнѣе для поэта;
Богатство тонкихъ чувствъ, идей
Онъ въ ней искусно разсыпаетъ,
Сердца для глазъ изображаетъ
Живою кистію своей...".

— онъ иногда, подъ вліяніемъ личныхъ настроеній, готовъ былъ однако отказаться отъ такого служенія «человѣчеству», и тогда уединялся въ тѣсный кругъ своей интимной жизни,—тогда онъ призывалъ къ себѣ

Поэзія „для немногихъ“. и къ своимъ друзьямъ—«музъ» и нѣжныхъ «грацій», чтобы бороться со «скукой» Такія же личныя настроенія заставляли его иногда заявлять, что—

„Любовь есть прелесть, жизнь чувствительныхъ сердецъ,—
Она-жъ въ поэзіи начало и конецъ“.

Въ этомъ смыслѣ онъ и опредѣлилъ поэзію, какъ «цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ». Но такія настроенія были преходящи, и Карамзинъ возвращался къ своему основному опредѣленію поэзіи, какъ искусству, цѣль котораго—служить нравственности человѣка.

„Что нужно автору“. Въ своемъ разсужденіи: «Что нужно автору» онъ заявляетъ: «говорятъ, что автору нужны таланты и знанія: острый, проницательный разумъ, живое воображеніе и пр. Справедливо, но сего недовольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ, любимцемъ души нашей». Онъ говоритъ, что въ поэзіи лицемѣрить нельзя—«творецъ всегда изображается въ твореніи и часто противъ воли своей!» Вотъ почему онъ утверждалъ, что «дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ»; вотъ почему онъ заявилъ, что прежде, чѣмъ браться за перо, надо «спросить самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: «каковъ я?»—ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего».

Субъективизмъ Карамзина. Такимъ образомъ, Карамзинъ признавалъ творчество только субъективное, и, въ этомъ отношеніи, Жуковскій былъ его вѣрнымъ ученикомъ.

„Письма русскаго путешественника“. § 101. *„Письма русскаго путешественника“*. „Письма“ представляютъ собой путевой журналъ Карамзина, веденный имъ съ 1789—1790 гг. за все время путешествія его въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи. По пріѣздѣ на родину эти путевыя записки въ обработанномъ видѣ печатались Карамзинымъ въ его „Московскомъ Журналѣ“. Нѣкоторые критики къ „Письмамъ“ относятся строго за то, что Карамзинъ въ нихъ, якобы, „проглядѣлъ“ великую французскую революцію, не понялъ ея значенія—это невѣрно. Сначала цензура не позволила ему высказаться откровенно, а позднѣе собственныя его убѣжденія, приведшія его къ консерватизму, заставили его многое изъ текста „Писемъ“ вычеркнуть, многое прибавить[1]).

Содержаніе. Содержаніе «Писемъ» слишкомъ разнообразно и поэтому съ трудомъ поддается пересказу: съ чувствомъ сердечной тоски оставилъ юноша родину и друзей. Но живыя и пестрыя впечатлѣнія дѣйствительности скоро развлекли его. Съ особымъ интересомъ разсказываетъ онъ о Германіи, о

[1]) Отдѣльныя части „Писемъ“ стали появляться въ 1790 году въ „Московскомъ Журналѣ“; отдѣльнымъ изданіемъ они появились въ 1797 г. (только 4 тома).; *5-ый и 6-ой томы, въ которыхъ говорится о революціи, появились въ свѣтъ только въ 1801.*

великихъ ея людяхъ, которыхъ уважать онъ привыкъ съ дѣтства. Онъ посѣщаетъ Платнера, Канта, Николаи, Вейса, Виланда. Въ Швейцаріи его больше всего интересовала природа,—онъ ходитъ по горамъ, наслаждается пейзажами и въ своей записной книжкѣ обстоятельно описываетъ свои впечатлѣнія. Изъ людей, для него интересныхъ, тамъ жившихъ, онъ посѣщаетъ Лафатера и Боннета. Описаніе Франціи короче: нашъ путешественникъ говоритъ объ одномъ Парижѣ, объ его достопримѣчательностяхъ, историческихъ памятникахъ, театрахъ, художественныхъ галлереяхъ и пр. Англія описана еще сжатѣе: своеобразный характеръ англичанъ, поражающихъ своимъ несходствомъ съ французами, политическія учрежденія Англіи,—вотъ, что здѣсь его особенно интересуетъ.

Личность Карамзина въ „Письмахъ“.

Личность Карамзина ясно выразилась въ этомъ произведеніи. Какъ живой, встаетъ передъ нами образъ юноши, «безпокойное сердце» котораго увлекло его на чужбину: это — молодой идеалистъ, «другъ человѣчества», «добрый странникъ», «съ миролюбивымъ сердцемъ», «чистымъ сердцемъ»,—онъ «рожденъ къ общежитію и дружбѣ», желаетъ полюбить всякаго «со всей дружескою искренностью, свойственною его сердцу».

„Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собой,—
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ!“

—эпиграфъ къ его произведенію. Широкое, гуманное отношеніе ко всему міру, братское чувство любви ко всѣмъ людямъ,—вотъ, основы міросозерцанія этого «прекраснодушнаго» юноши.

Отношеніе Карамзина къ природѣ.

Передъ «Натурой» (природой) онъ преклоняется, какъ передъ какимъ-то божествомъ. Кромѣ патетическихъ обращеній къ «матери-природѣ», мы въ «Письмахъ» не разъ найдемъ отраженія самыхъ разнообразныхъ чувствъ и «настроеній», вызванныхъ ея вліяніемъ.

Отношеніе Карамзина къ искусствамъ, Богу и отечеству.

Не менѣе воспріимчивъ Карамзинъ и къ тѣмъ эстетическимъ впечатлѣніямъ, которыя на его чувствительное сердце производили произведенія «искусствъ»—живописи, музыки... «Богъ» и «отечество» не такъ сильно волновали его: когда онъ писалъ свои «Письма», онъ былъ еще деистомъ, и лишь «природа» вызывала въ немъ гимны Богу,—что же касается до патріотическихъ чувствъ, то для нихъ не было еще мѣста въ его сердцѣ, которое тогда воспламенялось идеалами «космополитизма», — онъ тогда преклонялся передъ «человѣкомъ» вообще: въ то время все «племенное» стояло, въ его глазахъ, ниже «человѣческаго».

Карамзинъ, какъ сентименталистъ, въ „Письмахъ“.

Отзывчивость и чувствительность, богатое воображеніе и экспансивность, часто выражающіяся въ восторгахъ и слезахъ, способность порою юмористически смотрѣть на себя и на другихъ, упорное стремленіе къ самоанализу и анализу чужой души,—вотъ, черты Карамзина, какъ сентиментальнаго человѣка, выразившіяся въ «Письмахъ».

„Чувство“ и „разумъ“ въ „Письмахъ“.

Но, рядомъ съ «*чувствомъ*», Карамзинъ, не въ примѣръ прочимъ сентименталистамъ, не забывалъ и «*разума*». Еще на родинѣ онъ получилъ прекрасное образованіе. Теперь, во время путешествія, его историческіе, политическіе, философскіе интересы нашли возможность легкаго, полнаго удовлетворенія. Оттого такъ содержательны и интересны его «Письма».

Карамзинъ, какъ художникъ, въ „Письмахъ".

Какъ художникъ, Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ» широко примѣнилъ—1) *сознательный психологическій анализъ.* И онъ самъ, и тѣ лица, которыя имъ зарисованы, живутъ передъ нами,—или въ его характеристикахъ, или въ ихъ рѣчахъ и поступкахъ.—2) *сознательное стремленіе къ реализму творчества.* Въ литературѣ докарамзинской мы видѣли этотъ реализмъ, быть можетъ, гораздо болѣе правдивый, чѣмъ у Карамзина, но мы не видѣли *сознательности* въ примѣненіи реалистическихъ пріемовъ письма. Рисовать «человѣка, каковъ онъ есть», писать правдивую «исторію жизни» началъ у насъ Карамзинъ.

„Kleinmalerei" въ описаніяхъ.

Онъ же первый *сознательно* ввелъ въ нашу литературу «Kleinmalerei»—художественный пріемъ «описывать» не въ общихъ чертахъ, а въ подробностяхъ—въ «типичныхъ случайностяхъ». Благодаря такому пріему, въ «описанія» вносилась детальность, вносились характерныя мелочи въ обрисовку лица и въ пейзажъ. Вотъ почему особенно цѣнны въ «Письмахъ» описанія природы,—описанія живыя и разнообразныя, далеко отошедшія отъ шаблонныхъ «олицетвореній» псевдоклассической поэзіи. Въ описаніяхъ своихъ онъ сумѣлъ уловить даже couleur locale, т. е. типичность, своеобразность пейзажа, свойственную каждой опредѣленной странѣ [1]).

Въ «Письмахъ» встрѣчаемъ мы и «лирическій» элементъ, и «повѣствовательный». Попадаются и «разсужденія».

Повѣсти въ „Письмахъ".

Между повѣстями, вошедшими въ «Письма», встрѣчаются и сентиментальныя, и юмористическія, и историческія,—въ нихъ можно видѣть зачатки его будущихъ повѣствовательныхъ произведеній.

„Письма"— зеркало общества.

«Письма» отразили ясно и настроеніе тогдашняго русскаго общества. Мы видѣли уже, что міровоззрѣніе автора сложилось подъ вліяніемъ оппозиціонной политики Москвы, вообще, и взглядовъ Новикова, въ частности... Отсюда холодное отношеніе Карамзина къ Екатеринѣ, слишкомъ замѣтное въ тотъ вѣкъ, когда принято было передъ императрицею кадить «мглистый ѳиміамъ» лести. Развѣнчивая Фридриха Великаго, онъ этимъ самымъ косвенно мѣтилъ на Екатерину, которую онъ тоже не считалъ «великой». «Просвѣщенному» вѣку Карамзинъ отдалъ дань своими обличеніями іезуитовъ и католиковъ, нападеніями на «фанатизмъ», защитой вѣротерпимости, восхваленіями «свободы», преклоненіемъ передъ швейцарскими республиками.

Всѣ подобныя идеи, опредѣленно выраженныя въ «Письмахъ», появившихся въ «Московскомъ Журналѣ» при Екатеринѣ, въ самый разгаръ реакціи, во время преслѣдованій Новикова и Радищева, и не уничтоженныя въ отдѣльномъ изданіи, вышедшемъ въ первые годы царствованія Павла, сбезпечили за этимъ произведеніемъ Карамзина большое значеніе.

Культурное значеніе „Писемъ".

Можно сказать, что «Письма» были единственной книгой, уцѣлѣвшей отъ погрома павловской цензуры... Широкая популярность этого произведенія сдѣлала его любимой книгой молодежи—оттого юный поклонникъ Ради-

---

[1]) Псевдоклассики, описывая, напримѣръ, восходъ солнца, бурю, пѣніе соловья, изображали все это шаблонными образами—олицетвореніями (вмѣсто „солнца" всегда фигурируетъ Фебъ; въ бурѣ участіе принимаетъ самъ Нептунъ; соловей именуется Филомелой и т. д.).

щева и Княжнина читаетъ «Письма Карамзина» съ жаромъ, оттого ими зачитываются въ отрочествѣ будущіе декабристы. При помощи «Писемъ» русское общество легче пережило павловскіе дни, а чуткая молодежь сумѣла разсмотрѣть въ нихъ искорки того свѣта, которому суждено было озарить первые годы царствованія Александра I. Поэтому произведеніе Карамзина было связью, соединяющей лучшіе дни екатерининскаго царствованія съ царствованіемъ Александра I.

«Письма» были встрѣчены съ энтузіазмомъ, что сказалось не только въ похвалахъ современниковъ (см. письма и записки), но и въ появленіи многочисленныхъ литературныхъ подражаній, близкихъ къ «Письмамъ» по духу и по содержанію. Отношеніе къ „Письмамъ" русской критики.

§ 102. *Повѣсти Карамзина.* „Ліодоръ", неоконченная повѣсть Карамзина, есть близкое подражаніе гётевскому „Вертеру". Содержаніе повѣсти слѣдующее: Повѣсти Карамзина. „Ліодоръ".

Авторъ со своими друзьями въ позднюю, «меланхолическую» осень отправился въ деревню. Раннимъ утромъ авторъ пошелъ одинъ прогуляться и увидалъ въ паркѣ незнакомаго юношу, который тосковалъ въ уединеніи. Они познакомились, и Ліодоръ (такъ звали незнакомца) подружился съ авторомъ и его пріятелями. Онъ грустилъ вслѣдствіе несчастной любви, сходной съ той, которая привела Вертера къ отчаянію и самоубійству. Разсказъ Ліодора объ этой несчастной любви въ повѣсти не оконченъ.

„Бѣдная Лиза"—наиболѣе извѣстное произведеніе Карамзина; содержаніе повѣсти очень несложно: „Бѣдная Лиза".

Лиза была простой крестьянкой и продажей цвѣтовъ поддерживала свое существованіе и жизнь слѣпой матери. Однажды ее увидѣлъ юноша-богачъ Эрастъ. Они полюбили другъ друга, но Эрасту пришлось идти на войну; они разстались. Вернувшись, Эрастъ, спустившій свое состояніе, бросилъ отдавшуюся ему дѣвушку и женился на богатой; узнавъ объ этомъ, Лиза съ горя утопилась.

„Наталья, боярская дочь" представляетъ собою интересное развитіе сюжета повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ [1]). Содержаніе повѣсти слѣдующее: „Наталья, боярская дочь".

Сынъ одного боярина, находящагося въ опалѣ, влюбился въ Наталью, боярскую дочь; она тоже полюбила его; онъ похищаетъ ее и, повѣнчавшись, живетъ съ нею въ дремучемъ лѣсу. Начинается война, и юноша принимаетъ въ ней участіе, при чемъ отличается доблестью. Царь, узнавъ, кто онъ такой, возвращаетъ ему милость, а отецъ Натальи прощаетъ его и дочь.

„Флоръ Силинъ"—трогательный разсказъ о томъ, какъ одинъ богатый мужикъ, во время голода, все свое богатство отдалъ въ пользу голодающихъ. „Флоръ Силинъ".

---

[1]) См. 2-ой вып. 1 ой части „Исторіи р. слов.", стр. 222.

Значеніе „Бѣдной Лизы“.

Изъ этихъ повѣстей самой популярной была и осталась „Бѣдная Лиза“. Историческое значеніе этого произведенія заключается:—1) въ пріуроченіи дѣйствія повѣсти къ опредѣленной мѣстности, всѣмъ извѣстной, точно и вѣрно описанной Карамзинымъ (Москва, Симоновъ монастырь [1]) и пр.). Этотъ пустякъ былъ, однако, большой новинкой въ нашей литературѣ и сразу придалъ достовѣрность и интересъ самому разсказу; 2) въ богатствѣ и тонкости психологическаго анализа души героини; 3) въ оригинальной для русской литературы *развязкѣ* повѣсти, выразившейся „самоубійствомъ“: „добродѣтель“ оказалась ненагражденной, порокъ ненаказаннымъ,—такимъ образомъ, повѣсть не имѣла дидактизма и была однимъ изъ первыхъ русскихъ сочиненій *чисто-художественныхъ*.

Психика Лизы.

Психика Лизы изображена въ повѣсти вполнѣ удачно, и образъ героини получился полный и правдивый. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ дѣвушку до ея любви, видимъ ее въ тревожный періодъ недоумѣнія передъ новымъ, незнакомымъ ей чувствомъ, потомъ авторъ передъ нами набрасываетъ трогательную картину взаимной любви; далѣе мы замѣчаемъ, какъ чистые восторги дѣвушки омрачаются какой-то новой тревогой, сознаніемъ чего-то беззаконнаго, что вмѣшалось въ ея любовь; потомъ тревога смѣняется борьбой между страхомъ потерять любимаго человѣка—и надеждой на возможность еще вернуть утерянное счастье, и, наконецъ, острое отчаянье на нашихъ глазахъ подкашиваетъ молодую разбитую жизнь... Даже картина ея смерти нарисована безъ театральности и психологически-вѣрно. Лиза не пошла за Эрастомъ на войну вовсе не потому, что ее удерживала мысль: «у меня есть мать»,—она вѣрила еще своей надеждѣ. Оттого мысль о матери могла ее удержать. Когда же всякая надежда исчезла—мысль о матери уже не удержала ея; внезапный ударъ судьбы оглушилъ ее: она растерялась до того безпомощно-жалко, что, когда «вдругъ» увидала себя стоящей на берегу пруда,—то и бросилась въ воду... Ея самоубійство чисто-случайное, столь же неожиданное, какъ и тотъ ударъ судьбы, что на нее обрушился [2]). И психологія повѣсти, и самый сюжетъ до нашихъ дней не потеряли своего интереса,—устарѣла *манера* письма, устарѣлъ стиль и *тонъ* повѣсти, анахронизмомъ является теперь своеобразный *субъективизмъ* автора... Вотъ почему чтеніе повѣсти Карамзина вызываетъ усмѣшку у современнаго читателя. Стóитъ сравнить

---

[1]) Около монастыря тогда былъ, дѣйствительно, прудъ, который у поклонниковъ Карамзина получилъ названіе „Лизина пруда“. Сюда долго сходились на свиданія сентиментальныя парочки, сюда приходили тосковать и предаваться „меланхоліи“ люди съ разбитыми сердцами. Наконецъ, монахи прекратили эти „паломничества“,—обнесли прудъ заборомъ и вывѣсили надпись, указывающую, что прудъ этотъ вовсе не называется „Лизинымъ“.

[2]) Возможно, что сюжетъ повѣсти и даже психологія героини представляютъ собою развитіе одного мѣста изъ „Вертера“, гдѣ разбирается состояніе души дѣвушки, рѣшившейся утопиться.

съ «Бѣдной Лизой» «Затишье» Тургенева,—и мы увидимъ, что сюжетъ остался почти тотъ же, но манера письма у Тургенева совершенно иная— и потому впечатлѣнія отъ обоихъ произведеній оказались совершенно различны.

„Повѣсть „Бѣдная Лиза“ цѣнна и благодаря той основной идеѣ, которая ее пронизываетъ: „и крестьянки чувствовать умѣютъ“. Это наивное „открытіе“ курьезно только для насъ, людей XX-го вѣка, но оно имѣло великое культурное значеніе для русскихъ людей XVIII в. — Идеализмъ повѣсти.

Въ повѣсти „Флоръ Силинъ“ Карамзинъ сдѣлалъ еще другое, подобное же, „открытіе“—простой, „сѣрый мужикъ“ можетъ сдѣлаться „героемъ“,—„благодѣтелемъ человѣчества“. Силинъ въ голодный годъ умѣло организовалъ помощь пострадавшимъ,— обнаружилъ при этомъ и гуманность, и энергію, и безкорыстіе, отдавъ въ пользу голодающихъ свое состояніе. Карамзинъ прославилъ его, а, послѣ Карамзина, многіе литераторы, его ученики и послѣдователи, въ свою очередь, стали усердно разыскивать скромныхъ героевъ, затерявшихся въ русской жизни: появилось немало повѣстей, гдѣ дѣйствуютъ люди „малые и смирные“; такимъ „апоѳеозомъ“ людей „нищихъ духомъ“ занялись даже нѣкоторые журналы, открывшіе у себя особые отдѣлы, для помѣщенія извѣстій о такихъ „герояхъ“. Мироновы изъ „Капитанской Дочки“— прямые потомки „Флора Силина“ и его многочисленнаго литературнаго поколѣнія. — Значеніе повѣсти: „Флоръ Силинъ“.

Если сентиментализма мало во „Флорѣ Силинѣ“, то повѣсть „Наталья, боярская дочь“ уже почти свободна отъ этой примѣси субъективизма чувствительной души. За то въ ней ясно опредѣлилось тяготѣніе къ дѣйствительности, къ реализму. — Значеніе „Натальи, боярской дочери“.

Реализмъ повѣсти „Наталья, боярская дочь“ носитъ историческій характеръ: въ это время Карамзинъ уже сталъ увлекаться исторіей и отходить отъ беллетристики. Это сказалось и на „Натальѣ“, а, особенно, на позднѣйшей повѣсти Карамзина: „Марѳа Посадница“, которая должна быть причислена уже къ чисто-историческимъ романамъ.

§ 103. *Слезная драма* у насъ имѣла особое значеніе въ 70—80-хъ годахъ XVIII ст. Москва оказалась особенно падкой на эту новую литературную моду, такъ какъ среди московскихъ писателей уже процвѣтало увлеченіе англо-нѣмецкой поэзіей [1]).— — Слезная драма у насъ въ XVIII ст.

[1]) См. выше разборъ слезной драмы Хераскова „Другъ несчастныхъ“.

Петербургъ оказался более консервативнымъ въ своихъ литературныхъ вкусахъ: онъ упорно держался за отживающій псевдоклассицизмъ.

Драма Карамзина „Софья“.

Карамзинъ тоже испробовалъ свои силы на поприщѣ драматурга: отъ него осталась одна драма,— „Софья“. Содержаніе ея слѣдующее:

Софья, молодая жена добродѣтельнаго старика-Доброва, послѣ долгихъ колебаній, открываетъ мужу, что любитъ другого и что уйдетъ къ нему. Мужъ, нѣжно любившій Софью,—въ полномъ отчаяніи,—онъ плачетъ, потомъ отъ слезъ переходитъ къ угрозамъ, къ мольбамъ... Все тщетно. Наконецъ, Добровъ уступаетъ женѣ и отпускаетъ ее, а самъ умираетъ съ горя. Она недолго пользовалась счастьемъ: ея возлюбленный измѣняетъ ей и хочетъ бѣжать отъ нея, но она убиваетъ его. Потомъ она сходитъ съ ума и топится.

Вся драма изобилуетъ патетическими монологами. Одинъ изъ нихъ написанъ, какъ будто, въ духѣ того монолога, который произносится, въ припадкѣ безумія, королемъ Лиромъ въ степи.

Сцена XI (бурная осенняя ночь. Лѣсъ по берегу рѣки. Софья бродитъ въ сумасшествіи по лѣсу). «Бурные вѣтры! разорвите черныя облака неба, чтобы моря пролилися на землю и смыли съ меня огненную кровь! Все во мнѣ перегорѣло!—Въ жилахъ моихъ течетъ пламя!—Моря, пролейтесь!.. Кто, кто свиститъ мнѣ въ уши?... Черная, большая тѣнь!.. Какъ страшно!.. Кто клянетъ меня? — Это голосъ моего супруга... Гдѣ я?—Въ аду?—И умереть нельзя?.. Страшно!.. страшно!.. (Подходитъ къ рѣкѣ).—Вода! вода!..» (Бросается и утопаетъ).

Журналистика.

§ 104. *Журналистика.* Сентиментальное направленіе отразилось у насъ и на журналистикѣ. Сатирическіе журналы, съ ихъ бичеваніемъ пороковъ, были уже не по вкусу сентиментальному читателю, съ его „прекрасной“, чувствительной душой. Не бичеваніе зла съ цѣлью его искорененія, а воспитаніе „сердца“ такимъ, чтобы въ немъ не было мѣста злу—вотъ, главная цѣль сентиментальной литературы. Какъ Императрица Екатерина мечтала о томъ, что, благодаря сатирической литературѣ и новой педагогической системѣ, введенной ею, явится въ русскомъ обществѣ „новая порода“ людей,—такъ и идеалисты, въ родѣ Новикова и его друзей, мечтали о перевоспитаніи русскаго народа благодаря масонской проповѣди, благодаря исправленію сердецъ. Изъ средствъ такого „воспитанія“ литературѣ отведено было большое мѣсто. Вотъ почему, между прочимъ, кружокъ Новикова издавалъ и первый у насъ дѣтскій журналъ: „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“. Въ этомъ журналѣ дѣятельное участіе принимали Петровъ и Карамзинъ; послѣдній помѣстилъ здѣсь пер-

„Дѣтское Чтеніе“.

вья свои стихотворенія и переводы чувствительныхъ повѣстей Жанлисъ.

Вернувшись изъ-за границы человѣкомъ, „отрезвившимся“ отъ многихъ юношескихъ „увлеченій“, набравшись самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, Карамзинъ пересталъ быть одностороннимъ чувствительнымъ юношей, который занимается по преимуществу своимъ сердцемъ,—теперь онъ, въ равной мѣрѣ, интересовался и исторіей, и искусствами; теперь онъ узналъ жизнь западной Европы не по однѣмъ книгамъ... Оттого „Московскій Журналъ“, который онъ началъ издавать сейчасъ по возвращеніи въ Россію, отразилъ на себѣ его широкіе интересы: въ этомъ журналѣ нѣтъ совсѣмъ мѣста холодной, разсудочной морали первыхъ русскихъ журналовъ, нѣтъ здѣсь и сатиры—передъ нами изображеніе „жизни“ — всѣхъ ея радостей и горестей, картина дѣйствительности нарисованная человѣкомъ, свѣтло глядящимъ на жизнь, умѣющимъ въ ней найти „трогательное“. „Письма русскаго путешественника“, повѣсти, стихи самого Карамзина, Дмитріева, Державина и др. лучшихъ писателей этой эпохи составляютъ содержаніе журнала—пестрое по составу, но стройное, объединенное идеалистическимъ міровоззрѣніемъ редактора. „Московскій Журналъ“—первый у насъ образецъ чисто-литературнаго журнала „съ направленіемъ“.

„Московскій Журналъ“.

После „Московскаго Журнала“ издавалъ Карамзинъ альманахи: „Аглая“ (1794) и „Аониды“ (1796—99). Это были сборники беллетристическаго содержанія, составлявшіеся изъ произведеній самого Карамзина и другихъ избранныхъ писателей. Выходили альманахи эти выпусками, въ разные сроки, что освобождало редактора отъ лишнихъ хлопотъ и облегчало ему возможность дѣлать строгій выборъ матеріала для изданія. По характеру своему, эти сборники вполнѣ подходятъ къ „Московскому Журналу“ [1]).

Альманахи Карамзина.

Въ одно время съ журналомъ Карамзина выходило въ свѣтъ другое, подобное же, изданіе: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій“ (1791—1793), подъ редакціей В. Подшивалова, литературнаго единомышленника Карамзина,—критика, защищавшаго у насъ сентиментализмъ (любопытна его статья: „Чувствительность и причудливость“). Впослѣдствіи, въ 1794 г., тотъ же Подшиваловъ издавалъ (по 1798-ой г.) „Пріятное и полезное

Журналы Подшивалова.

[1]) Въ 1798 г. изданъ Карамзинымъ „Пантеонъ иностранной словесности“—сборникъ переводовъ съ французскаго, нѣмецкаго и др. языковъ.

препровожденіе времени“, журналъ все того же карамзинскаго направленія.

Значеніе сентиментализма для русской литературы XIX в.

Изъ всего сказаннаго о тѣхъ различныхъ литературныхъ жанрахъ, въ которыхъ выразилось у насъ сентиментально-реалистическое направленіе, видно, что вся позднѣйшая русская литература XIX ст. есть, въ сущности, развитіе, углубленіе и расширеніе тѣхъ задачъ, которыя были поставлены еще въ XVIII в. этимъ направленіемъ (идеализмъ сердца, художественный реализмъ, интересъ къ психологическому анализу, поэзія „дѣйствительности“).

Народническое направленіе въ литературѣ этого періода.

§ 105. D) *Народническое направленіе въ литературѣ этого періода.* Выше было отмѣчено, какъ долго народная поэзія играла ничтожную роль въ исторіи русской литературы [1]): при св. Владимірѣ церковь преслѣдовала народную поэзію: съ XVIII в., особенно съ эпохи Петра, давилъ ее псевдоклассицизмъ, но окончательно убить это придавленное народное творчество оказалось невозможнымъ,—и ко второй половинѣ XVIII в. оно пробивается, наконецъ, въ нашу изящную литературу.

Интересъ къ народной поэзіи въ русскомъ обществѣ.

Возникновеніе интереса къ народной поэзіи въ русской литературѣ XVIII в. объясняется тѣмъ, что, хотя и сильны были въ русскомъ обществѣ вліянія иностранныя,—тѣмъ не менѣе, русскіе люди этой эпохи не могли совсѣмъ оторваться отъ своей родной почвы: дѣтьми слушали они пѣсни и сказки своихъ нянекъ, подъ старость, переживъ увлеченія Парижемъ и Вольтеромъ, они часто возвращались въ свои захолустья опять слушать русскія пѣсни, жить одной жизнью со своими крестьянами... Даже въ полуиностранномъ Петербургѣ XVIII в. многіе вельможи держали у себя хоры русскихъ пѣсенниковъ; деревенскіе обряды (весенніе) справлялись въ XVIII в. въ обѣихъ столицахъ; мемуары этого вѣка, біографіи многихъ русскихъ дѣятелей, наконецъ, литературная дѣятельность многихъ писателей доказываютъ эту наличность большого, неумирающаго вліянія народной поэзіи на русскую интеллигенцію XVIII в.

Народная поэзія въ лирикѣ XVIII в.

Лирика. Народныя пѣсни и „подражанія“ имъ встрѣчаются въ журналахъ XVIII ст. довольно часто. Еще въ лирикѣ Сумарокова видѣли мы первыя попытки внести въ изящную литературу такія подражанія—во второй половинѣ XVIII вѣка

---

[1]) См. 1-ый вып. I-ой части моей „Исторіи русск. словесности“, стр. 7—8.

на литературномъ поприщѣ выдвигается уже нѣсколько писателей, которые начали увлекаться сочиненіемъ пѣсенъ въ народномъ духѣ. Такъ, И. И. Дмитріевъ прославился трогательною пѣсней:

„Стонетъ сизый голубочекъ...“ Дмитріева.

„Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день, и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь;
Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ,—
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ!“

Въ этой пѣснѣ можно видѣть отраженіе одной народной пѣсни [1]).

Въ другомъ родѣ его уже веселая пѣсня:

„Пой, скачи, кружись, Параша“ Дмитріева.

„Пой, скачи, кружись, Параша,
Руки въ боки подпирай—
Лишь въ веселіи жизнь наша.
Ай, ай, жги, припѣвай!“

Значительно дальше отъ мотивовъ настоящей народной поэзіи его же пѣсни: „Ахъ, когда бы я прежде знала, что любовь родитъ бѣды“, „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ—розу я любилъ“ и др.

Пѣсни Богдановича.

Писалъ подобныя же пѣсни Богдановичъ. Привожу начало одной:

„У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла,
Ой, ладо, ладо, ладо!
У стада я легла!
А утки-то кра, кра, кра!
А гуси-то га, га, га!“ и пр.

Пѣсни Николаева.

У Николаева тоже есть много подражаній народной пѣснѣ, напр.:

„Вѣтры буйные шумите,
Разглашайте стонъ въ лѣсахъ“,
и т. д.
. . . .
„Полно, сизенькой, кружиться,
Голубочекъ, надо мной!“ и т. д.
. . . .
„Вечеркомъ румяну зорю
Шла я съ грусти посмотрѣть“,
и т. д.

Есть у него и шутливая пѣснь, „гудошная“ („Русскіе солдаты“), которая начинается такъ:

„Строй, кто хочетъ, громку лиру,
Чтобъ казаться въ высотѣ—
Я налажу пѣсню міру
По-солдатски, на гудкѣ!“

Далѣе въ этой пѣснѣ встрѣчаемъ названіе музы „дѣвкой красной“, находимъ выраженія: „гудокъ заскрипѣлъ“ и пр. Быть можетъ, въ этой пѣснѣ мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ нѣкоторое отраженіе тогдашнихъ „солдатскихъ“ пѣсенъ.

Пѣсни Радищева.

У извѣстнаго Радищева въ его творчествѣ тоже сказались неразъ позывы выражать народнымъ складомъ свои личныя чувства. Напр.:

„Краснопѣвая овсянка,
На смородинномъ кусточкѣ
Сидя, громко распѣвала!“ и пр.

---

[1]) См. I-ый вып. I-ой части моей „Исторіи русской словесности“, стр. 108.

Пѣсни Чулкова.

Чулковъ, знатокъ и любитель народнаго творчества, написалъ въ народномъ духѣ: „Стихи на качели“ и „Стихи на Семикъ“,—въ послѣднее произведеніе вошла такая пѣсня:

„Во ржи береза зелененька стояла,
Ой, Дидъ и Ладо, зелена, кудревата!
Подъ той подъ березой соловейко щекочетъ,
Ой, Дидъ и Ладо, молодой, щекочетъ!
И я выду, молода,
За новыя ворота,
Дидо калина!,
Лельо малина!“

Можно думать, что эта пѣсня—или, дѣйствительно, народная, или удачная поддѣлка подъ народную.

Пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго.

Довольно близко подходятъ къ народной поэтикѣ пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго. Напр.:

„Выйду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю—
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой!“
и т. д.

Другая пѣсня начинается такъ:

„Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ:
Все постыло,
Все уныло,
Друга милаго нѣтъ!“

Всѣ вышеприведенные примѣры указываютъ: 1) что народное творчество, несомнѣнно, сдѣлалось у насъ въ концѣ XVIII вѣка популярнымъ; 2) что иногда русскими писателями XVIII-го столѣтія довольно вѣрно улавливался строй народной пѣсни, иногда вводились въ художественное творчество настоящіе народно-поэтическіе обороты, но—3) здоровыя *настроенія* настоящей русской народной пѣсни были еще чужды пониманію русскихъ писателей, воспитанныхъ на западной литературѣ.

Народническая эпопея.

Эпопея. Не только народныя пѣсни, но и былины и сказки заинтересовали русскихъ литераторовъ XVIII в. Быть можетъ, и этотъ интересъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря знакомству съ фантастическими подвигами рыцарей въ поэмахъ Аріосто, Боярдо, Тассо, многіе русскіе писатели припомнили слышанныя ими въ дѣтствѣ былины и сказки о подвигахъ русскихъ богатырей и, съ точки зрѣнія западно-европейской литературы, оцѣнили ихъ поэтическое значеніе. Такимъ образомъ, вліяніе западной литературы, пробужденіе интереса къ народной поэзіи, проясненіе національнаго самосознанія во второй половинѣ XVIII в. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, паденіе интереса къ псевдоклассицизму заставили нѣкоторыхъ русскихъ писателей обратиться не только къ лирическому, но и къ эпическому народному творчеству, его пріемамъ и содержанію, которое еще недавно для псевдоклассика начала вѣка казалось чѣмъ-то низменнымъ.

Карамзинъ въ отрывкѣ своей „Богатырской сказки“: „Илья Муромецъ“ отказался подражать тѣмъ пѣснямъ, которыя пѣлись Гомеромъ и Виргиліемъ: „мы—не греки и не римляне“—говоритъ онъ— „Илья Муромецъ“ Карамзина.

„Намъ другія сказки надобны,
Мы другія сказки слышали
Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ!“

Радищевъ во вступленіи къ своему „Бовѣ“—заявилъ, что желаетъ воспѣвать героя русскаго— „Бова“ Радищева.

„Нынѣ лира ужъ не въ модѣ,
Инъ вы, гусли звончатыя,
Загудите, заиграйте!“

Осиповъ, авторъ поэмы: „Енеида, вывороченная наизнанку“, заявилъ, что онъ „на шутливую погудку настроилъ вмѣсто лиры дудку“. В. Майковъ тоже взялся за „гудокъ“ и „балалайку“.

Впрочемъ, всѣ эти затѣи написать русскую богатырскую поэму не удались русскимъ писателямъ,—дальше „введеній“, или начала такихъ поэмъ, они не пошли.

§ 106. Какъ въ области „лирики“ наши первые писатели-народники не уловили настоящихъ простыхъ настроеній народа и воспользовались лишь народно-поэтическими оборотами для выраженія своихъ сентиментальныхъ настроеній,—такъ и въ эпическомъ творчествѣ имена русскихъ богатырей часто нужны были для сюжета, не имѣющаго ничего общаго съ народнымъ творчествомъ. Это видно, хотя бы, изъ содержанія неоконченной „богатырской сказки“: „Илья Муромецъ“ Карамзина: Характеръ народничества въ эпопеѣ.

После длиннаго вступленія, авторъ рисуетъ картину утра: Содержаніе сказки Карамзина: „Илья Муромецъ“.

„Улыбнулось все твореніе;
Воды съ блескомъ заструилися;
Травки, ночью освѣженныя,
И цвѣточки благовонные
Растворили воздухъ утренній
Сладкимъ духомъ, ароматами.
Всѣ кусточки оживилися,
И пернатыя малюточки,—
Коноплянночка съ малиновкой,
Въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали
День, безпечность и спокойствіе!“

По лугу ѣдетъ юноша-витязь—

„Онъ подобенъ Маю красному,
Розы алыя съ лилеями
Расцвѣтаютъ на лицѣ его...
Онъ подобенъ мирту нѣжному,—
Тонокъ, прямъ и величавъ собой“.

Такъ фальшиво изображенъ «матерой» казакъ-мужикъ Илья. Какъ сентиментальный юноша, онъ—

„... имѣя сердце нѣжное,
Любовался красотою дня:
Тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
И въ душѣ своей чувствительной
Жертву утреннюю, чистую
Приносилъ Царю небесному!“ [1].

[1]) Ср. стихотвореніе гр. А. Толстого: „Илья Муромецъ“.

Впрочемъ недолго ѣздилъ этотъ «чувствительный» Илья по зеленому лугу,—увидалъ онъ въ полѣ богатый шатеръ съ золотой круглой маковкой. Илья зашелъ въ шатеръ и тамъ увидѣлъ спящую красавицу; описаніе ея красоты и костюма занимаетъ полторы страницы. «Геройское» сердце витязя, «твердое въ битвахъ и сраженіяхъ», оказалось «нетвердымъ противъ женскихъ стрѣлъ»,—оказалось «мягче воску бѣлояраго». Онъ остановился надъ красавицей и сталъ мечтать: цѣлый день проходитъ,—Илья все любуется на дѣвицу... Проходитъ ночь, проходитъ цѣлая недѣля,—красавица все спитъ, а Илья не рѣшается будить ее, но не въ силахъ и уйти прочь. И только когда прилетѣвшая муха хотѣла сѣсть на уста спящей, онъ прогналъ насѣкомое и своимъ перстнемъ коснулся ея; перстень оказался талисманомъ, — и красавица проснулась отъ волшебнаго сна. Она разсказала Ильѣ, что была околдована волшебникомъ-Черноморомъ. На этомъ прерывается сказка. Какъ видно изъ этого пересказа, ничего общаго съ «былинами», кромѣ имени богатыря, это произведеніе Карамзина не имѣетъ.

„Народническій элементъ въ пародіяхъ на ложноклассическія поэмы. Поэма Осипова „Енеида“.

Элементъ „народничества“ очень силенъ и въ разобранныхъ выше (стр. 127—8) „пародіяхъ“ на ложноклассическія поэмы. Къ произведеніямъ этого рода относится, напримѣръ, поэма Осипова: „Енеида, вывороченная на изнанку“. Здѣсь герои греческихъ миѳовъ представлены въ карикатурномъ видѣ: желаніе дать полный контрастъ возвышенному складу поэзіи классическихъ поэмъ приводитъ иногда автора къ русскому, „мужицкому“ стилю, нарочито-грубому; напр.:

„Еней былъ удалой дѣтина,
И самый хватской молодецъ:
Герои всѣ предъ нимъ скотина—
Душилъ ихъ такъ, какъ волкъ овецъ!“ и т. д.

Въ этой поэмѣ событія и дѣйствующія лица Енеиды „перелицованы“ (травестированы) на „русскую стать“.

Поэма В. Майкова „Елисей“.

Въ поэмѣ В. Майкова: „Елисей, или раздраженный Вакхъ“,—„пародія“ на классическія поэмы (Иліаду) болѣе оригинальна по замыслу,—здѣсь дѣйствіе происходитъ въ русской деревнѣ.

Многія мѣста поэмы близки къ народной поэзіи. Самъ писатель на это указываетъ. Такъ, по его словамъ, нарядъ героя взятъ имъ изъ народной пѣсни:

„Персидской былъ кушакъ, а шапочка соболья,
Изъ пѣсни взятъ уборъ, котору у приволья
Бурлаки волжскіе, напившися, поютъ,
А пѣсенку сію „Камышенкой“ зовутъ!“

Драка пьянаго Елисея изображена словами былины:

„Гдѣ съ нею онъ пройдетъ,—тамъ улица явится!—
А гдѣ повернется,—тамъ площадь становится!“

Тяготѣя къ народнымъ образамъ и картинамъ, Майковъ зло вышучивалъ тѣ высокопарные и дѣланные образы, которыми богатъ былъ псевдоклассицизмъ. Пародируя однажды такіе стихи, Майковъ прибавилъ, что, «хотя въ нихъ смысла мало», но онъ всетаки помѣстилъ ихъ въ свою поэму, для показанія, какъ «естество» себя «хитро въ нихъ изломало». Эта защита *естества*, т. е. художественной естественности, правды, привела Майкова и многихъ другихъ—русскихъ писателей, съ одной стороны, къ пародіямъ на псевдоклассицизмъ,—съ другой, пріучило внимательнѣе относиться къ простому, безхитростному творчеству народа.

Народничество въ романѣ XVIII в.

§ 107. *Романъ*. Выше неразъ говорилось о томъ, какъ псевдоклассицизмъ тѣснилъ на западѣ и народное творчество, и средневѣковую письменность,—но въ XVIII-омъ вѣкѣ, отчасти подъ впечатлѣніемъ знакомства съ волшебными арабскими сказками (сказки „1001 ночи“), на западѣ вновь возрождается интересъ къ народнымъ сказкамъ о феяхъ и волшебникахъ, къ старымъ средневѣковымъ рыцарскимъ романамъ. Въ результатѣ, возникаетъ тамъ богатая литература „волшебныхъ“ сказокъ. Интересъ къ этимъ произведеніямъ у насъ въ Россіи привелъ къ внимательному изученію произведеній народной фантазіи, къ попыткамъ воспользоваться ими для литературной обработки: въ результатѣ, сложился русскій волшебный *романъ*. Изъ произведеній этого типа особенно интересны—„Пересмѣшникъ“ и „Русскія сказки“ Чулкова и „Славянскія древности, или приключенія славенскихъ князей“ Попова.

„Народность“ въ романахъ Чулкова и Попова.

Въ первыхъ сочиненіяхъ Чулкова и Попова вся „народность“ свелась къ употребленію русскихъ географическихъ именъ и къ поддѣлкамъ подъ древнія собственныя имена (Свѣтлосанъ, Силославъ, Словуронъ, Милослава, Славенъ). Всѣ эти герои такіе же „псевдославяне“, съ какими мы познакомились въ трагедіяхъ Сумарокова. Большой матеріалъ для вымысла дала обоимъ писателямъ также фантастическая русская миѳологія.

Характеръ содержанія этихъ романовъ.

Содержаніе обоихъ сборниковъ гораздо ближе къ рыцарско-волшебнымъ произведеніямъ запада, чѣмъ къ русскимъ сказкамъ и былинамъ: волшебники, добрые и злые, превращенія, помощь боговъ, талисманы, предсказанія, вѣщіе сны,—все это, въ общемъ, представляетъ такую сложную картину воздѣйствій на героя, что его личная доблесть, добродѣтели и любовь тускнѣютъ. Изъ рыцарскаго романа заимствованы „турниры“, „служеніе дамѣ“, идеальная любовь. Впрочемъ, въ произведеніяхъ Чулкова всетаки больше точекъ соприкосновенія съ русской почвой,—такъ, на нѣкоторыя повѣсти этого сборника несомнѣнное вліяніе

оказали повѣсти о „Бовѣ Королевичѣ“ и „Ерусланѣ Лазаревичѣ“.

Построеніе этихъ романовъ.

Въ повѣстяхъ и Чулкова, и Попова канва, приблизительно, сходна,— злой чародѣй похищаетъ сестру, невѣсту, или возлюбленную героя; герой отправляется на поиски, испытываетъ по дорогѣ рядъ искушеній (замокъ красавицъ, роскошная жизнь и др.), преодолѣваетъ рядъ опасностей; за него заступаются добрые волшебники,—противъ него дѣйствуютъ злые. Наконецъ, герой достигаетъ замка, гдѣ злымъ чародѣемъ собраны красавицы со всего свѣта,—онъ ихъ всѣхъ освобождаетъ, убивъ насильника. И у Чулкова, и у Попова, между прочимъ, повторяется мотивъ, взятый изъ сказки объ «Ерусланѣ»—разсказывается о полѣ, покрытомъ трупами, и о богатырской головѣ, подъ которой лежитъ чудесный мечъ.

Такимъ образомъ, творчество Чулкова и Попова еще не создало нашей литературной національной повѣсти. Впрочемъ, русскими читателями XVIII вѣка всѣ эти поддѣлки и „подъ народную лирику“, и „подъ народный эпосъ“—были приняты за истинно-русское творчество,—самъ Чулковъ, напримѣръ, сочиняя первый свой сборникъ, былъ убѣжденъ, что онъ вѣрно передаетъ въ своей литературной обработкѣ основы народнаго творчества. Это видно изъ его предисловія къ „Пересмѣшнику“,—между тѣмъ, въ этомъ сборникѣ народный русскій эпосъ онъ почти отожествилъ съ рыцарскими романами и, подъ вліяніемъ Аріосто, Боярдо, Тассо, поэмы которыхъ созданы тоже на основаніи этихъ же романовъ, написалъ свои „сказки“. Въ „предисловіи“ онъ говоритъ:

Предисловіе къ „Пересмѣшнику“ Чулкова.

«Чтò Карлъ для западной Европы, тò былъ великій Владиміръ для Россіи. Подобно первому, прославилъ сей великій князь имя свое войнами, побѣдами, расширеніемъ своего государства»... Все это, безъ сомнѣнія, заставило «русскихъ романистовъ избрать дворъ Владиміровъ мѣстомъ чудныхъ богатырскихъ подвиговъ. Какъ при дворахъ Карловомъ и Артуровомъ, Роланды, Оливеры, Ринальды, Амадисы и другіе отличались невѣроятными дѣяніями, удивительною силою и мужествомъ,—такъ при дворѣ Владиміровомъ Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ, Чурило Пленковичъ и проч. блистаютъ между могучими богатырями того времени. Въ сказкахъ русскихъ богатырскихъ такъ же, какъ во французскихъ и итальянскихъ, феи, волшебники играютъ важную роль, и здѣсь побѣждаются змѣи, освобождаются красавицы, разрушаются очарованные замки»...

Характеристика содержанія „Русскихъ сказокъ“ Чулкова.

Гораздо ближе къ народному творчеству подходятъ „богатырскія сказки“ второго сборника Чулкова—„Русскія сказки“.

Здѣсь авторъ лучше овладѣлъ внѣшней стороной русской былины и сказки. Цѣлый рядъ деталей, даже, мѣстами, стиль, поэтическіе образы—

взяты имъ изъ народной поэзіи. Воспользовавшись былинными богатырями, онъ легко творитъ около нихъ, сплетаетъ ихъ подвиги, взятые изъ былинъ и сказокъ, съ вымышленными, въ длинную цѣпь «авантюръ» (приключеній), рыцарскихъ и волшебныхъ. Скудные остатки славянской миѳологіи подъ его перомъ разростаются въ цѣлые миѳы, отдѣльныя, разрозненныя былины превращаются въ романы, богатыри иногда связываются родствомъ... Не стѣсняется Чулковъ и съ исторіей: онъ легко пускается въ дебри праисторіи европейскихъ народовъ, смѣло даетъ собственнымъ именамъ и названіямъ вымышленныя историческія и географическія толкованія. Если бы писатель съ такой же смѣлостью творчества, съ такимъ богатствомъ фантазіи, какія были у Чулкова, появился въ Московской Руси, у насъ, быть можетъ, была бы эпопея, въ родѣ Иліады и Одиссеи. Въ XVIII-омъ вѣкѣ появленіе такой эпопеи было немыслимо, такъ какъ органическія связи съ народной поэзіей, благодаря псевдоклассицизму, у писателей были прерваны—пѣсни и былины были въ ихъ глазахъ только забавнымъ курьезомъ. Это видно, хотя бы, изъ предисловія къ «Русскимъ сказкамъ». Начавъ съ серьезнаго указанія на то, что, къ сожалѣнію, подвиги древнихъ русскихъ витязей сохранились только въ памяти народа и, въ свое время, не были записаны, какъ это произошло на западѣ (такъ объясняетъ Чулковъ происхожденіе западныхъ рыцарскихъ романовъ), онъ затѣмъ начинаетъ вышучивать русскихъ богатырей:

«Остались въ памяти народа лишь времена Владиміра. Сильнѣйшіе богатыри стеклись къ нему отъ всѣхъ странъ славянскихъ. Войска его учинились непобѣдимыми и войны ужасны, понеже сражались и служили у него славнѣйшіе богатыри (слѣдуетъ ихъ перечень). Съ ихъ-то помощью побѣждалъ онъ грековъ, поляковъ, ятвяговъ, косоговъ». И ничего удивительнаго въ этихъ побѣдахъ, по словамъ Чулкова, не было: «ибо въ старину сражались не по нынѣшнему: довольно тогда было одной силы и бодрости: на 200.000—300.000 воиновъ посылали одного». Затѣмъ Чулковъ иронизируетъ: «если бы въ старину персы пошли не на Грецію, а на Русь, то въ Ѳермопилахъ одинъ Чурила ихъ бы удержалъ»,—Илья Муромецъ «успокоилъ бы» Александра Великаго и, «вторóча его къ сѣдлу своему, какъ славнаго Соловья Разбойника, привезъ въ славный Кіевъ-градъ, гдѣ заставилъ бы «сухари толочь». Владиміръ завоевалъ бы весь міръ, если бы отъ кровопролитій не удерживали его «добродѣтели».

Изъ богатырскихъ сказокъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, интересны слѣдующія: „Повѣсть о кн. Владимірѣ“, „О Добрынѣ“, „О Тугаринѣ Змѣевичѣ“, „О сильномъ богатырѣ Чурилѣ Пленковичѣ“, „Объ Аліошѣ Поповичѣ“, „О сильномъ богатырѣ Василіи Богуславевичѣ“ и др. Сказка о Василіи Богуславевичѣ начинается такъ:

„Сказка о Василіи Богуславевичѣ“.

«Жилъ Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай преставился. Оставалось у него милое дѣтище—Василій Богуславевичъ; когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу, на Рогатицу, играетъ

онъ не съ малыми ребятами,—съ усатыми и бородатыми: котораго изъ нихъ схватитъ за руку—у того рука прочь, а кого за голову—головы нѣтъ».

Дальше разсказъ идетъ по былинному: мать Василія старается его угомонить. Онъ собираетъ себѣ дружину. Затѣмъ слѣдуетъ интересный варіантъ, неизвѣстный въ сохранившихся былинахъ. Посадники новгородскіе, узнавъ о существованіи у Василія дружины, рѣшаютъ, что онъ хочетъ завладѣть княжескимъ престоломъ въ Новгородѣ. И вотъ, они приглашаютъ Василія на пиръ, чтобы, подпоивши, узнать, какіе у него замыслы. Мать отпускаетъ его съ наставленіемъ: «ты пей, мой другъ, не пропей ума! Мужики новгородскіе хитры, лихоратливы, обойдутъ тебя!» Сначала Василій ведетъ себя на пиру осторожно: «онъ въ полсыта наѣдается, въ полпьяна напивается; онъ сидитъ, какъ красна дѣвушка». Наконецъ, вино взяло свое—и Василій заявилъ, что онъ будетъ скоро княземъ въ Новгородѣ. Мать, узнавъ о похвальбѣ сына и чувствуя, что ему грозитъ бѣда, прячетъ его въ погребъ. Новгородцы идутъ его разыскивать; дѣвушка-чернавушка, «малешенька, она жила изъ избы приспѣшныя», догадалась, зачѣмъ идутъ новгородцы. Коромысломъ перебила она тысячу человѣкъ, разбудила дружину Василія, выпустила самого богатыря изъ погреба. Новгородъ былъ побѣжденъ Василіемъ, и онъ тамъ сдѣлался княземъ.

Изъ всѣхъ «богатырскихъ сказокъ» Чулкова эта наиболѣе близка къ былинамъ и содержаніемъ, и стилемъ. Въ иномъ духѣ прочія перечисленныя сказки: въ нихъ встрѣчаются знакомыя намъ былинныя имена, встрѣчаются отдѣльные обороты рѣчи, цѣлые періоды, взятые изъ народнаго эпоса, но фабула этихъ романовъ построена на романѣ рыцарскомъ. Впрочемъ, встрѣчаются здѣсь въ изобиліи элементы народной сказки (коверъ-самолетъ, разрывъ-трава, живая вода, клубокъ, показывающій путь, кощей, баба-яга и пр.); много заимствованій сдѣлано также изъ авантюрной сказки, особенно изъ сказокъ объ Еруслане и Бовѣ; встрѣчаются заимствованія изъ такихъ повѣстей, какъ, напримѣръ, «Повѣсть о Вавилонѣ», «О князѣхъ Владимірскихъ» и др.

Русская „новелла“ въ сборникахъ Чулкова.

Кромѣ повѣстей Чулкова „героическаго“ характера, въ „Пересмѣшникѣ“ и „Русскихъ сказкахъ“ мы встрѣчаемъ разные забавные разсказы о деревенскихъ плутахъ и ворахъ, о дурняхъ, о хитрыхъ женахъ, лукавыхъ солдатахъ... Иногда эти разсказы близки своимъ содержаніемъ и характеромъ къ тѣмъ, что вошли въ составъ сборниковъ въ родѣ „фацецій“ и „Римскихъ дѣяній“.

„Новелла“ у другихъ писателей XVIII в.

Кромѣ подобныхъ произведеній въ сочиненіяхъ Чулкова, у другихъ писателей этого времени точно также мы имѣемъ длинный рядъ художественныхъ литературныхъ обработокъ такихъ же разсказовъ, занесенныхъ къ намъ въ XVII в. Литературныя обработки ихъ дали у насъ въ XVIII в. нѣсколько собраній „но-

веллъ" въ духѣ Боккачіо. Таковы, напримѣръ, „Похожденія Ивана Гостинаго сына" — соч. Новикова [1]), „Старичокъ - весельчакъ", „Дѣвушкины прогулки" и пр.

Характеристика сборника Новикова „Похожденія Ивана".

Въ повѣстяхъ, вошедшихъ въ сборникъ Новикова, русская жизнь захвачена широко и всесторонне; но реализмъ ихъ не тотъ, что мы видѣли въ сатирическихъ журналахъ. Спокойно и безстрастно рисуетъ авторъ картины, отъ которыхъ пахнетъ и убійствомъ, и насиліемъ, и обманомъ; его разсказъ отличается удивительной непосредственностью и даже отсутствіемъ критическаго отношенія къ жизни. Этими произведеніями исторія русской повѣсти непосредственно примыкаетъ къ бытовой русской повѣсти XVII в. (въ родѣ «Фрола Скобѣева»). Но въ художественномъ отношеніи эта литературная «новелла» XVIII в. значительно выше старой повѣсти—она полнѣе и ярче рисуетъ детали, фонъ и дѣйствующихъ лицъ, чѣмъ повѣсть XVII в.

„Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ".

Для примѣра, можно привести изъ сборника Новикова отрывки литературной обработки «Повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ». Называется это произведеніе: «Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, сыгранный въ Москвѣ свадебнымъ». Начинается повѣсть съ подробной мотивировки, почему герой-дворянинъ (Селуянъ-Фролъ) дошелъ до занятій «ябедничествомъ». Оказывается, онъ съ сестрой были сироты; денегъ не осталось отъ родителей,—пришлось въ дѣтскіе годы питаться милостынею: «съ малыхъ лѣтъ воспитывался съ сестрой щедростью людскою, а, возмужавши, за неимѣніемъ, какъ у батюшки его, крестьянъ, принужденъ пропитаніе имѣть по образу родительскому», а затѣмъ, «вспахивать и удобрять землю въ рядовую, съ прочими чужихъ господъ крестьянами». Разсказано затѣмъ, что сестра его такъ же усердно работала, какъ и братъ: ходила за скотомъ и заботилась о домѣ. Затѣмъ повѣствуется о томъ, какъ черная работа Селуяну наскучила, какъ одинъ «дьячокъ, человѣкъ проворный» и къ «лукавству обыклый», его надоумилъ «ходить за ябедой» [2]),—это занятіе молодому дворянину, грамотному и «на всякіе замыслы и затѣи острому», пришлось по душѣ. Далѣе подробно разсказано о приказныхъ подвигахъ героя, о рекламѣ, къ которой онъ прибѣгалъ, чтобы заполучить побольше кліентовъ, и пр. Введеніе всѣхъ этихъ мелочей свидѣтельствуетъ о большей требовательности писателя XVIII в.—о ростѣ литературнаго развитія: безхитростная повѣсть XVII в. о Фролѣ Скобѣевѣ для литератора XVIII в. оказалась неудовлетворительной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—нужно было многое въ ней объяснить, развить...

Ординъ-Нащокинъ обратился въ Кошкодавова, Аннушка—въ Грушеньку. Имѣется бѣглое описаніе внѣшности героини и героя. Предварительные подкупы няньки героемъ выпущены. Зато очень удачно введено узнаніе нянькою переодѣтаго героя: «весь вечеръ Груняшина нянька пристально глядѣла на Селуяна, немало разъ видаючи у ихъ приказчика; но при всѣхъ его для своей боярышни, какъ званую гостью, изобличить

[1]) Однофамилецъ извѣстнаго Н. И. Новикова, издателя сатирическихъ журналовъ.
[2]) Т. е. сдѣлаться „стряпчимъ".

не смѣла, что и Селуянъ, какъ на увертки бабьи остеръ ни былъ, однако плотненько сталъ думать, что его примѣчаютъ»—и тогда только онъ подкупилъ няньку... Все это толкованіе поведенія Селуяна у Груни гораздо правдивѣе въ психологическомъ отношеніи, чѣмъ соотвѣтствующее мѣсто въ повѣсти о Фролѣ. Просьба Селуяна у няньки о помощи гораздо пространнѣе и мотивированнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ; живо представлена сцена колебаній няньки, ея внутренняя борьба. Такъ же обстоятельно, въ психологическомъ отношеніи, изображена та сцена, когда героиня отъ испуга переходитъ, мало-по-малу, къ любви. Сцены бытовыя, остроты въ народномъ духѣ, живой діалогъ, изобрѣтеніе новыхъ плутовскихъ продѣлокъ героя,—все это дѣлаетъ названную повѣсть очень интереснымъ литературнымъ явленіемъ, ясно показывающимъ тѣ пути, по которымъ пошло самобытное развитіе русскаго оригинальнаго романа.

Подобной же обработкѣ, въ смыслѣ введенія психологическаго элемента, усложненія деталей, расширенія фона, стремленія къ реализму,—подверглись многія старыя повѣстушки, заимствованные анекдоты и сказки. Все это факты очень цѣнные,—очевидно, въ романѣ середины XVIII в., народное творчество, остановившееся съ началомъ XVIII в., опять начинаетъ развиваться и, наконецъ, мало-по-малу, сближается съ изящной литературой. Эта „демократическая струя“, влившаяся въ литературу—новый ударъ псевдо-классицизму. Чулковъ не побоялся въ предисловіи къ своимъ „Русскимъ сказкамъ“ назвать ихъ повѣствованіями, которыя разсказываются въ „каждой харчевнѣ“ „простымъ народомъ“.

„Жизнь и похожденія Ваньки Каина“.

Къ этому же разряду „народныхъ“ разсказовъ, проникшихъ въ литературу, относится интересное произведеніе: „Жизнь и похожденія Ваньки-Каина“; если судить по числу выдержанныхъ въ XVIII в. изданій (15), эта повѣсть была популярнѣе всѣхъ другихъ литературныхъ произведеній этого вѣка [1]), переводныхъ и оригинальныхъ.

Содержаніе повѣсти.

Ванька Каинъ былъ крѣпостнымъ дворовымъ, потомъ сдѣлался профессіоналомъ-мошенникомъ; онъ выдѣлился среди товарищей своей ловкостью, дерзостью и остроуміемъ; потомъ онъ сдѣлался разбойникомъ на Волгѣ и кончилъ тѣмъ, что, покаявшись, сдѣлался сыщикомъ, заслужилъ довѣріе высшаго начальства и, пользуясь этимъ, началъ творить въ Москвѣ всякія безчинства: выдавая полиціи однихъ воровъ, онъ дѣйствовалъ заодно съ другими. У него былъ цѣлый отрядъ солдатъ, которыми онъ пользовался въ своихъ цѣляхъ; потомъ онъ пересталъ стѣсняться даже съ начальствомъ Москвы. Въ концѣ-концовъ, въ 1764 г. онъ былъ

[1]) „Похожденіе Телемака“ въ разныхъ переводахъ выдержало—9 изд., „Похожденіе Жилблаза“—8, „Приключенія Маркиза Г.“—3, „Приключенія Робинзона Крузе“—4 изд.

судимъ и, съ вырванными ноздрями, сосланъ въ Балтійскій портъ. Тамъ Ванька разсказалъ кому-то всю свою жизнь. Этотъ разсказъ, сверкающій яркимъ, хотя и грубымъ остроуміемъ, былъ записанъ, напечатанъ, а потомъ въ XVIII-омъ же вѣкѣ подвергся литературной обработкѣ. Автобіографія Ваньки вводитъ насъ въ жизнь Москвы 50-ыхъ годовъ XVIII в., знакомитъ насъ съ нравами и бытомъ воровъ мелкихъ и крупныхъ. Особенно интересно произведеніе своимъ стилемъ: поговорки, пословицы, прибаутки, народно-поэтическіе обороты рѣчи, риѳмованныя остроты поражаютъ своимъ обиліемъ и разнообразіемъ. Ванька былъ артистъ-мошенникъ и великій юмористъ-балагуръ въ душѣ. Приведу нѣсколько примѣровъ:

«Тронувъ» у своего хозяина «ларца» и «захвативъ оттуда денегъ столь довольно, чтобъ нести было полно», Ванька «всталъ поранѣ и шагнулъ отъ двора подалѣ». На воротахъ господскаго двора написалъ: «пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай у тебя чортъ, а не я». Затѣмъ Ванька забирается во дворъ къ священнику, но встрѣчаетъ «человѣка, который въ колоколъ рано звонитъ» (т. е. звонаря). Тотъ «невѣжливо» встрѣчаетъ Ваньку и его спутника, явившихся «не по большой дорогѣ, но по проселочной» (т. е. черезъ заборъ). Товарищъ Ваньки за невѣжество ударилъ сторожа «лозой, чѣмъ воду носятъ» (т. е. коромысломъ),—и убитому прочелъ нотацію: «неужели для всякаго прихожанина ворота хозяйскія отпирать? потому некогда будетъ и спать!» Ванька отправился затѣмъ «подъ Каменной мостъ, гдѣ воришкамъ былъ погостъ»,—тамъ воры привѣтствовали его кудрявой рѣчью: «полъ да середъ сами съѣли, печь да полати въ наемъ отдаемъ, и идущимъ по сему мосту тихую милостыню подаемъ! и ты будешь, братъ, нашего сукна епанча; поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изнавѣшены шесты, а голоду и холоду амбары стоятъ, пыль да копоть, при томъ нечего и лопать».

Въ такомъ же духѣ разсказаны всѣ дальнѣйшія продѣлки героя,— допросъ его въ сыскномъ приказѣ, похожденія въ Н.-Новгородѣ во время ярмарки, его женитьба и подвиги въ роли сыщика. Ванька не только мошенничаетъ, но всегда еще зло шутитъ надъ потерпѣвшимъ. Разсказывая, напримѣръ, какъ обворовалъ онъ спящихъ, Ванька говоритъ: «что было, обобрали, чтобъ впредь такъ крѣпко не спали». Обокравъ одного барина, Ванька съ товарищами, оскорбленный его руганью, разулъ ему одну ногу и оставилъ за городомъ въ пустырѣ; съ удовольствіемъ разсказываетъ онъ, какъ строптивый баринъ, «по случившемуся тогда великому морозу, подогнувъ подъ себя ту разутую ногу, сѣлъ, а мы, оставя его на томъ мѣстѣ, уѣхали». Даже разсказъ о наказаніи и ссылкѣ разсказанъ Ванькой съ тѣмъ же юморомъ: отправленъ былъ онъ, по его словамъ, на «холодныя воды, отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ».

Его балагурство очень характерно,—передъ нами чисто-народное остроуміе, которое нашло себѣ выраженіе въ пѣсняхъ и сказкахъ скомороховъ, въ стихотворныхъ текстахъ, объясняющихъ старыя лубочныя картины; оно сохранилось до нашихъ

дней въ остротахъ балаганныхъ дѣдовъ. Жизнь Ваньки подтверждается обильными судебными матеріалами, до сихъ поръ сохраняющимися въ московскихъ архивахъ; личность его была такъ популярна, что отразилась даже въ народныхъ пѣсняхъ. Его автобіографія доказываетъ намъ, что въ XVIII в., кромѣ *литературныхъ* попытокъ Чулкова, Новикова и др. создать оригинальный народный романъ, была попытка и со стороны самого народа создать именно *романъ, а не сказку*. Громадный интересъ русскихъ читателей XVIII в. къ этому роману указываетъ на то что, если верхи общества увлекались псевдоклассицизмомъ, то масса русскаго общества любила свое пробуждающееся національное творчество.

Стремленія создать русскую драму.

§ 108. *Драма*. Выше было указано уже, что даже у Сумарокова было ясное стремленіе создать *русскую трагедію*,— для этого онъ упорно выбиралъ мѣсто дѣйствія для своихъ трагедій въ Россіи и дѣйствующихъ лицъ —исключительно-русскихъ. Но, кромѣ русскихъ географическихъ названій и неудачныхъ поддѣлокъ подъ русскія древнія имена, изъ этой попытки ничего не вышло. Указано было также, что императрица Екатерина, въ своихъ „подражаніяхъ Шекспиру", старалась придать имъ колоритъ русской „народности",—для этого она воспользовалась народными пѣснями и вывела на сценѣ народные обряды.

Но эти трагедіи Екатерины были слишкомъ незначительны сами по себѣ и остались слишкомъ малоизвѣстны публикѣ, чтобы придавать имъ большое значеніе и въ нихъ видѣть начало русской *національной драмы*. Только впослѣдствіи Пушкинъ своимъ „Борисомъ Годуновымъ" разрѣшилъ эту великую задачу.

Въ русской комедіи XVIII-го вѣка тоже не оказалось мѣста для народа,—лишь эпизодически выступаетъ въ нихъ простой русскій человѣкъ [1]), при томъ очень рѣдко сохраняя народныя черты.

„Комическая опера".

Зато „народническое направленіе" нашло себѣ выраженіе въ „комической оперѣ",—драматическомъ жанрѣ, не предусмотрѣнномъ поэтикой Буало.

Эти оперы, по характеру своему и настроенію,—совершенная противоположность «слезнымъ драмамъ»: мораль ихъ невысока, характеры героевъ не отличаются добродѣтелями; ихъ главный герой, на которомъ, главнымъ образомъ, держится интрига всей пьесы, обыкновенно—плутъ-шарлатанъ. Такимъ образомъ, какъ и современная оперетта, эти пьесы

1) Напримѣръ, въ комедіяхъ Лукина и Фонвизина.

разсчитаны были на низменные вкусы публики. Но, на ряду съ такими отрицательными чертами, надо отмѣтить въ нихъ и положительныя: часто изображая жизнь русской деревни, оперы болѣе другихъ драматическихъ сочиненій окрасились характеромъ «народности», введя на сцену и народныя пѣсни, и народную рѣчь,—шутки и прибаутки.

Особый интересъ представляютъ „оперы“ Екатерины: въ нихъ „народность“ сказалась очень ярко,—сказки, былины, пѣсни дали главный матеріалъ для этихъ произведеній: „Опера комическая Февей“ „составлена изъ словъ сказки, пѣсенъ русскихъ и иныхъ сочиненій“ (1786), „Новгородскій богатырь Боеслаевичъ“ (1786), „Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ“ (1786), „Горе-богатырь Косометовичъ“ (1788—1789),—все это веселыя, остроумныя обработки русскихъ сказокъ, былинъ и сказокъ,—обработки, ясно доказывающія, что прелесть народной поэзіи была оцѣнена державной ученицей Вольтера. „Оперы“ императрицы Екатерины.

Большимъ успѣхомъ пользовалась у русской публики опера Аблесимова: „Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ“ (1772). Содержаніе пьесы слѣдующее: Опера Аблесимова: „Мельникъ-колдунъ“...

Мельникъ Фаддей слылъ въ народѣ колдуномъ только потому, что онъ былъ мельникъ. «Смѣшно, право!» говоритъ онъ: «какъ будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и уже-де мельникъ всякой не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ, какъ черти, ворочаютъ!» Тѣмъ не менѣе, онъ пользуется своей мрачной славой и, надувая православныхъ, наживается. Онъ поетъ:

„Кто умѣетъ жить обманомъ,—
Всѣ зовутъ того цыганомъ!
А цыганскою ухваткой
Прослывешь колдунъ угадкой.
И колдовки-колотовки
Тѣ же дѣлаютъ уловки!
Много всякаго есть сброду—
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ—
И живутъ такимъ обманомъ“.

Фаддей дѣлаетъ и доброе дѣло: онъ устраиваетъ свадьбу двухъ влюбленныхъ—однодворца Филимона и Анюты; родители Анюты не выдавали своей дочери за него, пока на нихъ не оказалъ вліянія этотъ колдунъ-мельникъ. Въ пьесѣ Аблесимова встрѣчаемъ мы народныя пѣсни, народные обороты рѣчи и выраженія. Нравы крестьянъ представлены нарочито-грубыми. Герой говоритъ про свою невѣсту: «А-а! Это ей не по сердцу, што я сказалъ! гоняться-то я за ней не буду,—этакъ-то лучше съ вами водиться; у насъ вѣдь по-сельски: какъ любушкѣ своей тулунбаса двѣ-три въ спину влѣпишь, и она стерпитъ,—то и наша!»

Нравились русской публикѣ также оперы Княжнина: „Несчастье отъ кареты“ и „Сбитенщикъ“. Содержаніе ихъ слѣдующее: Оперы Княжнина.

Въ первомъ произведеніи выведены помѣщики Фирюлины,—мужъ и жена. Изъ Франціи вывезли они презрѣніе ко всему русскому. Имъ по- а) „Несчастье отъ кареты“.

надобилась новая карета. Фирюлинъ требуетъ денегъ у приказчика, обращаясь къ нему съ такими словами: «О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили. Изъ особливой къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по-французски, жалую тебя Клеманомъ, и впредь повелѣваю всѣмъ не офансировать тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ», и т. д. Чтобы добыть для барина денегъ, Клементій хочетъ продать въ рекруты молодого крестьянина Лукьяна, который любитъ Анюту, любимъ ею и собирается на ней жениться. Шутъ Фирюлина за деньги вмѣшивается въ дѣло и сообщаетъ, что Лукьянъ знаетъ французскій языкъ, и—это спасаетъ его отъ солдатчины. Такимъ образомъ, авторъ хочетъ указать, что въ крѣпостномъ быту отъ одной прихоти, или пристрастія помѣщиковъ, зависѣла часто вся судьба крестьянъ. Эта мысль, составляющая основную идею пьесы, выражена въ заключительныхъ словахъ пѣсни, которую поютъ дѣйствующія лица:

„Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла!“

Шутъ, играющій большую роль въ пьесѣ, цинично смотритъ на жизнь, что видно изъ его пѣсни:

„Полезнымъ быть нѣтъ хуже ничего!
Того не гнутъ!
А тотъ страдаетъ,—
Кто работаетъ.
На свѣтѣ таково:
Кто шутъ, тотъ плутъ,
О чемъ грустить, стонать?
На свѣтѣ все плевать, плевать!“

„Сбитенщикъ“. Во второмъ произведеніи главный герой—продавецъ сбитня Степанъ. Онъ за деньги устраиваетъ счастье добродѣтельнаго офицера Извѣда и купеческой дочери Паши. Міросозерцаніе Степана подстать легкимъ взглядамъ на жизнь шута Фирюлиныхъ («Несчастье отъ кареты»),—Степанъ поетъ слѣдующую пѣсню, которая сдѣлалась очень популярной у насъ въ XVIII в.:

„Кажется неложно—
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать!—
Только должно
Осторожно
Поступать!
Правда, честенъ буди,
Только, какъ всѣ люди:
Отъ ума,
Не до дна—
Вчетвертинку,
Вполовинку,
Не сполна!
Люди всѣмъ торгуютъ
Да и въ усъ не дуютъ!
И Степанъ—
Не болванъ,
Только должно
Осторожно
Класть въ карманъ!
Чтя корысть едину,
Всякъ свою скотину
То сосетъ,
То стрижетъ!
Кто умѣетъ,
Тотъ и брѣетъ
Весь заводъ!
Чтобы выйти въ люди,
Что плыветъ—то уди!“

«Счастье сильнѣе ума!» —говоритъ онъ. «Положусь на его волю. Безъ счастья, какъ ни будь проворенъ, пригожъ, уменъ, ученъ—все будешь дуракъ-дуракомъ!»

„Счастье строитъ все на свѣтѣ:
Безъ него—куда съ умомъ?
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ!“

Значеніе этихъ комическихъ оперъ ясно: появившись съ запада, онѣ, прежде всего, стали служить развлеченіемъ скучающихъ столичныхъ баръ, но мало-по-малу, онѣ стали пріобрѣтать болѣе серьезное содержаніе,—бытовой и народный характеръ; онѣ, конечно, развивались въ томъ же направленіи, что и комедія и драма: постепенно приближаясь къ художественному изображенію русской дѣйствительности, онѣ мало-по-малу отдаляли русскую публику отъ ходульнаго псевдоклассицизма.

Значеніе комическихъ оперъ.

Общая характеристика русской литературы XVIII в.

Выводы, характеризующіе русскую литературу XVIII в.

§ 108. 1) Русская литература XVIII вѣка была вѣрнымъ зеркаломъ русской общественной жизни: всѣ измѣненія въ характерѣ этой жизни полно и точно отразились въ литературѣ. По литературнымъ произведеніямъ этой эпохи можно прослѣдить, какъ зародилось русское *общество*, еще отсутствовавшее при Петрѣ Великомъ, какъ оно воспиталось подъ вліяніемъ «просвѣщеннаго абсолютизма», какъ доросло, наконецъ, до такой степени самосознанія, что, при императрицѣ Екатеринѣ, рискнуло бороться съ этимъ «просвѣщеннымъ абсолютизмомъ» во имя самостоятельности своего развитія (Новиковъ, Радищевъ).

2) Въ связи съ этимъ пробужденіемъ самосознанія, проснулись въ русскомъ обществѣ и *націалистическія стремленія*,—вражда къ чрезмѣрному и нелѣпому преклоненію передъ иностраннымъ (Фонвизинъ, Н. И. Новиковъ и др.), интересъ къ русской старинѣ и къ простому народу, его быту и творчеству (Екатерина, Чулковъ, Новиковъ). Это привело къ проясненію въ русскомъ обществѣ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній—*консервативныхъ* и *либеральныхъ*. Внѣ этихъ политическихъ стремленій сложились у насъ, подъ вліяніемъ запада, стремленія — 1) *масонствомъ* обновить христіанство, затуманенное обрядностью, — 2) найти счастье въ *идеализмѣ чистаго сердца* и въ своей «*прекрасной душѣ*» (Карамзинъ).

3) Всѣ главные моменты въ развитіи руской жизни XVIII в. носили, по преимуществу, общественный характеръ. *Этотъ общественный характеръ впервые въ эту эпоху окрасилъ собою русскую литературу*, и съ этихъ поръ сдѣлался ея отличительной чертой.

4) Съ развитіемъ общественной жизни у насъ быстро начали складываться литературныя *направленія*, стали созидаться литературныя школы. Это указываетъ на то, какъ быстро наши литературные вкусы достигли высокой степени развитія: въ одинъ вѣкъ мы сравнялись съ литературнымъ развитіемъ западной литературы, — въ теченіе одного XVIII вѣка мы покончили съ *схоластизмомъ* среднихъ вѣковъ, съ *классицизмомъ* Возрожденія, съ *сентиментализмомъ* и подошли къ *романтизму* и *реализму*.

5) Такимъ образомъ, русская литература отразила на себѣ послѣ-

довательно вліянія *нѣмецкія* (при Петрѣ и его преемникахъ), *французскія* (при Елизаветѣ и Екатеринѣ), *англо-нѣмецкія* (вторая половина царствованія Екатерины) и подошла къ попыткамъ создать *національную русскую литературу*—путемъ скрещенія творчества литературнаго съ народной поэзіей и древней письменностью (Чулковъ, Новиковъ).

6) Интересы къ живой дѣйствительности, проснувшіяся националистическія тенденціи, стремленіе къ реализму, опредѣлившееся въ русской литературѣ еще съ XVII в.,—привели къ тому, что ложный классицизмъ выразился у насъ слабѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ: даже самые яркіе псевдоклассики (Ломоносовъ, Сумароковъ и др.) шли въ своемъ литературномъ развитіи сознательно къ *поэзіи дѣйствительности.*

7) Съ развитіемъ общественной и политической жизни интересы русскаго общества расширяются. Въ зависимости отъ этого, литература тоже захватываетъ области все шире,—теперь она дѣлается *художественнымъ творчествомъ, поэзіей* въ широкомъ смыслѣ слова,—родной сестрой живописи, музыки и другихъ изобразительныхъ искусствъ. Съ этого вѣка она впервые пріобрѣтаетъ титулъ «изящной»,—титулъ, указывающій на характеръ ея,—или чаще титулъ «новой», свидѣтельствующій о томъ, что она отвѣчала потребностямъ не древне-русской жизни, а жизни новой, обновленной быстрымъ культурнымъ порывомъ впередъ.

8) Понятно поэтому, что «церковный» характеръ русскаго міросозерцанія, ослабленный уже XVII-ымъ вѣкомъ при Петрѣ, теперь, къ концу XVIII вѣка, окончательно уступаетъ мѣсто «свѣтскому».

9) Литература освобождается отъ служенія церкви, хотя долго еще не достигаетъ самостоятельности,—на первыхъ порахъ она перемѣняетъ лишь «хозяина»: теперъ она служитъ не церковному благочестію, а той морали, которая была занесена къ намъ съ запада вмѣстѣ съ камзолами и париками. Весь XVIII вѣкъ представитъ намъ поучительную картину, какъ эта мораль будетъ входить въ плоть и кровь русскаго общества, какъ отъ зубренія прописныхъ правилъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго, русскій человѣкъ дойдетъ до философіи деизма, до глубокаго и яснаго идеализма сердца.

10) Древняя Русь расправлялась съ язычествомъ, Московская уже хлопотала объ исправленіи нравовъ, Русь XVII вѣка открыла принципіальную борьбу противъ приверженности къ буквѣ, противъ обрядности,—Россія XVIII в. принесла проповѣдь всечеловѣческой нравственности, проповѣдь служенія добру, истинѣ и красотѣ. Этотъ вѣкъ былъ у насъ «эпохой великихъ открытій»: русскіе люди и въ одахъ, и въ романахъ, и въ драмѣ повторяли на разные лады, что государь — «человѣкъ», что онъ долженъ служить государству, что онъ долженъ подчиняться законамъ... Такая точка зрѣнія была большимъ завоеваніемъ русскаго политическаго самосознанія, указывающимъ, какъ далеко отошло русское общество XVIII в. отъ взглядовъ Московской Руси на своихъ державныхъ владыкъ. Въ этотъ же вѣкъ сдѣлали мы другое, не менѣе важное «открытіе»—«и крестьяне чувствовать умѣютъ». Какъ ни наивно звучатъ эти слова въ наше время, культурное значеніе ихъ огромно: они свидѣтельствуютъ о томъ, что въ XVIII в. стало опредѣ-

ляться въ нашей литературѣ те гуманное отношеніе къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» (Чулковъ, Новиковъ), которое дѣлается характернѣйшей чертой многихъ великихъ писателей *XIX столѣтія* (Гоголь, Достоевскій и др.).

11) Освобождаясь постепенно отъ полубезсознательнаго «служенія» идеаламъ чужой, заимствованной морали, отъ тенденцій отвлеченной нравоучительности, наша литература во вторую половину XVIII в. дѣлается вполнѣ сознательной, такъ какъ отражаетъ не взятые напрокатъ настроенія и идеалы, но истинныя убѣжденія иной, улучшенной, акклиматизированной у насъ, породы людей. Благодаря дѣятельности Карамзина, русская литература дѣлается у насъ «идеалистической», по міровоззрѣнію, — дѣлается свободнымъ изящнымъ искусствомъ («belles-lettres»), которое широко захватываетъ дѣйствительность, — дѣлается зеркаломъ души писателя (интимная лирика сердца), — въ литературу вводится глубокій и тонкій психологическій анализъ, новая манера письма (Kleinmalerei), поэзія природы, поэзія интимной жизни...

12) Преемники Петра потеряли связь съ Россіею, — оттого въ русскомъ обществѣ развивается индеферентизмъ къ родинѣ у однихъ, космополитизмъ — у другихъ; въ этихъ новыхъ настроеніяхъ было, впрочемъ, столько же дурного, сколько и хорошаго: если худшіе русскіе люди XVIII в. дѣлаются какими-то «обезьянами», ненавидящими родину и ей ненавистными, — то лучшіе дѣлаются настоящими «европейцами», сживаются съ интересами западной вѣковой культуры. Этимъ облегчалось сближеніе всей Россіи съ западной Европой, — она входила въ семью европейскихъ государствъ, чтобы играть тамъ міровую и равноправную роль. Такая роль была пріуготовлена ей судьбой въ царствованіе императора Александра I.

VII. Александровскій періодъ русской литературы.

Характеристика императора Александра I какъ общественнаго дѣятеля и человѣка.

§ 109. Царствованіе Павла было крайнимъ выраженіемъ той реакціонной политики, которой придерживалась императрица Екатерина въ послѣдніе годы своего царствованія. Строжайшая цензура на книги, особенно иностранныя, запрещеніе русскимъ людямъ выѣзда за границу, различныя строгости, простирающіяся до того, что обывателямъ запрещалось носить круглыя шляпы,—все это тяжелымъ гнетомъ легло на русское общество. Понятно поэтому, что, когда 1-го марта 1801 г. вступилъ на престолъ Александръ I,—«въ домахъ, на улицахъ люди плакали отъ радости» (Карамзинъ), «всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе» (Вигель). Многіе писатели (Карамзинъ, Державинъ и др.) привѣтствовали молодого императора «одами», въ которыхъ общимъ мѣстомъ сдѣлалось сравненіе его съ «весной», смѣняющей «зиму»... Въ любимомъ внукѣ императрицы Екатерины русскіе передовые люди видѣли ея воспитанника, надѣялись, что онъ воскреситъ лучшіе дни ея царствованія... Дѣйствительно, Александръ

вступилъ на тронъ съ самыми свѣтлыми намѣреніями; ученикъ республиканца Лагарпа и либерала М. Н. Муравьева, — онъ отъ нихъ усвоилъ тотъ отвлеченный политическій идеализмъ, который легко все разрѣшаетъ въ «теоріи», но не считается съ «жизнью», потому что ея не знаетъ. Онъ вступилъ на тронъ «прекраснодушнымъ» мечтателемъ-утопистомъ, безъ знанія людей, безъ пониманія русской дѣйствительности. Идеалистъ-мечтатель въ широкихъ предѣлахъ политической жизни,— онъ въ узкихъ рамкахъ частной жизни былъ подозрителенъ и недовѣрчивъ: семейные нелады между бабкой и отцомъ, необходимость играть съ дѣтства двойственную роль развили въ немъ скрытность и умѣніе не всегда быть искреннимъ. Мягкій, впечатлительный, онъ не отличался ни энергіей, ни сильной волей. И вотъ, «республиканецъ» по убѣжденію, — онъ сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рабовъ; человѣкъ «чувства», — онъ воспитывался въ атмосферѣ «разума» по преимуществу, — надъ нимъ «мудрила» и Екатерина, мудрили и его воспитатели... Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ, дѣйствительно, попалъ въ положеніе «Львенка», который научился только «вить гнѣзда» («Воспитаніе Льва», басня Крылова). Въ этомъ былъ вѣрный залогъ будущихъ неудачъ его царствованія, на которое, при восшествіи его на престолъ, возлагалось столько свѣтлыхъ надеждъ русскими людьми!

Космополитизмъ русскаго общества начала Александровской эпохи.

Русское интеллигентное общество этой эпохи было «космополитическимъ» по преимуществу, — вѣковыя вліянія запада, особенно въ эпоху Екатерины, сдѣлали свое дѣло. Самого Александра впослѣдствіи упрекали «въ недостаткѣ народнаго чувства и любви къ Россіи, — въ недостаткѣ живого сознанія нуждъ и потребностей русскаго народа». Это обвиненіе тяготѣетъ надъ всѣмъ «передовымъ» русскимъ обществомъ начала вѣка. «Все народное ничто передъ человѣчествомъ, сказалъ еще Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника», — главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ: что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Эти слова вѣрно выражали взгляды большинства тогдашнихъ русскихъ людей на культуру запада и родины: «лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиной», — острилъ одинъ изъ передовыхъ дѣятелей эпохи. Къ русской исторіи многіе относились съ полнымъ презрѣніемъ,—такъ поэтъ-Батюшковъ говорилъ: «читай римскую, читай греческую исторію! — и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу!» Русской исторіи онъ читать не могъ, — для него она дѣлалась интересной только съ эпохи Петра. Церковнославянскій языкъ онъ же величалъ «мандаринскимъ», «рабскимъ», «татарско-славянскимъ», славянизмовъ въ русской рѣчи не выносилъ и мечталъ о переводѣ св. Писанія «на языкъ человѣческій, т. е. современный русскій. Но и къ нему относился онъ неодобрительно: «и языкъ-то самъ по себѣ плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной. Что за *ы*, что за *щ*? что за *ш*, *шій*, *щій*, *при*, *тры*? О, варвары!» Увлекаясь итальянскимъ языкомъ, Батюшковъ, какъ-то, по поводу одного своего стихотворенія, сказалъ слѣдующее: «Не похожъ ли я на слѣпого нищаго, который, услышавъ прекраснаго

виртуоза на арфѣ, вдругъ задумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ, или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій — я, а балалайка—языкъ нашъ».

Если такъ относились къ родному языку русскіе писатели, то тѣмъ хуже дѣло обстояло въ высшемъ русскомъ обществѣ. Космополитизмъ, тамъ распространившійся, развивалъ у однихъ религіозный индифферентизмъ, у другихъ — презрѣніе ко всему русскому и преклоненіе передъ чужимъ, особенно французскимъ. Это преклоненіе переходило даже въ область религіи,—оттого, напримѣръ, такъ удачна была у насъ въ это время пропаганда католичества, когда іезуиты явились у насъ въ роли воспитателей многихъ русскихъ юношей (іезуитскіе пансіоны), когда они сдѣлались постоянными посѣтителями и краснорѣчивыми ораторами въ нашихъ великосвѣтскихъ салонахъ. Ихъ вліяніе привело къ тому, что многіе русскіе аристократы (особенно дамы) стали принимать католичество.

Пробужденіе патріотизма въ русскомъ обществѣ послѣ войны 1812 г.

Война 1812 года на время вылечила даже высшіе круги русскаго общества отъ «галломаніи», а въ кругахъ среднихъ создала такой сильный подъемъ патріотизма, что опредѣлила и упрочила націоналистическія теченія, захватившія и литературу, и искусство, и науку. Къ сожалѣнію, такой поворотъ общественнаго русскаго самосознанія совпалъ съ реакціонымъ настроеніемъ императора и не былъ имъ поддержанъ. Это настроеніе императора сказалось особенно сильно послѣ 1818 года и выразилось въ охлажденіи къ вопросамъ русской государственности. Религіозный мистицизмъ, имъ овладѣвшій, заставлялъ его углубляться въ интимный міръ своей ищущей, тоскующей души,—и теперь императоръ Александръ еще дальше отошелъ отъ своего народа, чѣмъ въ раннюю эпоху своего «космополитическаго либерализма».

Либеральные проекты императора Александра I.

§ 110. Въ первый періодъ своего царствованія императоръ Александръ еще увлекался проектами освобожденія крестьянъ и усовершенствованія государственной власти и законодательства. Его поддерживали ближайшіе друзья его—гр. Строгановъ, Новосильцовъ, кн. Чарторижскій, входившіе въ составъ того «негласнаго комитета», который, подъ предсѣдательствомъ самого государя, вырабатывалъ проекты либеральныхъ реформъ. Тамъ, въ этомъ дружественномъ кружкѣ, намѣчены были всѣ необходимыя измѣненія въ области русской администраціи, судопроизводства, государственныхъ финансовъ. Особенное вниманіе было обращено на реорганизацію государственнаго строя и на освобожденіе крестьянъ. Если освободить крестьянъ императору и не удалось, то нѣкоторыя частичныя мѣры къ «облегченію» ихъ быта были проведены въ жизнь (уложеніе о «вольныхъ хлѣбопашцахъ», запрещеніе продавать людей въ рекруты). Нѣкоторыя «свободы» были даны русскому обществу: разрѣшенъ былъ свободный выѣздъ за границу, отмѣнено было запрещеніе ввоза иностранныхъ книгъ, уничтожена была тайная канцелярія, отмѣнены пытки. Такимъ же частичнымъ характеромъ отличалась и реформа государственнаго строя. Сперанскій выработалъ полный проектъ конституціи [1]). Въ своихъ «рѣчахъ» императоръ открыто говорилъ о предстоя-

[1]) По этому проекту, всѣмъ свободнымъ сословіямъ предоставлялись политическія права — чрезъ своихъ выборныхъ могли всѣ принимать участіе въ изданіи за-

щей реформѣ (рѣчь при открытіи польскаго сейма 1818 г.), но въ жизнь конституціи не провелъ. Такимъ образомъ, изъ всего обширнаго плана всевозможныхъ реформъ русскаго государственнаго строя осуществлены были опять-таки лишь частности: такъ «министерства» смѣнили собой петровскія коллегіи. Тѣмъ не менѣе, для русскаго общества и эти проекты, оставшіеся только проектами, и «многообѣщающія» рѣчи имѣли большое значеніе: правительственный либерализмъ помогъ развитію либерализма общественнаго—при поддержкѣ правительства у насъ появляется политическая литература, переводная [1]) и оригинальная [2]), а, подъ ея вліяніемъ, въ обществѣ наростаютъ и крѣпнутъ либеральныя настроенія и умственные интересы. Была значительно облегчена суровость павловской цензуры: опять свободно стали расходиться въ русскомъ обществѣ иностранныя книги; къ нимъ интересъ былъ очень значителенъ: вернувшіеся въ 1814 г. изъ-за границы русскіе люди, подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства съ европейской культурой и конституціонными формами государственнаго устройства, сами стали увлекаться вопросами политическими. Особенно военные круги были заинтересованы политическими заграничными дѣятелями и писателями, — въ офицерской средѣ обычны были горячіе споры объ Адамѣ Смитѣ, Бенжаменъ-Констанѣ, Жомини, Сеѣ, Стюатрѣ и др. Насколько глубоко затронуто было тогдашнее русское общество политическими интересами, видно изъ того, что даже такое серьезное научное сочиненіе, какъ разсужденіе Н. Тургенева: «Опытъ теоріи налоговъ» въ первомъ изданіи распродано было въ нѣсколько недѣль. Само правительство шло навстрѣчу интересамъ общества: два оффиціальныхъ органа — «Санктпетербургскій Журналъ» (1804—1809) и «Сѣверная Почта» (1809—1820), должны были служить проводниками либеральныхъ взглядовъ правительства въ сознаніе общества. «Духъ Журналовъ» (1815—1821) Яценкова и «Сѣверный Наблюдатель» (1817) Корсакова были частными предпріятіями, которыя преслѣдовали ту же цѣль: распространять либерализмъ во взглядахъ общества на просвѣщеніе, обращать вниманіе на тяжелое положеніе крестьянъ и на государственный строй Россіи, чтобы этимъ подготовить общество къ реформамъ. Либеральныя рѣчи императора

Значеніе этого либерализма для развитія русскаго политическаго самосознанія.

Русская интеллигенція этой эпохи.

Либерализмъ русскаго общества въ началѣ эпохи.

коновъ и въ контролѣ надъ государственной жизнью Россіи. Центральными законодательными учрежденіями были—1) Государственная Дума, члены которой были выборными отъ народа, 2) Государственный Совѣтъ, члены котораго назначались самымъ государемъ изъ выдающихся и заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей. Въ проектѣ Сперанскаго широкая свобода предоставлялась и мѣстному самоуправленію—учреждались думы волостныя, уѣздныя, губернскія.

[1]) Переведены были на русскій языкъ сочиненія: Беккаріа, „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“; Бентама, „О гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ“; Адама Смита, „О богатствѣ народовъ“; Делольма, „О конституціи Англіи“; Монтескье, „О духѣ законовъ“.

[2]) О крѣпостномъ правѣ: Пнинъ, „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи“ (1804); А. Кайсаровъ, „De manumittendis servis per Russiam“ (1806); Гр. Стройковскій, „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“ (1807). Къ выдающимся русскимъ научнымъ сочиненіямъ относятся сочиненія: Галича, „Исторія философскихъ системъ“, „Опытъ науки изящнаго“; Куницина, „Право естественное“; Н. Тургенева, „Опытъ теоріи налоговъ и др. Кромѣ того, много было написано серьезныхъ статей въ журналахъ.

привѣтствовались многими русскими людьми,—въ нихъ видѣли обѣщанія, что скоро разгорится у насъ заря новой жизни: такъ, проф. Куницинъ въ «Сынѣ Отечества» помѣстилъ статью: «О конституціи». С. С. Уваровъ, попечитель петербургскаго округа, въ одной публичной рѣчи говорилъ о близости русской конституціи. Кн. Репнинъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, совѣтовалъ въ своей рѣчи дворянамъ подумать о крестьянахъ. Правительство Александра обнаружило полное довѣріе къ ученому сословію, признало свободу науки.

Заботы правительства о просвѣщенія.

Заботясь о просвѣщеніи русскаго народа, правительство энергично стало открывать учебныя заведенія разныхъ типовъ, — «Новый планъ народнаго просвѣщенія въ Россіи» (1803) указывалъ, по какой системѣ должно было быть расширено народное образованіе: предполагалось устроить много школъ для низшаго, средняго и высшаго образованія: школы приходскія, уѣздныя, гимназіи, университеты представляли собой различные типы учебныхъ заведеній, которыя должны были удовлетворить требованіямъ этого «Плана». Особыя заботы правительства были направлены на университеты и высшія учебныя заведенія [1].)

Московскій университетъ; его просвѣтительное значеніе.

Если всѣ эти молодыя учебныя заведенія прозябали на первыхъ порахъ за неимѣніемъ ученыхъ силъ, а, подчасъ, и вслѣдствіе малаго числа учащихся, то, несомнѣнно, процвѣталъ старѣйшій русскій университетъ, Московскій: около него работало нѣсколько ученыхъ обществъ [2]); онъ имѣлъ свою типографію, свои изданія. Впослѣдствіи такія же общества, научныя и литературныя, стали образовываться, мало-по-малу, и въ другихъ университетскихъ городахъ (напр. въ Казани, Харьковѣ); около университетовъ стала процвѣтать и журналистика, — она поддерживалась университетскими силами.

Философскіе интересы въ русскомъ обществѣ.

Университеты имѣли большое значеніе и для распространенія философскихъ идей въ русскомъ обществѣ. Такъ какъ они питались главнымъ образомъ нѣмецкой наукой, то и философія въ нихъ процвѣтала нѣмецкая; и вотъ, въ то время, какъ въ массѣ общества еще были замѣтны слѣды стараго, выдохшагося «вольтерьянства»— здѣсь уже культивировались идеи Канта и потомъ Шеллинга. Это увлеченіе нѣмецкими философами проникло и въ литературу [3]). Особенное значеніе, впрочемъ, уже въ концѣ этого царствованія, имѣлъ для русскаго самосознанія Гегель: онъ затронулъ русскихъ людей ученіемъ о томъ, что всякій народъ, претендующій на почетное званіе «культурнаго», воплощаетъ въ исторіи какую-нибудь великую «идею», которую онъ и вноситъ въ

---

¹) Открыты были: Дерптскій — въ 1801 г., Харьковскій — въ 1805 г., Казанскій—въ 1809 г., Петербургскій—въ 1819 г., Царскосельскій Лицей — въ 1811 г., Ришельевскій Лицей въ Одессѣ—въ 1807 г., Ярославское училище высшихъ наукъ— 1805 г.

²) Съ 1804 г. „Общество Исторіи и древностей Россійскихъ". Изданія: „Русскія Достопамятности", „Лѣтопись Нестора" и др., съ 1811 „Общество Любителей Русской Словесности".

³) Велланскій, „Біологическія изслѣдованія природы"; Галичъ, „Исторія философскихъ системъ". Изъ профессоровъ-шеллингіанцевъ въ Московскомъ университетѣ (при Александрѣ I) особенно извѣстенъ Павловъ, потомъ Погодинъ (1825 г.).

общую сокровищницу человѣческой цивилизаціи [1]). Подъ вліяніемъ ученія Гегеля, складывается у насъ позднѣе, въ царствованіе Николая I, міровоззрѣніе «славянофиловъ», изучавшихъ русское прошлое и русскій простой народъ съ предвзятой цѣлью опредѣлить ту культурную «идею», которая вложена въ русскую историческую жизнь. Впрочемъ, основы славянофильства начинаютъ складываться у насъ еще въ Александровскую эпоху.

Историческіе интересы русскаго общества.

Но, помимо такого философскаго, тенденціозно-политическаго изученія русскаго прошлаго, не умирало у насъ, еще начатое при Екатеринѣ, научное изученіе русской исторіи. Преемниками Щербатова и Болтина въ эту эпоху явились многочисленные ученые, которые сдѣлали очень много цѣнныхъ открытій — археологическихъ, историческихъ, филологическихъ.

Особенно энергично велась работа въ Россійской Академіи (Шишковъ), въ кружкѣ гр. Румянцева, извѣстнаго мецената Александровской эпохи [2]) (митрополитъ Евгеній, Калайдовичъ, Строевъ, Кеппенъ, Востоковъ, прот. Григоровичъ, и др.), въ кружкѣ Карамзина.

Реакція во взглядахъ Александра I-го и „Священный Союзъ“.

Послѣ 1818 г. императоръ Александръ круто измѣнилъ своимъ юношескимъ политическимъ мечтамъ и примкнулъ къ «Священному Союзу». Исторія этого «Союза» такова: послѣ низверженія Наполеона въ Германіи прояснилось національное самосознаніе, обнаружилось стремленіе къ объединенію Германіи и къ либерализму. Все это было нежелательно для Австріи, тогда руководившей союзомъ германскихъ княжествъ. И вотъ, идея «Священнаго Союза» возникла въ Австріи,—цѣль его была охранять спокойствіе Европы впредь отъ такихъ авантюристовъ, какъ Наполеонъ—съ одной стороны, а съ другой—гарантировать ее отъ смутъ, которыя могли бы создавать впредь такіе очаги мятежа, какой представила собою революціонная Франція. Три государства,—Австрія, Пруссія и Россія, составили союзъ, цѣль котораго была ограждать установившійся государственный строй Европы онъ всякихъ новшествъ. На университеты и студенческую молодежь было обращено особое вниманіе,—отсюда строгій надзоръ за жизнью университетовъ, стѣсненіе ихъ свободъ.

Реакція въ Россіи.

По такой же программѣ прошла реакція и въ Россіи. Прежняго довѣрія къ ученымъ корпораціямъ и вообще къ обществу уже не было,—усилились цензурныя и полицейскія строгости. Во главѣ учрежденій, особенно просвѣтительныхъ, вмѣсто прежнихъ либераловъ, недавно говорившихъ, вслѣдъ за императоромъ, рѣчи конституціоннаго содержанія, появились или ханжи, или мистики, гасившіе свѣтъ знанія безъ жалости и угрызеній совѣсти [3])—или такіе невѣжественные люди, какъ гр. Арак-

---

[1]) О философіи Шеллинга и Гегеля, объ ихъ вліяніи на русское общество („славянофильство“ и „западничество“), см. подробнѣе въ моей „Исторіи русской словесности“, ч. III, вып. I-ый, стр. 67—76).

[2]) Румянцевскій музей въ Москвѣ основанъ имъ. Изданы имъ „Древнія стихотворенія Кирши Данилова“ (1817 г.), „Памятники росс. словесности XII в.“, „Сочиненія Іоанна экзарха болгарскаго“, „Описаніе рукописей гр. Толстого“, „Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея“ и др.

[3]) Казанскій попечитель Магницкій указывалъ профессорамъ, что „основаніемъ философіи должны послужить посланія ап. Павла къ Колоссянамъ и Тимоѳею. На-

чеевъ, организаторъ «военныхъ поселеній». Впрочемъ, эта правительственная реакція нашла себѣ поддержку въ «массѣ» русскаго общества», утомленной недавнимъ подъемомъ энергіи въ пору расцвѣта либерализма.

Но, конечно, мы ошибемся, если такую перемѣну въ настроеніяхъ русскаго общества станемъ распространять на всѣ слои русскаго передового общества. Во все время царствованія Александра не умиралъ у насъ и тотъ космополитическій либерализмъ, съ котораго онъ началъ свое правленіе: пребываніе русскихъ войскъ заграницей подняло, особенно въ офицерствѣ, интересы къ политикѣ. Вотъ почему либеральная часть русскаго общества отвѣтила на правительственную реакцію протестомъ—произведеніями Пушкина («Вольность», «Кинжалъ», эпиграммы на Фотія и Аракчеева, Голицына и др.), произведеніями Рылѣева («Къ временщику»—противъ Аракчеева, «Гражданское мужество»)—и основаніемъ тайныхъ обществъ. Въ 1817 году возникъ «Союзъ Спасенія» (вскорѣ получившій наименованіе «Союзъ Благоденствія»), образованный по образцу нѣмецкаго Tugendbund'а; онъ, на первыхъ порахъ, преслѣдовалъ цѣли служенія общему благу путемъ борьбы съ различными злоупотребленіями и путемъ поддержки благихъ начинаній правительства. Но усиливающаяся реакція придала этому обществу «прекраснодушныхъ» мечтателей политическую окраску, увлекла ихъ на путь тайной оппозиціи правительству. Впослѣдствіи члены этого «Союза» образовали два общества—«Сѣверное» и «Южное», съ опредѣленными политическими программами: «Сѣверяне», во главѣ которыхъ стояли Никита Муравьевъ и Рылѣевъ, стремились ввести конституцію въ Россіи, «южане» (Пестель и его друзья)—республику. Военный мятежъ 14 декабря 1825 года былъ печальнымъ результатомъ политической дѣятельности этихъ обществъ.

Либеральныя группы русскаго общества во второй періодъ Александровской эпохи.

Опаснымъ врагомъ либерализму Александровской эпохи (перваго и второго періодовъ) былъ тотъ *сознательный консерватизмъ* части русской интеллигенціи (Карамзинъ, Шишковъ и др.), который ничего общаго не имѣлъ съ мимолетными настроеніями *массы* общества, всегда легко переходящей отъ либерализма къ консерватизму и наоборотъ,—этотъ серьезный и глубокій консерватизмъ выросталъ самостоятельно, независимо отъ колебаній политики правительства, опираясь на патріотизмъ, проснувшійся послѣ 1812 года, на пробужденіе національнаго самосознанія, на серьезное изученіе прошлой русской жизни. Этотъ консерватизмъ, въ свое время, успѣшно боролся съ либерализмомъ Александра,—онъ, главнымъ образомъ, помѣшалъ молодому императору провести его излюбленныя идеи въ исполненіе,—въ немъ, впослѣдствіи, нашелъ прочное основаніе для всей своей политики императоръ Николай Павловичъ.

Консервативныя группы русскаго общества въ первый и второй періодъ Александровской эпохи.

Кромѣ политическихъ теченій русской мысли, особенно замѣтныхъ, придававшихъ *публицистическій* характеръ русской литературѣ, нельзя миновать молчаніемъ и существованіе въ обществѣ этого времени *настрое-*

Эстетическія настроенія въ русскомъ обществѣ.

чало политическихъ наукъ должно извлекать изъ Моисея, Давида и Соломона, лишь отчасти изъ Платона и Аристотеля. Профессоръ физики долженъ былъ указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ". Геологія, какъ наука „безбожная", вовсе вычеркивалась изъ программы.

ній чисто-эстетическихъ, которыя уединяли людей въ тѣсные кружки «избранниковъ», умѣющихъ цѣнить прекрасное, любить искусства и жить вдали отъ тревогъ общественной жизни въ мірѣ изящнаго. Такими настроеніями жилъ, напр., кружокъ Оленина, въ которомъ культивировалось преклоненіе передъ идеалами классицизма.

Настроенія духовнаго индивидуализма въ русскомъ обществѣ.

Въ Александровскую эпоху въ русскомъ обществѣ нашли себѣ мѣсто также и своеобразныя *настроенія духовнаго индивидуализма*, выразившіяся полно и ярко въ жизни и дѣятельности Жуковскаго. Выше пришлось уже отмѣчать, что начало этому своеобразному «прекраснодушному» одиночеству въ Екатерининскую эпоху положилъ Карамзинъ,—Жуковскій былъ еще болѣе яркимъ представителемъ такого индивидуализма: чуждый тревогъ общественной жизни, далекій отъ очарованій и разочарованій политической суеты, углубленный въ себя и въ интересы интимнаго кружка друзей, отъ творилъ и жилъ für Wenige.

Мистико-религіозныя настроенія въ русскомъ обществѣ.

Среди общественныхъ настроеній эпохи нельзя, наконецъ, миновать и *мистико-религіозныхъ*, правда, слабо отразившихся на изящной литературѣ, но, тѣмъ не менѣе, характерныхъ для оцѣнки того времени. Отчасти эти настроенія выразились въ возрожденіи масонства [1]), отчасти въ усиленіи интереса вообще къ религіи и религіозной литературѣ [2]). Этотъ религіозный мистицизмъ былъ протестомъ противъ всей разсудочности XVIII в., противъ раціоналистической философіи. Неудача французской революціи, еще болѣе подорвавшая вѣру въ силу человѣческаго «разума», утомленіе всей Европы отъ наполеоновской политики,—все это влекло усталую европейскую интеллигенцію отъ суеты общественной политической жизни въ жизнь личную, созерцательную, въ успокаивающій мистицизмъ, въ религію, примиряющую съ жизнью. Императоръ Александръ самъ изъ либераловъ сдѣлался подъ конецъ жизни мистикомъ. Съ его легкой руки, «мистицизмъ» сдѣлался у насъ «модой» въ «высшемъ свѣтѣ».

Значеніе александровской эпохи для исторіи русской литературы.

Пестра была своимъ содержаніемъ Александровская эпоха и велико ея значеніе для русской литературы,—она дала новый литературный языкъ, создала молодую школу словесниковъ-реформаторовъ,—она прикончила съ литературнымъ псевдоклассицизмомъ, написавъ на своемъ знамени странное и, даже для современниковъ, мало-понятное слово: «романтизмъ». Потомъ она же замѣнила этотъ боевой кличъ другимъ,—болѣе яснымъ и опредѣлившимъ на весь XIX вѣкъ характеръ русской литературы,—этотъ кличъ: «художественный реализмъ» и «народность»,—то и другое впервые полно выразилось въ творчествѣ *Пушкина*.

Эпоха Александра I, какъ итогъ реформъ Петра В.

Такимъ образомъ, въ эпоху Александра опредѣлились первые итоги реформъ Петра Великаго. Три основныя теченія русской мысли этой

[1]) Въ литературѣ увлеченіе масонствомъ сказалось обиліемъ переводовъ (сочиненія Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга, Гюйонъ и др.), въ изданіи журналовъ: „Сіонскій Вѣстникъ“ (редакторъ Лабзинъ, ученикъ Новикова), „Другъ юношества“.

[2]) Въ литературѣ это сказалось въ изданіи журнала „Христіанское Чтеніе“ (съ 1821 г.), въ особомъ пристрастіи къ поэтическимъ сочиненіямъ религіознаго содержанія; въ этомъ направленіи работали: старикъ Державинъ, отчасти Карамзинъ („Мысли изъ Екклезіаста“, „Іосафатова долина“), Дмитріевъ („Размышленіе по случаю грома“), Мерзляковъ („На разрушеніе Вавилона“, „Пѣснь Моисея“), Шатровъ („Подражаніе Псалмамъ“ и „Пѣсни духовныя“), Ѳ. Глинка („Опыты священной поэзіи“) и мн. другіе.

эпохи (либерализмъ, консерватизмъ и мистицизмъ) были *закономѣрными явленіями*—результатомъ напряженной жизни русскаго общества въ теченіе всего XVIII-го вѣка. Самъ Александръ, какъ личность, не внесъ ничего *своего случайнаго* въ эту борьбу противорѣчащихъ теченій... Какъ реакція суровому режиму Павла, расцвѣлъ его либерализмъ,—какъ реакція политическимъ броженіямъ Европы, явился его консерватизмъ и мистицизмъ. Свою личность Александръ выразилъ слабѣе, чѣмъ Петръ В. и даже Екатерина II. И «патріотизмъ», и сознаніе своей народности тоже были *закономѣрными* явленіями, прояснившимися по всей Европѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ.

Н. М. Карамзинъ въ Александровскую эпоху.

§ 111. Карамзинъ въ эту эпоху представляетъ собой немалый интересъ. Писатель-сентименталистъ, индивидуалистъ, по существу своего темперамента, интересовавшійся сперва, главнымъ образомъ, своей чувствительной душой,—онъ въ Александровскую эпоху явился въ роли *общественнаго дѣятеля-публициста.* Цѣлый рядъ статей, отражающихъ живые интересы современности, написалъ онъ и напечаталъ въ своемъ журналѣ: „Вѣстникъ Европы“ (1802—1803). Карамзинъ въ Александровскую эпоху въ роли общественнаго дѣятеля-публициста.

Программа этого журнала была гораздо шире, чѣмъ программа „Московскаго Журнала“, отличавшагося исключительно-литературнымъ характеромъ. „Вѣстникъ Европы“ былъ органомъ политическимъ по преимуществу: вопросы русской жизни и политики европейскихъ народовъ заняли въ немъ первое мѣсто. Посвящая въ своемъ журналѣ немало страницъ вопросамъ общественной жизни, Карамзинъ на первое мѣсто ставилъ всегда интересы русскаго общества, указывалъ его недостатки, старался пробудить въ немъ сознаніе національнаго достоинства. Самъ Карамзинъ явился главнымъ вкладчикомъ статей въ свой журналъ, — съ особымъ вниманіемъ онъ останавливается на вопросахъ народнаго просвѣщенія („Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“, „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“). Всѣ мѣры правительства въ этомъ направленіи (учрежденіе учебныхъ заведеній, особенно сельскихъ, образованіе министерства народнаго просвѣщенія) встрѣчаютъ въ немъ умѣлаго истолкователя ихъ значенія для публики. Онъ свободно подаетъ, при помощи своего журнала, совѣты правительству, какъ „имѣть въ Россіи довольно учителей“; онъ дѣлаетъ

„Вѣстникъ Европы“; его содержаніе и характеръ.

А) Отдѣлъ внутренней политики.

Публицистическія статьи Карамзина.

указанія о необходимости методическаго собранія гражданскихъ законовъ, отъ правительства онъ требуетъ уваженія къ „общественному“ мнѣнію. Разсужденіе его: „О любви къ отечеству и народной гордости“ рисуетъ намъ въ его лицѣ зрѣлаго гражданина, съ любовью къ отчизнѣ и знаніемъ ея прошлаго и настоящаго.

Патріотическія настроенія Карамзина.

Эти настроенія Карамзина особенно любопытны потому, что онъ, по духу, былъ человѣкомъ XVIII-го столѣтія, когда преклоненіе передъ всѣмъ иностраннымъ въ русскомъ обществѣ доходило до крайнихъ предѣловъ и вело за собой равнодушіе къ своему родному. Очевидно, великъ былъ переворотъ его міросозерцанія, если онъ изъ „космополита“ той эпохи, когда императрица Екатерина уже начала проповѣдывать патріотизмъ,—сдѣлался „патріотомъ“ въ то время, когда на русскомъ престолѣ оказался „космополитъ“-Александръ.

„О любви къ отечеству и народной гордости“: а) любовь физическая.

§ 112. Въ статьѣ «О любви къ отечеству и народной гордости» Карамзинъ старается, прежде всего, опредѣлить сущность трехъ видовъ любви къ отечеству—физической, нравственной и политической». Первая любовь, по его словамъ, свойственна всѣмъ людямъ, даже животнымъ: это—привязанность къ *мѣсту*,—къ мѣсту рожденія, къ климату, къ той обстановкѣ, въ которой складываются у человѣка первыя представленія о жизни, о близкихъ, о самомъ себѣ.

b) любовь нравственная.

Любовь къ людямъ, «съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ»,—есть любовь второго рода—любовь нравственная: она связываетъ людей единствомъ нравовъ, обычаевъ, міровоззрѣній, тождествомъ языка, религіи; она привязываетъ человѣка уже не къ мѣсту жизни, а къ душѣ того общества, въ которомъ выросъ человѣкъ. «Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки!»—сказалъ съ горечью Карамзину одинъ голландскій патріотъ, жившій въ изгнаніи и томившійся вдали отъ родины.

c) любовь политическая.

Третій видъ любви—самый высокій. Карамзинъ эту любовь назвалъ «политической»—*патріотизмомъ*. Это—любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ». Это —гордость народная, которая проистекаетъ изъ уваженія къ прошлому родины, изъ увѣренности въ ея настоящемъ и будущемъ. Карамзинъ ссылается на грековъ, римлянъ и англичанъ, у которыхъ патріотизмъ былъ развитъ съ особою силою, и, на примѣрахъ изъ русской исторіи, старается доказать, что и русская исторія даетъ русскимъ людямъ право гордиться родиной.

Взглядъ Карамзина на русскую исторію.

Доблесть первыхъ русскихъ людей, ходившихъ неразъ подъ Царьградъ, просвѣщенность князей послѣдующихъ поколѣній, вѣковая борьба съ татарами и, наконецъ, освобожденіе отъ ихъ ига, основаніе и укрѣпленіе государства, побѣда, одержанная Россіей надъ смутнымъ временемъ, великая эпоха Петра,—все это, по словамъ Карамзина, даетъ русскимъ осно-

ваніе гордиться ихъ роднымъ прошлымъ. Затѣмъ Карамзинъ обращается къ своему времени и старается опредѣлить, въ какихъ областяхъ государственной жизни Россія сравнялась съ западомъ,—и онъ находитъ, что и въ военномъ дѣлѣ, и въ мудрости гражданскихъ учрежденій, и въ характерѣ общественной жизни русскіе стоятъ на уровнѣ западноевропейцевъ. Онъ признаетъ только, что отстали русскіе отъ западной Европы въ образованіи и наукѣ, и обращается съ упреками къ своимъ согражданамъ за то, что они стараются быть «умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Равнодушіе русской интеллигенціи къ родной наукѣ, литературѣ, даже языку, по его словамъ, не можетъ способствовать самостоятельному развитію русскаго просвѣщенія. «Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ,—говоритъ Карамзинъ въ заключеніе,—но долженъ современемъ быть самимъ собою, чтобы сказать: и я существую нравственно!» «Хорошо и должно учиться, но горе и человѣку, а народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ».

Б) Отдѣлъ внѣшней политики.

Отдѣлъ „внѣшней" политики въ „Вѣстникѣ Европы" заполнялся извѣстіями о важнѣйшихъ современныхъ европейскихъ событіяхъ и сужденіяхъ о нихъ. Эти „сужденія" не всегда были оригинальны,—очень часто переводились они изъ лучшихъ иностранныхъ политическихъ журналовъ. Конечно, главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занималъ Наполеонъ, звѣзда котораго тогда высоко взошла. Къ нему Карамзинъ относился критически, отозвавшись о немъ однажды такъ: „видно, что быть искуснымъ генераломъ и хитрымъ политикомъ гораздо легче, нежели великимъ, т. е. героически-добродѣтельнымъ человѣкомъ".

С) Литературный отдѣлъ.

Собственно-литературный отдѣлъ журнала составленъ былъ, главнымъ образомъ, изъ переводовъ всего лучшаго, выходившаго по части литературы во Франціи, Англіи, Германіи. Сочиненія русскія печатались здѣсь съ строгимъ выборомъ. Такъ, на страницахъ этого журнала помѣщались произведенія Державина, Дмитріева, В. Пушкина, Жуковскаго, самого Карамзина. Критическій отдѣлъ отсутствуетъ: попытка Карамзина ввести критику на страницы „Московскаго Журнала" не имѣла успѣха,—самъ Карамзинъ разочаровался въ ея значеніи: „хорошая критика, говоритъ онъ, есть роскошь литературы",—она рождается „отъ великаго богатства, а мы еще не Крезы".

§ 113. Не только при помощи печати и „общественнаго мнѣнія" пытался Карамзинъ проводить въ жизнь свои новыя политическія убѣжденія. Ему принадлежатъ двѣ „записки", обращенныя къ императору Александру и ему переданныя. Одна написана по поводу слуховъ о желаніи императора даровать

Россіи конституцію („Записка о новой и древней Россіи", въ 1811 г.), другая написана подъ впечатлѣніемъ рѣчи императора, произнесенной въ Польшѣ („Письмо о Польшѣ", въ 1819 г.).

„Записка о древней и новой Россіи". Въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» критиковались либеральныя предначертанія царя: поэтому «Записка» является выраженіемъ всей консервативной группы тогдашняго русскаго общества. Въ первой части этого произведенія, исторической, изложена исторія развитія единовластія на Руси. Возвышеніе Москвы и московскаго самодержавія—наиболѣе дорогіе, для автора, моменты русской исторіи. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ критически относится къ Петру Великому, который, по его мнѣнію, вовсе не былъ творцомъ величія государственнаго,—это сдѣлали Іоанны I и III. По словамъ Карамзина, Петръ унизилъ народные обычаи, раскололь русское общество на двѣ взаимно не понимающія половины, лишилъ русскихъ людей уваженія къ своему народному достоинству, унизилъ значеніе боярства и духовенства. Основаніе Петербурга Карамзинъ называетъ «блестящей ошибкой». Безъ всякаго восторга относится онъ къ Екатеринѣ и сурово критикуетъ Павла;—онъ говоритъ: «что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикѣ, то сдѣлалъ Павелъ въ отношеніи къ самодержавію, заставивъ ненавидѣть злоупотребленія онаго». Затѣмъ, послѣ этого историческаго очерка, Карамзинъ переходитъ къ критикѣ всего того, что сдѣлалъ Александръ и что сдѣлать онъ еще собирался; Карамзинъ осуждаетъ уничтоженіе старыхъ петровскихъ коллегій и замѣну ихъ министерствами; въ работѣ министерства народнаго просвѣщенія видитъ болѣе «блеска», чѣмъ практичности: «открыто много университетовъ, говоритъ онъ, но почти нѣтъ студентовъ, а тѣ, которые и ходятъ въ университеты, не понимаютъ профессоровъ, читающихъ по-латыни, или по-нѣмецки». Энергично возстаетъ онъ противъ самой мысли объ освобожденіи крестьянъ, подвергаетъ осужденію финансовыя мѣропріятія и, особенно, проектъ Сперанскаго о конституціи. «Самодержавіе есть палладіумъ (святыня) Россіи»—вотъ, основная идея его «Записки».

Искренность „Записки". «Записка» написана смѣло, страстно, даже рѣзко: Карамзинъ пошелъ прямо противъ завѣтныхъ убѣжденій молодого государя; сначала это вызвало на него гнѣвъ и немилость царя. Но скоро Александръ оцѣнилъ искренность и безкорыстіе своего строгаго критика и, если не согласился съ мыслями Карамзина, то призналъ, что только патріотизмъ заставилъ его сочинить такую «записку»: *для себя* Карамзинъ не искалъ ничего,—впослѣдствіи онъ даже отказывался отъ министерскаго поста.

„Письмо о Польшѣ". «Письмо о Польшѣ» было написано по поводу намѣренія Александра возстановить Польшу въ предѣлахъ ея границъ до перваго раздѣла. Карамзинъ такъ же энергично возсталъ противъ этого, считая такое рѣшеніе преступленіемъ противъ Россіи.

Занятія Карамзина русской исторіей. § 114. Консервативныя убѣжденія Карамзина сложились подъ вліяніемъ изученія русской исторіи. Тяжелая эпоха царствованія Павла отбила у него, какъ и у многихъ другихъ рус-

скихъ писателей, охоту заниматься литературой. Онъ ушелъ въ изученіе русскаго прошлаго, результатомъ чего и былъ сначала рядъ историческихъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“ („Бунтъ при Алексѣѣ“, „О тайной канцеляріи“, „Русская старина“, „Воспоминанія при поѣздкѣ къ Троицѣ“ и др.),—одна историческая повѣсть: „Мареа Посадница“ и, наконецъ, капитальный трудъ: „Исторія Государства Россійскаго“ (первые 8 т. появились въ печати въ 1818 г., IX-й—въ 1821, X-й и XI-й—въ 1824 г.). Это сочиненіе можетъ быть разсматриваемо, какъ публицистическое; въ немъ Карамзинъ старался доказать обстоятельно то, что̀ кратко выражено было имъ въ его „Запискѣ“,—именно, что самодержавіе есть закономѣрная форма правительства въ Россіи, что оно есть ея „палладіумъ“, ея святыня.

Работа Карамзина надъ „Исторіей“.

„Исторія“ стоила Карамзину половины жизни, массы трудовъ: если онъ имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ Татищева, Щербатова, Шлецера, Байера и др., то многіе отдѣлы русской исторіи имъ изучены по первоисточникамъ: византійскимъ и западнымъ хроникамъ, лѣтописямъ, грамотамъ, актамъ, житіямъ, запискамъ. Имъ найдено и оцѣнено много любопытныхъ документовъ (Лаврентьевская и Волынская лѣтописи, „Хожденіе игумена Даніила“ и мн. др.). Особенную цѣнность, въ научномъ отношеніи, имѣютъ „примѣчанія“ Карамзина къ его „Исторіи“,—нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собой цѣлыя небольшія изслѣдованія (напр. о старинныхъ русскихъ деньгахъ, о „Русской Правдѣ“, о значеніи различныхъ старинныхъ словъ и др.).

Общественный характеръ цѣли карамзинскаго труда.

Если въ „Исторіи“ цѣли Карамзина были тѣ же, что̀ и въ его „Запискѣ“,—то, на этотъ разъ, онъ обращался уже не къ царю, а ко всему русскому обществу, взволнованному либерализмомъ правительства.

Національзмъ его „Исторіи“.

Противорѣча своимъ собственнымъ словамъ, сказаннымъ еще въ юности („все народное—ничто передъ человѣческимъ“), онъ теперь говоритъ, что „истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ—ни хвалить, ни осуждать его“.

Содержаніе „Предисловія“.

Любопытно содержаніе „Предисловія“ къ „Исторіи Государства Россійскаго“: оно примыкаетъ всецѣло къ тѣмъ мыслямъ, которыя раньше выражены Карамзинымъ въ разсужденіи: „О любви къ отечеству и народной гордости“.

Польза исторіи.

«Исторія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть священная книга народовъ»,— такъ начинаетъ свое предисловіе Карамзинъ. Она—«зерцало бытія и дѣятельности, дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго». Далѣе онъ говоритъ о великомъ значеніи исторіи для правителей, законодателей, для простыхъ гражданъ. Первые находятъ въ исторіи мудрыя указанія, вторые—примиреніе съ несовершенствами настоящаго, такъ какъ здѣсь находятъ они доказательства, что и «раньше бывали бѣдствія, еще ужаснѣйшія»... Исторія, по его словамъ, «питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости».

Удовольствіе, получаемое отъ чтенія исторіи,— а) вызываемое любовью къ родинѣ.

Онъ говоритъ дальше о томъ удовольствіи, которое доставляется чтеніемъ исторіи, особенно родной... Это удовольствіе объясняется, прежде всего, любовью къ родинѣ,—чувствомъ, присущимъ всякому человѣку. «Истинный космополитъ есть существо метафизическое» (въ смыслѣ: отвлеченное, абстрактное, не существующее въ дѣйствительности),—говоритъ онъ и старается далѣе доказать, что нѣтъ человѣка, который бы не любилъ своего отечества.

Ь) вызываемое художественностью изложенія.

Отъ писателя-историка Карамзинъ требовалъ умѣнія живо, картинно изображать образы и событія прошлаго: «Ни ученость, ни остроуміе, ни глубокомысліе не замѣнятъ въ историкѣ «таланта изображать дѣйствіе»,—говоритъ онъ. Вотъ почему онъ считалъ долгомъ историка оживотворять прошлое, заставлять *жить* то, что давно умерло,—вотъ почему онъ самъ, по его признанію, «искалъ духа и жизнь въ тлѣющихъ хартіяхъ».

„Поэзія“ и „правда“ въ исторіи.

Но погоня за художественностью не должна была приводить историка къ «вымысламъ»: исторія не романъ и не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть и было, а не что быть могло». Такимъ образомъ, Карамзинъ предлагалъ историку быть «художникомъ», оставаясь однако въ предѣлахъ исторической истины: стройное и правильное расположеніе матеріала, ясность и красота изложенія, яркость характеристикъ, вотъ,— въ чемъ должна была, по его понятію, выразиться художественность исторіи. Любовь къ родному прошлому должна была придавать «его кисти жаръ, силу, прелесть; гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души»— говоритъ Карамзинъ. Это умѣніе патріотизмомъ и художественностью воодушевлять и украшать свой трудъ—характерная особенность его «Исторіи».

Интересъ русской исторіи.

Затѣмъ, обращаясь къ русской исторіи, онъ старается доказать, что русская исторія заслуживаетъ уваженія и представляетъ собой немалый интересъ, особенно для русскаго человѣка. Потомъ онъ говоритъ о разныхъ видахъ историческихъ сочиненій, сообщаетъ тѣ точки зрѣнія на исторію, которыхъ придерживался онъ въ своемъ трудѣ, говоритъ о своихъ предшественникахъ и заключаетъ свое предисловіе слѣдующими словами: «Благодарю всѣхъ,—и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія, да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и

Заключеніе „Предисловія“.

болѣе укрѣпляютъ союзъ частей, да цвѣтетъ Россія, по крайней мѣрѣ, долго, долго,—если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!»

Моральная точка зрѣнія въ „Исторіи“ К—на.

Предъявляя такія требованія историкамъ, Карамзинъ попытался ихъ выполнить въ своей «Исторіи». Она, дѣйствительно, проникнута глубоконравственнымъ настроеніемъ: съ точки зрѣнія своего моральнаго міросозерцанія судитъ онъ родное прошлое,—и всякій разъ, когда наталкивается на факты, говорящіе о нарушеніи законовъ совѣсти и правды, онъ произноситъ свое осужденіе. «Правила нравственности и добродѣтели, говоритъ онъ, святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики; судъ исторіи не извиняетъ самаго счастливаго злодѣйства». Не скрывая своего несочувствія къ историческимъ преступникамъ, онъ съ особой любовью останавливается на тѣхъ образахъ прошлаго, память о которыхъ сохранилась незапятнанной,—ихъ выставляетъ онъ, въ назиданіе потомкамъ, какъ примѣръ добродѣтели. Сильно выразились въ «Исторіи» и патріотическія настроенія Карамзина. Этотъ патріотизмъ не заключался, впрочемъ, въ безусловномъ преклоненіи передъ «своимъ», русскимъ, онъ не утаиваетъ темныхъ пятенъ въ прошломъ родной исторіи,—но зато всегда съ повышеннымъ чувствомъ гордости говоритъ о всѣхъ, замѣченныхъ имъ, проявленіяхъ доблести, героизма, любви къ отечеству.

Патріотизмъ въ „Исторіи“.

Эстетическая цѣнность его „Исторіи“.

Въ художественномъ отношеніи, сочиненіе Карамзина до сихъ поръ представляетъ большую цѣнность. Тѣмъ большее значеніе имѣла эта художественность въ глазахъ его современниковъ, которые до его труда могли свои знанія о русскомъ прошломъ почерпать только изъ тяжеловѣсныхъ неудобо-читаемыхъ твореній Татищева, Щербатова, Болтина. Извѣстный историкъ Соловьевъ, признавая художественныя достоинства «Исторіи» Карамзина, назвалъ ее «величественной поэмой, воспѣвающей государство». Особенными достоинствами отличается стиль «Исторіи»,—Карамзинъ сумѣлъ сообщить ему характеръ величавой торжественности, сумѣлъ архаическими выраженіями и оборотами рѣчи придать своему изложенію особый отпечатокъ старины. Стараясь оживотворить прошлое, умершее, онъ нерѣдко даетъ яркія описанія событій, живыя характеристики дѣйствующихъ лицъ. Внимательно всматривается онъ въ образы прошлаго, и многіе изъ нихъ воскресаютъ, имъ объясненные и ярко нарисованные...

Стиль „Исторіи“.

Описанія и характеристики.

Художественные недостатки „Исторіи“.

Впрочемъ, это желаніе, во что бы то ни стало, понять душу героевъ старины, заглянуть въ ихъ сердца, не всегда удавалось Карамзину,—иногда онъ, не имѣя никакихъ фактовъ, сколько-нибудь обстоятельныхъ, давалъ характеристики общія, расплывчатыя, ничего опредѣленнаго не говорящія,—иногда онъ привносилъ въ толкованія прошлаго современныя ему точки зрѣнія,—оттого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, герои русской старины оказались у него сентиментальными людьми, «проливающими сладкія слезы радости», надѣленными «нѣжной чувствительностью» и проч.

Научные недостатки „Исторіи“.

Кромѣ такихъ недостатковъ художественныхъ, грѣшитъ «Исторія» и недостатками «научными». Карамзинъ интересовался только политической исторіей Россіи, совершенно не освѣщая бытовой. Произошло

это, быть можетъ, и потому, что, Карамзинъ, сочиняя свою «Исторію», стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что исторію дѣлаютъ «герои»,—вслѣдъ за многими историками своего времени онъ слишкомъ большое значеніе придавалъ «личности» въ исторіи и совершенно просмотрѣлъ значеніе «массъ» [1]). Вотъ почему его «Исторія» оказалась *исторіей русскихъ государей*, но не исторіей русскаго народа. Это замѣчено было даже современниками Карамзина.

Кромѣ того, Карамзинъ, при всемъ своемъ желаніи дать вѣрное воспроизведеніе прошлаго, дѣлаетъ иногда крупныя ошибки просто вслѣдствіе недостаточно-критическаго отношенія къ своимъ источникамъ. Многія явленія онъ не оцѣниваетъ такъ, какъ они этого заслуживали; политическое самосознаніе своего времени часто приписываетъ онъ людямъ далекаго прошлаго.

Главная идея его „Исторіи".

Главная идея «Исторіи», какъ было указано выше—мысль о необходимости монархическаго строя въ Россіи. Карамзинъ внимательно слѣдитъ въ прошломъ русской исторіи за тѣмъ, какъ растетъ идея единодержавія въ русскомъ политическомъ сознаніи, и съ особымъ сочувствіемъ останавливается на исторіи возвышенія Москвы, на князьяхъ-собирателяхъ русской земли и, наконецъ, на московскихъ царяхъ, изъ которыхъ Іоанну Ш онъ сочувствуетъ больше всего. Этотъ царь — центральное лицо его «Исторіи»,—его Карамзинъ ставитъ выше Петра, такъ какъ въ Іоаннѣ видитъ истиннаго основателя могущества Россіи.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на многіе промахи, даже научное значеніе „Исторіи" остается большимъ,—въ наше время историки исправляютъ Карамзина, дополняютъ его, или нѣкоторые его взгляды отвергаютъ, но всетаки съ нимъ считаются. Конечно, для современниковъ Карамзина недостатки „Исторіи" не были такъ замѣтны — особенно на первыхъ порахъ, — оттого она была принята съ энтузіазмомъ: въ обществѣ сразу народился интересъ къ родной старинѣ; томы „Исторіи" раскупались нарасхватъ и прочитывались жадно,—съ интересомъ и увлеченіемъ.

Отношеніе современниковъ къ „Исторіи" К—на.

Отзывъ юноши Пушкина объ „Исторіи".

Пушкинъ разсказываетъ о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое на него было произведено чтеніемъ этой „Исторіи"; „древняя Россія найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ!"—вырвалось у него характерное восклицаніе. Такимъ образомъ, „Исторія" его оказалась „откровеніемъ" для русскаго об-

---

[1]) Его западно-европейскіе предшественники (Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ) всѣ смотрѣли на исторію, какъ на дѣло *личностей*, стоящихъ во главѣ обществъ (правителей, законодателей, полководцевъ и пр.). Историки древнегреческіе смотрѣли на исторію, какъ на соединеніе науки и искусства, и преслѣдовали въ своихъ историческихъ трудахъ цѣли художественныя и поучительныя. Карамзинъ въ своей „Исторіи" усвоилъ обѣ эти невѣрныя точки зрѣнія (значеніе личности и нравоучительность). Историческая наука нашего времени главнымъ двигателемъ исторіи признаетъ *массу* и отрицаетъ за исторіей обязанность быть средствомъ, или матеріаломъ для поученія

щества, не подозрѣвавшаго, что можетъ быть какой-нибудь интересъ въ родной старинѣ (См. выше, на стр. 192, отзывъ о русской исторіи Батюшкова).

Критическое отношеніе къ „Исторіи".

Когда первый восторгъ отъ „Исторіи" прошелъ, когда русскіе читатели сумѣли понять консервативныя тенденціи этого сочиненія, они раскололись на два лагеря: для людей умѣренно-консервативнаго склада мыслей эта „Исторія" была сокровищницей идей, чувствъ и знаній,—для людей, мечтавшихъ о реформахъ, идеализація прошлаго и требованіе мириться съ „несовершенствами видимаго порядка вещей" казалась преступленіемъ.

Критика Н. Муравьева.

Наиболѣе интереснымъ критикомъ «Исторіи» былъ Н. М. Муравьевъ («Замѣчаніе на Исторію Карамзина» [1]), который рѣшительно разошелся съ Карамзинымъ въ самомъ пониманіи «исторіи»,—онъ опровергалъ консервативно-патріотическія тенденціи его труда и энергично протестовалъ противъ того примиренія съ несовершенствами жизни, котораго требовалъ Карамзинъ отъ гражданъ, знающихъ родную исторію. «Исторія должна ли погружать насъ въ нравственный сонъ квіетизма?»—спрашивалъ критикъ: «не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ... *Непримиреніе* наше съ несовершенствами составляетъ предметъ исторіи,—оно пробуждаетъ духовныя силы и направляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ».

Критика либеральной молодежи.

Рѣзче и несдержаннѣе были отзывы въ кругу либеральной молодежи. Впечатлительный Пушкинъ, подъ вліяніемъ этихъ толковъ, забылъ свой недавній восторгъ и написалъ злую эпиграмму на Карамзина, упрекнувъ его за то, что онъ, подъ покровомъ «изящности и простоты», въ своей «Исторіи» проповѣдывалъ «прелести кнута».

Вліяніе „Исторіи" на русскую литературу.

Вліяніе „Исторіи" Карамзина выразилось не только въ необыкновенномъ подъемѣ интереса къ русской исторіографіи, въ увеличеніи числа работъ научныхъ по русской исторіи,—но и въ области чисто-литературной: русская историческая драма, русскій историческій романъ сразу дѣлаются живѣе и содержательнѣе. Такіе писатели, какъ Пушкинъ („Борисъ Годуновъ"), Загоскинъ („Юрій Милославскій"), Рылѣевъ („Думы") и многіе другіе, болѣе мелкіе, писатели черпали свое вдохновеніе изъ карамзинской „Исторіи".

С. Глинка, консерваторъ-патріотъ; его общественное значеніе.

С. Н. Глинка былъ другимъ представителемъ патріотической и консервативной части тогдашняго русскаго общества: тамъ, гдѣ Карамзинъ бралъ разсужденіемъ, умомъ,—Глинка бралъ „чувствомъ". Это былъ восторженный патріотъ, чистая, возвы-

[1]) Кромѣ того, были критики Арцыбашева, Лелевеля, Н. Полевого, Каченовскаго.

шенная натура, благодаря своему энтузіазму легко покорившаяся патріотическимъ настроеніямъ: съ 1808 г. онъ издавалъ журналъ: „Русскій Вѣстникъ". Цѣль журнала была—возбужденіе народнаго духа для борьбы съ Наполеономъ, столкновеніе съ которымъ для всѣхъ уже тогда казалось неизбѣжнымъ. Въ 1812 г. Глинка вступилъ ратникомъ въ ополченіе.

П. И. Голенищевъ-Кутузовъ—крайній консерваторъ этого времени и врагъ Карамзина.

§ 115. Но въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ были люди значительно консервативнѣе Карамзина,—одинъ изъ такихъ, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, попечитель московскаго округа, считалъ даже Карамзина опаснымъ радикаломъ, и, помня его юношескій либерализмъ, видѣлъ въ немъ „скрытаго республиканца".—Онъ преслѣдовалъ Карамзина доносами и при императорѣ Павлѣ, и при Александрѣ. Когда въ 1810 г. Карамзину былъ пожалованъ орденъ, онъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, что „сочиненія Карамзина исполнены вольнодумческаго и якобинческаго яда", что „въ нихъ проповѣдуется безбожіе и безначаліе,—ихъ „не хвалить, а сжечь бы слѣдовало". Даже „Исторія Государства Россійскаго" не примирила Кутузова со взглядами Карамзина.

А. С. Шишковъ—противникъ карамзинской реформы литературнаго языка.

Гораздо болѣе сильнаго и благороднаго противника встрѣтилъ Карамзинъ въ лицѣ А. С. Шишкова, который возсталъ противъ него, защищая русскій языкъ отъ тѣхъ „новшествъ", которыя были имъ внесены. Какъ извѣстно, въ свое время, Карамзинъ сблизилъ литературный языкъ съ разговорнымъ, вслѣдствіе чего въ русскую литературу вошло немало варваризмовъ и неологизмовъ: къ остаткамъ церковно-славянскаго языка въ русской изящной литературѣ Карамзинъ отнесся отрицательно, считая, напримѣръ, стиль Ломоносова „дикимъ", „варварскимъ". Въ литературномъ же стилѣ своего времени онъ увидѣлъ—„пріятность, называемую французами élégance". Конечно, не Карамзинъ произвелъ реформу русскаго языка, не онъ освободилъ его отъ славянизмовъ и латинско-нѣмецкаго вліянія,—эта реформа произведена была уже самимъ обществомъ въ Екатерининскую эпоху, но Карамзинъ былъ самымъ крупнымъ и популярнымъ писателемъ, который первый открылъ, что реформа уже совершилась, и *сознательно* сталъ за тотъ стиль, который былъ уже принятъ въ обществѣ его времени. Вотъ почему онъ и сдѣлался первой мишенью для нападенія литераторовъ „старой школы", еще державшихся ломоносовской манеры письма.

Во главѣ этихъ противниковъ Карамзина сталъ Шишковъ. Горячность, обнаруженная имъ въ обличеніи Карамзина, объясняется тѣмъ, что онъ на реформу языка смотрѣлъ, какъ на дѣло анти-патріотическое и даже анти-религіозное.

Взглядъ Шишкова на языкъ.

«Языкъ есть,—говоритъ онъ,—душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія, неумолчный свидѣтель дѣлъ. Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія. Гдѣ нѣтъ любви къ отечеству, тамъ языкъ не изъявляетъ чувствъ отечественныхъ». Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ рѣшительно возсталъ противъ всѣхъ «новшествъ», «исказившихъ», по его мнѣнію, благородную и величественную простоту русскаго языка; Карамзина считалъ онъ главнымъ виновникомъ порчи языка и готовъ былъ споръ филологическій обратить въ споръ политическій,—для него Карамзинъ, портившій родной языкъ, былъ вреднымъ либераломъ, дѣятелемъ антинаціональнаго направленія. Впослѣдствіи «Исторія» примирила его съ Карамзинымъ, — тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи самъ Карамзинъ даже въ области языка сдѣлался консерваторомъ, любителемъ характерныхъ архаизмовъ.

Филологическіе труды Шишкова: а) Критика новаго стиля.

Въ 1803 г. выпустилъ Шишковъ: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка», въ 1804 г.—«Прибавленіе къ сочиненію, называемому «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», въ 1810 г. — «Разсужденіе о краснорѣчіи св. Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка», въ 1811 г.—«Разговоры о словесности между двумя лицами «Азъ» и «Буки». Для Шишкова славянскій и русскій языкъ были почти тожественны, — онъ считалъ русскій языкъ нарѣчіемъ славянскаго. Богатство русскаго языка, по его мнѣнію, и выражалось, главнымъ образомъ, въ славянизмамъ: «россійскій языкъ есть чадо славянскаго, заимствующее отъ него свое украшеніе». Ломоносовскій стиль былъ для него образцовымъ, а élégance новаго стиля (слова Карамзина, см. выше) называлъ онъ «чепухой». Онъ нападалъ на тогдашнее русское общество и литературу за широкое пользованіе варваризмами (напр.: «моральный», «эстетическій», «эпоха», «гармонія», «энтузіазмъ», «катастрофа»); ему не нравились вошедшіе въ употребленіе неологизмы («переворотъ» — переводъ слова «révolution», «развитіе» — «développement», «утонченный» — «raffiné», «сосредоточить» — «concentrer», «трогательный»—«touchant»); ему рѣзали ухо такія искусственныя слова, тогда входившія въ употребленіе, какъ, напримѣръ, «настоящность» и «будущность», «начитанность», «промышленность»... Но если онъ былъ неправъ, стараясь уничтожить всякое живое творчество языка, то вполнѣ справедливы были его порицанія такихъ, модныхъ въ его время, выраженій, какъ, напримѣръ, — «подпирать свое мнѣніе», «природа искала намъ добронравствовать», «народъ не потерялъ перваго отпечатка своей цѣны» [1]) и пр.

---

[1]) Галаховъ въ „Исторіи словесности“ (ч. 2, стр. 69) приводитъ слѣдующую выдержку изъ одного сочиненія (А. О. „Утѣхи меланхоліи“ 1802), особенно возмущавшаго Шишкова своимъ стилемъ: „Пасмурный день на сердцѣ іюля вызвалъ насъ пользоваться воздухомъ. Предлагая интересную прогулку въ дружескомъ кругѣ, идемъ

в) Попытка реформы литературнаго стиля.

Но, не довольствуясь „критикой“ недостатковъ современнаго литературнаго языка, Шишковъ рискнулъ еще предложить его „реформу“, давъ совѣтъ замѣнять иностранныя слова русскими, или церковнославянскими (вм. „сцена“—„явленіе“, вм. „меланхолія“ — „уныніе“, „миѳологія“ — „баснословіе“ „рецензія“— „разсматриванье книгъ“, „героизмъ“—„добледушіе“, „акторъ“— „лицедѣй“, „развитіе“ (développement) — „прозябаніе“). Онъ предлагалъ вернуть въ общее употребленіе забытыя уже тогда слова: „непщевать“, „зане“, „убо“, „иже“, „яко“.

Отношеніе русскаго общества къ трудамъ Шишкова.

Шишковъ былъ искреннимъ патріотомъ, но плохимъ филологомъ. По профессіи морякъ, онъ занимался изученіемъ языка, какъ любитель. Оттого его филологическія теоріи совершенно наивны и непріемлемы [1]). Это обстоятельство подорвало, въ глазахъ русскаго общества, значеніе его благородныхъ усилій очистить русскій языкъ отъ излишней примѣси чужого. Во всякомъ случаѣ, его статьи обратили на себя вниманіе, вызвали поддержку со стороны однихъ—и насмѣшки со стороны другихъ. Въ возникшей полемикѣ приняли участіе проф. Каченовскій, Макаровъ, Дашковъ, Измайловъ и многіе др. Противники Шишкова сумѣли высмѣять не только его филологическую безпомощность, но и то, что самъ онъ, несмотря на собственныя требованія заботиться о чистотѣ русскаго слога, не могъ обходиться безъ варваризмовъ.

Союзники Шишкова.

Единомышленниками Шишкова были русскіе писатели, члены „Россійской Академіи“,—литературные старовѣры, представители умиравшаго псевдоклассицизма. Не довольствуясь академическими засѣданіями, въ 1807 г. они рѣшили собираться другъ у друга по очереди въ частныя засѣданія: Державинъ, Шишковъ, гр. Хвостовъ, Крыловъ, кн. Шаховской были учредителями этихъ собраній. Въ 1811 г. изъ этихъ лицъ образовалось общество:

„Бесѣда любителей русскаго слова“.

„Бесѣда любителей русскаго слова“, съ уставомъ и со своимъ журналомъ. Главной задачей этого общества было поддерживать

за гору развлечь задумчивость; полевыя красоты нѣжно плѣнили насъ; поспѣшая, съ сердечнымъ удовольствіемъ, входимъ въ рощу. Здѣсь зрѣніе наше находитъ разнообразные предметы; съ неизъяснимою пріятностью разсѣявшись въ ея сѣни, слышимъ страстную филомелу, тающую въ своихъ восторгахъ... Тутъ сельская прелесть съ восхищеніемъ обозрѣваетъ созрѣвающее богатство, привѣтствуетъ съ нетерпѣніемъ ожидаемаго; низкій натуральный комплиментъ при невинной улыбкѣ былъ отвѣтъ ея“.

[1]) Напр. слова: „широко“, „высоко“, „далеко“ онъ производилъ отъ такихъ сочетаній: „ширь+око“, „высь+око“ и т. д. Слово „звѣзда“ онъ сближалъ съ словомъ „гвоздь“, „ибо звѣзды, говорилъ онъ, какъ свѣтлые на небѣ гвозди“; „гордость“— отъ „гора+дзю“ и т. д.

старыя традиціи въ русской литературѣ,—въ эпоху „новшествъ" стать на стражѣ лучшаго прошлаго, своими трудами показывать примѣръ прочимъ писателямъ, воспитывать литературную молодежь въ своемъ консервативномъ духѣ. Задача была не изъ легкихъ: сатирики-писатели, кромѣ Крылова, или были бездарны, или слишкомъ устарѣли, какъ Державинъ. Въ результатѣ, торжественныя, полныя церемоній, засѣданія „Бесѣды" вызывали только веселый смѣхъ у молодыхъ писателей, сгруппировавшихся около Карамзина. Впрочемъ, члены „Бесѣды" позволяли себѣ и активныя дѣйствія противъ литературныхъ дѣятелей новаго направленія. Такъ, кн. Шаховской въ одной изъ своихъ комедій, „Новый Стернъ", высмѣялъ Карамзина, а въ другой, „Липецкія воды", въ лицѣ „балладника Фіалкина"—Жуковскаго.

Юные противники „Бесѣды".

§ 116. Пьесы эти вызвали дружный отпоръ со стороны молодежи: Дашковъ, Вяземскій, Блудовъ сочинили нѣсколько памфлетовъ по адресу кн. Шаховского и другихъ сочленовъ его по „Бесѣдѣ"; въ этомъ обществѣ, не безъ основанія, увидѣли они главный очагъ литературнаго староверства, тормозящаго развитіе новой поэзіи. Остроумный памфлетъ Блудова, носящій названіе: „Видѣніе въ Арзамасскомъ трактирѣ" далъ кружку юныхъ друзей, защищавшихъ Карамзина и Жуковскаго—названіе „общества безвѣстныхъ Арзамасскихъ литераторовъ", или, попросту,—„Арзамаса", а членамъ его кличку „арзамасскихъ гусей" [1]). Карамзинъ былъ выбранъ „почетнымъ членомъ" общества. Избраніе въ члены „Арзамаса", засѣданія и занятія членовъ были веселыми пародіями на торжественность и церемонность „Бесѣды". Всѣ члены носили особые титулы и имена, взятыя изъ произведеній Жуковскаго: Батюшковъ назывался „Ахиллъ" (изъ словъ: „ахъ! хилъ!"), Блудовъ—„Кассандра", кн. Вяземскій—„Асмодей", Жуковскій — „Свѣтлана", А. С. Пушкинъ — „Сверчокъ", А. Н. Тургеневъ—„Эолова Арфа". Всякій вступающій долженъ былъ произнести рѣчь въ честь своего предмѣстника, но такъ какъ члены „Арзамаса" считались „безсмертными", то „положено было брать „напрокатъ"

Возникновеніе „Арзамаса".

---

[1]) Разсказываютъ, что у юныхъ друзей Карамзина была еще одна причина назвать свое общество въ честь г. Арзамаса. Въ этомъ городѣ тогда была открыта школа живописи. Друзья шутили, что современемъ тамъ живопись процвѣтетъ и, какъ есть „Венеціанская школа", такъ будетъ когда-нибудь „Арзамасская",—и городъ, извѣстный пока только гусями, прославится впослѣдствіи на весь міръ. Эту будущую славу они рѣшились поддержать основаніемъ своей поэтической „Академіи".

покойниковъ между „халдеями“ „Бесѣды“ и „Академіи“, дабы воздавать имъ по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства“.

Историческое значеніе „Арзамаса“.

Случайно было возникновеніе „Арзамаса“, случайностью отличался и составъ его членовъ: все это были юноши, очень различные по своимъ житейскимъ воззрѣніямъ. Ихъ всѣхъ связала только любовь къ литературѣ, желаніе ей прогресса и отвращеніе къ тому, что отжило и смѣетъ давить молодое творчество. Въ рядахъ арзамасцевъ только Жуковскій и Батюшковъ были настоящими крупными писателями, но и то между ними не было ничего общаго ни въ характерѣ, ни въ литературной дѣятельности. Въ политическихъ взглядахъ члены „Арзамаса“ тоже не всѣ сходились другъ съ другомъ: М. Орловъ и Н. Тургеневъ живо интересовались либеральными вѣяніями эпохи,—другіе были, въ большей, или меньшей степени, равнодушны къ политикѣ. Оттого попытки двухъ названныхъ членовъ придать „Арзамасу“ характеръ „политическаго“ общества не удались совершенно. Безуспѣшно было также желаніе нѣкоторыхъ членовъ издавать свой собственный журналъ. Въ 1818 году „Арзамасъ“ уже не существовалъ. Тѣмъ не менѣе, значеніе этого веселаго, легкомысленнаго общества нельзя „сводить на нѣтъ“,—„Арзамасъ“ далъ возможность литературной молодежи сплотиться, начать борьбу со „стариками“ во имя свободы творчества противъ ложнаго классицизма, съ его „правилами“ и „кодексами“. Такимъ образомъ, борьба „Арзамаса“ съ „Бесѣдой“ была у насъ слабымъ подобіемъ той, болѣе серьезной, борьбы, которая во Франціи разыгралась въ свое время между „молодой литературной школой“ („modernes“) и „старой“ („anciens“) и подготовила побѣду молодыхъ „романтиковъ“ надъ стариками „классиками“. Эта борьба повторилась и въ Германіи и тоже привела къ побѣдѣ „романтизма“. У насъ молодые „арзамасскіе гуси“ первые на своемъ знамени написали слово „романтизмъ“ [1]).

Роль „Арзамаса“ въ исторіи русскаго романтизма.

[1]) Какъ и псевдоклассицизмъ, „романтизмъ не былъ только эстетическою теоріею,—нѣтъ, онъ обнималъ собою всю жизнь, проникъ во всѣ ея сферы. Человѣческій духъ, начиная со второй половины XVIII вѣка до конца его, представляетъ намъ такую общую, дѣятельную, глубокую критическую работу мысли, какую едва ли можетъ представить другой историческій періодъ, за исключеніемъ эпохи Возрожденія. Результатомъ этой усиленной, смѣлой и радикальной работы (напр., въ философахъ Франціи и въ Кантѣ), и въ сферѣ государства и практики, и въ религіи, и въ нравственности былъ рѣшительный пересмотръ прошедшаго. Человѣчеству пришлось выбросить за бортъ, какъ ненужный балластъ, массу такого содержанія, которое создавалось вѣками... Падали старыя формы жизни, падали вызывая въ душѣ то восторженные крики освобожденія, то боль и страданіе. Мѣнялись съ чрезвычайной быстротою границы государствъ и народностей, отстраняя старыя, изжившія явленія, выдвигая новыя и непривычныя“ (Буличъ).

§ 117. *Романтизмъ*—понятіе очень неопредѣленное, въ разныхъ европейскихъ литературахъ понимаемое по-своему и въ творчествѣ различныхъ писателей-«романтиковъ» выраженное различно. И по времени, и по существу, это литературное направленіе очень близко къ сентиментальному; у многихъ писателей эпохи оба эти направленія даже сливаются совершенно. Подобно сентиментализму, романтическое направленіе было во всѣхъ европейскихъ литературахъ протестомъ противъ псевдоклассицизма [1]). „Романтизмъ“; сущность того понятія.

Псевдоклассицизмъ требовалъ отъ литературы *разсудочности*, подчиненія чувства разуму; онъ заковывалъ творчество въ тѣ литературныя *формы*, которыя заимствованы были у древнихъ; онъ обязывалъ писателей не выходить изъ предѣловъ *древней исторіи* и *древней поэтики*; псевдоклассики внесли въ литературу строгій *аристократизмъ* въ содержаніе и форму, внесли исключительно-«придворныя» настроенія. Сентиментализмъ выставилъ противъ всѣхъ этихъ особенностей псевдоклассицизма поэзію свободнаго чувства, преклоненіе передъ своимъ свободнымъ чувствительнымъ сердцемъ, передъ своей «прекрасной душой» и природой, безыскусственной и простой. Но если сентименталисты подорвали значеніе ложнаго классицизма, то не они начали сознательную борьбу съ этимъ направленіемъ. Эта честь принадлежала «романтикамъ»; они выставили противъ ложныхъ классиковъ бо́льшую энергію, болѣе широкую литературную програму и, главное, попытку создать новую «теорію» поэтическаго творчества. Однимъ изъ первыхъ пунктовъ этой теоріи было отрицаніе XVIII-го вѣка, его разсудочной философіи, формъ его жизни [2]). Псевдоклассицизмъ. Сентиментализмъ. Романтизмъ.

Пробужденіе націонализма въ Европѣ, начавшееся съ конца XVIII в., особенно обострилось послѣ наполеоновскихъ войнъ. Началась *націонализація* европейскихъ литературъ, приведшая къ тому, что—1) палъ интересъ къ тѣмъ ложнымъ грекамъ и римлянамъ, которыми занимались псевдоклассики; всѣхъ перестала интересовать ихъ холодная фальшивая поэзія, и—2) явился интересъ къ своему національному творчеству; это творчество стали изучать въ средневѣковой письменности, въ народной поэзіи. Воскресли старые, средневѣковые сюжеты, забытые мотивы, давно брошенные жанры (баллада, пѣсни трубадуровъ и миннезингеровъ); вновь появились въ поэзіи рыцари, дамы, чародѣи и волшебницы. Съ ними Содержаніе романтизма: a) націонализація творчества. b) возрожденіе средневѣковья.

[1]) „Вмѣсто гуманизма, олицетворенія всего человѣческаго, какъ идеала классической поэзіи, явился идеализмъ христіанскій,—стремленіе ко всему небесному, божественному, стремленіе ко всему сверхъестественному и чудесному. При этомъ главною цѣлью человѣческой жизни поставлялось уже не наслажденіе счастіемъ и радостями земной жизни, а чистота души и спокойствіе совѣсти, терпѣливое перенесеніе всѣхъ бѣдствій и страданій земной жизни, надежда на жизнь будущую и приготовленіе къ этой жизни“ (Порфирьевъ, Истор. р. слов., ч. II, отд. 3, 166 стр.).

[2]) „Слѣдуя философіи Шеллинга, провозглашавшаго единство, или тожество въ наукѣ, искусствѣ и жизни, она (романтическая школа) старалась сблизить поэзію съ жизнью и стала искать идеальнаго образца этого сближенія въ религіи среднихъ вѣковъ, когда, по ея мнѣнію, христіанство связывало въ единство государство и церковь, народъ и науку, искусство и жизнь, когда всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь. Средніе вѣка представлялись высшимъ идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ, и возвращеніе къ нимъ сдѣлалось для многихъ любимою мечтою“ (Порфирьевъ, стр. 166—167).

воскресла *средневѣковая фантастика* [1]), отвергнутая въ эпоху господства разума, 3) паденіе Франціи съ Наполеономъ освободило всѣ народы Европы отъ французоманіи, помогло оглянуться другъ на друга и признать, что есть оригинальная, своеобразная жизнь и творчество у англичанъ, нѣмцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, арабовъ, персовъ, индѣйцевъ,— что каждый народъ имѣетъ свою оригинальную «душу». Уловить эти національныя, типичныя черты въ жизни, въ міросозерцаніи чуждыхъ народовъ, возсоздать couleur locale [2]) — сдѣлалось задачей многихъ молодыхъ писателей эпохи. Древніе греки и римляне совершенно иными предстали подъ перомъ этихъ романтиковъ, попытавшихся постигнуть идеалы древней жизни, понять античное міросозерцаніе и правдиво нарисовать ихъ бытъ [3]). Въ противоположность псевдоклассицизму, это новое *романтическое* отношеніе къ древнему міру носитъ иногда названіе *неоклассицизма*.

c) интересъ къ поэзіи всѣхъ народовъ (экзотизмъ).

Отношеніе романтизма къ античному міру.

Освобожденіе отъ контроля «правилъ» привело къ свободѣ чувства, къ свободѣ формъ творчества. Это создало два типа литературныхъ «романтиковъ»,—одни увлекались свободой своего духа и открыто заявляли, что такіе геніи, какъ Шекспиръ, не нуждаются въ «правилахъ»; поэтому и они сами тоже творили безъ всякихъ правилъ и называли себя «геніями». Они сознали себя свободными отъ всѣхъ предразсудковъ и шаблоновъ, которые до тѣхъ поръ опредѣляли норму жизни; изъ мѣщански-настроенной условной культуры ихъ тянетъ къ природѣ, къ простому народу и его пѣснѣ, къ идеализированной народной старинѣ, на просторъ всемірной поэзіи, къ обновленію литературныхъ формъ... Требованіе свободы чувствъ распространилось и на область нравственныхъ вопросовъ: они хотятъ взять жизнь полностью и любить реально. «Мы боги, мы свободны» — говоритъ Ленцъ. Біографія этихъ юныхъ «геніевъ» указываютъ, что многіе изъ нихъ, дѣйствительно, не только въ поэзіи, но и въ самой жизни осуществляли свои свободные идеалы. Это направленіе, особенно яркое въ Германіи, называется тамъ «эпохой «Sturm und Drang'a»—эпохой «бури и натиска». Такой протестъ противъ правилъ устарѣвшей морали и соціальныхъ формъ жизни отразился на увлеченіи произведеніями, въ которыхъ главными героями были протестующіе герои— Прометеи, Фаусты, затѣмъ «разбойники», какъ враги устарѣвшихъ формъ соціальной жизни... Съ легкой руки Шиллера, возникла даже цѣлая «раз-

A. Протестующіе романтики. d) Свобода духа и плоти—кличъ романтизма.

---

[1]) Такъ какъ средневѣковая поэзія впервые явилась на романскомъ языкѣ въ эпоху рыцарства и называлась „романской", то и воскрешеніе ея получило названіе „романтизма", или „новоромантической поэзіи", и явилось въ формахъ рыцарской поэзіи: дѣйствующими лицами были князья, рыцари, бароны; главными чувствами, которыя ихъ одушевляли, были чувства любви, чести и рыцарской вѣрности; формами этой поэзіи были романсъ, баллада и рыцарскій романъ,—всѣ они отличались фантастическимъ характеромъ; сценою, гдѣ происходили описываемыя дѣйствія, были мрачные лѣса, подземелья, или кладбища, на которыхъ мертвецы встаютъ изъ гробовъ; спутниками ихъ были вѣдьмы, колдуны и колдуньи и разныя фантастическія чудовища" (Порфирьевъ, тамъ же, стр. 166).

[2]) „Couleur locale"—„мѣстный колоритъ".

[3]) Вѣрное проникновеніе въ *духъ* прошлаго называется соблюденіемъ „couleur historique" („историческій колоритъ"); проникновеніе въ „духъ народовъ"—„couleur éthnografique".

бойничья» литература. Писателей заинтересовали образы «идейныхъ» преступниковъ, людей падшихъ, но сохраняющихъ высокія чувства человѣка [1]). Конечно, эта литература уже не признавала дидактизма и аристократизма,—она была *демократична*, была *далека отъ назидательности* и по манерѣ письма приближалась къ *натурализму* (точное воспроизведеніе «натуры»—т. е. дѣйствительности, безъ выбора и идеализаціи).

e) Демократизмъ и натурализмъ.

Таково одно теченіе романтизма, созданное группой *протестующихъ романтиковъ*. Но была другая группа—*мирныхъ индивидуалистовъ*, которыхъ свобода чувства не привела къ борьбѣ соціальной,—«это мирные энтузіасты чувствительности, ограниченные стѣнками своего сердца, убаюкивающіе себя до тихихъ восторговъ и слезъ анализомъ своихъ ощущеній. Они, піетисты и мистики, могутъ пристроиться ко всякой церковно-религіозной реакціи, ужиться и съ политической, ибо отошли отъ общественности въ міръ своего крошечнаго «я», въ уединеніе, въ природу, вѣщающую о благости Творца» (Веселовскій). Они признаютъ только «внутреннюю свободу», «воспитываютъ добродѣтель», ихъ душа—schöne Seele, belle âme Руссо, «душа» Карамзина... Романтики этого второго типа почти ничѣмъ не отличаются отъ «сентименталистовъ». Они любятъ свое «чувствительное» сердце, знаютъ только нѣжную, грустную

B. Романтики-индивидуалисты.

f) Чувствительность, піетизмъ и мистицизмъ.

g) „Schöne Seele".

---

[1]) „Гюго внесъ въ свою поэзію неправильность и дисгармонію: все неправильное, уродливое и безобразное, все странное, выходящее изъ обыкновеннаго ряда явленій, составило содержаніе многихъ его произведеній. Свои воззрѣнія на поэзію и искусство онъ изложилъ въ предисловіяхъ къ драмамъ: „Эрнани" и „Кромвель". „Прекрасное древнихъ, говоритъ онъ, было типично и потому однообразно; христіанство привело обратно поэзію къ истинѣ,—оно обратило вниманіе человѣка на то, что его человѣческое понятіе о прекрасномъ недостаточно, что было бы ошибочно со стороны ограниченнаго разума художника прилагать этотъ масштабъ къ безконечному и неограниченному разуму Создателя, какъ бы направлять сдѣланное Богомъ,—что поэтическая гармонія основывается только на несовершенствѣ,—что то, что̀ мы называемъ „безобразнымъ", есть только частица великаго цѣлаго, общая связь коей намъ непостижима и которая находитъ свое восполненіе не въ человѣческомъ разумѣ, а въ цѣломъ мірозданіи. Христіанское искусство стремится къ достиженію не прекраснаго, а „характеристическаго"; содержаніе современной драмы—не идеалъ, а дѣйствительность; реальность вытекаетъ изъ соединенія возвышеннаго со смѣшнымъ. Поэтъ, правда, долженъ дѣлать выборъ, но не по масштабу *прекраснаго*, а по масштабу *характернаго*; характерно то, что̀ до мельчайшей подробности передаетъ колоритъ мѣстности и культуры извѣстнаго времени". Отсюда зародышъ христіанскаго искусства Гюго ищетъ въ „причудливомъ". Въ древности, говоритъ онъ, оно осмѣливалось появляться только робко. Только въ средніе вѣка, нѣсколько пошлую гидру замѣнили своеобразные мѣстные и отдѣланные до подробностей драконы, карлики, великаны, сильфы, гномы, лѣшіе, феи, колдуньи, привидѣнія и т. д. Поэтому Гюго любитъ контрасты—соединеніе высокаго съ низкимъ, доводя то и другое до невозможныхъ крайностей, дѣлая изъ преступныхъ людей добродѣтельныхъ, въ самомъ преступленіи стараясь отыскать героевъ добродѣтели, или, лучше, самое преступленіе представить добродѣтелью. Такими свойствами отличаются его повѣсти и романы: „Гансъ-Исландецъ", „Бюгъ-Жаргаль", „Соборъ Парижской Богоматери" (гдѣ изображенъ Квазимодо), драмы: „Эрнани", „Кромвель", „Лукреція Борджіа", „Маріонъ де-Лормъ". „Драма, говоритъ Гюго, можетъ имѣть предметомъ что бы то ни было; ей нечего бояться, что запачкается. Вдуньте, куда хотите, идею добродѣтели и милосердія,—и не будетъ болѣе ни безобразнаго, ни отталкивающаго. Свяжите религіозную мысль съ безобразнѣйшимъ предметомъ,—и онъ сдѣлается святъ и чистъ" (Порфирьевъ, тамъ же, стр. 168—169).

«любовь», чистую, возвышенную «дружбу»,—они охотно проливаютъ слезы; «сладкая меланхолія»—ихъ любимое настроеніе. Они любятъ грустную природу, туманные, или вечерніе пейзажи, кроткое сіяніе луны; они охотно мечтаютъ на кладбищахъ и около могилъ; грустная музыка имъ по душѣ, все «фантастическое» вплоть до «видѣній»—ихъ интересуетъ. Слѣдя внимательно за прихотливыми оттѣнками различныхъ настроеній своего сердца, они берутся за изображеніе сложныхъ и неясныхъ, «смутныхъ» чувствъ,—они пытаются на языкѣ поэзіи выразить «невыразимое», найти новый стиль для новыхъ настроеній, неизвѣстныхъ псевдоклассикамъ. Вотъ это именно содержаніе ихъ поэзіи и выразилось въ томъ неясномъ и одностороннемъ опредѣленіи «романтизма», которое сдѣлалъ Бѣлинскій [1]).

і) Туманная фантастика и меланхолія.

Нетрудно замѣтить, что обѣ группы «романтической» школы далеко отошли отъ простой и холодной поэзіи псевдоклассиковъ, у которыхъ всѣ чувства были размѣрены, всѣ формы готовы—и творить можно было только по трафарету. Нетрудно замѣтить, что всѣ разнообразныя особенности этихъ писателей-романтиковъ сводятся, въ концѣ концовъ, къ одной, все объединяющей—къ проповѣди полной *свободы творчества.*—*Въ отрицаніи всякой теоріи и была, въ сущности, вся теорія романтиковъ.*

Свобода творчества—главный лозунгъ романтизма, объединяющій всѣ его группы.

Только такое широкое опредѣленіе сущности романтизма объяснитъ, почему «романтиками» называются такіе, повидимому, различные писатели, какъ Шиллеръ, Гёте, Тикъ, Новалисъ, Гофманъ, Шатобріанъ, Сталь, Виньи, Гюго, Байронъ, Жуковскій, Марлинскій [2]).

Судьбы сентиментально-реалистическаго направленія въ эту эпоху.

§ 118. *А. Сентиментально-реалистическое направленіе.* Какъ всякая художественная, такъ и литературная „школа“ ярче всего выражаетъ свои характерныя особенности въ произведеніяхъ „учениковъ“-„подражателей“, такъ какъ крупные художники, родоначальники „школы“, начинатели „направленія“, всегда разнообразнѣе и шире своихъ учениковъ. Выше было указано, что Карамзинъ не былъ исключительно „сентименталистомъ“,—даже въ раннихъ своихъ произведеніяхъ, „разуму“ онъ отводилъ почетное мѣсто; кромѣ того, у него есть

Карамзинъ, какъ провозвѣстникъ романтизма и неоклассицизма.

---

[1]) „Это—желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несовершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастьѣ, которое, Богъ знаетъ, въ чемъ состояло; это—міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками; это—унылое, медленно текущее... настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ предъ собою будущаго; наконецъ, это любовь, которая питается грустью и которая безъ грусти не имѣла бы чѣмъ поддержать свое существованіе“.

[2]) На стр. 28 было указано различіе между взглядами на поэзію Платона и Аристотеля. Нетрудно видѣть, что, если псевдоклассики примкнули къ Аристотелю, то „романтики“, въ значительной степени, слѣдовали за Платономъ. Одни, слѣдуя за Аристотелемъ, судили поэзію съ „формальной“ стороны и усвоили „утилитарную“ точку зрѣнія Горація на поэзію—вторые судили съ „идейной“ стороны и сходились съ Платономъ во взглядахъ на сущность „вдохновенія“, на значеніе „поэта“, на „святость“ поэзіи.

слѣды и будущаго романтизма („Островъ Борнгольмъ") и псевдоклассицизма („Аѳинская жизнь"). Между тѣмъ, многочисленные ученики его не замѣтили этой ширины карамзинскаго творчества и до смѣшной крайности довели исключительно его „чувствительность",—этимъ самымъ они подчеркнули недостатки сентиментализма и привели это направленіе къ постепенному исчезновенію.

Ученики Карамзина.

Изъ учениковъ Карамзина наиболѣе извѣстны—В. В. Измайловъ, А. Е. Измайловъ, кн. П. И. Шаликовъ, П. Ю. Львовъ. В. Измайловъ написалъ въ подражаніе Карамзину—„Путешествіе въ полуденную Россію". А. Измайловъ сочинилъ повѣсть: „Бѣдная Маша" и романъ: „Евгеній, или пагубныя слѣдствія духовнаго воспитанія и сообщества". Впрочемъ, это талантливое произведеніе отличается такимъ реализмомъ, что его можно причислить и къ „реалистическому" направленію этой эпохи. Кн. Шаликовъ былъ самымъ типичнымъ сентименталистомъ: онъ писалъ и чувствительные стихи („Плодъ свободныхъ чувствованій"—названіе сборника его стиховъ), и повѣсти: два „Путешествія въ Малороссію", „Путешествіе въ Кронштадтъ"—оба произведенія, отличающіяся крайней чувствительностью. П. Львовъ былъ болѣе талантливымъ романистомъ,—отъ него осталось нѣсколько повѣстей: „Россійская Памела", „Роза и Любимъ", „Александръ и Юлія" [1]). Вся эта плеяда чувствительныхъ поэтовъ въ средѣ русской публики имѣла поклонниковъ, но имѣла и много враговъ. Ее высмѣивали и старики-псевдоклассики, и молодые писатели-реалисты.

А. Измайловъ.

Кн. П. Шаликовъ.

П. Львовъ.

В. Подшиваловъ.

Теоретикомъ сентиментализма былъ у насъ В. Подшиваловъ, современникъ и литературный союзникъ Карамзина, въ одно время съ нимъ издававшій журналы („Чтеніе для вкуса и разума", „Пріятное препровожденіе времени"); по такой же программѣ, какъ и Карамзинъ, въ 1796 году онъ напечаталъ интересное разсужденіе: „Чувствительность и причудливость", въ которомъ старался опредѣлить различіе между настоящею „чувствительностью" и ложной „манерностью", „причудливостью"..

[1]) Кромѣ этихъ произведеній, авторы которыхъ подражали „Бѣдной Лизѣ", назову еще нѣсколько: „Обольщенная Генріетта, или торжество обмана надъ слабостью и заблужденіемъ", „Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ", „Исторія бѣдной Маріи", „Инна"; Жуковскаго „Марьина Роща"; А. Попова „Лилія" (1802), „Бѣдная Лилла" (1803); А. Кропотова „Духъ Россіянки" (1809) А. Э. „Милыя и нѣжныя сердца" (1800); Свѣчинскаго „Украинская сирота" (1805), „Романъ моихъ ближнихъ" (1804); кн. Долгорукова „Несчастная Лиза" (1811).

Процвѣтаніе у насъ „мѣщанской драмы".

Сентиментализмъ сказался и въ это время такъ же сильно у насъ въ процвѣтаніи „мѣщанской драмы". Напрасны были усилія псевдоклассиковъ бороться съ этимъ „незаконнымъ" чадомъ драматургіи,—публика отстаивала свои любимыя пьесы. Особенно популярны были переводныя драмы Коцебу („Ненависть къ людямъ и раскаянье", „Сынъ любви", „Гусситы подъ Наумбургомъ"). Въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ эти трогательныя произведенія охотно смотрѣлись русской публикой и вызывали многочисленныя подражанія на русскомъ языкѣ: Н. Ильинъ написалъ драму: „Лиза, или торжество благодарности", „Великодушіе, или рекрутскій наборъ"; Ѳедоровъ— драму: „Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія"; Ивановъ: „Семейство Старичковыхъ, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ" и др.

Карамзинская литературная школа.

Кромѣ „подражателей", не шедшихъ далѣе того, что намѣчено было въ литературной дѣятельности Карамзина, не вносившихъ ничего „своего" въ творчество, было у насъ нѣсколько писателей, которые своею дѣятельностью доказываютъ, что „карамзинская школа" не состояла только изъ однихъ „учениковъ"-сентименталистовъ,—въ ихъ рядахъ можно насчитать немало литературныхъ дѣятелей самыхъ разнообразныхъ поэтическихъ вѣрованій. Дашковъ, П. Макаровъ, Каменевъ, В. Пушкинъ, Бенитцкій, В. Панаевъ, Воейковъ, Озеровъ, Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій, позднѣе А. Пушкинъ,—всѣ были учениками Карамзина, называли себя „карамзинистами" и принимали горячее участіе въ начатой имъ работѣ надъ преобразованіемъ литературнаго языка. На этой почвѣ сошелся съ Карамзинымъ и старшій современникъ его, И. И. Дмитріевъ.

Обзоръ литературной дѣятельности И. Дмитріева.

Первыя произведенія Дмитріева всѣ относятся къ ложноклассическому направленію: сначала писалъ онъ оды патріотическія и религіозныя, посланія, сатиры, но особенно прославился мелкими своими произведеніями, относящимися къ разряду poésies légères. Появленіе Карамзина на литературномъ поприщѣ, по собственному признанію Дмитріева, сильно повліяло на него, и онъ сдѣлался союзникомъ своего младшаго современника. Вліяніе

Заботы Дмитріева о литературномъ языкѣ.

Карамзина сказалось, прежде всего, на заботахъ Дмитріева о своемъ стихотворномъ языкѣ: слѣдуя за Карамзинымъ онъ старался ввести въ поэзію живой разговорный языкъ, старался отдѣлаться отъ того напыщеннаго стиля, который сдѣлался особою принадлежностью русской ложно-классической поэзіи Этимъ

литературное вліяніе на него Карамзина и оканчивалось, такъ какъ, по существу своему, оба эти писателя представляли собою слишкомъ мало сходства: Дмитріевъ, по характеру своему, былъ реалистъ-сатирикъ,—Карамзинъ — идеалистъ. Лишь до нѣкоторой степени Дмитріевъ поддался сентиментализму въ нѣсколькихъ чувствительныхъ „пѣсняхъ", изъ которыхъ „Стонетъ сизый голубочекъ"—была, въ свое время, самой извѣстной. Кромѣ того, онъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ подчинился вліянію Оссіана („Ермакъ"). Вліяніемъ сентиментализма можно объяснить и то, что Дмитріевъ первый сталъ писать у насъ „лироэпическія поэмы"—ближайшіе прототипы тѣхъ произведеній, которыя у Жуковскаго получили впослѣдствіи названіе „балладъ", у Рылѣева—„думъ". Дмитріевъ, какъ сентименталистъ.

Особенно прославился Дмитріевъ своими „сказками" и баснями, но оба эти поэтическіе жанра должны быть отнесены къ группѣ произведеній чисто-реалистическаго направленія (объ нихъ дальше).

Гораздо ближе къ Карамзину, въ литературномъ отношеніи, Жуковскій.

§ 119. *С. Романтическое направленіе. α) Романтики-индивидуалисты.* Примыкая къ сентименталистамъ, въ духѣ Карамзина, Жуковскій, въ такой же степени, принадлежитъ и къ той группѣ „романтиковъ", которые названы выше *„мирными индивидуалистами"*. Такимъ образомъ сначала онъ стоитъ на самомъ переломѣ къ романтизму и лишь во второй періодъ своей дѣятельности рѣшительно склоняется на сторону нѣмецкаго романтизма. В. Романтическое направленіе въ русской литературѣ этой эпохи: α) романтики-индивидуалисты.

В. А. Жуковскій (1783—1852).

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ с. Мишенскомъ, Тульской губерніи. Отецъ его, дворянинъ Бунинъ, былъ владѣлецъ этого села, мать—плѣнная турчанка. Все дѣтство Жуковскаго протекло въ семьѣ отца, въ обществѣ его взрослыхъ дочерей. Мальчика любили и баловали признавали равноправнымъ членомъ семьи, дали ему хорошее образованіе, но еще ребенкомъ чувствовалъ онъ тяжелое, неопредѣленное положеніе родной матери, оставшейся до смерти на положеніи прислуги. Послѣ домашняго образованія и посѣщенія Тульскаго народнаго училища Жуковскій попалъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Здѣсь, подъ руководствомъ идеалиста-педагога и масона Прокоповича-Ан- Біографія Жуковскаго: а) дѣтство. b) Въ Благородномъ пансіонѣ.

топскаго, молодежь воспитывалась въ духѣ масонской любви къ ближнимъ,—ей старательно прививали вкусъ ко всему прекрасному и доброму. Занятія литературой тоже процвѣтали въ средѣ учениковъ. Они даже основали литературное общество: «Собраніе воспитанниковъ университетскаго пансіона» и издавали свой печатный журналъ: «Утренняя Заря». Для Жуковскаго этотъ пансіонъ имѣлъ громадное значеніе—здѣсь воспитался его умъ, сердце—здѣсь развилась въ немъ любовь къ литературѣ.

Литературныя вліянія на него въ пансіонѣ.

Изъ тогдашнихъ писателей русскихъ большое вліяніе на Жуковскаго имѣли Державинъ, Дмитріевъ и Херасковъ, но, особенно, Карамзинъ. Его сентиментальный идеализмъ покорилъ сердце Жуковскаго. Карамзинъ сдѣлался его «учителемъ поэзіи и жизни»,—до конца дней Жуковскій видѣлъ въ немъ «идеалъ прекрасной души», называлъ его своимъ «евангелистомъ». «У меня въ душѣ, говаривалъ онъ, есть особенно хорошее свойство, которое называется Карамзинымъ: тутъ соединено все, что́ есть во мнѣ «добраго и лучшаго»; «воспоминаніе» о Карамзинѣ для него впослѣдствіи сдѣлалось «религіей».

Вліяніе семьи Тургеневыхъ.

Огромное значеніе для будущаго поэта-идеалиста имѣла его близость къ семьѣ И. П. Тургенева, стараго новиковскаго масона; сыновья его получили прекрасное образованіе и выдѣлялись своими сердечными и умственными достоинствами. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ былъ Андрей, сентиментальный «прекраснодушый» юноша-поэтъ, хорошо знавшій нѣмецкую литературу, надѣленный и талантомъ, и критическимъ чутьемъ. Идеальная возвышенная дружба соединила юношескія сердца Жуковскаго и Андрея Тургенева. Оба были настроены одинаково, оба увлекались сентиментальной поэзіей, оба были влюблены и повѣряли свои тайны другъ другу. Жуковскій, повидимому, еще подросткомъ-мальчикомъ заинтересовался Маріей Николаевной Вельяминовой (дочь Нат. Аѳ. Буниной). Впослѣдствіи она вышла замужъ за Свѣчина, и дѣтская любовь Жуковскаго обратилась (1800—1803 г.) въ чистую юношескую amitié amoureuse. Друзья сравнивали чувство Жуковскаго съ любовью Петрарки и Лауры.

Андрей Тургеневъ.

Первая любовь.

c) Служба и жизнь въ деревнѣ.

Въ 1802 году онъ, послѣ окончанія пансіона, поступилъ на службу, но уже въ 1803 году уѣхалъ на родину, въ село Мишенское, гдѣ и отдался литературной работѣ, чтенію, переводамъ и подражаніямъ. Еще въ 1802 году онъ перевелъ элегію Грея: «Сельское кладбище»—произведеніе, сразу обратившее общее вниманіе на юнаго поэта. Жизнь вдали города, въ сельскомъ уединеніи, дала ему возможность заняться самообразованіемъ: особенное вниманіе онъ обратилъ на воспитаніе своего сердца. Разлука съ другомъ, а затѣмъ и потеря его, умершаго въ это время, разочарованіе въ ранней любви,—все это наполнило его душу грустнымъ чувствомъ меланхоліи. Но эта «меланхолія» не убила въ немъ вѣры въ жизнь: богатый запасъ оптимизма заставилъ его любить жизнь и къ ней серьезно готовиться. «Познаніе самого себя», воспитаніе въ сердцѣ «добродѣтели», приготовленіе себя къ тому, чтобы въ жизнь вступить «человѣкомъ»,—вотъ, тѣ задачи, которыя онъ себѣ поставилъ. Идеалы его, намѣченные воспитаніемъ въ пансіонѣ, проясненные вліяніемъ друга Андрея Тургенева и идеалистической литературы, пріобрѣ-

Работа надъ своей душой.

таютъ у него въ это время опредѣленныя черты «убѣжденій». Они не отличаются шириной и глубиной: его мечта—

„Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать".

«Умѣренность» въ желаніяхъ и мечтахъ, довѣренность и покорность Провидѣнію, чистая дружба и любовь,—вотъ, содержаніе этихъ идеаловъ. Первыя утраты положили на его міросозерцаніе легкій колоритъ грусти,—оттого тихая «меланхолія»—любимое его настроеніе; думы о «прошломъ» и надежды на «будущее»—и, въ то же время, мысли о смерти, картины кладбища—излюбленные мотивы и сюжеты его творчества. Характеръ этихъ. идеаловъ.

Изъ с. Мишенскаго Жуковскій переселился въ г. Бѣлевъ, гдѣ жила его замужняя сестра Ек. Аѳ. Протасова съ дѣтьми—Марьей и Александрой Андреевнами. Жуковскій взялся преподавать племянницамъ словесность и исторію; свою преподавательскую роль онъ понялъ широко,—вотъ почему главной его заботой сдѣлалось *«воспитаніе сердца и ума»* дѣвушекъ,—развитіе въ нихъ того свѣтлаго идеализма, которымъ было богато его собственное чистое сердце. Во время этихъ уроковъ поэтъ полюбилъ свою младшую ученицу Машу,—полюбилъ любовью чистой и нѣжной. Ей было еще 12 лѣтъ,—ему 23. d) Семья Протасовыхъ. Жуковскій-воспитатель.

Образъ этой тихой дѣвушки-подростка всталъ на его жизненномъ пути и полжизни сопутствовалъ ему чистымъ, неземнымъ видѣніемъ. Эта новая любовь наполнила его чувствительное сердце вѣрой въ то, что семейное счастье—его удѣлъ. Дорогой дѣвушкѣ онъ желалъ оставаться всегда «младенцемъ», онъ говорилъ ей: «душою»— Любовь къ М. Протасовой.

„Не тѣла красотою—
Любезностью плѣняешь!.."

Но мать Маши отнеслась сурово къ этой романической любви-дружбѣ, связавшей учителя-дядю съ ученицей-племянницею. Немудрено, что скоро и эта новая любовь стала окрашиваться въ глазахъ Жуковскаго колоритомъ грусти. Онъ про себя сказалъ, что— Судьба этой любви.

„Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку,—
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!"

Въ 1808 г. онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ, вмѣстѣ съ проф. Каченовскимъ, редактировалъ основанный Карамзинымъ журналъ: «Вѣстникъ Европы». Здѣсь помѣщена его первая баллада «Людмила» (передѣлка баллады Бюргера: «Ленора»)—произведеніе, имѣвшее у современниковъ огромный успѣхъ. Въ 1811 г. онъ написалъ поэму: «Громобой» (1-ая часть поэмы: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»). Литературная и журнальная дѣятельность Жуковскаго

Въ 1812 г. рѣшился онъ просить руки Маріи Андреевны, но мать ея рѣшительно запретила ему и думать объ этомъ бракѣ, который ей казался дѣломъ грѣшнымъ. Поэтъ, потрясенный суровымъ отказомъ, уѣ- e) Война 1812 г.

халъ въ ополченіе. Во время Бородинскаго сраженія онъ находился недалеко отъ мѣста боя. Высокій подъемъ патріотизма, овладѣвшій всѣми русскими людьми въ ту тяжелую годовщину народнаго бѣдствія, захватилъ и чувствительное, нѣжное сердце Жуковскаго—приподнятыя чувства своего народа онъ выразилъ въ извѣстномъ своемъ произведеніи: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ». Но это стихотвореніе было единственнымъ въ такомъ родѣ,—съ тѣхъ поръ тихая грусть, безъ жалобъ и ропота, сдѣлалась главнымъ настроеніемъ всѣхъ лучшихъ произведеній его. Нѣжной любовью окружилъ онъ дорогую ему семью, съ почтеніемъ относился къ матери, которая разбила его жизнь, съ сердечной привязанностью къ обѣимъ дѣвушкамъ. Александра вышла замужъ за писателя Воейкова въ 1814 г., и Жуковскій продалъ свое имѣніе, чтобы дать ей приданое. Впрочемъ, отъ мечты своей жениться на Машѣ Жуковскій еще не отказывался,—онъ просилъ заступничества у друзей, у архіеревъ, позднѣе мечталъ даже о помощи императрицы. До выхода Маши замужъ (въ 1816 г.) за дерптскаго профессора Мойера, Жуковскій то утѣшался мечтами, то мучился злыми предчувствіями,—то надеждой, то отчаяньемъ. Только вѣра въ Бога удерживала его отъ пессимизма.

Отношеніе къ Протасовымъ.

Оптимизмъ и идеализмъ Жуковскаго, какъ основы его идеаловъ.

«Довѣренность къ Промыслу» дѣлала для него «нестрашнымъ будущее». Съ чувствомъ злобы онъ боролся энергично: «прочь, низкое, прочь, злоба!»—восклицалъ онъ въ своемъ дневникѣ. «Ты (Маша) и Провидѣніе—въ васъ мое вѣрное счастье»—читаемъ далѣе. Примиряясь съ мыслью, что онъ потеряетъ Машу, онъ воскликнулъ: «она мнѣ—благодѣтельница на цѣлую жизнь!» «мнѣ много хорошаго въ жизни есть и безъ счастья!»

Жуковскій хорошо воспиталъ любимую дѣвушку,—она съ такимъ же смиреніемъ отнеслась къ той долѣ, которая ей послана была судьбой, и не перечила матери, когда та заявила о своемъ желаніи выдать ее за Мойера. Оба, и Жуковскій и Маша, рѣшились покориться, «вырвать изъ своего счастья все собственное, основанное на одномъ эгоизмѣ». Нелегко далась Жуковскому эта побѣда надъ собой: «та минута, разсказывалъ онъ потомъ, въ которую, для этой цѣли, я рѣшился пожертвовать собой, была восхитительна, но это чувство восхищенія часто пропадаетъ, и я прихожу въ уныніе». «Для сердца прошедшее вѣчно!»—неразъ и въ стихахъ, и въ письмахъ говоритъ теперь Жуковскій. Неразъ говоритъ онъ и о будущемъ счастьѣ,—не здѣсь, а «тамъ», за гробомъ... Примирившись съ настоящимъ Жуковскій не знаетъ злобы: «гдѣ бы я ни былъ, у меня будетъ хорошее настоящее»—говоритъ онъ. *Хорошее* не значитъ *счастливое*,—значитъ болѣе—доброе. «На свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастья». «Человѣкъ не долженъ быть несчастливъ, если только онъ можетъ быть добрымъ»,—вотъ, прекрасныя слова Жуковскаго, въ которыхъ отразилась его возвышенная душа.

„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ:
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному—текущее мгновенье;
Грядущее—безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то ясно будетъ тамъ;
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ".

Въ такихъ размышленіяхъ находитъ онъ утѣшеніе. «Судьба прогремѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное»—говоритъ онъ. Все поэтическое творчество его за этотъ періодъ времени представляетъ собою ясное и вѣрное зеркало его сердечныхъ настроеній. «Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью, товарищъ несравненный»—говоритъ онъ. Даже въ выборѣ сочиненій для переводовъ и въ передѣлкахъ чужихъ произведеній отразилась внутренняя жизнь его.

f) Близость Жуковскаго ко двору.

Въ 1817 году Жуковскій былъ приглашенъ преподавать русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Это сблизило его съ дворомъ.

Въ 1818 г. онъ привѣтствовалъ стихами рожденіе вел. кн. Александра Николаевича; въ этихъ стихахъ есть пророческія слова, характеризующія будущаго освободителя крестьянъ.

Литературные друзья его.

Жилъ все это время Жуковскій—или при дворѣ, или гостилъ въ Дерптѣ, или въ Петербургѣ, гдѣ онъ особенно сошелся съ молодыми писателями того времени: кн. Вяземскимъ, Дашковымъ, Блудовымъ, Батюшковымъ и нѣкоторыми другими; съ ними вмѣстѣ основалъ онъ въ 1815 г. дружеское литературное общество «Арзамасъ». Жуковскій былъ душою веселыхъ засѣданій этого общества, на которыхъ, шутя и рѣзвясь, расцвѣтала молодая русская поэзія.

„Арзамасъ“.

Собственно, «Арзамасъ» возникъ для защиты Карамзина отъ нападеній литературныхъ «старовѣровъ», сгруппировавшихся въ обществѣ: «Бесѣда любителей россійскаго слова». Какъ ни пуста была дѣятельность «Арзамаса»,—за нимъ навсегда останется большое историческое значеніе: онъ помогъ сгруппироваться литературной молодежи, помогъ ей сознать свое единство и уяснить принципы того «новаго» искусства, которое принесли они на смѣну отживающему «старому».

Смерть Маріи Андреевны Мойеръ.

§ 120. Въ 1823 году скончалась Марья Андреевна. Поэтъ покорно принялъ вѣсть объ ея смерти—теперь для него «началась жизнь воспоминаній»—съ этого времени мысль о ней сдѣлалась для него «религіей». Къ ея могилѣ неразъ совершаетъ онъ паломничества. Прежде «поэзіей жизни была она»,—говоритъ Жуковскій,—теперь, послѣ смерти, Маша сдѣлалась его «святыней».

Въ 1829 году скончалась сестра Маши—Александра Воейкова, прекрасное существо, на которое Жуковскій перенесъ безраздѣльно свою любовь. Ее высоко цѣнили за умъ и красоту многіе литераторы того времени (А. Тургеневъ, Н. Козловъ и др.) и посвящали ей свои стихи. На ея могилѣ, какъ и на гробницѣ Маши и Жуковскаго, вырѣзаны слова: «Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте!».

Жуковскій—воспитатель цесаревича.

Въ 1825 году Жуковскій былъ назначенъ наставникомъ-руководителемъ цесаревича Александра II. Поэтъ взялся за это дѣло съ яснымъ сознаніемъ его святости и трудности. Педагогъ въ душѣ, умѣвшій воспитать себя и многихъ близкихъ, поэтъ, тѣмъ не менѣе, серьезно готовился къ воспитанію будущаго царя. Онъ составилъ строго-обдуманный планъ образованія и воспитанія цесаревича—главное вниманіе и здѣсь обращено было на воспитаніе «сердца», на развитіе гуманныхъ чувствъ.

g) Женитьба Жуковскаго.

Въ 1841 г. Жуковскій женился за границей на Елизаветѣ Рейтернъ,— дочери своего друга. Она была почти на 40 лѣтъ моложе его. Это была мечтательная, чистая дѣвушка-идеалистка, настроенная па религіозный ладъ. Въ сердцѣ Жуковскаго она была «возрожденіемъ» яснаго образа Маши. Оба были счастливы тихой и свѣтлой любовью, которая омрачалась только болѣзнями ея и дѣтей. Всѣ сороковые годы прожилъ Жуковскій заграницей почти безвыѣздно.

Отношеніе Жуковскаго къ современной жизни. Его политическое міровоззрѣніе.

Волненія политическія, пронесшіяся тогда по Европѣ, мало коснулись его безоблачнаго міросозерцанія,—всю жизнь проживя почти исключительно въ кругу интересовъ своего сердца, онъ вообще чуждъ былъ общественности. Съ молодости его идеаломъ было индивидуальное развитіе; общественное представлялось ему результатомъ личнаго; это было шиллеровское воззрѣніе на облагороженіе характера, какъ на средство достигнуть политической и гражданской свободы... Историческій прогрессъ опредѣляется «временемъ» и «Промысломъ»; его желательный характеръ—«умѣренность»; сдерживающимъ началомъ прогресса—должно быть историческое преданіе. «Время»—единственный, «вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго», оно «послушно одному Богу». Исторія говоритъ властителямъ: «будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ впереди, но ровнымъ шагомъ; отстанете—оно васъ покинетъ, повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу—оно васъ раздавитъ». Вотъ почему онъ былъ противъ революцій и насильственныхъ переворотовъ: «кто дерзаетъ на настоящее вѣрное зло для будущаго невѣрнаго блага, — говоритъ онъ,—тотъ злодѣй»; нельзя «разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага. Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ, но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ нимало не соотвѣтствуетъ тому, что̀ мы хотѣли вначалѣ... Что̀ вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ... Человѣкъ во всякую настоящую минуту можетъ быть справедливымъ,—въ этомъ его человѣческая свобода». «Живи и давай жить другимъ и паче всего блюди Божію правду!»—вотъ, какъ понималъ Жуковскій «свободу»,—она не въ «безумномъ равенствѣ правъ», а въ свободѣ человѣка воспитать себя такъ, чтобы сумѣть *лично* стать выше лжи и насилія, выше случайностей жизни. «Для человѣка довольно собственной дѣятельности безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему»,— говоритъ онъ. Имѣя въ виду собственно Россію и ея исторію, Жуковскій сталъ на ту точку зрѣнія, которая впослѣдствіи высказывалась славянофилами: «ходъ Россіи—не ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія, вопреки тому насилію, которое сдѣлала намъ могучая рука Петра, бросившая насъ на дорогу, намъ чуждую».

Религіозность Жуковскаго и новое пониманіе имъ поэзіи.

Во второй періодъ жизни Жуковскій сдѣлался человѣкомъ особенно-религіознымъ, даже — піетистомъ и мистикомъ. Настроенія жениной семьи, настроенія Гоголя и нѣкоторыхъ другихъ друзей поэта создали вокругъ него эту своеобразную атмосферу. Это настроеніе отразилось и

на новомъ пониманіи Жуковскимъ поэзіи. «Что такое красота?»—задаетъ онъ себѣ вопросъ и отвѣчаетъ: «ощущеніе и слышаніе душою Бога въ созданіи»: Богъ все создалъ изъ Себя, а человѣкъ «творитъ заимствованными изъ созданія средствами, повторяя то, что̀ Богъ создалъ Своею всемогущею волею». «Сіе пересозданіе своими средствами созданія Божія есть художество» [1]. «Что же такое художникъ? Творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это твореніе, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное». Поэзія не преслѣдуетъ цѣлей назидательныхъ и просвѣтительныхъ,—она на сердце производитъ «тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные, или разрушительные, смотря по свойству самого художника». Для поэта сила творчества есть «призваніе отъ Бога, есть, такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ Нимъ въ товарищество созданія». Оттого «поэзія—небесной религіи сестра», «поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», «поэзія —земная сестра небесной молитвы»—вотъ, какъ опредѣляетъ поэзію теперь Жуковскій. Понятно, что поэзія Байрона, особенно Гейне, увлеченіе европейской мысли матеріализмомъ,—все это было противно Жуковскому. Онъ отдыхалъ душой, уйдя отъ сутолоки тогдашней политической жизни въ безоблачный міръ древнихъ героевъ-полубоговъ,—переводы эпическихъ поэмъ разныхъ народовъ его особенно занимали: на переводъ Гомера онъ смотрѣлъ, какъ на какое-то священнодѣйствіе. «Мнѣ хотѣлось заглянуть въ перво-міръ-поэзію, говоритъ онъ,—въ этотъ потерянный эдемъ, въ которомъ во время оно дышалось такъ легко и цѣлебно. Гомеръ отворилъ мнѣ заповѣдную дверь въ этотъ міръ, и я пожилъ счастливо съ его свѣтлыми созданіями, которыхъ вѣяніе было такъ благовонно посреди визговъ и мефитическаго зловонія бунтующей толпы, парламентскихъ болтуновъ и ложновдохновенныхъ поэтовъ настоящаго времени».

Жуковскій пережилъ 50-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Онъ умеръ въ 1852 г. заграницей, умеръ счастливый и тихій, безъ жалобъ на земную жизнь, безъ страха передъ смертью. «Смерть—великое благо»,—говорилъ онъ неразъ.

Литературная дѣятельность Жуковскаго и главныя ея черты.

§ 121. *Литературная дѣятельность Жуковскаго* отличается двумя характерными особенностями: 1) она тѣсно связана съ его жизнью не только въ первый періодъ, когда въ творчествѣ Жуковскаго преобладалъ лиризмъ, когда „жизнь и поэзія“ были для него „одно“, но и во второй періодъ (съ 1817 г.), когда онъ постепенно сталъ переходить отъ творчества лирическаго къ творчеству эпическому — (къ переводамъ большихъ поэмъ), т. е., по существу своему, объективному, не отражающему личной жизни поэта. Въ самомъ выборѣ этихъ произведеній, въ ихъ настрое-

[1]) Ср. съ этими словами и послѣдующими взгляды Платона на „поэта“ (выше стр. 29—30); ср. также взгляды Шеллинга (Исторія русской слов. ч. Ш, вып. I, стр. 68).

ніи, даже отчасти въ ихъ содержаніи біографы Жуковскаго находятъ тѣсную связь съ его жизнью. 2) Произведенія Жуковскаго, отъ юношескихъ до старческихъ, проникнуты однимъ и тѣмъ же идеалистическимъ настроеніемъ. Въ теченіе всей его жизни это міросозерцаніе осталось неизмѣннымъ,—немудрено, что поэзія его страдаетъ однообразіемъ настроеній и даже содержанія.

Первый періодъ творчества Жуковскаго. Любимые мотивы его юношескаго творчества.

Уже въ раннихъ своихъ произведеніяхъ элегическіе мотивы главенствуютъ въ его поэзіи: любилъ онъ воспѣвать „кладбище“, какъ мѣсто вѣчнаго покоя (первое печатное произведеніе въ 1802 г. „Сельское кладбище“, переводъ изъ Грея), любилъ говорить о смерти, какъ о благѣ („Майское Утро“, „Человѣкъ“)—

„Жизнь, мой другъ,—бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ“.

Неразъ въ своихъ раннихъ стихотвореніяхъ воспѣвалъ онъ „добродѣтель“ (два стихотворенія этого названія, также „Посланіе къ Тибуллу“). Любимое настроеніе поэта, вдохновлявшее его юную музу, была „сладкая меланхолія“ (напр. „Вечеръ“).

Гордые идеалы героизма, тщеславія ему совершенно чужды,—скромная идиллія тихой жизни „поселянина“ гораздо ближе и понятнѣе его сердцу.

Первыя элегіи.

Въ произведеніяхъ перваго періода выразилъ Жуковскій и чувства своей первой, неудавшейся любви,—ей поэтъ посвятилъ нѣсколько „элегій“, — въ нихъ любимымъ образомъ является безвременно-погибшій юный поэтъ; оттого его „настроенія“ очень напоминаютъ предсмертныя чувства и мечты пушкинскаго Ленскаго („Вечеръ“, „Къ Нинѣ“); въ этихъ „элегіяхъ“ главнымъ мотивомъ была „разлука съ любимымъ существомъ“ и вѣра въ неизмѣнную любовь за гробомъ, въ свиданіе послѣ смерти („Пѣвецъ“, „Надпись къ солнечнымъ часамъ“).

Отраженіе любви къ М. Протасовой въ творчествѣ Жуковскаго.

Мы видѣли, что любовь къ Машѣ Протасовой на время ободрила музу Жуковскаго: тихая, свѣтлая радость наполнила его сердце и отразилась въ такихъ жизнерадостныхъ произведеніяхъ, какъ— „Мой другъ, хранитель, ангелъ мой“, „Свѣтлана“.. Подъ вліяніемъ этой любви воспѣваніе „семейнаго счастья“ прибавляется къ прежнимъ излюбленнымъ мотивамъ его творчества. Но уже съ 1813 г. опять звучатъ въ его поэзіи прежнія элегическія ноты („Теонъ и Эсхинъ“, „Уединеніе“, „Добрый совѣтъ“, „Воспоминаніе“, „Весеннее чувство“). Счастье въ прошломъ и въ

будущемъ, но не въ настоящемъ — такова основная идея всѣхъ этихъ произведеній. Мягкій оптимизмъ и покорность волѣ Бога— ихъ главныя черты.

Поэтическіе идеалы Жуковскаго сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Карамзина: въ его произведеніяхъ встрѣчаемъ мы многіе изъ тѣхъ мотивовъ и настроеній, которыя сдѣлались характерными для поэзіи Жуковскаго. Отчасти повліялъ на него и учитель Карамзина—Херасковъ. Русскія вліянія на творчество Жуковскаго.

§ 122. Наиболѣе характерными произведеніями этого перваго періода надо признать: „Сельское кладбище“ (1802), баллады „Людмила“ (1808), „Свѣтлана“ (1808—1812),—поэму: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ (1-я часть,—„Громобой“ въ 1810 г., 2-ая часть — „Вадимъ“ въ 1817 г.), „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ (1812), „Теонъ и Эсхинъ“ (1814). Наиболѣе характерныя произведенія его въ этотъ періодъ.

Элегія «Сельское кладбище» начинается съ описанія наступающаго вечера; затѣмъ изображается видъ тихаго деревенскаго кладбища. Поэтъ предается меланхолическимъ размышленіямъ, глядя на могилы мирныхъ поселянъ. Съ ихъ существованіемъ сравниваетъ онъ пышную жизнь знатныхъ и богатыхъ людей, презирающихъ бѣдность, украшающихъ, изъ тщеславія и суетности, могилы близкихъ богатыми памятниками... Съ особымъ сочувствіемъ задумывается онъ надъ могилой безвременно-погибшаго пѣвца-юноши. „Сельское кладбище“.

Баллада «Людмила» представляетъ собой передѣлку «Леноры» Бюргера. Передѣлка выразилась въ томъ, что поэтъ смягчилъ нѣкоторые грубые штрихи оригинала. Бюргеровская Ленора ропщетъ на Бога за то, что ея женихъ не вернулся съ похода. Провидѣніе наказываетъ ее: ночью пріѣзжаетъ къ ней женихъ и увозитъ ее изъ дому. Но этотъ женихъ— мертвецъ. Онъ привозитъ ее на кладбище, гдѣ она и умираетъ отъ ужаса. „Людмила“.

По дорогѣ Ленора видитъ разные ужасы,—напримѣръ, висѣлицу съ трупомъ повѣшеннаго, около котораго завываютъ духи. Эту мрачную картину Жуковскій замѣнилъ картинкой совсѣмъ другого характера— свѣтлымъ хороводомъ вьются «тихія тѣни» въ лучахъ мѣсяца:

„Вотъ поютъ воздушны лики:	Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто въ листьяхъ повилики	Будто плещетъ ручеекъ!“

«Людмила» произвела на русскихъ читателей огромное впечатлѣніе; успѣхъ этого произведенія былъ приблизительно таковъ, какъ, въ свое время, «Бѣдной Лизы».

«Свѣтлана»—«оригинальная» баллада Жуковскаго, тоже является подражаніемъ «Ленорѣ». Сюжетъ, приблизительно, тотъ же: Свѣтлана, опечаленная долгой разлукой съ женихомъ, гадаетъ, скоро ли онъ вернется; къ ней является ея женихъ, увозитъ ее съ собой. Они несутся на борзыхъ коняхъ; проѣзжая мимо церкви, Свѣтлана видитъ, что тамъ происходитъ отпѣваніе. Женихъ привозитъ ее въ уединенную хижину. „Свѣтлана“.

Она входитъ туда и видитъ гробъ, изъ котораго подымается ея женихъ, но «бѣлый голубокъ» защищаетъ Свѣтлану отъ мертвеца. Всѣ эти ужасы разрѣшаются пробужденіемъ Свѣтланы: оказывается, она заснула во время гаданія и всѣ эти ужасы видѣла лишь во снѣ. Женихъ ея живъ и является къ ней, счастливый и любящій. Баллада эта любопытна той русской народной обстановкой, въ которой развернулось ея фантастическое содержаніе. Сцена простонароднаго гаданія на святкахъ, пѣніе подблюдныхъ пѣсенъ, удачно переложенное въ стихи, самый стихъ, ясный и бойкій, проникнутый какою-то жизнерадостностью,—все это несомнѣнныя достоинства этого произведенія.

„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ". а) Громобой.

Поэма «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» распадается на двѣ части: одна—«Громобой» напечатана въ 1810 г., другая—«Вадимъ»—въ 1817 г. Содержаніе поэмы слѣдующее: Громобой, не видя выхода изъ своей бѣдности, хочетъ броситься въ рѣку, но является къ нему дьяволъ и уговариваетъ продать душу, за что обѣщаетъ ему богатство и радости на землѣ. Громобой соглашается. При помощи дьявола онъ получаетъ все, что̀ хочетъ, но дѣлается насильникомъ и злодѣемъ. Отъ двѣнадцати похищенныхъ имъ дѣвушекъ рождается у него двѣнадцать дочерей. Когда приходитъ срокъ расплаты съ дьяволомъ, Громобой, желая отсрочить ужасный часъ, хотя бы на 12 лѣтъ, продаетъ дьяволу души своихъ дочерей. Эти двѣнадцать лѣтъ онъ провелъ благочестиво, сокрушаясь о своихъ преступленіяхъ. Между прочимъ, онъ построилъ монастырь во имя одного угодника. Когда пришелъ второй срокъ расплаты и явился дьяволъ, то чистыя дѣвушки, дочери Громобоя, и угодникъ, его патронъ, молитвами умолили Господа, и душа Громобоя не была отдана во власть дьявола. Но Богъ рѣшилъ, что Громобой всетаки умретъ и будетъ мучиться въ могилѣ, а дочери его заснутъ чудеснымъ сномъ вплоть до того дня, когда ихъ замокъ посѣтитъ прекрасный юноша, съ чистой душой, который въ поискахъ невѣдомо-прекраснаго, руководимый одной мечтой и предчувствіемъ, отважится на долгій путь, преодолѣетъ всѣ препятствія.—Тогда успокоится душа грѣшника, и проснутся его дочери. Этотъ спаситель будетъ такой юноша, который—

„...Властенъ побѣждать
Всѣ ковы обольщенья,
Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ;
Кто могъ бы, чистъ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
Непобѣдимъ земною,
Все предстоящее презрѣть,
И съ вѣрою смиренной,
Надежды полонъ, въ даль летѣть
Къ наградѣ сокровенной!"

б) „Вадимъ".

Вадимъ, герой второй части поэмы, и есть такой чистый юноша-мечтатель, романтикъ-идеалистъ, который въ душѣ своей чувствуетъ непонятное для него волненіе, стремленіе къ возвышенному... Однажды ему во снѣ явился старецъ и показалъ дѣвушку, лицо которой было закрыто, на главѣ ея былъ вѣнокъ. Старецъ указалъ цѣль его неяснымъ стремленіямъ:

„Вадимъ, желанное вдали!
Вѣрь небу; жди смиренно:
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно!"—

Вадимъ отправляется искать дѣвушку, которую видѣлъ во снѣ. Таинственный звонъ серебрянаго колокольчика, звучащаго въ небесахъ, пока-

зываетъ ему путь. Этотъ же звонъ помогаетъ ему преодолѣть искушенія,—такъ, въ лѣсу онъ освободилъ изъ рукъ великана красавицу-княжну изъ Кіева, но, очарованный ея красотой, устоялъ отъ увлеченія. Послѣ долгихъ странствій онъ добирается до замка Громобоя. Его появленіе успокаиваетъ тоскующую тѣнь преступника Громобоя и пробуждаетъ очарованныхъ дѣвушекъ. Вадимъ женится на одной изъ сестеръ, остальныя идутъ въ монастырь.

§ 123. «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» принадлежитъ къ немногочисленной группѣ патріотическихъ стихотвореній Жуковскаго. Написанное подъ вліяніемъ повышеннаго настроенія, овладѣвшаго всѣми русскими людьми въ 1812 году, это произведеніе сыграло въ жизни поэта большую роль: оно сблизило его съ царскимъ семействомъ. Содержаніе этой поэмы заключается въ длинной цѣпи тостовъ, произнесенныхъ пѣвцомъ въ станѣ воиновъ за разныхъ русскихъ героевъ, древнихъ и современныхъ. Онъ воспѣваетъ Святослава, Дмитрія Донского, Петра В., Суворова,—пьетъ за процвѣтаніе родины и близкихъ, за царя, за Кутузова, Ермолова и за другихъ героевъ Отечественной войны. Онъ поминаетъ павшихъ, призываетъ къ мщенью за родину, упрекаетъ Наполеона... Посвящаетъ онъ кубокъ и «любви». Любовь, для него, «одно со славой»,—«кто сердцемъ сердцу обрученъ», тотъ не знаетъ страха, того образъ милой будетъ всегда воодушевлять къ борьбѣ за родину; мысль о свиданіи окрылитъ бойца къ бою; если же ему суждено умереть, то будетъ для него утѣшеніемъ мысль,—что «есть жизнь и за могилой». Затѣмъ, онъ пьетъ за музъ, за русскихъ пѣвцовъ, Баяна, Петрова, Державина. Затѣмъ, онъ призываетъ всѣхъ «терпѣть и вѣрить»— „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“.

„А мы?.. Довѣренность къ Творцу!
Чтѐ бъ ни было—Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.

Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый по дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба!“

Поэма «Теонъ и Эсхинъ» является произведеніемъ, особенно важнымъ для опредѣленія міросозерцанія Жуковскаго. Содержаніе его слѣдующее: Теонъ былъ юношей, который не довольствовался своимъ тихимъ, скромнымъ удѣломъ,—онъ рѣшился найти большое счастье. Для этого онъ оставилъ родину и отправился странствовать; «онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ,—но счастье, какъ тѣнь, убѣгало». Измученный, растерявъ надежды, возвращается онъ на родину и идетъ къ другу своему Эсхину. Этотъ юноша былъ «въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ»; онъ остался дома и пользовался тихимъ семейнымъ счастьемъ. Теонъ увидалъ друга печальнымъ, но эта печаль не была тяжелымъ разочарованіемъ,—его взглядъ былъ «печаленъ, но ясенъ». Теонъ разспрашиваетъ друга, почему онъ грустить. Эсхинъ указалъ на гробъ, въ которомъ было положено тѣло его любимой жены, и разсказалъ Теону, какъ онъ былъ съ нею счастливъ; потерявъ ее, онъ все-таки вѣритъ, что «боги для счастья послали намъ жизнь,—но съ нею печаль неразлучна». Онъ не ропщетъ на «Зевесовъ законъ», онъ не сдѣлался пессимистомъ,—«и жизнь, и вселенна» остались, въ его глазахъ, «прекрасными»... Счастье, по его мнѣнію, не въ томъ, «чтѐ можетъ разрушить въ минуту судьба»,— „Теонъ и Эсхинъ“.

«сердца нетлѣнныя блага: любовь и сладость возвышенныхъ мыслей». И вотъ, его душа навсегда «освятилась» вѣчной любовью, а потому навѣки ему «жизнь въ красотѣ предстала». Со смертью жены эта любовь не изсякла, такъ какъ «для сердца прошедшее вѣчно». Онъ вѣритъ, что «скорбь о погибшемъ» есть залогъ того, что «гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ погибшее намъ возвратится». Этой вѣрой озарена его одинокая жизнь, и онъ теперь одинъ стремится «къ той возвышенной цѣли», къ которой стремился когда-то вдвоемъ съ подругой. Онъ говоритъ:

„При мысли великой, что *я—человѣкъ,—*
Всегда возвышаюсь душою“.

Гробъ жены для него—«затворенная къ счастію дверь». Разочарованіе Теона Эсхинъ объясняетъ тѣмъ, что онъ искалъ «измѣняющихъ благъ», «искалъ наслажденій минутныхъ» и потому утратилъ «вѣрныя блага»,— научился «презирать жизнь». Заканчиваетъ свою рѣчь Эсхинъ словами:

„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни—къ великому средство;
И горесть, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу-Зевесу!“

Нетрудно въ рѣчахъ Эсхина усмотрѣть отраженіе яснаго міровоззрѣнія самого Жуковскаго. Въ 1814 году онъ уже почти потерялъ надежду на счастье съ Машей Протасовой,—она для него умерла, но отъ этого не умеръ его свѣтлый идеализмъ.

Прозаическія произведенія Жуковскаго.

Изъ его прозаическихъ произведеній этого перваго періода особаго вниманія заслуживаетъ разсужденіе: „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?“,—выражающее тѣ же идеалы, что „Теонъ и Эсхинъ“,—три повѣсти: „Вадимъ“, „Марьина роща“, „Три пояса“, представляющія собою сентиментальныя повѣсти изъ древней псевдо-русской исторіи, по содержанію и настроенію подходящія къ произведеніямъ Карамзина („Бѣдная Лиза“, „Наталья, боярская дочь“, „Марѳа Посадница“).

Повѣсти.

Публицистическія статьи Жуковскаго.

Кромѣ этихъ произведеній, отразившихъ полно и ясно идеалы Жуковскаго, имъ написано нѣсколько историко-литературныхъ и отчасти публицистическихъ произведеній. Изъ нихъ наиболѣе интересны слѣдующія: 1) „Письмо изъ уѣзда къ издателю „Вѣстника Европы“, въ которомъ выяснены взгляды Жуковскаго на задачи журналиста, какъ носителя просвѣщенія въ обществѣ; 2) „Писатель въ обществѣ“,—разсужденіе о томъ, какъ писатель, провозвѣстникъ идеаловъ, долженъ ихъ самъ осуществлять въ жизни (ср. разсужденіе Карамзина: „Чтò нужно автору?“); 3) „О критикѣ“—статья, въ которой Жуковскій доказываетъ необходимость критики для развитія литературы. Къ критическимъ опытамъ

его относятся слѣдующія статьи: „О баснѣ и басняхъ Крылова", „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира", „О театрѣ".

§ 125. Второй періодъ творчества Жуковскаго начинается съ 1817 г., когда въ сердцѣ его изсякъ источникъ лиризма. Сближеніе съ дерптской интеллигенціей познакомило его съ тогдашними нѣмецкими писателями-романтиками. Раньше переводилъ Жуковскій безразлично изъ Грея, Гольдсмита, Саути, Клопштока, Матиссона, Лафонтена, Парни, Флоріана,—теперь онъ по преимуществу знакомитъ русскую публику съ Гебелемъ и Уландомъ, особенно много переводитъ изъ Гёте, Шиллера, переводитъ изъ Байрона, Вальтеръ-Скотта, Фуке, Шписа. Самъ онъ интересуется вожаками и теоретиками нѣмецкаго романтизма—Тикомъ, Шлегелемъ и Новалисомъ. По существу своихъ идеаловъ, онъ близокъ еще къ сентименталистамъ въ духѣ Карамзина. Къ романтикамъ же онъ подходитъ, какъ писатель,—заимствуя у нихъ много сюжетовъ, мотивовъ и поэтическихъ настроеній, еще невѣдомыхъ поэзіи сентиментальной,—такъ, изъ поэзіи романтизма почерпнулъ онъ интересъ къ средневѣковымъ преданіямъ и народной поэзіи, наклонность къ фантастикѣ и мистицизмъ.

Второй періодъ творчества Жуковскаго. Бо́льшая опредѣленность литературныхъ вкусовъ Жуковскаго въ этотъ періодъ.

Такимъ образомъ, Жуковскаго можно считать принадлежащимъ къ *группѣ* писателей-романтиковъ *„мирныхъ индивидуалистовъ"*, которые, какъ мы видѣли выше, отличались отъ сентименталистовъ только бо́льшимъ разнообразіемъ творчества, большей глубиной настроеній, крайнимъ индивидуализмомъ... Если романтики *протестующіе* стояли, прежде всего, за *свободу* творчества и *свободу* жизни, то романтики-*индивидуалисты* исключительно занялись сердцемъ человѣческимъ,—*чувствомъ*, которое еще недавно, у псевдоклассиковъ, было подчинено „правиламъ", выработаннымъ по указаніямъ „разсудка".

Особенность романтизма Жуковскаго.

Изъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго этого второго періода его творчества особенно цѣнны слѣдующія: „На кончину Ея Величества Королевы Виртембергской" (1819), „Море" (1822), „19 марта 1823 г.".

Всѣ эти три элегіи имѣютъ автобіографическое значеніе и отражаютъ полно его ясное міросозерцаніе.

Въ первомъ произведеніи «На кончину королевы Виртембергской» выражено недовольство поэта земной жизнью и вѣра въ счастье за гробомъ—

„Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ—
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ"...

„На кончину Ея Величества Королевы Виртембергской".

Въ земныя радости поэтъ не вѣритъ—

„Здѣсь радости—не наше обладанье!
Пролетные плѣнители земли
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали".

Но, съ присущей ему способностью смиряться и не роптать, онъ смотритъ на земную жизнь, какъ на подготовленіе къ жизни будущей. Поэтому, въ его глазахъ—

„Несчастье намъ—учитель, а не врагъ!"

„Море". Въ элегіи «Море» изображено безконечное лазурное море, отражающее ясныя небеса. Море волнуется только тогда, когда черныя тучи закрываютъ отъ него солнце. Тогда оно воетъ, бьется, чтобы разорвать «враждебную мглу». Такимъ образомъ, то бурное море, которое для другихъ поэтовъ (напр. для Байрона и Пушкина) было символомъ «гордой свободы»—для Жуковскаго было символомъ «тоски», печали о томъ, что утеряна счастливая возможность любоваться *яснымъ солнцемъ*.

Въ морѣ онъ видитъ что-то «духовное», живое, тоскующее—

„Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо, ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты!.."

„Невыразимое". Въ другомъ стихотвореніи «Невыразимое» онъ, преклоняясь передъ природой, тоже говоритъ объ этой духовной жизни природы, невыразимой на языкѣ человѣка:

„Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой!"

„19 марта 1823". Элегія, носящая названіе «19 марта 1823 г.», изображаетъ тѣ чувства, которыя наполняли сердце поэта, когда онъ посѣтилъ могилу дорогой ему Маши Протасовой-Мойеръ. Это стихотвореніе—одно изъ лучшихъ въ русской литературѣ:

„Ты предо мною
Стояла тихо;
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ,
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ.
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ!
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай, спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли,
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!"

Это чудное произведеніе проникнуто какимъ-то неземнымъ идеализмомъ,—чувство, въ немъ выраженное, прозрачно и чисто. Чѣмъ-то святымъ вѣетъ отъ того настроенія, которое воодушевляло душу поэта, написавшаго такіе стихи.

„Царскосельскій лебедь". Одно изъ послѣднихъ лирическихъ произведеній, сочиненныхъ Жуковскимъ, была элегія: «Царскосельскій лебедь» (1849),—въ ней тоже нетрудно усмотрѣть автобіографическія черты. Послѣдніе годы своей жизни

Жуковскій слишкомъ далекъ былъ отъ молодой русской поэзіи—онъ давно пережилъ свое время и свою популярность. Это чувство одиночества, отдаленности отъ молодого поколѣнія выражено въ названномъ произведеніи,—старикъ-поэтъ увидалъ стараго умирающаго лебедя, который держался въ сторонѣ отъ бодрой стаи молодыхъ лебедей—

„Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ,
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко...“

Грустными очами смотритъ онъ на молодежь: въ ея средѣ онъ—«гость неприглашенный»,—онъ, «брошенный обломокъ» прежняго, «пугаетъ» собою молодежь, или на нее «наводитъ скуку». Но онъ не сѣтуетъ на беззаботную молодежь,—на нее старый лебедь, угасающій поэтъ, смотритъ съ ласковой грустью, а самъ весь живетъ въ своемъ ясномъ прошломъ.

Взглядъ Жуковскаго на поэзію во второй періодъ.

Въ этотъ второй періодъ жизни видоизмѣнился взглядъ Жуковскаго на поэзію: раньше для него „поэзія и жизнь“ сливались въ „одно“,—теперь поэзія стала сближаться съ „религіей“. Это видно, хотя бы, изъ слѣдующаго стихотворенія:

„Геній чистой красоты,
Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ.
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ,
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной;
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду“.

„Камоэнсъ“.

Особенно ясно высказался такой взглядъ на поэзію въ прекрасной поэмѣ Жуковскаго: „Камоэнсъ“. Устами поэта Васко говоритъ самъ авторъ:

„. . . Не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту,—зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей,—великихъ думъ
Воспламенителемъ,—глаголомъ правды,—
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,-
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!“

На землѣ безъ поэтовъ—

„Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество

Порока, силу зла и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата, иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?..
О, Камоэнсъ! Поэзія—небесной
Религіи сестра земная,—свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути! Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми!
При блескѣ ихъ, что̀ бъ труженикъ земной
Ни испыталъ,—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ!"

Кончается поэма отвѣтомъ Камоэнса: онъ заключаетъ свою рѣчь словами: «Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли!»

Переводы Жуковскаго; ихъ значеніе.

§ 126. *Переводныя* произведенія Жуковскаго не менѣе важны, чѣмъ его оригинальныя. Во-первыхъ, потому, что многіяизъ нихъ имѣютъ чисто автобіографическое значеніе: Жуковскій выбиралъ для переводовъ только такія произведенія, которыя отвѣчали его настроеніямъ, соотвѣтствовали его міросозерцанію... Во-вторыхъ, потому, что Жуковскій нерѣдко, подъ видомъ перевода, *передѣлывалъ* чужія произведенія въ томъ духѣ, который для него былъ особенно симпатиченъ. Какъ смотрѣлъ самъ Жуковскій на отношенія переводчика къ переводимому, лучше всего видно изъ его словъ: „переводчикъ стихотворца есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, самъ творецъ оригинальный". Ниже онъ объясняетъ эти слова: „подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ; переводчикъ *въ стихахъ*—соперникъ", такъ какъ долженъ возсоздать чужое творчество въ новой и поэтической формѣ.

Переводы изъ Шиллера.

Въ первомъ періодѣ литературной дѣятельности Жуковскаго особенно цѣнны переводы его изъ сочиненій Шиллера: Жуковскій перевелъ его „греческія" и „средневѣковыя" баллады. Къ первымъ принадлежатъ: „Кассандра", „Торжество побѣдителей", „Поликратовъ перстень", „Ивиковы журавли". Ко вторымъ: „Кубокъ", „Перчатка", „Сраженіе со змѣемъ", „Графъ Габсбургскій", „Рыцарь Тогенбургъ".

Отношенія Шиллера.

Почему романтикъ-Шиллеръ, а за нимъ и Жуковскій, взялись за произведенія, съ сюжетами изъ античной жизни, объяснить нетрудно. Мы видѣли уже, что романтизмъ пришелъ къ

изученію поэзіи разныхъ народовъ — изъ круга этихъ изученій не была исключена и поэзія грековъ [1]). И вотъ, въ толкованіи ея романтики совершенно разошлись съ псевдо-классиками,— романтики, слѣдуя за Платономъ, сумѣли отыскать въ греческихъ миѳахъ духъ народа, при чемъ остановились, по преимуществу, на мистическихъ элементахъ греческой поэзіи, увлеклись фантастикой и сердечнымъ идеализмомъ, — псевдо-классики, слѣдуя за Аристотелемъ, сумѣли извлечь изъ греческой поэзіи ея формальную сторону, а, въ идейномъ отношеніи, явились поклонниками античнаго эпикуреизма.

„Греческія“ баллады Шиллера въ переводѣ Жуковскаго.

Въ «греческихъ» балладахъ, сочиненныхъ Шиллеромъ, выражается идея «судьбы», неотразимо-владѣющей жизнью людей («Кассандра», «Торжество побѣдителей», «Поликратовъ перстень»). Съ особымъ сочувствіемъ останавливаетъ свое вниманіе авторъ на людяхъ, гонимыхъ этой судьбой. Въ балладѣ «Ивиковы журавли» выражена идея о томъ великомъ чистительномъ нравственномъ значеніи, которое имѣлъ у грековъ театръ. Мистицизмомъ проникнута баллада «Жалоба Цереры». Церера долго отыскиваетъ свою похищенную дочь Прозерпину и, наконецъ, узнаетъ, что она похищена Плутономъ. Не будучи въ состояніи попасть въ царство тѣней, Церера собранныя осенью сѣмена бросаетъ въ землю,—корни растеній уходятъ вглубь, стебли стремятся вверхъ—и, вотъ, она утѣшается этимъ способомъ общенія съ дочерью.

„Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня.
И ко мнѣ въ живомъ дыханьи
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,—
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ!“

Такимъ образомъ, въ этомъ произведеніи природа представлена одухотворенной и выражена вѣра въ мистическое соединеніе земной жизни и загробной при помощи любви.

„Средневѣковыя“ баллады Шиллера въ перев. Жуковскаго.

Въ „средневѣковыхъ“ балладахъ, переведенныхъ изъ Шиллера, изображены нѣкоторыя средневѣковыя преданія, рисующія бытъ рыцарей; въ нихъ выясняется значеніе поэзіи въ средніе вѣка, отношеніе ея къ религіи и церкви, опредѣляется харак-

[1]) Жуковскій въ статьѣ: „О меланхоліи въ жизни и поэзіи“ такъ характеризуетъ разницу между *античнымъ* и *христіанскимъ* міросозерцаніемъ: У древнихъ „всѣ сокровища были на землѣ; все заключалось въ земныхъ радостяхъ, и все съ ними исчезало. У каждаго на пиру въ жизни висѣлъ надъ головою, на тонкомъ волоскѣ, мечъ Дамоклеса, но потому именно, что онъ у каждаго висѣлъ надъ головой— всѣ общею толпою шумѣли весело на пиру и спѣшили насытиться по-горло... Христіанство своимъ явленіемъ все преобразовало... Изъ внѣшняго міра матеріальной жизни, гдѣ все прельщаетъ и гибнетъ, оно обратило насъ во внутренній міръ души нашей; легкомысленное, ребяческое наслажденіе внѣшнимъ уступило мѣсто созерцанію внутреннему. Гибнетъ только то, что не наше...“ и т. д.

теръ рыцарской любви. Изъ драматическихъ произведеній Шиллера переведена была Жуковскимъ только трагедія: „Орлеанская Дѣва“.

Сочиненія Гёте въ переводѣ Жуковскаго

Изъ сочиненій Гёте перевелъ Жуковскій стихотвореніе: „Моя богиня“, „Утѣшеніе въ слезахъ“, „Къ мѣсяцу“, „Лѣсной царь“ и нѣкоторыя другія мелкія произведенія. У Гёте мало было той мягкости и женственности, которыя такъ характерны для поэтическаго міросозерцанія Жуковскаго, оттого среди его твореній нашъ писатель нашелъ мало родственнаго.

Жуковскій и Байронъ

Понятно, что Байрону онъ сочувствовалъ еще меньше. „Въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу. „Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни“—писалъ Жуковскій Козлову. Вотъ почему, переведя изъ Байрона только одно произведеніе: „Шильонскій узникъ“, Жуковскій передѣлалъ это произведеніе въ томъ духѣ, который былъ ему понятенъ и близокъ: въ поэмѣ Байрона на первое мѣсто выставлено гордое страданіе старшаго брата,—Жуковскій замѣнилъ его настроеніе чувствомъ тихой скорби и выдвинулъ на первое мѣсто нѣжный образъ младшаго брата-полуребенка, безъ ропота сносящаго ужасъ заточенія. Въ переводѣ Жуковскаго произведеніе Байрона потеряло смыслъ протеста, утративъ характеръ гимна свободѣ...

„Шильонскій узникъ“.

Переводы Жуковскаго изъ Саути, Уланда, Гебеля.

Много балладъ переведено Жуковскимъ изъ сочиненій Саути („Адельстанъ“, „Варвикъ“, „Доника“, „Судъ Божій надъ епископомъ“, „Королева Урака“ и др.), изъ Уланда („Сонъ“, „Пѣсня бѣдняка“, „Мщеніе“, „Гаральдъ“, „Утѣшеніе“, „Три путника“, „Замокъ на берегу моря“, „Алонзо“, „Роландъ-оруженосецъ“, „Плаванье Карла“ и др.), изъ Гебеля („Овсяный кисель“, „Деревенскій сторожъ въ полночь“, „Утренняя звѣзда“, „Лѣтній вечеръ“, „Воскресное утро въ деревнѣ“, „Неожиданное свиданіе“ и др.).

Переводы античныхъ поэмъ. „Одиссея“.

Кромѣ этихъ мелкихъ переводовъ-передѣлокъ, есть у Жуковскаго и болѣе крупныя. Къ большимъ „переводамъ“ относятся отрывки изъ Энеиды, изъ Иліады, „Война мышей и лягушекъ“ и вся „Одиссея“, которую онъ переводилъ съ 1842 по 1849 г.

Передѣлки: „Ундина“. „Комоэнсъ“.

Къ „передѣлкамъ“ относятся — „Ундина“, старинная повѣсть (подражаніе произведенію Ла-Моттъ-Фуке), „Камоэнсъ“, драматическая поэма (подражаніе Гальму), „Наль и Дамаянти“, индѣйская повѣсть (подражаніе Рюккерту), „Рустемъ и Зорабъ“ (вольное подражаніе Рюккерту). Послѣднія двѣ поэмы (и раньше сдѣланные переводы изъ Мура: „Лалла Рукъ“ и „Рай и Пери“)

указываютъ, что и Жуковскій, слѣдуя за другими романтиками, увлекся также и поэзіей Востока.

Переводъ всѣхъ этихъ крупныхъ произведеній относится къ послѣднимъ годамъ его жизни, когда онъ изъ поэта лирическаго сдѣлался эпическимъ.

Переложенія русскихъ народныхъ сказокъ.

Интересъ къ народной русской поэзіи сказался у него — 1) въ переложеніи русскихъ сказокъ („Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери“, „Сказка о Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ“),—2) въ раннемъ произведеніи: „Богатырь Алеша-Поповичъ, или страшныя развалины“ (1805—1808) и—3) въ переложеніи „Слова о полку Игоревѣ“—1808—1817).

Значеніе поэтической дѣятельности Жуковскаго.

§ 127. Значеніе поэтической дѣятельности Жуковскаго было громадно для исторіи русской литературы: 1) не отличаясь характеромъ борьбы, его лирика, искренняя и глубокая по чувствамъ, отразившая на себѣ дѣйствительность его жизни и высоту его жизненныхъ идеаловъ, была на дѣлѣ могучимъ протестомъ противъ лирики псевдо-классической. Если даже въ поэзіи псевдо-классиковъ (у Сумарокова, Державина) ясно просвѣчиваютъ черты индивидуализма, если такою была уже сентиментальная лирика Карамзина и его учениковъ, то лишь въ творчествѣ Жуковскаго этотъ индивидуализмъ всецѣло подчинилъ себѣ творчество: „поэзія“ и „жизнь“ слились у него удивительно полно и гармонично.

2) Если въ произведеніяхъ Карамзина „сентиментально-реалистическое направленіе“ нашло себѣ прекрасное *эпическое* выраженіе, то въ творчествѣ Жуковскаго это направленіе нашло себѣ *лирическое* выраженіе. Послѣ Жуковскаго окончательно умираетъ у насъ лирика псевдо-классиковъ и начинается періодъ „поэзіи дѣйствительности“.

3) Жуковскій расширилъ кругъ литературныхъ вліяній на русскую литературу, введя къ намъ, благодаря своимъ переводамъ, знакомство съ выдающимися произведеніями нѣмецкой и англійской романтической поэзіи.

4) Въ исторіи русскаго поэтическаго стиля онъ сыгралъ тоже видную роль: онъ сумѣлъ выработать для своего творчества свой собственный языкъ,—выразительный и гибкій.

5) Лирика его, чуждая жгучихъ вопросовъ тогдашней политической жизни Россіи, отличалась индивидуализмомъ болѣе крайнимъ, чѣмъ онъ былъ, напримѣръ, у Карамзина,—но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать глубокаго нравственнаго воспитательнаго

значенія, которое имѣла его поэзія на русскую молодежь того времени: она очищала сердца и подымала ихъ къ высокимъ идеаламъ „истины, добра и красоты“. Конечно, поэтому поэзія Жуковскаго не смогла овладѣть „массами“—она не могла имѣть широкаго распространенія, такъ какъ была слишкомъ идеальна, слишкомъ воздушна и чиста—и доступна была лишь для „избранниковъ“,—„für Wenige“ [1]).

Значеніе его личности на современниковъ.

Обаяніе его свѣтлой личности и возвышенной поэзіи оказало несомнѣнное вліяніе на душу его державнаго воспитанника, будущаго Царя-Освободителя,—и на душу другого его воспитанника и друга—поэта А. С. Пушкина. Жизнь великаго Пушкина доказываетъ намъ, какъ иногда кристально-чистое сердце Жуковскаго просвѣтляло его въ тяжелыя минуты горя, отчаянья, или безумныхъ юношескихъ заблужденій. Нельзя лучше выразить всей нравственной силы поэзіи и личности Жуковскаго, какъ это сдѣлалъ Пушкинъ въ извѣстномъ пятистишіи, посвященномъ Жуковскому:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,—
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость!“

Романтики-протестующіе. Рылѣевъ, его творчество.

β) *Романтики-протестующіе.* Къ группѣ романтиковъ-«протестующихъ»,—русскихъ представителей «бури и натиска» относится у насъ Рылѣевъ. Въ своихъ «историческихъ думахъ» онъ сумѣлъ выразить всю силу своей могучей, свободолюбивой души. Въ исторіи его вниманіе останавливаютъ лишь тѣ моменты, которые отмѣчены напряженной борьбой за независимость. Онъ воспѣваетъ борцовъ за свободу Украины отъ гнета поляковъ,—ему дороги герои освобожденія Греціи,—Москвы отъ татаръ,—вольнаго Новгорода отъ варяговъ,—Запорожской Сѣчи отъ Москвы... Почти во всѣхъ его порывистыхъ произведеніяхъ можно найти вдохновенные гимны въ честь такихъ борцовъ. Изъ героевъ родной старины воспѣваетъ онъ только людей сильныхъ духомъ, съ пламенными страстями,—героевъ, надѣленныхъ патріотизмомъ и готовыхъ собой жертвовать за родину. Свободолюбивый Вадимъ, стремительный Мстиславъ Удалой, Ермакъ, Богданъ Хмельницкій, Наливайко, Гайдамакъ,—вотъ его любимые образы. Рисуя природу, онъ и въ ней исключительно останавливается на пейзажахъ бурныхъ, полныхъ движенія и страсти: то бурный Терекъ, стѣсненный величественными горами, то буря на берегахъ Иртыша, то порывистая Лена, ломающая ледъ, то дикая природа Сибири,—представляютъ собою фонъ, подходящій вполнѣ къ его настроенію и его героямъ, съ ихъ мятежными страстями.

---

[1]) Названіе, данное имъ одному сборнику своихъ стиховъ.

Творчество Рылѣева было однообразно, даже бѣдно, но оно было ярко и сильно. Онъ весь былъ поглощенъ общественной борьбой—и въ себѣ, по собственному признанію, больше цѣнилъ «гражданина», чѣмъ «поэта». Характеръ творчества Рылѣева.

Въ «посланіи къ А. Бестужеву» онъ говоритъ:

„Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, недаромъ въ юности горитъ
Любовь къ общественному благу!"

Припоминая то, что̀ выше было сказано о романтизмѣ «протестующемъ», мы безъ труда увидимъ всѣ его элементы въ творчествѣ Рылѣева.

Очень популярнымъ «романтикомъ» былъ у насъ также писатель Марлинскій (Бестужевъ). Онъ сумѣлъ отъ романтизма взять все «интересное»—фантастическое, грандіозное, патетическое, и отбросить все то, что̀ дѣлало творчество нѣкоторыхъ романтиковъ (напр. Жуковскаго) малоинтереснымъ для «массы»—тотъ индивидуализмъ, который замыкалъ поэта въ тѣсные предѣлы своего міра и заставлялъ его творить для себя да für Wenige. Марлинскій.

Немудрено, что Марлинскій былъ, въ свое время, у насъ однимъ изъ любимѣйшихъ питателей. Прекрасный разсказчикъ, умѣвшій всегда заинтересовать читателей, онъ вполнѣ свободно владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ: его описанія разнообразны и полны настроеній, діалоги дѣйствующихъ лицъ живы и ярко выражаютъ индивидуальныя черты говорящихъ, сюжеты его повѣстей всегда выбирались имъ удачно и развивались умѣло.

Любимые герои Марлинскаго принадлежатъ къ тѣмъ, которыхъ особенно охотно рисовали «романтики»,—это все герои «интересные», они одарены сильными натурами,—ихъ душевныя качества—и добрыя, и злыя—отличаются крайностями. Таковы, напримѣръ, его горецъ Аммалатъ-Бекъ, баронъ Бруно ф.-Эйзенъ («Замокъ Эйзенъ»), Рональдъ («Ночью на кораблѣ»), князь Серебряный и Колонтай («Наѣзды»), Ромуальдъ («Замокъ Нейгаузенъ»), Правинъ («Фрегатъ Надежда») и др. Герои его повѣстей. a) сильныя натуры.

Кромѣ такихъ «интересныхъ» героевъ, Марлинскій выводитъ нѣсколько разъ образы, окутанные какою-то мрачною таинственностью,—таковы, напримѣръ, дѣйствующія лица въ повѣстяхъ: «Страшное гаданье» (парень-колдунъ, незнакомецъ); «Вечеръ на кавказскихъ водахъ» (Венгерецъ); соотвѣтственно этимъ героямъ, и сюжеты онъ нерѣдко беретъ фантастическіе: видѣнія, разговаривающіе мертвецы, предсказанія колдуньи, гаданье при участіи чуть не самого дьявола,—все это—дань, заплаченная Марлинскимъ романтизму. Эта фантастика у него мрачнѣе и трагичнѣе, чѣмъ у Жуковскаго. У романтиковъ заимствовалъ Марлинскій и пристрастіе къ тѣмъ страшнымъ легендамъ и преданіямъ, что долго живутъ иногда въ развалинахъ старыхъ замковъ: въ цѣломъ рядѣ повѣстей изобразилъ онъ нѣмецкихъ прибалтійскихъ рыцарей, ихъ разбойничьи нравы, ихъ подвиги и звѣрства, ихъ ужасныя тайныя судилища, подземелья ихъ замковъ, ихъ насилія надъ женами и тѣми несчастными, которыя попадали къ нимъ въ руки. b) таинственныя. Фантастика Марлинскаго.

Русская исторія въ произведеніяхъ Марлинскаго.

Подъ вліяніемъ романтиковъ Марлинскій обратился также къ изученію родного прошлаго. Впрочемъ, эти повѣсти съ сюжетами, взятыми изъ русской исторіи, менѣе ему удались, такъ какъ и передать колоритъ родной старины онъ не сумѣлъ.

Вліянія Жуковскаго и Вальтеръ Скотта, Радклифъ на Марлинскаго.

Нетрудно замѣтить, какими вліяніями опредѣлилось творчество Марлинскаго,—изъ русскихъ писателей, несомнѣнно, самое сильное вліяніе имѣлъ на него Жуковскій; изъ иностранныхъ—Вальтеръ Скоттъ, съ его историческими романами, и такіе писатели, какъ романистка Радклифъ [1]), любившая описывать таинственныя происшествія въ старыхъ замкахъ.

В. Судьбы ложно-классицизма.

§ 139. *В. Судьбы ложно-классицизма.* Литературная эпоха, предшествующая дѣятельности Пушкина, была временемъ окончательнаго паденія псевдо-классицизма: онъ былъ смѣненъ романтизмомъ (Жуковскій) и неоклассицизмомъ (Батюшковъ), а затѣмъ оба эти направленія—уступили мѣсто реализму (Пушкинъ). Но псевдо-классицизмъ не безъ борьбы уступалъ новымъ направленіямъ. Въ началѣ царствованія Александра это угасающее направленіе поддерживалось еще нѣсколькими литературными дѣятелями, во главѣ которыхъ стояли Шишковъ и Державинъ и нѣкоторые популярные въ то время драматурги, изъ которыхъ самую боевую позицію занялъ, было, кн. Шаховской,—и, наконецъ, теоретики, въ родѣ проф. Мерзлякова.

Спутанность литературныхъ понятій.

Впрочемъ, какъ это всегда бываетъ въ переходныя эпохи, путаница въ литературныхъ понятіяхъ была большая,—оттого сторонники «новаго» иногда сбивались на «старое», а представители «стараго» нерѣдко, обличая «новое», безсознательно отдавали ему дань.

Этихъ «послѣднихъ псевдоклассиковъ» связывало не столько тожество теоретическихъ воззрѣній на поэзію, сколько враждебное отношеніе къ новымъ прояснившимся направленіямъ; въ этой враждѣ часто едва ли не главное значеніе имѣло личное недоброжелательство къ молодымъ писателямъ, не щадившимъ ихъ авторскаго самолюбія.

Катенинъ, какъ a) псевдоклассикъ.

Изъ псевдо-классиковъ этой эпохи наиболѣе сознательнымъ и убѣжденнымъ былъ у насъ Катенинъ (1792 — 1853). Онъ былъ поклонникомъ Корнеля и Расина, и даже Вольтера считалъ «отщепенцемъ отъ прямого искусства» — само собою понятно, что къ «романтизму», какъ литературной системѣ, отрицавшей псевдо-классицизмъ, онъ относился враждебно. Онъ переводилъ, по преимуществу, Корнеля (4-ое дѣйствіе «Гораціевъ», «Сидъ»), изъ сочиненій Расина — «Есѳирь»; самъ онъ сочинилъ трагедію: «Андромаха» (1827), особенными достоинствами, впрочемъ, не отличавшуюся.

b) романтикъ.

При всемъ своемъ необыкновенномъ пристрастіи къ классицизму, Катенинъ, по его словамъ, былъ врагомъ всякой партійности въ искусствѣ. «Врагъ непримиримый всѣхъ пристрастныхъ и одностороннихъ сужденій», говоритъ онъ самъ о себѣ: «я старался отличить неправоту нынѣ господствующихъ убѣжденій, отнюдь не съ намѣреніемъ ввести вмѣсто нихъ

---

[1]) Объ этой романтической литературѣ (Радклифъ, Шписъ, Крамеръ и др.), проникнутой мрачной фантастикой, и о вліяніи ея на творчество Жуковскаго см. въ работѣ Н. К. Козмина: „О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX в. въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго“. Спб. 1904.

противныя: всѣ исключительныя системы вредны; во всѣхъ формахъ условныхъ можетъ жить красота неизмѣнная. Предметъ искусствъ вообще— *человѣкъ*:—драматическаго искусства въ особенности—*человѣкъ въ дѣйствіи*. Кто сумѣетъ пружины сего дѣйствія, нравы, чувства и страсти изобразить вѣрно, сильно и горячо, тотъ заслуживаетъ похвалу знающихъ; симъ-то достоинствомъ равно стяжали себѣ безсмертіе и Софоклъ, и Шекспиръ, и Расинъ». Отъ Катенина, между прочимъ, осталось много балладъ въ романтическомъ духѣ.

Кн. Шаховской, какъ а) псевдо-классикъ.

Кн. А. А. Шаховской (1777—1846) былъ сначала строгимъ классикомъ, единомышленникомъ Шишкова, членомъ «Бесѣды»; онъ осмѣялъ новыя направленія—сентиментализмъ въ комедіи: «Новый Стернъ» (1805),—романтизмъ въ комедіи: «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды» (1815). Всего пьесъ отъ него осталось до 100. Однако, начавъ съ псевдо-классицизма—съ подражанія Расину и Вольтеру и другимъ подобнымъ писателямъ, онъ скоро перешелъ къ романтикамъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ, сюжеты которыхъ почерпались имъ изъ Вальтеръ-Скотта («Ивангой, или возвращеніе Ричарда-Львинаго сердца», «Таинственный-Карло, или Долина чернаго камня»—романтическая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ), изъ Шекспира («Буря»—волшебно-романтическое зрѣлище), даже изъ Пушкина («Финнъ», волшебная трагедія). Шаховской бралъ сюжеты для своихъ пьесъ также изъ русской исторіи, не опасаясь называть ихъ «романтическими драмами».

b) романтикъ.

Шаховской—врагъ псевдо-классицизма.

Такимъ образомъ, Шаховской безъ борьбы уступилъ требованіямъ времени и легко обратился въ романтика. Повидимому, онъ готовъ былъ даже себя считать за это реформаторомъ русской драмы. «Успѣвши нѣсколько въ старомъ, или обыкновенномъ, писалъ онъ князю Одоевскому, я ищу для нашего театра, если не совсѣмъ новаго, то, по крайней мѣрѣ, не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ пудрою, шитыми кафтанами и красными каблуками изъ Парижа. Я хочу моими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше моего дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы».

Проф. Мерзляковъ, какъ—

Такое же неопредѣленное, неустойчивое отношеніе къ «псевдо-классицизму», «романтизму», «неоклассицизму» замѣчается и у проф. Мерзлякова. Онъ былъ воспитанъ на греческихъ и римскихъ классикахъ и многія ихъ сочиненія перевелъ на русскій языкъ [1]).

а) псевдо-классикъ.

Казалось бы, такіе вкусы должны были выработать изъ него, по крайней мѣрѣ, «неоклассика», но свои теоретическіе взгляды на поэзію онъ почерпнулъ изъ французскихъ теорій псевдо-классиковъ: эти взгляды проводилъ онъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ (Курсы его: «Общія правила о краснорѣчіи и поэзіи», «Изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій» и пр.), въ различныхъ руководствахъ по теоріи поэзіи, въ которыхъ поэзія трактуется, какъ искусство, подчиненное «правиламъ». Рѣшительно высказываясь противъ романтическаго и сентиментальнаго

[1]) Онъ перевелъ стихами изъ Еврипида отрывки „Алцесты", изъ Пиндара, Виргилія, Ѳеокрита, Біона, Мосха, Горація (Ars poëtica), Гомера, Сафо, Эсхила, Софокла, Каллимаха, Тибулла, Проперція, Овидія. Всѣ эти переводы и подраженія, помѣщавшіяся въ разныхъ журналахъ, потомъ были собраны имъ и изданы въ двухъ частяхъ. „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ". М. (1825—26).

пониманія «свободы чувства» [1]),—онъ, въ то же время, старался примирить французскія теоріи поэзіи съ нѣмецкими—Баттё съ Баумгартеномъ (эстетика), Эшенбургомъ и др. и, вслѣдствіе этого, впадалъ въ явныя противорѣчія: критикуя, напримѣръ, съ псевдо-классической точки зрѣнія оды Ломоносова, «Россіаду» Хераскова, трагедіи Сумарокова, Озерова, онъ

b) романтикъ. иногда становился на точку зрѣнія романтиковъ: «Вотъ, гдѣ система!»—говорилъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце... Отъ настоящихъ псевдо - классиковъ отошелъ онъ и въ томъ отношеніи, что восторженно относился къ народной поэзіи. Въ творчествѣ своемъ онъ былъ такъ же разносторененъ: отъ торжественныхъ одъ въ старомъ ломоносовскомъ родѣ онъ легко переходилъ къ сочиненію романсовъ и пѣсенъ въ народномъ духѣ.

Гр. Хвостовъ. Изъ тогдашнихъ «одописцевъ» самымъ усерднымъ былъ гр. Хвостовъ, поклонникъ Шишкова, завсегдатай «Бесѣды», бездарный, но очень плодовитый поэтъ,—постоянная мишень остроумныхъ нападокъ литературной молодежи [2]). Своими трудами онъ, конечно, не могъ особенно способствовать процвѣтанію «псевдо - классицизма». Другой посѣтитель «Бесѣды»

Гр. Ширинскій-Шихматовъ. былъ гр. С. А. Ширинскій - Шихматовъ, написавшій псевдо-классическую поэму въ трехъ пѣсняхъ: «Петръ Великій» [3]), но онъ, въ то же время, увлекался и Юнгомъ, что, по существу своему, было совершенною неожиданностью для псевдо - классика и скорѣе было подстать сентимента-

Кн. Горчаковъ. листамъ-романтикамъ. Сатирикъ кн. Горчаковъ, тоже союзникъ Шишкова, зло высмѣивалъ Карамзина и его послѣдователей («Посланіе къ кн. Долгорукову»), но самъ увлекался народной поэзіей и даже оттуда черпалъ

И. А. Крыловъ. иногда сюжеты для своихъ произведеній. Баснописецъ Крыловъ, въ началѣ своего творчества яростный псевдо - классикъ (особенно въ своихъ трагедіяхъ и раннихъ комедіяхъ), изобличавшій въ своихъ журналахъ писателей карамзинскаго направленія,—тоже увлекался народной поэзіей, а въ своихъ басняхъ далеко отошелъ отъ обычнаго псевдо - классическаго пониманія «басни», какъ эпическаго произведенія, «аллегорическаго» по формѣ и непремѣнно—«нравоучительнаго» по содержанію; псевдо-классицизмъ уцѣлѣлъ въ его басняхъ лишь въ видѣ именъ греческихъ и римскихъ боговъ, и въ другихъ мелкихъ осколкахъ миѳологіи.

Совершенно такъ же неопредѣленны были отношенія къ классицизму у двухъ наиболѣе видныхъ представителей этого направленія — у Гнѣдича и Озерова.

---

[1]) „Пускай говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣсненія; это несправедливо: природа и въ самую бурю, когда все, кажется, готово разрушиться, не теряетъ своей стройности, или, лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ; почему же не должны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя?“

[2]) См. очень удачную пародію Пушкина на его оды: „Ода Его Сіятельству графу Дм. Ив. Хвостову“.

[3]) Другія ложно-классическія эпопеи этого періода сочинены Грузинцевымъ: „Петріада“; Шихматовымъ: „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или Спасенная Россія“; Волковымъ: „Освобожденная Москва“; Бобровымъ: „Таврида“.

Н. И. Гнѣдичъ (1784—1833).

§ 140. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ родился въ Полтавѣ; онъ былъ сынъ небогатаго помѣщика. Жизнь его сложилась для него нерадостно, но это долго не лишало его бодрости духа и энергіи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ полтавской семинаріи,—высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь онъ изучилъ древнія и новыя литературы. Служилъ онъ все время въ Петербургѣ въ Публичной библіотекѣ, работая усердно на литературномъ поприщѣ, уважаемый товарищами по службѣ и по перу. Семейной жизни устроить ему не удалось, и онъ до конца своихъ дней томился своимъ одиночествомъ. Въ одномъ изъ своихъ лирическихъ стихотвореній онъ говоритъ о своей жизни: **Н. И. Гнѣдичъ, его жизнь.**

„Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ:
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ.
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!“

Творчество Гнѣдича. Насколько пестры были литературные вкусы этого „классика“, видно, хотя бы, изъ перечня тѣхъ трагедій, что были имъ переведены,—онъ перевелъ трагедію Дюси: „Абюфаръ“, Шекспира: „Король Лиръ“, Шиллера: „Заговоръ Фіеско“, Вольтера: „Танкредъ“. Оригинальное творчество его выразилось въ „посланіяхъ“ и мелкихъ произведеніяхъ; элегическій тонъ и вліянія Оссіана — характерный признакъ его лирики. Но въ то же время онъ былъ противникомъ романтизма, въ частности,—балладъ Жуковскаго, и усерднымъ поклонникомъ античной поэзіи: переводъ Иліады былъ величайшимъ дѣломъ его скромной и трудолюбивой жизни.

Переводъ „Иліады“. Къ переводу этой эпопеи онъ приступилъ во всеоружіи тогдашнихъ знаній, съ необыкновенной любовью къ творчеству грековъ, съ яснымъ пониманіемъ духа античной поэзіи.—Особенно ясно это сказалось въ текстѣ его „посвященія“.

Послѣ неудачнаго опыта Тредіаковскаго пользоваться гекзаметрами, почти никто не брался за этотъ размѣръ, — Гнѣдичъ первый на это отважился: онъ перевелъ поэму Гомера именно гекзаметромъ, т. е. размѣромъ подлинника.

Другія произведенія Гнѣдича. Въ подражаніе древнимъ, написалъ онъ лирическую поэму: „Рожденіе Гомера“, идиллію: „Рыбаки“; кромѣ того, онъ перевелъ: „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ“.

В. А. Озеровъ (1770—1816).

В. А. Озеровъ, его жизнь.

§ 141. Владиміръ Александровичъ Озеровъ родился въ Тверской губерніи, учился въ Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ. Вліяніе французской литературы сказалось на немъ еще въ юности. Несчастная безнадежная любовь придала грустный, сентиментальный колоритъ его душевнымъ настроеніямъ и творчеству. Изъ военной службы онъ перешелъ въ гражданскую, но и тамъ оставался недолго, такъ какъ скоро сошелъ съ ума. Мало знаемъ мы объ Озеровѣ, — среди русскихъ литераторовъ того времени, этотъ талантливый юноша, рано отцвѣтшій и много обѣщавшій, остался какою-то печальною загадкою. Въ его поэтической жизни большое и благотворное вліяніе имѣлъ Оленинъ и, наоборотъ, очень пагубное значеніе сыгралъ кн. Шаховской. Говорятъ, что изъ зависти, пользуясь своимъ вліяніемъ на театральную дирекцію, онъ не давалъ на сценѣ хода пьесамъ Озерова, что страшно мучило самолюбиваго писателя и было одной изъ причинъ его сумасшествія.

Трагедіи Озерова.

Первой трагедіей, имъ сочиненной, была „Смерть Олега Древлянскаго“ (1798); эта пьеса совершенно псевдо-классическая,— въ ней авторъ не пошелъ дальше слабаго подражанія пьесамъ своего учителя Княжнина. Лучшими произведеніями Озерова считаются трагедіи: „Эдипъ въ Аѳинахъ“, „Фингалъ“, „Димитрій Донской“ и „Поликсена“.

„Эдипъ въ Аѳинахъ“.

Первая изъ названныхъ трагедій Озерова, „Эдипъ въ Аѳинахъ“, представляетъ собою *передѣлку* пьесы французскаго драматурга Дюси [1]). Этотъ же писатель, въ свою очередь, свое произведеніе сочинилъ, передѣлавъ трагедію Софокла: „Эдипъ Колонскій“.

Литературная исторія „Эдипа въ Аѳинахъ“.

Такимъ образомъ, произведеніе Озерова представляетъ собою *передѣлку передѣлки*. Уже одно это указываетъ, какъ мало истиннаго классицизма осталось въ этой трагедіи. Дюси былъ писатель сентиментальный, который въ этомъ смыслѣ и передѣлалъ все настроеніе величественной античной легенды: и вотъ, скорбно-суровая личность страдальца-Эдипа смягчилась у него чертами нѣжными и чувствительными. Въ греческомъ миѳѣ Эдипъ представленъ жертвой судьбы: безъ злого умысла совершилъ онъ рядъ проступковъ, такъ какъ этого желала грозная, неумолимая «судьба». Эдипъ Софокла — не преступникъ, а несчастный человѣкъ, не теряющій, однако, своего достоинства. Дюси изъ этого Эдипа сдѣлалъ слабаго, чувствительнаго старца, страдающаго отъ сознанія тяжести своихъ преступленій. Кроткую, любящую, но, въ то же время, гордую Антигону Дюси обратилъ въ дѣвушку слабую, многорѣчивую и плаксивую.

---

[1]) Дюси, французскій передѣлыватель Шекспира, былъ въ то время очень у насъ популяренъ: его передѣлку „Отелло“ перевелъ Вельяминовъ, „Гамлета“ — Висковатовъ.

„Эдипъ" въ освѣщеніи Озерова.

Усвоивъ ту обрисовку героевъ, которая принята была Дюси, Озеровъ разошелся съ нимъ въ развязкѣ трагедіи: у Дюси Эдипъ умираетъ, пораженный громомъ, — у Озерова онъ остается живымъ, но умираетъ преступный Креонъ. Говорятъ, что такая развязка, возвеличивающая добродѣтель и наказующая порокъ, подсказана была Озерову Оленинымъ: въ первоначальномъ текстѣ пьесы Озерова смерть постигла Эдипа [1]). Но кое въ чемъ Озеровъ отошелъ отъ текста Дюси въ сторону Софокла: онъ ввелъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ Креона, который въ пьесахъ Дюси былъ выпущенъ. Такимъ образомъ, трагедія Озерова не представляетъ собой простой, механической передѣлки, тѣмъ менѣе она можетъ быть названа переводомъ,—это самостоятельная обработка стараго греческаго миѳа, мѣстами близко подходящая къ тексту Дюси, мѣстами воспроизводящая текстъ Софокла. Впрочемъ, главное достоинство трагедіи Озерова заключалось въ прекрасныхъ стихахъ, которыми она была написана, — никогда до Озерова любители русскаго театра не слышали со сцены такихъ звучныхъ, изящныхъ стиховъ.

Содержаніе трагедіи.

Содержаніе этой трагедіи сводится къ слѣдующему: начинается дѣйствіе пьесы хоромъ аѳинянъ, собравшихся на полѣ: аѳиняне восхваляютъ своего царя Тезея за его доблесть и мудрость.

Является Креонъ, посланникъ Ѳивъ, съ предложеніемъ Тезею вступить въ союзъ съ Этеокломъ противъ Полиника, осаждающаго Ѳивы. Тезей отказывается отъ авантюры, ненужной его подданнымъ.

Дѣйствіе второе происходитъ тамъ же, у храма Эвменидъ; здѣсь, въ этомъ храмѣ, суждено Эдипу найти успокоеніе отъ пережитыхъ страданій. Утомленный, слѣпой Эдипъ приходитъ сюда съ дочерью Антигоной. Онъ говоритъ ей:

„Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили,
Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силы!"

Онъ жалуется, что слѣпота лишила его счастья наслаждаться красотами природы; онъ говоритъ о своей тяжкой долѣ и съ чувствомъ благодарности обращается къ Антигонѣ:

„Ты—утѣшенье мнѣ, любезна Антигона:
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для старика-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы!"

[1]) Поправка Оленина очень любопытна: она только подтверждаетъ наши слова о той путаницѣ литературныхъ понятій, которая характеризуетъ это переходное время. Поклонникъ античнаго классицизма, Оленинъ оказался въ душѣ истымъ псевдо-классикомъ, такъ какъ убоялся развязки въ античномъ духѣ.

Антигона утѣшаетъ его,—она говоритъ:

„Ахъ! не жалѣю я о пышной славѣ той!
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сiянiю короны!
Опорой быть твоей—вотъ, счастье Антигоны!
Вотъ, титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствiе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы! родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, что бъ сдѣлалось съ тобою?
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркiй день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду,—ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханiемъ моимъ!
Ахъ! свѣтъ, забывшiй насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшенiемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ!"

Аѳиняне, узнавъ, что въ предѣлы ихъ страны пришелъ Эдипъ, гонимый судьбой, просятъ его уйти, чтобы не навлечь на ихъ страну гнѣва боговъ. Однако Тезей, уступая мольбамъ Антигоны, позволяетъ ему остаться. Креонъ, узнавъ, что оракулъ предсказалъ счастье той странѣ, гдѣ будетъ похороненъ Эдипъ, хочетъ силою увести Эдипа въ Ѳивы, и Антигону принести въ жертву Эвменидамъ. Онъ разсчитываетъ затѣмъ погубить сыновей Эдипа и самому занять престолъ. Эдипъ не соглашается идти въ Ѳивы. Тогда Креонъ насильно уводитъ его изъ предѣловъ аѳинскихъ. Антигона въ отчаяньи восклицаетъ:

„Увы, что я? гдѣ я? Что станется со мною?
Забыта братьями, оставлена родней,
Извержена изъ Ѳивъ, въ странѣ, въ странѣ чужой
Жизнь горестну вести и умирать мнѣ должно..." и т. д.

Тезей, узнавъ о поступкѣ Креона, отправляется за нимъ и возвращаетъ Эдипа. Полиникъ, сынъ Эдипа, является къ отцу съ мольбой о прощенiи, но тотъ не прощаетъ сына. Аѳиняне, видя, что ихъ страна терпитъ разныя бѣдствiя, рѣшаютъ, что это—наказанiе, посланное на нихъ богами за то, что они приняли къ себѣ Эдипа; они хотятъ, для умилостивленiя боговъ, принести въ жертву Антигону. Она согласна на это. Эдипъ—въ отчаяньи. Антигона утѣшаетъ его и говоритъ аѳинянамъ, что, принося ее въ жертву, они, этимъ самымъ, обязуются дать пристанище Эдипу. Является Полиникъ, который, въ порывѣ раскаянья, хочетъ заколоть себя вмѣсто Антигоны. Эдипъ прощаетъ сына и предлагаетъ себя, какъ искупительную жертву. Эдипа уже ведутъ къ алтарю, но въ это время Тезей приводитъ Креона, указываетъ на него, какъ на человѣка, возбудившаго ссору сыновей Эдипа, побудившаго ихъ изгнать отца. Тезей указываетъ, что Креона надо принести въ жертву. Въ это время молнiя убиваетъ Креона.

§ 142. Содержаніе трагедіи «Фингалъ» заимствовано изъ пѣсенъ Оссіана. Фингалъ (или Финнъ)—ихъ главный герой. Онъ—повелитель Морвены, побѣдитель царя Старна. Во время войны Фингаломъ былъ убитъ сынъ Старна—Тоскаръ, и побѣжденный отецъ рѣшился отомстить Фингалу. Дочь Старна Моина полюбила Фингала; онъ, въ свою очередь, влюбился въ нее. Старнъ соглашается на бракосочетаніе дочери, задумавъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы убить Фингала. Содержаніе трагедіи „Фингалъ".

Начинается трагедія хоромъ бардовъ (пѣвцовъ) и дѣвъ, возславляющихъ могущество красоты, которая покоряетъ даже неукротимыхъ героевъ; затѣмъ хоръ превозноситъ Моину и Фингала. Приходитъ Фингалъ и говоритъ Старну о своей любви къ его дочери. Старнъ соглашается выдать замужъ за него свою дочь, подъ условіемъ, чтобы бракосочетаніе совершилось по обрядамъ ихъ страны, въ храмѣ. Фингалъ заявляетъ, что свою чистую любовь онъ ставитъ выше всякихъ обрядовъ, но не отказывается исполнить его желаніе. Является Моина,—и онъ въ такихъ выраженіяхъ говоритъ ей о своей любви:

„Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,—
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ!
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ,—
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы
И огнь, палящій огнь приливъ къ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,—
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки!"

Моина отвѣчаетъ герою признаніемъ въ такомъ же духѣ:

„Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ, здѣсь, какъ дочери природы,
И столько жъ искренни, сколь искренна она!
И такъ, о, государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда!
Къ герою страсть души высокая отрада;
Гордяся чувствомъ симъ, я радуюсь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣетъ!.."

Потомъ она говоритъ, какъ страдала въ разлукѣ съ нимъ:

„Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею!..
Но, тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску!
Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ!

Во время свадебныхъ обрядовъ Старнъ хитро обезоружилъ Фингала и хотѣлъ его убить, но Моина спасла своего жениха. За это Старнъ по-

разилъ ее мечомъ и самъ закололся. Фингалъ хотѣлъ тоже лишить себя жизни, но Уллингъ, его бардъ, удержалъ героя словами:

„Ты, царь, съ народами священнымъ узломъ связанъ,
Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранить обязанъ,
Разсудку, должности днесь гласу ты внемли!

Фингалъ и Моина.

Герой трагедіи обрисованъ чертами ясными и опредѣленными—это благородный витязь, прямой и честный, неспособный унизиться до подозрительности. Моина, дѣвушка нѣжная и чувствительная, въ то же время энергичная и стойкая,—подстать ему.

К. Вяземскій о характерѣ Старна.

Кн. Вяземскій находилъ, что въ этой трагедіи самымъ трагическимъ лицомъ былъ Старнъ: «Въ его сердцѣ родительская любовь къ убитому сыну, муки оскорбленнаго самолюбія вслѣдствіе воинской неудачи, ненависть къ Фингалу, жажда кровавой мести, негодованіе на дочь за ея любовь,—всѣ эти чувства, имъ тщательно скрываемыя, дѣйствительно, дѣлали его образъ очень сложнымъ въ психологическомъ отношеніи. Мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ своей тоскующей души преступные замыслы, — Озеровъ искусно сумѣлъ противопоставить взаимную и простосердечную любовь двухъ «чадъ природы»,—искренность Моины и благородную довѣрчивость Фингала. Онъ сочеталъ въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ,—съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣйшей мести; хитрость злобной старости—съ довѣрчивой смѣлостью добродѣтельной молодости» (Вяземскій).

Отношеніе къ пьесѣ публики и критики.

Трагедія эта имѣла большой успѣхъ на сценѣ, хотя въ кругахъ литературныхъ старовѣровъ она вызвала немало нареканій, особенно благодаря тѣмъ двумъ обстоятельствамъ, что—1) въ ней, вопреки «правиламъ», вмѣсто *пяти* дѣйствій было только *три*, и—2) своимъ содержаніемъ, почерпнутымъ не изъ міра классическаго, а изъ романтическаго произведенія: «Пѣсни Оссіана».

„Дмитрій Донской“.

Успѣхъ третьей трагедіи его «Дмитрій Донской» основывался, главнымъ образомъ, на тѣхъ патріотическихъ настроеніяхъ, которыя овладѣли русскимъ обществомъ наканунѣ войны 1812 года. Зрители связывали благородный образъ великаго князя Димитрія Ивановича съ Александромъ Павловичемъ, Мамая—съ Наполеономъ. Великій князь представленъ доблестнымъ витяземъ, твердымъ и разумнымъ въ совѣтѣ и мужественнымъ на полѣ битвы. Въ то же время онъ—чувствительный и нѣжный рыцарь, любящій Ксенію, нижегородскую княжну, невѣсту князя Тверского. Ксенія сама любитъ Дмитрія; изъ-за нея происходитъ раздоръ между обоими князьями; князю Тверскому удается возбудить противъ Дмитрія всѣхъ союзныхъ князей. Общее негодованіе князей выражается особенно энергично въ монологѣ князя Смоленскаго, который видитъ даже въ любви Дмитрія одно изъ проявленій «самовластія»—

„Ордынецъ въ алчности, горя любостяжаньемъ,
На злато Россіянъ свой взоръ стремитъ съ вниманьемъ;
Но самовластному не злато лишь предметъ,—
На всѣ дѣянія цѣпь тяжкую кладетъ!
Путями скрытными находитъ онъ искусство
Поработить и мысль, поработить и чувство!..“

Князь Смоленскій говоритъ, что лучше готовъ переносить иго татарскаго владычества, чѣмъ московскаго.

Наканунѣ Куликовской битвы происходитъ новое столкновеніе между соперниками, чуть-было не окончившееся поединкомъ. Въ послѣднемъ, пятомъ, дѣйствіи устами одного изъ бояръ разсказывается Куликовская битва. Этотъ бояринъ произноситъ монологъ, производившій, въ свое время, всегда сильное впечатлѣніе:

„Рука Всевышняго отечество спасла!
Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душой среди самихъ побѣдъ,—
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!
Подобно замыслы обрушились Мамая!“ и т. д.

Послѣ окончанія битвы Дмитрія находятъ между ранеными. На радостяхъ всѣ князья примиряются, и князь Тверской уступаетъ Дмитрію Ксенію.

Русская исторія въ трагедіи.

Трагедія «Дмитрій Донской» очень мало общаго имѣетъ съ дѣйствительной исторіей,—это замѣчено было уже современниками Озерова: образъ великаго князя, его характеръ, его любовь къ Ксеніи,—все это поэтическіе «вымыслы», которые дозволялись тогдашними «правилами» драматическаго искусства. Къ тому же, все вниманіе зрителей, конечно, было направлено не на историческую истину, а на общее патріотическое настроеніе пьесы,—вотъ почему тѣ отдѣльныя ея мѣста, гдѣ настроеніе это выражалось особенно сильно, всегда вызывали шумный восторгъ тогдашнихъ зрителей [1]).

Стиль пьесъ Озерова.

Что касается до стиля, которымъ написаны были трагедіи Озерова, то онъ не отличался ровностью: кн. Вяземскій совершенно справедливо сказалъ: „...суровость языка временъ Княжнина еще отзывается на пьесахъ Озерова. Но зато, гдѣ говоритъ сердце, какая сила краснорѣчивая! Какая истина и вѣрность въ звукахъ чувствительной души! Какая увлекательная прелесть въ порывахъ мечтательнаго воображенія! Какое глубокое уныніе, измѣняющее сердцу, неприученному къ жизни счастіемъ!“

Особенность творчества Озерова.

Въ этой характеристикѣ правильно подмѣчена особенность Озерова—вносить въ свое творчество ту живость чувства, къ которой русская театральная публика не была избалована псевдоклассиками. Эта струя глубокаго и правдиваго лиризма, влившаяся въ холодныя формы псевдоклассической трагедіи, оторвала Озерова отъ настоящихъ псевдоклассиковъ. Свобода обращенія

[1]) Монологъ Димитрія („Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный“), его же отвѣтъ послу Мамая („И твердо уповаю, что чудный крѣпостью и справедливый Богъ...“), монологъ его передъ битвой („Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою...“). Разсказы боярина о побѣдѣ („Рука Всевышняго отечество спасла“) и др.

съ „правилами“ (напр., *три* дѣйствія вмѣсто *пяти*), увлеченіе романтизмомъ Оссіана и, въ то же время, несомнѣнно-проясняющееся тяготѣніе къ истинному классицизму, поставили Озерова въ самыя неопредѣленныя отношенія къ тогдашнимъ литературнымъ направленіямъ: онъ уже не настоящій псевдоклассикъ, но еще далекъ отъ неоклассицизма и романтизма.

К. Н. Батюшковъ (1787—1855).

Біографія Батюшкова.

§ 143. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ былъ сынъ вологодскаго дворянина-помѣщика. Мать его вскорѣ послѣ его рожденія сошла съ ума, и потому въ дѣтствѣ будущій поэтъ не зналъ материнской любви. Послѣ домашняго образованія онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ пансіонъ Жакино; потомъ онъ былъ переведенъ въ пансіонъ Триполи, гдѣ, между прочимъ, изучалъ итальянскій языкъ. Еще на школьной скамьѣ обнаружилась у Батюшкова любовь къ литературѣ: интересовался онъ писателями самыми разнообразными—и Ломоносовымъ, и Сумароковымъ, и Вольтеромъ, и Геллертомъ. Большое вліяніе имѣлъ на него родственникъ его отца, М. Н. Муравьевъ, одинъ изъ умнѣйшихъ передовыхъ людей эпохи. Близкій другъ Карамзина, большой патріотъ, онъ былъ сначала попечителемъ Московскаго университета, потомъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Широко образованный, онъ зналъ прекрасно древніе языки, былъ большимъ поклонникомъ классическаго образованія и итальянской литературы. Батюшковъ благоговѣлъ передъ Муравьевымъ, этимъ, по его словамъ, «рѣдкимъ человѣкомъ»,—отъ котораго позаимствовался любовью къ классическому міру и, подъ его руководствомъ такъ хорошо изучилъ латинскій языкъ, что свободно читалъ древнихъ авторовъ. Вліяніе Муравьева сказалось и на раннемъ развитіи критическаго чутья и на образованіи нравственныхъ идеаловъ Батюшкова.

Вліяніе Муравьева.

Первые литературные опыты.

Пестрота такого литературнаго воспитанія сказалась уже на первыхъ его литературныхъ произведеніяхъ: настроенія «меланхолическія», во вкусѣ Оссіана, перебиваются у него тѣмъ своеобразнымъ эпикуреизмомъ, который такъ характеренъ для классической и псевдоклассической поэзіи. Мирное наслажденіе жизнью,—таково міросозерцаніе Анакреона, усвоенное французскими лириками-псевдоклассиками и увлекшее Батюшкова. Впрочемъ, не прочь онъ былъ иногда и посентиментальничать во вкусѣ Карамзина.

Уже въ первыхъ опытахъ юнаго поэта сказалась та черта его творчества, которая для него сдѣлалась впослѣдствіи особенно характерной: умѣніе выражаться просто и ясно,—говорить живымъ, разговорнымъ языкомъ [1]). Въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній («Къ стихамъ моимъ») онъ высмѣялъ бездарныхъ стихотворцевъ своего времени, осудивъ ихъ за фальшивый, высокопарный тонъ и за излишнюю манерность.

---

[1]) „Живи, какъ пишешь, и пиши, какъ живешь; иначе всѣ отголоски твоей лиры будутъ фальшивы“ (Слова Батюшкова).

Среди тогдашнихъ молодыхъ петербургскихъ литераторовъ обнаружилось въ эти годы стремленіе къ творчеству, независимому отъ крайностей всякой партійности: распространяя такія взгляды въ литературѣ, нѣсколько молодыхъ писателей въ 1801 г. образовали «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ». Батюшковъ сблизился съ нѣкоторыми членами этого общества. Особенно сошелся онъ съ Н. И. Гнѣдичемъ, переводчикомъ Иліады. Какъ мы уже видѣли, этотъ писатель тоже уклонился отъ псевдоклассиковъ и отъ сентименталистовъ въ міръ чистаго классицизма. Кромѣ этихъ русскихъ писателей, большое значеніе въ поэтической и частной жизни Батюшкова имѣлъ археологъ и любитель искусствъ и художествъ А. Н. Оленинъ. Какъ у Муравьева, такъ и у Оленина собирался кругъ избранныхъ друзей-поэтовъ и художниковъ.

„Вольное общество любителей словесности“.

Близость Б-ва къ Гнѣдичу.

Близость Б-ва къ Оленину.

Батюшковъ сначала служилъ въ канцеляріи Министерства Народнаго Просвѣщенія; затѣмъ, въ 1806 г., онъ поступилъ въ ополченіе. Во время похода онъ сблизился съ Петинымъ («Тѣнь друга»), который сдѣлался его идеальнымъ другомъ. Это былъ юноша съ чистой душой и прекраснымъ сердцемъ, который въ жизни Батюшкова сыгралъ такую же значительную роль, что въ жизни Жуковскаго—Андрей Тургеневъ.

Служба.

Дружба съ Петинымъ.

Раненый въ 1807 г., Батюшковъ былъ перевезенъ въ Ригу; здѣсь, помѣщенный для леченія въ домѣ богача-негоціанта Мюгеля, онъ полюбилъ его дочь и, говорятъ, пользовался съ ея стороны взаимностью, но жениться на любимой дѣвушкѣ не могъ и, съ разбитымъ сердцемъ, уѣхалъ изъ Риги въ деревню отца. Смерть Муравьева прибавила ему горя. Въ 1808 году онъ принялъ участіе въ походѣ русскихъ войскъ противъ шведовъ и сражался съ ними въ Финляндіи.

Любовь Б-ва: первыя горести.

Угрюмая природа Финляндіи, скучная жизнь тамъ въ продолженіе зимы,—все это подавляюще подѣйствовало на его удрученный духъ; здѣсь онъ былъ лишенъ и книгъ, и друзей. Батюшковъ вышелъ въ отставку, и въ 1809 г. онъ былъ уже въ Петербургѣ, а затѣмъ въ своемъ имѣніи въ Новгородской губерніи. Къ крѣпостнымъ относился Батюшковъ гуманно, но ими не интересовался. Хозяйствомъ онъ тоже не занимался, а потому очень скоро сталъ скучать въ деревнѣ. Только книги и утѣшали его,— «на нихъ воспиталась въ Батюшковѣ глубокая любовь къ просвѣщенію и, неразрывно связанной съ нею, свободѣ мысли» (Майковъ). Чтеніе Вольтера особенно интересовало его. Повліялъ на него Вольтеръ, какъ философъ и какъ «лирикъ» Французскій поэтъ очень удачно подражалъ Горацію: «основа ихъ міросозерцанія—одна и та же: умѣренный эпикуреизмъ. У обоихъ много изящной и остроумной непринужденности, даже небрежности, никогда не переходившей въ пошлость» (Майковъ). Вотъ почему, кромѣ Вольтера и Парни, поэтъ въ такомъ же духѣ—Горацій тоже сдѣлался образцомъ Батюшкова: его стихотвореніе «Совѣтъ друзьямъ» очень близко подходитъ къ эпикурейскимъ настроеніямъ гораціанской поэзіи. Кромѣ того, вліяніе на Батюшкова оказали Тибуллъ и Парни, пѣвцы «любви» по преимуществу; они тонко рисовали разные оттѣнки любви, при чемъ Парни отличался бо́льшею чувственностью и порой не прочь былъ допускать въ свои произведенія легкую примѣсь цинизма, граціознаго и тонкаго, прикрытаго прекрасной, изящной формой. Произведенія всѣхъ

Жизнь въ Финляндіи.

Жизнь въ деревнѣ.

Вліяніе Вольтера.

Вліяніе Горація.

Вліяніе Тибулла и Парни.

этихъ поэтовъ относятся къ разряду «легкой поэзіи» (см. выше, стр. 33-4, 120-2, 130-1), иначе называемой «антологической».

Сближеніе Б-ва съ Карамзинской школой.

Въ 1810 г. Батюшковъ побывалъ въ Москвѣ, сблизился съ Жуковскимъ, В. Пушкинымъ, П. Вяземскимъ и Карамзинымъ. Это сближеніе укрѣпило его симпатіи къ литературной школѣ Карамзина. Кромѣ того, Жуковскій покорилъ его чистотой своей души, свѣтлая личность Карамзина наполнила его благоговѣніемъ; съ Вяземскимъ его сблизилъ сходный эпикурейскій взглядъ на жизнь.

Насколько мила и дорога сдѣлалась ему Москва, настолько чуждался онъ теперь Петербурга,—напрасно его друзья, Оленинъ, Гнѣдичъ, звали его сюда «служить»,—онъ долго уклонялся отъ службы.

Впечатлѣнія отъ 1812 года и пожара Москвы.

Подъемъ патріотизма русскихъ людей въ 1812 г. и негодованіе на французовъ послѣ пожара Москвы завладѣли и Батюшковымъ: онъ, недавній поклонникъ французовъ, называлъ ихъ теперь «вандалами», «извергами», «варварами» [1]). Его эпикуреизмъ сильно пошатнулся подъ впечатлѣніемъ войны 1812 года и бѣдствій, съ ней связанныхъ. «Сколько зла!»—восклицалъ онъ.—«Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основать надежды? Чѣмъ наслаждаться? А жизнь безъ надежды, безъ наслажденія—не жизнь, а мученье!»... Зная и раньше приступы хандры, Батюшковъ теперь готовъ былъ сдѣлаться совершеннымъ пессимистомъ.

Отраженіе этихъ впечатлѣній на его творчествѣ.

Впечатлѣнія, имъ пережитыя при видѣ сожженной Москвы, выразились въ его поэзіи нѣсколькими сильными картинками (напр. «Посланіе къ Д. В. Дашкову». Могучая вспышка патріотизма опять вызвала Батюшкова на ратное поле: онъ торжественно заявилъ, что отказывается воспѣвать «музъ» и «харитъ», «вѣнки», свитые рукою любви, и «радость» шумную... Опять вернулся онъ на военную службу и совершилъ кампаніи 1813—14 годовъ въ должности адъютанта ген. Раевскаго. Торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ вызвало въ немъ необыкновенный подъемъ воодушевленія.

Батюшковъ за границей.

Проживъ нѣкоторое время въ Германіи, Батюшковъ проникся уваженіемъ къ этому народу и къ его культурѣ. Здѣсь онъ увлекся нѣмецкой литературой, особенно Шиллеромъ. Затѣмъ недолго пожилъ онъ въ Англіи, откуда вернулся моремъ черезъ Швецію на родину. Біографы отмѣчаютъ, что къ этому времени относятся первыя проявленія религіозности въ настроеніяхъ поэта.

Неудачная любовь. Болѣзнь.

Вернувшись въ Петербургъ, Батюшковъ полюбилъ Анну Өедоровну Фурманъ,—сироту, воспитанницу Олениныхъ, но, не встрѣтивъ взаимности, опять захандрилъ. Въ 1815-омъ году онъ заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ и уѣхалъ въ деревню, гдѣ опять началъ томиться одиночествомъ и кончилъ тѣмъ, что въ томъ же году отправился служить въ Каменецъ-Подольскъ. Здѣсь онъ жилъ одиноко, чуждаясь интересовъ провинціальнаго общества,—и скоро опять сталъ тосковать. Къ тому же чувство нераздѣленной любви попрежнему его волновало,—и вотъ, подъ

---

[1]) „Алексѣй Николаевичъ Оленинъ", писалъ онъ Гнѣдичу,—„совершенно правъ; онъ говорилъ назадъ тому три года, что нѣтъ народа, нѣтъ людей, подобныхъ симъ уродамъ, что всѣ ихъ книги достойны костра, а я прибавлю: ихъ головы—гильотины".

вліяніемъ этого чувства, въ поэзіи его зазвучали безотрадные пессимистическіе мотивы: Пессимистическія настроенія въ его творчествѣ.

„Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя—жизнь!
Что въ ней безъ упованья?"

Жизнь «безъ дружбы, безъ любви»—безъ этихъ «идоловъ»—стала казаться ему и лишней, и пустой. Изсякло вдохновеніе:

„И муза, сѣтуя, безъ нихъ
Свѣтильникъ гаситъ дарованья!"

Любимая имъ дѣвушка, не любя, соглашалась, однако, идти за него замужъ. Батюшковъ отвѣчалъ: «жертвовать собою позволено,—жертвовать другими могутъ одни только злыя сердца. Оставимъ это на произволъ судьбы! Жизнь—не вѣчность, къ счастію нашему—и терпѣнію есть конецъ!»

«Міровая тоска», охватившая многія сердца въ Европѣ въ началѣ XIX-го столѣтія, нашедшая въ литературѣ первоначальное выраженіе еще въ образѣ гётевскаго Вертера, а затѣмъ въ герояхъ Шатобріана и Байрона,—завладѣла и Батюшковымъ: онъ увлекся Шатобріаномъ, герой котораго—Рене—своими настроеніями очень напоминаетъ Батюшкова этой поры. Свѣтъ религіи, разгоравшійся въ его сердцѣ, единственно поддерживалъ его, и стихотвореніе: «Мой духъ, довѣренность къ Творцу»—является лучшимъ выраженіемъ этого настроенія. Несомнѣнно, въ это время и вліяніе Жуковскаго сильно сказалось на немъ. Самое выраженіе: «довѣренность къ Творцу», встрѣчающееся въ первой строкѣ вышеназваннаго стихотворенія Батюшкова, является излюбленнымъ у Жуковскаго. „Міровая тоска" въ творчествѣ Батюшкова.

Батюшковъ повторяетъ Жуковскаго и въ своихъ взглядахъ на обязанности писателя: «вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе писателю»,—говоритъ теперь «исправившійся эпикуреецъ». Вліяніе Жуковскаго.

Въ 1816 году онъ былъ уже опять въ Москвѣ. Теперь состояніе духа его было очень тяжелое: онъ чувствовалъ, что боленъ, что слабѣетъ его даръ и что жизнь уходитъ отъ него и, вмѣстѣ съ этимъ, непомѣрно росло его болѣзненное авторское честолюбіе. Только въ религіи и въ мысли о смерти видитъ онъ утѣшеніе. Состояніе души Б-ва.

Тассъ давно интересовалъ Батюшкова не столько своимъ творчествомъ, сколько своей личной жизнью: ранняя смерть матери, бѣдность, несчастная, неудавшаяся любовь, гоненія, въ жизни имъ пережитыя, неудачи по службѣ, наконецъ, умопомѣшательство,—такъ печально сложилась судьба Тасса. Батюшковъ еще въ юности любилъ сближать свою жизнь съ судьбой несчастнаго поэта. Интересъ Б-ва къ личности Тасса.

Въ 1817 году Батюшковъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ въ то время жилъ Жуковскій и его молодые друзья «арзамасцы». Сдѣлавшись членомъ «Арзамаса», узналъ Батюшковъ на время прежнее спокойствіе духа, дружбу образованныхъ, симпатичныхъ людей и уваженіе къ своимъ твореніямъ. Въ это время познакомился онъ и съ юнымъ Пушкинымъ, который тогда весь еще жилъ идеалами того эпикуреизма, отъ котораго Батюшковъ уже отошелъ навсегда. Любопытно, что блестящій талантъ юнаго Пушкина замѣтно безпокоилъ больное честолюбіе Батюшкова; къ Батюшковъ членъ „Арзамаса".

тому же болѣзнь души, унаслѣдованная, очевидно, съ кровью матери, тоже давала себя знать. Нигдѣ не находя себѣ покоя, онъ кончилъ тѣмъ, что оставилъ Петербургъ и поѣхалъ на югъ Россіи. Отсюда онъ вернулся въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отправиться въ Италію, но здѣсь онъ скоро опять заскучалъ; творить онъ почти пересталъ и, гонимый душевнымъ недугомъ, поѣхалъ лечиться въ Германію. Но леченіе ему уже не помогло,—быстро угасали его умъ и творчество...

Новыя странствованія.

Въ Симферополѣ онъ окончательно сошелъ съ ума въ 1822 г. Съ этого времени онъ больнымъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ до смерти, послѣдовавшей лишь въ 1855-омъ году. «Эстетикъ» въ душѣ, относившійся къ «толпѣ» свысока, Батюшковъ остался совершенно чуждымъ тѣмъ общественнымъ политическимъ движеніямъ, которыя ясно обнаружились въ русскомъ обществѣ этого времени.

Умопомѣшательство Батюшкова.

Неустойчивость міровоззрѣніи Батюшкова и его литературныхъ вкусовъ.

§ 144. Не только жизнь, но и творчество Батюшкова отличалось неустойчивостью, отсутствіемъ постоянства во вкусахъ: какъ въ жизни не могъ онъ найти себѣ нигдѣ пристанища, и мѣнялъ постоянно мѣста жительства и свои міровоззрѣнія,—такъ и въ творчествѣ своемъ онъ постоянно переходитъ отъ одного міросозерцанія къ другому: отъ классицизма онъ обращается къ романтизму, къ народной поэзіи и темамъ религіознымъ. Такимъ образомъ, онъ представляетъ собою полную противоположность „постоянному“ Жуковскому.

Батюшковъ-неоклассикъ по преимуществу.

Тѣмъ не менѣе, Батюшкова принято относить къ романтикамъ-„неоклассикамъ“, такъ какъ въ лучшій періодъ его творчества онъ былъ у насъ самымъ виднымъ представителемъ чистаго классицизма, освобожденнаго отъ лжи псевдоклассицизма.

Впрочемъ, обращаясь къ разбору произведеній Батюшкова, необходимо оговориться, что даже въ первый періодъ его творчества мотивы безоблачнаго эпикуреизма перебиваются у него съ настроеніями, въ которыхъ уже сказались ясно первые приступы его хандры.

Этотъ элегическій характеръ эпикуреизма—любопытная, лишь Батюшкову присущая, литературная особенность.

Стихотворенія, выражающія эпикуреизмъ. „Совѣтъ друзьямъ“.

Къ стихотвореніямъ, въ которыхъ яснѣе всего выразился этотъ эпикуреизмъ, относятся такія произведенія, какъ „Совѣтъ друзьямъ“, „Веселый часъ“, „Вакханка“, „Мои пенаты“, и нѣк. др. Въ первомъ произведеніи онъ обращается къ своимъ пріятелямъ-единомышленникамъ:

„Когда счастливо жить хотите,
Среди весеннихъ краткихъ дней,—
Друзья, оставьте призракъ славы,—
Любите въ юности забавы
И сѣйте розы на пути!
Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здѣсь невѣчна,
То лучше въ жизни—пѣть, плясать,

Искать веселья и забавы,
И мудрость съ шутками мѣшать,
Чѣмъ, бѣгая за дымомъ славы,
Отъ скуки и заботъ зѣвать!"

Далѣе онъ говоритъ:

„Друзья, сядьте и внемлите
Музы ласковый совѣтъ!
Вы счастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?—
Отгоните призракъ славы,
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути,—
Скажемъ юности: „лети!"
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить!—
Ахъ, недолго веселиться,
И не вѣки въ счастьи жить!"

Въ стихотвореніи „Вакханка" (подражаніе Парни) удивительно ярко нарисована картинка изъ греческой жизни; представленъ праздникъ „вакханалій",—праздникъ, когда юныя страсти грека не знали никакихъ предѣловъ. „Вакханка".

„Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли.
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны...
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала.
...Она бѣжала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвѣвали,
Перевитые плющомъ,
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмеля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ,—
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ" и т. д.

Этотъ живой образъ вакханки, дышащей страстью, ничего общаго не имѣетъ съ тѣми безжизненными, однообразными фигурами, которыя у псевдоклассиковъ изображали, обыкновенно, древнихъ грековъ и римлянъ. „Мои пенаты"

Въ стихотвореніи „Мои пенаты" Батюшковъ воспѣлъ тихія радости бытія въ скромномъ, уединенномъ жилищѣ, гдѣ его утѣшаетъ любовь Лилы—

„Богинею слѣпою—фортуной,
судьбой—
Забытъ я отъ пеленъ,
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награжденъ!
Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ,
Въ убожествѣ съ тобой,—
Мнѣ милъ шалашъ простой,
Безъ злата милъ и красенъ
Лишь прелестью твоей!"

Этотъ простой „шалашъ" милъ поэту еще и потому, что здѣсь „добрый геній поэзіи святой" свободно посѣщаетъ его и „часто въ мирной сѣни" съ нимъ бесѣдуетъ. Когда „вдохновеніе" слетаетъ къ нему, онъ любитъ здѣсь бесѣдовать съ „милыми тѣнями" русскихъ писателей. Далѣе Батюшковъ характеризуетъ величавый образъ Державина, называя его „нашимъ Пиндаромъ, нашимъ Гораціемъ", затѣмъ—Карамзина, Богдановича, Дмитріева, Хемницера и Крылова. Съ ними поэтъ знаетъ „счастье, сердеч-

ное сладострастіе, и нѣгу, и покой"; съ ними онъ готовъ забыть блистательные дары фортуны. Затѣмъ онъ призываетъ къ себѣ ближайшихъ „друзей"—Жуковскаго и Вяземскаго—

„Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить,—
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе—стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить,
И счастья блеклы розы
Эротомъ оживить!"

Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ кн. Вяземскому. Эпикуреизмъ обоихъ друзей сказывается особенно ярко въ этихъ строкахъ:

„О, Вяземскій, цвѣтами
Друзей твоихъ вѣнчай!
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ, наливай!
Питомецъ музъ надежный,
О, Аристипповъ внукъ,
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и прохлады
На ужинахъ твоихъ,
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ!
И всѣ заботы славы,
Суетъ, и шумъ, и блажь
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь!
О, дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой!
И мы потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,—
Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ!"

Взгляды Батюшкова на поэзію и поэта.

Въ этихъ „эпикурейскихъ" стихотвореніяхъ Батюшкова, неразъ опредѣлялись его взгляды на „поэзію": она, по его словамъ,—„мечта", плодъ „фантазіи"; она далека отъ истины, представляетъ собой „возвышающій обманъ", но, тѣмъ не менѣе, для человѣка она служитъ въ жизни утѣшеніемъ. Съ это точки зрѣнія, поэзія есть порожденіе любви, и потому содержаніемъ ея должна быть любовь и дружба. Поэтъ представлялся Батюшкову „жрецомъ", „любимцемъ харитъ и грацій"; удѣлъ его—„скромная сѣнь, миръ души, вольность жизни и творчества". Но, на

Элегическіе мотивы его эпикуреизма.

ряду съ такимъ, обычнымъ для поэзіи эпикуреизма, пониманіемъ жизни и творчества, встрѣчаемъ мы даже въ раннемъ творчествѣ Батюшкова сильно звучащія элегическія нотки... Порою кажется, что самый эпикуреизмъ для него часто является только средствомъ „забыться", средствомъ подавить ту грусть, которая не разъ овладѣваетъ имъ отъ сознанія того, что все непрочно въ этомъ мірѣ, что здѣсь смерть—удѣлъ всего живого...

Стихотворенія, отразившія впечатлѣнія 1812 г.

§ 145. Въ группѣ стихотвореній, навѣянныхъ войной 1812-го года, этотъ эпикуреизмъ вывѣтривается безъ остатка: впечатлительный поэтъ воплотилъ свои подавленныя настроенія въ тя-

желыхъ картинахъ дѣйствительности. Такъ, въ „Посланіи къ Дашкову“ онъ описываетъ Москву послѣ пожара,— „Посланіе къ Дашкову“.

„Мой другъ, я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары!
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ;
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ!“...

Поэтъ описываетъ далѣе самую Москву,—

„Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!—
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой,
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!

Другія стихотворенія, навѣянныя войной съ Наполеономъ. „Тѣнь друга“.

Къ такимъ же произведеніямъ, навѣяннымъ войной, относятся: „Разлука“, „Плѣнный“, „Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ“, „Переходъ черезъ Рейнъ“ и др. Эти „историческія элегіи“, несомнѣнно, отразили на себѣ вліяніе поэзіи Оссіана.

Изъ „элегій“, въ которыхъ отразилась личная жизнь Батюшкова, особенно удачна „Тѣнь друга“. Въ этомъ произведеніи поэтъ поминалъ своего друга Петина, убитаго подъ Лейпцигомъ.

„Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,—
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,—
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ...
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели“.

Вдругъ онъ увидалъ тѣнь друга.—

„Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней?
Ты-ль это?“—я вскричалъ—„о, воинъ вѣчно милый!
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечомъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ

И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?"

Поэтъ вопрошаетъ видѣніе, но отвѣта не получаетъ и—

„...горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи—
И сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны...
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла,
Тебя, о милый братъ, о, лучшій изъ друзей!"

Вліяніе Оссіана.

И въ этомъ стихотвореніи тоже сильно сказалось вліяніе пѣсенъ Оссіана,—„шотландскій бардъ" любилъ такіе туманные пейзажи и видѣнія, призраки умершихъ героевъ. Оссіановскимъ характеромъ отличается также элегія: „На развалинахъ замка въ Швеціи".

„Гезіодъ и Омиръ—соперники".

Поэма „Гезіодъ и Омиръ—соперники" (изъ Мильвуа) свободной и широкой кистью рисуетъ сцену изъ греческой жизни—представлено состязаніе двухъ пѣвцовъ, Гомера и Гезіода. На фонѣ греческой природы и античной толпы нарисована эта картина. Побѣдителемъ признанъ Гезіодъ.

„Умирающій Тассъ".

§ 146. Автобіографическое значеніе имѣетъ поэма-элегія: произведеніе Батюшкова, посвященное его любимому итальянскому поэту: „Умирающій Тассъ".—Въ жизни Тасса Батюшковъ видѣлъ полную аналогію со своей собственной и готовъ былъ въ трагической участи его провидѣть свое печальное будущее.

Содержаніе элегіи.

Начинается «элегія» съ изображенія торжества въ Римѣ: готовятся вѣнчать Тасса лаврами въ Капитоліи.

„Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ, къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?"

Оказывается, что въ Капитоліи готовятся вѣнчать лаврами Тасса. Въ это время, онъ самъ, окруженный друзьями, умираетъ въ кельѣ; и—

„...надъ божественной страдальца головой

Духъ смерти носится крылатый:
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды,—
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады!
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь-сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
„Друзья, о, дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ.
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище?
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О, древнее квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый,
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ!
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной!
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченный!..
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!"

Далѣе онъ вспоминаетъ всѣ невзгоды своей неудавшейся жизни, сѣтуетъ на судьбу-гонительницу, припоминаетъ свои произведенія и ихъ героевъ. Наконецъ, онъ умираетъ...

„День тихо догоралъ, и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
„Погибъ Торквато нашъ!—воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!.."
На-утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій".

„Странствователь и Домосѣдъ".

Автобіографическое значеніе имѣетъ также любопытное произведеніе Батюшкова: „Странствователь и Домосѣдъ".

Содержаніе его то же, что и поэмы Жуковскаго: «Теонъ и Эсхинъ», только главный герой не Эсхинъ-Жуковскій, а Теонъ-Батюшковъ. Два брата, Клитъ и Филалетъ, повели различную жизнь, — одинъ, Клитъ, купилъ домъ и, «подъ сѣнью отчаго пената», остался жить «тихонько съ женою», — другой, Филалетъ, пустился странствовать, въ поискахъ славы и знанія. Онъ во всемъ разочаровался. Море, напримѣръ, оказалось совсѣмъ не похожимъ на то, какимъ его изображали стихотворцы: ни тритоновъ, ни нереидъ онъ здѣсь не увидалъ. «Мудрость человѣческая» показалась ему «глупостью и заблужденіемъ»: египетскіе философы твердили ему—

„О жертвахъ каменной Изидѣ,
Объ Announcementисѣ-быкѣ, иль грозномъ Озирисѣ"...

Мудрецъ города Кротоны предложилъ ему поститься года 3 — 4 и молчать лѣтъ 10, чтобы, наконецъ, увидѣть—

„...въ девятомъ мірѣ
Духовъ, летающихъ въ эѳирѣ“.

Много онъ странствовалъ, — подъ конецъ, хотѣлъ уже отъ тоски и разочарованія утопиться, но какой-то философъ-скептикъ утѣшилъ его, сказавъ:

„Все—призракъ!..
Богатство, честь и власти,
Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти,
И я, и ты, и цѣлый свѣтъ—
Все призракъ!..“

Эта утѣшительная философія спасла ему жизнь, но чуть было и не лишила его этой жизни. Однажды онъ очутился на аѳинской площади, гдѣ собрался народъ разсуждать о предстоящей войнѣ. Филалетъ сталъ доказывать, что война вредна, но и миръ опасенъ. Когда его съ недоумѣніемъ стали спрашивать, что же дѣлать, онъ сказалъ:

„...Сомнѣваться!
Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ!—
Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться—
И не мириться, и не драться!“

За такой совѣтъ, онъ чуть не былъ избитъ. Братъ его, Клитъ, вернулъ его домой, но неисправимый «странствователь» соскучился черезъ пять дней и опять пустился бродить по свѣту.

Произведеніе это проникнуто юморомъ, но за нимъ скрывается та глубокая тоска, которая впослѣдствіи вылилась такъ опредѣленно въ маленькомъ стихотвореніи Батюшкова: «Изреченіе Мельхиседека»:

„Изреченіе Мельхиседека“.

„Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу сляжетъ!
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ!“

Это стихотвореніе было послѣднимъ созданіемъ Батюшкова.

Сатирическія произведенія Батюшкова.

Послѣ Батюшкова осталось немало сатирическихъ произведеній,—большинство изъ нихъ написано въ первый періодъ его творчества; изъ нихъ наиболѣе извѣстны: „Видѣніе на берегахъ Леты“ и „Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славяноросcовъ“; въ обоихъ этихъ произведеніяхъ онъ высмѣялъ „шишковистовъ“. Кромѣ того, немало осталось послѣ Батюшкова остроумныхъ эпиграммъ. Напримѣръ:

1) „Какъ трудно Бобрису со славою ужиться!—
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться“.

2) „Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
„Петръ длинный“, „Петръ большой“,
Но только „Петръ Великій“
Ея не называй!“

Прозаическія произведенія Батюшкова.

Осталось отъ Батюшкова и нѣсколько прозаическихъ произведеній, описательныхъ („Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера

о Финляндіи“), историко-литературныхъ („Аріостъ и Тассъ“, „Нѣчто о поэтѣ и поэзіи“, „Петрарка“, „Вечеръ у Кантемира“), философскихъ („Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи“, „О лучшихъ свойствахъ сердца“).

§ 147. *С. Реалистическое направленіе.* Реалистическое направленіе этой эпохи является несомнѣннымъ развитіемъ и продолженіемъ этого же направленія, сказавшагося ярко и опредѣленно еще въ эпоху Екатерины,—тогда оно носило обличительный характеръ, выразившись въ журнальной сатирѣ, въ сатирической повѣсти и комедіи,—теперь въ ней хотя и остался нѣкоторый оттѣнокъ обличенія, но значительно расширился кругъ изображаемыхъ явленій, увеличилось число образовъ, тоньше сдѣлался рисунокъ, рѣзкое настроеніе субъективиста-сатирика смѣнилось мягкимъ юморомъ романиста-жанриста. Такимъ образомъ, реализмъ изъ *тенденціозно-обличительнаго* сталъ замѣтно обращаться въ реализмъ *художественный.* С. Реалистическое направленіе. Характеръ реализма въ эту эпоху.

а) *Сатира.* Изъ сатирическихъ произведеній особенно любопытны стихотворныя „сказки“ и „басни“ И. Дмитріева, А. Измайлова и И. Крылова. Это—небольшія повѣстушки, правдиво и весело рисующія живые образы и картины русской дѣйствительности. Въ нихъ мы напрасно стали бы искать той публицистической страстности, которая такъ сильна была у Новикова, особенно у Радищева. а) Сатирическія произведенія.

Публицисты-сатирики Екатерининской эпохи на литературу смотрѣли, какъ на средство выражать свои излюбленныя общественныя идеи,—у писателей, въ родѣ Карамзина (въ первый періодъ его дѣятельности), у Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова—литература и поэзія оказались свободными отъ „служебныхъ“ цѣлей. Дмитріевъ о своихъ сказкахъ сказалъ:

„Я знаю, что онѣ неважны, безполезны,
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно...“

Такая точка зрѣнія объясняетъ, почему обличительный элементъ сталъ блѣднѣть въ произведеніяхъ русскихъ реалистовъ этой эпохи.

Изъ сказокъ Дмитріева особенно удачны были слѣдующія: „Модная жена“, „Воздушныя башни“. „Причудница“, „Карикатура“. „Сказки“ Дмитріева.

„Модная жена“. Въ первой сказкѣ Дмитріевъ рисуетъ живыми и яркими чертами семейную жизнь одноглазаго сановника-Пролаза: онъ—

„...въ теченіе полвѣка
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ
И, наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка—

—и сталъ ѣздить шестеркою въ каретѣ. Тогда онъ женился на пригожей дѣвушкѣ, которая его совершенно покорила, вертѣла имъ, а сама ловко обманывала его. Однажды, когда старый мужъ, желая угодить ей, отправился для нея за покупками,—къ ней въ гости явился—

„Угодникъ дамскій, Миловзоръ,
Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ уборной.
„Ахъ! я лишь думала... какъ милъ!“—„Слуга покорный!“—
„А я одна!“—„Однѣ? тѣмъ лучше! гдѣ же онъ?“—
„Кто? мужъ?“—„Вашъ нѣжный Купидонъ!“—
„Какой, по чести, ты ругатель!..“

Такая перестрѣлка остротами, вопросами и отвѣтами продолжается до тѣхъ поръ, пока не возвращается старый мужъ, обремененный покупками. Желая скрыть отъ супруга посѣщеніе Миловзора, жена притворилась дремлющей... Онъ видитъ, что жена—

„Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка сна;
Онъ ближе къ ней—она проснулась,
Зѣвнула, потянулась...
Потомъ,
Простерши къ мужу руки:
„Какимъ же“, говоритъ, „я крѣпкимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки?“

Потомъ она разсказываетъ мужу, что ей приснилось, будто онъ видитъ на оба глаза—

„Ну, если этотъ сонъ не лживъ?
„Позволь мнѣ испытать!“—И вмигъ, не давъ супругу
Придти въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему—здоровый, не кривой—
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоритъ: „Что? видишь ли, мой свѣтъ?“
Мужъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ!“—
„Ни крошечки?“—„Ни мало!
Такъ темно, какъ теперь, еще и не бывало!“

Пользуясь „темнотою“ старика, Миловзоръ исчезаетъ изъ комнаты. Написанная прекраснымъ языкомъ, украшенная живыми діалогами, сказка эта ярко рисовала сцены изъ дѣйствительной жизни: старый Пролазъ, его молодая жена и Миловзоръ,—все это типичныя лица, — они, какъ живыя, вырисовываются изъ ихъ собственныхъ рѣчей и поступковъ,—самъ авторъ отъ себя не говоритъ ничего.

„Причудница“. Въ сказкѣ „Причудница“ изображена молодая московская дама, по имени Вѣтрана, которой наскучила ея сытая, довольная жизнь. Все у нея было,—она имѣла;

„...большой, тесовый домъ,

Съ берлинами сарай, изрядную услугу.
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она...“

Но все ей надоѣло—она стала пренебрегать Москвой и своими московскими знакомыми. Къ своей крестной матери, волшебницѣ, она обратилась за помощью. По этому поводу авторъ дѣлаетъ отступленіе и вспоминаетъ тотъ фантастическій разсказъ, который въ дѣтствѣ привелось ему слышать отъ одного отставного ротмистра.

„О, если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ!
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!.. Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи.
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь пылалъ тогда въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтизною,
Въ природной красотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ, какъ вкопаный, тебя глазами мѣрилъ!
И что ужъ ты не конь... еще тому не вѣрилъ!“ [1]).

Послѣ такого отступленія авторъ опять возвращается къ своей героинѣ. Волшебница переноситъ ее въ волшебный дворецъ, гдѣ собрана масса богатствъ, гдѣ исполняются всѣ ея желанія. Жизнь ея здѣсь напоминаетъ жизнь Душеньки въ чертогахъ Амура, пушкинской Людмилы у Черномора. Потомъ все очарованіе исчезаетъ—начинаются разные ужасы. Вѣтрану похищаетъ какой-то витязь. «Отъ ужаса она... просыпается (ср. развязку въ „Свѣтланѣ“),—она видитъ, что—

„Вся горница полна людей,
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней,
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходскій попъ молился и читалъ,
Въ другомъ углу колдунъ досужій бормоталъ;
У шкафа жъ за столомъ, восчанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ нѣмчинъ,
Который по Москвѣ считался знаменитымъ
Затѣмъ, что былъ одинъ...“

И сама Вѣтрана, и родичи ея остались очень довольны, что тяжелый кошмаръ миновалъ,—все приключеніе кончилось веселымъ обѣдомъ.

---

[1]) Ср. Пушкина балладу: „Гусаръ“ и разсказъ Гоголя: „Вій“. „Брамербасъ“—имя, заимствованное изъ комедіи Сумарокова: „Трессотиніусъ“ (типъ: „miles gloriosus“).

„Ужъ липецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе...
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
„Что матушки-Москвы и краше, и милѣй?"

Эту сказку самъ авторъ назвалъ переводомъ изъ Вольтера („La Begueule"), но это скорѣе передѣлка на русскій ладъ чужого произведенія.

„Карикатура".

„Карикатура" — удивительно-жизненный разсказъ, выхватывающій трогательный случай изъ русской жизни. Старый вахмистръ возвращается, по окончаніи военной службы, домой,—къ женѣ, которую онъ оставилъ, будучи еще румянымъ юношей.

„Я вижу чисто поле,
Вдали же предо мной
Чернѣетъ колокольня
И вьется дымъ изъ трубъ...
Но кто вдоль по дорогѣ,
Подъ шляпой, въ колпакѣ,
Тряхъ, тряхъ, а индѣ рысью
На старомъ рыжакѣ?

Чѣмъ ближе подъѣзжаетъ старый воинъ къ родному дому, тѣмъ живѣе бьется его сердце. Домъ его оказался заколоченнымъ, жена —въ тюрьмѣ за то, что держала притонъ разбойниковъ.

„Что дѣлать? Какъ ни больно,
Не вѣчно же тужить!
Несчастный мужъ поплакалъ,
Женился на другой...
Сей витязь и понынѣ,
Друзья, еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ земскимъ былъ судьей!"

„Басни" И. И. Дмитріева

§ 148. Басни Дмитріева представляютъ собою, по преимуществу, переводы изъ Лафонтена и другихъ иностранныхъ баснописцевъ. Главное достоинство ихъ—живой, изобразительный языкъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что Дмитріевъ создалъ художественный стиль той реалистической школы стихотворцевъ, во главѣ которой стали у насъ впослѣдствіи Крыловъ и Грибоѣдовъ. Лучшія его произведенія этого типа: „Дубъ и Трость", „Два Голубя", „Чижикъ и Зяблица", „Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ". Между его „баснями" попадаются и короткія повѣстушки-анекдоты, наброски художника-жанриста, не обдѣленнаго юморомъ, иногда окрашенныя сентиментализмомъ („Быль", „Шарлатанъ", „Филемонъ и Бавкида", „Лиса-проповѣдница"). О поэтическихъ произведеніяхъ Дмитріева кн. Вяземскій говоритъ, что они отличаются „правильностью языка, красивостью слога, свободностью стихосложенія, вѣрнымъ вкусомъ, умомъ острымъ и замысловатымъ, воображеніемъ не стремительнымъ, но живымъ, насмѣшливостью не язвительною, но колкою, совершенствомъ отдѣлки и, вообще, тѣмъ глянцемъ искусства, который, преимущественно, замѣченъ въ твореніяхъ французовъ".

Кн. Вяземскій о произведеніяхъ И. Дмитріева.

„Сказки" А. Измайлова.

§ 149. Въ такомъ же родѣ были „сказки" и „басни" А. Измайлова, современника Крылова. Онъ, какъ и Дмитріевъ, пользовался любовью современниковъ: съ 1814 г. по 1826 г. его

произведенія пять разъ переиздавались. Въ своихъ „сказкахъ" онъ любилъ рисовать жанровыя картинки изъ русской жизни, при чемъ выбиралъ сюжеты, по преимуществу, грубоватые,— оттого онъ самъ называлъ себя „россійскимъ Теньеромъ". „Сфера жизни обыкновенной, наивно-грубой, а иногда и цинической, подходила къ таланту Измайлова, который вѣрно схватывалъ черты ея и рисовалъ ихъ искусно". Герои его произведеній, по словамъ Галахова, чиномъ „не восходятъ выше титулярнаго совѣтника"; съ ними часто имѣла дѣло управа благочинія. Увеселительныя заведенія самаго невысокаго ранга—обычная обстановка, въ которой дѣйствуютъ герои Измайлова. Типична, для пониманія его манеры письма, басня: „Пьяница". Герой ея: „Пьяница".

„Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
Въ трактирѣ онъ напился,
Къ несчастію, еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что—и самъ того не зналъ...
На улицѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался...
Вотъ, вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной".

Въ другой баснѣ: «Пьяница и Судья» Измайловъ, съ такимъ же реализмомъ, рисуетъ подьячаго, который въ пьяномъ видѣ, чуть было не утонулъ: „Пьяница и Судья".

„Въ ночь темную, зимой,
Подьячій пьяный шелъ черезъ рѣку домой,
Съ прямой дороги сбился,
И гдѣ жъ?—у полыньи, каналья, очутился,
Споткнулся и на край на самый повалился,
Заснулъ и думаетъ, что онъ на съѣзжей спитъ,—
На чистомъ воздухѣ, какъ богатырь, храпитъ".

„Сказки" Измайлова, по существу своему, ничѣмъ не отличаются отъ его „басенъ",—въ нихъ то же содержаніе, различіе лишь въ объемѣ. Изъ „сказокъ" его наиболѣе художественны слѣдующія: „Молодая вдова", „Купецъ Мошкинъ", „Священникъ и Крестьянинъ", „Страсть къ стихотворству", „Дуракъ-Филатка", „Лгунъ", „Стрѣлки", „Пѣвчіе", „Гордѣй съ фонаремъ", „Шутъ", „Купецъ Брюхановъ", „Служанка", „Встрѣча двухъ подругъ", „Собака и Воръ, „Дворняжка-буянка", „Кулачные бойцы".

„Басни“ А. Измайлова.

Свое умѣніе рисовать правдиво и живо русскую жизнь Измайловъ внесъ и въ свои „передѣлки“ басенъ Езопа, Лафонтена, Флоріана и другихъ иностранныхъ баснописцевъ. Въ этомъ отношеніи, онъ — одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ писателей-реалистовъ.

Изъ басенъ его особенно остроумны слѣдующія: „Умирающая собака“, „Котъ и Крысы“, „Кошки въ погребѣ“, Два кота“, „Поединокъ“, „Устрица и двое прохожихъ“, „Двѣ козы“, „Черный котъ“. Всѣ онѣ, оригинальныя и переводныя, даютъ художественные, живые образчики аллегорической сатиры. Особенно любопытны своей руссификаціей передѣлки иностранныхъ басенъ (напр., „Двѣ козы“). Кромѣ этихъ аллегорическихъ басенъ, среди произведеній Измайлова есть немало рисующихъ бытовыя стороны русской жизни,—передъ нами проходятъ русскіе чиновники, купцы, особенно мужики, нарисованные живо, правдиво, съ беззлобнымъ юморомъ... Къ такимъ произведеніямъ относятся: „Собачья зависть“, „Блины“, „Дитя и семь нянекъ“, „Два крестьянина и Облако“, „Яшка-поваръ“, „Крестьянинъ и Кляча“, „Собака и Секретарь“.

Бытовой элементъ въ произведеніяхъ Измайлова.

И. А. Крыловъ (1768—1844).

Біографія И. А. Крылова.

§ 150. Родился Иванъ Андреевичъ Крыловъ въ бѣдной дворянской семьѣ. Раннее дѣтство его протекало въ глухой провинціи, въ Оренбургскомъ краю, гдѣ отецъ его, незамѣтный армейскій штабсъ-капитанъ, своею службой кормившій семью, отличился при геройской оборонѣ Яицкаго городка противъ Пугачева. Родители Крылова были люди необразованные, но простые и честные; семья Мироновыхъ («Капитанская дочка») ихъ напоминаетъ. Въ 1775 г. отецъ Крылова, выйдя въ отставку, переселился въ Тверь. Присмотра за мальчикомъ Крыловымъ не было никакого, — онъ любилъ толкаться среди простого народа, присматриваться къ шумной и характерной ярмарочной толпѣ. Десять лѣтъ было ему, когда умеръ его отецъ, оставивъ семью безъ средствъ; тринадцати лѣтъ мальчикъ поступаетъ на службу подканцеляристомъ въ судъ. Изъ милости помѣщикъ Львовъ пустилъ его учиться вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Этотъ домъ въ Твери былъ «литературный»,—хозяева любили поэзію, ставили любительскіе спектакли; несомнѣнно, здѣсь Крыловъ пріобрѣлъ первую страсть къ литературному творчеству: лѣтъ 15-ти отъ роду (въ 1782—1784 гг.) онъ испробовалъ уже свои силы, сочинивъ комическую оперу: «Кофейница». Содержаніе пьесы не отличается ни богатствомъ фантазіи, ни оригинальностью. Тѣмъ не менѣе, тверскіе критики одобрили первое произведеніе самолюбиваго и честолюбиваго юноши,—и его стало тянуть въ Петербургъ,—этотъ пріютъ провинціальныхъ геніевъ и талантовъ. Онъ перебрался, наконецъ, въ столицу, гдѣ и получилъ мѣсто въ казенной палатѣ съ жалованьемъ 2 р. въ мѣсяцъ.

Родители Крылова.

Крыловъ въ Твери.

Въ Петербургѣ Крыловъ занялся самообразованіемъ и предусмотрительно позаботился заручиться литературными и театральными связями,— такъ, мечтая сдѣлаться драматургомъ, онъ познакомился съ писателемъ Княжнинымъ и артистомъ Дмитревскимъ и, подъ ихъ вліяніемъ, сочинилъ въ 1785 г. трагедію: «Клеопатра», а въ 1786 г. — «Филомелу». Обѣ трагедіи строго - псевдоклассическія и, въ литературномъ отношеніи, были слабы. Имъ не суждено было появиться на сценѣ. Въ 1786 г. онъ сочинилъ двѣ комедіи: «Бѣдная семья» и «Сочинитель въ прихожей». Эти пьесы тоже оказались неудачны, и самолюбію юнаго писателя были нанесены новые удары. Новая неудача какъ-то связалась съ Княжнинымъ и его женой, и вотъ, въ 1787 г. обиженный Крыловъ сочиняетъ, въ отместку Княжнинымъ, новую комедію: «Проказники», въ которой, подъ именемъ Рифмокрада, выводитъ Княжнина, а съ лицѣ Тараторы — его жену. Это злостное произведеніе бросало тѣнь даже на семейную жизнь Княжниныхъ, и окончательно разссорило Крылова съ ними и Соймоновымъ, ихъ другомъ, директоромъ театровъ. Сцена надолго оказалась закрытой для произведеній Крылова. Тогда онъ бросилъ драматическое творчество и взялся за журналистику. Въ 1789 году онъ издаетъ сатирическій журналъ: «Почта духовъ» [1]) въ сотрудничествѣ съ Рахманиновымъ и Клушинымъ. Въ ихъ журналѣ принималъ участіе и Радищевъ. Содержаніемъ и настроеніемъ изданіе это мало чѣмъ отличалось отъ сатирическихъ журналовъ Новикова и другихъ подобныхъ же сатирическихъ изданій: и здѣсь осмѣивалась французоманія (французы-воспитатели и ихъ русскіе воспитанники-щеголи), обличалось казнокрадство и плутовство, притѣсненіе крѣпостныхъ, неправда въ судахъ... Болѣе зрѣлою и глубокою была сатира второго крыловскаго журнала: «Зритель» (1792)—здѣсь крѣпостное право изобличалось особенно энергично. Однако, несмотря на несомнѣнныя литературныя достоинства, крыловскіе журналы успѣха не имѣли,— очевидно, какъ со своими драмами, такъ и съ журналами Крыловъ сильно запоздалъ,—литературные вкусы времени ушли далеко впередъ; русская публика уже не интересовалась псевдоклассицизмомъ и сатирой, увлекалась идеализмомъ сентиментальныхъ повѣстей Карамзина и его «Московскаго Журнала». Быть можетъ, этимъ объясняется то недоброжелательство, съ которымъ Крыловъ сталъ относиться и къ Карамзину и къ тому модному литературному направленію, начинателемъ котораго былъ у насъ Карамзинъ. Въ 1795году Крыловъ издаетъ третій журналъ: «С.-Петербургскій Меркурій»; это изданіе уже не можетъ быть названо «сатирическимъ»,—скорѣе, это такой же литературный органъ, какъ и «Московскій Журналъ». Выходку лично противъ Карамзина позволилъ себѣ Крыловъ въ одной статьѣ, гдѣ, какъ утверждаютъ, подъ именемъ Ермалафида, онъ вывелъ автора «Бѣдной Лизы».

Крыловъ въ Петербургѣ; увлеченіе драматургіей

Крыловъ-журналистъ.

Царствованіе Павла, съ его суровымъ режимомъ, пріостановило развитіе нашей литературной жизни,—теперь замолчали даже тѣ писатели, которые въ концѣ царствованія Екатерины работали, болѣе или менѣе, безпрепятственно. Замолчалъ и Крыловъ и даже на нѣсколько лѣтъ

Крыловъ въ эпоху Павла.

---

[1]) Въ названіи журнала и въ построеніи его Крыловъ подражалъ Эмину, который издавалъ журналъ: „Адская почта, или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ“.

исчезъ изъ столицы: онъ прожилъ все это время въ деревнѣ кн. Голицына, въ качествѣ его секретаря и наставника его дѣтей. Послѣ своихъ житейскихъ неудачъ Крыловъ сдѣлался теперь особенно остороженъ,— пришлось перевоспитать себя, задавить свою несдержанность, — и вотъ «ладить со всѣми» сдѣлалось его житейскимъ правиломъ. Вигель, видѣвшій его въ домѣ Голицына, разсказываетъ, что въ это время Крыловъ былъ уже человѣкомъ осторожнымъ, даже искательнымъ... Отказавшись отъ публичной литературной дѣятельности, Крыловъ однако не переставалъ заниматься литературнымъ творчествомъ. Такъ, ради потѣхи своихъ вельможныхъ хозяевъ, онъ сочинилъ для ихъ домашняго театра три комедіи: «Трумфъ», «Пирогъ» и «Лѣнтяй».

Крыловъ въ Александровскую эпоху.

Вступленіе на престолъ Александра I и успѣхъ первыхъ сочиненныхъ басенъ (1806) опять увлекли Крылова на литературное поприще. Теперь счастье ему улыбнулось, — двѣ комедіи его «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» (1807) попали на сцену и встрѣчены были публикой сочувственно. Съ этихъ поръ онъ навсегда поселился въ Петербургѣ; съ 1808 года не писалъ уже больше ничего кромѣ басенъ, и въ 1809 году, когда онъ издалъ первое собраніе своихъ басенъ, его юношеская мечта осуществилась — литературная слава была имъ завоевана. Дружба его съ Оленинымъ доставила ему мѣсто сперва при монетномъ дворѣ, а съ 1812 г.— въ Публичной Библіотекѣ. Въ 1838 г. былъ отпразднованъ его 50-лѣтній юбилей; въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку и въ 1844 г. онъ умеръ, уважаемый публикой, писателями, переживъ многихъ своихъ современниковъ.

Крыловъ въ Петербургѣ.

Крыловъ во вторую половину своей жизни.

Время литературной славы Крылова, т. е. вся вторая половина его жизни, съ психологической точки зрѣнія, не отличается обиліемъ содержанія: личность писателя обрисовалась вполнѣ опредѣленными очертаніями уже въ концѣ первой половины его жизни; во второй же періодъ— періодъ баснописанія, это прочно-выработавшаяся личность, уже недоступная постороннимъ вліяніямъ, нашла себѣ полное выраженіе въ литературной дѣятельности; басня оказалась лучшимъ и полнымъ выраженіемъ индивидуальности Крылова.

Мы видѣли, что въ упорную борьбу за славу Крыловъ вступилъ юношей наблюдательнымъ, живымъ, остроумнымъ, энергичнымъ и очень честолюбивымъ; изъ борьбы онъ вынесъ огромный запасъ житейской мудрости, — эгоизмъ, выродившійся изъ самолюбія, и надорванную энергію. Когда побѣда была одержана, цѣль жизни достигнута,—все живое, острое засыпаетъ въ Крыловѣ. Его эгоизмъ обращается въ холодное добродушіе, вся его энергія и живость разрѣшаются въ апатію, и насыщенное честолюбіе рано заставляетъ его безъ увлеченія относиться даже къ своей литературной дѣятельности.

„Басня"— жанръ, наиболѣе подходящій къ индивидуальности Крылова.

§ 151. „Басня" была именно тѣмъ литературнымъ жанромъ, въ которомъ особенно полно и удачно могла выразиться индивидуальность Крылова. Комедія требуетъ отъ писателя глубокаго проникновенія въ сердца человѣческія, трагедія, кромѣ того,— способности глубоко и сильно чувствовать, лирика—необыкновен-

ной отзывчивости и тонкости чувства, — всего этого у Крылова не было: онъ не обладалъ любящей душой Гоголя, у котораго „сквозь видимый міру смѣхъ" легко видны были „невидимыя слезы". Крыловъ неспособенъ былъ глубоко чувствовать, — это былъ человѣкъ не чувства, а разсудка; житейская опытность помогла ему выработать рядъ отрывочныхъ практическихъ правилъ, которыхъ онъ не связалъ въ стройную систему. Съ точки зрѣнія этихъ правилъ, сталъ онъ смотрѣть на жизнь и внимательно замѣчалъ всѣ противорѣчія имъ. Обладая отъ природы сатирическимъ талантомъ, онъ осмѣивалъ въ своихъ басняхъ эти противорѣчія. И, конечно, самую выгодную литературную форму для выраженія чувствъ такого сатирика, какимъ былъ Крыловъ, представляла именно басня: отрывочныя мысли для ихъ выраженія не требовали произведенія большого по размѣрамъ, а осторожность, пріобрѣтенная съ годами, подсказывала иносказаніе. Наконецъ, удивительная наблюдательность и знаніе жизни дали ему возможность свои произведенія сблизить съ дѣйствительностью.

Живость и правдивость басенъ.

Живость и правдивость его басенъ доказываетъ, что многіе эпизоды, легшіе въ основу его басенъ, не сочинены имъ ради назидательности, а взяты изъ жизни. Сентенціи, результатъ житейской мудрости Крылова, были при немъ, — жизнь часто противорѣчила имъ, и спокойный „мудрецъ" считалъ своимъ долгомъ не горячась, не волнуясь, вступаться за свои убѣжденія, — въ одной баснѣ онъ говоритъ:

„За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ".

Эти слова вполнѣ примѣнимы къ нему самому.

Крыловъ — художникъ-жанристъ.

Крыловъ, прежде всего, — художникъ-жанристъ, схватывающій жизнь въ ея типическихъ проявленіяхъ: моралистъ въ немъ заслоненъ художникомъ. Вотъ почему *собственно басня*, какъ произведеніе дидактическое [1]), среди его произведеній занимаетъ самое послѣднее мѣсто, — гораздо сильнѣе онъ въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя представляютъ собой или *аллегорическую сатиру*, или просто *жанровыя картинки* изъ русской жизни, написанныя съ беззлобнымъ юморомъ и тонкимъ знаніемъ русскаго быта.

---

[1]) Басня есть такое эпическое произведеніе, въ которомъ авторъ, подъ покровомъ аллегоріи, доказываетъ справедливость какой-нибудь нравоучительной идеи (мораль).

„Басни“ Крылова.

Мы видѣли, что Дмитріевъ раздѣлялъ свои произведенія на нравоучительныя (басни), сатирическія (сатиры) и повѣствовательныя (сказки); Измайловъ, смѣшавшій, по существу, „басню“ съ „сказкой“, однако чувствовалъ какое-то различіе между обоими видами (дидактическимъ и сатирическимъ) и называлъ (довольно произвольно) одни свои произведенія — „баснями“, другія — „сказками“. Крыловъ „баснями“ назвалъ *всѣ* свои произведенія одинаково — и дидактическія, и сатирическія, но нетрудно замѣтить, что изъ нихъ настоящими баснями были лишь произведенія „нравоучительныя“, остальныя же представляли собой аллегорическую сатиру, или просто остроумныя повѣстушки-анекдоты.

Нравоучительныя произведенія Крылова; ихъ содержаніе.

§ 152. „Нравоучительныя“ произведенія Крылова принадлежатъ къ слабѣйшимъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, они были переводными. Прекрасныя своей художественностью, блистающія остроуміемъ, всѣ они, однако, невысоки по идеѣ, — ихъ мораль не превышаетъ скромныхъ требованій „житейской мудрости“: осторожность въ жизни, простой здравый смыслъ и пониманіе дѣйствительной жизни — вотъ основныя правила баснописца:

„Осторожность въ жизни“.

Надо осторожно выбирать друзей («Роща и Огонь», «Пустынникъ и Медвѣдь», «Крестьянинъ и Змѣя», «Котелъ и Горшокъ»), воспитателей для своихъ дѣтей («Крестьянинъ и Змѣя», «Воспитаніе Льва»), помощниковъ («Оселъ и Мужикъ», «Филинъ и Оселъ», «Крестьянинъ и Собака»); осторожно давать народу свободу («Конь и Всадникъ»); быть умѣренну въ своихъ желаніяхъ, всякому знать свой шестокъ («Фортуна и Нищій», «Ворона», «Колосъ», «Лягушка и Волъ»); не быть очень разборчивымъ («Разборчивая невѣста»), умѣло и осторожно пользоваться счастьемъ («Фортуна въ гостяхъ», «Два голубя»), не браться за чужое дѣло («Щука и Котъ»), не гоняться за призрачнымъ счастьемъ («Пастухъ и Море»), къ жизни относиться терпѣливо («Трудолюбивый медвѣдь»), быть разумно-бережливымъ («Мельникъ»), не спѣшить съ рѣшеніями («Мыши»), не загадывать впередъ («Старикъ и двое молодыхъ»), не презирать ничьихъ совѣтовъ и «не плевать въ колодецъ» («Орелъ и Кротъ», «Левъ и Мышь»), браться только за то, что́ по силамъ («Скворецъ»), не хвалиться раньше времени («Синица»), заботиться о будущемъ («Стрекоза и Муравей»), не судить другихъ, когда за самимъ водятся слабости («Обозъ»); не смѣяться надъ слабымъ, такъ какъ и онъ можетъ отомстить («Левъ и Комаръ»), не смѣяться надъ чужой бѣдой («Чижъ и Голубь»), не вѣрить льстецамъ («Ворона и Лисица»), не довѣрять врагамъ («Крестьянинъ и Змѣя»), наказывать съ разборомъ («Хозяинъ и Мыши»), при томъ наказывать не только словами («Котъ и Поваръ»); у вора надо отымать краденое («Собака»).

Отношеніе къ ближнему.

„Трудъ въ басняхъ Крылова.

Проповѣдникъ труда, Крыловъ отъ людей требовалъ дѣятельности («Фортуна въ гостяхъ»), безъ которой, по его мнѣнію, погасаетъ талантъ человѣка. Въ совмѣстной работѣ онъ рекомендовалъ согласіе и единодушіе («Лебедь, Ракъ и Щука»). Въ дѣлахъ благотворенія онъ требовалъ безкорыстнаго отношенія («Лань и Дервишъ»), служеніе общему дѣлу ставилъ выше эгоистическихъ заботъ о своемъ личномъ благополучіи («Орелъ и Пчела»).

Взглядъ Крылова на образованіе.

Во многихъ басняхъ касался Крыловъ образованія,—и здѣсь онъ рекомендуетъ, прежде всего, «осторожность»; утилитаристъ («Паукъ и Пчела») по убѣжденію, онъ стоитъ, главнымъ образомъ, за «прикладное» знаніе: практическій смыслъ, сметка для него иногда выше теоріи, выше «чистой науки».

Поэтому онъ въ человѣкѣ природный умъ ставилъ выше, чѣмъ образованіе («Ларчикъ»); опытность и навыкъ ставилъ выше книжнаго отвлеченнаго знанія («Огородникъ и Философъ»). Самъ блестящій «самородокъ», Крыловъ готовъ былъ способному человѣку простить его невѣжество, даже нѣкоторыя слабости: «по мнѣ—ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй»,—такова мораль его басни: «Музыканты».

Въ баснѣ: «Водолазы» Крыловъ старается опредѣлить цѣнность различныхъ видовъ знанія: есть люди, робкіе и недалекіе, которые довольствуются случайными и поверхностными знаніями: такіе люди ни способностей своихъ не разовьютъ, ни образованными не сдѣлаются,—ихъ «знанія» малоцѣнны. Есть дерзкіе люди, которые слишкомъ вѣрятъ въ свой умъ, и, не соблюдая осторожности, бросаются въ бездну знанія, не считаясь со своими силами, не разбирая качествъ знанія,—такіе люди погибаютъ безплодно для себя и для другихъ. Только благоразумные и осторожные люди умѣютъ извлекать пользу изъ образованія съ пользой для себя. Такова идея его басни: «Водолазы»—

„Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою".

Взглядъ Крылова на Вольтера и французское просвѣщеніе XVIII в.

Узость такого взгляда на просвѣщеніе особенно ярко сказалась въ баснѣ: «Сочинитель и Разбойникъ», въ которой Крыловъ осудилъ Вольтера, не признавъ за нимъ никакихъ заслугъ передъ человѣчествомъ. Крыловъ суровѣе отнесся къ нему, чѣмъ къ обыкновенному разбойнику за то, что вредъ, приносимый твореніями писателя, гораздо продолжительнѣе: онъ не умираетъ со смертью писателя,—а распространяется въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Противникъ французской революціи и вообще всякаго вольнодумства, Крыловъ это свое міровоззрѣніе выразилъ въ басняхъ: «Безбожники», «Конь и Всадникъ». Воспитаніе русской молодежи во французскомъ духѣ, при помощи пришлыхъ воспитателей-иноземцевъ, онъ считалъ опаснымъ и поэтому нежелательнымъ («Крестьянинъ и Змѣя», «Кукушка и Горлинка») потому, что считалъ тѣ вліянія, которымъ подвергается человѣкъ въ дѣтствѣ, неизгладимыми и опредѣляющими всю его жизнь («Бочка»)—

Взглядъ Крылова на воспитаніе.

„Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ только напитаться:
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться!“

Воспитаніе и образованіе, по его мнѣнію, должно было быть въ націоналистическомъ духѣ («Воспитаніе Льва»),—при чемъ сами родители должны заботиться о сердцахъ своихъ дѣтей и не поручать ихъ надзору нанятыхъ воспитателей («Кукушка и Горлица»). Недостатки «ненормальнаго» воспитанія изобразилъ Крыловъ въ цѣломъ рядѣ басенъ: Левъ, воспитанный Орломъ, научился вить гнѣзда («Воспитаніе Льва»); Кукушку не уважаютъ ея дѣти, такъ какъ они воспитаны были не ею. Воспитаніе на иностранный ладъ, по мнѣнію Крылова, стирало національныя черты, дѣлало изъ тогдашнихъ русскихъ людей какихъ-то обезьянъ («Обезьяны»), которыя всѣ усилія прилагали къ тому, чтобы вѣчно что-нибудь перенимать (ср. щеголей и щеголихъ въ сатирѣ XVIII в.). Въ баснѣ «Червонецъ» Крыловъ доказываетъ, что въ погонѣ за внѣшнимъ лоскомъ часто забываютъ думать о внутреннихъ достоинствахъ человѣка,—и онъ теряетъ свою цѣнность, несмотря на привлекательную внѣшность.

§ 153. Въ цѣломъ рядѣ другихъ „басенъ“, въ которыхъ нѣтъ никакой морали, а есть *обличеніе*, прикрытое аллегоріей, Крыловъ высмѣивалъ недостатки общечеловѣческой жизни.

«Обличеніе» это у него теперь потеряло ту страстность, которой отличалось въ первый періодъ его творчества (журнальная сатира): теперь не слышится негодованія въ его отношеніяхъ къ недостаткамъ жизни человѣческой,—добродушная лукавая насмѣшка звучитъ теперь въ его обличительныхъ рѣчахъ. Такимъ образомъ, въ его сатирѣ теперь больше уступчивости, осторожности и мягкости. Наученный опытами жизни, онъ сдѣлался болѣе скрытнымъ, и это замѣтно въ его басняхъ: «истина сноснѣе вполоткрыта» («Волкъ и Лисица»)—сказалъ онъ самъ, и басни его доказываютъ намъ, что это изреченіе вполнѣ опредѣляетъ характеръ его теперешней сатиры и ту *аллегорическую* форму («басня»), которую осторожно выбралъ онъ для прикрытія истины.

Человѣческіе недостатки, обличаемые Крыловымъ.

Въ своихъ обличительныхъ басняхъ онъ нападаетъ на человѣческіе недостатки, вредящіе общественному благополучію,—такъ, напримѣръ, нападаетъ онъ на *эгоизмъ* человѣка, не считающагося съ потребностями общества («Лягушка и Юпитеръ»—ср. образъ Евгенія въ «Мѣдномъ Всадникѣ»), или индифферентно, равнодушно относящагося къ судьбѣ ближняго («Чижъ и Голубь»). *Неблагодарность* людская («Волкъ и Журавль», «Крестьянинъ и Работникъ»), и *корыстолюбіе* («Скупой и Курица», «Фортуна и Нищій» и др.)—тоже относятся къ противообщественнымъ недостаткамъ и потому неустанно преслѣдуются Крыловымъ.

Болѣе безобидными, въ общественномъ смыслѣ, являются такіе, чисто личные, недостатки, какъ *тщеславіе* и *самомнѣніе*,—ихъ онъ добродушно-лукаво высмѣиваетъ въ басняхъ: «Ворона и Скворецъ», «Синица»; потѣшается онъ и надъ всѣми видами человѣческой глупости—надъ невѣжествомъ злостнымъ («Свинья подъ дубомъ»), безобиднымъ («Мартышка и

Очки»),—надъ легкомысліемъ («Стрекоза и Муравей»), надъ неумѣніемъ разобраться въ жизни,—умственной слѣпотой («Любопытный», «Ларчикъ», «Оселъ»).

Крыловъ противъ сословныхъ предразсудковъ.

Останавливаетъ свое вниманіе Крыловъ на вредѣ сословныхъ предразсудковъ, — такъ въ баснѣ «Гуси» высмѣялъ онъ генеалогическую спесь; отмѣтилъ онъ въ своихъ басняхъ зло низкопоклонства («Двѣ Собаки»); указалъ на рознь сословій и званій («Листы и Корни», «Пушки и Паруса»), гибельно отражающуюся на благосостояніи общества. Демократъ по убѣжденіямъ, крестьянство онъ поставилъ выше дворянства, которое, между прочимъ, высмѣялъ онъ въ баснѣ: «Тришкинъ кафтанъ»: неумѣніе вести свои дѣла (закладыванье и перезакладыванье имѣній) — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, близорукое самодовольство, — вотъ, какія черты тогдашняго дворянства отмѣтилъ въ этой баснѣ Крыловъ.

Сатирическія басни Крылова а) противъ общечеловѣческихъ пороковъ.

Онъ указываетъ, что сильные всегда тѣснятъ слабыхъ («Волкъ и Ягненокъ»), что иногда скромны и тихи бываютъ люди, пока у нихъ нѣтъ силы («Ручей»), что лицемѣріемъ люди часто прикрываютъ свои пороки («Лисица и Сурокъ»), что порочные люди часто кричатъ о порокахъ другихъ людей («Волкъ и Кукушка», «Волкъ и Мышенокъ»), хвастунишки часто имѣютъ успѣхъ въ жизни («Заяцъ на ловлѣ»), невѣжи судятъ о томъ, чего не знаютъ («Пѣтухъ и жемчужное зерно»), люди бываютъ неблагодарны къ своимъ благодѣтелямъ («Крестьянинъ и работникъ»), мелкіе плуты часто терпятъ наказаніе за то, что̀ проходитъ крупнымъ безнаказанно («Вороненокъ»); воръ всегда остается воромъ («Крестьянинъ и Лисица»), неблагожелательный и невѣжественный человѣкъ не замѣчаетъ добра («Свинья подъ дубомъ»), безполезные люди любятъ выставлять свои заслуги («Муха и Дорожные»), люди охотно дарятъ то, что̀ имъ не надо («Волкъ и Лисица»), счастье маленькихъ, незамѣтныхъ людей бываетъ полнѣе, чѣмъ людей крупныхъ («Бумажный змѣй»), талантъ безъ упражненія гибнетъ («Прудъ и Рѣка»), люди много говорятъ о добрѣ, но мало его дѣлаютъ («Добрая лисица»), безсовѣстные люди извращаютъ все хорошее («Мірская сходка»), плохіе друзья покидаютъ товарища во время опасности («Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ»), люди партійные не бываютъ справедливы («Прихожанинъ»), друзья часто оказываются коварными («Левъ, Серна и Лиса», «Мальчикъ и Червякъ»), люди дерзко ропщутъ на Провидѣніе, судятъ о томъ, что̀ знать имъ не дано («Крестьянинъ и Лошадь»), за грѣхи люди всегда расплачиваются («Волкъ и Котъ»), изъ пустяковъ часто происходитъ много зла («Левъ и Мышь»), люди часто возводятъ напраслину на другихъ («Напраслина»), люди пустые любятъ много кричать о себѣ («Двѣ бочки»), люди, полезные отечеству и его любящіе, не должны стремиться заграницу («Пчела и Мухи»), самонадѣянные глупцы преувеличиваютъ свое значеніе («Муравей»). Кромѣ того, онъ обличаетъ тунеядцевъ («Муха и Пчела»), скупыхъ («Скупой», «Бѣдный богачъ»), неблагодарныхъ («Волкъ и Журавль»), эгоистовъ («Лягушка и Юпитеръ»), льстецовъ («Хмель»), клеветниковъ («Клеветникъ и Змѣя»).

b) противъ недостатковъ русской жизни.

Изъ его „сатирическихъ“ басенъ особенно интересны тѣ, въ которыхъ онъ обличалъ недостатки русской жизни, или высмѣивалъ современныхъ ему дѣятелей и событія.

Къ разряду первыхъ относятся тѣ, въ которыхъ онъ указывалъ на недостатки тогдашней русской администраціи: на неумѣлый подборъ сотрудниковъ («Музыканты»), на то, что въ его время иногда назначали глупыхъ и недостойныхъ людей на отвѣтственныя мѣста («Слонъ на воеводствѣ»),—при чемъ ихъ выручала только помощь секретаря («Оракулъ»), на взяточничество («Медвѣдь и Пчела»), казнокрадство («Лиса-строитель»), кумовство («Совѣтъ мышей»), неправду въ судахъ («Крестьянинъ и Овца» [1]), «Щука», «Лисица и Сурокъ»), притѣсненія и злоупотребленія власти («Рыбьи пляски», «Волки и Овцы», «Пастухъ», «Пестрыя овцы», «Крестьянинъ и Рѣка»), умѣніе выслуживаться искательствомъ («Двѣ собаки»), несправедливое отношеніе къ усердію служащихъ («Бѣлка»), произволъ власти («Кукушка и Орелъ»), отсутствіе согласія между различными органами управленія («Квартетъ») и пр.

Низшіе классы, особенно страдавшіе отъ недостатковъ тогдашняго административнаго строя, обыкновенно, представляются Крыловымъ въ видѣ овецъ», «куръ», рѣже «рыбъ»,—ихъ обидчиками являются главнымъ образомъ «волкъ»,—грубый хищникъ, идущій напроломъ, и «лиса», хитро прикрывающая свои дѣла лицемѣріемъ. Какой жизненности достигаетъ Крыловъ въ обрисовкѣ хищника-судьи,—типа созданнаго русской жизнью и обличаемаго русской сатирой съ XVII-го вѣка («Шемякинъ судъ»), видно изъ басни: «Лисица и Сурокъ». Лисица жалобится, что несправедливо пострадала по службѣ,—она была «въ курятникѣ судьей, утратила въ дѣлахъ здоровье и покой, въ трудахъ куска не доѣдала, ночей не досыпала»—и всетаки за взятки была изгнана со службы. Сурокъ ей смиренно возражаетъ, что частенько видалъ ея «рыльце въ пуху», а самъ Крыловъ заключаетъ басню ссылкой на русскую дѣйствительность его времени:—

„Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ.
И, подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А, смотришь,—помаленьку,—
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку!“

---

[1]) Въ этой баснѣ любопытенъ стиль „приговора“,—онъ является удачной пародіей на судебный языкъ того времени:

„Не принимать никакъ резоновъ отъ овцы,
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ сій,
То я сужу по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того—казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

Защищая «маленькихъ людей», Крыловъ въ остроумной баснѣ «Крестьяне и Рѣка» удачно выразилъ ужасъ положенія населенія, которое не въ силахъ бороться съ неправдой. Ручей, разлившись, унесъ у крестьянъ много добра; они пошли къ Рѣкѣ жаловаться на Ручей, но когда увидали, что часть ихъ добра плыветъ по Рѣкѣ, рѣшили, что жаловаться не стоитъ:

„На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ".

Изъ басенъ Крылова, связанныхъ съ современными ему историческими событіями, извѣстны: «Волкъ на псарнѣ» (попытка Наполеона въ 1812 г. заключить миръ въ Москвѣ), «Щука и Котъ» (неудачная попытка адм. Чичагова преградить путь Наполеону при р. Березинѣ), «Ворона и Курица» (голоданіе французовъ въ Россіи въ 1812 г.). **c) басни съ историческимъ содержаніемъ.**

Въ баснѣ «Квартетъ» высмѣялъ онъ споръ, возникшій въ преобразованномъ Государственномъ Совѣтѣ (1810) относительно распредѣленія мѣстъ между предсѣдателями. Басня «Кошка и Соловей» указываетъ на тяжелое положеніе печати подъ гнетомъ тогдашней цензуры. Въ баснѣ «Обезьяны» (1808) онъ высмѣялъ реформы Сперанскаго, отразившія на себѣ вліяніе французскаго либеральнаго законодательства; консерватизмъ Крылова внушилъ ему отрицательное отношеніе къ этимъ опаснымъ «затѣямъ» русскаго реформатора.

Къ баснямъ, въ которыхъ изображены Крыловымъ его современники, относятся «Оселъ и Соловей» (Крыловъ выслушалъ однажды неудачную критику своихъ сочиненій отъ одного аристократа), «Василекъ» (Императрица Марія Θеодоровна), «Парнасъ» (члены Россійской Академіи Наукъ).

Въ баснѣ: «Демьянова уха» высмѣянъ гр. Хвостовъ, любившій угощать гостей чтеніемъ своихъ произведеній; въ баснѣ: «Кукушка и Пѣтухъ» осмѣяны современные Крылову журналисты—Гречъ и Булгаринъ, бездарные писатели, восхвалявшіе другъ друга.

Въ баснѣ: «Воспитаніе Льва» современники усмотрѣли нападеніе Крылова на императора Александра I, либерализмъ котораго, унаслѣдованный имъ отъ его воспитателя, республиканца Лагарпа, не могъ нравиться консерватору-Крылову. То, что, быть можетъ, полезно для французскаго народа, то можетъ быть или совсѣмъ ненужно, или вредно для русскаго,—вотъ, идея этой басни.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ отзывчивъ былъ Крыловъ къ современной ему жизни; можно думать, что басни его, появлявшіяся въ свѣтъ сейчасъ же послѣ какого-нибудь событія, всѣмъ извѣстнаго, всѣхъ волновавшаго, для современниковъ баснописца имѣли болѣе жизненное, конкретное значеніе, чѣмъ для насъ. Сатира Щедрина для насъ теперь не всегда понятна и потому часто мало-жизненна,—то же произошло и съ баснями Крылова: написанныя не для дѣтей, а для взрослыхъ, онѣ теперь утратили, въ значительной степени, свое жизненное приложеніе, свой конкретный смыслъ, сохранивъ только общій интересъ.

Басни-анекдоты.

Есть у Крылова нѣсколько басенъ, въ которыхъ нѣтъ ни нравоученія, ни сатиры,—отсутствуетъ даже аллегорія. Таковы, напримѣръ, басни: „Троеженецъ", „Рыцарь", „Крестьянинъ и Разбойникъ",—это просто комическіе эпизоды, анекдоты, изложенные въ формѣ басни. Къ разряду подобныхъ произведеній относятся и такія басни, какъ „Тѣнь и Человѣкъ" (счастье безъ труда дается однимъ, и не дается другимъ, несмотря на ихъ желаніе), „Соловьи" (соловьевъ, дурно поющихъ, отпустили на волю, а хорошо пѣвшій, мечтавшій своимъ пѣніемъ заслужить свободу, оставленъ въ неволѣ), „Крестьянинъ и Лисица" и др.

Басни, изображающія простонародную жизнь.

§ 154. Наконецъ, особаго вниманія заслуживаютъ тѣ басни Крылова, въ которыхъ была изображена имъ русская простонародная жизнь: „мужики" его басенъ обрисованы такъ живо и правдиво, что нельзя въ Крыловѣ не признать великаго художника-реалиста, ближайшаго предшественника Гоголя. Изъ „басенъ" его эти правдивыя жанровыя картинки, проникнутыя юморомъ, отличающіяся тонкостью рисунка и знаніемъ русской жизни,—несомнѣнно, лучшія. Онъ по ошибкѣ назвалъ ихъ „баснями",—скорѣе, это—прекрасныя реалистическія повѣстушки, свободныя отъ морали и аллегоріи. Насколько его „нравоучительныя" произведенія принадлежатъ старой, отживающей литературѣ псевдоклассицизма,—настолько эти принадлежатъ XIX вѣку, съ его художественнымъ реализмомъ, съ творчествомъ Гоголя, Островскаго, Гончарова... Изъ произведеній этой группы особенно любопытны—„Демьянова уха", „Два мужика", „Три мужика", также „Котъ и Поваръ". Нѣтъ надобности изъ этихъ произведеній приводить цитаты,—всѣмъ басни эти хорошо извѣстны: главныя достоинства ихъ—прекрасный языкъ, сжатый и выразительный, глубокое и тонкое знаніе человѣческаго сердца, умѣніе только при помощи словъ и разговоровъ дѣйствующихъ лицъ рисовать ихъ характерныя, типичныя черты, пониманіе души русскаго мужика—пріемъ лучшихъ писателей XIX в.

Художественность басенъ.

Главное достоинство басенъ Крылова,—это ихъ „художественность"... Разсказываетъ онъ необыкновенно живо, картинно, и въ то же время просто,—оттого и лица, имъ нарисованныя, и событія, имъ разсказанныя, производятъ впечатлѣніе живой реальности. Но не только внѣшнюю сторону жизни умѣетъ рисовать Крыловъ,—онъ глубоко проникаетъ въ характеръ дѣйствующихъ

лицъ; хотя характеры, имъ нарисованные, не отличаются разносторонностью, и, обыкновенно, представляютъ собой изображеніе одной какой-нибудь черты (хитрость, простодушіе, коварство и пр.), тѣмъ не менѣе, это „немногое" очерчено имъ необыкновенно тонко и во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ вѣрно. Выводя во многихъ басняхъ звѣрей и животныхъ, онъ удерживаетъ за ними тѣ черты, которыя этимъ звѣрямъ приписаны народнымъ эпосомъ (такъ его лиса, волкъ, медвѣдь—совершенно тѣ же, что и въ народныхъ русскихъ сказкахъ),—онъ только развиваетъ и углубляетъ эти черты, условленныя еще народомъ [1]). Но кромѣ звѣрей выводитъ онъ въ басняхъ дѣйствующими лицами неодушевленные предметы (дубъ, трость, бочка, котелъ, голикъ и др.); во многихъ басняхъ выводитъ онъ людей („Разбойникъ и Извозчикъ", „Демьянова уха", „Два мужика" и др.).

Крыловъ, какъ переводчикъ.

Изъ басенъ Крылова большинство оригинальныхъ; но значительную часть представляютъ также и переводныя. Впрочемъ, Крыловъ не столько „переводилъ", сколько „передѣлывалъ", приспособляя ихъ къ русской жизни; особенно иногда его „передѣлки", въ художественномъ отношеніи, оказывались выше своихъ образцовъ (ср. басню: „Ворона и Лисица" Крылова и Лафонтена). Изъ западно-европейскихъ баснописцевъ особенно Лафонтенъ послужилъ Крылову („Ворона и Лисица", „Стрекоза и Муравей", „Волкъ и Журавль" и др.); бралъ онъ темы и у Эзопа; пользовался и народными сказками; иногда даже темами для басенъ служили ему народныя пословицы и поговорки („Чижъ и Голубь", „Синица", „Волкъ и Волченокъ" и др.).

Языкъ басенъ Крылова.

„Языкъ" басенъ Крылова отличается необыкновенною выразительностью,—можно безъ преувеличенія сказать, что онъ, первый изъ русскихъ литераторовъ, задолго до Пушкина и Гоголя, сумѣлъ понять изумительныя богатства русской разговорной рѣчи.

Такъ, напримѣръ, Крыловъ широко воспользовался живописными особенностями русскаго глагола, а именно—передачей законченности или незаконченности дѣйствія, его однократности, многократности, внезапности, мгновенности, длительности, неожиданности,—при помощи свободнаго и искуснаго употребленія временъ, видовъ и наклоненій. Напримѣръ:

„...Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь..."
„...Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ..."
„...Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ..."

---

[1]) Такъ, въ образѣ лисицы онъ, кромѣ хитрости, отмѣченной народнымъ эпосомъ, отмѣтилъ еще другія черты, родственныя хитрости, съ ней связанныя: умѣніе льстить и низкопоклонничать, умѣніе подмѣчать слабости другихъ и этими слабостями пользоваться („Моръ звѣрей", „Пестрыя овцы"), лицемѣріе („Лисица и Сурокъ", и др.

„...Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится,
То подъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей...“

Въ удивительномъ знаніи русской рѣчи, въ умѣніи всегда удачно выбрать наиболѣе подходящее изъ синонимическихъ выраженій (цыплята „сыплютъ“ къ курицѣ=бѣгутъ; „шасть“=внезапно появляется; „тащился“=медленно шелъ; „юлитъ“, „шныряетъ“, „суетится“ и пр.)—сказался великій талантъ Крылова находить соотвѣтствующія краски въ стилѣ.

Кромѣ богатства и разнообразія, его языкъ отличается необыкновенною картинностью. Стоитъ припомнить, хотя бы, описаніе ухи:

„Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она...
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ...“
„...Въ іюлѣ, въ самый зной, сыпучими песками, въ гору
Рыдванъ тащился...“

—чтобы признать, какъ, въ выборѣ словъ, въ самой разстановкѣ ихъ и построеніи всего предложенія, умѣлъ Крыловъ изображать духъ, настроеніе картинъ и положеній.

Языкъ Крылова отличается народностью,—ни одинъ изъ его предшественниковъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, не пользовался простонародными оборотами рѣчи [1]) и пословицами [2]).

Но эта „народность“ сказалась не только въ „языкѣ“ Крыловскихъ басенъ, но и въ характерѣ его юмора: онъ отличается характеромъ той лукавой простодушной иронiи, которая является характерной чертой русскаго простонароднаго остроумія; проповѣдь здраваго смысла, простоты въ жизни и рѣчахъ, трезвость въ отношеніи къ жизни,—вся эта нехитрая философія басенъ Крылова дѣлаетъ въ высокой степени народными.

Значеніе Крылова, какъ художника.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что силенъ былъ Крыловъ, какъ изобразатель и обличитель русской жизни, но гораздо слабѣе онъ, какъ учитель жизни: его мораль невысока. Такимъ образомъ, можно сказать, что только великій художественный талантъ (пониманіе человѣческаго сердца, умѣніе всматриваться въ жизнь и осмѣивать человѣческія слабости мѣтко

---

[1]) Напр.: „*на ту бѣду* Лиса *близехонько* бѣжала“; „женихи *средней ужъ руки*“; „*отколь ни возьмись*“; „*изъ кожи лѣзутъ вонъ*“; „*была плутовка такова*“; „спой, *свѣтикъ*, не стыдись“, „*голубчикъ-куманекъ*“, „*рыльце*“.

[2]) Многія его выраженія сдѣлались пословицами: „Васька слушаетъ, да ѣстъ“, „а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“, „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ“ и мн. др.

и остроумно, знаніе родного языка и русской жизни) помогъ Крылову стать въ ряды первоклассныхъ нашихъ писателей; этотъ талантъ спасъ отъ забвенія имя нашего баснописца, выдвинулъ его изъ ряда его современниковъ, заставилъ его писать такъ, что читатель отъ чтенія его басенъ выноситъ иногда совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое хотѣлъ произвести авторъ: блѣдное, шаблонное нравоученіе легко забывается (его чаще и не читаютъ),— остается въ памяти художественно-написанная картинка изъ русской жизни, приближающаяся—или къ сатирѣ, или къ реалистической повѣсти. Если произведенія Крылова мы сравнимъ съ твореніями его предшественниковъ и современниковъ, мы увидимъ, что всѣхъ онъ превзошелъ не только художественностью, но и содержательностью своихъ басенъ: сатира до него никогда у насъ не захватывала такихъ широкихъ предѣловъ, такой массы матеріала,—заимствованная извнѣ, она или повторяла чужія обличенія на русскомъ языкѣ, или, въ лучшемъ случаѣ, перелицовывала „на русскую стать“ чужіе пороки, чтобы ихъ изобличать у насъ заднимъ числомъ. Изъ предшественниковъ Крылова только у Кантемира, Новикова, Дмитріева да у Измайлова встрѣтили мы стремленіе шире захватить русскую жизнь, судить ее не съ чужого голоса и не съ точки зрѣнія какихъ-нибудь исключительныхъ узкихъ тенденцій.

Русская критика о Крыловѣ.

Для лучшаго пониманія того, въ чемъ заслуга Крылова, какъ художника, слѣдуетъ обратиться къ отзывамъ критики, особенно современной ему.

Жуковскій.

Жуковскій, въ ряду различныхъ художественныхъ достоинствъ басенъ Крылова, особенно выдвинулъ его заслуги въ области литературнаго языка,— Крыловъ, по его словамъ, «имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ насъ изображеніемъ, или оборотомъ». Бестужевъ-Марлинскій отмѣчаетъ народность крыловской басни: «невозможно дать бо̀льшаго простодушія разсказу, большей народности языку—говоритъ онъ.—Въ каждомъ его стихѣ виденъ русскій здравый умъ. Онъ похожъ природою описаній на Лафонтена, но имѣетъ свой особый характеръ; каждая его басня—сатира, тѣмъ сильнѣйшая, что она коротка и разсказана съ видомъ простодушія». То же говоритъ и Булгаринъ: «И. А. Крыловъ есть первый оригинальный русскій баснописецъ, по изобрѣтенію, языку и слогу. Слогъ его изображаетъ простодушіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замысловатость русскаго народа; это—русскій умъ, народный русскій языкъ, облагороженный философіею и свѣтскими приличіями. Содержаніе его басенъ представляетъ галлерею русскихъ нравовъ». Разбирая крыловскія басни,

Бестужевъ-Марлинскій.

Булгаринъ.

Бѣлинскій. Бѣлинскій тоже останавливается, главнымъ образомъ, на ихъ «народности»: по его словамъ, Крыловъ «вполнѣ исчерпалъ въ нихъ и вполнѣ выразилъ ими цѣлую сторону русскаго національнаго духа: въ его басняхъ, какъ въ чистомъ, полированномъ зеркалѣ, отражается русскій практическій умъ, съ его кажущеюся неповоротливостью, но и съ острыми зубами, которые больно кусаются,—съ его смѣтливостью, остротою и добродушно-саркастическою насмѣшливостью, съ его природною вѣрностью взгляда на предметы и способностью коротко, ясно и вмѣстѣ кудряво выражаться. Въ нихъ вся житейская мудрость, плодъ практической опытности,—и своей собственной, и завѣщанной отцами изъ рода въ родъ. И все это выражено въ такихъ оригинально-русскихъ, непередаваемыхъ ни на какой языкъ въ мірѣ образахъ и оборотахъ; все это представляетъ собой такое неисчерпаемое богатство идіотизмовъ [1]), руссизмовъ составляющихъ народную физіономію языка, его оригинальныя средства и самобытное, самородное богатство,—что самъ Пушкинъ неполонъ безъ Крылова въ этомъ отношеніи. Объ естественности, простотѣ и разговорной легкости его языка нечего и говорить. Языкъ басенъ Крылова есть прототипъ языка «Горя отъ ума» Грибоѣдова... Честь, слава и гордость нашей литературы, онъ имѣетъ право сказать: «Я знаю Русь и Русь меня знаетъ». Гоголь такъ характеризуетъ Крылова и его творчество: «Крыловъ выбралъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку—и въ сей баснѣ сумѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это—наша крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ,—умъ выводовъ, такъ называемый «задній умъ». Его притчи—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри у него мыслятъ и поступаютъ слишкомъ по-русски... Всюду у него Русь и пахнетъ Русью. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы—плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства». Одинъ изъ немногихъ критиковъ Крылова, Гоголь нашелъ, что сказать и въ похвалу идейной стороны басенъ: «несмотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ, однако же, слѣдилъ за всякимъ событіемъ внутри государства: на все подавалъ свой голосъ, и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства».

Гоголь.

b) Реалистическая драма.

§ 155. b) *Драма.* Подобно тому, какъ въ сатирѣ реализмъ пересталъ умѣщаться въ тѣсныхъ рамкахъ псевдоклассицизма и, подъ его вліяніемъ, дидактическій жанръ, „басня“ обратилась, мало-по-малу, въ реалистическую „повѣсть“,—такъ видоизмѣнилась и драма: и здѣсь широкое и свободное изображеніе дѣйствительности нарушаетъ основныя начала ложнаго класси-

---

[1]) „Идіотизмомъ“ въ теоріи словесности называются своеобразныя выраженія, или обороты рѣчи, присущіе только одному языку, или одному писателю.

цизма,—пьеса „характеровъ“ обращается въ пьесу „нравовъ“, заимствованныя извнѣ обличенія общечеловѣческихъ пороковъ смѣняются обличеніемъ русской общественной жизни. Вмѣсто отвлеченнаго дидактизма видимъ мы теперь художественное изображеніе дѣйствительности. Конечно, это время расцвѣта реализма особенно благопріятно было для развитія *комедіи*.

Пьесы кн. Шаховского.

Главнымъ представителемъ драматическаго творчества былъ у насъ въ эту эпоху кн. Шаховской. Началъ онъ свою литературную карьеру убѣжденнымъ и завзятымъ псевдоклассикомъ, но съ двадцатыхъ годовъ обратился къ романтической и народнической драмѣ. Въ комедіяхъ своихъ онъ съ теченіемъ времени все болѣе приближался къ реализму, захватывая все шире и глубже русскую жизнь.

Комедіи его.

Въ комедіяхъ: «Полубарскія затѣи, или Домашній театръ» и «Чванство Транжирина» выводитъ онъ дворянъ средней руки, которые стараются копировать знатное, столбовое дворянство. Въ комедіи «Пустодумы» выводитъ онъ русскаго помѣщика-фантазёра, который производитъ реформы въ своемъ имѣніи, руководясь книгами и совѣтами педанта-Инквартуса.

Въ этихъ бытовыхъ комедіяхъ было много жизненной правды, но слишкомъ на нихъ еще сильны были вліянія Княжнина, даже Сумарокова. Въ комедіяхъ: «Новый Стернъ» и «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды» осмѣялъ онъ—въ первой—Карамзина, во второй—Жуковскаго.

Романтическія драмы.

Романтическія драмы его были слѣдующія: изъ соч. Вальтеръ-Скотта (изъ романа «Айвенго») заимствованъ былъ имъ сюжетъ драмы: «Иванго, или возвращеніе Ричарда Львиное сердце»; изъ сочиненія того же Вальтеръ-Скотта взятъ сюжетъ драмы: «Таинственный Карло, или долина Чернаго камня», изъ Шекспира—«Буря», изъ «Руслана и Людмилы»—«Финнъ, волшебная трагедія»; изъ романа Загоскина «Рославлевъ» взялъ онъ сюжетъ для пьесы того же имени. Къ первымъ опытамъ несомнѣнно-реалистической драмы (по крайней мѣрѣ, по замыслу) относятся его пьесы: «Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ» и «Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ»; сюжетъ обѣихъ этихъ пьесъ заимствованъ имъ изъ біографій названныхъ дѣятелей.

Реалистическія драмы.

Загоскинъ.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ кн. Шаховского воспиталъ свое драматическое творчество Загоскинъ (1789—1852). Отъ него осталось, кромѣ извѣстныхъ историческихъ романовъ, нѣсколько комедій, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ.

Комедіи его.

Въ комедіи: «Господинъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ» онъ изобразилъ богатаго степного помѣщика, невѣжду и глупца, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, попадаетъ нѣсколько разъ впросакъ. Комедія «Вечеринка ученыхъ» осмѣиваетъ развлеченіе, тогда у насъ модное,—устраивать литературныя чтенія на дому въ кругу избранныхъ друзей. Въ комедіи: «Добрый малый» выведенъ ловкій плутъ, который всѣхъ

обманываетъ, но ведетъ себя такъ ловко, что всѣ его считаютъ «добрымъ малымъ». Лучшей пьесой Загоскина считается «Благородный театръ»,—здѣсь высмѣяно увлеченіе тогдашняго русскаго общества любительскими спектаклями. Слѣдуя за Шаховскимъ, и онъ въ одной своей ранней пьесѣ пародировалъ сентиментализмъ.

Хмѣльницкій. Популяренъ былъ въ это время среди русскихъ драматурговъ Хмѣльницкій (1789 —1846). Въ его веселыхъ, бойко написанныхъ, пьесахъ: „Говорунъ", „Воздушные замки", „Бабушкины попугаи", „Семь пятницъ на недѣлѣ, или нерѣшительный" и др.—правдиво и ярко намѣчаются нѣкоторыя живыя черты русской жизни. Но самымъ талантливымъ представителемъ реалистической комедіи былъ у насъ Грибоѣдовъ.

А. С. Грибоѣдовъ (1795—1829).

Біографія Грибоѣдова. § 156. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ и происходилъ изъ родовитой дворянской семьи, не игравшей, впрочемъ, никакой роли въ государственной жизни Россіи XVIII и XIX в. На маленькаго Грибоѣдова его энергичная, умная, но тщеславная мать смотрѣла, какъ на будущее свѣтило, которое подыметъ ихъ захудалый родъ. Угадавъ въ немъ большія способности, она постаралась дать ему блестящее образованіе. На первыхъ порахъ она постаралась его дарованія подчинить различнымъ нѣмцамъ-педагогамъ, изъ которыхъ одинъ, Петрозиліусъ, навсегда сумѣлъ внушить Грибоѣдову отвращеніе къ «умѣренности и аккуратности»,—сознаніе, что «быть нѣмцемъ на этомъ свѣтѣ очень глупая роль».

Мать его и воспитаніе.

Мать старалась сдѣлать изъ сына будущаго государственнаго человѣка и съ дѣтскихъ лѣтъ старалась создать ему связи: возила его на поклонъ къ знатнымъ родственникамъ, учила житейской мудрости... Немудрено, что онъ скоро почувствовалъ гнетъ родственной опеки и возненавидѣлъ требованія свѣта, въ угоду которымъ мать и дядя (прототипъ Фамусова) стѣсняли его самостоятельность. Блестящее домашнее образованіе, къ которому привлечены были даже профессора университета, а затѣмъ посѣщеніе имъ (съ 15 л.) университета,—еще болѣе отдалили юношу отъ стремленій матери и интересовъ пошлаго московскаго общества.

Грибоѣдовъ въ университетѣ. Въ университетѣ онъ столкнулся съ молодежью, свѣжей и бодрой; здѣсь царило увлеченіе чистой наукой, здѣсь его не душила атмосфера карьеризма, и ему не приходилось считаться съ тѣмъ «общественнымъ мнѣніемъ», которое создавалось старыми московскими княгинями, или Фамусовыми. Тѣмъ не менѣе, мать, по прежнему, упорно вела свою политику, и Грибоѣдову пришлось съ юношескихъ лѣтъ постигнуть весь ужасъ духовнаго «одиночества» въ родной семьѣ и въ томъ обществѣ, куда толкала его мать. Въ 1812 году онъ вырвался изъ-подъ домашней опеки, поступивъ въ гусарскій полкъ. Эта служба дала ему возможность пожить

на свободѣ, и, дѣйствительно, онъ на первыхъ порахъ даже чрезмѣрно увлекся беззаботной жизнью кавалериста.

Грибоѣдовъ на службѣ; первые литературные опыты.

Но не на эту карьеру готовила его мать,—Грибоѣдовъ, подъ ея вліяніемъ, въ 1816 году, оставилъ военную службу и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Къ этому времени относится его увлеченіе театромъ, знакомство съ Шаховскимъ, Катенинымъ, Хмѣльницкимъ,—въ сотрудничествѣ съ ними онъ и самъ испробовалъ свои силы на поприщѣ драматурга. Подъ ихъ же вліяніемъ попалъ онъ и въ «ученики» «Бесѣды», хотя самъ смѣялся надъ ея снотворными засѣданіями.

Въ концѣ 1817 года онъ оказался косвеннымъ виновникомъ дуэли Шереметева и Завадовскаго, результатомъ которой была смерть перваго. Эта смерть тяжелымъ камнемъ легла на совѣсть Грибоѣдова, и его стало тянуть прочь изъ Петербурга. 16 іюля 1818 г. онъ былъ назначенъ переводчикомъ при нашемъ послѣ въ Персіи. На Кавказѣ ему пришлось еще сводить счеты съ секундантомъ Шереметева—Якубовичемъ: произошелъ поединокъ, и Грибѣдовъ былъ раненъ въ руку. На первыхъ порахъ впечатлѣніе отъ грандіозной природы Кавказа, отъ бодрой военной жизни, полной сильныхъ ощущеній, подняло настроеніе Грибоѣдова. Особенно подчинился онъ обаянію личности ген. Ермолова.

Грибоѣдовъ на Кавказѣ.

Грибоѣдовъ въ Персіи.

Живя въ Персіи, Грибоѣдовъ могъ на-досугѣ подвести итогъ своимъ впечатлѣніямъ отъ русской жизни,—ему, какъ впослѣдствіи Гоголю, въ отдаленіи яснѣе и рельефнѣе предстали отрицательныя стороны этой жизни, и его собственное одинокое положеніе, подъ впечатлѣніемъ увлеченія Байрономъ, обострило въ немъ убѣжденіе, что свободолюбивой личности не ужиться среди устарѣвшихъ, пошлыхъ понятій обыденной жизни. По указанію критиковъ, многія характерныя черты байронизма у него выразились даже въ болѣе сильной степени, чѣмъ у Пушкина,—негодованіе противъ тираніи «общественнаго мнѣнія», непримиримая ненависть къ «ложной культурѣ», къ «свѣту», къ безличной толпѣ и,—какъ противовѣсъ этому,—любовь къ исключительнымъ личностямъ, обреченнымъ судьбой на одиночество среди мелкаго и ничтожнаго общества,—вотъ, характерныя черты этого грибоѣдовскаго байронизма. Такое вліяніе Байрона еще сильнѣе укрѣпило въ немъ отрицательное отношеніе къ людямъ «свѣтскимъ», усилило въ немъ сознаніе своего одиночества и чувство симпатіи къ людямъ свободнымъ, незнающимъ культуры: поэтому онъ сочувствовалъ кавказскимъ горцамъ; «борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ»,—такъ назвалъ онъ однажды кавказскую войну. Въ это время, крупная личность, сдавленная обществомъ и культурной жизнью, была его излюбленнымъ поэтическимъ образомъ. Такъ складывался постепенно въ его воображеніи типъ Чацкаго.

Байронизмъ Грибоѣдова.

Отношеніе Грибоѣдова къ обществу.

«Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ,—говоритъ Пушкинъ о Грибоѣдовѣ,—долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости,—эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ». Когда «Горе отъ ума» принесло ему, наконецъ, давно-желанную славу, онъ недолго ею наслаждался: слишкомъ глубоко въ его сердце были пущены корни недовѣрія къ толпѣ. «Не могу пожаловаться, писалъ онъ,—отовсюду колѣнопре-

клоненіе и еиміамъ, но, вмѣстѣ съ этимъ, сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ». Вотъ почему изъ гётевскаго «Фауста» онъ переводитъ въ это время ту часть пролога, въ которой авторъ выражалъ презрѣніе къ мелочнымъ потребностямъ толпы. Глубоко-самолюбивый отъ природы, Грибоѣдовъ недоволенъ былъ своей комедіей, и самыя похвалы «черни» его раздражали, такъ какъ унижали его въ собственныхъ глазахъ: «я, какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго»,— сказалъ онъ однажды въ отвѣтъ на усердныя похвалы одного своего поклонника. Это недовольство собою и окружающимъ міромъ усиливалось въ немъ съ теченіемъ времени.

Отношеніе Грибоѣдова. къ Россіи.

Когда въ 1824 году онъ посѣтилъ Петербургъ и присмотрѣлся къ столичной жизни, онъ свое отрицательное отношеніе къ Москвѣ перенесъ и на Петербугъ [1]): Россію онъ называетъ теперь «трясиннымъ государствомъ»,—онъ рвется заграницу, хотя порой и это стремленіе въ немъ ослабѣваетъ, и тогда глухое, безпросвѣтное отчаянье завладѣваетъ имъ: «Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!»—вырвалось однажды у него восклицаніе. Любопытно, что, рядомъ съ такимъ пессимизмомъ, у него уживались симпатіи къ древнерусской жизни—онъ сожалѣлъ, что съ Петра Великаго русская жизнь отклонилась отъ самобытности; въ русской исторіи онъ особенно любилъ времена Святослава, Владиміра Святого, Великаго Новгорода. Симпатизировалъ онъ и русскому простонародью,—такъ, въ начатой имъ драмѣ: «1812 годъ» онъ хотѣлъ возвысить русскаго мужичка и обличить полную несостоятельность русскаго дворянства.

Служба въ Персіи и смерть.

Служебная карьера, на которую толкала его мать, продолжалась своимъ порядкомъ. Въ 1827 году, въ качествѣ дипломатическаго чиновника при ген. Паскевичѣ, онъ участвовалъ въ заключеніи Туркманчайскаго мира, очень выгоднаго для насъ. За этотъ миръ Грибоѣдовъ, какъ одинъ изъ главныхъ его виновниковъ, былъ назначенъ посланникомъ въ Тегеранъ. Проѣздомъ на мѣсто своего назначенія Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Чавчавадзе. 30 января 1829 года онъ былъ убитъ со всей своей свитой во время бунта тегеранской черни, которая возмущена была фанатическими муллами.

Литературная дѣятельность Грибоѣдова.

Первый періодъ его творчества.

§ 157. Первый періодъ литературной дѣятельности Грибоѣдова тѣсно связанъ съ жизнью въ Петербургѣ, когда онъ, начинающій писатель, подчинившись вліянію кн. Шаховского, сдѣлался посѣтителемъ „Бесѣды", и псевдоклассикомъ по убѣжденіямъ. Подражая Шаховскому и Загоскину, онъ въ это время

---

[1]) Въ первоначальныхъ редакціяхъ монолога Чацкаго въ 3-мъ д. сначала упоминалось только о Москвѣ; послѣ 1824 г. Грибоѣдовъ вставилъ и Петербургъ: „Москва и Петербургъ, во всей Россіи то же..." „И въ Петорбургѣ, и въ Москвѣ"...

высмѣялъ сентиментализмъ въ своей комедіи: „Студентъ“. Кромѣ того, онъ перевелъ съ французскаго пьесу: „Молодые супруги“, передѣлалъ съ французскаго пьесу: „Притворная невѣрность“, написалъ одну сцену въ комедіи Шаховского: „Своя семья, или замужняя невѣста“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ замѣтно желаніе автора уловить какую-нибудь смѣшную сторону русской жизни. Говорятъ, что уже въ Петербургѣ онъ сдѣлалъ первые наброски своей комедіи: „Горе отъ ума“. Вначалѣ эта пьеса обѣщала быть произведеніемъ только веселымъ и не отличалась тѣмъ трагизмомъ, который былъ въ нее впослѣдствіи введенъ благодаря вліяніямъ жизни автора.

Второй періодъ его творчества.

Во второй періодъ его творчества,—періодъ, совпадающій со временемъ его службы на Кавказѣ, онъ, подъ вліяніемъ обострившагося пессимизма, съ одной стороны,—и поэзіи Байрона, съ другой, нѣсколько разъ существенно передѣлывалъ свою начатую комедію: „Горе отъ ума“, а также сталъ носиться съ мыслью написать трагедію: „Родамистъ и Зенобія“, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ бы герой, „алчущій великихъ дѣлъ“, но, по волѣ судьбы, принужденный вести незамѣтную жизнь. Въ другой драмѣ: „1812-й годъ“, онъ хотѣлъ вывести въ героѣ ея крѣпостного человѣка, выдающагося своими доблестями, который, по окончаніи войны, послѣ ряда подвиговъ и наградъ, долженъ былъ вернуться, въ качествѣ крѣпостного, къ самовластному помѣщику. Въ этотъ періодъ творчества Грибоѣдова была окончена имъ комедія: „Горе отъ ума“, принесшая ему славу первокласснаго писателя; Грибоѣдову не пришлось видѣть свою пьесу ни въ печати, ни на сценѣ: тогдашнія цензурныя условія были слишкомъ для этого тяжелы.

Третій періодъ его творчества.

Въ третій періодъ творчества Грибоѣдова настроенія его уже теряютъ всю остроту,—нѣтъ въ нихъ прежняго негодованія,—чувство мягкой грусти является преобладающимъ. Эта грусть выразилась въ нѣкоторыхъ мелкихъ произведеніяхъ („Освобожденный“, „Востокъ“, „Посланіе къ А. И. Одоевскому“). Основная идея недошедшей до насъ его трагедіи: „Грузинская ночь“ (подражаніе шекспировской „Бурѣ“) уже совершенно противорѣчитъ его прежнимъ настроеніямъ: не къ борьбѣ призывалъ теперь Грибоѣдовъ, а къ примиренію,—мщеніе, даже направленное противъ дѣйствительнаго зла, теперь, съ его точки зрѣнія, заслуживаетъ осужденія. Впрочемъ, послѣ Грибоѣдова осталось такъ мало сочиненій, что по нимъ невозможно возстановить пол-

ной картины его душевной жизни: бѣдные осколки его творчества, дошедшіе до насъ, даютъ лишь нѣкоторое понятіе о тревогахъ и страданіяхъ его сердца.

Литературная жизнь Грибоѣдова, и многихъ другихъ его современниковъ, показываетъ ясно, какъ упорно въ эту переходную эпоху умиранія старыхъ литературныхъ направленій (псевдоклассицизмъ) и нарожденія новыхъ (романтизмъ, реализмъ),— искали новыхъ путей всѣ тѣ литературные дѣятели, которые сколько-нибудь отличались оригинальностью духа.

Исканіе Грибоѣдовымъ художественной правды.

Будучи, по существу своему, „реалистомъ“, Грибоѣдовъ рѣшительно отвернулся отъ сентиментальнаго романтизма Жуковскаго: „нынѣ, въ какую книжку ни заглянешь, писалъ онъ однажды,—что ни прочтешь, пѣснь, или посланіе,—вездѣ мечтанія, а *натуры* ни на волосъ“. Въ началѣ его дѣятельности ему даже казалось, что псевдоклассики ближе романтиковъ подходятъ къ правдѣ творчества, но и съ ними онъ оставался недолго. Это исканіе „натуры“, *естественности, художественной правды,* заставило его обратиться къ изученію русской жизни, къ той иностранной литературѣ, въ которой видѣлъ онъ реальное воспроизведеніе жизни,—къ Мольеру, Байрону и Шекспиру. Начавъ съ передѣлыванья французскихъ водевилей, онъ кончилъ созданіемъ серьезной бытовой комедіи, славянофильствомъ, преклоненіемъ передъ простымъ русскимъ народомъ и передъ далекимъ прошлымъ родной исторіи.

„Горе отъ ума“, какъ отраженіе его жизни и историческаго момента (личность въ обществѣ).

§ 158. „Горе отъ ума“ было произведеніемъ, надъ которымъ онъ трудился, можно сказать, всю свою жизнь,—въ этой комедіи выразилъ онъ трагизмъ своей собственной личной жизни и жизни многихъ выдающихся русскихъ людей той эпохи. Оттого герой комедіи близокъ его духу, росъ и развивался вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Оттого въ этомъ произведеніи онъ сумѣлъ уловить и воплотить тотъ моментъ въ жизни русскаго общества, когда обострилась борьба отживавшаго XVIII-го вѣка съ новой жизнью,— обнаружилась первая у насъ борьба „отцовъ“ и „дѣтей“. Моментъ этотъ былъ тѣмъ интереснѣе, что въ Александровскую эпоху, когда у насъ окончательно опредѣлились политическія и общественныя группы и выяснились идеалы этихъ группъ,—„личность“ получила возможность высказываться въ такой степени, въ какой не высказывалась у насъ никогда ранѣе—Жуковскій, Батюшковъ, Чаадаевъ, Н. Тургеневъ, Рылѣевъ, Пестель, А. Пушкинъ, наконецъ, Грибоѣдовъ,—все это образы, съ чертами рѣзко-инди-

видуальными, все это—яркія „личности“, съ глубокимъ внутреннимъ міромъ, выдѣлившіяся изъ „толпы“. Такихъ „личностей“ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ можно было насчитывать десятками, быть можетъ, даже сотнями. Но „толпа“ еще была у насъ сильна, и всякой такой опредѣлившейся „личности“ немалыхъ усилій стоило отстаивать свою самобытность въ борьбѣ со стадными чувствами массы.

Борьба личности съ обществомъ.

„Борьба личности съ обществомъ“ и есть та ось, на которой вращается все дѣйствіе комедіи Грибоѣдова. Эта борьба обострена въ произведеніи Грибоѣдова непримиримой враждой, клеветой, ненавистничествомъ съ одной стороны,—мучительной тоской—съ другой. „Милліонъ терзаній“ въ груди, „душа какимъ-то горемъ сжата“, „во многолюдствѣ потерянъ, самъ не свой!“—вотъ, состояніе духа этого „борца“ за „личность“ послѣ одного только дня борьбы съ Москвой! Кто побѣдитъ въ борьбѣ? Конечно, Москва: въ комедіи Грибоѣдова она—олицетвореніе непросвѣщенной *толпы*, которая безжалостно раздавила много свѣтлыхъ умовъ и смѣлыхъ сердецъ. Она всегда была непримиримымъ врагомъ „личности“!

„Личность“ въ исторіи—это лѣтопись человѣческаго самосознанія, это—„трудная повѣсть“ о выдѣленіи индивидуума изъ толпы, объ освобожденіи человѣка отъ ея массовыхъ вѣрованій, религіозныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ; это—разсказъ о „милліонѣ“ тѣхъ „терзаній“, которыя ждутъ всякую пробуждающуюся личность, ищущую новыхъ путей въ жизни.

„Общественное мнѣніе“ и борьба съ нимъ личности.

Главной мишенью въ сатирѣ Грибоѣдова выставлена роль „общественнаго мнѣнія“ въ некультурномъ обществѣ; основой содержанія комедіи—исторія борьбы *личности,* прояснившейся отъ столкновенія съ этой грозной силой—„общественнымъ мнѣніемъ“ непросвѣщенной *толпы*. Неразъ въ комедіи подымается жгучій вопросъ о правахъ личности; неразъ намѣчается рядъ моментовъ изъ жизни складывающагося общественнаго мнѣнія. Тонко-художественно изображено, напримѣръ, какъ изъ искры, брошенной Софьей (легкій намекъ о сумасшествіи Чацкаго), разгорается цѣлый пожаръ—и, въ результатѣ, складывается общая вѣра въ безуміе Чацкаго. Софья знаетъ, какъ въ Москвѣ создается „общественное мнѣніе“, и вотъ, пользуясь своимъ знаніемъ, она сознательно бросаетъ зерно сплетни какому-то „господину N.“, тотъ—„господину D.“, этотъ—Загорѣцкому,—и „пошла писать губернія“!.. Именно, всѣ эти маленькіе, незамѣтные г.г. N. и D.,

быть можетъ, и честненькіе, но сѣренькіе людишки — лучшая среда для развитія сплетни,—зерна „общественнаго мнѣнія"... Загорѣцкіе и Ноздревы внесутъ въ сплетню „шумиху" лжи, почтенные люди станутъ скромно фантазировать по поводу слышаннаго и сами себѣ повѣрятъ, а княгиня Марья Алексѣвна произнесетъ свой приговоръ.

„И вотъ, общественное мнѣнье!
Пружина чести, нашъ кумиръ,
И вотъ, на чемъ вертится міръ!

—не безъ грусти восклицаетъ Пушкинъ по поводу тогдашняго „общественнаго мнѣнія".

„Отцы и дѣти" въ русскомъ обществѣ этой эпохи.

Такимъ образомъ, борьба „личности" съ обществомъ послужила Грибоѣдову основаніемъ его комедіи. Этой борьбой былъ ознаменованъ тогдашній моментъ русской исторіи. Мы видѣли уже, что, когда, послѣ тяжелаго павловскаго режима, у насъ наступило, наконецъ, „дней Александровыхъ прекрасное начало",— общество русское рванулось впередъ, и опять прогрессисты подняли голову,— недавно торжествовавшій побѣду консерватизмъ ушелъ изъ шумнаго, нервнаго Петербурга въ Москву, чтобы здѣсь негодовать втихомолку на новые порядки... Старички, „канцлеры въ отставкѣ по уму", Фамусовы, съ ихъ еще живыми воспоминаніями о порядкахъ двора Екатерины,—все это представители „стараго общества", пошлаго и темнаго, но опаснаго своею сплоченностью, своею озлобленностью. А въ это время молодежь, идеально-настроенная, беззаботно создавала свои кабинетныя утопіи, собираясь тѣснымъ дружескимъ кружкомъ во дворцѣ „молодого якобинца", какъ звали Александра заграницей. Что было общаго между этими юными утопистами и старой Москвой? Рѣшительно ничего! Чацкій и Фамусовъ—люди разныхъ планетъ, говорившіе разными языками. Старое общество, изображенное Грибоѣдовымъ въ его комедіи, было давно понято и оцѣнено и русской сатирой, и реалистической литературой. Грибоѣдовъ первый поставилъ лицомъ къ лицу съ этимъ обществомъ „новаго человѣка",— одного изъ тѣхъ краснорѣчивыхъ застрѣльщиковъ прогресса, которыхъ было немало въ первую половину царствованія Александра I. Почему же Чацкій оказался побѣжденнымъ, почему онъ постыдно бѣжалъ послѣ одного дня пребыванія въ удушливой атмосферѣ Москвы?.. Потому что самъ Грибоѣдовъ не вѣрилъ ему, потому что онъ самъ былъ человѣкъ внѣ партій, былъ до избытка надѣленъ несчастнымъ даромъ ко всему относиться

скептически, и способностью не подчиняться кружковщинѣ, стоять внѣ партійности... У него не было вѣры въ декабристовъ, презрѣніе чувствовалъ онъ и къ старой Москвѣ, ораторы въ родѣ Чацкаго были, въ его глазахъ, и безпомощны, и смѣшны,—а, въ результатѣ, тоска и „милліонъ терзаній"...

§ 159. Къ типичнымъ представителямъ того общества, съ которымъ приходится бороться Чацкому, относятся Фамусовъ, Молчалинъ, Софья, Хлестова, Загорѣцкій, Хрюмины, Тугоуховскіе. Всѣмъ имъ, въ одинаковой степени, присуща боязнь заслужить дурную славу въ «обществѣ». Здѣсь, въ этомъ «обществѣ», прежде всего, стараются жить «какъ всѣ». «Какъ можно противъ *всѣхъ!*»—восклицаютъ княжны Тугоуховскія, и это восклицаніе можетъ быть поставлено эпиграфомъ ко всей пьесѣ. «Грѣхъ не бѣда, молва не хороша!»—говоритъ Лиза, и въ этихъ словахъ открываетъ затаенную боязнь этого общества не передъ зломъ, а передъ *злой молвой*. Мысль, «что скажетъ княгиня Марія Алексѣвна?»—для Фамусова страшнѣе, чѣмъ убѣжденіе въ провинности его дочери. Эта боязнь «общественнаго суда» заставляетъ представителей фамусовскаго общества всѣ усилія прилагать къ тому, чтобы жить «какъ всѣ»,—не отличаясь ни въ чемъ: ни въ платьѣ, ни въ образѣ мыслей, ни въ складѣ жизни. Вотъ почему все это общество представляетъ собой такую сплоченную силу. Фамусовское общество, отношеніе его къ общественному мнѣнію.

Глубоко-невѣжественное, оно съ враждой относится къ просвѣщенію,—къ этому «злу», которое ему хотѣлось бы «пресѣчь», не останавливаясь даже передъ сожженіемъ всѣхъ существующихъ книгъ. Понятно, что такое общество, лишенное всѣхъ высшихъ интересовъ, живетъ безсодержательною жизнью: обѣды, ужины, свадьбы, балы, карты, крестины и похороны,—вотъ, тѣ «дѣла», которыя наполняли собою праздную и сытую жизнь этихъ тунеядцевъ, безпечно живущихъ насчетъ труда крѣпостныхъ и на средства государства. Отношеніе его къ просвѣщенію.

Пугливо относится это общество къ суду своихъ сочленовъ, но отважно оно клеймитъ презрѣніемъ людей не своей «касты»—тѣхъ, кто смѣетъ имѣть свое собственное сужденіе, равно и тѣхъ, кто лишенъ былъ въ то время всякихъ правъ на уваженіе,—своихъ крѣпостныхъ. Кто принадлежалъ къ «кастѣ»,—тому, какъ Загорѣцкому, прощалось все: даже и то, что онъ былъ «лгунишка, картежникъ, воръ...». «Будь плохонькой», говоритъ Фамусовъ про московскихъ жениховъ,—а въ семью все-таки включатъ, если женихъ удовлетворялъ той мѣркѣ, которая прилагалась къ «женихамъ» въ этомъ обществѣ. „Права касты" въ этомъ обществѣ.

Типичнымъ представителемъ московскаго общества является въ комедіи Фамусовъ. Это—важный чиновникъ, вдовецъ, у котораго взрослая дочь Софья. Онъ—вѣрный приверженецъ всѣхъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ держалось московское общество той эпохи. Свою служебную карьеру онъ строитъ на угодничествѣ и низкопоклонствѣ. Дядюшка его Максимъ Петровичъ, надменный съ низшими, раболѣпный при дворѣ,—представляется ему идеаломъ; какой-то Кузьма Петровичъ, ловко сумѣвшій самъ пробраться въ камергеры и сынку добыть этотъ чинъ,—предметъ его восхищенія и поклоненія. Фамусовъ, его идеалы.

Фамусовъ, какъ общественный дѣятель.

Смыслъ службы Фамусовъ видитъ въ полученіи наградъ и высокаго жалованья,—къ работѣ же онъ относится съ циническимъ пренебреженіемъ: дѣловыя бумаги онъ подписываетъ, не читая, и еще острить: «у меня что дѣло, что не дѣло,—обычай мой такой: подписано и съ плечъ долой». Въ штатъ своихъ чиновниковъ онъ беретъ почти только родственниковъ,—онъ самъ откровенно признается:

„При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки,—
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки!
. . . .
Какъ станешь представлять
Къ крестишку, иль мѣстечку—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку?"

Вся эта свора родни бездѣльничала и только получала тёплыя мѣстечки да награды. Самъ Фамусовъ признаетъ это, говоря, что изъ его чиновниковъ былъ «дѣловымъ» одинъ Молчалинъ, ему «не свой». Если къ службѣ Фамусовъ относился нерадиво, то съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣми тѣми событіями московской жизни (крестины, похороны, обѣды), принимать въ которыхъ дѣятельное участіе считалъ онъ своимъ долгомъ и серьезнымъ, важнымъ «дѣломъ».

Фамусовъ, какъ отецъ.

Какъ отецъ, онъ тоже старается вести себя по отношенію къ дочери, «какъ всѣ»: когда умерла его жена, онъ сумѣлъ для дочери «приванять» въ m-me Розье «вторую мать», т. е. отдалъ въ чужія, наемныя руки свою дочь. Этимъ заботы его о дѣвушкѣ прекращались, и онъ совершенно успокоился. Такъ дѣлали «всѣ» въ Москвѣ. Потомъ стали ходить къ Софьѣ «полки учителей, числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Къ этимъ учителямъ относились съ одинаковымъ пренебреженіемъ и отцы, и дѣти,—такъ, Фамусовъ называетъ педагоговъ дочери «побродягами»... Когда образованіе ея кончилось, она вступила въ свѣтъ настоящей «московской барышней», главное достоинство которыхъ заключалось въ умѣніи себя «принарядить тафтицей, бархатцемъ и дымкой», въ умѣніи манерничать и пѣть модные романсы,—словомъ, въ томъ внѣшнемъ «благонравіи», за которымъ скрывались иногда неблагонравныя чувства и мысли. Но съ этимъ родители были готовы мириться: «грѣхъ не бѣда, молва не хороша!»,—говорилось въ этомъ обществѣ. Самъ Фамусовъ, который «всѣмъ» былъ извѣстенъ своимъ «монашескимъ поведеніемъ», не прочь поухаживать при случаѣ за крѣпостной дѣвушкой (сцена съ Лизой).

Всѣ обязанности «отца» оканчивались, въ глазахъ Фамусова, пріисканіемъ для дочери мужа съ «звѣздами и чинами», или дворянина, хоть «плоховькаго» въ умственномъ развитіи, но съ 1000—2000 душъ.

Отношеніе Фамусова къ новымъ вѣяньямъ.

Подчиняясь тѣмъ традиціямъ, которыми жило его общество, Фамусовъ считалъ для себя выгоднымъ сохранять установленный здѣсь порядокъ жизни, беззаботной и сытой,—оттого всякія новшества: образованіе, либеральныя идеи,—словомъ, все то, что грозило критикой существующимъ порядкамъ, его бѣсило и рождало въ немъ ненависть. Будучи умнѣе всѣхъ своихъ друзей, онъ ясно видѣлъ, что наибольшая опасность «старой Москвѣ» грозила именно со стороны просвѣщенія. Вотъ почему онъ прямо говоритъ:

„Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче, пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній!“

Оттого онъ—главный застрѣльщикъ въ той травлѣ, которую начала съ Чацкимъ «старая Москва» за то, что онъ хотѣлъ служить «дѣлу, а не лицамъ», что онъ былъ «служить радъ», но не пожелалъ «прислуживаться», за то, что авторитеты Москвы для него, Чацкаго,—оказались не авторитетами, а людьми, заслуживающими презрѣнія. За всѣ эти «вольнодумства» Фамусовъ готовъ его обвинить въ революціонныхъ замыслахъ, готовъ запретить ему въѣздъ въ столицы и успокаивается лишь на томъ, что признаетъ Чацкаго сумасшедшимъ...

Чацкій, какъ представитель части русскаго общества.

§ 160. Чацкій—представитель новаго поколѣнія,—созданіе того освободительнаго настроенія, которое явилось у насъ съ воцареніемъ Александра I. Благородный, горячій, съ яснымъ сознаніемъ, что добро, что зло,—явился онъ со своей проповѣдью къ московскому обществу, сплоченному круговой порукой, окаменѣвшему въ своихъ традиціяхъ. Результаты столкновенія были печальны для Чацкаго,—послѣ одного дня пребыванія въ этомъ обществѣ ему пришлось бѣжать отсюда. Что было съ нимъ послѣ этого бѣгства, Грибоѣдовъ объ этомъ ничего не говоритъ. Впрочемъ, зная Грибоѣдова, можно увѣренно сказать, что «оскорбленному чувству» его героя, вѣроятно, *нигдѣ* не удалось найти «уголокъ». Такую же неудачу въ столкновеніи съ окаменѣвшей массой тогдашняго русскаго общества испыталъ самъ императоръ Александръ; въ этомъ обществѣ задохся Пушкинъ; отъ этого общества можно было спастись, только уйдя въ свой собственный міръ, какъ это сдѣлали Жуковскій и впослѣдствіи Лермонтовъ, начавшій съ обличеній въ духѣ Чацкаго и кончившій полнымъ отчужденіемъ отъ земли и ея обитателей.

Воспитаніе Чацкаго.

Чацкій выросъ въ домѣ Фамусова,—изъ него старательно готовили будущаго Молчалина: его ребенкомъ «возили на поклонъ къ вліятельнымъ лицамъ,—разнымъ московскимъ Максимамъ Петровичамъ... Какъ многіе тогдашніе русскіе люди, прошелъ и онъ черезъ руки разныхъ иностранцевъ-воспитателей—ничтожныхъ педантовъ-нѣмцевъ и французовъ, «подбитыхъ вѣтеркомъ». Но его живая душа вырвалась изъ тѣхъ оковъ, которыя ему готовились: служебная карьера, въ духѣ фамусовской, ему не понравилась,—онъ рѣшился самъ устроить свою жизнь. Ради просвѣщенія онъ путешествовалъ, ѣздилъ заграницу, потомъ служилъ въ Петербургѣ, гдѣ, очевидно, попалъ въ либеральные круги,—былъ близокъ къ одному министру, потомъ съ нимъ разошелся; опять путешествовалъ заграницей, и, наконецъ, помня лишь смутно ту обстановку, въ которой протекало его дѣтство и юность, пріѣхалъ въ Москву, чтобы увидѣть дорогую дѣвушку, съ которой выросъ, въ которой оцѣнилъ чуткое сердце, живой умъ, бодрую, самостоятельную душу, нелегко поддававшуюся тлетворнымъ вліяніямъ среды.

Отношеніе Чацкаго къ Москвѣ.

Москву Чацкій себѣ представлялъ такой, какой она рисовалась ему еще по раннимъ, юношескимъ воспоминаніямъ,—смѣшной, карикатурной... Тогда, очевидно, онъ не видѣлъ еще всѣхъ ея отвратительныхъ сторонъ. Вотъ почему, возвращаясь сюда, онъ шутливо восклицаетъ: «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!» Но въ пер-

сый же день пріѣзда онъ увидалъ, что здѣсь надо не острить, не шутить, а негодовать и обличать: дорогая его сердцу Софья не устояла, подчинилась московскому обществу,—и онъ ей сдѣлался чуждъ.

Такимъ образомъ, союзниковъ у Чацкаго не оказалось, и онъ своими неосторожными рѣчами, словно, расшевелилъ «осиное гнѣздо». Увидя вражду со всѣхъ сторонъ, онъ восклицаетъ:

„Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! Всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутолимыхъ,
Разсказчиковъ неутомимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!"

Высоко цѣня человѣческое достоинство, Чацкій возмущался тѣмъ, что въ московскомъ обществѣ все было построено на угодничествѣ, низкопоклонствѣ передъ сильными—и на презрѣніи къ людямъ слабымъ. Онъ возмущался, что въ этомъ закоренѣломъ обществѣ «къ свободной жизни» вражда непримирима, что служатъ здѣсь «лицамъ, а не дѣлу», ищутъ себѣ покровителей и сами покровительствуютъ только «роднѣ», что не понимаютъ пользы истиннаго просвѣщенія, что нѣтъ здѣсь истинной любви къ родинѣ, которую обираютъ, но которой не служатъ. Онъ горячо заступается за крѣпостныхъ, которые въ глазахъ тогдашней Москвы стояли не выше животныхъ [1]). Его возмущаетъ презрѣніе ко всему русскому, слѣпое подражаніе только внѣшней сторонѣ европейской культуры, раболѣпство передъ чужестранцами, часто ничтожными и глупыми.

Характеръ Чацкаго.

Своею горячностью и полнымъ отсутствіемъ выдержки, Чацкій порою производитъ странное, даже комическое впечатлѣніе. Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ въ самомъ названіи комедіи: «Горе отъ ума» увидѣть иронію со стороны автора по отношенію къ своему герою. «Въ комедіи» «Горе отъ ума» кто умное дѣйствующее лицо?—спрашивалъ въ одномъ письмѣ къ Бестужеву Пушкинъ—и на свой вопросъ самъ себѣ отвѣчаетъ: «Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями!..» «Все, что говорилъ онъ, продолжаетъ Пушкинъ, очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми». Дѣйствительно, Чацкій комиченъ со своимъ злорѣчіемъ въ первыя же минуты свиданья съ Софьей. Онъ комиченъ и своимъ неумѣстнымъ монологомъ на балу,—монологомъ, въ которомъ онъ нападаетъ на фраки, на «смѣшные», «бритые» подбородки и завидуетъ китайцамъ за ихъ

Отзывъ Пушкина о Чацкомъ.

---

[1]) Въ монологѣ.... „А судьи кто?" онъ разсказываетъ, какъ вѣрныхъ крѣпостныхъ слугъ мѣняли на борзыхъ собакъ, какъ для балетовъ отнимали дѣтей у крестьянъ, чтобы потомъ, обративъ ихъ въ Амуровъ и Зефировъ, распродавать „поодиночкѣ".

мудрое незнаніе иностранцевъ. Въ моментъ разлуки съ Софьей онъ непріятенъ, такъ какъ обнаруживаетъ самый мелкій эгоизмъ, отдавшись во власть одного только своего оскорбленнаго самолюбія. А самый «налетъ» его на Москву? Утромъ пріѣхалъ и въ тотъ же вечеръ навсегда оставилъ ее съ патетическимъ возгласомъ: «Карету мнѣ, карету!» Впрочемъ, если бы не было этихъ черточекъ, которыя понижаютъ высокій драматизмъ образа Чацкаго, пьесу пришлось бы назвать «драмой», а не «комедіей».

§ 161. Молчалинъ—это Фамусовъ въ юности: онъ старательно выполняетъ всѣ требованія того общества, въ которомъ онъ разсчитываетъ найти свое благополучіе. Свою «личность» онъ готовъ поработить этому обществу до того, что отказывается «смѣть свое сужденіе имѣть», говоря, что онъ «въ чинахъ небольшихъ». Онъ заискиваетъ не только у вліятельныхъ стариковъ и старухъ, но, перещеголявъ своего патрона Фамусова, заискиваетъ даже у низшихъ. Правило его жизни— Молчалинъ.

„Угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику,—для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!"

Весь поглощенный заботами о своей «карьерѣ», онъ усердно торитъ къ ней дорожки, не одну, а нѣсколько заразъ, низкопоклонничая направо и налѣво, часто безъ нужды, въ расчетѣ на то, что «частенько тамъ мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ». Въ погонѣ за покровителями, онъ играетъ съ вліятельными старушками въ карты, ухаживаетъ за дочерью начальника. Онъ—лицемѣръ, какъ все это лживое общество, замаскированное приличіями и строгостью «общественнаго суда».

Такой же карьеристъ—Скалозубъ. Только хитрость, лукавство, низость Молчалина у него смѣняются глупостью и грубостью аракчеевскаго фронтовика. Цѣль его жизни—скорѣе попасть въ генералы. Къ этой цѣли онъ идетъ рѣшительно и удачно. Самъ онъ говоритъ: Скалозубъ.

„Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты!"

Къ просвѣщенію онъ относится отрицательно, какъ и всѣ его друзья изъ фамусовскаго круга,—изъ всѣхъ наукъ онъ признаетъ одну и ставитъ ее выше всѣхъ—военную муштровку и выправку.

Софья—существо двойственное. Она презираетъ общество, въ которомъ живетъ, но бороться съ нимъ не станетъ: ее, какъ Горича, засосала эта жизнь, отравила ее и своей ложью, и своимъ «непротивленіемъ злу». Она выполняетъ все, что требуетъ отъ нея это общество, но спасается отъ него въ интимномъ мірѣ своей внутренней жизни. Она—мечтательница, любительница чувствительныхъ романовъ, создала себѣ уголокъ жизни, куда пустила одного Молчалина; въ немъ она увидѣла своего героя: его угодливость, податливость, представились ей тѣмъ «прекраснодушіемъ», Софья.

которымъ богато были надѣлены многіе герои тогдашнихъ романовъ (ср Грандисова); съ Молчалинымъ она просиживаетъ ночи за роялемъ, за чтеніемъ,—а онъ, въ угоду ей, играетъ роль сентиментальнаго, романическаго любовника: вздыхаетъ, пожимаетъ ей руку, а за глаза ее именуетъ въ насмѣшку «печальной кралею». Чацкій не годился бы на роли героя такого страннаго романа: онъ слишкомъ былъ самобытенъ и не пошелъ бы «статистомъ». Вотъ почему, когда явился Чацкій, Софья испугалась мысли, что онъ вторгнется въ ея мірокъ, что-то тамъ разобьетъ,— и она попыталась защитить себя ложью и клеветой—тѣмъ оружіемъ, которымъ она позаимствовалась у воспитавшаго ее общества. Убѣдившись въ низости идеализированнаго ею Молчалина, она переродилась,—она поняла и свою ошибку по отношенію къ Чацкому, и то ужасное фальшивое положеніе, въ которое она втянута была жизнью въ домѣ отца и въ московскомъ обществѣ.

Построеніе комедіи.

§ 162. „Горе отъ ума", по формѣ, комедія псевдоклассическая,—въ ней соблюдены всѣ три единства: единство мѣста (все время дѣйствіе идетъ въ домѣ Фамусова), единство времени (съ утра до вечера одного дня) и единство дѣйствія; какъ въ другихъ псевдоклассическихъ комедіяхъ, и здѣсь есть противопоставленіе порочныхъ и добродѣтельныхъ героевъ. Устами добродѣтельнаго героя, резонера Чацкаго, говоритъ самъ авторъ. Есть тутъ и наперсница-служанка—Лиза. Но удивительное знаніе русской жизни и художественность ея изображенія сдѣлали изъ этой комедіи, построенной такъ искусственно, произведеніе художественно-реалистическое, правдивое и сильное...

Недостатки комедіи.

Къ недостаткамъ комедіи надо отнести излишній ея субъективизмъ. Грибоѣдовъ черезчуръ много внесъ сатирическаго элемента въ резонерскія рѣчи Чацкаго,—и оттого всѣ монологи его обратились въ типичныя сатиры, какъ тогда понимали ихъ теоретики-псевдоклассики [1]).

Сатира въ комедіи.

Такими же сатирами, по существу своему, являются и монологи Фамусова; правда, почти всѣ они, въ высокой степени, художественны,—настолько въ нихъ „самообличеніе" искусно прикрыто самодовольствомъ говорящаго, но, напримѣръ, одинъ монологъ прямо невѣренъ по тону: произошло это опять-таки потому, что авторъ поработилъ себѣ своего героя: лиризмъ сатирическаго обличенія вышелъ у него изъ предѣловъ узкаго фамусовскаго довольства собою. Это—монологъ, въ которомъ Фамусовъ дѣлаетъ характеристику Москвы,—характеристику болѣе умѣстную въ

---

[1]) Сатира есть *лирическое* произведеніе, осмѣивающее отрицательныя стороны дѣйствительной жизни.

устахъ Грибоѣдова-Чацкаго. Такъ, по словамъ Фамусова, гостепріимные москвичи неразборчивы въ гостяхъ,—для нихъ ровнехонько ничего не значило—хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—и „для всѣхъ былъ готовъ обѣдъ". Такъ же фальшиво звучитъ отзывъ Фамусова о старичкахъ, „канцлерахъ въ отставкѣ по уму", объ ихъ „либеральномъ консерватизмѣ"—такой отзывъ естественнѣе былъ бы въ устахъ обличителя-Чацкаго.

Отзывъ Фамусова о дѣвицахъ московскихъ:

„Его величество король былъ Прусскій здѣсь—
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравію, не лицамъ!..
...Словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой,
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,—
А потому, что патріотки!"

—точно такъ же болѣе похожъ на издѣвательство, чѣмъ на похвалу.

Въ разсказѣ Репетилова о тайныхъ собраніяхъ ихъ общества этотъ же субъективизмъ совершенно забиваетъ художественную правду.

§ 163. Литературная исторія „Горя отъ ума" вполнѣ ясна: прежде всего, сама жизнь, освѣщенная съ точки зрѣнія авторскаго міросозерцанія, дала богатый матеріалъ для этого произведенія. Русская реалистическая литература тоже дала ему немало образцовъ. Въ сказкахъ Дмитріева, Измайлова, въ басняхъ Крылова могъ Грибоѣдовъ найти и выработанный стиль, и рядъ сатирическихъ картинъ изъ современной русской жизни. Можно, кромѣ этихъ произведеній, указать и другія, приближающіяся, по содержанію, къ „Горю отъ ума". Такъ, для характеристики московскаго общества этой эпохи очень интересенъ журналъ проф. Страхова: „Сатирическій Вѣстникъ" (1790—1793). *Литературная исторія комедіи: а) русскія вліянія.* *„Сатирическій Вѣстникъ" Страхова.*

Этотъ органъ—любопытное явленіе въ исторіи нашей журналистики: передъ нами хроника общественной жизни конца XVIII в. Въ тѣхъ картинахъ, что проходятъ при чтеніи журнала,—картинахъ, правда, не всегда яркихъ, мы не встрѣтимъ сатиры на отдѣльные пороки, или обличеніе отдѣльныхъ лицъ,—здѣсь кругозоръ взятъ шире: изображена пошлость, мелочность всей московской жизни. Боязнь «общественнаго мнѣнія», пустословіе и сплетни, лицемѣріе и фальшь царятъ въ этомъ обществѣ. На этомъ сѣренькомъ фонѣ, рисуются силуэты московскихъ сановниковъ и подхалимовъ, которые подличаютъ передъ знатными, изъ угодничества ласкаютъ собачекъ, принадлежащихъ вліятельнымъ дамамъ. Передъ нами

пройдутъ паразиты-прихлебатели, моты-крѣпостники, врали-Небылицыны и Залигалкины. Передъ нами пронесутся пестрыя картины московской жизни,—парадные балы, шумныя и пустыя развлеченія, промелькнутъ и будничныя картины жизни русскихъ баръ въ деревнѣ и городѣ. Темными пятнами выдѣлятся изъ нихъ грустныя сценки изъ жизни крѣпостного люда. Такимъ образомъ, еще до Грибоѣдова Страховъ въ легкихъ эскизахъ и намекахъ нарисовалъ всю грибоѣдовскую Москву,—въ его журналѣ есть уже очертанія Фамусова, Молчалина, Загорѣцкаго.

„Евгеній“ А. Измайлова.

Любопытны для сравненія съ комедіей Грибоѣдова также нѣкоторыя страницы романа А. Измайлова: „Евгеній“.

Здѣсь мы опять въ атмосферѣ столичной жизни: передъ нами «новые» дворяне изъ приказныхъ, облагороженныхъ чиномъ и деньгами, передъ нами студенты Московскаго университета,—«вольтерьянцы» и просто прощалыги-распутники, гвардейская молодежь столицы, «свѣтъ», состоящій изъ добродѣтельныхъ шуллеровъ, сплетниковъ, Лицемѣркиныхъ, Тысячниковыхъ и др. Вотъ, наудачу взятая характеристика г. Подлянкова: это—титулярный совѣтникъ, который на службу ходитъ «при окончаніи каждаго мѣсяца, а къ своимъ командирамъ каждый праздникъ». «Онъ собственнымъ своимъ опытомъ знаетъ, что нѣкоторые начальники примѣчаютъ подчиненныхъ болѣе въ своей передней, нежели у должности, во время часовъ присутствія. Не однимъ только своимъ начальникамъ, но и всѣмъ тѣмъ, которыхъ благосклонность могла ему быть полезна, оказывалъ онъ свое почтеніе, преданность и раболѣпство, хотя бы то былъ подлый придверникъ, или камердинеръ его покровителя и милостивца (ср. Молчалина). Будучи вхожъ во многіе дома, во многихъ изъ нихъ обѣдывалъ и ужинывалъ поочередно. Онъ глядѣлъ каждое утро въ календарь собственнаго сочиненія, въ которомъ внесены были дни тезоименитства и рожденія знакомыхъ ему особъ, супругъ и дѣтей ихъ (ср. календарь Фамусова). Когда кто ронялъ нечаянно что-нибудь близъ него, онъ упадалъ мгновенно однимъ колѣномъ на полъ и поднималъ упавшую вещь съ удивительнымъ проворствомъ (ср. Молчалина). Хотѣлось ли кому достать чего? Надлежало о семъ сказать г. Подлянкову,—онъ тотчасъ съ радостью все найдетъ, все сыщетъ (ср. Загорѣцкаго). Надобно ли кому купить лошадь? человѣка? Онъ купитъ, да еще хорошихъ. Надобно ли нанять карету, ложу, домъ? Онъ найметъ, и самыхъ удобныхъ. Надобно ли кому узнать внутреннее состояніе какого семейства, его тайны? Онъ откроетъ, и самыя сокровенныя...» и т. д. Изъ этой цитаты видно, какъ въ одномъ типичномъ образѣ Подлянкова соединились черты, которыя впослѣдствіи, въ произведеніи Грибоѣдова, развились въ нѣсколькихъ образахъ—Фамусова, Молчалина и Загорѣцкаго, этого комиссіонера по призванію и убѣжденію...

Выше было отмѣчено, что еще у Кантемира намѣчаются первые наброски нѣкоторыхъ героевъ Грибоѣдова.

Приведенные примѣры указываютъ: 1) на то, что, если и другіе писатели отмѣчаютъ подобныя же явленія, то этимъ са-

мымъ доказывается жизненность и вѣрность явленій, отмѣченныхъ Грибоѣдовымъ, т. е. правдивость его, какъ художника русской жизни;—2) на то, что до Грибоѣдова эти явленія русской жизни нашли уже въ нашей литературѣ ясное и вѣрное отраженіе,—слѣдовательно, произведеніе Грибоѣдова всѣми корнями своими держится за русскую реалистическую литературу,—является, до нѣкоторой степени, итогомъ ея развитія.

b) иностранныя вліянія. Мольеръ и его „Мизантропъ".

Изъ иностранныхъ произведеній особенно большое значеніе для „Горя отъ ума" имѣла комедія Мольера: „Мизантропъ". Изслѣдованія проф. Алексѣя Веселовскаго показали, что образъ Альцеста отразился на Чацкомъ: въ произведеніи Грибоѣдова повторилась, до нѣкоторой степени, исторія любви Альцеста, наконецъ, сходство наблюдается въ нѣкоторыхъ мелочахъ. Отъ такихъ заимствованій, конечно, комедія Грибоѣдова не сдѣлается несамостоятельной: если заимствована была форма и нѣкоторыя детали, то содержаніе ея оставалось всетаки глубоко-русскимъ [1]).

Автобіографическое значеніе обѣихъ комедій.

Проф. А-й Веселовскій, прежде всего, отмѣчаетъ автобіографическое значеніе главныхъ героевъ этихъ двухъ комедій: и Альцестъ, и Чацкій—родственныя натуры; они отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, основныя черты своихъ творцовъ. «Одинъ изъ типичнѣйшихъ меланхолическихъ весельчаковъ», Грибоѣдовъ зналъ за собой свойственные всѣмъ имъ рѣзкіе переходы отъ взрывовъ веселости къ мрачному унынію—и Чацкій является достойнымъ его отголоскомъ. Если собрать воедино всѣ тѣ презрительные отзывы о людяхъ, порядкахъ, нравахъ, идеяхъ, которыя разсѣяны въ его рѣчахъ, то, конечно, составится такая мрачная пессимистическая картина, которая прямо заставитъ предположить мизантропическія склонности въ человѣкѣ съ такими взглядами. А, между тѣмъ, этотъ же страшный обличитель, передъ которымъ ничто не находитъ пощады, всетаки вѣритъ въ возможность обновленія; не замѣчая, что такихъ людей, какъ онъ, въ современномъ ему обществѣ слишкомъ мало, онъ уже ссылается на духъ времени, находитъ, что нынче свѣтъ ужъ не таковъ, что теперь «вольнѣе *всякій* дышитъ»; эта довѣрчивость, представляющая такой контрастъ съ безотрадной оцѣнкой дѣйствительности, объясняетъ и его неукротимую горячность въ пропагандѣ: онъ отдается ей не потому только, что его увлекаетъ темпераментъ, что вообще онъ не можетъ молчать, но

[1]) Проф. Веселовскій указываетъ, что Грибоѣдовъ дѣлалъ заимствованія для своей комедіи не только изъ „Мизантропа" Мольера: такъ разсужденія Молчалина о необходимости всѣмъ угождать, даже „собакѣ дворника, чтобъ ласкова была"—взято изъ „Femmes Savantes": „jusqu'au chien du logis il s'efforce de plaire". Выходка Чацкаго противъ европейскаго костюма—напоминаетъ одно мѣсто въ „Ecole des maris". Слова Горича о порочной снисходительности общества къ Загорѣцкому напоминаетъ рѣчь Альцеста къ Филэнту (актъ I, сц. I, стих. 125—140); заключительныя слова Чацкаго: „пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ"—совпадаютъ со словами Альцеста: „chercher sur la terre un endroit écarté ou être homme d'honneur on ait la liberté!"

и потому, что его не покидаетъ обманчивая надежда тронуть, наконецъ, эти окаменѣвшія сердца».

«Такимъ въ жизни былъ и Мольеръ, таковъ и его герой Альцестъ, которому онъ влагаетъ въ уста, наряду съ страшными проклятіями людямъ, и слова довѣрчивости, воодушевленія, любви... Для Альцеста еще жива любовь,—онъ доступенъ обаянію искренней поэзіи,—и, что важнѣе всего, онъ готовъ къ борьбѣ за право тѣхъ людей, которыхъ, вообще, привыкъ презирать.

Сходство въ планѣ. комедій.

Кромѣ того, «въ обоихъ произведеніяхъ мы видимъ, въ лицѣ главныхъ героевъ, развитыхъ и умныхъ людей, доходящихъ иногда до крайняго пессимизма, рѣзкихъ въ своихъ сужденіямъ и отношеніяхъ къ людямъ; ихъ одиночество среди людей скрашивается лишь привязанностью къ женщинѣ, которая предпочитаетъ имъ глупца; не вѣря этому вполнѣ, оба они ее идеализируютъ, прощая ей слабость и надѣясь на ея исправленіе. Случайность (у Мольера находка Альцестомъ и чтеніе письма Селимены; у Грибоѣдова—подслушанные Чацкимъ толки о немъ въ швейцарской и сцена между Софьей и Молчалинымъ) открываетъ имъ глаза,—послѣднія надежды рушатся, и они порываютъ всѣ связи съ обществомъ. Сходство плана обѣихъ комедій, въ элементарныхъ чертахъ, очевидно.

Различія въ обѣихъ комедіяхъ.

Различія сводятся къ тому, что протестующій герой въ русской комедіи принялъ на себя всѣ характерныя черты русской жизни и той эпохи, продуктомъ которой онъ былъ. Различіе касается и нравственныхъ сторонъ характера обоихъ героевъ. «Орудіемъ обличительной пропаганды у Чацкаго является насмѣшка, часто легкая и колкая, лишь по временамъ принимающая суровый оттѣнокъ и проникающаяся паѳосомъ. У Альцеста—негодованіе строгое, улыбка рѣдко показывается на его устахъ и тонъ его рѣчей почти вездѣ «однороденъ».

Современной полуобразованной пошлости оба они склонны противополагать старое время,—незатѣйливое, но нравственно чистое,—и сочувствіе Альцеста къ стариннымъ доблестямъ (vertus des vieux âges) идетъ въ уровень съ тѣми рѣчами, за которыя Чацкій можетъ прослыть и староверомъ».

Личность героевъ.

«Ни Мольеръ, ни Грибоѣдовъ не думали выставлять центральное лицо въ своихъ произведеніяхъ безусловно-образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ бы идеальнымъ и по направленію, и по образу дѣйствій. Грибоѣдовъ заставляетъ Чацкаго сдѣлать довольно умѣренную оцѣнку и себя самого, и подобныхъ ему людей: передъ нами не всеобъемлющій умъ, не цѣльная натура... Точно такъ же и Мольеръ не хочетъ закрывать глаза на извѣстныя слабости своего героя, на излишнюю его горячность и запальчивость, которая разгорается иногда отъ незначительныхъ поводовъ».

Въ отношеніяхъ къ героинямъ оба героя тоже нѣсколько схожи: оба, чувствуя холодность дорогихъ ихъ сердцу женщинъ, пытаются опредѣлить соперника, пользуясь сходными пріемами: Чацкій клеймитъ въ присутствіи Софьи Молчалина насмѣшками, удивляясь, чѣмъ онъ могъ плѣнить ее,—то же дѣлаетъ Альцестъ, осмѣивая внѣшность и пріемы Клитандра.

Какъ въ противоположность страстному, неуравновѣшенному Альцесту Мольеръ выставилъ Филэнта, «представителя сдержанной умѣренности и практической житейской мудрости»... Нѣчто подобное Филэнту (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ главной его сторонѣ—«умѣренности и аккурат-

ности») намъ представится въ характерѣ Молчалина, составляющемъ умышленно-рѣзкій контрастъ съ порывистымъ Чацкимъ». Впрочемъ, «рядомъ съ Филэнтомъ, представляющимъ собою мастерское и широкозадуманное олицетвореніе «идеи компромисса», царящей испоконъ вѣка надъ человѣчествомъ,—Молчалинъ является самой пошлой и мелкой разновидностью этого типа».

„Милліонъ терзаній" Гончарова (разборъ „Горя отъ ума").

§ 164. И. А. Гончаровъ начинаетъ характеристику комедіи съ указанія на ея необыкновенную «моложавость», свѣжесть»—«она, какъ столѣтній старикъ, около котораго всѣ, отживъ по очереди свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходитъ, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей». Хотя «значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы было несравненно больше, чѣмъ Грибоѣдова—онъ занялъ собою всю свою эпоху, самъ создалъ другую, породилъ школы художниковъ»,—тѣмъ не менѣе, герои его произведеній (напр., Онѣгинъ) поблекли, отошли въ прошлое. Такъ же отжилъ свое время лермонтовскій Печоринъ, не говоря уже о герояхъ Фонвизина. Между тѣмъ, Чацкій—образъ до сихъ поръ яркій.

Жизненность Чацкаго.

«Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ... Гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—тамъ всегда длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного со здоровымъ, и все бьются на поединкахъ миніатюрные Фамусовы и Чацкіе»—говоритъ Гончаровъ.

«Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и, кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла они ни стояли, будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы,—отъ совѣта «учиться, на старшихъ глядя», съ одной стороны,—и отъ жажды стремиться отъ рутины къ «свободной жизни». Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарится когда-нибудь грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія».

Гончаровъ объ отношеніи русской публики къ комедіи.

Говоря объ отношеніи русской публики къ этой комедіи, Гончаровъ говоритъ, что «грамотная масса оцѣнила ее фактически. Сразу понявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, она разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустишія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила милліонъ въ гривенники и до того испестрила грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до пресыщенія. Но пьеса выдержала и это испытаніе, и не только не опошлилась, но сдѣлалась, какъ будто, дороже для читателей, нашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь.

Гончаровъ о русской критикѣ, судившей комедію.

Обращаясь къ русской критикѣ, судившей комедію, Гончаровъ отмѣчаетъ, что одни судьи ея—«цѣнятъ въ ней картину московскихъ нравовъ извѣстной эпохи,—созданіе живыхъ типовъ и ихъ искусную группировку. Другіе, отдавая справедливость картинѣ нравовъ, вѣрности типовъ, дорожатъ болѣе эпиграмматическою солью языка, живой сатирой, моралью, которою пьеса до сихъ поръ, какъ неистощимый колодецъ, снабжаетъ

всякаго на каждый обиходный шагъ жизни». Соглашаясь съ этими мнѣніями русской критики, Гончаровъ продолжаетъ: «Но и тѣ и другіе цѣнители почти обходятъ молчаніемъ самую «комедію», *дѣйствіе*, а многіе даже отказываютъ ей въ наличности сценическаго движенія [1]). Съ этимъ мнѣніемъ критикъ не согласенъ.

«Какъ нѣтъ движенія? восклицаетъ онъ, есть—живое, непрерывное отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его восклицанія: «Карету мнѣ, карету!»

«Это—тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ, вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ». Слова эти Гончаровъ старается доказать подробнымъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ.

«Главная роль въ ней—конечно, роль Чацкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ. Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чацкаго его уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ. Гончаровъ старается примирить это противорѣчіе.

Характеристика Чацкаго.

«Чацкій, продолжаетъ онъ, не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ—это человѣкъ не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, «чувствительный и веселый, и острый». Личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ, Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и лермонтовскаго Печорина: онъ—искренній и горячій дѣятель,—а тѣ—паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе. И Онѣгинъ, и Печоринъ оказались неспособными къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже «озлоблены», носили въ себѣ и «недовольство» и бродили, какъ тѣни, съ «тоскующею лѣнью». Но, презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не рѣшились ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно». Чацкій не похожъ въ этомъ на нихъ,—онъ, какъ видно, напротивъ, готовился серьезно къ дѣятельности, «онъ славно пишетъ, переводитъ»—говоритъ о немъ Фамусовъ, и всѣ твердятъ объ его высокомъ умѣ; онъ, конечно, не безъ цѣли, путешествовалъ, недаромъ учился, много читалъ, принимался, какъ видно, за серьезный трудъ, былъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ министрами и разошелся—нетрудно догадаться, почему.

«Служить бы радъ, прислуживаться тошно»,—намекаетъ онъ самъ. О «тоскующей лѣни и праздной скукѣ» въ его жизни и помину нѣтъ, а еще менѣе о «страсти нѣжной», какъ о «наукѣ» и «занятіи». Онъ любилъ серьезно, видя въ Софьѣ будущую жену».

---

[1]) Кн. Вяземскій находилъ, что въ „Горѣ отъ ума“ нѣтъ дѣйствія,—всѣ лица эпизодичны, сцены мало одна съ другой связаны. По его мнѣнію, „Горе отъ ума“—не столько комедія, сколько сатира въ драматической формѣ.

Ради Софьи прискакалъ онъ, сломя голову, въ Москву. Но на первыхъ же порахъ его здѣсь встрѣтило разочарованіе: ею онъ былъ принятъ холодно.

Отношеніе его къ Софьѣ.

«Съ этой минуты между нею и Чацкимъ завязался горячій поединокъ,—самое живое дѣйствіе комедіи, въ которомъ принимаютъ близкое участіе два лица—Молчалинъ и Лиза. Всякій шагъ Чацкаго, почти всякое слово въ пьесѣ, тѣсно связаны съ игрой чувства его къ Софьѣ, раздраженнаго какой-то ложью въ ея поступкахъ, которую онъ и бьется разгадать до самаго конца,—весь умъ его и всѣ силы уходятъ въ эту борьбу; это и послужило мотивомъ, поводомъ къ тому «милліону терзаній», подъ вліяніемъ которыхъ онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль,—роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, — словомъ, ту роль, для которой «родилась вся комедія»...

Отношеніе его къ Фамусову и его кругу.

Чацкій къ Фамусову сначала относится равнодушно,—онъ думаетъ только о Софьѣ: праздному любопытству своего бывшаго «воспитателя»— онъ противопоставляетъ только упорныя мысли о Софьѣ, объ ея красотѣ... Онъ отвѣчаетъ невпопадъ на вопросы Фамусова, отвѣчаетъ такъ невнимательно, что, подъ конецъ, даже обижаетъ того... Борьбы съ Фамусовымъ Чацкій не ищетъ,—«Чацкому скучно съ нимъ говорить»—и только настойчивый вызовъ Фамусова на споръ выводитъ Чацкаго изъ его сосредоточенности:

„Вотъ то-то, всѣ вы—гордецы!
Смотрѣли бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя!"

—говоритъ онъ и затѣмъ чертитъ такой грубый и уродливый рисунокъ раболѣпства, что Чацкій не вытерпѣлъ и, въ свою очередь, сдѣлалъ параллель вѣка «минувшаго» съ вѣкомъ «нынѣшнимъ». Съ этого момента въ комедіи поединокъ съ одной Софьей, мало-по-малу, разростается въ титаническую борьбу со всей Москвой,—съ фамусовскимъ обществомъ.

«Образовались два лагеря, или, съ одной стороны, цѣлый лагерь Фамусовыхъ и всей братіи «отцовъ и старшихъ»,—съ другой, одинъ пылкій и отважный боецъ, «врагъ исканій»... Это борьба на жизнь и смерть, «борьба за существованіе», какъ новѣйшіе натуралисты опредѣляютъ естественную смѣну поколѣній въ животномъ мірѣ».

Моральная цѣнность комедіи.

«Чацкій рвется къ «свободной жизни», «къ занятіямъ наукой и искусствомъ и требуетъ службы дѣлу, а не лицамъ» и т. д. На чьей сторонѣ побѣда? Комедія даетъ Чацкому только «*милліонъ терзаній*» и оставляетъ, повидимому, въ томъ же положеніи Фамусова и его братію, въ какомъ они были, ничего не говоря о послѣдствіяхъ борьбы. Теперь намъ извѣстны эти послѣдствія,—они обнаружились съ появленіемъ комедіи, еще въ рукописи, въ свѣтъ, и, какъ эпидемія, охватили всю Россію!» Этими словами Гончаровъ опредѣляетъ великую цѣнность того моральнаго впечатлѣнія, которое произведено было на русскую публику зрѣлищемъ борьбы Чацкаго съ фамусовской Москвой.

«Между тѣмъ, интрига любви идетъ своимъ чередомъ, правильно, съ тонкою психологическою вѣрностью, которая во всякой другой пьесѣ, лишенной прочихъ колоссальныхъ грибоѣдовскихъ красотъ—могла бы одна

сдѣлать автору имя... Когда же, наконецъ, «комедія между нимъ и Софьей оборвалась,—жгучее раздраженіе ревности унялось и холодъ безнадежности пахнулъ ему въ душу».

Бытовой элементъ въ комедіи.

«Ему оставалось уѣхать, но на сцену вторгается другая живая, бойкая комедія; открывается разомъ нѣсколько перспективъ московской жизни, которыя не только вытѣсняютъ изъ памяти зрителя интригу Чацкаго, но и самъ Чацкій, какъ будто, забываетъ о ней и мѣшается въ толпу. Около него группируются и играютъ, каждое свою роль, новыя лица. Это—балъ, со всею московской обстановкой, съ рядомъ живыхъ сценическихъ очерковъ, въ которыхъ каждая группа образуетъ свою отдѣльную комедію, съ полною обрисовкою характеровъ, успѣвшихъ въ нѣсколькихъ словахъ разыграться въ законченное дѣйствіе.

Горичи.

«Развѣ не полную комедію разыгрываютъ Горичи? Этотъ мужъ,—недавно еще бодрый и живой человѣкъ, теперь баринъ, опустившійся, облекшійся въ халатъ, ушедшій весь въ московскую жизнь, «мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга—идеалъ московскихъ мужей», по мѣткому опредѣленію Чацкаго,—подъ башмакомъ приторной, жеманной, свѣтской супруги, московской дамы?

Московскія дѣвицы.

«А эти шесть княженъ и графиня-внучка?—весь этотъ контингентъ невѣстъ, «умѣющихъ, по словамъ Фамусова, принарядить себя тафтицей, бархатцемъ и дымкой», «поющихъ верхнія нотки и льнущихъ къ военнымъ людямъ»?

Хлестова, кн. Петръ, Загорѣцкій и др.

«Эта Хлестова, остатокъ Екатерининскаго вѣка, съ моськой, съ арапкой-дѣвочкой? Эта княгиня и князь Петръ Ильичъ—безъ словъ, но такая говорящая руина прошлаго?—Загорѣцкій, явный мошенникъ, спасающійся отъ тюрьмы въ лучшихъ гостиныхъ и откупающійся угодливостью, въ родѣ собачьихъ поносокъ?—Эти NN?..—и всѣ толки ихъ?.. Развѣ всѣ эти лица, ихъ жизнь, интересы, не представляютъ собой особыхъ маленькихъ комедій, которые вошли, какъ эпизоды, въ составъ большой?»

„Милліонъ терзаній“.

«Когда, въ борьбѣ съ Москвой, чаша терпѣнія Чацкаго переполнилась, онъ выходитъ въ залъ уже окончательно разстроенный и, по старой дружбѣ, опять идетъ къ Софьѣ, надѣясь встрѣтить въ ней хоть простое сочувствіе». Онъ повѣряетъ ей свое душевное состояніе: «милліонъ терзаній»,—онъ жалуется ей, не подозрѣвая, какой заговоръ созрѣлъ противъ него въ непріятельскомъ лагерѣ.

«Милліонъ терзаній» и «горя»!—вотъ, что онъ пожалъ за все, что успѣлъ посѣять. До сихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ: умъ его безпощадно поражалъ больныя мѣста враговъ. Фамусовъ ничего не находилъ, какъ только зажать уши противъ его логики и отстрѣливаться общими мѣстами старой морали. Слушая его, Молчалинъ смолкаетъ, княжны, графини пятятся прочь отъ него, обожженыя крапивой его смѣха, а прежній другъ его Софья, которую одну онъ щадитъ,—лукавитъ, скользитъ и наноситъ ему главный ударъ втихомолку, объявивъ его, подъ рукой, вскользь, сумасшедшимъ...

Чацкій подъ конецъ борьбы.

Сначала Чацкій чувствовалъ свою силу и говорилъ увѣренно. Но борьба его истомила. Онъ, очевидно, ослабѣлъ отъ этого «милліона терзаній»,—и вотъ, въ концѣ концовъ, онъ дѣлается не только грустенъ, но и желченъ, придирчивъ. Онъ, какъ раненый, собираетъ всѣ силы,

дѣлаетъ вызовъ толпѣ—и наноситъ ударъ всѣмъ,—но не хватило у него мощи противъ соединеннаго врага, «онъ впадаетъ въ преувеличеніе, почти въ нетрезвость рѣчи и подтверждаетъ во мнѣніи гостей распущенный Софьей слухъ объ его сумасшествіи. Отъ него слышится уже не острый, ядовитый сарказмъ, въ который вставлена вѣрная, опредѣленная идея, правда,—а какая-то горькая жалоба, какъ будто на личную обиду, на пустую, или, по его же словамъ, «незначущую встрѣчу съ французикомъ изъ Бордо», которую онъ, въ нормальномъ состояніи духа, едва ли бы замѣтилъ. «Онъ не владѣетъ собой и даже не замѣчаетъ, что онъ самъ составляетъ спектакль на балѣ. Онъ ударяется и въ патріотическій паѳосъ, договаривается до того, что находитъ фракъ противнымъ «разсудку и стихіямъ», сердится, что madame и mademoiselle не переведены на русскій языкъ,—словомъ, «il divague!»—заключили, вѣроятно, о немъ всѣ шесть княженъ и графиня-внучка. Онъ чувствуетъ это и самъ, говоря, что «въ многолюдствѣ» онъ растерянъ, самъ не свой...

Гончаровъ о критикѣ Пушкина.

«Пушкинъ, отказывая Чацкому въ умѣ, вѣроятно, всего болѣе имѣлъ въ виду сцену 4-го акта въ сѣняхъ при разъѣздѣ. Конечно, ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, эти—франты, не сдѣлали бы того, что̀ продѣлалъ въ сѣняхъ Чацкій. Тѣ были слишкомъ дрессированы «въ наукѣ страсти нѣжной», а Чацкій отличается, между прочимъ, и искренностью, и простотою, да онъ къ тому же не умѣетъ,—и не хочетъ рисоваться. Онъ—не франтъ, не «левъ»... Вотъ почему здѣсь измѣняетъ ему не только умъ, но и здравый смыслъ, даже простое приличіе»...

Софья; сложность этого образа.

Говоря о героинѣ комедіи, Гончаровъ отмѣчаетъ всю сложность этого образа. Когда она убѣдилась въ невѣрности Молчалина, когда онъ уже ползалъ у ногъ ея, она до появленія Чацкаго оставалась «все тою же безсознательною Софьей Павловной, съ тою же ложью, въ какой ее воспиталъ отецъ, въ какой онъ прожилъ самъ, весь его домъ и весь кругъ... Еще не опомнившись отъ стыда и ужаса, когда маска упала съ Молчалина, Софья, прежде всего, радуется, что ночью все узнала, что нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ!» А нѣтъ свидѣтелей, слѣдовательно, все шито да крыто, можно все забыть, выйти замужъ, пожалуй, за Скалозуба, а на прошлое смотрѣть... Да никакъ не смотрѣть! Свое нравственное чувство стерпитъ, Лиза не проговорится, Молчалинъ пикнуть не смѣетъ. А мужъ?»—Но какой же московскій мужъ, «изъ жениныхъ пажей», станетъ озираться на прошлое?» Такова ея мораль, и мораль отца, и всего круга. А, между тѣмъ, Софья Павловна индивидуально не безнравственна: она грѣшитъ «грѣхомъ невѣдѣнія»,—слѣпоты, въ которой жили всѣ.

„Свѣтъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ!“

—въ этомъ двустишіи Пушкина выражается общій смыслъ такой условной морали. Софья никогда не прозрѣвала отъ нея и не прозрѣла бы безъ Чацкаго—никогда, за неимѣніемъ случая. Послѣ катастрофы, съ минуты появленія Чацкаго—оставаться слѣпой ей уже невозможно.

Въ ней—и смѣсь хорошихъ инстинктовъ съ ложью, живого ума—съ отсутствіемъ всякаго намека на идеи и убѣжденія,—путаница понятій,

умственная и нравственная слѣпота...—Все это не имѣетъ въ ней характера личныхъ пороковъ, а является, какъ общія черты ея круга. Въ собственной, личной ея физіономіи прячется въ тѣни что-то *свое*, горячее, нѣжное, даже мечтательное,—остальное принадлежитъ воспитанію.

Сравненіе Софьи съ Татьяной.

Чтеніе романовъ, ночная игра на фортепьяно, мечты и одинокая жизнь въ своемъ внутреннемъ мірѣ среди шумнаго, пошлаго общества, перевѣсъ чувства надъ мыслью,—вотъ, та почва, на которой выростаетъ ея странное увлеченіе Молчалинымъ. Въ этомъ чувствѣ есть много настоящей искренности, сильно напоминающей чувства пушкинской Татьяны къ Онѣгину. Но Татьяна—деревенская дѣвушка, а Софья Павловна—московская, по тогдашнему развитая. Поэтому разницу между ними кладетъ «московскій отпечатокъ», отличающій Софью, потомъ умѣнье владѣть собой, которое явилось къ Татьянѣ послѣ жизни въ высшемъ свѣтѣ, уже послѣ замужества...

«Софья, какъ Татьяна, сама начинаетъ романъ, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, даже не догадываясь объ этомъ. Софья удивляется хохоту горничной при разсказѣ, какъ она съ Молчалинымъ проводитъ всю ночь: «ни слова вольнаго! — и такъ вся ночь проходитъ!» «Врагъ дерзости, всегда застѣнчивый, стыдливый!»—вотъ, чѣмъ она восхищается въ своемъ героѣ! Въ этихъ словахъ есть какая-то почти грація— и далеко до безнравственности!»

Отношеніе Софьи къ Молчалину.

«Не безнравственность свела ее съ Молчалинымъ. Этому сближенію помогло, прежде всего, влеченіе покровительствовать любимому человѣку,—бѣдному, скромному, не смѣющему поднять на нее глазъ,—помогло желаніе возвысить его до себя, до своего круга, дать ему семейныя права. Безъ сомнѣнія, ей въ этомъ улыбалась роль властвовать надъ покорнымъ созданіемъ, сдѣлать его счастье и имѣть въ немъ вѣчнаго раба. Не ея вина, что изъ этого въ будущемъ долженъ былъ выйти «мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга — идеалъ московскихъ мужей!» На другіе идеалы негдѣ было наткнуться въ домѣ Фамусова...

«Вообще къ Софьѣ Павловнѣ трудно отнестись несимпатично, въ ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣтлаго воздуха. Недаромъ любилъ ее Чацкій.

С) Романъ реалистическій. Нарѣжный.

§ 165 С) *Романъ.* Кромѣ А. Измайлова, давшаго прекрасные образцы реалистической повѣсти въ романѣ своемъ: „Евгеній“ (см. выше, стр. 296) и въ стихотворныхъ повѣстяхъ, надо назвать В. Т. Нарѣжнаго, оставившаго послѣ себя много романовъ всякаго рода. Изъ нихъ лучшими должны быть признаны его реалистическіе романы: „Россійскій Жилблазъ, или похожденія князя Гаврила Симоновича Чистякова“ (1814 г.), „Бурсакъ“ (1824 г.), „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“ (1825 г.).

„Россійскій Жилблазъ“.

«Россійскій Жилблазъ»—такой же нравоописательный разсказъ, какимъ было произведеніе Лесажа: «Histoire de Gil-Blas», много разъ переведенный у насъ въ Россіи въ XVIII в. и выдержавшій съ 1754 г.

до 1800 г. восемь изданій. Построеніе обоихъ романовъ «авантюрное», т. е. основанное на сцѣпленіи различныхъ приключеній. Разнообразіе и обиліе всевозможныхъ эпизодовъ позволяютъ автору освѣтить русскую жизнь съ различныхъ сторонъ; онъ неразъ касается тяжелаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, злоупотребленій чиновничества, рисуетъ пошлость провинціальнаго русскаго общества, критикуетъ славянофильство Шишкова и масонство, выставляя его съ самыхъ отрицательныхъ сторонъ. Герой романа, кн. Чистяковъ — родомъ изъ захудалаго княжескаго рода: село Фалалѣевка Курской губерніи все состояло изъ такихъ бѣдныхъ князей, которые сами обрабатывали землю. Кн. Чистяковъ влюбился въ такую же бѣдную княжну—Ѳеклушу. Эта любовь совсѣмъ его разорила. Семейная жизнь счастья доставила ему тоже мало, такъ какъ сначала они съ женой бѣдствовали, потомъ Ѳеклуша, начитавшись романовъ, его бросила. Сынъ князя, Никандръ, былъ похищенъ. И вотъ, князь Чистяковъ, какъ Жилблазъ, въ поискахъ благополучія скитается по бѣлу свѣту, выступаетъ въ разныхъ роляхъ: дѣлается приказчикомъ, потомъ ученикомъ метафизика-Бибаріуса и пр. Однажды въ театрѣ онъ увидѣлъ свою Ѳеклушу, которая сдѣлалась знаменитой актрисой. Герой мститъ своей женѣ. Потомъ дѣлается масономъ, участвуетъ на тайныхъ собраніяхъ ложи [1]), гдѣ встрѣчается опять съ женой. Обряды принятія въ ложу описаны подробно и правдиво, но самое засѣданіе представлено въ видѣ пародіи. Потомъ герой странствуетъ, живетъ въ Варшавѣ; здѣсь онъ сильно падаетъ въ нравственномъ отношеніи, сдѣлавшись секретаремъ у одного корыстолюбиваго и алчнаго князя; потомъ попадаетъ въ тюрьму, высылается изъ Польши; пѣшкомъ добирается до своей Фалалѣевки. Здѣсь онъ опять испытываетъ цѣлый рядъ превратностей и, какъ Жилблазъ, очевидно, долженъ былъ исправиться и вкусить благополучіе на склонѣ лѣтъ,—только романъ Нарѣжнаго остался незаконченнымъ,— цензура не разрѣшила этого романа за отзывы о масонствѣ.

„Бурсакъ“.

Гораздо проще, а потому, въ художественномъ отношеніи, выше— былъ другой романъ Нарѣжнаго: «Бурсакъ». Здѣсь изображенъ съ живымъ юморомъ бытъ Малороссіи. Въ этомъ произведеніи и сюжетъ, и характеры, и типы обрисованы вполнѣ самобытно.

Главный герой повѣсти—Неонъ; въ его лицѣ Нарѣжный представилъ настоящаго малороссійскаго бурсака, наивнаго и добродушнаго. Авторъ разсказываетъ объ его воспитаніи въ домѣ сельскаго дьячка, потомъ въ бурсѣ. Эти первыя страницы, списанныя съ дѣйствительной жизни,— лучшія въ романѣ: отъ нихъ вѣетъ жизненной правдой; типъ дьячка, типы бурсаковъ, нравы бурсы описаны реально и правдиво. Любопытны также описанія порядковъ жизни при дворѣ малороссійскаго гетмана, къ которому поступаетъ на службу Неонъ по окончаніи бурсы. Здѣсь герой совершаетъ рядъ чудесныхъ подвиговъ, дѣлается любимцемъ гетмана, возвышается въ чинахъ. Потомъ въ его жизнь вплетается любовь, и, наконецъ, онъ оказывается роднымъ внукомъ гетмана,—сыномъ его непокорной дочери, ушедшей изъ родного дома.

---

[1]) „Ложей“ называется у масоновъ кружокъ братьевъ, имѣющихъ свою особую организацію.

„Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ.

Романъ «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ» отличается исключительно-нравоописательнымъ характеромъ. Здѣсь рисуется бытъ старинныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ и судьба трехъ такихъ семействъ, разоренныхъ тяжбой.

Съ большимъ юморомъ рисуетъ авторъ своеобразные малороссійскіе типы, довольно тонко раскрываетъ психику дѣйствующихъ лицъ: ссора началась изъ-за пустяка: Харитонъ Заноза убилъ нѣсколько кроликовъ своего сосѣда и, во время объясненій, не снялъ шляпы передъ однимъ изъ Ивановъ. Начались взаимныя обиды, «пакости»: сосѣди мстили другъ другу, завели тяжбу, которая тянулась десять лѣтъ и разорила и Занозу и обоихъ Ивановъ. Содержаніе романа осложнено любовью сыновей обоихъ Ивановъ къ двумъ дочерямъ Занозы.

Сосѣди перебили другъ у друга голубей, сожгли голубятню, уничтожили ульи съ пчелами, сожгли мельницы. Для образца стиля можно привести описаніе поджога мельницъ: «...лишь только Харитонъ Заноза очутился на выгонѣ, то представились ему принадлежащія панамъ Иванамъ двѣ вѣтряныя мельницы въ полномъ дѣйствіи. Онъ подъѣхалъ ближе и остановился. Пріѣхавшіе съ возами ржи и пшеницы крестьяне, сидя кружкомъ, курили тютюнъ и разсказывали другъ другу чудныя были, кому либо изъ нихъ на-роду приключившіяся; внутри мельницы раздавались веселыя завыванія мельника. Для всякаго другого путешественника эта сельская картина показалась бы забавною, но панъ Харитонъ, смотря на нее, повергся еще въ большую мрачность. Онъ поѣхалъ далѣе, и въ первомъ перелѣскѣ остановился подъ предлогомъ отдыха. Лошади были пущены на траву, а панъ и его слуга разлеглись въ тѣни древесной. Разъ двадцать спрашивалъ Лука своего пана, не прикажешь ли впрягать кобылу и сѣдлать иноходца, и всегда получалъ въ отвѣтъ: «погоди!» Наконецъ, настали сумерки глубокіе, и панъ Харитонъ вскочилъ съ одра зеленаго: «Впрягай кобылу въ возокъ и сѣдлай иноходца!»— сказалъ онъ слугѣ: «и жди меня здѣсь... я скоро буду!» Онъ скорыми шагами пустился прямо къ мельницамъ. Достигши своей цѣли, онъ не видалъ уже ни одной души живой. Предварительно собрано имъ въ полѣ и снесено къ обѣимъ жертвамъ его ненависти множество сухого хвороста, сѣна, соломы и прочаго дрязгу. Потомъ, высѣкши огня въ трутъ, положилъ его въ горсть сѣна и началъ со всей силы махать рукой, въ коей заключалась искра, и вскорѣ произвелъ пламя. Тогда, сунувъ клочокъ сей подъ главное мельничное колесо, началъ подкладывать собранные имъ припасы, и, когда увидѣлъ, что огонь коснулся строенія, и оно задымилось, то онъ часть горѣвшихъ веществъ сообщилъ и другой мельницѣ и, отошедъ саженей на сто впередъ, остановился, чтобы полюбоваться плодомъ своей храбрости. Пламя скоро охватило обѣ мельницы... и панъ Харитонъ, видя, что его мщеніе въ полной мѣрѣ удовлетворено будетъ, пошелъ спокойно къ своему становищу».

Значеніе романовъ Нарѣжнаго.

Всѣ реалистическія произведенія Нарѣжнаго пользовались у русской публики большимъ успѣхомъ: читателей привлекали въ нихъ простота, жизненность и художественная правда разсказа,

полное отсутствіе нравоучительныхъ тенденцій (въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ), живой юморъ разсказчика. Нарѣжный оказалъ большое и непосредственное вліяніе на Гоголя: его „Вій“ (типы бурсаковъ) и „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ не только въ художественномъ замыслѣ, но и въ нѣкоторыхъ деталяхъ приближаются къ указаннымъ повѣстямъ Нарѣжнаго. Большое значеніе имѣлъ онъ и для Булгарина, нравоописательные романы котораго, въ свое время, тоже очень нравились русской публикѣ. Такое значеніе Нарѣжнаго, какъ одного изъ самыхъ выдающихся художниковъ-реалистовъ, было отмѣчено русской критикой, и современной ему, и послѣдующей.

Отзывъ Гончарова о „Жилблазѣ“ Нарѣжнаго.

Гончаровъ такъ отозвался о «Россійскомъ Жилблазѣ»: «Нельзя не отдать полной справедливости и уму, и необыкновенному, по тогдашнему времени, умѣнью Нарѣжнаго отдѣлываться отъ стараго и создавать новое. Бѣлинскій глубоко правъ, отличивъ его талантъ и оцѣнивъ его, какъ перваго русскаго, по времени, романиста. Онъ—школы Фонвизина, его послѣдователь,—и предтеча Гоголя. Я не хочу преувеличивать,—прочитайте внимательно—и вы увидите въ немъ намеки, конечно, слабые, туманные, часто въ изуродованной формѣ, на типы характерные, созданные въ такомъ совершенствѣ Гоголемъ. Онъ часто впадаетъ въ манеру и тонъ Фонвизина и, какъ будто, предсказываетъ Гоголя. Натурально, у него не могли идеи выработаться въ характеры, по отсутствію явившихся у насъ впослѣдствіи новыхъ формъ и пріемовъ искусства; но эти идеи носятся въ туманныхъ образахъ—и скупого, и старыхъ помѣщиковъ, и всего того быта, который потомъ ожилъ такъ реально у нашихъ художниковъ,—онъ всецѣло принадлежитъ къ реальной школѣ, начатой Фонвизинымъ и возведенной на высшую степень Гоголемъ». Оставляя въ этомъ отзывѣ въ сторонѣ вопросъ о томъ, Фонвизинъ ли родоначальникъ нашего реализма, отмѣчаемъ знаменательный фактъ уваженія, съ которымъ замѣчательный художникъ Гончаровъ относится къ наивной живописи Нарѣжнаго.

Отношеніе современной критики къ Нарѣжному.

Еще съ большимъ почтеніемъ отнеслись къ нему современники: въ «Бурсакѣ», напримѣръ, они отмѣтили «весьма занимательныя происшествія и необыкновенные (т. е. «оригинальные») характеры, мастерски изображенные вѣрнымъ наблюдателемъ. Сверхъ того, въ этомъ, истинно самомъ лучшемъ у насъ, можно сказать, *историческомъ* романѣ—говоритъ одинъ критикъ—очень много «*мѣстности* и *народности*» [1]). Въ этомъ произведеніи другой критикъ отмѣтилъ «оригинальность», отсутствіе подражательности; онъ Нарѣжнаго сравниваетъ съ Фильдингомъ и Вальтеръ-Скоттомъ, указываетъ прекрасныя, въ бытовомъ отношеніи, описанія малороссійской жизни. О повѣсти: «Два Ивана» кн. Вяземскій писалъ въ 1825 г.: «Нарѣжный побѣдилъ первый и, покамѣстъ одинъ, трудность,

Кн. Вяземскій объ его повѣстяхъ.

---

[1]) „Couleur locale“ и „couleur ethnografique“. См. выше, стр. 221.

которую, признаюсь, почиталъ я до него непобѣдимою. Мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ не имѣетъ, или имѣетъ мало особенностей живописныхъ, кои могъ бы схватить наблюдатель для составленія русскаго романа. Правда, что нашъ наблюдатель не совершенно русскій, а малороссійскій, и что его два лучшіе романа «Бурсакъ» и «Два Ивана» относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую физіономію».

Всѣ приведенные отзывы, конечно, очень важны, но историкъ обязанъ относиться къ нимъ осторожно,—такъ „отцомъ реалистическаго романа“ мы Нарѣжнаго бы не назвали:—онъ—лишь замѣтное звено въ многовѣковой исторіи русскаго художественнаго реализма.

Реализмъ, какъ характерная черта русскаго творчества народнаго и литературнаго.

Еще XVII в. показалъ, что русское національное творчество тяготѣетъ, по преимуществу, къ реализму; эпоха Петра не убила этого реалистическаго стремленія. Оно сказалось ярко въ сатирѣ Кантемира,—широкой и оригинальной, въ сатирѣ Сумарокова, болѣе односторонней; сатира послѣ Новикова, Екатерины, Фонвизина все расширялась къ концу вѣка и, теряя тенденціозность дидактизма, обращалась, мало-по-малу, въ истинно-художественное реалистическое творчество: конецъ XVIII-го вѣка далъ уже нѣсколько замѣчательныхъ реалистовъ—Карамзина, А. Измайлова и др. Тайна шумнаго успѣха, произведеннаго Нарѣжнымъ, заключается въ томъ, что онъ первый взялся рисовать дѣйствительность, яркую, бьющую въ глаза—провинціальную, малороссійскую жизнь. Здѣсь, какъ доказалъ впослѣдствіи и Гоголь, былъ широкій просторъ для развитія оригинальныхъ лицъ и характеровъ,—здѣсь много было сюжетовъ, достойныхъ юмориста, и этотъ юморъ, внесенный въ разсказъ, еще рѣзче подчеркивалъ „реализмъ“, даже „натурализмъ“ письма Нарѣжнаго.

„Реализмъ“ въ произведеніяхъ Марлинскаго.

§ 166. Другого типа реализмъ въ романахъ и повѣстяхъ Марлинскаго. „Романтикъ“ въ выборѣ сюжетовъ, и въ обрисовкѣ героевъ [1]), Марлинскій былъ замѣчательнымъ „реалистомъ“ въ обрисовкѣ того фона, на которомъ развертывалось дѣйствіе его романовъ. Въ „описаніяхъ“ онъ отличается и разносторонностью, и яркостью красокъ. Такъ, въ его многочисленныхъ повѣстяхъ встрѣчаются поразительныя картины, напримѣръ, отступленіе „великой арміи“ въ 1812 году („Латникъ“), бури

[1]) Совершенно то же явленіе замѣчаемъ мы въ первый періодъ творчества Гоголя (См. моей „Исторіи Русской словесности“ ч. III, в. 1).

и кораблекрушенія („Ночь на кораблѣ“, „Лейтенантъ Бѣлозоръ“, „Фрегатъ Надежда“), беззаботной жизни юныхъ гусаровъ („Испытаніе“), тихой прозаической мѣщанской жизни богатой голландской семьи, сценъ изъ жизни моряковъ („Фрегатъ Надежда“, „Лейтенантъ Бѣлозоръ“), природы Сибири и нравовъ ея обывателей („Отрывки изъ разсказовъ о Сибири“, „Письмо къ доктору Эрману“), Кавказа и ея жителей („Шахъ Гуссейнъ“, „Красное покрывало“, „Письма изъ Дагестана“, „Аммалатъ-Бекъ“, „Мулла-Нуръ“), бѣдной эстонской деревни („Поѣздка въ Ревель“), блестящаго праздника въ Петергофѣ, деревенскихъ „посидѣлокъ“ на святкахъ („Страшное гаданіе“) и др.

Рядомъ съ героями „романтическими“, охотно рисуетъ онъ образы людей простыхъ и обыкновенныхъ,—таковы, напримѣръ, художественно имъ написанные голландцы и французы въ повѣсти „Лейтенантъ Бѣлозоръ“, лекарь Стеллинскій („Фрегатъ Надежда“) и мн. др.

Реалистическія описанія въ его романахъ.

Какъ примѣры реалистическаго описанія можно привести, хотя бы, слѣдующіе отрывки: напр., описаніе дороги, по которой шла „великая армія“ въ 1812 году.

«Взорванные ящики, брошенныя повозки, павшіе кони и, что всего ужаснѣе, замерзавшіе солдаты устилали дорогу. Мы, правда, ужъ привыкли къ подобнымъ картинамъ и хладнокровно ѣхали мимо труповъ, распухшихъ и посинѣлыхъ отъ антонова огня, не заставляя даже усталыхъ коней своихъ черезъ нихъ перепрыгивать. На лицахъ этихъ несчастныхъ видна была тяжелая печать мучительной кончины. Я бы привелъ туда молодцовъ, которые, сидя на печкѣ, увѣряютъ, что смерть отъ мороза—сладкое усыпленіе; они увидѣли бы тамъ постепенность боренія съ одолѣвающею судьбою,—бореніе судорожное, отчаянное тѣмъ болѣе, что они обнажены были товарищами заживо — чувство самосохраненія заглушало тогда во всѣхъ сердцахъ голосъ состраданія, человѣчества и братства! Мертвецы валялись обнаженные, и лишь снѣгъ одѣвалъ ихъ холоднымъ покрываломъ своимъ. Отсталые и, какъ видно, послѣдніе были еще не совсѣмъ раздѣты, но одежда ихъ была плоха, изорвана, ноги обернуты соломою; и такъ велика была неопытность французовъ, что у многихъ изъ нихъ на спинахъ вѣяли бараньи шкуры сверхъ мундира, вмѣсто того, чтобъ надѣть ихъ подъ исподъ. Иные сидѣли и лежали у потухшихъ огней, съ которыми потухла у нихъ жизнь; другіе сгорѣли полуживые, не могши отъ истощенія отодвинуться. Всѣхъ болѣе поразилъ меня гренадеръ старой гвардіи: глядимъ—онъ стоитъ вдали, опершись о ружье...—Подъѣзжаемъ ближе: онъ мертвый. Густая медвѣжья шапка оттѣняла сдвинутыя страданіемъ брови и закатившіеся его глаза; изъ-подъ огромныхъ усовъ, на которыхъ недвижимо низался иней—сверкали стиснутые зубы...»

Описаніе шквала:

«...Передъ нимъ на минуту воцаряется какая-то грозная тишь. Море кипитъ, волны мечутся, жмутся, толкутся, будто со страху... Водяная метель съ визгомъ летитъ надъ водою—это раздробленныя верхушки валовъ. И вотъ, вдали, подъ мутнымъ мракомъ, изорванныхъ молніями, бѣлой стѣною катится валъ... ближе, ближе. Ударилъ! Нѣтъ словъ, нѣтъ звуковъ, чтобъ выразить гудѣніе и вой, и шорохъ, и свистъ урагана, встрѣтившаго препону,—кажется, весь адъ пируетъ и хохочетъ съ какою-то сатанинскою злобою!.. Такой-то шквалъ налетѣлъ на фрегатъ «Надежду» и зарылъ носъ его въ бурунъ такъ, что волна перекатилась по палубѣ до самой кормы...

D) Народническое направленіе русской литературы въ Александровскій періодъ.

§ 167. D) *Народническое направленіе.* Это направленіе [1]) ясно опредѣлилось уже въ Екатерининскій періодъ,—теперь оно упрочилось и расширилось. Его развитію способствовали интересы эпохи—1) прояснившееся общественное и національное самосознаніе, создавшее русскій патріотизмъ Карамзина, съ его „Исторіей“, Шишкова, съ его обожаніемъ русскаго языка,—2) романтизмъ, который отъ псевдоклассическаго космополитизма привелъ всѣ народы Европы къ ихъ національному индивидуализму. И русскіе поэты, пристрастившіеся къ простой, безыскусственной народной пѣснѣ, и русскіе философы, ученики Шеллинга, подходившіе къ изученію народнаго „духа“, къ изученію „идей“, воплощенныхъ этимъ духомъ въ историческомъ прошломъ, и археологи-историки, и ученые этнографы, взявшіеся за изученіе народнаго быта,—всѣ послужили дѣлу развитія этого „народническаго направленія“ въ изящной литературѣ. Цѣлое столѣтіе русская интеллигенція пресмыкалась передъ западомъ,—теперь она стала мало-по-малу, обращаться къ своему родному.

Историческія условія, повліявшія на развитіе этого направленія.

Мы видѣли уже, что интересъ къ народному творчеству въ Екатерининскую эпоху не былъ серьезнымъ и глубокимъ,—Чулковъ, напримѣръ, смотрѣлъ на народную поэзію только, какъ на курьезъ; Поповъ исправлялъ старыя пѣсни, находя ихъ грубыми и неблагозвучными, Державинъ относился отрицательно къ народному эпосу [2]). Теперь, въ Александровскій періодъ, въ мо-

---

[1]) При обозрѣніи произведеній этого направленія мы намѣренно вышли за предѣлы Александровской эпохи, чтобы потомъ, говоря о Пушкинѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ, не обращаться къ подробному разсмотрѣнію произведеній этого типа.

[2]) Онъ говорилъ, что эти произведенія „одноцвѣтны и однотонны“. Въ нихъ только „господствуетъ гигантское, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса: выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи басурманъ трупомъ одного, схваченнаго за ноги, и тому подобныя нелѣпицы, варварство и грубое неуваженіе, женскому полу изъявляемое“.

ментъ перваго столкновенія двухъ общественныхъ вѣрованій,— „либерализма" и „консерватизма", въ эпоху образованія „западничества" и „славянофильства"—интересъ къ народному творчеству и къ исторіи родного прошлаго сдѣлался дѣломъ серьезнымъ, идейнымъ: особенно для славянофиловъ онъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ ихъ философско-историческаго міросозерцанія.

Расширенію общественныхъ интересовъ къ изученію русской исторіи и этнографіи [1]), главнымъ образомъ, помогли тѣ серьезные ученые работники, которые сгруппировались около Академіи и гр. Румянцева, извѣстнаго мецената (см. выше, стр. 195—196).

Находка „Слова о полку Игоревѣ".

Но самымъ рѣшительнымъ моментомъ въ *литературной* судьбѣ „народническаго направленія" была находка въ 1795 г. „Слова о Полку Игоревѣ" (1-ое изданіе въ 1800 г.) и въ началѣ XIX в. появленіе въ печати „Сборника былинъ и пѣсенъ Кирши Данилова" (1-е изд. въ 1804 г.).

«Слово о Полку Игоревѣ» было найдено и появилось въ печати благодаря гр. Мусину-Пушкину, оберъ-прокурору св. Синода. Подобно многимъ своимъ современникамъ, онъ отличался страстью къ собиранію древностей и старыхъ рукописей. Между прочимъ, имъ была пріобрѣтена рукопись «Слова» у архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря; имъ же было это произведеніе издано въ 1800 г. Драгоцѣнность этого открытія несомнѣнна: это произведеніе представляется почти единственнымъ цѣльнымъ памятникомъ древне-русской поэзіи; онъ ярко блещетъ оригинальными и свѣжими красками народной поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ,— является памятникомъ, который отличается уже нѣкоторыми искусственными пріемами стараго русскаго писателя, «воспитаннаго въ византійской, южно-славянской и—успѣвшей уже развиться—русской литературной школѣ XI—XII в.» (Владиміровъ). Тѣсно-связанное съ живой народной поэзіей и, въ то же время, близко подходящее къ старымъ западно-европейскимъ поэмамъ (особенно къ «Пѣснѣ о Роландѣ», «La chanson de Roland»), «Слово о Полку Игоревѣ» сдѣлалось гордостью русскихъ людей. Они увидѣли, что въ эпоху Кіевской Руси цвѣла у насъ поэзія, не менѣе яркая и сильная, чѣмъ въ западной Европѣ. Карамзинъ писалъ въ 1797 году въ заграничномъ журналѣ «Spectateur du Nord») по поводу «Слова» слѣдующее: «Вы, можетъ быть, удивитесь еще болѣе, если узнаете, что два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы, подъ названіемъ: «Пѣснь Игоревыхъ воиновъ», которую можно сравнить съ лучшими оссіановскими поэмами и которая написана въ XII ст. неизвѣстнымъ сочинителемъ». Въ предисловіи къ первому изданію встрѣчаемъ то же сопоставленіе съ Оссіаномъ: «любители россійской словесности согласятся, что въ семъ, оставшемся намъ

[1]) См. подробнѣе Пыпина, „Исторія русской этнографіи" I, 222 и слѣд.

отъ минувшихъ вѣковъ, сочиненіи виденъ духъ Оссіановъ; слѣдовательно и наши древніе герои имѣли своихъ бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу». Обнародованіе «Слова» побудило русскихъ ученыхъ къ новымъ энергичнымъ поискамъ [1]), къ изслѣдованіямъ старинныхъ памятниковъ [2]), къ знакомству съ живой народной поэзіей; русскимъ литераторамъ это же произведеніе послужило отправнымъ пунктомъ для творчества въ «народномъ духѣ».

„Сборникъ Кирши Данилова“.

Знаменитый «Сборникъ былинъ и пѣсенъ Кирши Данилова» также сыгралъ, въ свое время, большую роль въ развитіи «народническаго направленія»: составленный довольно случайно изъ былинъ, пѣсенъ, историческихъ и лирическихъ, изданный въ свое время плохо, съ урѣзками, онъ, тѣмъ не менѣе, важенъ потому, что до находки былинъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, до изданія собраній пѣсенъ Кирѣевскаго, онъ долго оставался единственнымъ въ нашей литературѣ сборникомъ произведеній русскаго чисто-народнаго эпоса. Выше мы видѣли, въ какомъ извращенномъ видѣ предсталъ этотъ эпосъ въ романахъ Чулкова.

Изъ предисловія издателя сборника Калайдовича видно, что онъ считалъ Киршу Данилова не столько «собирателемъ», сколько «сочинителемъ». Онъ думалъ, что «богатырскія сказки» были источникомъ его «стихотвореній». Такимъ образомъ, онъ не понялъ, что сказки о богатыряхъ, сохранившіяся въ народѣ, представляютъ собой разрушенныя былины, а не наоборотъ. Повидимому, онъ и «сказки» Чулкова готовъ былъ считатъ древнѣе, чѣмъ «стихотворенія» Данилова. Въ лицѣ Данилова онъ усмотрѣлъ сочинителя, интереснаго, не необразованнаго и подчасъ излишне-грубоватаго. Вотъ почему, въ видахъ цензурныхъ, онъ, спасая общественную стыдливость, издалъ рукопись «Сборника» съ урѣзками [3]).

Пониманіе народной поэзіи въ этотъ періодъ.

Все это указываетъ, что, обладая такими замѣчательными памятниками, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“ и „Сборникъ“ Кирши Данилова, русскіе ученые начала XIX в. еще не были въ состояніи правильно цѣнить произведенія народной поэзіи; воспитанные на иностранной литературѣ, они къ русскимъ народнымъ произведеніямъ относились съ точки зрѣнія произведеній западныхъ: съ гордостью находили у себя западно-европейскихъ „бардовъ“—„Оссіановъ“; въ русскихъ витязяхъ видѣли рыцарей, навязывали русскимъ славянамъ искусственно-составленную миѳологію въ духѣ греческой; были готовы передѣлывать произведенія народнаго творчества на новый ладъ, не будучи въ состояніи еще

[1]) Тимковскій нашелъ „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“, Карамзинъ—„Задонщину“.

[2]) Новизна и необычность этого произведенія даже вызывала къ нему недовѣріе. Митр. Евгеній считалъ, что произведеніе написано въ XVI в.; гр. Румянцевъ—считалъ его подделкой XVIII вѣка. Особенно возбуждалъ его сомнѣнія тотъ фактъ, что гр. Мусинъ-Пушкинъ не могъ представить для своего оправданія оригиналъ рукописи, сгорѣвшей въ 1812 г. въ Москвѣ.

[3]) Напр., духовные стихи о „Голубиной Книгѣ“ онъ исключилъ, считая это произведеніе антирелигіознымъ.

отличить „богатырскихъ сказокъ“ Чулкова отъ дѣйствительно народныхъ былинъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Данилова. Къ тому же и увлеченіе „романтизмомъ“, съ его особливымъ интересомъ къ рыцарству, къ фантастикѣ средневѣковья и сердечному идеализму, только препятствовало глубокому проникновенію въ первобытное, грубоватое, „мужицкое“ творчество русскаго народа [1]), съ его наклонностью къ реализму. Это и сказалось ясно на той богатой русской литературѣ, которая является въ эту эпоху отраженіемъ „народническаго“ направленія, — въ ней больше интереса къ темамъ народной поэзіи, чѣмъ истиннаго пониманія этой поэзіи.

Народническая лирика.

§ 168. а) *Лирика.* На страницахъ журналовъ 20-хъ годовъ очень часто можно встрѣтить народныя пѣсни, или подражанія имъ. Такъ, напримѣръ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены были слѣдующія чисто-народныя пѣсни: „Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ“, „Ахъ, туманы, вы туманушки“, „Калину съ малиной вода поняла“, „Росла, росла сосенка, зеленѣлась“ и мн. др.

Мерзляковъ, его пѣсни.

Изъ писателей, подражавшихъ народной лирикѣ, особенно извѣстенъ Мерзляковъ. Изъ его пѣсенъ извѣстны: „Среди долины ровныя“, „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить“, „Ахъ, что жъ ты, голубчикъ, невеселъ сидишь?“, „Чернобровый, черноглазый молодецъ удалый“. Всѣ эти произведенія полны искренняго настроенія, — если они, по преимуществу, сентиментальны, то форма ихъ уже чисто-народная: и складъ стиха, и „поэтика“ народныхъ пѣсенъ выдержаны въ нихъ довольно вѣрно. Изъ этихъ „пѣсенъ“ особенно популярны были первая и послѣдняя—

„Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ,
Высокій дубъ, развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ“ и пр.

Остолоповъ.

Въ этомъ же родѣ извѣстны опыты Н. Остолопова („Прежніе досуги“, 1816 г.). Въ этомъ сборникѣ есть нѣсколько пѣсенъ въ „народномъ“ духѣ; одна начинается, напримѣръ, такъ:

„Не бушуйте, вѣтры буйные,
Перестаньте выть, осенніе!
Не къ тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?“

---

[1]) Зато впослѣдствіи, въ 30-хъ годахъ, Полевой именно въ этой „простотѣ, грубости“ вымысла и изложенія произведеній народнаго творчества усматриваетъ „красоты необыкновенныя“.

Бунина, кн. Долгоруковъ и др.

Въ собраніи стихотвореній Буниной (1821 г.) тоже есть пѣсни въ „народномъ русскомъ вкусѣ“. Удачны были также пѣсни кн. А. Долгорукова, помѣщенныя на страницахъ журнала: „Другъ просвѣщенія“ („Ты, рѣка, рѣка глубокая“ и др.). Кромѣ того, въ журналахъ 20-хъ годовъ много было помѣщаемо *анонимныхъ* произведеній въ этомъ же родѣ (напр., въ „Любителѣ словесности“—пѣсня „Бѣдная Дуня“ начинается такъ: „Ахъ, не лебедь ходитъ бѣлая!“, тамъ же: „Солнце красное, оставь ты небеса!“).

Пѣсни Дельвига.

Позднѣе такими народными пѣснями прославились Грамматинъ и бар. Дельвигъ. Послѣднему принадлежатъ до нашихъ дней извѣстныя произведенія: „Соловей, мой соловей, голосистый соловей!“, „Пѣла, пѣла пташечка, и затихла!“ „Чтѝ красотка молодая, чтѝ ты, свѣтикъ, плачешь?“, „Ахъ ты, ночь ли, ноченька!“, „Голова ль моя, головушка, голова ли молодецкая!“, „Сиротинушка-дѣвушка, полюби меня, молодца!“, „Скучно дѣвушкѣ весною жить одной!“, „Какъ у насъ ли на кровелькѣ“, „И я выйду ль на крылечко“, „Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ!“. У Пушкина есть произведенія въ такомъ же „народномъ“ духѣ (объ нихъ подробнѣе въ моей „Исторіи русской словесности“, часть III, вып. I).

Значеніе этихъ пѣсенъ.

Всѣ эти произведенія, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено, свидѣтельствуютъ о томъ, что—1) если не всѣ, то многіе мотивы народной пѣсни были оцѣнены писателями этой эпохи, и—2) поэтическія формы народной лирики оказались подходящими для выраженія чувствъ и настроеній русской интеллигенціи этой эпохи. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что къ этому времени народная лирика стала органически сближаться съ поэзіей искусственной, личной; конечнымъ результатомъ такого сближенія была поэзія Кольцова, Никитина и др. Не такъ удачно обстояло дѣло съ народнымъ эпосомъ.

Эпопея въ народномъ духѣ.

§ 169. ѣ) *Эпопея.* Выше было отмѣчено, что, при недостаточномъ знаніи русскаго прошлаго, русскіе люди (даже ученые) того времени невѣрно понимали героическій народный эпосъ: оказывается, чулковская точка зрѣнія не была подорвана открытіемъ „Слова о Полку Игоревѣ“, „Сборникомъ Кирши Данилова“. Оба эти произведенія подняли интересъ къ темамъ и мотивамъ народнаго эпическаго творчества, внесли свои вліянія (на стиль, на стихосложеніе), но авторы, которые въ эту эпоху подражали народнымъ былинамъ и сказкамъ, не измѣнили преж-

няго невѣрнаго пониманія богатырей русскихъ, древней русской жизни и славянской миѳологіи,—оттого въ ихъ произведеніяхъ упорно держался вездѣ одинъ и тотъ же сентиментально-классическій, оссіановскій, или романтически-рыцарскій характеръ, осталось то же историческое освѣщеніе—ходульно-патріотическое, или идиллистическое.

Особенно любопытно, въ этомъ смыслѣ, произведеніе Хераскова: „Бахаріана, или Неизвѣстный, волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ". Авторъ еще не отказывается отъ ложнаго классицизма,—самъ относитъ свое произведеніе къ „ироикомическому эпосу". Но „стихосложеніе" своей поэмы онъ признаетъ древне-русскимъ и самъ указываетъ на „Слово о Полку Игоревѣ", какъ произведеніе, отразившееся, въ этомъ отношеніи, на „Бахаріанѣ". Къ „богинѣ-Фантазіи" поэтъ обращается съ просьбой: „Бахаріана" Хераскова

„Услаждай, рисуй, выписывай
Древнимъ пой стопосложеніемъ,
Коимъ пѣли въ вѣки прежніе
Трубадуры царства русскаго!"

Далѣе онъ прямо говоритъ, что такимъ „стопосложеніемъ" сочинилъ свою поэму авторъ „Слова о Полку Игоревѣ":

„Мнѣ бы слогомъ пѣть всегда однимъ,
Какъ пѣвали барды русскіе,
Барды русскіе, старинные!—
Какъ Баянъ пѣлъ, древній соловей.
Онъ воскресъ недавно въ наши дни,
Къ чести отдаленнѣйшихъ вѣковъ,
Въ пѣсни, пѣтой какъ-то Игорю
Пѣснопѣвцемъ, неизвѣстнымъ намъ".

Далѣе Херасковъ говоритъ, что на его поэму имѣло вліяніе также недоконченное произведеніе Карамзина: „Илья Муромецъ". Содержаніе поэмы Хераскова шаблонно и напоминаетъ собою чулковскіе романы (см. выше, стр. 179-182)...

Рыцарь «Неизвѣстный» (потомъ оказывается, что его имя: «Оріонъ») въ ладьѣ приплываетъ къ берегу и здѣсь встрѣчаетъ красавицу, обратившуюся къ нему съ просьбой спасти ее отъ злой волшебницы, которая ее похитила изъ родительскаго дома. Оріонъ влюбляется въ Феллану (имя красавицы) и увозитъ ее, но волшебница Злодума похищаетъ ее у него. Герой рѣшается спасти любимую имъ дѣвушку, ищетъ ее. Добрый волшебникъ Макробій помогаетъ ему; послѣ длиннаго ряда приключеній, герой освобождаетъ, наконецъ, красавицу и женится на ней. Содержаніе.

Приключенія для своей поэмы Херасковъ собиралъ вездѣ: и въ русскихъ сказкахъ, и въ былинахъ, и въ рукописныхъ по-

вѣстяхъ, и въ рыцарскихъ романахъ. Во время странствованій героя ему встрѣчаются и русскіе былинные богатыри, и рыцари: Илья Муромецъ, Еруславъ, русскій витязь князь Иванъ, Царь-Дѣвица,—и, наряду съ ними, Центавръ, Целадонъ [1]), Колоадръ [2]), Сцилла и Харибда, нимфы, зефиры, Эспландіанъ [3]), кавалеры Круглаго Стола [4]), волшебницы, чудовища... Охотно прибѣгалъ авторъ и къ фантастикѣ волшебства—къ превращеніямъ, вводитъ онъ и олицетворенія. Въ концѣ концовъ, оказывается, что это шутливое авантюрное произведеніе представляетъ собою, кромѣ того, и сплошную аллегорію: герой произведенія, рыцарь Неизвѣстный, или Оріонъ, плывущій въ лодкѣ,—это всякій человѣкъ, несущійся по морю житейскому въ бренной ладіи бытія. Феллана—непорочность, которую скрываютъ отъ человѣка страсти, „прельщенія Злодумы"; отыскать эту непорочность среди борьбы со зломъ можно только при помощи „добродѣтельнаго Макробія", т. е. „чистаго просвѣщенія", „мудраго ученія истины"... Въ заключеніе, самъ Херасковъ высказываетъ свой взглядъ на жизнь человѣческую:

„Наша жизнь—лишь только сказка есть,
Чудная и баснословная,
Гдѣ мечты и привидѣнія
Появляются и царствуютъ,
Умъ приводятъ въ замѣшательство!
Счастливъ тотъ, чья жизнь, какъ тѣнь, прошла
И въ рѣкѣ забвенья скрылася"...

Поэмы А. Н. и Н. А. Радищевыхъ.

Вслѣдъ за „Бахаріаной" появилась въ печати поэма А. Н. Радищева „Бова" и затѣмъ аналогичныя произведенія его сына Н. А. Радищева: „Богатырскія повѣсти въ стихахъ [5]) (2 ч. 1801).

„Добрыня" Львова.

Въ 1804 г. былъ напечатанъ написанный ранѣе отрывокъ поэмы Львова: „Добрыня". Это произведеніе довольно близко подошло къ народному эпосу,—въ самомъ стихѣ чувствуется близость къ складу былиннаго стиля. Напр.—

„Среди Питера, въ Новѣгородѣ,
Видѣлъ я вчера Богуславича,—

---

[1]) Селадонъ—имя героя въ одномъ старинномъ любовномъ романѣ; отсюда нарицательное: „селадонъ".

[2]) Герой одного псевдоклассическаго переводнаго романа.

[3]) Герой средневѣковаго рыцарскаго романа.

[4]) „Кавалерами", или „рыцарями" „Круглаго Стола" называются романическіе герои, участники того рыцарскаго братства, которое собиралось за круглымъ столомъ подъ предсѣдательствомъ короля Артура.

[5]) „Алеша Поповичъ" и „Чурила Пленковичъ".

Какъ, дубиною управляяся,
Мирно жить училъ Новгородцевъ онъ!..
Да пойду я вслѣдъ добру-молодцу!
И не тѣсно мнѣ вслѣдъ его идти:
Онъ гдѣ разъ махнетъ,—то тамъ улица,
Гдѣ повернется—площадь цѣлая!"

Къ сожалѣнію, разсказъ обрывается въ самомъ началѣ; авторъ плыветъ на челнѣ съ „матерымъ старымъ" лодочникомъ, и подплываетъ къ Кіеву. Увидѣвъ „Мать городовъ русскихъ", авторъ восклицаетъ:

„Бью челомъ тебѣ, славный Кіевъ-градъ,
Златокованны твои маковки!
Звѣзды частыя, поднебесныя,
Со крутой горы, со песчаныя,
Въ глубинѣ Днѣпра помаваючи,
Красотѣ своей удивляются".

Въ городѣ и вокругъ его стѣнъ авторъ видитъ суматоху:

„Пыль столбомъ,
Коромысломъ дымъ!
Въ улицахъ тѣснятся.
Въ полуночь не спятъ!
На горахъ огни,
На поляхъ шатры,
Разные народы
Кашу разную варятъ!"

Этимъ заканчивается поэма.

Поэмы Востокова, Муравьева, Державина, Пушкина, Батюшкова, Жуковскаго.

Въ такомъ же духѣ стихотворныя повѣсти А. Востокова: „Пѣвиславъ и Зора" (1804), „Полимъ и Сіяна, новгородская баснь", „Свѣтлана и Мстиславъ" (1806). Въ 1810 г. появилась въ печати поэма Муравьева: „Оскольдъ". Къ 1812 г. относится произведеніе Державина: „Царь-Дѣвица"; въ 1815 г. Пушкинъ пишетъ отрывокъ „Бова", въ 1817 г. онъ начинаетъ сочинять поэму: „Русланъ и Людмила". Къ 1817-ому же году относятся намѣренія Батюшкова написать двѣ поэмы: „Рюрикъ" и „Русалка"; причемъ для „Русалки" поэтъ набросалъ уже планъ и просилъ Гнѣдича прислать ему сборники русскихъ сказокъ и былинъ. Еще въ 1809—10 годахъ Жуковскій носился съ такими же планами [1]), причемъ А. Тургеневъ совѣтовалъ ему лучше взять героемъ Святослава, но Жуковскій хотѣлъ написать поэму въ честь „Владиміра", такъ какъ онъ, слѣдуя за Чулко-

План поэмы „Владиміръ" Жуковскаго.

[1]) „Людмила" Жуковскаго явилась въ 1809 г., „Свѣтлана"—въ 1811 г. Отчасти и на этихъ произведеніяхъ сказался интересъ къ народной русской поэзіи.

вымъ, думалъ, что Владиміръ „есть нашъ Карлъ Великій, а богатыри его—тѣ рыцари, которые были при дворѣ Карла“.

«Сказки и преданія пріучили насъ окружать Владиміра какимъ-то баснословнымъ блескомъ, который можетъ замѣнить самое историческое вѣроятіе»—говоритъ онъ; «поэма будетъ не героическая, а то, что нѣмцы называютъ romantisches Heldengedicht, — слѣдовательно, я позволю себѣ смѣсь всякаго рода вымысловъ, но, на ряду съ баснею, постараюсь соединить и вѣрное изображеніе нравовъ, характера времени, мнѣнія». Для сочиненія поэмы Жуковскій считалъ нужнымъ перечитать лѣтописи. «Поученіе Владиміра Мономаха», «Слово о Полку Игоревѣ», народныя русскія пѣсни и сказки... Изъ произведеній иностранныхъ онъ хотѣлъ использовать сочиненія Гомера, Виргилія, Овидія, Аріоста, Тасса, Камоэнса, Мильтона, Шекспира, Соути, Вальтеръ-Скотта, Оссіана, «Эдду», «Пѣснь о Нибелунгахъ», западно-европейскія народныя баллады и пр.

Словомъ, онъ хотѣлъ въ большомъ масштабѣ сдѣлать ту мозаическую работу, которую до него, въ малыхъ размѣрахъ, начиная съ Чулкова и Попова, дѣлали всѣ русскіе писатели, сочинявшіе романы и поэмы, съ сюжетами изъ „народнаго“ героическаго эпоса.

Сказки Жуковскаго.

Русскія „сказки“ Жуковскаго: „Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери“ (1831); „Сказка объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ“ (1845)—относятся къ разряду произведеній, уже ближе подходящихъ къ народному творчеству. Впрочемъ, недостатки этихъ „сказокъ“ и всѣхъ подобныхъ же произведеній другихъ „народниковъ“ были замѣчены даже современной критикой.

Русская критика о сказкахъ Жуковскаго.

Относительно первой изъ этихъ сказокъ еще Надеждинъ писалъ, что «въ ней нѣтъ того дѣтскаго простодушія, той младенческой искренности, которая составляетъ прелесть народныхъ преданій». О второй сказкѣ кн. Вяземскій писалъ Жуковскому такъ: «Иванъ Царевичъ лишенъ яркихъ красокъ сказочнаго русскаго языка и больше представляетъ собою собственное ваше сочиненіе». Болѣе снисходительно отзывается объ этихъ сказкахъ Плетневъ, да и онъ, желая сказать Жуковскому комплиментъ, въ сущности, дѣлаетъ упрекъ: «видно, что эта сказка идетъ не изъ избы мужицкой, а изъ барскаго дома, и говоритъ ее не барскій подлипало (т. е. домашній разсказчикъ изъ простыхъ), а прямой поэтъ». Языковъ также указалъ на то, что въ этомъ произведеніи «не соблюдено уваженіе къ русскимъ сказкамъ», такъ какъ не годится дѣлать «прибавленій» къ тому чисто-народному матеріалу, который, самъ по себѣ, такъ богатъ и разнообразенъ [1]).

---

[1]) Эти отзывы свидѣтельствуютъ о томъ, что люди 30—40 годовъ уже выросли изъ того пониманія народной поэзіи, которое свойственно было писателямъ-сентимен-

Въ 1827—30 гг. кн. Одоевскій сочинилъ историческую поэму объ ослѣпленіи князя Василька. Въ запутанную интригу этой поэмы вплетаются имъ божества русской языческой миѳологіи — Перунъ, Стрибогъ, Велесъ, Купала, Коляда, Ладо, Дажбогъ; дѣйствующими лицами являются здѣсь и Баянъ, и вѣдьмы. Въ 1833-мъ году Вельтманъ сочинилъ «былину старыхъ временъ»: «Кощей безсмертный» въ 3-хъ частяхъ. А. Марлинскій сочинилъ въ стихахъ историческую поэму объ Андреѣ Переяславскомъ. Поэма кн. Одоевскаго. Опыты Вельтмана. Марлинскаго.

§ 170. *Драма.* Совершенно въ такомъ же положеніи, какъ „народническая" эпопея, находилась и „драма"—оперы и трагедіи. Съ легкой руки императрицы Екатерины (см. выше, стр. 186), и опять-таки подъ вліяніемъ сказокъ Чулкова, складывается у насъ фантастическая сказочная драма, нашедшая себѣ выраженіе особенно въ „оперѣ". Драма въ народномъ духѣ.

Въ 1804 году Державинъ сочинилъ оперу: „Добрыня, театральное представленіе, съ музыкой, въ шести дѣйствіяхъ", взявъ для нея содержаніе, по его собственному признанію, „частью изъ исторіи, частью изъ сказокъ и народныхъ пѣсенъ". Впрочемъ, въ литературномъ развитіи мотивовъ народной поэзіи дальше Чулкова и Львова Державинъ не пошелъ. А. Оперы: a) „Добрыня" Державина.

Въ драмѣ изображена любовь богатыря Добрыни и Прелѣпы; красавицу оспариваютъ у Добрыни кн. Владиміръ Кіевскій и Змѣй Горынычъ [1]). Добрынѣ помогаетъ волшебница Добрада; кромѣ нея дѣйствуютъ—вѣдьмы, бояре, жрецы; введено въ дѣйствіе много народныхъ пѣсенъ.

Въ 1806-омъ году Крыловъ написалъ волшебную оперу; „Илья Богатырь", тоже не безъ вліянія карамзинской неокон- b) „Илья Богатырь" Крылова.

талистамъ и романтикамъ 20-ыхъ годовъ, — поэзія „дѣйствительности" вступала въ свои права, и Пушкину въ его „подражаніяхъ" народной пѣснѣ и „переложеніяхъ" русскихъ сказокъ въ стихи удалось уловить духъ ихъ содержанія и типичныя особенности ихъ стиля. Не въ псевдоклассическихъ и романтическихъ поэмахъ искалъ онъ основъ для своихъ твореній въ народномъ духѣ, а въ живыхъ сказкахъ старой няни, въ старинныхъ произведеніяхъ русской письменности: узнавъ, что Жуковскій хочетъ писать русскія сказки, онъ посовѣтовалъ ему читать Четьи-Минеи, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ,—эти произведенія казались ему „прелестью простоты и вымысла". Такое пониманіе поэтическихъ настроеній древней письменности, и, въ то же время, любовь къ живому, устному творчеству и были тѣми силами, которыя создали „народность" Пушкина, связавъ его творенія преемственной связью съ тысячелѣтнимъ устнымъ и письменнымъ творчествомъ русскаго народа. Извѣстный этнографъ Даль тоже съ большой любовью занимался приспособленіемъ народныхъ произведеній къ изящной литературѣ: среди его многочисленныхъ попытокъ въ этомъ направленіи интересны его: „Русскія сказки" (1832 г.): 1) „О Иванѣ, молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, безъ прозвища"; 2) „О Шемякиномъ судѣ и воеводствѣ и о прочемъ; была когда-то быль, а нынѣ сказка буднишняя"; 3) „О Рогвольдѣ и Могучанѣ-царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣйствіяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи"; 4) „Новинка-диковинка, или невиданное чудо, немысленное диво"; 5) „О похожденіяхъ черта-послушника Сидора Поликарповича". Къ 1834 г. относится извѣстная сказка Ершова: „Конекъ-Горбунокъ".

[1]) Онъ же—Змѣуланъ Змѣуланычъ и Тугаринъ Тугариничъ.

ченной поэмы. Здѣсь дѣйствуютъ двѣ волшебницы: злая—Зломѣка, и добрая — Добрада, былинный Соловей-Разбойникъ и Илья. Остальныя лица всѣ вымышленныя, съ былинами не имѣющія ничего общаго. Опера написана прозой, лишь кое-гдѣ вставлены „аріи". Складъ языка отличается народностью и, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, приближается къ пѣсенному.

c) „Богатырь Алеша Поповичъ" Жуковскаго.

Совершенно въ этомъ же духѣ комическая опера Жуковскаго, написанная въ 1804 г., но оставшаяся въ рукописи—„Богатырь Алеша Поповичъ, или страшныя развалины". Особенно близко это произведеніе къ державинскому: одинаковое настроеніе, тожество нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ (Добрада и Торопъ) [1]. Дѣйствующими лицами здѣсь являются разбойникъ Горюнъ,—богатырь, обладатель стараго замка, Алеша Поповичъ, Барма-Кудрявая голова, Громобой, богатыри: Добрыня, Чурила, Василій Богуслаевичъ, Еруcланъ, Илья, пѣвецъ „Соловей"; героиня „оперы"—Любомира. Содержаніе оперы вкратцѣ слѣдующее:

Алеша послѣ различныхъ приключеній добываетъ себѣ въ жены дочь Громобоя Любомиру, которую отецъ не хотѣлъ отдавать за него вслѣдствіе его бѣдности. Она сосватана за богача-Калиту. Алешѣ помогаетъ духъ Милолики, убитой ея мужемъ-разбойникомъ Горюномъ. Духъ Милолики не знаетъ покоя; самъ Горюнъ пропалъ, невѣдомо куда, замокъ его обратился въ развалины,—«тамъ дѣлаются страшныя чудеса: тамъ видятъ огромныхъ волотовъ (великановъ), съ огненными глазами, рогатыхъ лѣшіевъ, русалокъ, которыя кричатъ, воютъ, плачутъ, смѣются». Въ развалинахъ замка спрятанъ кладъ,—онъ достанется тому, кто успокоитъ духъ страдающей Милолики. Въ видѣ старца является Милолика къ Алешѣ и обѣщаетъ ему помочь добыть Любомиру, если онъ побѣдитъ всѣ препятствія и не забудетъ «о бѣдномъ страждущемъ духѣ въ ужасныхъ развалинахъ». Волшебница-Добрада, покровительница Алеши, то же говоритъ ему. Въ подвигахъ Алеши участіе принимаетъ его оруженосецъ Барма, трусъ, обжора и хвастунъ, напоминающій Лепорелло и Санчо-Панса. Приключенія Алеши, главнымъ образомъ, сводятся къ встрѣчамъ съ разными ужасными видѣніями, причемъ даже во время турнира являются духи.

Такимъ образомъ, авантюрный элементъ рыцарскихъ романовъ, не говоря уже о русскихъ былинахъ, очень слабо отразился въ этомъ произведеніи—только „сверхъестественному" въ „романтическомъ духѣ" отвелъ Жуковскій много мѣста. Русскіе богатыри (кромѣ Алеши) играютъ здѣсь только эпизодическую роль.

В) Трагедіи: Озерова, Крю-

Къ „народническому" направленію могутъ быть отнесены и тѣ *трагедіи*, въ которыхъ изображались событія изъ русской

---

[1]) Они же встрѣчаются и въ оперѣ Крылова.

исторіи. Почти всѣ онѣ въ эту эпоху (10—20-ые годы) вызваны были подъемомъ патріотизма и этимъ отличаются отъ трагедій Сумарокова и Княжнина. Содержаніе ихъ произведеній черпалось, главнымъ образомъ, изъ „Исторіи“ Карамзина. Къ такимъ пьесамъ относятся извѣстныя уже намъ произведенія Озерова: „Дмитрій Донской“; Крюковскаго „Пожарскій“; кн. Шаховского: „Соколъ князя Ярослава Тверского, или суженый на бѣломъ конѣ“, „Иванъ Сусанинъ“, „Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь“, „Юрій Милославскій“ и „Рославлевъ“ (изъ романовъ Загоскина), „Смольняне“; Нарѣжнаго: „Дмитрій Самозванецъ“ (сколокъ съ трагедіи Шиллера: „Разбойники“), „Елена“, „Свѣтлосанъ“ и „Святополкъ“ и др. Много „историческихъ“ драмъ написано С. Глинкой: „Наталья, боярская дочь“, „Михаилъ, князь Черниговскій“, „Ольга Прекрасная“, „Боянъ“ (прологъ), „Мининъ“, „Осада Полтавы“. Особенное значеніе въ исторіи развитія русской исторической драмы имѣло произведеніе Пушкина: „Борисъ Годуновъ“: эта драма въ ряду русскихъ историческихъ трагедій была первой пьесой, свободной отъ „ложнаго классицизма“ — оттого Пушкинъ и считалъ свою драму „романтической“ [1]).

Ковскаго, Шаховского. С. Глинки.

Нарѣжнаго.

Глинки.

„Борисъ Годуновъ“.

§ 171. *Романъ.* Попытки создать романъ изъ русской исторіи были сдѣланы еще Карамзинымъ („Наталья, боярская дочь“, „Мароа Посадница“); подъ его вліяніемъ написано много подобныхъ произведеній,—между прочимъ, повѣсти Жуковскаго: „Вадимъ Новгородскій“ [2]), „Марьина роща“, „Три пояса“. Содержаніе второй, болѣе интересной, повѣсти слѣдующее:

Романъ въ народномъ духѣ: Карамзинъ.

Повѣсти Жуковскаго.

Юный пѣвецъ Усладъ любитъ Марію и любимъ ею. Во время его отсутствія она вышла замужъ за суроваго рыцаря Рогдая [3]). Замѣтивъ, что Марія не любитъ его, Рогдай ее убиваетъ и хоронитъ въ рощѣ, которая, по имени убитой, и была названа «Марьиной». Усладъ сдѣлался отшельникомъ и поселился около могилы Маріи.

---

[1]) Позднѣе Погодинъ написалъ нѣсколько трагедій: напр. „Петръ I“ (1831 г.), „Мароа, посадница новогородская“ (1830 г.), „Исторія въ лицахъ о Дмитріи Самозванцѣ“ (1835 г.). Н. Полевой тоже сочинилъ нѣсколько драмъ: „Елена Глинская“ (1840), „Мининъ“ (1841), „Ермакъ Тимофеевичъ, или Волга и Сибирь“ (1845). Послѣ Кукольника тоже осталось огромное количество историческихъ трагедій самаго разнообразнаго содержанія.

[2]) „Вадимъ“—имя, очень полюбившееся русскимъ писателямъ: имъ первая воспользовалась Екатерина, потомъ Княжнинъ, Херасковъ, Муравьевъ, Карамзинъ, Жуковскій, Раевскій, А. Пушкинъ, Рылѣевъ и Хомяковъ.

[3]) Рогдай—имя одного изъ русскихъ богатырей, упоминающихся въ Никоновской лѣтописи; это имя встрѣчается у Хераскова въ его поэмѣ „Владиміръ“, у Львова въ „Добрынѣ“, у Нарѣжнаго, Кюхельбекера и Пушкина.

Впрочемъ, повѣсть можетъ быть отнесена къ „историческимъ“ и „русскимъ“ только потому, что авторъ отнесъ ее къ эпохѣ, предшествующей основанію Москвы, связалъ ее съ окрестностями Москвы, съ берегами рѣки Москвы, Яузы и т. д.

Повѣсти С. Глинки, Геракова и др.

Къ историческимъ повѣстямъ относятся такія сочиненія, какъ повѣсти С. Глинки: „Мининъ“, „Царица Наталья Кирилловна“, „Ольга“; Геракова: „Князь Меншиковъ“, „Ксенія, княгиня Галицкая“; Петра Казотти: „Б-въ и М-въ, или слѣдствіе пылкихъ страстей и нарушеніе обѣта“; В. З.: „Наталья Т-тч-ва и Н-ы-нъ, или любовники, сосланные въ Сибирь“, „Любовники, сосланные въ Сибирь, или приключенія г-жи Амильтонъ и Г. Н.“, „Князь В-скій и княжна Щ-ва, или умереть за отечество славно“, „Русская амазонка, или геройская любовь россіянки“ и др.

Повѣсти Нарѣжнаго.

Въ такомъ же родѣ повѣсти Нарѣжнаго: „Рогвольдъ“ (изъ временъ Владиміра), „Славянскіе вечера“ (1809),—(сборникъ повѣстей: „Кій и Дулебъ“, „Славенъ“, „Рогдай“, „Велесилъ“, „Громобой“, „Ирена“, „Міροславъ“, „Михаилъ“ и др.). Потомъ онъ напечаталъ повѣсти: „Георгій и Елена“, „Анастасія“, „Александръ“ и „Любославъ“, въ 1819 г.—„Игорь“.

Въ 1824 г. онъ издалъ повѣсть: „Запорожецъ“; неизданной осталась до сихъ поръ его повѣсть: „Гаркуша, малороссійскій разбойникъ“.

„Славянскіе вечера“ Нарѣжнаго.

Наибольшею извѣстностью изъ всѣхъ этихъ произведеній Нарѣжнаго, въ свое время, пользовались произведенія, вошедшія въ составъ „Славянскихъ вечеровъ“.

„Кій и Дулебъ“.

Первыя двѣ повѣсти, «Кій и Дулебъ» и «Славенъ» изображаютъ тѣ отдаленныя времена, когда народы, населявшіе когда-то Россію, только что «познали благо общежитія». Кій и Славенъ—просвѣтители племенъ, жившихъ по берегамъ Днѣпра. Они даютъ этимъ народамъ религію, вводятъ законы, учатъ ихъ земледѣлію и судоходству. Дулебъ, герой первой повѣсти, предводитель дикихъ дулебовъ, хочетъ жениться на Лебеди, сестрѣ Кія, но не получаетъ ея въ жены и лишаетъ себя жизни, такъ какъ не желаетъ подчиняться законамъ Кія.

„Рогдай“.

Въ повѣсти «Рогдай» выведенъ богатырь, не уступающій въ храбрости Ильѣ Муромцу; онъ отличается въ войнѣ съ печенѣгами, убиваетъ ихъ предводителя. Когда ему предлагаютъ богатый выкупъ за тѣло убитаго, онъ отвѣчаетъ высокопарной рѣчью: «Никогда не отважу жизни своей для сребра и злата и послѣднюю каплю ея цѣню дороже богатствъ всего свѣта. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли русскія!»... Велесилъ, одинъ изъ витязей двора Владиміра, представляетъ образецъ рыцарской любви. Много лѣтъ добивался онъ любви гречанки Софьи; ради нея онъ даже принялъ крещеніе. Вернувшись съ одного похода, онъ за-

стаетъ любимую имъ дѣвушку умирающей. Послѣ смерти ея онъ, тоскующій, поселяется у ея могилы и здѣсь проводитъ остатокъ своихъ дней.

Повѣсть «Громобой» напоминаетъ рыцарскіе романы. Герой—оруженосецъ касожскаго князя и влюбленъ въ его дочь Миловзору. Она любитъ его и совѣтуетъ явиться на томъ турнирѣ, на которомъ ея рука назначена наградой побѣдителю. Въ видѣ таинственнаго, никому невѣдомаго, рыцаря появляется Громобой и всѣхъ побѣждаетъ. Когда князь узнаетъ, что дочь его достается простому оруженосцу, онъ отказываетъ ему. Громобой уходитъ отъ него, дѣлается оруженосцемъ у Добрыни, совершаетъ много подвиговъ, получаетъ званіе «витязя», оказываетъ помощь касожскому князю и женится на Миловзорѣ. „Громобой".

Въ повѣсти «Михаилъ» разсказано о томъ, какъ дочь Батыя, Зюлима, влюбляется въ плѣннаго князя Михаила. Онъ тоже любитъ ее. Батый соглашается на бракъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы князь «преклонилъ колѣна предъ его трономъ и призналъ Магомета». Михаилъ не исполняетъ этого требованія и принимаетъ мученическую смерть... Дочь Батыя закалывается на мѣстѣ казни. „Михаилъ".

Повѣсть «Игорь» (напечатана послѣ смерти Нарѣжнаго во 2-омъ изд. «Славянскихъ вечеровъ»), интересна тѣмъ, что въ ней замѣтно отразилось вліяніе «Слова о полку Игоревѣ»—и на содержаніи, и на стилѣ: здѣсь также злыя знаменія предвѣщаютъ Игорю бѣду, и природа печалится въ предчувствіи несчастій. Княгиня Ольга, подобно Ярославнѣ, тоскуетъ по мужѣ. „Игорь".

Повѣсть «Запорожецъ» любопытна прекраснымъ реальнымъ изображеніемъ Запорожской Сѣчи и ея порядковъ. Въ ней описано, между прочимъ, собраніе казаковъ, на которомъ старый атаманъ проситъ о разрѣшеніи сложить съ себя почетное званіе, возложенное на него товарищами. Малоестественное содержаніе романа, впрочемъ, не отвѣчаетъ той правдивой бытовой рамкѣ, въ которую это содержаніе вставлено. „Запорожецъ".

Къ историческимъ романамъ можетъ быть отнесенъ и «разбойничій» романъ Нарѣжнаго: «Украинскій разбойникъ, Гаркуша». Авторъ постарался нарисовать психологію бѣдняка, обиженнаго людьми и судьбой [1],—озлобленный, онъ дѣлается разбойникомъ. Разсказъ объ его подвигахъ совершенно во вкусѣ различныхъ приключеній «разбойничьихъ» романовъ. „Разбойникъ Гаркуша".

Среди многочисленныхъ повѣстей Марлинскаго есть тоже нѣсколько историческихъ, напр.: „Наѣзды, повѣсть 1613 г." и „Романъ и Ольга, повѣсть 1396 г.". Повѣсти Марлинскаго.

Въ «Наѣздахъ» Марлинскій живо и интересно изобразилъ одинъ эпизодъ изъ эпохи Смутнаго времени. Князь Серебряный, храбрый и энергичный воинъ, узнавъ о томъ, что любимая имъ боярышня, Варенька, находится въ плѣну у одного польскаго магната Колонтая, рѣшается ее освободить. Переодѣтый полякомъ, онъ пріѣзжаетъ въ замокъ Колонтая, сговаривается съ плѣнницей относительно побѣга, но сталкивается съ сы- „Наѣзды".

---

[1]) Гаркуша - историческое лицо: онъ прославился своими подвигами въ серединѣ XVIII в., а въ 1782 г. былъ сосланъ въ Нерчинскъ.

номъ Колонтая—благороднымъ и энергичнымъ юношей, тоже влюбленнымъ въ Варю. Между соперниками происходитъ поединокъ; полякъ побѣжденъ, но отецъ его захватываетъ побѣдителя, и кн. Серебряный очутился въ темницѣ. Благородный юноша-полякъ, зная, что Серебряному грозитъ смерть, ночью выпускаетъ его изъ темницы и самъ помогаетъ Варѣ бѣжать съ нимъ. Во время бѣгства Варя была ранена, и Серебряному удалось привезти ее на родину уже умирающей. Историческій колоритъ повѣсти выдержанъ хорошо,—особенно успѣшно удалось автору изобразить широкую и привольную жизнь богатаго польскаго магната; живыми и характерными нарисованы и дѣйствующія лица: русскіе бояре и военачальники, поляки, крупные и мелкіе шляхтичи, разбойникъ Жегота и его товарищи.

„Романъ и Ольга".

Не менѣе интересна и другая повѣсть Марлинскаго: «Романъ и Ольга». Оба они—новгородцы. Отецъ Ольги, богачъ Симеонъ, не хочетъ ее отдать за него, такъ какъ онъ бѣденъ. Молодые люди рѣшаются бѣжать изъ Новгорода, но надвигаются грозныя историческія событія, и побѣгъ разстраивается: начинается борьба Новгорода съ Москвой. Романъ посланъ былъ въ Москву съ новгородскимъ золотомъ, чтобы подкупомъ московскихъ бояръ отвлечь князя отъ войны, но здѣсь онъ попадаетъ въ тюрьму и присужденъ къ казни. Разбойники-новгородцы его выручаютъ, и онъ возвращается въ Новгородъ; по дорогѣ онъ спасаетъ Симеона, попавшагося въ руки московскимъ ратнымъ людямъ. Въ благодарность Симеонъ выдаетъ за него свою дочь Ольгу. Въ романѣ этомъ изображена политическая и частная жизнь Новгорода: народное вѣче, развлеченія новгородцевъ,—все это нарисовано правдиво и интересно. Такъ же ярко обрисованы дѣйствующія лица.

Изъ этого пересказа видно, что повѣсти Марлинскаго, написанныя въ серединѣ и концѣ 20-хъ годовъ, относятся уже къ разряду болѣе серьезныхъ историческихъ романовъ, которые обличаютъ въ ихъ авторѣ, болѣе или менѣе, внимательное изученіе эпохи и ея особенностей. Такимъ образомъ, здѣсь „народность" сказалась не въ однихъ только именахъ собственныхъ и географическихъ—здѣсь, подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта и его школы—съ одной стороны, — и изученія русской исторіи — съ другой, вѣрно и правильно изображался „couleur historique" — главная и необходимая особенность романтическаго и реалистическаго историческаго романа.

Романы Загоскина, Лажечникова, Пушкина.

Романы Загоскина („Юрій Милославскій"—1829, „Кузьма Рощинъ"—1836, „Рославлевъ, или русскіе въ 1812 г."—1839 г.), Лажечникова („Ледяной домъ"—1835, „Послѣдній Новикъ" — 1831—1833, „Басурманъ"—1838 г.), Пушкина („Арапъ Петра Великаго"—1827, „Капитанская дочка"—1836 г.) — все это лучшіе представители этого литературнаго

жанра, относящіеся, впрочемъ, уже къ слѣдующему литературному періоду [1]).

Характеристика русской литературы Александровскаго періода (выводы).

§ 172. *Характеристика русской литературы Александровскаго періода* [2]). 1) Если сравнивать литературную жизнь Александровской эпохи съ жизнью предшествующей, то нетрудно увидѣть, какъ органически связана она съ эпохой Екатерининской: всѣ направленія ея уже намѣчены были тогда,—теперь они лишь усложняются и углубляются, захватываютъ большее число дѣятелей, выражаются въ произведеніяхъ, болѣе значительныхъ и, для нашего времени, болѣе интересныхъ.

2) Прежде всего, бросается въ глаза *переходный* характеръ Александровской эпохи: среди замѣтныхъ литературныхъ дѣятелей ея нѣтъ почти ни одного, который бы строго держался одного литературнаго направленія,—теперь всѣ, даже старые псевдоклассики (Державинъ, Херасковъ), тяготѣютъ къ другимъ, новымъ литературнымъ школамъ,—особенно къ романтизму и народничеству.

3) Въ этомъ отношеніи, А. С. Пушкинъ, является самымъ типичнымъ представителемъ этой «переходной эпохи». Подобно почти всѣмъ своимъ современникамъ, онъ откликнулся на всевозможныя настроенія эпохи: онъ началъ съ ложнаго классицизма (лицейскій періодъ), перешелъ къ романтизму (періодъ міровой скорби), затѣмъ къ народничеству (періодъ села Михайловскаго) и реализму, «поэзіи дѣйствительности».

4) Такимъ образомъ, въ лицѣ Пушкина русская литература этой эпохи отразилась со всѣхъ ея сторонъ,—въ немъ нашли себѣ выраженія всѣ тѣ литературныя направленія, которыя особенно характерны для Александровской эпохи, но подготовлялись у насъ со времени Петра Великаго. И если литература Александровской эпохи можетъ быть названа «итогомъ» всей той культурной работы, которая за XVIII в. была произведена русскимъ народомъ, то Пушкинъ является лучшимъ показателемъ этой работы. Удивительно вѣрно, въ этомъ отношеніи, замѣчаніе Герцена: «Петръ Великій сдѣлалъ вызовъ Россіи, и она отвѣтила ему Пушкинымъ». Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся доказать справедливость этихъ словъ.

5) Реформа Петра усилила расколъ между «верхами» и «низами» русскаго общества,—весь XVIII-ый вѣкъ характеренъ упорнымъ стремленіемъ сблизить разъединенныя части общества. «Перевариванье» всего взятаго извнѣ при Петрѣ, «приспособленіе» своего къ чужому и чужого къ своему,—вотъ тѣ средства, которыя постепенно ослабляли и уничтожали этотъ расколъ: отъ «космополитизма» мы пришли къ народности, облагороженной европейской цивилизаціей, — и въ Александровскую эпоху мы и въ политической жизни, и въ литературной, сдѣлались, наконецъ, «европейцами» и при томъ «русскими».

---

[1]) Къ этому же разряду произведеній относятся позднѣе написанные разсказы Н. Полевого, собранные имъ въ одинъ сборникъ: „Повѣсти Ивана Гудошника“ (2 т. 1843), „Повѣсть о Симеонѣ, Суздальскомъ князѣ“, „Повѣсть о Буслаѣ-Новгородцѣ“, старинная „сказка о судьбѣ Шемяки, съ новыми присказками“, „Пиръ Святослава Игоревича“, „Византійскія легенды“, „Клятва при гробѣ Господнемъ“ и др.

[2]) Такъ какъ въ слѣдующей части (Пушкинъ и его послѣдователи) будетъ продолжаться обозрѣніе литературы Александровской эпохи, то здѣсь характеристика захватываетъ пока лишь часть культурнаго содержанія этой эпохи.

6) Склонность къ реализму — несомнѣнно, характерная черта чистонароднаго русскаго міросозерцанія: это сказалось и въ народной поэзіи, и въ той оригинальной самобытной письменности, которая сложилась у насъ еще въ XVII в. Этотъ «реализмъ», какъ художественный принципъ, сдѣлался боевымъ кличемъ русской литературы уже наканунѣ Пушкина; и романтики, и народники, даже псевдоклассики стремятся теперь къ изображенію художественной «правды»,—въ этомъ чувствуется близость появленія той «поэзіи дѣйствительности», лучшими представителями которой были у насъ Пушкинъ и Гоголь.

7) Этимъ же, сперва безотчетнымъ, стремленіемъ къ «поэзіи дѣйствительности» объясняется и побѣда новаго литературнаго языка (карамзинскаго), приспособленнаго къ потребностямъ дѣйствительной жизни, и обновленіе литературнаго матеріала (въ романтизмѣ, народничествѣ и реализмѣ). Почему «поэзіи дѣйствительности» суждено было привести къ окончательному соединенію (на литературной почвѣ) разобщенныхъ до того слоевъ русскаго общества,—его «верховъ» и «низовъ»,—причины этого ясны: поэзія псевдоклассическая была доступна для немногихъ,—поэзія Пушкина понятна и близка для всѣхъ—для баръ, и для мужиковъ. *Этимъ предчувствіемъ близости Пушкина и Гоголя жила вся литература Александровской эпохи.*

8) Особенно ярко сказалась жизнь этой литературы въ двухъ самыхъ молодыхъ направленіяхъ—«реалистическомъ» и «народническомъ». Здѣсь нѣтъ еще выдающихся произведеній, нѣтъ крупныхъ именъ, но зато этихъ именъ вообще много: очевидно, главные литературные интересы русскаго общества этой эпохи направлены именно сюда. Очевидно, этимъ двумъ родственнымъ направленіямъ и суждено было дальнѣйшее развитіе въ литературѣ XIX в...

БИБЛІОГРАФІЯ.

Пособія общаго характера.

Пыпинъ. „Исторія русской литературы". 4 ч.
— „Исторія русской этнографіи" (1890). (Критика акад. Соболевскаго) (Ж. М. Н. Пр. 1898).
Галаховъ. „Исторія русской словесности". 2 ч. (полное изд.).
Порфирьевъ. „Исторія русской словесности" (4 вып.).
Полевой. „Исторія русской литературы" (Спб. 1897).
Мезьеръ. „Русская словесность съ XI-го по XIX-ое столѣтіе (включительно).
Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры" (Спб. 1897).
Покровскій. „Историческая хрестоматія" (2 изданія: полное и сокращенное).
Венгеровъ. „Русская поэзія" (Спб. 1893). I т.
Веселовскій, А-й. „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ". (М. 1906).
Круглый, А-й. „О теоріи поэзіи въ русской литературѣ XVIII ст." (Спб. 1893).
Ивановъ, Ив. „Исторія русской критики" (Спб. 1893).
Бѣлинскій. „Литературныя мечтанія" (Соч. I т., еще тт. IV—XI).
Филаретъ. „Обзоръ духовной литературы" (Спб. 1884).
Филоновъ, А. „Исторія русской словесности" (Спб. 1900).
Неустроевъ. „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ" (Спб. 1874).
Лисовскій, Н. „Русская періодическая печать" 1703—1894 г. Спб. 1895.
Сиповскій, В. „Историческая Хрестоматія" (вып. 3-й I-ой части и часть II).

Петровскій періодъ.

Характеристика общества. А. Архангельскій. „Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ" (Каз. 1883). П. Пекарскій, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ". 2 т. (Спб. 1862). Тихонравовъ, „Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій" (Собр. соч. II т.). Е. Шмурло, „Петръ Великій въ русской литературѣ" (Спб. 1889). В. Сиповскій, „Значеніе Петра Великаго въ исторіи русской литературы" (Спб. 1903).

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Собраніе словъ и рѣчей (4 ч. 1760—74) о немъ: П. Морозовъ, „Ѳ-нъ П-чъ, какъ писатель" (Соч. V т.) Чистовичъ, „Ѳ-нъ П-чъ и его время" (Спб. 1868). Трагидокомедія „Владиміръ", изд. въ „Русскихъ драм. произведеніяхъ" Н. С. Тихонравова; о ней статья его же въ собраніи сочиненій.

Посошковъ, Ив. Сочиненія, изд. въ 2-хъ ч. (1842—63); о немъ: Брикнеръ, „Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ" (Спб. 1876). Царевскій, „Посошковъ и его сочиненія" (М. 1883). Павловъ-Сильванскій, „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Вел." (Спб. 1897).

Татищевъ, В. „Исторія Россійская" (изд. 1—3 ч. въ 1768—74 г., 4—5 въ 7 т. О. И. и Др. Р. 1847—48); о немъ: Поповъ Н., „В. И. Татищевъ и его время" (1861). Милюковъ П., „Главныя теченія русской истор. мысли въ XVIII и XIX ст." (М. 1898).

Стефанъ Яворскій. „Камень вѣры" (1728); „Проповѣди" (1804—1805 г.).

Лирика. В. Перетцъ. „Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи" (Ж. М. Н. Пр. 1905, № 10, 1906, № 6); его же: „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы" (Спб. 1900—1902).

Драма. „Русскія драматическія сочиненія" (1672—1725 гг.) Н. Тихонравова; собраніе рукописныхъ пьесъ XVIII в. издаетъ также В. Перетцъ (выш. I т.); о драмѣ: статьи Н. Тихонравова: „Начало русскаго театра" (Соч. II т.). „Первое десятилѣтіе русскаго театра" (соч. II т.). Шляпкинъ И. А., „Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени" (Спб. 1898). П. Морозовъ, „Исторія русскаго театра до половины XVIII в." (Спб. 1889).

Повѣсть. „Русскія повѣсти XVII—XVIII ст." (Спб. 1905), изд. В. Сиповскимъ, съ его предисловіемъ.

Кантемиръ, А. Сочиненія, изд. подъ ред. П. А. Ефремова (1867—68); о немъ статьи В. Стоюнина: „Кн. А. К—ръ въ Лондонѣ" (Вѣстникъ Европы, 1867, № 1, № 2), Кн. А. К-ръ въ Парижѣ (В. Е., 1880, № 4, № 5); Тихонравовъ (соч. III т.).

Ломоносовъ, М. Сочиненія съ объяснит. примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова, изд. Имп. Ак. Наукъ (4 т. Спб. 1891—1898); о немъ: Куникъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Наукъ (Спб. 1805); В. Ламанскій, „Ломоносовъ", біогр. очеркъ (Спб. 1864); Буличъ, Н., „Къ столѣтней памяти Л—ва" (К. 1865); Н. Тихонравовъ, „О Литературной дѣятельности Ломоносова" (собр. соч., III т.); А. Соболевскій, „Когда начался у насъ ложноклассицизмъ?" („Библіографъ", 1890, № 1); о языкѣ Л—ва: Будде, „Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка" (Ж. М. Н. Пр., 1898, № 3); Гротъ, „Филологическія розысканія" (Спб. 1876).

Тредіаковскій, В. К. Сочиненія, изд. Смирдинымъ (3 т. 1849). О немъ: Пекарскій, „Исторія Академіи Наукъ" (Спб. 1873). Ив. Ивановъ, „Исторія русской критики" (Спб. 1898). Бѣлорусовъ, „Зачатки русской критики" (Харьк. 1888).

Сумароковъ, А. П. Сочиненія въ 10 т. (М. 1781); о немъ: Буличъ, „Сумароковъ и современная ему критика" (Спб. 1854). Тихонравовъ (собр. соч. т. III). Ивановъ Ив., „Исторія русской критики". Бѣлорусовъ, „Зачатки русской критики".

Романы XVIII в. В. Сиповскій, „Изъ исторіи русской литературы XVIII в." (опытъ статистич. наблюд.), 1901; его же: „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти" (матеріалы по библіографіи, исторіи и теоріи романа) т. I. 1903. Благосвѣтловъ, „Историческій очеркъ русскаго прозаическаго романа" (С. От., 1856, № 28). Н. Бѣлозерская, „Нарѣжный" (Спб. 1896).

Екатерининскій періодъ.

Характеристика общества. Н. Чечулинъ, „Русское провинціальное общество въ XVIII в.“; В. Сиповскій, „Н. М. Карамзинъ“ (1899); А. Незеленовъ, „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ“; Гольцевъ, „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.“; А. Незеленовъ, „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“; Ключевскій, В., „Имп. Екатерина II“ (Русская Мысль, 1896, № 11); Грузинскій, Имп. Екатерина II и литературное движеніе ея эпохи“ (Русское Богатство, 1896, № 12); Дашкевичъ, Н., „Литературныя изображенія Екатерины II и ея царствованія“ (К. 1898); Кизеветтеръ А., „Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой“ (Образ., 1896, № 11). *О масонствѣ.* Ешевскій, С., „Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія“ (Соб. соч. III); Ключевскій, „Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ“ (Р. М., 1895, № 1); Лонгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“ (М. 1867); Пыпинъ, статьи въ В. Евр. 1867 (№ 2—4), 1868 (№ 6—7), 1872 (№ 1—2, 7, 11). Приложеніе къ соч. В. Сиповскаго „Н. М. Карамзинъ“.

Новиковъ, Н. И. О немъ Незеленовъ (см. выше), Тихонравовъ въ соч. т. III; приложеніе къ соч. В. Сиповскаго „Н. М. Карамзинъ“.

Радищевъ, А. Н. Сочиненія: изд. въ М. 1807—1811, въ 1908 году вышло новое. „Путешествіе“ вышло въ нѣсколькихъ изд. въ 1906 г. (Суворина „Дешевая Библіотека“); о немъ М. Сухомлиновъ („Радищевъ, А. Н.“) въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“, т. I.

Херасковъ, М. М. Полныя творенія, 2-е изд. въ 1807—1812; о немъ: Незеленовъ, „Литературныя направленія“, В. Сиповскій въ „Біогр. Словарѣ Имп. Ист. О-ва“.

Державинъ, Г. Р. Сочиненія, изд. Ак. Наукъ подъ ред. акад. Грота въ 9 т., 1864—83, тамъ же и біографія его: „Жизнь Державина“. Незеленовъ, „Литературныя направленія“.

Богдановичъ, И. Собр. соч., изд. Смирдина, 2 т. Спб. 1848 г.; о немъ: Незеленовъ, „Литер. Напр.“; Галаховъ (Отеч. Зап., 1849, № 5).

Нелединскій-Мелецкій, Ю. А. Соч., изд. Смирдина; о немъ: кн. Вяземскій (Соч. т. II); Полторацкій (Р. Арх., 1867, № 1).

Романъ. Чулковъ, М. „Русскія сказки“ (10 ч., 1780—3), „Пересмѣшникъ“ (4 ч., М. 1766); о немъ: А. Пыпинъ, „Изученіе русской народности“ (В. Е. 81, № 11); Забѣлина, „М. Д. Чулковъ“ (Лѣт. русск. литер., т. I); о Ванькѣ-Каинѣ—В. Сиповскій, „Изъ исторіи русскаго романа XVIII в.“ (Ванька-Каинъ, 1902) (Изв. отд. р. яз. и слов., т. VII).

Комическая опера. О ней у Незеленова, „Литер. направленія“.

Княжнинъ, Я. Б. Сочиненія въ 2 т., изд. Смирдина (Спб. 1847—48); о немъ: статьи В. Стоюнина, „Княжнинъ-писатель“ (Ист. Вѣстн., 1881); Незеленовъ, „Литер. направленія“.

Журналы Екатерининскаго періода: Аѳанасьевъ, „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г.“ (М. 1855), имъ переизданы „Кошелекъ“, „Поденщина„ и „Пустомеля“), Буличъ, „Сумароковъ и совр. критика“; Добролюбовъ, „Русская сатира Екатерининскаго времени“ (соч., т. I); его же, „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“ (соч., т. I); Незеленовъ, „Н. И. Новиковъ“; Пекарскій, „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русской печати“ (Спб. 1868); Пятковскій, „Очерки изъ исторіи русской журналистики“;

Солнцевъ, „Всякая всячина“ и „Спектаторъ“ (Ж. М. Н. П.р, 1892); Ефремовъ переиздалъ „Трутень“ (1865) и „Живописецъ“ (1864); „Трутень“, „Живописецъ“ и „Кошелекъ“ переизданы А. С. Суворинымъ въ „Деш. Библіотекѣ“.

Фонвизинъ, Д. И. Соч. изд. Глазуновымъ подъ ред. П. А. Ефремова (Спб. 1866); о немъ: А—й Веселовскій, „Этюды и характеристики“ (М. 1894); Грузинскій, А., „Д. И Фонвизинъ“ („Десять чтеній по литературѣ“, М. 1895); Ивановъ, И., „Типы и идеалы въ комедіи Фонвизина“ (Міръ Божій, 1892, № 12); Незеленовъ, „Литер. направленія“; Тихонравовъ (въ соч. т. Ш), „Матеріалы для полнаго собр. сочиненій“ (Соч. Ш); Вяземскій, „Фонвизинъ“ (Соч. V т.).

Хемницеръ, И. И. Сочиненія, изд. Ак. Наукъ подъ ред. Грота (Спб. 1873); о немъ: Грота жизнеописаніе; Н. Терновскаго, „И. И. Хемницеръ“ (Фил. Зап., 1884).

Карамзинъ, Н. М Сочиненія, 9 ч., 3 изд. (М. 1820). О немъ: Погодинъ, „Н. М. Карамзинъ“, 2 ч. (М. 1865); Буслаевъ, „Письма русскаго путешественника“ (М. 1886); В. Сиповскій, „Н. М. Карамзинъ“ (1899); Тихонравовъ, „Четыре года изъ жизни Карамзина“ (Соч. т. Ш); Милюковъ П., „Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX ст.“ (М. 1897—8).

Александровскій періодъ.

Характеристика общества. Шильдеръ Н. К. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, 4 т. (Спб. 1897—8); Пыпинъ, А. Н., „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“ (Спб. 1900); Дубровинъ, „Русская жизнь въ началѣ XIX ст.“ (Р. Ст. 1898—1901 г.); Буличъ Н., „Очерки исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX-го вѣка“ (Спб. 1901); Милюковъ, П., „Главныя теченія русской исторической мысли“ (М. 1898); Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ“ (2 т., Спб. 1889); Бобровъ, Евг., „Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка“ (Каз. 1901), Н. А. Котляревскій, „Литературныя направленія Александровской эпохи“ (Спб. 1907).

Чаадаевъ, П. Очеркъ Гершензона (Спб. 1908).

Жуковскій, В. А. Сочиненія Жуковскаго, изд. Маркса, подъ ред. А. С. Архангельскаго (Спб. 1902); о немъ: А. Н. Веселовскій, „В. А. Жуковскій“ (Спб. 1904); Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“ (Спб. 1888); Загаринъ, И., „Жуковскій и его произведенія“ (М. 1883); Тихонравовъ, рецензія на соч. Загарина (Соч. т. Ш); Н. К. Козьминъ, „О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX в. въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго“ (Спб. 1904); Пыпинъ, А., „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“ (Спб. 1890); Архангельскій, А., „Первые годы жизни Жуковскаго и его поэтической дѣятельности“ (К. 1883); Л. Майковъ, „Историко-литературные очерки“ (Спб. 1895).

Марлинскій (А. А. Бестужевъ). Русскія повѣсти и разсказы, 12 ч. (Спб. 1835—7); о немъ: Венгеровъ, С. А., „А. А. Бестужевъ“ („Крит. біогр. слов.“, т. Ш); Н. А. Котляревскій, „Декабристы“. И. Замотинъ, „Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-ыхъ годовъ“. 1908.

Гнѣдичъ, Н. И. Сочиненія, изд. Вольфомъ въ 1904 г.; о немъ: Тихонравовъ (Соч. т. Ш). И. Н. Ждановъ, Сочиненія, т. II.

Озеровъ, В. А. Соч. изд. Глазунова (Спб. 1816 г.); о немъ: Вяземскій (Соч. I); Галаховъ (Отеч. Зап. 1846 г.).

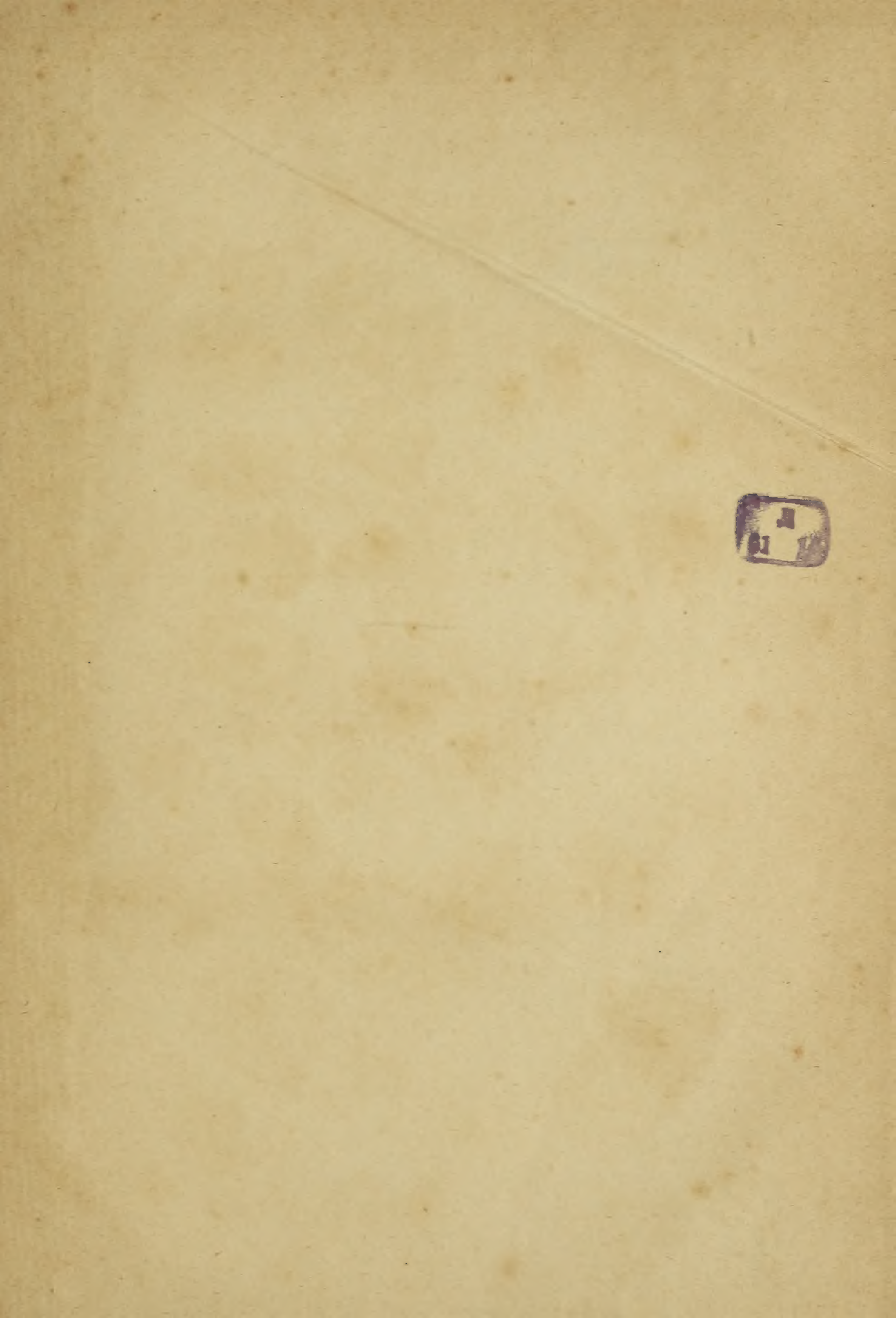
Батюшковъ, К. Н. Сочиненія подъ ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, 3 т. (Спб. 1887); о немъ: Л. Майковъ, „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія“ (Спб. 1896).

Нарѣжный, В. Т. Романы и повѣсти, изд. Смирдина (Спб. 1835—36); о немъ: Бѣлозерская, Н., „В. Т. Нарѣжный“ (Спб. 1896).

Измайловъ, А. „Полное собраніе сочиненій“, изд. А. Смирдина, 2 т. (Спб. 1849); о немъ: И. Кубасовъ, „А-ръ Еф. Измайловъ“ (Спб. 1901), Галаховъ (Совр., 1849—50).

Дмитріевъ, И. И. Соч., ред. А. Флоридова (Спб. 1893); о немъ: Чулицкій, „И. И. Дмитріевъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1900).

Крыловъ, И. А. Соч., подъ ред. В. Каллаша, изд. „Просвѣщеніе“ (4 т., 1904 г.); о немъ: А. Майковъ, „Крыловъ“ („Критическіе опыты“, Спб. 1887); его же: „Первые годы Крылова на литературномъ поприщѣ“ („Истор. литер. очерки“, Спб. 1895); „Сборникъ статей, читанныхъ въ отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, т. VI); А. Кирпичниковъ, „Очерки по исторіи новой р. литер.“ (Спб. 1896); Перетцъ, В., „И. А. Крыловъ, какъ драматургъ“ (Спб. 1895); Кеневичъ, В., „Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова“ (Спб. 1868); Н. М. Терновскій, „Иванъ Андреевичъ Крыловъ“ (Воронежъ, 1896).



Цѣна 1 руб. 20 коп. въ переплетѣ.

Складъ изданія
Я. Е. Башмакова и К°.
С.-Петербургъ — Итальянская 31.

Книга имѣется у
Бр. БАШМАКОВЫХЪ
въ Москвѣ и Казани.

[illegible]